

A. Pugmugas || A. Cas

Comulo u unluik

Arca 2

Легко воевать против настоящего врага, даже если ты и не знаешь его лица. Гораздо сложнее выиграть войну с собственными слабостями и стать сильнее. Но где взять время на себя, когда по родной академии ходят Хранители, летают взбесившиеся драконы и ползают дикие туманы? Как выдержать болезненные разочарования в тех, кого считал близкими тебе людьми? И как найти место для своего сердца в этом большом, полном трудностей мире?

Глава 1. Яна

Заняться было нечем.

Все-таки магия магией, а интернета временами не хватало. Ни сериальчик посмотреть, ни по соцсетям не полазить. А уж без музыки как тоскливо было. Пары в последний на неделе учебный день у нас закончились рано, и я засела в своей комнате, часов шесть потратила на зубрежку — подготовилась на послезавтра, и на послепослезавтра, и доклад на артефакторику, что только в конце следующей недели будет, написала. А в выходной буду отдыхать.

В голове от накопленной информации уже гудело — пора уже как-то развеяться. Думала с кем из одноклассников поболтать — да все в своих делах, отдыхают или бродят где-нибудь.

Мэт обложился учебниками по некромантии, наслаждался и страдал одновременно — он-то, как сам рассказывал, привык по наитию колдовать, а тут нужно было теорию знать, правил каких-то придерживаться. И отвлекаться от познания любимой магии эльф не хотел.

Юз Мосали уже третий час принимала ароматическую ванну — запах сандала и корицы проникал даже в коридор. Да я и все равно не жаждала с ней общаться. Пусть в первые дни в академии Юз мне импонировала, как человек, но оказалась эта шоколадная королева той еще высокомерной занудой. Ну ее.

Кальц беззаботно спал, даже дверь не запер. Станный он демонюга. О его сущности все узнали, в лучшем случае косыми взглядами ограничивались, а некоторые не гнушались и гадость какую сказать, а парню все нипочем. Ходит, улыбается, вести себя стал куда дружелюбней, чем сначала. Но я все равно в глубине души его немножко опасалась. Самую-самую малость.

Второй половины жителей желтого общежития в его стенах не обнаружилось. Где Брусника и Альбо пропадали, я не знала, а вот Эйнар еще с обеда свалил к своему другу. С одной стороны, меня это злило — все же человек, который любит мою собаку, не мог быть таким уж козлом, но он продолжал водиться с этим гаденышем Фрино. А с другой — это одновременно и вызывало уважение.

После подмоченной собственным сволочизмом репутации, Фрино потерял всю свою свиту, а ту парочку, что помогала ему и вовсе выгнали. Сам-то Фрино наказание получил... да, считай, никакое. Он хотел меня покалечить — и покалечил, ну и что, что вылечили! — может, и до изнасилования дело бы дошло. Вид у него был тогда совсем безумный, маньяк маньяком. Но парнишу только пожурили, поиздевались с лечением, вставив намеренно заметный искусственный глаз и лишили всех баллов — хотя сколько их там было-то накоплено, за две недели. А выгнать — нет-нет, слишком он потенциально великий маг. Великий придурок, разве что.

Но Дженни и еще парочка преподавателей не забывали воспитанием поганца заниматься — стоило Фрино где-то положительно отличиться, как он тут же терял баллы по другим предметам. Даже Якоб Леам стал относиться к нему с безразличием и неодобрением — и впечатляющие магические способности не спасали. Такими темпами стипендии, да и сдачи экзаменов, ему не видать. И отлично. Хотя, видя, какой он стал дерганый и потерянный, как исхудал и перестал выпендриваться со своей аристократичностью — ругаться и требовать справедливости не так уж и хотелось. Он свое

получил уже просто встретившись лицом к лицу с обезумевшей Эби.

Обезумевшая Эби и откровения о демоне, захватившем ее тело, и меня хорошенько впечатлили.

С того дня прошло уже две недели. Две недели спокойной учебы и студенческого быта. Две недели отчаянных попыток разобраться о какой такой уникальной, истинной и расчудесной магии в нас с Эби твердила ректор. Но я так и не смогла почувствовать что-то в себе особенное, найти хоть какую-то информацию тоже не смогла. Но сдаваться не собиралась. И не верила, что все так просто в этой истории с Малумом. Но зацепок, так щедро разбросанных в наши первые дни в академии, больше не было. Оставалось только погрузиться в рутину.

Только вот скучно было временами.

Думала я эту скуку развеять легким перекусом, проголодалась за день — но холодильник был девственно пуст. В столовую заглянуть, что ли?

Я хотела по дороге Эби захватить, но оказалось, что она решила лечь спать пораньше. Будить подругу я не стала, пусть отдыхает, пока получается — из-за ночных кошмаров она в последнее время была совсем подавленная, и никакие успокоительные зелья не помогали. Целительница сказала, что это от пережитого стресса из-за одержимости демоном — со временем пройдет. Может и пройдет, но за Эби я тревожилась.

И пошла я ужинать в гордом одиночестве.

Нагрузив поднос всякой мясной вкуснятиной, каким-то салатиком, привлечшим зеленым горошком, и большим стаканом любимого грейпфрутового сока, я поискала взглядом куда бы приземлиться. Выбор был большой. Столовая в академии была всегда полупустая, слишком большая для полсотни студентов, из которых от силы половина предпочитала кушать не в своем общежитии.

Сегодня среди таких студентов оказался “мой” дорогой друг Мрамор — сидел, задумчивый, в уголку и жевал бутерброд с вяленным мясом. После того, как он “меня” целую неделю в драконьем облике к общежитию подвозил и в библиотеке со “мной” часами долгими штаны протирал, нельзя же было просто взять и перестать “нам” общаться. Такую дружбу разрушить. Подозрительно будет. И я старательно разыгрывала из себя Эби перед человеком, который прекрасно знал, что я не Эби, но не знал, что я-то это знаю, и был вынужден притворяться, что ни о чем не догадывается. О, как. Черт ногу сломит. Но весело. Мне все-таки страсть как любопытно было, когда эта парочка наконец мне признается.

Я решительным шагом направилась за столик Мрамора.

— Привет! — радостно поприветствовала я его и бесцеремонно села на соседний стул, вплотную к полудракону прислоняясь. Какой же он горячий, даже сквозь ткань рубашки! Грелка просто. И хорошенький, если объективно. Просто не в моем вкусе. А вот с Эби они хорошо смотрятся... если забыть, конечно, что Эби в моем теле. Они как два уголька — оба темноволосые, с огненной магией ладят. Правда, если Мрамору моя подруга однозначно нравилась как девушка, то Эби, такой заинтересованности не проявляла — вроде бы просто дружила. Но как знать, что у них там дальше сложится. И он в курсе, кто есть кто. Я не могла сказать, что доверяла Мрамору на сто процентов, но раз до сих пор не сдал... может, он реально просто хороший парень.

Только вот меня — настоящую Яну — он явно недолюбливает.

Мрамор сразу же напрягся. Не нравились ему чужие прикосновения, быть может, одна Эби и была исключением. Но теперь приходилось терпеть меня.

— Привет, — поздоровался он с неохотой. — Не часто увидишь тебя в столовой...

— А ты сюда что, каждый раз ходишь? Я думала вас в общежитии все время Якоб вкусно кормит.

— Сегодня я помогал отцу в библиотеке, — пояснил Мрамор. — До общежития идти далеко, вот я и решил заглянуть в столовую. Хотя по сравнению со стряпней Якоба готовят здесь... так себе. Не то чтобы я привередничал, но...

И он поморщился.

— Бедненький, — протянула я. По руке типа как сочувственно погладила, отчего Мрамор даже немного дернулся. — Так из-за своей доброты страдаешь.

— Доброта здесь не при чем, — возразил Мрамор, смутившись. — Просто мне нравится в библиотеке. Да и с отцом надо иногда видеться.

— Именно “надо”? А так вообще не хочется? — взяла и полезла парню в душу я. Знала, как он относится к таким разговорам.

— Да, именно “надо”, — буркнул он. — Не будем об этом.

— А о чем будем? Ты и так, в последнее время меня избегаешь... — я состроила обиженную рожицу. Уж очень она на личике Эби хорошо получалась... — Мы же так хорошо дружили, а что теперь? Когда мы с тобой уже полетаем? Знаешь, как мне хочется!

Мне, конечно, не хотелось — единственный опыт полета на драконе не пришелся мне по вкусу. Но Мрамору не хотелось еще больше.

— Прости, не могу, — сухо вато ответил он. — Я в последнее время не очень хорошо контролирую превращения. Есть риск упасть. Помнишь же как я раньше весь в синяках ходил?

Я закивала, хотя помнила смутно.

— Так что не стоит, — Мрамор попытался отодвинуться от меня хотя бы чуть-чуть. — Можно в лазарет попасть. И вообще, мне уже идти надо...

— Подожди, подожди, — вцепилась я в рукав уже встающего из-за стола Мрамора. Настойчиво усадила на место. — Ты же почти ничего не съел! Конечно, тебе невкусно, кто же такую еду выбирает... На, лучше, салатика!

И я, наткнув на вилку горошину, поднесла ее ко рту парня. Мрамор, казалось, нагрелся еще больше. То ли от смущения, то ли от гнева. Лицо у него сделалось страдальческое, но он все же мужественно открыл рот. Вот только съесть горошину у него не получилось. Из открытого рта полыхнул короткий язык пламени с дымом. Я отпрянула — чуть брови мне не опалил. А вот бедная вилка успела почернеть от копоти.

Закашлявшись, Мрамор схватился за стакан с моим соком. Глотнул, поморщился. Потом он наконец решительно поднялся и, глянув на меня негодующим взглядом, прохрипел.

— Горло... обжег.

Ну вот, и я в этом что ли виновата?! Это его полудраконьи физиологические проблемы — пусть учится преодолевать.

Хотя все же мне стало неудобно... пожалуй, не надо было парня так доставать.

— Извини... Может тебя подлечить? У меня неплохо получается.

Я потянулась к его шее, но Мрамор ловко увернулся. У него там что, эрогенная зона что ли? Кивнув мне на прощание, полудракон быстрым шагом удалился.

Вот мазохист он какой-то. Я же так старалась сделать наши встречи для него не самыми приятными. Издевалась временами просто бессовестным образом, аж самой стыдно становилось. Ведь они с Эби могли бы давно мне просто признаться, что Мрамор в теме, что

не нужно, Янка, тебе напрягаться и имитировать для парня дружбу... Но нет
Ну и, пожалуйста, пусть тогда не жалуется.

Глава 2. Абигейл

Маленькая каморка, чулан для метел. Дверь открыта, за ней — красный витраж, пылающий в лучах солнца. Три фигуры заслоняют свет. Кто они? Почему я слышу, как они смеются? Зачем один из них тянет ко мне руку? Почему так страшно? Где я? Зажмуриваюсь, зажимая лицо руками. Не подходите. Не трогайте меня. Слышу всхлип. Раздвигаю пальцы, дрожа всем телом, и вижу его. Светловолосый парень лежит скорчившись на полу. Его рот открыт в немом крике, а на месте левого глаза сквозная дыра...

Вскрикнув, я проснулась посреди смятой от моих метаний постели. В последнее время я постоянно так просыпалась. Каждую ночь одно и то же. Иногда во снах просто прокручивались воспоминания двухнедельной давности, иногда, как сегодня, мой воспаленный от чувства вины разум облекал все это в более красивую, но от этого не менее страшную форму. И это было совершенно невыносимо.

Плакать я уже устала, хотя периодически на меня все еще накатывало. На этот раз, благо, не накатило. В конце-то концов, ничего нового не произошло, всего лишь очередной кошмар. Потому я поднялась с постели и тихонько, стараясь не шуметь, вышла в коридор.

Четыре двери. Четыре комнаты на втором этаже, три — на первом и одна под крышей для куратора. Красное общежитие спало, волшебные лампы тускло светились лиловым. Четыре двери. Одна из них моя, вторая — Мрамора, третья — Текки и четвертая... четвертая Фрино. Из под его двери лился свет, впрочем, к этому я уже успела привыкнуть из-за постоянных ночных походов на кухню. А вот более теплый свет, падающий на лестницу из гостиной, настораживал.

Я спустилась на первый этаж и не узнала собственного общежития. Посреди гостиной вместо дивана стоял круглый деревянный стол с массивными деревянными ножками. Посреди столешницы, окруженный разными блюдами, возвышался стройный канделябр с тремя зажженными свечами. А за столом, глядя на меня, восседали двое — куратор красного общежития Якоб Леам и преподавательница некромантии, чьи занятия я посещала всего пару раз, Нинель Тарман. Последняя выглядела примерно как те самые герцогини и графини чуть в возрасте, бывшие идеалы аристократичности. Таких еще называют светскими львицами.

— Что, не спится? — просил Якоб, улыбнувшись лишь одним краем губ.

— Ага, — удивленно кивнула я. — Извините, если помешала.

— Не смущайся так, детка, — глубоким голосом сказала Нинель. — Я наслышана о тебе. Давай, присоединяйся к нашей скромной компании.

— Компании? — переспросила я.

— Да, компании, — усмехнулся Якоб. — Нас тут много.

Всмотревшись в темноту, я рассеянно отметила множество светящихся кошачьих глаз. А, ясно, кошки тоже считаются за компанию. Вся эта ситуация походила на затянувшийся странный сон. Я села на взявшийся из ниоткуда стул. Передо мной тут же поставили белоснежную тарелку, в две руки наполнили ее закусками, налили в высокий фужер вина и в небольшой стеклянный стакан — виноградного сока. И все это молча. Два преподавателя осматривали меня так, будто впервые видели. На колени вспрыгнул тяжелый черный кот, и я тут же зарылась пальцами в его мягкую шерстку. И как только кот замурчал, начался этот во всех отношениях странный разговор.

— И, каково это — быть одержимой? — как бы невзначай спросила Нинель.

— Нели, не трогай, — нахмурился Якоб. — Яна, можете не отвечать.

— Да нет, — я отстраненно наколола на вилку какой-то непонятный кусочек еды, отправила в рот. Кусочек оказался кислотовато-соленым, но вкусным. — Все нормально. Это... страшно.

— Страшно? — отхлебнув вина, Нинель промокнула губы салфеткой.

— Да, страшно, — кивнула я, скармливая коту кусок куриной грудки. — Ты будто играешь в очень-очень страшной театральной постановке, но страшно тебе по-настоящему. Ты ничего не можешь с этим поделать — сценарий кто-то написал за тебя, и ты ему следуешь. Наверное, это все же неподходящее сравнение...

— Нет-нет, оно хорошее, — благосклонно кивнула Нинель. — И как же ты теперь, детка?

— Как? — переспросила я, а потом честно ответила: — Плохо. Но я уже почти привыкла.

— Надеюсь ты понимаешь, что это все не твоя вина? — уточнил Якоб.

— Нет, не понимаю, — покачала я головой. — Я понимала, что со мной что-то не так, и никому об этом не сказала. У меня двоилась тень, я не помнила, как убила людей на Земле, у меня была дыра в ауре. Но я халатно махнула на это рукой. Я могла бы...

— Интересно, откуда он вообще взялся? — вдруг перебила меня Нинель. — Этот демон, где он вообще ее нашел?

— Ректор говорила, что, возможно, прицепился во время путешествий в Междумирье во сне, — пояснил Якоб. Это я слышала впервые. — Знаешь же, молодых неоткрытых магов часто тянет сюда. Демон мог прицепиться к душе и здесь, и во время перехода.

— Милая, — посмотрела на меня Нинель. — Ты ешь, ешь. Хватит кормить кота. А то худая как палка, так и грудь скоро высохнет.

Удивленная такой фразочкой от этой колоритной некромантши, я сунула в рот еще несколько закусок, запила соком. Потом отхлебнула вина.

— А что мальчик? — поинтересовалась Нинель. — Такой способный ученик.

— Способный, но безмозглый, — с некоторой брезгливостью ответил ей Якоб. — Мальчик получил по заслугам.

Это они о Фрино что ли? Я напряглась.

— Получил и получил, что же вы его дальше гнобите, — фыркнула Нинель. — Мало ему что ли. Его и так оторвало от прошлого, а вы ему еще и будущее закрываете. Хотя смотреть на него все равно забавно. А ведь сколько гонора в человеке было.

— Почему он такой? — осторожно спросила я. — Почему так сильно изменился?

— Люди порой ломаются, — с некоторым пренебрежением сказала Нинель. — И это не всегда им во вред. Из Фрино вышел бы паршивый сукин сын, но посмотри на него теперь? Дерьмо вышло, человек остался.

— Да какой он человек, — чуть разозлился Якоб, ударив кулаком по столу. — Отвратительный поступок. И это мы еще отделались малой кровью. А если бы по чистой случайности в Яне не оказалось демона? Что было бы тогда? Две замученных, изнасилованных, а то и мертвых девушки? Мы могли бы даже не понять, что случилось и куда они делись. В Академии сейчас редкостный разброд, неизвестно, когда бы мы хватились...

Я поежилась. Якоб был прав. Прав, но одновременно с этим все против его слов во мне

протестовало. Чтобы не подать виду, я принялась опустошать тарелку. Кот на коленях потянулся, выпустив когти. Разговор ушел в другое русло.

— И все же, почему тебе не нравится некромантия? — пристала ко мне Нинель. — Якоб так сладко расхваливает твой потенциал. Может, передумаешь и придешь ко мне в класс? Мы еще недостаточно далеко ушли, вполне сможешь нагнать.

— Не понимаю, где это можно применить, — пожала я плечами.

— Ну как же, — улыбнулась мне Нинель. — Если ты думаешь, что я учу только оживлять мертвых — ты сильно ошибаешься. Мы проходим множество опасных тварей и то, как их усмирить. Тебе стоило бы поучиться. К тому же с таким стрессом... нет, тебе определенно надо заняться вплотную агрессивной магией. Огнем, некромантией, боевой магией. А не таскаться на какую-то алхимию.

— А вот тут Нели права, — поддакнул Якоб, подлив мне вина в опустевший фужер. — Походи дополнительно ко мне, я научу тебя сражаться на мечах. Физические упражнения помогут тебе отвлечься.

— Спасибо, я подумаю над этим, — я взяла фужер и заглянула в красную, в полутьме похожую на кровь жидкость. В вине отражалось усталое, осунувшееся Янкино лицо, такое родное. Я уже и отвыкла от своего прежнего тела. Из-за всех этих обменов я начала сомневаться в том, что хочу быть самой собой, что бы это не значило.

Осушив фужер залпом, я поставила его на стол. Встала.

— Спасибо, я спать пойду, — сказала я.

— Иди-иди, — улыбнулся мне Якоб. — И держись, на падай духом.

Глава 3. Яна

Выходной я решила отметить уборкой. А то моя комната за последние дни превратилась из уютной в неуютную. Слишком много мусора даже для меня, девушки не самой чистоплотной. Эби так и удар бы хватил от огрызков под кроватью и свалки из книг и тетрадей на столе.

Да и можно совместить неприятное, но необходимое, с полезным и любимым. Я ведь какой-никакой маг, зачем руки марать?

Усевшись поудобней на возвышении из подушек на кровати, я сосредоточилась. Левитация и бытовые очищающие чары — одни из простейших, любому по плечу, но мне все равно приходилось сравнительно долго настраиваться. Увы, пафосно взмахнуть рукой, шепча заклинание, и сотворить чудо, как большинство студентов, я не могла. Это нормальным людям достаточно лишь направить сгусток магической энергии и сказать направляющие слова — и магия все сделает сама. А у меня так не получалось.

Вообще, вот не везет мне с магией. Пусть и научилась худо-бедно чувствовать ее, управлять своими силами, да только не в тех областях, что мечталось. Казалось бы я просто создана для боевой магии: фаерболами там кидаться или эффектно материализовать ножи из ниоткуда. Но нет. Как показала практика, огненная стихия вообще не мое. Да и не только огненная. Все быстрое, эффектное и энергозатратное — не мое. Дженни так вообще безапелляционно заявила, что видеть меня на своих занятия не желает, буквально послала к Лэйли Фиш и Фелиции Вон, на более мирные стихии, на более изящные науки. Вот вечнс так, желания с возможностями не совпадают.

Я много времени потратила на осознание собственной магии, и решила, что она напоминает мне клубок из невесомых ниток. Можно, конечно, просто бросить, но смысла мало — в цель не попасть, намерение оборачивается пшиком. А можно использовать нити по назначению — и плести чародейсво. Представить, например, как огрызок от большой и сочной — аж слюнки от воспоминаний — груши на подоконнике опутывает тоненькая, но крепкая веревочка, подхватывает в воздух и тащит в мусорное ведро. Даже можно обойтись без заклинаний и рукомахательств, что вроде как плюс, но вот не особо радуют медлительность и напряжение мозгов при таких действиях в больших масштабах — когда приходится сразу много предметов удерживать. Но и книжки, и радостно-возбужденная милейшая Лэйли Фиш убеждали меня, что в таком подходе много преимуществ. Мне, типа, доступна филигранная работа с тонкими материями, о чем всякие откровенно могучие маги могут только мечтать.

В любом случае, сидеть и наблюдать, как по моему желанию вещи разлетаются по своим местам, как мусор сам убирается и стекла на большом окне начинают блестеть — круто. В каком-то смысле похоже на рисование или мастерство сложной, но красивой финтифлюшки из десятков мелких деталей — процесс вроде и муторный, но такой кайф доставляет и он сам, и, особенно, результат.

Погруженная в дело, я не сразу заметила, что в комнату нагрязнул гость.

Я с трудом сохранила сосредоточенность и приветствовала этого гостя летящей в лицо подушкой. Цели удар, как обычно, не достиг.

— Приятно видеть, что мои советы пошли тебе на пользу, — сказал Уильям Хоук, все такой же красивый и самоуверенный как три, целых чертовых три недели назад. — В своей

агрессии ты уже учишься обходиться без примитивных физических движений.

— Использую магию по назначению, — мой тон был ледяным. Пусть Хоук и не мечтает, что после такого продолжительного исчезновения, я встречу его с распростертыми объятиями.

— В таком случае, лучше бы повесила на свои комнаты оповещающие чары, чтобы нежелательные гости без разрешения не приходили. Разумеется, для меня это не будет преградой, но мало ли какой нехороший человек захочет покуситься на мою дорогую невесту.

— О, мой дорогой жених, кстати о нехороших людях. Я тут давеча пострадала от одного такого, — я по-театральному печально вздохнула, спрыгивая со своего подушечного трона на пол. — И что же? Мужчина, с которым я жизнь должна связать, не возник внезапно в самый страшный миг, не сразил врага и девицу невинную не спас. И даже не примчался с утешениями, после того, как все закончилось. Честно говоря, я даже подзабыла, что у меня там какой-то жених был. А тут надо же... опять заявился, как ни в чем не бывало.

Под конец в моем голосе стало слишком много злого ехидства. Но Хоука не пробрало. Ни капли раскаянья на самодовольном лице.

— О, моя дорогая невеста, — вкрадчиво произнес он, приближаясь. Сегодня он был весь в черном и нарядный, мама не горюй. Только трость все та же — из красного дерева и изящный шейный платок бородового цвета. Будто с какого приема сбежал. Торжественно-траурного. — Хочешь сказать, что мечтала в тот самый страшный миг быть спасенной? Ощутить себя в безопасности за крепкой мужской спиной? Или беспомощной славной пичужкой дрожать в моих объятиях, любуясь на побежденных злодеев у ног?

Он обдал мои губы жарким шепотом:

— Лги кому-нибудь другому.

Я непроизвольно облизнулась. Как он одним своим голосом и обжигающим взглядом темных, почти черных, глаз так сносит мою и так неустойчивую крышу?

Черт, все-таки я скучала по этому сукину сыну.

— Даже самой крутой женщине иногда хочется почувствовать себя девицей в беде, — отступить я не намеревалась. Но и наступать тоже. Замерла перед ним, напряженная, как струна. Рассматривала. Впервые заметила маленький шрам на виске. С трудом сдержалась, чтобы не провести по нему пальцем.

— Может быть... Но тебе ведь хочется победить самой? Принципиально.

Никак не могу определиться, эта его пугающая пронизательность в отношении меня бесит или восхищает?

— И ты отлично справилась.

Я не выдержала и горько рассмеялась, развеивая наваждение. Плюхнулась на кресло, закинула ногу за ногу.

— Ой, да брось. Дешевая лесть. Победила я на минуточку, а потом... ну, потом меня спасла подруга. Или демон в ней. Ну, ты же наверняка и так все знаешь. Ты всегда все знаешь. Говорят, в близких отношениях с ректором?

— Ревнуешь?

— Ах, прости, дорогой, но я уже начала забывать, как ты выглядишь.

Как ты дьявольски хорошо выглядишь в своих старомодных камзолах и с хвостиком.

— Значит, в глубине души ты из тех женщин, что требуют к себе внимания каждую секунду? Ничего, я тебя еще переучу, невестушка.

— А ты значит из тех мужчин, что не держат свои обещания? Можно сказать, совратил меня, хотя клялся ничем таким экскурсию по Эквариусу не дополнять. И вместо прогулки на Землю — три недели молчания. Ничего, ты мне такой просто ни к чему... женишок.

К моему удивлению Хоук помрачнел.

— Что же... здесь я действительно виноват, поспешив с обещанием. Оказалось, что ректорского одобрения на твоё знакомство с Землей не добиться. Странно, учитывая, что остальные миры не под запретом.

Я подозрительно прищурилась. К чему такие ограничения? Чтобы я не попала в отсутствие удивления перед техническим миром? Не нравилось мне это.

— Ты такая сейчас серьезная девочка, — ухмыльнулся Хоук, навис надо мной, опираясь на подлокотники кресла. Как же он все-таки любит это — нависать. — Расскажи, что тебя гложет.

— Хм... — протянула я. — Для начала — а зачем ты вообще приперся? Просто поболтать?

— Поболтать? Обижаешь! Мы можем заняться кое-чем поинтересней... — он наклонился еще ниже с явным намерением поцеловать. И как бы мне не хотелось, я решительно остановила его взмахом руки.

— Но-но, Уильям Хоук, сначала заслужи мое прощение. Черт с ней, с Землей, невиданных мною миров еще хватает.

Да, я дама меркантильная. Гордость гордостью, но упускать шанс познакомиться с другими мирами я не собиралась. Особенно в компании Хоука. С ним же так весело.

К тому же я надеялась однажды все-таки позаниматься с ним не флиртом и страстными целовашками, а тщательным допросом насчет академии, ее ректора и положения Хоука тут. И в стенах самой академии делать этого не хотелось.

Ответить он не успел. Видимо, сегодня у меня приемный день. Без стука явился уже второй гость, которого я не первую неделю мечтала прибить.

Но Кеша, друг мой блудный, на меня и внимания не обратил.

— Билли?!

Хоука перекосило. И за это зрелище я Кеше сразу же все простила.

— Рыжий, от тебя вообще реально избавиться? — у Хоука голос даже изменился. Таким... обычно-человеческим стал, страдальческим, что я не сдержалась и фыркнула. И король торговли мира Кронус спохватился, вновь вернул своему идеальному лицу идеально высокомерный вид. — Что ты забыл в комнате моей невесты, позволь любопытствовать?

— Ничего себе, ну ты теперь прям деловая колбаса... — насмешливо ухмыльнулся Кеша, разглядывая Хоука заинтересованным взглядом, а потом вдруг ошарашенно вытаращился. — Стоп-стоп-стоп! Невесты? Ты решил жениться?!

Мой рыжий друг детства был готов буквально взорваться от удивления, переводил ошарашенный взгляд то на меня, то на Хоука. А меня больше заинтересовало кое-что другое:

— Так вы знакомы?

— Имели несчастье учиться в одно время, — ответил Хоук.

— И жили в одном общежитии, — добавил Кеша.

— Так ты же старше намного? — удивилась я. Среди моих однокурсников всем примерно лет двадцать, плюс-минус пара годиков. А у рыжего с Хоуком лет пять разницы.

— Ну и что? — пожал плечами Кеша. — Меня просто слишком рано сюда загребли. Лет в семнадцать. А Билли слишком поздно. Тебе тогда сколько было, приятель?

— Не скажу, — Хоук вспоминать студенческую жизнь категорически не желал. — Ты на мой вопрос не ответил. Что ты делаешь в общежитии?

— Ничего криминального, — оскалился Кеша.

— Знаю я твое “ничего криминального”, — пробормотал Хоук с сарказмом.

— Просто мы с Абигейл хорошие друзья-приятели, — подмигнул мне Кеша. — Надеюсь, это не станет причиной для ревности.

— Так себе мы друзья-приятели, — не выдержала я. — Только парой слов и перекинулись. У господина Иннокентия ведь постоянно какие-то таинственные дела — не выловить.

На Кешу я намеренно не смотрела. Хотя на самом деле уже и не злилась — на Кешу вообще невозможно было долго злиться. Но просто промолчать я не могла — пусть знает, что я недовольна. А вообще... как же тесны миры, как забавно мы тут вчетвером, учитывая Эби, все повязаны.

— Ты разбиваешь мне сердце, — картинно схватился за грудь Кеша. — Умру от тоски, Эби. Такая красивая девушка и вдруг — не друзья. Как жить-то теперь?

— Так... — хищно улыбнулся Хоук, зловеще щелкая костяшками пальцев. — Давно не получал что ли... соскучился?

— О, грядут примитивные физические движения! — воодушевилась я. — Давайте мальчики, сражайтесь. Победитель получит от меня... что-нибудь да получит.

— Поцелуй, на меньшее я не согласен, — оскалился Кеша.

— Остынь, — фыркнул Хоук. — Все равно в драке тебе ничего не светит. А все ее поцелуй и так будут моими.

— Это ты зря, — гордо выпятил подбородок Кеша. — Между прочим, я учился у Якоба. Так что на мечях я тебя под орех уделаю.

Хоук насмешливо вздернул бровью.

— Ты? Да ты даже вытащить свой меч не успеешь, как я тебе руки в ветки превращу. Зачем мне оружие, когда есть магия?... Со студенческих пор я многому научился.

— Так, ладно, мужчины, уймись, — слушать как они тут словесно достоинствами меряются мне быстро надоело. Без зрелища не интересно.

— И правда, только зря время теряем, — оскалился Хоук и повернулся ко мне. — Хочешь другие миры? Как насчет Пиниона? Тоже в каком-то смысле технический мир. Собирайся.

— Прямо сейчас? — опешила я.

— А когда? Скажу еще неделю подождать — опять будешь обижаться.

— Ничего я не обижалась! Это вообще-то ирония была, — просветила я Хоука, поджав губы.

— Ах вот как ты это называешь...

— Эй, — щелкнул пальцами Кеша, привлекая внимания. — Я тоже с хочу с вами!..

— Нет.

— Отличная идея!

Хоук раздраженно на меня посмотрел.

— Ну и зачем он нам на свидании, сладкая моя?

— Буду бдить, чтобы до свадьбы ни-ни, — весело ответил ему Кеша. — Абигейл у нас девушка порядочная, нельзя допустить чтобы такой прохвост покушался на ее честь раньше времени.

— А еще я хочу Яну взять, — злорадно сообщила я возмущенному Хоуку. — Иначе никак.

— Женщины, — обреченно вздохнул Хоук.

И мы дружной троицей пошли в красное общежитие.

Глава 4. Абигейл (1)

Разбудил меня стук в дверь. Даже не до конца проснувшись, я поняла — стучит Янка. Я успела выучить этот стук — три коротких быстрых удара костяшками пальцев. Видеть никого не хотелось. Единственный выходной! Какие гости, какая Янка, когда ко мне наконец пришел здоровый, пустой от сновидений сон. Потому я сунула голову под подушку и сверху одеялом накрылась, чтобы мне не мешали спать.

Яна постучала снова. На этот раз гораздо более решительно, можно сказать даже раздраженно.

“Она меня прибьет, если не открою”, — подумала страдальчески я и, вытащив свою ладошку из под одеяла, магией отперла дверь. Отперла и, высунувшись из-под одеяла, удивленно застыла.

На пороге стоял... Хоук. Мало его, так еще и Кеша. И, разумеется, неожиданно жизнерадостная Яна. А спала я в последнее время в короткой сорочке, так как в красном общежитии царила неприятная жара.

— Ну ты соня! — удивилась Яна. — Вечер же уже на дворе

— Вечер? — прячась под одеялом спросила я. — Какой вечер? Как вечер?!

В голову закралось неприятное подозрение, что преподаватели накормили или напоили меня чем-то снотворным. И я была им за это очень благодарна. Наконец-то я выпалась. Действительно выпалась. Хотя хотелось еще. И желательно не просыпаться до начала завтрашних занятий.

— Вечер путешествий, — такой веселой я Яну давно уже не видела. — Кстати, знакомься. Это, как бы, мой жених — Хоук.

— А, здравствуйте, — пробормотала я рассеянно. — Рада знакомству. Эби о вас много рассказывала... аaaa... что вы здесь все... делаете?

Хоук пристально меня рассматривал с отстраненным интересом. Я поежилась. Все, что у меня было связано с этим мужчиной можно было бы назвать неприятными воспоминаниями. Эх, если бы моя воля была бы — отдала бы его вместе с телом Янке.

— Вытаскиваем тебя на прогулку по другому миру. Мой милый Билли все устроил.

У “милого Билли” от такого обращения глаз дернулся. А я даже проснулась, услышав такое заманчивое предложение. Что там говорили Якоб и Нинель о том, что мне нужно отвлекаться? Я готова целиком и полностью отвлекаться.

— Дайте мне пять минут на то, чтобы одеться, и я с вами!

Под моим благодарным взглядом Янка вытолкала мужчин из комнаты, а сама осталась, весело улыбаясь. Я тут же выбралась из под одеяла и подруга присвистнула:

— А мне идет, — оценила она мою сорочку. — Миленький пеньюарчик. Так, а теперь я буду тебя одевать.

— Зачем? — удивилась я. — Я и сама могу...

— Хочу кое-что проверить, — уклончиво сказала подруга, уже копаясь в моем шкафу.

Собирались мы далеко не пять минут, однако оно того стоило. Яна заставила меня натянуть узкие джинсы, поставила на каблуки. От этого ее ноги казались потрясающе длинными и стройными, я даже впечатлилась. Да еще и бедра такая одежда подчеркнула знатно. На меня был надет бюстгальтер с подкладками, водолазка и легкая, короткая джинсовая куртка. Мало всего этого — Янка меня еще и накрасила. Вот это с непривычки

показалось мне пыткой. В глаза карандашом лезть — это же ужас какой-то! Но увидев себя в зеркале я подруге все простила. Выглядела я, а точнее ее тело, просто потрясающе.

— О да, — улыбнулась Яна, глянув вместе со мной в зеркало и сцапав меня за плечи. — Интересно, как это понравится Хоуку? Что думаешь?

— Думаю, понравится, — неуверенно сказала я. — А может и нет. Не знаю. Ты с ним лучше знакома.

— Да только все равно я его совсем не понимаю, — хмыкнула Яна. — Прикинь, а он с Кешей на одном курсе учился!

— Да? — удивилась я. — Здорово. А мы вообще куда? Опять на Эквариус?

— Нет, вроде как на Пинион, откуда наш вампирчик Орсон родом.

— Хорошо, — оценила перспективы я. — Уже не терпится.

Мужчины обнаружили на первом этаже. К моему удивлению гостиная выглядела как обычно, никаких столов с канделябрами посреди нее не стояло. Все же Якоб, как никто, умел проворачивать все эти штуки с пространством. Хоук и Кеша о чем-то беседовали, и я заметила на губах своего жениха улыбку. Не злую, не надменную, не натянутую, а простую и человеческую. Пусть он делал вид, что Кеша его раздражает, но все равно радовался. Даже интересно стало, как два таких разных человека находили здесь, в академии, общий язык.

— О, красота какая, — оценил Кеша, присвистнув в мой адрес. — Смотри не уведи жениха у своей подруги.

— Приятно познакомиться, леди, — поклонился мне Хоук, взяв мою руку и поцеловав тыльную сторону ладони. — И простите, что из-за моей неугомонной невесты мы вторглись в вашу комнату так неожиданно. Уильям Хоук, к вашим услугам.

И бросил на Янку хитрый взгляд. Я смутилась. А ведь когда в своем теле с ним впервые встречалась он такой был... гадюка-гадюкой. В голову закралась странная мысль — неужели это все было из-за того, как я себя тогда вела? А теперь? Пусть я все равно больше не собиралась за него выходить ни под каким предлогом, но все же... может не так уж и плох Хоук, как я его себе представляла? К тому же с Яной-то он, по ее словам, вел себя вполне пристойно. Или непристойно?

— Так-так, а вот это уже на сегодня моя девушка и давай-ка ты не будешь ее слюнявить, — отнял меня у Хоука Кеша. — Лучше расскажи о своих планах. Куда именно мы отправимся и нужна ли нам какая-нибудь другая одежда?

— Зачем же другая одежда, — усмехнулся Хоук, проводив безвольную меня изучающим взглядом. — Поужинаем в одном из столичных ресторанов, там гости из других миров не редкость. Да и было бы обидно, если бы вы, Яна, переоделись. Мое восхищение, у вас хороший вкус.

Я насупилась. Хороший же из него жених, если он комплименты незнакомой девушке при невесте отвечает! Ему моей Яны мало что ли? Так, срочно вспоминаем, как нужно грубить. Но за меня ожидаем вступилась подруга.

— Милый, а ногу тебе не отдавить? — поинтересовалась она. — Ты не той девушке восхищение высказываешь.

Я благодарно ей улыбнулась. Лучше бы придумать не смогла.

— Так может пойдём уже? — поторопил нас Кеша. — Вперед! Халявная еда, жди нас!

И с этими словами он принялся толкать нас к выходу. Даже Хоука. Последний, кажется, смирился с этим, принял, как должное, и повел нас в сторону ворот.

Глава 4. Абигейл (2)

Первое, что я увидела, открыв глаза на Пинионе — это маленькая девчушка продающая яблоки в карамели прямо из огромной плетеной корзины. Мы очутились в небольшой беседке, видно, предназначенной специально для путешественников из других миров. К нам пристало несколько заинтересованных взглядов, но люди спешили по своим делам, им было не до четырех иномирцев, на ночь глядя решивших посетить их город. А вот девочка, использовавшая крыльцо беседки как свою “торговую площадку”, смотрела во все глаза.

— Яблочко? — спросила она у нас всех разом, жадно впитывая меня в моем экзотическом наряде.

Ох как же я пожалела, что у меня нет с собой вообще никаких денег. А вот у Хоука деньги оказались. Он наклонился к малявке и поинтересовался у нас с Янкой:

— Будете? Таких яблок вы точно еще не пробовали.

Мы с Янкой протестовать не стали. Хоук заплатил за наше угощение, и вскоре мы, весело хрустя, шли по мостовой за своими провожатыми. Янка согласилась взяться за подставленный Хоуком локоть, я так же, чтобы не свалиться на этих каблуках, ухватила за Кешу и крутила головой. А посмотреть было на что.

По сути, если взять Землю и Кронус, смешать и умножить на волшебство получится Пинион. По улицам ползали машины, чем-то напоминающие те, что я видела на Земле, только пахнувшие куда приятней. От некоторых из них валил пар. А мода была все же ближе к моему родному миру. Корсеты и длинные юбки у девушек, трости, цилиндры и жилеты у мужчин. Только вот в отличие от Кронуса ткани преобладали темные, однотонные. И дома. Высокие, как на Земле, но с витражными окнами и волшебными фонарями на фасадах. Здесь магия переплеталась с техникой и жила своей, только ей понятной, жизнью.

Помимо вещей привычных на глаза попадались и непривычные. Например, большое количество остроухих людей с узкими лицами. Эльфы? Разве их родина не Эквариус? Я, конечно, слышала, что они есть и на Пинионе, но не думала, что в таком количестве. Помимо них были еще люди с бледной кожей и острыми клыками, похожие на Орсона. Видимо тоже вампиры. А уж когда мимо нас по дороге пронесся парень в цилиндре верхом на огромной, запряженной как лошадь в седло, собаке, я окончательно поняла, что попала в другой мир.

— Ну, как тебе? — тихо спросил у меня Кеша.

— Слов нет, как интересно, — честно ответила я, задрав голову, чтобы рассмотреть огромный парящий над домами шар с корзиной для пассажиров. — Жалко мы сюда только на один вечер. Я бы здесь жила.

— Тебе понравится это место еще больше, если я скажу, что мы сейчас в столице алхимии, — усмехнулся Кеша. — На Пинионе она очень развита. Я ездил сюда на практику после обучения в академии. А еще Пинион называют перекрестком миров, потому что он наиболее дипломатично относится к гостям.

Я улыбнулась ему, испытывая благодарность за объяснение.

Можно сказать, Пинион меня покорила. Я даже подумала — а не переехать ли сюда жить после академии? От таких мыслей на душе потеплело. Я могла быть кем угодно и заниматься чем угодно, никаких принудительных свадеб. Ведь теперь я маг, мне никто не указ.

— Слушай, можешь мне немного помочь? — вдруг спросил Кеша, пока Хоук со своей вечной хитрой улыбочкой о чем-то переговаривался с довольной Яной.

— Чем? — насторожилась я.

— Хочу немного расшевелить твоего женишка, — улыбнулся хитро рыжий. — Мы часто прикалывались друг над другом, когда были студентами, охота вспомнить старые добрые времена. Можешь на него что-нибудь пролить случайно?

— Пролить? — удивилась я. — И как это его расшевелит?

— Просто доверься мне, — заулыбался зубасто рыжий. — Будет весело.

— Ну... хорошо, — согласилась я, понимая, что Кеша нашел мое слабое место. Он смог разбудить мое любопытство.

— Ну вот и пришли, — сообщил Хоук. — Добро пожаловать в “Глэс”.

О Кешиной просьбе я тут же забыла, потому что оказались мы у действительно примечательного здания. Больше всего оно напоминало большой стеклянный кубик, поставленный прямо посреди города. Кубик этот делился прозрачным полом пополам на два этажа. Конечно, сквозь стекло — толстенное, исцарапанное погодой — видно было плохо, но я отчетливо различала внутри здания сидящих за столиками людей.

— Отпад, — удивилась Янка. — И как они такую огромную стекляшку сделали. Здесь же нет стыков, да?

— Драконы и не на такое способны, — пояснил Кеша. — Их работа. Тут полно всяких стеклянных зданий, витражей их работы, статуй.

— А туалеты там тоже стеклянные? — подозрительно рассматривая здание полюбопытствовала Яна.

— Нет, дорогая — ответил ей Хоук. — Туалеты не стеклянные, можешь не беспокоиться. А вот юбку ты зря надела. На второй этаж точно не пойдем, полы у них очень прозрачные. Ну что ж... прошу...

И он распахнул перед нами двери, приглашая войти внутрь. Кто бы от такого отказался.

Внутри ресторан поддерживал свой стеклянный антураж, как мог. Непрозрачными здесь были только посетители, рассеявшиеся за милыми, будто сделанными из разноцветной карамели, столиками. На сцене играл чудной духовой квартет — саксофон и три трубы. На небольшой площадке перед ними кружилось несколько танцующих пар. К нам тут же подскочил официант, они с Хоуком перекинулись парой слов, и нас отвели к столику. Стеклянная посуда, стеклянные вилки и ложки, стеклянные подсвечники-стаканы с маленькими, трепещущими на сквозняке язычками пламени. От аромата незнакомых блюд голодный желудок предательски застонал.

— О, кажется кто-то с голоду умирает, — подтрунил надо мной Кеша. — Кстати о еде. Здесь вообще подают что-нибудь приличное, или нам придется давиться мизерными порциями золотых трюфелей под соусом из крови девственниц?

— Соус из крови девственниц? — удивилась я.

— Не слушай этого идиота, — поморщился Хоук, принимая из рук официанта меню в прозрачной папке. — Выбирай, что хочешь, на цены не смотри. Сегодня я, так уж и быть, угощаю. Порции здесь приличные, можете не переживать.

Мне тоже дали меню, и я задумчиво сунула в него нос. Сунула и тут же возмутилась:

— Как шашлыки из драконов?!

— Вот да, — поддержала меня Янка. — У нас однокурсник дракон, как так-то!?

— Да это не те драконы, ты что, — засмеялся Кеша. — Это местные ящерицы такие

большие. На Земле же тоже есть комодские вараны. Попробуйте, вкусная штука.

Есть какую-то ящерицу не хотелось. Остальные мясные деликатесы разжигали воображение. В конце-концов, эксперимента ради, я остановилась на мясном ассорти под названием “Хозяева леса”. Было это чудовищное блюдо из дичи — оленина, медвежатина, мясо кабана — свинина в общем, и еще какой-то видно местный зверь под названием корнеед. Ко всему этому прилагалась картофель с грибами. Ну и плюс десерт. Пирожное я выбрала методом тыка и чего от него ожидать не знала, но название “Белая леди” звучало очень заманчиво, видимо предполагалось нечто очень сливочное. Ну и Хоук на всех заказал бутылку вина.

Вскоре мы уже всю ели, таская с тарелок друг друга кто что заказал, и болтали. Перебивали кости преподавателям, припоминали забавные случаи на парах. Хоук сначала держался от этого чуть отстраненно, потом вроде тоже влился, да и я оказалась в разговоре не лишней. А все благодаря Кеше. Этот прохиндей никому не давал выпасть из общей болтовни.

Чуть утолив голод, мы разлили вино. Хоук встал, мы поднялись вслед за ним.

— Предлагаю тост, — сказал Хоук. — За...

— Нененене, — остановил его Кеша. — Это же Пинион, дружище. Здесь когда пьют каждый предлагает по тосту. Давай, девушкам так интереснее будет.

— Хорошо, — согласился Хоук, поднимая свой фужер с гранатово-красным вином. — Тогда за мою невесту.

— За старых друзей, — пододвинул свой фужер Кеша.

— За магию, — предложила Янка.

— За счастливое будущее, — подняла свой я, чуть наклонившись вперед.

И тут Кеша под столом наступил мне на ногу да так, что у меня чуть слезы из глаз не полились. Я айкнула и пошатнулась. Внезапно меня пробил запоздалая мысль. Точно, облить Хоука. Однако мне и делать-то ничего не пришлось, ведь этот рыжей мерзавец незаметно под столом подтолкнул меня вперед, и я, чуть не упав животом на стол, выронила свой фужер. Фужер разбился и его содержимое вместе с осколками хлынуло прямо на брюки Хоука.

— Ох... я такая растяпа, извините! — воскликнула я.

— Не стоит, — недовольно пробормотал Хоук. — Пара секунд, и я это исправлю.

Мой жених закрыл глаза и что-то прошептал. Вино со стола и его брюк тут же испарилось, не оставив и следа. Потом настало время фужера. Осколки взмыли в воздух и довольно быстро соединились, приняв свой первоначальный вид. Когда к нам подоспел официант, стол был чист. Работнику ресторана осталось только благожелательно нам улыбнуться, поблагодарить за магическую помощь и уйти восвояси.

За всем этим я не заметила, что сделал Кеша, однако парень улыбался какой-то особенно веселой улыбкой. Хоук открыл глаза, налил в уже целый фужер вина, и мы все же чокнулись. Напиток оказался очень мягким и гораздо более вкусным, чем пиво с Земли, но менее ароматным, чем выпитое вчера в компании преподавателей вино.

Какое-то время после этого все было вроде нормально. Болтовня возобновилась, и даже ушла чуть в более доверительное русло. А потом я заметила, что с нашими мужчинами что-то не так. Хоук постоянно раздраженно замолкал и пялился по сторонам, Кеша то и дело фыркал от смеха, глядя на него. Первой не выдержала Янка, щелкнула пальцами перед самым носом Хоука..

— Ты чего это виснешь?

— Да так, — нахмурился Хоук. — Не бери в голову. Просто немного устал.

И посмотрел так красноречиво на Кешу. Даже у меня мурашки по спине побежали. Я пожалела, что согласилась помочь рыжему негодю с его “приколом”. Хоук выглядел совершенно ненормально. Яна, видно что-то заподозрив, окинула обоих мужчин подозрительным взглядом:

— Надеюсь, Кеша не подлил тебе слабительного или афродизиак?

— А ты так хочешь, чтобы меня опоили афродизиак? — усмехнулся Хоук. — Нет, мне подлили кое-чего поинтереснее. Мне даже морду этому рыжему гаду бить не хочется.

Кеша расплылся в довольной улыбке, а Хоук вдруг эту улыбку скопировал, оттянул свой шейный платок, распустил волосы. Куда только делась вся его сдержанность и аристократичность? Передо мной сидел какой-то совсем другой мужчина. Взлохмаченный, веселый и дерзкий.

— Потанцуем? — протянув Янке руку, предложил он.

— Что-то твое настроение и состояние вызывает у меня здоровое опасение, — сощурилась Яна. — Но рискну.

И они ушли, оставив нас с Кешей вдвоем. Я тут же наклонилась к нему и спросила:

— Ну, и чем ты его напоил? Ему ведь плохо.

— Ничего ему не плохо, — фыркнул, наблюдая за тем, как Яна и Хоук кружатся перед музыкантами, сказал Кеша. — Ему щас очень даже хорошо. Специально для этого придурка последнюю пробирку берег...

Танцевать я не особо любила. Но сегодня хотелось. Уж больно джаз был по-веселому темный, а Уильям Хоук непривычно милый. Да и меня ожидаемо унесло от одного скромного глотка сладкого вина.

И Хоук... фиг знает, что ему подсыпал Кеша, но в его глазах поселилась какая-то сумасшедшинка. Он из-за того, что распустил волосы, даже выглядел совсем иначе. Расслабленный такой и даже чуточку пушистый. Хочу погладить.

— Эй, чего так пристально смотришь? — спросил у меня мужчина, наклоняясь к моему уху. — Мне не идет?

Я не удержалась и запустила руку в его волосы. Жестковатые.

— Тебе может что-то не идти? Никак не могу представить тебя побитым жизнью студентом...

— О, ты даже не представляешь, каким я был всего каких-то несколько лет назад, — хмыкнул Хоук, чуть поморщившись. — Ты бы меня не узнала. Прости, что тебе приходится видеть меня в таком разболтаном состоянии. Это все рыжий мерзавец виноват.

— Ты сегодня слишком много извиняешься. Мне это не нравится! — заявила я, шутливо погрозив Хоуку пальцем. От танца, от блеска огней, я казалось, еще больше опьянела. Так и тянуло глупо хихикнуть.

— Прости, — опять извинился Хоук, а потом поморщился так, будто лимон съел. — Дела плохи. Совсем крыша поехала.

И, прервав танец, он сгреб меня в объятия и прошептал на ухо:

— Может сбежим от этой парочки... куда-нибудь?

Мне было отчаянно лень куда-то идти. И я хотела музыку. И Хоука!

Тооочно! Я же хотела поговорить с ним о чем-то серьезном... о чем, только? Дурная голова.

Я, чуть привстав на цыпочки, легонько куснула его за ухо. Шепнула:

— Давай... Только, чтобы там тоже было красиво! И пели. Но только так... быстро. Теперол.....телепортируй нас.

— А... без проблем, — ответил Хоук. — Красиво, пели... шас... пара минут...

Сверкнуло. Руки Хоука вдруг куда-то пропали, а я оказалась в незнакомом темном помещении. Холодно. А еще здесь что-то очень громко гудело. Такой звук издают провода высокого напряжения и трансформаторные будки.

— Эй! — возмутилась я. — Просила же красиво и музыку... Хоук?

Никто не откликнулся.

— Скажи, что это просто тупая шутка, а не ты промахнулся спяну и не доставил меня черт знает куда?! — простонала я.

Ничего кроме тревожного гула. Вот подстава! Прибью этого придурка. И Кешу заодно, все с его шуточек началось.

Так, спокойно. Я же это... маг. Значит могу зажечь свет. Только вспомню как это делается, шарики эти светящиеся.

Чтобы лучше вспоминалось, я села на пол. Такой холодный пол, чуть липкий и, кажется, пыльный. Но в принципе удобный. Ой-ей, как бы мне не заснуть, а сосредоточиться. Попытки этак с десятой я, наконец, сотворила маленького, размером в теннисный шарик

размером, магического светлячка. Только светил он почему-то зеленым. Ну хоть так. Я попыталась разглядеть, куда это меня занесло.

Похоже на какую-то пещеру, только пол деревянный. Неровные каменные стены уходили далеко вверх, обнаружить, где тут дверь в тусклом свете не удавалось. В самом центре находился огромный сросток кристаллов, поблескивающих голубым и фиолетовым. И от них, словно корни, по полу и стенам тянулись полупрозрачные нити — прислушавшись, я поняла, что именно от них идет неприятное гудение.

Что это еще за фигня такая? Я осторожно, стараясь не наступить на эти подобия проводов, подошла ближе к кристаллам... Что-то я такое слышала на нуднейшей истории нашей Академии — даже шутливые или кровавые рассказы Вальдора, не могли спасти от тоски при чтении длинных списков выпускников и отцензуренных восхвалений достоинств сего непревзойденного учебного заведения. Так вот, вроде Вальдор упоминал о том, как в академии все работает — магические аналоги техники, разные защитные чары, что-то там еще. Энергия берется из Кристалла Междумирья, того самого, что желания исполняет, и распределяется в зависимости от нужды через... ну, судя по всему, такие кристаллы поменьше... Хотя от кристаллов тут одно название, точнее — форма. Я ощутила сгусток концентрированной магии — странной, чуждой, сильной. От моего ядовито-зеленого шарика нежные голубо-лиловые цвета кристалла искажались, и он выделялся чем-то пугающим, будто грязным.

И все же я не удержалась, несмело прикоснулась к твердой поверхности, в каком-то нелепом желании согреться магией. Не вышло. Холодно, неприятно. Гул усилился, и нити провода словно засветились на миг. Я испуганно отдернула руку, и все пришло в норму.

Ну его. Что я творю-то? Это как сунуть руки в ящик с молнией, черепом и надписью “Не влезай, убьет”. Безрассудный идиотизм в общем. И с чего я взяла, что эта, хм, рабочая магия должна быть приятной?

Так, ладно. Мне нужно выбирать. Если Хоук сдуру закинул меня в академию — это все ведь отлично! Надо просто выйти из пещеры без дверей и со стремными магическими штуками, и пойти в общагу, баиньки.

Черт. Выйти-то как?

На всякий случай я еще покричала. Для надежности — очень грубо так, виртуозно используя все богатство русского языка. Ничего. Вот вообще — ничего, даже эха несчастного нету. Жуть какая. Еще немного и я тут замерзну и умру... вот прямо тут у кристалла и лягу, и он вытащит из меня все силы-соки, и нити его опутают мое иссушенное тело. И получится из меня мумия. И поставят ее в каком-нибудь магическом музее, как яркий пример неудачных телепортаций.

Стоп. Телепортация! А кого я, собственно, жду? Я ж, типа, маг. Как сюда попала, так отсюда и уберусь. Я довольно потеряла руки... и вспомнила, что телепортироваться, вообще-то, не умею. Рано нас еще такой магии учить, одна только теория. И ее-то я как бы знала. Как было не вызубрить способ перемещаться мгновенно? А потом поклясться себе никогда с этим делом не экспериментировать, а то количество побочных эффектов и процент смертельных неудач при первых шагах в пространственной магии как-то тревожил.

Но! У меня же нет сейчас другого выбора. Я же так и так помереть могу. Или нет?

Я затрясла головой. Она у меня и так после выпивки была мутная и тяжелая, а от этого мерзкого гула так вообще, будто мозги миксером взбили. Но я не сдамся. Я сейчас как сяду, как сосредоточусь, как телепортнусь. И пусть попробует эта мымра Фелиция Вон, что

ляпнуть про мои сомнительные способности!

Магия сегодня была послушна, как Фрай, разомлевший после вкусного ужина и прогулки. Ластилась ко мне — а я к ней. Как шелковая за мыслями-намерениями следовала: окутать тело, каждую клеточку, создать защитный слой из совершенной пустоты, расширить его, расталкивая пространство. Представить конечный пункт, очень-очень хорошо представить, мысленно туда перенестись и раздвинуть пространство и там как бы место расчистить для моего тела. А потом, щелк — и там. Только у Хоука на это все мгновение нужно, а у меня... сколько я тут сижу, где я вообще сижу?..

И почему все такое зеленое и светиться? И гул-гул-гул-гул-гул... Треск.

Щелк.

Последнее, что я видела и слышала — грязно-черный взрыв.

Глава 6. Абигейл

— Где, черт бы тебя подрал, Абигейл?!

Кеша с силой тряс за плечи растерянного Хоука и чуть ли не кричал ему в лицо. Я переминалась с ноги на ногу рядом и мило улыбалась посетителям ресторана, которые уже на нас недовольно поглядывали. Моего жениха мне было даже жалко. От произошедшего он впал в какое-то подобие немого, не на что не реагирующего ступора, только губы беспомощно шевелились.

— Да соберись ты, тряпка, — без особых церемоний похлопал его рукой по щеке Кеша. — Давай, очухивайся уже. Боже... господи, какой же я идиот... а еще думал — ностальгия, вспомним студенческие годы...

В глазах Хоука появилось осмысленное выражение. Он нахмурился и как-то сразу весь подобрался. Я с облегчением вздохнула, отметив, что таким он мне гораздо больше нравится. Вот этого Хоука я знаю — даже с растрепанными волосами выглядит грозным, собранным и аристократичным.

— Не паникуй, — сказал он. — Сейчас мы что-нибудь придумаем.

— О чем ты думал только?! — прикрикнул на него Кеша.

— Вот действительно, о чем, — задумался Хоук, явно не замечая паники рыжего преподавателя алхимии. — Куда бы я мог ее закинуть...

— А если ее размазало по пространству? — вцепился в свои рыжие волосы Кеша. — Телепортироваться в нетрезвом состоянии равносильно самоубийству, на этом уже не один маг погорел.

— Да жива она, — вдруг вклинилась я.

Мужчины удивленно на меня уставились. А я была точно в этом уверена. Янка жива, цела и невредима. Где находилась я не ощущала, а вот в том, что с ней все в порядке, не сомневалась.

— Ладно, — сказал Кеша, сцапав меня за плечи. — Ладно, буду тебе верить.

— Варианта у нас два, — подал голос задумчивый Хоук. — Я хотел переместиться с ней в одно любимое кабаре на Кронусе. Второй вариант — Академия. О ней я тоже думал... некоторым образом.

— Тогда разделимся, — согласился Кеша. — Ты купи себе зелье, которое прочистит тебе мозги, и иди в свое кабаре, ищи там. И остальные места осмотри, куда мог ее забросить. Мы пошарим в академии. Надеюсь найдем ее в ее же комнате. Если не найдем, то попросим нам помочь Фишь. Но если с Эби что-то случится — я тебя пришибу, Билл.

— В этом и часть твоей вины есть, — нахмурился Хоук. — Но я сам себя, как ты выразился, пришибу, если с ней что-то случилось.

— Вот и отлично, — кивнул Кеша, перехватывая меня за талию. — Потому что эта девочка нужна нам живой и невредимой.

И с этими словами он зажал мне рукой глаза, и мы телепортировались. Теплый, напоенный ароматами вкусной еды воздух вдруг сменился влажным, незнакомым маревом.

— Что за хрень? — выдохнул Кеша.

Я отцепила его руку от своего лица и огляделась. Впрочем, ничего толком я не увидела. В густом, непривычном тумане разве что фонари светились. Да и то как светились — то вспыхивали ярко разными цветами, то погасали. Однако мы определенно находились в

академии, огромные парадные ворота было сложно с чем-либо перепутать. Однако тишина здесь стояла какая-то пугающая... и эти вспышки...

— Что-то не так? — уточнила я, пытаюсь храбриться. — Ну подумаешь, туман...

— Это не простой туман, — напрягся Кеша. — Пошли. Надо найти Яну и проверить все ли в порядке со студентами. Как не во время...

— Да что происходит-то? — заупрямилась я, не давая ему утянуть себя за собой. — Объясни уже. Мне и так страшно...

— Ладно, хорошо, — закатил глаза Кеша. — Короткая лекция. Есть семь кристаллов, которые обеспечивают комфортную жизнь студентов в академии. Думаешь, откуда берется энергия для фонарей, для техники? Так вот, скорее всего один из них... хорошо бы просто сломался, но судя по тому, что здесь творится — он рванул. Одно из защитных заклинаний сдерживает туманы, окружающие академию. Штука мерзкая, не советую тебе в нем долго находиться. А из кристалла, скорее всего хлынула энергия. Потому ты это... не колдуй. Иначе черт знает что может получиться при таком переизбытке энергии.

— Ясно, — ошарашенно кивнула я.

— А еще этот туман очень плохо влияет на магических существ, — нахмурился Кеша. — Они... да много чего с ними происходит. Так что нам нужно поторопиться и убедиться, что со студентами все в порядке. Надеюсь, преподаватели уже решают эту проблему.

— Хорошо, пошли тогда скорее, — согласилась я.

Кеша повел меня сквозь ворота и туман, твердо держа за руку. Лилово-сизое марево оказалось каким-то странно неравномерным. Мы то выныривали из него, то погружались снова. Там, где был туман фонари еле-еле тлели, там где его не было — мигали, как бешеные, то и дело меняя цвет и грозя взорваться от переизбытка энергии. Меня ослепляло то ярко-голубым, то красным, то пронзительно-белым. Да еще и какое-то безумие творилось с моей магией. Она будто взбесилась. В последний раз она так бурлила в тот злосчастный день, когда Малум взял надо мной верх.

Кое-как мы добрались до сада, в котором располагались общежития. Желтое, благо, к воротам стояло ближе всех. Мы взлетели по ступенькам и Кеша попытался открыть дверь. Тщетно, она не поддавалась. Мне стало еще более страшно. Входы в общежития не запирались обычно даже на ночь. Кеша забарабанил по двери кулаком:

— Дженни, открывай!

— Дженни нет, — отозвался из-за двери голос Эйнара.

— Абигейл с вами? — спросила я.

Щелкнул замок, и светловолосая голова Эйнара — хмурого и, кажется, чуть испуганного — высунулась наружу.

— Нет, — сказал он, — я ее не видел с тех пор, как она с вами ушла. Вы что ее потеряли? Неудачное время... здесь что-то странное творится. Магия с ума просто сходит. Ну, мы и заперлись. На всякий случай.

— Правильно сделали, что заперлись, — согласился Кеша. — А то мало ли, кто из оборотней сунется. Свои все на месте? Все в порядке?

— Не сказал бы, что в порядке, — нахмурился Эйнар. — Но все наши кроме Абигейл в гостинной. Юз собрала, морально нервничающих успокаивает.

— Давай посмотрю, кому там плохо, — подвинув его, Кеша вошел внутрь. Я устремилась за ним.

В общежитие тоже пробирался туман. Он просачивался сквозь щели и стелился по полу.

Свет горел ужасно ярко, но периодически начинал страшно мигать. Хорошо хоть цвет не менял. Но это еще не самое страшно.

— О небеса, — прикрыла я рот ладонью, увидев своих старых знакомых.

Нормально выглядели только двое — Эйнар и Юз Мосали. Мэт сидел на столе, закутавшись в сдернутое с дивана покрывало, и был непривычно бледным и сосредоточенным. Он до крови прикусил губы, а взгляд был както по страшному затуманен. От обычно беззаботного эльфа веяло мрачной, кладбищенской прохладой. Калыц обнаружился на своем привычном месте — в кресле у пылающего зеленым огнем камина. Он тут же приветственно махнул мне рукой. Сам парень не изменился, но вот демоническая сущность светилась вокруг него черной, жутковатой аурой. Длинные рога, страшные когтистые лапы, горящие белым глаза.

— Не волнуйся, я в порядке, — мило улыбнулся мне он, и поверх этой улыбки наложился зубастый оскал. — Голова немного кружится, но с ума не сойду и крушить все не примусь.

— Рад слышать, — кивнул ему настороженный Кеша. — А это у нас кто?

Я заглянула на диван и сердце у меня екнуло. Бруснику я еле-еле узнала. Она лежала, укрытая до подбородка плотным одеялом, и по ее лицу струились зеленые, пульсирующие прожилки. Тяжело, прерывисто дыша, она прижимала к себе крупную испуганную птицу. Птица мне кого-то отчаянно напоминала.

— Сильно плохо? — уточнил Кеша у нашей вечно веселой подружки.

— Да, — простонала она. — Голова ужасно кружится... и дышать...

— Так, подожди немного... — Кеша сгреб ее вместе с одеялом и уложил на пол прямо в туман. — Так лучше будет. Пусть он и вытягивает силы, но в твоем случае недостаток лучше чем избыток.

— Держись, — я присела к Бруснике и убрала ей со лба волосы. — Все будет хорошо.

— Яна? — узнала она меня. — А Эби...?

— С ней все нормально, — сказала я. — Не беспокойся. Мне идти надо.

— Да, иди, — пробормотала подружка, которой, видимо, в тумане все же стало получше. — Там Мрамору наверняка плохо. Видишь, что с оборотнями происходит...

И она погладила по хохолку рыжую птицу. Точно! У Яны же есть этот сосед, который все время из стороны в сторону мечется. Альбо. Птица что-то зачирикала, но я ее уже не слышала.

— Кеша, нам надо в красное, — вцепилась я в алхимика.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Я провожу тебя, а потом пойду искать Яну. Если она здесь, то наверняка напугана. А вы запритесь и постарайтесь заткнуть все дыры, чтобы туман проникал как можно медленнее.

— Так и сделаем, — кивнула Юз, выглядевшая самой спокойной среди Янкиных одногруппников. И я буквально потащила Кешу к выходу. Уж слишком сильно меня беспокоил Мрамор.

Глава 7. Яна

Первое, что я увидела — ухо. Острое, эльфийское, с сережками-гвоздиками в трех местах и шипастым каффом. Определенно Вальдорское. Сам же мужчина дрых на диване в своей “комнате для наслаждения чтением”, голову свесив. А я рядом примостилась, как и была, в позе лотоса.

И какого черта я, спрашивается, думала о его каморке? Другого места для перемещения не нашлось, что ли?

Я шевельнулась, и Вальдор резко вскинул голову, замутненным от сна, чуть светящимся глазом уставился на меня. Одним, левым, Правый, видимо, еще не проснулся.

— Здравствуйте, магистр ле Морта, — как никогда вежливо поздоровалась я.

— Яна, — проницательно заметил эльф. Заморгал неверяще. — Кхм. Ты что хотела?

— Поговорить. Об географии. Или ботанике? В общем. Никак не пойму, почему не Эквариусе на нижних ярусах все маленькое, а на верхних — большое, а не наоборот.

Сказала — и сама себе поразилась. Как оказывается в моем подсознании застрял доклад о природе Эквариуса на послезавтра.

Господи, что я несу?

Вальдор смотрел на меня странно.

— Кхм.

И кашлял все время. Простыл что ли?

— Кхм. В таком виде, Яна? Ты уверена?

Тут уже я недоуменно заморгала. А что не так с моим видом-то, нормальный вид!

Я опустила взгляд вниз.

О!

Упс. Кажется телепортация прошла не так уж и гладко.

Про одежду-то я забыла.

— Как неловко, — я смущенно улыбнулась, прикрывая руками стратегически важные места.

— Так задумалась о природе, что одеться забыла? — понимающе покивал головой Вальдор.

— Вы такой понимающий! — восхитилась я. — А можно мне... покрывальце?

— Кхм, — в третий раз кашлянул Валдор — аж по спине хотелось беднягу похлопать. И закутался поплотнее. Тоже что ли голый? Любит, чтобы тело во сне дышало?

— Скатерть вон, возьми.

Вальдор кивнул мне за спину, и я обернулась. Скатерть — пожелтевшая, грязная, в жирных пятнах — укутывала бутылку чего-то смахивающего на обычный самогон. Класс.

Может попробовать себе призвать одежду попрличней? Или вообще сотворить из воздуха? Или хотя бы эту скатерть гадкую превратить? Ведь у меня сегодня так круто магичить получается!

Так, сейчас, вспомню, как это делается. Я встала, развернувшись спиной к Вальдору и уставилась на скатерть...

— Яна, стой-стой... — вдруг встревоженно, даже испуганно, попытался остановить меня Вальдор, но было уже поздно. Я лепила из скатерти платье!

А слепила парус. Громадный такой, почему-то красный. Всю комнату заполонил и

дальше расширялся. Да и еще и с такой силой! Как волной накрыло — меня с ног сбило, Вальдора — с дивана.

— Что за фигня?

Ткань была странная — жесткая с грубыми ворсинками и жирная, что ли... Липла ко мне. Гадость. Свет за окном истерично заморгал, потух на миг, а потом загорелся с новой силой — аж по глазам резануло. И вместо привычно бледно-синего — красный. Опять красный. Все тут красное-красное. Жуть.

— Я будто в море крови стою, — поделилась я с Вальдором внезапно возникшим офигительным сравнением.

— В полном дерьме мы тут все стоим, — пробурчал эльф.

Грубый какой, фу таким быть! Еще и преподаватель литературы и всякой там культуры! Я хотела Вальдора отчитать, но увидела нечто еще более возмутительное. Пока я тут в костюме Евы о высоком думала, он, понимаете ли оделся! Штаны нацепил! А ведь точно голышом спал — я успела заметить его бледные коленки.

— Почему вы уже успели одеться?!

— Потому что я трезвый и опытный маг? Понимающий, что сейчас колдовать нельзя категорически.

— Почему это? — растерялась я. Свет еще раз моргнул — и закрасил все в жизнерадостный оранжевый.

— Что-то случилось с защитным заклинанием от тумана, — непонятно пояснил эльф, роясь где-то в шкафу и складках алой ткани. — Наконец-то...

Вальдор кинул мне свой халат. Теплый, чистый и черный, он даже пах лесом и спиртным.

— Надеюсь, кто-то из преподавателей взял на себя организаторские заботы по всеобщему спасению, — страдальчески протянул Вальдор. — Пойдем на улицу, наверняка всех, кого могут, сгоняют на площадку перед воротами.

Спорить я не стала. Тем более ткани становилось все больше и больше, заполнит все помещение и удушит такими темпами.

Судя по тому, какой в коридорах Академии стоял бедлам, никто никого не организовывал и не сгонял. Всюду бродил туман; просочился сквозь стены — маленькими лиловыми клочьями или зловещими темными облаками. Светящиеся шары и фонари мигали всеми цветами радуги — то тускло, почти погружая мир в полную тьму, то ярко до ослепления.

А еще были незнакомые люди и нелюди. Или не были. То есть, то были, то не были. Пробегали мимо, словно нас Вальдором не видели, и пропадали.

— Хреново, — пробормотал эльф, наткнувшись на высокую девицу с рогами — очень так с рогами. Ветвистыми, размашистыми, еле помещающимися между двух стен. Она мчалась с искаженным от страха лицом, будто от чего-то убегала, и исчезла за миг до того, как столкнулась бы с шедшим впереди Вальдором носом.

— Это студенты других курсов? — предположила я.

— Да. Правда, рогатая — наша новенькая преподавательница с другого потока, стажировку проходит. Судя по всему — не пройдет. А хреново то, что поврежден не только кристалл, отвечающий за стабилизацию дикого тумана Междуирья, как я наивно думал вначале. Тут и остальные зацепило. Пространство-время сбоят, освещение...

Твою же мать. А не я ли во всем этом виновата?

Хотя почему сразу я — может там и без меня все бы взорвалось, износился этот долбаный кристалл, недаром был такой стремный...

Ладно, только спокойствие. Каяться я пока не буду, скажу, что Хоук меня вот так прямо к Вальдору и телепортировал и пусть думают, что хотят. Но если из-за незнания причины аварии, исправить ее не смогут и кто-то пострадает... вряд ли у меня хватит совести молчать. Какое бы там не было наказание.

— Осторожно!

Я и не поняла, что случилось, даже испугаться не успела — ослепительный желтый свет, грохот и звон. Будто по стене и окну кто-то с силой снаружи ударил. Вальдор повалил меня на пол, защищая собственным телом, но осколки цветного стекла и куски каменной кладки стен зависли над нами, не причинив никакого вреда

— Быстрее убирайтесь оттуда, — голос у бесподобной Фелиции Вон был такой же холодный, как и ее красота. В заброшенном коридоре преподавательница стихийной магии воды, левитации и пространственной магии выглядела чужеродным элементом в своем шикарном синем, усыпанном бриллиантами платье в пол. Идеальный макияж, прическа — казалось, она словно только, что с какого-нибудь бала или парада звезд, но, нет — это ее обычный рабочий вид. Фелиция Вон просто предпочитала всегда выглядеть сногшибательно. И была фирменной стервой.

— Восемь секунд, — из-за ее спины выглянула дрожащая Лэйли Фин в ночнушке.

Я недоуменно моргнула, но Вальдор, не беспокоясь, что делает больно, дернул меня в сторону женщин. Через миг на месте, где мы только что валялись, оказалась груда камней и стекла. Коридор насквозь пробило, будто из аудитории пушкой выстрелили и снесли толстые две стены да окно. В образовавшуюся дыру активно полез туман, но нами он не заинтересовался — в другую сторону поплыл. И тут я наконец-то струхнула и осознала, что вокруг не веселье творится. Протрезвела что ли.

— Благодарю, — буркнул Вальдор Фелиции, стряхивая с волос пыль и каменную крошку.

— Какой говорящий вид, — она в ответ только губы поджала и посмотрела на меня в одном халате, как на драную блохастую кошку. Самодовольно сказала Вальдору: — Раде будет интересно узнать, что теперь тебе мало простого пьянства... потянуло на молоденьких студентов?

— Зачем вы так! — со слезами на глазах вмешалась Лэйли, прежде чем я или эльф красноречиво просветили Фелицию о всей глубине ее заблуждений. — Сейчас не время... Такой кошмар твориться! Нужно что-то делать...

— Естественно, нужно, — раздраженно бросил Вальдор. — Только где носит ректора?

— Ее нет в Академии. Пока ты развлекался, я позаботилась о студентах твоей группы...

— О своей бы лучше позаботилась!

— В первую очередь.

— Может хватит! — не выдержала я. — Тут же опасно, нужно...

— Помолчи, — процедила сквозь зубы Фелиция и меня словно заморозило. Шевельнуться не могла, и языком в том числе. Чары немоты.

Как же она меня бесит!

— Опасные студенты из наших групп изолированы, с остальными разберется Якоб. Я направила всех из общежитий ко вратам. Активировала там вспомогательный кристалл — пусть переждут, пока мы все уладим.

— Нужно выгнать всех из самого замка, — мрачно сказал Вальдор.

— Этим успешно занялась Дженни. Осталась только... эта?.. — Фелиция кивнула на меня и чуть вопросительно посмотрела на Лэйли. Взгляд у той на секунду затуманился.

— Еще в столовой мальчик из группы Грега есть... Ой, нет, уже побежал на улицу. Так что да, из первокурсников здесь только Абигейл, — Лэйли дружелюбно мне улыбнулась.

— А с другими курсами что? Мы человек двадцать встретили, пока шли сюда. И это только те, кто попал в искаженное пространство, — уточнил Вальдор.

Как по заказу прямо перед нами на пару секунд появилась толпа из пяти красочных особей разных рас. Весело галдящая толпа, отчего пол вокруг разъяренной Фелиции Вон покрылся ледяной коркой.

— Я ж сказала им выметаться из здания!

— А они тебя не послушались, — ехидно посочувствовал эльф. — Ладно, я обо всем тут позабочусь. На этот раз — серьезно. А вы с Лэйли прыгайте на второй пласт.

К моему удивлению Фелиция в ответ просто кивнула.

— Двадцать секунд, — едва слышно проговорила Лэйли Фиш, осторожно взяла Фелицию за руку и отошла с ней на пару шагов назад. И вскоре обе женщины испарились.

— Что это было, с секундами? — ко мне наконец вернулась способность говорить и двигаться, и мы с Вальдором поспешили к выходу. Я была злющая как черт, но причина этого все равно уже исчезла, так что старалась вести себя героически-спокойно.

— Ты же на собственном опыте видела, что твориться с магией. Пали все сдерживающие щиты, а в центре Междумирья даже у самых слабых магов сила плещет через край. А он у нас буквально под ногами... вне замка должно быть получше. В общем, Лэйли просчитывала самый благоприятный момент — точку времени и места, где можно использовать магию и не бояться непредвиденного результата. Очень полезное умение в подобных ситуациях. А главное, магических сил тратиться всего-ничего, практически полностью безопасно.

Ого! Так Рыбонька, оказывается, может быть крута. Только что же она со своими способностями позволяет, чтобы над ней так издевались?! Видимо у некоторых людей такой характер, и даже магия не спасает. Хорошо, что моя Эби не такая! Все же поступив в академию она изменилась в лучшую сторону, стала намного храбрее и общительней. Надеюсь, она не поспешила в Академию на мои поиски и не попала в весь этот кошмар

От мыслей о подруге меня отвлек очередной взрыв и грохот.

Мы уже вышли из замка, и я могла полюбоваться, как гигантский зеленый дракон сносит крылом одну из башен — самую маленькую, ту самую куда меня призвал в первый учебный день Хоук.

— Беги к воротам. А я пока разберусь с Гранитом. Увидишь Дженни или Якоба — скажешь, что я их зову — поломку чинить будем. А Нинель, если там, пусть следит за студентами.

Как бы мне не хотелось посмотреть на разборки эльфа и взбесившегося дракона, который по видимому и снес стену, я решила не рисковать на сегодня больше. И послушно пошла, куда было сказано.

Глава 8. Абигейл

Красное общежитие пугало даже издалека. Туман перед ним расступился, и в глаза мне бросилось выбитое вместе с решеткой окно на втором этаже. Прикинув, я поняла, что вело оно в комнату Мрамора. От этого сердце бешено заколотилось. Оставалось только надеяться на то, что с ним все в порядке. Сад вокруг общежития был полон кошек Якоба. Они шипели, боясь близко подойти к зданию.

Дверь оказалась заперта, пришлось снова стучать. Я топталась за спиной у Кеши, взволнованная и испуганная, не зная, что делать.

— Кто? — донесся из-за двери голос нашей старосты Ивоны.

— Ивона, открывай, это я, — позвала я. — И со мной еще...

Договорить я не успела, потому что дверь тут же щелкнула и приоткрылась.

— Вам бы лучше идти отсюда, — сказала девушка тихо, почти сердито. — У нас тут... в общем мы и сами бы ушли, если бы могли.

— Я помогу, — вклинился Кеша. — Надеюсь не забыла, что я тоже из преподавателей?

— Да-да, — кивнула Ивонна. — Но Яна, тебе бы лучше постоять на улице.

— Нет, я пойду, — вцепилась я в Кешу.

— Тогда я тебя умоляю, без ругани и истерик, — велела мне Ивана. — Что бы ты не увидела. Все почти нормально. Идет?

— Идет, — согласилась я. — Обещаю.

Ох, хорошо, что она меня предупредила, потому что иначе бы я действительно в панику ударилась. Было от чего.

В гостиной царил настоящий погром, освещенный жутковатым зеленым светом, изредка начинающим надоедливо мигать. Невыносимо пахло горелым. Гардина висела лишь на одном гвозде, от занавесок остались только чёрные, обугленные обрывки. Пол устилала осколки посуды и останки так любимой мною мебели. Но тем, что привело меня в ужас, был вовсе не погром и покрытые кое-где копотью стены.

Прямо посреди нашей большой общей комнаты лежал Мрамор в своем драконьем обличье. Глаза у него были открыты и дико зыркали по сторонам. Они зацепились и за меня, но в его взгляде я не уловила ни капли узнавания. Да что там, в его взгляде не было ничего разумного вообще. Передо мной лежал испуганный, злой, пойманный в ловушку зверь. И на его спине восседал, как охотник на поверженной добыче, Фрино. Последний выглядел бледным и сосредоточенным — глаза закрыты, пальцы сплетены, брови нахмурены. Рядом с Мрамором ничком валялись еще два студента — Орсон и Текка. Последние были то ли без сознания, то ли просто спали, лиц я не видела. И все это опутывали тонкие, еле ощутимо пульсирующие от перепадов магии нити.

— Что здесь произошло? — с беспокойством я поймала Ивонну за руку. — Что он...

— Давай начистоту, — нахмурилась девушка. — Они взбесились. Если бы Фрино не скрутил их ментальной магией, то нам бы всем здесь тяжело пришлось. Ладно Мрамор, он бы не смог из общежития выбраться, но Орсон бы много дел натворил. Да и Текка тоже. Так что предлагаю забыть на время старые обиды. Пошлите.

По спине у меня побежали мурашки. Мы с Кешей осторожно просочились мимо дракона и кое-как взобрались по пострадавшей лестнице на второй этаж. Прямо в коридоре на стуле сидел Якоб, и Рейнар, друг Ивонны, помогал ему бинтовать раненую руку. Я с ним

почти не общалась и знала лишь то, что он с Готреда.

— А, Кеша, — обрадовался наш куратор. — Слава небесам, что ты здесь. Ты-то нам и нужен.

— Тебя полечить? — уточнил мой рыжий друг.

— Не, это царапина, потерплю пока, — отмахнулся боевой маг. — Можешь вырубить эту великую троицу внизу как-нибудь аккуратно? У тебя лучше получится, все же не моя специализация. А то, какой бы мальчишка не был талантливый, надолго его не хватит.

— Попытаюсь, — кивнул Кеша. — Но вам всем лучше выйти.

— Рейнар, выйдите? — попросил нашего соседа Якоб. — И Яну с собой возьмите.

— Какие-то особые указания будут? — по-военному сухо вато осведомился парень.

— Да, — кивнул Якоб. — Вы трое — ты, Ивонна и Яна — выходите и держите дверь. Если вдруг что — сразу закрывайте ее, там засов внешний есть. Мы же с Кешей попытаемся усыпить всю эту компанию, пока Фрино их держит.

Я позволила Рейнару себя увести. Мы пробрались к выходу и застыли за дверью. Рейнар держал в руках мощный засов, Ивонна придерживала саму дверь, готовая в любую минуту ее захлопнуть. Я только подивилась их спокойствию. Я слышала, что на Готреде уже несколько лет не прекращаясь идет война. Видно, ребятам такая кутерьма была привычна и не вызывала особого беспокойства. Они действовали слаженно и хладнокровно, я им даже позавидовала.

Через открытую дверь я видела, как Якоб и Кеша спустились на первый этаж. Алхимик осторожно приблизился к лежащему на полу студентам. Первым он коснулся Орсона. У Мрамора снова забегали глаза, но пошевелиться он не мог. Я заметила как нити заклинания Фрино отпустили Орсона, и Кеша осторожно отодвинул его подальше от дракона. Вампира тут же подхватил на руки Якоб и унес на второй этаж. То же самое, так же аккуратно и быстро, они проделали с Теккой. Оставался только мой несчастный друг, впавший в полное беспмятство от проклятого тумана, который почему-то держался от красного общежития подальше.

С Мрамором, видимо, так просто разобраться не получилось. Кеша долго что-то шептал, приложив руку к его морде, но темные глаза никак не желали закрываться.

— Плохо, — буркнула Ивонна. — Попробуй усыпи такую махину.

— Постой, они уходят? — удивилась я.

И правда, Якоб и Кеша помогли Фрино слезть с дракона. Бывший злодей все еще держал заклинание, не дающее Мрамору начать ломать и крушить, потому глаза он плотно зажмурил. Как слепого, Якоб довел его до двери, а вот Кеша остался внутри. За ними тянулись, мерцая, нити ментальной магии.

— Что происходит? — спросила я у куратора, когда они с Фрино миновали дверь.

— Все нормально, — обрадовал меня Якоб, — Кеша сказал что усыпит его кое-чем помощнее. Он побоялся, что и нас заденет, так что мы вышли.

— Не могли бы вы заткнуться, — попросил недовольно Фрино. — Мешаете.

Мы понимающе замолчали. Свет в гостинной замигал и потух, погрузив помещение в полутьму. Я увидела, как силуэт Мрамора дернулся, и голова у него завалилась на бок. Судя по облегченному вздоху Фрино, дракон перестал дергаться. Кеша встал и осторожно вышел, кивнув на дверь

— Запирайте, он уснул.

Ивону и Рейнара упрашивать не пришлось, они быстро захлопнули дверь и накинули на

нее засов. Измученный Фрино привалился к стене.

— Молодец, долго продержался, — похвалил его Якоб.

Я тоже выдохнула. Слава небу, все кончилось хорошо. Вокруг все еще царил полный бедлам, но по крайней мере с моими друзьями все было в порядке. Найти бы еще Янку.

— Надо двигаться к воротам, — сказал Якоб, подбирая с земли одну из кошек и устраивая ее на своем плече. — Там дополнительный небольшой кристалл с защитным куполом, можно будет переждать.

— В желтом еще студенты остались, я попросил их запереться, — сказал Якобу Кеша. — Как думаешь, Дженни их уже забрала?

— Вряд ли, — покачал головой Якоб. — Я видел ее мельком сегодня, она в академии какие-то свои исследования проводила. Наверняка все еще там или где-то в той стороне. Так что студентов желтого нужно забрать. Справишься? Мне бы под купол и подлечиться, а то Мрамор довольно сильно меня укусил.

— С ним все будет хорошо? — вклинилась я.

— Да, леди, но пока туман не сойдет и он не превратится обратно в человека, к нему лучше не подходить, — кивнул Якоб. — Да уж... вовремя этот кристалл рванул. Два дракона в академии. Хорошо хоть Мрамор не такой здоровый, как его папаня, а то пришлось бы нам всем тут несладко.

— Яна, иди с ними, — велел мне Кеша. — Если что встретимся там.

Отказываться я смысла не видела, потому послушно поплелась следом за куратором. Вместе с нами в безопасность двинулись и многочисленные кошки. Прежде, чем мы нырнули в туман, я позволила себе оглянуться. Общежитие казалось мертвым. Оно пялилось нам вслед темными окнами, и от этого “взгляда” по спине побежали мурашки.

Перед воротами уже толпилась небольшая кучка студентов под предводительством шикарной и невозмутимой Нинель Тарман, но Яны среди них не было. Нырнув под прозрачный мерцающий пузырь защитного купола, Якоб кивнул старой преподавательнице некромантии и тут же, усевшись прямо на землю, принялся торопливо залечивать свою несчастную руку. Кошки расположились вокруг него, явно стараясь держаться поближе к хозяину. Впрочем долго наш куратор с нами не пробыл. Подлечившись, он тут же велел нам оставаться под куполом и двинулся обратно в академию, оставив нам своих пушистых любимцев.

Через какое-то время пришел и Кеша со студентами желтого общежития в полном составе. Спросил все ли у меня хорошо и тоже ушел. Бруснику, которая уже выглядела получше, он, пыхтя, уложил прямо на землю. Кальц тоже пришел. От него, окруженного жутковатой демонической аурой, студенты с ужасом шарахнулись. Впрочем, парня это не смутило — он им только мило улыбнулся и подсел к нам с Брусникой.

— Все в порядке? — уточнил у меня демон. — Ты какая-то бледная.

— Мрамора жалко, — вздохнула я. — У него от этого тумана совсем рассудок помутился...

— Ну ничего, преподаватели скоро все исправят, — успокаивающе улыбнулся мне Кальц. — Не волнуйся, все с твоим драконом будет в порядке.

Вспомнив о Мраморе, я украдкой глянула на Фрино. Парень как дошел до купола, так

сразу же и лег на землю. Кажется произошедшее изрядно его измотало. Он и так в последнее время выглядел бледным и измученным, а теперь же его мне стало попросту жалко. Вокруг Фрино суетился Эйнар, пытаясь его растормошить, но парень только отмахивался.

— Он что-то снова сделал? — понизив голос уточнил Кальц. — Чего он трупом валяется?

Я вкратце рассказала ему что случилось в красном, после чего демон тоже глянул на Фрино другими глазами. Ну по крайней мере без обычной брезгливости. Потом подсел ко мне поближе, обнял за плечи, подгрёб к своему боку, будто пытаясь защитить. От его ауры, которая напозла и окружила меня, стало чуть щекотно, но настроение как-то само собой улучшилось.

— Все будет хорошо, — сказал он уверенно. — Надо только немного подождать и все это кончится.

И тут из тумана под защитный купол выскользнул новый студент. Я подняла голову и чуть не задохнулась от радости. Янка! Целая и невредимая, но почему-то в незнакомом потрепанном халате. Я тут же вскочила, оставив Бруснику на Кальца, и со слезами кинулась к ней обниматься. От такой прыти Янка видно опешила, но, как и в прошлый раз, прижала меня к себе, успокаивая. Вот теперь можно и запоздало развеяться от испуга, ведь все в сборе и почти все в порядке.

Я умираю от усталости и бездействия.

Наобнимавшись с Эби, мы обменялись новостями. Про свою телепортацию в пещере с кристаллами я пока не говорила, чтобы не нервировать подругу еще больше. Вместо этого пыталась развеселить ее рассказом о своем не самом адекватном поведении в каморке Вальдора и успокоить заверениями в профессионализме преподавателей.

Как-нибудь все уладят. Скоро, совсем скоро.

Иначе чувство вины меня окончательно сожрет. И так смотреть на всех этих измученных и нервных студентов было тошно. Конечно, некоторым, вроде Юз Мосали, собравшей вокруг себя всю нашу группу, ничего не сделалось. Она, напротив выглядела еще более самоуверенной, чем обычно, пила невозмутимо кофе — где только взяла? — и что-то с отрешенной идеальной улыбкой рассказывала парням. Хотя нашей группе вообще повезло. Да, Кальц всех отпугивал своей пылающей демонической аурой, а чуть позеленевшая Брусника тряслась как осиновый лист, укутавшись в плед, но никаких нападений и озверений, как с отдельными экземплярами в других группах. Все живы-здоровы и даже относительно спокойны. Эйнар, к тому же, про моего Фрая не забыл, присматривал за псом, и я просто расслабленно болтала с Эби о всяких пустяках, ожидая, когда наконец что-то прояснится. Якоб и Дженни уже были где-то в академии, и Кеша с ними отправился, а подходить с вопросами к Нинель Тарман бессмысленно. И делать было совершенно нечего.

Мне уже хотелось завывать от тоски, как, наконец, темный туман, плотно облепивший академию, начал расползаться. Раздались облегченные вздохи-ахи, которые быстро сменились красочными ругательствами. Ну да, масштабы погрома впечатляли. Идеальный замок, как с картинки, в развалины, конечно, не превратился, но был изрядно покалечен. Одну из небольших башен снесло подчистую, почти все стекла выбиты, кое-где пробиты стены. Деревья перед главным входом обуглились. А те, что не обуглились, лежали, выдернутые с корнем, в куче. Даже думать не хочется, что стало с садом у общежитий.

— Не надейтесь, что уже можно идти по домам, — раздался неественно громкий голос Нинель Тарман. — Щиты от тумана в целом стабилизированы, но магия все еще нестабильна.

Словно подтверждая ее слова, светящиеся шары вокруг академии — и большие, с мощностью прожекторов, и маленькие светлячки — истерично заморгали разными цветами. А потом и вовсе потухли, погрузив все за пределами защитного купола во мрак.

Я застонала. Хочу в уютную кроватку. Да в общем — спать хочу зверски, состояние такое, будто целый день марафон бегала. И помучившись в неизвестности и безделье еще часик, я задремала под боком у Эби.

А когда проснулась... ничего так и не изменилось. Только еще и есть хотелось.

Но любые трудности и неприятности имеют свойство заканчиваться, и в один прекрасный миг академия вновь засияла волшебными огнями. Защитный купол пропал и мы, словно толпа зомби, под предводительством зловещей некромантки отправились в сторону старых общежитий. Вокруг академии уже прибрали, дыры залатали, оставшиеся в живых деревья посадили, но башня все так же отсутствовала, да и вообще — работы еще хватало.

Студенты, зевая и стоная, разбрелись по комнатам. Там нас уже любезно ждала готовая

еда, на которую я накинута голодным волком. И потом сразу же завалилась спать — уже нормально.

Надежды, что к условному утру, все уже будет как прежде не оправдались. Нас взяли и заставили работать — чинить, как можем, свои пострадавшие общежития. В принципе, с нашим, желтеньким, все было нормально, а вот Эби со своим не повезло. Кураторы и другие преподаватели помогали разве что советами по заклинаниям, а сами все силы отдали замку. Только Кеша помогал несчастной взмыленной целительнице в лазарете с многочисленными бедолагами, попавшими под воздействие тумана и натворившими дел. Заглянув на пару минут туда, я решила не дергать и так нервного парня, и отложить вопросы и покаятельную речь на попозже.

Все же преподаватели действительно со всем справились.

А студенты получили целый незапланированный выходной, за труды и пережитые страдания.

Утро началось с Брусники.

Я, зевая, вышла из комнаты, чтобы спуститься на кухню за чашечкой кофе, и сразу же наткнулась на взбудораженную девушку. Она была одета в довольно миленькое, нежно-голубого цвета, вязаное платье с высоким горлом и выглядела вполне здоровой и жизнерадостной — и не скажешь, что совсем недавно ей было так плохо. Когда я вчера попыталась спросить о ее странном состоянии во время сбоя в магической системе, Брусника только заволновалась и сказала, что потом как-нибудь расскажет, быстренько сменила тему. Ну я и не настаивала, право на личные тайны уважаю. Да и не было во мне и половины Эбиного любопытства.

— Как ты во время! — просияла она. — А я уже хотела идти тебя будить.

— Рано же совсем, — удивилась я. Обычно Брусника просыпалась через часик-другой после меня, аккуратно к началу занятий.

— Ну, я вчера и так полдня проспала, — пожалала плечами фея. — Даже неудобно вышло, все работали, а я... Ой, я же просто хотела сказать, что там к тебе гость пришел! Пойдем скорее, а то они там покусают друг друга...

И она нетерпеливо потянула меня за руку. Я спросонья только недоуменно пыталась сообразить, кто ко мне мог пожаловать. По реакции Брусники явно не Эби... может Кеша?

Но нет, не Кеша.

Женишок.

Я замерла на ступеньках лестницы, любясь приятной глазу картиной, разыгравшейся в гостиной.

Уильям Хоук, на диво потрепанный и взъерошенный, опасливо пятился от оскалившего клыки Фрая. Вроде как такой самоуверенный и весь из себя крутой — а собак боится. Это даже вызвало у меня умиление.

На кресле, закинув нога за ногу, сидел Эйнар и наблюдал за Хоуком со злорадным любопытством.

— Если ты сейчас же не уймешь эту псину, мальчик... — начал было Хоук, вполне так уверенно. Но Фрай рыкнул и мужчина осекся.

— Вы же, дяденька — квалифицированный маг, — насмешливо сказал Эйнар. —

Заколдуйте. Конечно, староста наша разобидится, разозлится, постарается вас чем-нибудь покалечить... Но что вы, девичьи глупости не переживете?

— Твой длинный язык, должно быть, многие мечтали укоротить. Могу устроить, — прищурился Хоук, стараясь не обращать внимания на собаку.

— Да нет, — блондинчик вполне искренне удивился. — Я хороший мальчик. Все меня любят — и собаки, и девицы... А чувства, что ко мне испытывает Абигейл и словами не передать.

Я вздохнула и закатила глаза. Ага, не передать — цензурными. Как же Эйнар меня достал со своими намеками на наши “особенные” отношения. Но вмешиваться я пока не стала, поглощенные друг другом мужчины нас с Никой не замечали.

— Эйнар лор Телламон, верно? Слышал, маленькая невеста на Готреде тебя тоже очень любит. И дядюшка любил... до недавних пор. Мои соболезнования.

По тону на соболезнования это не было похоже. Скорее на угрозу, и я внутренне поежилась — меня напрягала и эта вечная осведомленность Хоука, и то, что я так мало о своих одноклассниках знала.

На лице Эйнара ничего не отразилось, он только неосознанно потянулся к большой красной бусине на белоснежной прядке волос.

— Спасибо, — проникновенно сказал он и с театральной трагичностью в голосе продолжил: — Я до сих пор не могу отойти от известия о его внезапной смерти. И самое ужасное — я даже не смог посетить его похороны. Мы, обычные студенты, буквально заперты в стенах академии! Все-таки Абигейл с вами очень повезло — может не просто встречаться с возлюбленным женихом, но и свободно путешествовать по мирам с самого начала учебного года... Впечатляющие связи, господин Хоук. Хочу, чтобы и у меня так было!

— В первую очередь, это мои впечатляющие способности, мальчик. Не нужно пустой зависти. Уверен, править целым островом на Готреде тебе понравится намного больше, чем забивать свою аристократичную головку глупостями вроде межмировой торговли.

Эйнар хотел что-то ответить, но только беззвучно захлопал ртом, как рыба, выброшенная на берег. Хоук снисходительно ухмыльнулся, а я нахмурилось. Заклинание немоты. Исполнение Хоуком любимого приема Фелиции Вон по затыканию — даже к Эйнару — меня зарапнуло. Магия — сомнительный способ победить в словесной дуэли!

Фраю тоже не понравилось — он зарычал. На это раз громко, по-настоящему, а не просто пугая. Хоук заметно вздрогнул и я, опасаясь, что он и к псу захочет магию применить, нарочито громко и искусственно обратила на себя внимание.

— Кхе-кхе!

Брусника, с любопытством наблюдавшая со мной за перепалкой, хихикнула от того, как синхронно повернули головы в нашу стороны два парня и собака.

А потом Хоук вспомнил, что избавиться от препятствия на пути можно просто — телепортироваться. Переместился прямо ко мне, на лестницу, только на ступеньку ниже, и я оказалась чуть выше. Смотрела на него сверху вниз и чувствовала, как по-глупому горят щеки от жадного, беспокойного взгляда мужчины.

Это уже что-то новенькое, эти чувства в его темных глазах. Не игривая страсть, а что-то более серьезное. И тревожащее. Неужели волновался за меня?

Да ну, опять себе надумываю. Это же Хоук — мы друг для друга просто развлечение. Чертовски приятное, но развлечение. Он вообще жених Эби, а не мне.

Но...

К счастью Хоук сам все вернул на круги своя. Скривил губы в привычной усмешке:

— Приятно собственными глазами убедиться, что я не стал вдовцом, даже не успев жениться.

И я вспомнила, кто стал первопричиной мини-апокалипсиса в академии.

— Точно приятно, дорогой? Ведь ты так красиво от меня избавился. Взял посреди свидания и выкинул в... — я осеклась, и подозрительно уточнила. — Знаешь хоть куда?

— Всего лишь обратно в академию... Хотя об этом я узнал только пару часов назад. Из-за сбоев сюда нельзя было телепортироваться и я... — сквозь высокомерную маску все же пробилось явное чувство вины. Да и выглядел Хоук так, будто он ночь не спал, а волновался, но теперь, конечно, пытался это скрыть. Но это не значит, что я его теперь прощу и пойму.

— Бедненький, — ехидно пожалела я его. — Измучился весь в неведении, должно быть. Что же ты тут Эйни все донимал и моего пса нервировал, вместо того, чтобы, как обычно, сразу ко мне в спальню не запрыгнуть — проверить, цела ли здорова?

— А он тебя будить не хотел, — вмешалась Брусника, с трудом сдерживающая улыбку. — Сказал, что подождет, пока проснешься...

Под испепеляющим взглядом Хоука она смущенно замолкла. А я окончательно развеселилась.

— Как мило! Кажется ты заслужил награду.

И я поцеловала ошарашенного Хоука в щеку.

Пожалуй, у него были все шансы уломать меня что-то большее — его искреннее беспокойство мне откровенно польстило. Но тут в кои-то веки к нам в гостинную решила заглянуть Дженни и все обломала.

— Какие люди, да с утра пораньше! Малыш Билли, — у нее был вид кошки, что сейчас слопаёт аппетитную мышку. — Милуетесь, голубки?

Хоук на миг скривился — похоже Дженни с ее “малышом Билли” он не особо любил. Проигнорировав кураторшу, он торопливо поцеловал мне руку и попрощался:

— Увы, у меня много дел. Но на следующей неделе обещаю реабилитироваться. Можешь сама выбрать мир и страну, которую мы посетим, дорогая.

И поспешно испарился. Работа, видимо, ну очень срочная.

Глава 10. Абигейл

Я растянулась на диване в гостиной в компании маленькой белой кошечки и, откровенно говоря, валяла дурака. Наконец-то выпалась — еще бы, так устала. Шутка ли, мы вчетвером — я, Ивона, Рейнар и Фрино — совершили практически невозможное. Гостиная красного общежития выглядела даже лучше чем до погрома, вся уничтоженная Мрамором мебель воскресла благодаря магии. Мы даже умудрились вставить выбитую оконную раму и убрать со стен пятна гари.

Припомнив, как мы вчетвером магичили вчера, я крепко задумалась. Одна деталь не давала мне покоя.

Фрино помогал. Пусть держался особняком, пусть не давал втянуть себя в разговоры, пусть фыркал и кривился, когда его о чем-то просили, но помогал. А еще я постоянно ловила на себе его взгляд. Ох, этот взгляд! Я за прошедшее с того злополучного дня время успела его уже запомнить и даже немного возненавидеть. Станный, ничего не выражающий, пристальный взгляд. Он даже не утруждался отводить глаза, когда я к нему поворачивалась. Пару раз я попыталась поиграть с ним в гляделки, но оба раза проиграла.

Хлопнула дверь, отрывая меня от мыслей о странном поведении нашего с Янкой присмирившего врага. Почесывая за ухом кошку, вольготно расположившуюся у меня на животе, я выглянула из-за спинки дивана и радостно заулыбалась. На пороге стояли два моих несчастных приятеля — Орсон и Мрамор.

— Вас уже выпустили? — спросила я, ссаживая кошку на пол и устремляясь к парням. — Я так рада что вы в порядке. Мрамор, ты как?

— В порядке, — чуть заторможено отозвался полудракон, когда я заключила его в свои дружеские объятия. — Прости, если напугал тебя.

— А мне? — притворно надулся Орсон. — А меня обнять?

— Перебьешься, — ответил ему за меня Мрамор.

— У тебя есть Эби, — оскалился Орсон, подгребая меня к себе и обнимая. — Эй, Яна ты кого больше любишь — вампиров или драконов?

— И тех и других, — весело ответила я. — А еще демонов, фей, людей и всех остальных.

— О, соседи, — раздался голос Ивоны, выглянувшей из кухни в гостинную. — Вы поздно, мы уже все починили.

От этих ее слов Мрамор стушевался, и я попыталась ему ободряюще улыбнуться. Он ведь не виноват, это все проклятый дикий туман.

— Кстати об починке, — мил=ролюбиво улыбнулась Ивона... — У меня тут есть идея, как отметить завершение этого кошмара. Кто со мной?

— Я, — тут же поднял руку Орсон.

— Смотря что мы будем делать, — холодно-вато осведомился Мрамор.

— Играть в карты и вдыхать ароматы шиары, — помахала в воздухе Ивона колодой карт и длинными палочками благовоний. — Не боитесь?

— А чего бояться? — поинтересовалась я.

— Я пас, — нахмурился Мрамор. — Не хочу нюхать эту гадость.

— Да ладно тебе, — ткнул его в бок Орсон. — Пошли. Не думаю, что у тебя есть какие-то страшные секреты.

— Страшные секреты? — насторожилась я.

— Все время забываю что ты со своего дикого немагического мира, — улыбнулась мне Ивона, поправив свою шляпу. — Шиара — это трава правды. Ее дым не дает собеседникам лгать за столом и помогает выговорить все обиды. Хороший способ узнать друг друга поближе и избавиться ото всяких недомолвок. А еще она очень расслабляет, почти как табак. Ну что, рискнешь?

Я задумалась. На самом деле соглашаться на такое было довольно рискованно. А что если спросят про то, почему я так странно себя веду иногда? Но с другой стороны я так устала, так закопалась во всех этих проблемах и переживаниях, что меня тянуло отвлечься.

Видимо прочитав на моем лице сомнения Ивонна улыбнулась:

— Не бойсь, лишнего не разболтаешь, особенно, если очень не хочешь говорить. Это все же не зелье правды. И если что мы не будем допытываться.

— Ладно, тогда я согласна, — кивнула я.

— Я с тобой, — вдруг передумал Мрамор, глянув на меня. — Буду охранять твои секреты.

— Спасибо, — мило улыбнулась ему я. — Рассчитываю на тебя.

Играть мы решили на кухне. Выдвинули круглый стол на середину комнаты, запустили под круглую стеклянную вазу несколько магических светлячков, задернули шторы и погасили свет. Ивона достала из холодильника большое зеленое яблоко и воткнула в него несколько палочек благовоний. В ответ на мой удивленный взгляд она пояснила:

— Это все традиции, не бери в голову. У нас на Готреде ходит глуповатая легенда о том, что два короля, династии которых и поныне враждуют, поссорились именно из-за яблока. Так что мы мстим этим плодам за нашу войну как только можем.

Стоило зажечь благовония, как небольшая кухня тут же наполнилась незнакомым пряным запахом. Ничего подобного я раньше не нюхала, сравнить мне было не с чем. До меня то долетало что-то апельсиновое, то назойливо слышился аромат специй, но основную ноту я определить никак не могла.

— Во что играть-то будем? — спросил Орсон, тасуя колоду карт. — Может быть в покер? Хорошая игра, почти в каждом мире есть.

— Азартные игры? — нахмурился Мрамор. — Я не собираюсь играть на деньги.

— Расслабься, мы будем играть просто для удовольствия, а не на деньги. — отмахнулся Орсон.

— Так не интересно, — таинственно улыбнулась Ивона. — Нужно как-нибудь считать баллы и делать ставки. А тот, у кого окажется больше всего баллов в конце загадает остальным какую-нибудь забавную мерзость. Что бы такое найти мелкое.

Что ж, сказано — сделано. Пара минут поисков — и мы нашли фасоль. Разделив добычу на четыре кучи мы начали игру.

В покер я играла плохо, просто отвратительно. Не умела блефовать, вечно сбрасывала нужные карты, пугалась в комбинациях, которых, на самом-то деле, и не много. К тому же мне отчаянно не везло. Играть меня как-то раз от скуки научила Янка, знаний чуть добавил Орсон, но в целом играла я этим вечером всего во второй или третий раз. И впервые — в такой большой компании.

В первом круге нас всех уделала Ивона. Девушке везло до безобразия, а мне доставались максимум пары. На последнем ходе Ивона страшно оскалилась и выложила на стол каре из вальтов. Орсон только присвистнул:

— Везет же некоторым.

— Что бы такое вам придумать, — прищурилась Ивона. — Ой даже не знаю.

— Пощади, — картинно взмолился Орсон.

— Так, человеки и нечеловеки, — скомандовала девушка. — А ну все лезем под стол и громко мяукаем.

Мрамор поморщился, но полез. Я тоже со вздохом забралась под стол, где уже сидел веселый вампир. Стало как-то тесновато.

— А ну мяукаем, кому говорю, — постучала костяшками пальцев по столешнице Ивонна. — Давайте, дружно.

Ну мы и мякнули пару раз. Потом еще пару раз. А потом на нас уже с удивлением таращились кошки, не понимая, что вообще происходит. Мы устроили самый настоящий концерт. Когда одна из любимец Якоба подбежала к нам и удивленно мякнула, я не удержалась от смеха. За мной заулыбался и Мрамор, будто сбрасывая то напряжение, с которым он начинал играть. Правда, продержалась эта улыбка не долго.

— Что здесь происходит? — осведомился очень знакомый голос.

Высунувшись из под стола я увидела удивленного Фрино. Парень смотрел на нас как на душевнобольных, держа в руках грязную чайную чашку. В просторной белой рубаше выглядел он как-то непривычно по-домашнему. Впрочем, он в последнее время вообще одевался совершенно иначе, чем раньше.

— Мы в карты играем под шиару, — пояснила ему Ивона. — Хочешь с нами?

В девушку тут же впелись четыре ошарашенных взгляда. На наш немой вопрос “почему ты это предложила” она лишь пожала плечами и выдала:

— Ну а что такого? Общежитие чинили вместе. А вы, парни, вообще должны быть ему благодарны. Если бы он вас не держал, то вы бы кого-нибудь покалечили.

Быстро переместившись из под стола на свои стулья, Орсон и Мрамор помрачнели. Я тоже вылезла, но садиться не торопилась. Фрино же, казалось, колебался. Уж не знаю, что творилось в его голове, но в конце-концов он немного удивленно выдал:

— Ну... ладно.

Такого поворота событий кажется никто не ожидал, даже сам Фрино. Под нашими ошарашенными взглядами парень опустил на пустой стул между Ивонной и Орсоном. Мы смешали всю фасоль в одну кучу и разделили ее, теперь уже на пять порций. Игра продолжилась, однако если в первый кон мы шутили и веселились, то теперь молчали. Чувство было такое, будто над столом рояль подвесили на тонкой веревке и, стоит сказать чуть громче, он с шумом грохнется нам на головы.

Как-то ненавязчиво Ивона зажгла еще пару благовоний, и дышать стало тяжело от наполняющего комнату дыма. Постепенно шиара начинала действовать. Я краешком глаза заметила, как расслабленно откинулся на спинку стула Мрамор, как снова начал улыбаться Орсон, как разгладилось лицо у Фрино.

Такая странная ситуация.

— И все же я вот чего не понимаю, — начала вдруг Ивона. — Почему рванули эти кристаллы? Кто-нибудь слышал об этом хоть что-нибудь вменяемое?

— Без понятия, — вздохнул Орсон. — Но это было ужасно. Я честно вроде и не соображал ничего, но помню, что страшно боялся на кого-нибудь броситься.

— И потому залез под стол и там сидел, крича на всех, чтобы не подходили? — уточнила Ивона. — Ну и напугал же ты меня.

— А ты, Мрамор, что-нибудь помнишь? — спросила я у друга.

— Ничего, — забирая из расклада бубновую восьмерку, ответил Мрамор. — Будто ничего и не случилось. Я только помню, как начал вдруг превращаться, испугался. А проснулся уже в лазарете весь в синяках.

— Да уж, — буркнул вдруг Фрино. — С вами сплошные проблемы.

— Не выпендривайся, — нахмурился Мрамор. — То, что ты нас сдержал еще не значит, что мы — твои должники. Считай что искупил вину за то нападение, не более того.

— Вскрываем, — скомандовала Ивонна.

— Давай не будем об этом, — поморщился как от зубной боли Фрино, бросая карты на стол. — Я пас.

— Две пары, — гордо заявил Орсон.

— Пас, — буркнул Мрамор.

— Пас, — я скинула карты на стол. — Да, лучше об этом не вспоминать.

— Тьфу ты, нежные фиалки, — фыркнула Ивонна. — Тройка. Я снова победила.

И она выложила на стол три семерки, подгребая к себе выигрыш. Орсон сдал нам снова по две карты и разговор продолжился.

— Жаль, что вы двое не хотите рассказывать, — вздохнула Ивона. — Такой бы интересный разговор получился. Я вот все пропустила...

— Ивона, — угрожающе нахмурился Мрамор.

— Да нечего там рассказывать, — вдруг буркнул Фрино, бросая карты на стол. — Наверное, это какая-то мания готредцев — все делать только ради собственной выгоды. Зря я согласился.

— Вот гад, раскрыл меня, — улыбнулась ему кривенько Ивона. — Не злись. Я не замышляла зла. Просто очень хотела удостовериться в том, что ты больше ничего плохого не выкинешь.

Я ошарашенно уставилась на нее. Она серьезно это спланировала? Или просто блефует? В любом случае, ее слова застали Фрино врасплох. Он задумался под напряженными взглядами Орсона и Мрамора, а потом заявил:

— У меня есть аргумент в свою защиту, госпожа судья, — сказал он со смешком. — Я не буду мстить, не буду никого убивать, да и вообще собираюсь до того момента, как меня выпрут отсюда или я закончу обучение, вести себя как можно тише.

— Выкладывай, — попросила Ивона.

— Хорошо, — фыркнул Фрино. — Пооткровенничая, так уж и быть. Давайте я вас просвещу о порядках в моей семье. После того случая Сентро предложили мне приехать домой, и ректор даже разрешила. Но я не поехал, так как был большой шанс в академию уже не вернуться. Так как я не явился, мне прислали, воспользовавшись связями, письмо с прикрепленной бутылочкой яда и попросили покончить с собой и не позориться. Этого я тоже не сделал, как видите.

У меня по спине пробежали мурашки. О небеса, за что мне все это. Подзабытые за всеми этими метаниями с диким туманом чувства — раскаяние, жалость, стыд — накатились с новой силой.

— Если меня выпрут из академии, — продолжил Фрино, — то мне придется вернуться на Вейдану, в Орну, к отцу. А он либо меня пристрелит, либо шкуру живьем сдерет, и это не фигура речи. В общем, вылететь я очень не хочу. Потому я буду вести себя тихо и примерно как только могу, чтобы доучиться и сдать экзамены. Так у меня будет хоть какой-то шанс сбежать от своей семейки. Такой ответ тебя устроит?

— Вполне, — пожала плечами Ивона, а потом добавила без капли раскаяния. — Прости, что заставили тебя это рассказывать.

— Да пожалуйста, — фыркнул Фрино. — Рад стараться. Надеюсь я вас развлек. Хорошего вечера.

И с этими словами он вышел из кухни, только что дверью не хлопнул. А Ивона, как не в чем не бывало, собрала карты, перетасовала и спросила:

— Ну что, еще круг?

Глава 11. Яна (1)

Я в кои-то веки отбила свою собаку из рук Эйнара и сама повела на утреннюю прогулку. Даже стыдно перед Фраем стало — такими темпами, бедолага, скоро совсем запутается, кто его хозяин: то эти скачки по телам и незнакомая девушка, то какой-то блондинистый парень.

Сад у общежитий выглядел, как новенький, хотя еще вчера Вальдор с Нинель бродили тут и колдовали над омертвевшей травой и выдернутыми непонятной силой, деревьями. Неспешно ступая по усыпанной белым гравием дорожке среди своих любимых алых кленов, я с тоскою думала о предстоящей паре по водной магии. Ну что за издевательство, начинать учебные будни с Фелиции Вон?! Задание на дом, я, конечно, сделала, темы на три занятия вперед заучила, но... Леди Совершенство, как я не стараюсь, все равно ко мне почему-то пристрастна. Чую, после Вальдоровского халата она будет еще больше бесить меня своим брезгливым взглядом.

Дружелюбное гавканье Фрая отвлекло от мрачных мыслей — пес первым заметил сидящего на скамейке Кешу. Ну, наконец-то, нашелся! А то вчера мне за весь день так и не удалось поймать его. Это студенты отдыхали, а у преподавателей забот хватало.

— Ты там как? — вместо приветствия спросила я, подходя ближе. Кажется, Кеша даже не замечал, что одно стекло на его очках покрылась мелкими трещинами, а рабочий белый халат украшало большое синее пятно. И волосы — дыбом. Так и до ампула безумного ученого недалеко.

— Я-то нормально, не впервой... Отдохнул уже, — отмахнулся Кеша. — С тобой-то уже все хорошо? Вальдор сказал, что Билли перетащил тебя к нему в комнату, да еще и голой, а там потом весь этот бедлам и начался... Понятия не имею, как так получилось! Я же просто хотел пошутить...

Кеша выглядел таким виноватым, что мне даже шутить по поводу его шуточек не хотелось. Да и была тема поважнее. Пусть меня никто в подрывной деятельности и не заподозрил. Кстати вообще, незаметно было, чтобы виновника искали, расценили все как стихийное бедствие, но... Я-то знала. И от мыслей, что из-за меня, моей беспечности, пострадали люди...

В общем, все я Кеше рассказала. И про кристалл, и про свою не самую удачную попытку телепортироваться, и про взрыв. Меня как прорвало. Эби я пугать не хотела, а Кеша... он родной все же, я ему всегда о своих неприятностях рассказывала. Вот и на этот раз не выдержала.

Выговорилась, и даже легче стало.

Кеша секунд тридцать просто пялился на меня в удивлении.

— Я даже не знаю, как на это реагировать. Телепортироваться после месяца обучения, это вообще противоестественно — не хватает ни сил, ни контроля. Хотя... чего только спяну не учудишь. Но... Я был там, у этих энергокристаллов чертовых, видел, как там все покорежило. Ректор сказала, что это просто очередной сбой в системе. У нас тут вечно — то перегрузка, то нехватка энергии, и все начинает глючить. На этот раз масштабы, конечно, были впечатляющие. Но дело в том, что никакому одному магу не хватит сил, чтобы повредить всю сеть кристаллов. Тем более начинающему, такому как ты — не обижайся, но не самому сильному.

— То есть будем считать, это просто совпадением? — хмыкнула я. Пожалуй, обижаться на свои не впечатляющие всех и вся силы, мне уже надоело. Но слова Кеша вызвали у меня облегчение. Может и правда, я, как всегда, просто оказалось не в том месте и не в то время?

— Да нет, — мотнул головой Кеша. — Странно все это...

— С нами с Эби, вообще все странно. Я, кстати, тебе хотела еще кое что рассказать... но до тебя же не добраться.

И я заодно поделилась с Кешей всем тем, что узнала от ректора в тот злополучный день.

— Так вот оно что, — пробормотал Кеша, переварив полученную информацию. — В принципе, что в вашем обмене телами виноват этот Малум мне уже Вальдор давно рассказал — он же не дурак, и в курсе, что мы тут с тобой, в смысле с Яной, близко знакомы. Но вот про эти древние великие силы впервые слышу. Муть какая-то. Вы сами-то нашли хоть какую-нибудь информацию?

— Если бы, — я кисло улыбнулась. — Даже Эби со своей любовью к библиотеке не знает в какую сторону копать. О временах до Альянса сложно найти что-то внятное — такое чувство, что тогда даже книг нормальных не печатали. Все что касается любой древней, легендарной, истинной и прочей в таком духе магии — просто смутные и противоречивые догадки. А в старых манускриптах только мозговыносящие абстракции и детские легенды о первых мирооткрывателях!

Я, конечно, не могла сказать, что в поисках сведений о своих предположительных могучих силах, мы были особо усердны. Мы больше просто старательно учились магии, в надежде осознать и пробудить эти силы сами. Но, в любом случае, ни в теории, ни в практике не сдвинулись ни на йоту.

— Я вообще не уверена, что хочу чего-то большего, чем просто заработать кучу баллов, сдать прекрасно экзамены и получить свое желание, — задумчиво заметила я. — Желательно при этом ни во что опасное для жизни не ввязываясь — мне Малума с лихвой хватило.

— И что, так и будешь до конца обучения строить из себя аристократку из Кронуса? — скептически поинтересовался Кеша. — Хотя не то чтобы ты ее строила...

— Уж простите, господин алхимик, какая есть! Да и для Эби это полезно, пусть видит себя, точнее меня в себе, со стороны и учится. А потом вернемся на свои места, взяв друг у друга лучшее. У Эби, кстати, уже неплохо получается спорить и ставить всяких там на место.

Реально поставить на свое место Эби удалось только Фрино, да и то под влиянием демона и чересчур жестоко, но да ладно. Кеша все равно, казалось, ко мне не прислушивался, погрузился в свои мысли.

— Эй, рыжий, прием! — я легонько стукнула парня по лбу.

— Слушай... — он встряхнул головой. — Может еще рано что-то говорить, еще работать и работать над ним, но... Я же не просто так пропал. Я вообще-то думал над зельем, что позволило бы вам контролировать перемещения. Запретной, чтобы ее, магией занимался, но это так интересно! Самая крутая задачка в моей жизни! Никогда бы не подумал, что если смешать кровник, серу, несколько трав с эквариуса и слюну громага...

— Стоп-стоп, — я неверяще рот открыла. Вот же дает, прохвост рыжий! И ни словом не обмолвился, обнадеживать раньше времени не хотел, что ли... — Хочешь сказать, что мы с Эби сможем по своему желанию вернуться в свои тела? И магия останется?

— Магия вряд ли, на самом деле. Но и с ней я собираюсь со временем что-то придумать. Вообще... уже можно даже поэкспериментировать. Если не боитесь рискнуть.

Зелье требует доработки, только время надо выбрать...

Я уже не слушала. Счастливо взвизгнув полезла обниматься.

Рисковать я не боялась.

Глава 11. Яна (2)

После хороших новостей мне даже Фелиция Вон не казалась такой стервой.

До тех пор, пока не вызвала меня демонстрировать свои навыки в управлении водными потоками.

Занятие проходило в небольшом круглом зале с высокими купольными потолками. В таких же проводились и пары по другим стихиям — разница была лишь в убранстве.

В зале водной магии стены и потолок переливались всеми оттенками синего. Они словно мерцали и колыхались, как озерная гладь, хотя на ощупь были твердыми. Замысловатые узоры на потолке, темные, полупрозрачные, казались мне живыми и опасными водорослями. Будто вот сейчас свалятся, расползутся и всех передуют. Это нервировало, почему-то, наравне с преподавательницей.

Столы для студентов стояли кругом у самых стен, а в центре зала находилась огромная, расчерченная светящимися рунами, каменная чаша с водой. Обычно Фелиция Вон читала лекции стоя прямо в ней, на водном пьедестале. Ультрамариновое платье женщины будто струилось, и сама она была похожа на какую-нибудь морскую богиню. Фелиция постоянно держала под контролем свои силы. Она наглядно показывала нам все, что объясняла, и наказывала особо надоедающих ей студентов внезапным душем. Мне тоже разок досталось за пререкания. И пусть заклинание для испарения воды было практически первым, что мы выучили — все равно крайне неприятный способ поставить человека на место.

Сегодня в расписании стояла сдвоенная пара — лекция и практика — но Фелиция решила не тянуть. После получасового рассказа об использовании водной магии в целительском деле, она перешла к важности самоконтроля при таких напряженных тонких воздействиях. И, на наше несчастье, вздумала проверить, как у нас с этим самым самоконтролем обстоят дела.

Вызвала она, по закону подлости, именно меня. Не пылая энтузиазмом, я поплелась к центр зала. Фелиция грациозно снизошла на пол и предоставила мне рабочее место. Я по привычке сразу же заглянула в чашу — и так же привычно не увидела дна. Фелиция пообещала тому, кто объяснит ее бездонность и сам сможет сотворить подобное к концу году, автоматическую сдачу экзамена и по водной магии, и по пространственной. Такая неслыханная щедрость намекала, что задание почти невыполнимо. Но я не переставала надеяться разобраться. Да и, как оказалось, пусть и не в особо трезвом состоянии, но с пространственной я лажу очень даже хорошо. Надо бы как-нибудь еще раз рискнуть телепортнуться...

— Я говорю форму — ты придаешь ее воде, — лаконично объяснила Фелиция первый этап задания. — Куб.

Это было несложно, хотя острые углы вода не любила. Я вытянула воду из чаши и придала ей форму небольшого кубика.

— Звезда.

Прелестно, еще больше углов. Но я и с этим справилась.

— Лебедь.

Я прикусила губу от напряжения. Даже если брать условного лебедя, форма сложная. Хочу обратно геометрические фигуры.

Но дальше было только сложнее. Фелиция называла то зверей, то растения, то просто

предметы — все, что на ум придет. И все быстрее, и быстрее. Я уже сама от усилий стала воду выделять — соленую такую.

— Четче, — периодически покрикивала на меня Фелиция, заставляя, еще сильнее стискивать зубы и мысленно твердить мантру “я спокойна”. Хотя вскоре на посторонние мысли места в голове не осталось. Главное — удержать в воображении нужный образ, придать энергии в моих руках нужную форму, не отвлекаться, не расслабляться, и пусть пот заливает глаза, и вся я просто трясусь от усталости.

Сдаваться я не собиралась. Пусть Фелиция меня не любит, но я не позволю себя презирать за слабые силы. Потому что они нефига ни они, ни я, не слабые! И, чтобы доказать это и ей, и самой себе, я решила показать ей что-нибудь покруче простых фигур. Она сказал "дом" — что ж будет ей дом. Наш ныне общий дом.

Над чашей застыла водная модель замка академии, со всеми его окошками и башенками — сама не знаю, как я вспомнила такие детали, но не сомневалась: полная копия.

Фелиция только хмыкнула:

– Держи пока.

Вот и буду держать — если в обморок не грохнусь. Так, не отвлекаться, не отвлекаться, а то, правое крыло уже потекло...

— Юз, подойди, — я, словно сквозь вату, слышала голос преподавательницы. — Устроим маленькое соревнование. Все просто — Юз нападает и пытается разрушить замок. А Абигейл пытается его сохранить. У Юз три попытки. Победитель получает двадцать баллов, проигравший — столько же теряет.

Осознав уровень сложности задания, я, если бы могла, ругнулась. Это же нечестно! Юз только пришла, а у меня уже силы кончаются. Какое тут соревнование?!

Одногруппница понимающе мне улыбнулась, даже вроде как сочувственно — и обрушила на замок водяной вал. Но я удержала. Пусть потоки воды смешались, я оттолкнула все лишнее. Хотела уже победно улыбнуться, но... получила болезненную струю себе прямо в лицо. Вот же дрянь эта Юз! Глаза и ноздри залило водой, и я заморгала, закашляла, разбивая начисто сосредоточенность. Услышала только, как вода с громким плеском рухнула в чашу, обрызгивая и меня, и Юз. А открыв глаза, увидела свой замок — невредимый, зависший в воздухе. Ледяной.

Это что, я сделала?

— Как мило, Эйнар, — насмешливо сказала Фелиция. — Но Абигейл все равно проиграла.

Облом. Не я.

Сдержать истерический смех удалось с трудом. Обидно было ужасно — столько тут мучилась, тужилась, как дура — и ничего, только баллов лишусь.

— Так я же это для себя, — весело ответил парень, не отрывая взгляда от скульптуры из льда. Он даже не встал из-за стола, колдовал издали, но я видела его побелевшие от напряжения кулаки и теряющие насыщенность цвета камни в кольцах-артефактах. Я знала, что Эйнар, как не самый сильный маг, черпал из самодельных безделушек энергию. Молодец какой, черти бы его побрали.

— Хотя бы десять баллов дадите? За то, что сообразил, что вы хотели увидеть от Абигейл, — он обаятельно улыбнулся Фелиции. И та благосклонно кивнула в ответ.

Серьезно? Вот так просто?

Хотя, что удивляться... Эйнар вообще почти всем преподавателям нравился. А к тем,

кому не нравился, вроде Якоба, просто на пары не ходил.

Мы с Юз на такую несправедливость раздраженно переглянулись. Хотя долю злорадства я ощутила — я и так, и так проиграла, а нечестную победу Юз Эйнар затмил. Так ей и надо.

— Ты ведь не обижаешься, что я направила воду на тебя, а не на замок? — негромко спросила меня девушка. — Я давно заметила, что у тебя несколько... наивные представления о честности. Победа есть победа. Чтобы достичь чего-то в академии, тебе нужно это запомнить.

О, я запомню, Юз Мосали. Спасибо за урок. И почему ты раньше казалась мне приятной девушкой, несмотря на все свое высокомерие?

— О какой победе речь, Юз? — задала риторический вопрос Фелиция. — Ты поставленную задачу не выполнила и вместе с Абигейл лишаешься баллов. Но твои тактики мне понравились.

Уж не сомневаюсь.

Юз любезно поблагодарила Фелицию и пошла на свое место. Ну, с ее рейтингом эти потерянные баллы — капля в море, Юз давно сменила меня на первом месте в группе. Времена, когда студенты привыкали к академии и наслаждались новыми возможностями, прошли. Как-то незаметно все налегло на учебу, и я оказалась не такой уж и отличницей — просто-напросто не хватало магических сил, чтоб конкурировать.

Расстроенная, чуть ли не до слез, мокрая — ведь сил чтобы высушиться, просто не хватало — я молча поплелась на свое место. Даже спорить не хотелось. Да и бессмысленно и унижительно. Сесть бы уже и желательно отрубиться на часик-другой — но нельзя.

— Восемьдесят три... — чуть задумчиво сказала мне в спину Фелиция. Я недоуменно обернулась.

— Вернее, шестьдесят три, если вычитать за проигрыш. Не понимаю, почему ты так глупо игнорировала мои занятия. Кажется, я вижу тебя на водной магии всего третий раз. С твоим талантом это просто непростительно. Если хочешь по-настоящему учиться управлять этой стихией учти, я не потерплю больше никаких пропусков.

Я только бестолково закивала. То есть, это мои мучения с кубиками, лебедями и замками оправдались?! И я теперь уже прямо талантливая? Однако, какого черта я так гнала на эту замечательную женщину?!

Глава 12. Абигейл (1)

Новость о том, что мы сможем контролировать перемещения между телами, заставила меня крепко задуматься. С одной стороны хорошо, если вдруг снова спонтанно поменяемся — не придется сидеть без магии, возьмем и поменяемся обратно. С другой... совершенно неожиданно для себя я поняла, что не хочу возвращаться в свое тело. Я привыкла и к красному общежитию, и к тому, что я простая девушка с Земли, а не баронесса с Кронуса. Мало этого — я ведь в теле Янки приобрела некоторую репутацию, обзавелась друзьями, достижениями. И теперь у меня вовсе не было желания со всем этим расставаться.

К Кеше мы с Янкой собрались идти после пар в предпоследний учебный день перед выходным. Кеша сначала на последний предлагал перенести — на тот случай, если эксперимент пройдет неудачно, и нам нужно будет время отлежаться. Но Яне так не хотелось ждать, что она уболтала Кешу начать хоть на денек раньше. На занятиях я соображала плохо, и даже практическая магия не смогла меня расшевелить. Настроение было, мягко говоря, похоронное. Ждала встречи с Кешей я как собственной казни.

Вроде ведь и понимала, что все равно мы навсегда поменяются пока не сможем — магии же тогда не будет — но не могла не горевать. А вдруг Яна попросит меняться на выходные? А вдруг заставит меняться каждый раз после пар? У меня ведь столько планов было!

И вот, как на иголках отсидев историю, я вяло поплелась за подругой. Яна явно пребывала на седьмом небе от счастья, и мало внимания обращала на мое подавленное состояние. Но не успели мы покинуть кабинет Вальдора, как дорогу мне неожиданно преградил мой сосед Рейнар.

— Леди, можно отнять минуту вашего времени? — спросил он, не давая мне выйти из аудитории. — Отойдем в сторонку? Разговор очень важный.

Мы с Янкой удивленно переглянулись. Она закатила глаза, а потом кивнула — говори, мол, я подожду. Я же с удивлением рассматривала соседа, с которым все никак не могла нормально пообщаться за все эти недели в красном общежитии. Впрочем, Рейнар и сам желанием дружить не пылал. Он со всеми вежливо здоровался, но в остальном из него сложно было вытащить лишнее слово. Пожалуй, я его и близко-то ни разу не видела в спокойной обстановке. А посмотреть было на что.

Высокий, широкоплечий, с жесткими, очень коротко остриженными темными волосами и глубоко посаженными глазами. Грозный такой парень. Черный пиджак с воротничком-стойкой, два ряда пуговиц — все застегнуто, одежда идеально подогнана и отглажена. Осанка военная, что не особо удивительно — с Готреда же. Под его строгим взглядом я слегка поежилась — неудобно как-то стало.

— Вам от меня что-то нужно? — спросила я, не решившись обратиться к нему на “ты”.

— Да, я бы хотел попросить вас об услуге, леди, — кивнул Рейнар.

— О какой? — удивилась я. — Вам конспект какой-то нужен? Я могла бы занести его вам в общежи...

— Нет, — остановил меня Рейнар. — Я достаточно ответственно подхожу к обучению, чтобы записывать все сам. Мне нужна помощь совсем другого рода.

— Какая же?

— Я хотел попросить, чтобы вы представили меня своему другу Кальцу, — ошаршил меня этот грозный тип.

Такая просьба ставила в тупик.

— А... вам зачем?

— Хотел бы обсудить с ним некоторого рода сотрудничество, — уклончиво сказал Рейнар.

— Простите, — оглянувшись на Яну, сказала ему я. — Но я вас слишком плохо знаю, чтобы вас ему представить.

— Не беспокойтесь, я все предусмотрел, — Рейнар кивнул. — Наверняка вы знаете, что у нас в академии имеется театральный кружок? Они ставят в этот выходной одну очень интересную старую легенду. Плата чисто символическая, а желающих посмотреть не много, так что мне без труда удалось достать четыре билета. Я приглашаю Ивону и вас, вы же позовите Кальца. Так что, вы согласны?

Я задумалась. Маленький театр академии — это интересно, жаль раньше я о нем не слышала. Знала, что кружок имеется, даже вступить хотела, но не решалась. Потому я дала себе минуту на попытки найти причину отказаться, не нашла ничего существенного, и кивнула.

— Хорошо. Где встретимся и во сколько?

— Послезавтра я найду за вами в пять, — кивнул Рейнар. — Попросите Кальца быть у нас в общежитии к этому времени. Пойдем вместе, чтобы заранее познакомиться.

На этом беседа и закончилась.

— Ну, чего ему было надо? — спросила у меня Янка, когда Рейнар наконец попрощался и ушел.

Я пересказала ей наш разговор, и Яна на это лишь фыркнула:

— А сам он к Кальцу подойти стесняется? К чему эти средневековые реверансы... больше на завуалированное приглашение на двойное свидание смахивает.

— Двойное свидание? — заинтересовалась я. — Какие-то земные обычаи?

— Сомневаюсь, что только земные. Наше путешествие на Пинион вчетвером тоже в каком-то смысле... — Яна вдруг нахмурилась и быстро перевела тему: — А, ладно. Может Рейнар реально просто хочет поболтать с демоном... но зачем он мог ему понадобиться?

Логичных предположений у нас не нашлось, потому мы принялись выдумывать всякую ерунду. Так и не заметили за этим нелепым занятием, как оказались у кабинета алхимии.

Кеша уже ждал. Стоило войти в незапертую аудиторию, как рыжий тут же нас сцапал и потащил в смежную комнату — лабораторию. Здесь я оказалась впервые. Все стены занимали шкафы, стеллажи и стеклянные витрины с разнообразными банками и склянками. Посреди лаборатории стояли два стола. На одном из них стояла хитроумная стеклянная конструкция из трубок, пробирок и колб. Второй стол явно предназначался для подготовки ингредиентов, их нарезки и смешивания. Здесь даже были специальные поддоны, полные пахучих сушеных трав, цветов, порошков и прочего. На дальней стене висела огромная меловая доска с какими-то записями. В общем, лаборатория эта — просто мечта алхимика.

— Садитесь, — махнув нам на две заваленные бумагами табуретки, сказал Кеша. — Я тут для вас приготовил минилекцию. Придется вам посидеть и послушать прежде, чем мы приступим к практике...

Передав мешающие бумажки Кеше, мы уселись.

— Только давай без перечисления алхимических формул, — сказала Яна.

— Не, — весело улыбнулся Кеша. — Прости, я в прошлый раз взбудоражен был. Только потом понял, что ты ничего бы и не поняла, не ходишь же на алхимию. Потому я долго думал, ночами, блин, не спал, чтобы придумать, как вам все объяснить попонятнее. Так выслушаете?

— Ну, если ты собираешь тянуть прелюдию еще полчаса, то нет, не выслушаем, терпения не хватит! Кеш, не издевайся, а? Говори что узнал и что сделал.

— Ладно, хорошо, — согласился Кеша, схватив меловую доску и пододвинул ее к нам поближе. — Тогда смотрите. Давайте представим, что тело — это аквариум для рыбки.

И рыжий, как умел, нарисовал на доске два круглых аквариума. Никогда не понимала, зачем держать у себя рыбку. То ли дело кошку, собаку, или кролика там... но зверушку, которую даже погладить нельзя.

— В общем, этот самый аквариум наполнен энергией, — продолжал Кеша. — И в ней плавает ваша душа — рыбка.

Он дорисовал по рыбке на каждый из аквариумов.

— Что сделал этот ваш Малум, чтобы поменять вас местами? — задал риторический вопрос Кеша. — Он просто соединил ваши сосуды-аквариумы трубкой, чтобы рыбки могли переплыть из одного места в другое. Это я очень упрощенно, конечно, объясняю. В разрешенной части теории, которая рассказывает о магии душ, сам черт одну ногу сломит, а другую и совсем выдернет. Как и в запрещенной. Впрочем, что той, что этой, мне удалось найти очень мало. Только чтобы общее представление получить. Так вот... мы далеко отошли от темы... дальше будут голые предположения, которые надо еще проверить.

Кеша нарисовал между аквариумами длинную трубку, а потом перечеркнул ее посередине.

— Итак, вот мое предположение, — вздохнул он. — Основанное на вашем рассказе и полученных знаниях. В общем, такое чувство, что он проделал этот канал между вами, но сил на то, чтобы его уничтожить, демону уже не хватило. Не знаю уж почему, но вместо того, чтобы оборвать связь, он ее где-то посередине... заткнул.

— Но если он ее заткнул, то почему мы иногда меняемся? — вставила свое слово я.

— Не все так просто, — улыбнулся мне Кеша. — Не сказал бы, что у него вышла пробка. Скорее клапан или что-то подобное. То, через что все же можно пролезть. А теперь внимание. Вы ведь обычно меняетесь во время опасности или при сильных эмоциях? То есть когда испытываете стресс. Представим, что этот стресс равнялся бы горелке, поставленной под аквариум. Что бы сделала рыбка в таком случае, чтобы не превратиться в уху?

— Попыталась бы переплыть в другой аквариум, где вода попрохладней, — пробурчала Яна. — А “энергия” в которой душа плавает, это что? Магия?

— Это, Янка, энергия, — помотал головой Кеша. — Расходник. Считай это чем-то вроде твоего магического бензина. Кончилась энергия — колдовать становится сложнее. Неужели никогда не испытывала магического истощения?

— Я запуталась, — помотала головой Янка. — Вроде и такие аналогии наглядные, а будто на лекции Хеллвена сижу... Да пофиг. Лучше скажи, что ты придумал?

— А все просто, — весело улыбнулся Кеша. — Для начала мы на время попытаемся приоткрыть этот чертов клапан. Просто проведем проверку. Если это не поможет вам поменяться — то придумаем что-нибудь еще. Если поможет — я буду доделывать волшебное зелье, что снесет его нафиг, и тогда уже меняйтесь, когда хотите и как хотите. Все равно не

сможете в какое-нибудь чужое тело переместиться, только между собой. Конечно, магию это вам не вернет... но и с этим со временем что-нибудь сообразим.

— Слушай... а если ты ее откроешь... то оно непонятно куда все не хлынет? — уточнила опасливо Яна. — Неконтролируемые магические выбросы какие-нибудь не случатся, или что-то подобное?

— Вот из-за этого нам и нельзя его пробовать прямо сейчас, — потер руки Кеша. — Нужно провести несколько тестов для начала, чтобы я целиком и полностью в своей теории убедился. Так что готовьтесь, вы сегодня — мои подопытные свинки. Придется чуть попотеть, но зато мы избежим многих неприятностей.

Мне стало как-то не по себе, но я только постаралась улыбнуться. Не к чему рушить им обоим такую радость. Да и к тому же — может, я просто привыкла? Вот вернусь в свое тело и себе заново друзей заведу. Но все равно жалко ведь до ужаса.

— Так-с, — тем временем Кеша, открыв шкаф, вытащил целый набор с растворами всех цветов радуги. — Зелья эмоций. Инструкция по применению — пить залпом, запрокинув голову. Если вдруг оно во рту исчезнет — не пугаться, все идет по плану. После того как выпьете, на вас нахлынут эмоции. Не паниковать. Точнее паниковать, но по лаборатории не носиться. Просто постараться захотеть переместиться. Сначала будем пить по отдельности, потом вместе. Это чтобы понять, действительно ли между вами такой канал есть, или нет его и я что-то напутал. Начнем с эмоций хороших, потом перейдем к плохим. Кто первый?

Глава 12. Абигейл (2)

— Давай сюда, — Яна чуть взволнованно протянула руку.

Кеша сунул ей длинную тонкую пробирку со светящимся ярко-желтым зельем и предупредил:

— Радость и эйфория, действует кратковременно. Добавки не просить и никому не рассказывать, что пила. Оно не совсем разрешенное.

— Не помню, чтобы я испытывала что-то вроде радости, перед нашими обменами, — пробормотала Яна. — Скорее наоборот... Но, если ты уверен, можно попробовать...

— Ты же вроде говорила что прямо из постели с Хоуком выпрыгнула? — напомнил Кеша. — Так что стоит проверить.

Яна прожгла его взглядом.

— Не из постели. Фактически то был... лист кувшинки. Но не суть... Просто тогда я испытывала несколько спорные эмоции, — мне показалось, что Яна немного смутилась. — Если честно, думала про... ну, свое настоящее тело. И мне скорее было тоскливо, чем радостно.

— Нет в тебе экспериментаторского духа, — покачал головой Кеша. — Ну да ладно. Возвращай тогда. Но знай, если ты на вершине оргазма вдруг окажешься в теле подруге — я тебя предупреждал. Лучше все проверить. Но если уж тебе так не хочется....

— Я выпью, — устав слушать их препирания, протянула руку я. — Ты прав. Лучше проверить...

Пожав плечами, Яна передала мне пробирку. Я открыла ее, запрокинула голову и вылила жидкость себе прямо в горло. На язык все равно немного попало. Почувствовала я себя заправской алкоголичкой — Янка как-то рассказывала, что таким образом пьют очень крепкие напитки, чтобы не обжечь язык. Зелье оказалось сладкое, как сахар. Подействовало оно не сразу. Пару секунд я сидела и прислушивалась к себе. А потом вдруг вся эта ситуация показалась мне такой хорошей.

Вот Янка сидит рядом — какая же она замечательная подруга, как же я рада ее видеть. Вот Кеша, рыжий и красивый. Вспомнился наш поцелуй у подъезда, поход в парк, тот нежный вечер. И я расплылась в улыбке. Глупой такой, что Янка аж испугалась.

Видя мое состояние, подруга осуждающе посмотрела на Кешу, а тот хитро улыбнулся. Я как в тумане припомнила, что надо бы попробовать поменяться. Глянула на Яну. Поменяться? Но ведь Янка вот какая недовольная сидит, а вдруг я от нее заражусь? Заражусь мнительностью и подозрительностью. От этой мысли я даже хихикнула.

— Так, эффект нулевой, — сообщил Кеша, делая пометку в блокноте. — Не бойся, сейчас пройдет.

— Наверное, надо, чтобы и я одновременно... была полна эмоций — заметила Яна.

— Да, стоит попробовать, — согласился Кеша.

Я весело закивала. Да-да, Янке бы не помешало это все испытать. Однако тут эффект зелья начал сходить на нет... Чувство было такое, будто из меня вытягивают соки. Мир терял краски, и алхимическая лаборатория, только что бывшая страной чудес, вдруг превратилась в грязное и душное помещение, пропахшее всякой гадостью.

— Это ужасно, — сообщила я, когда действие закончилось окончательно. — Мне что, еще раз это пить придется? Ужас какой. Это даже хуже алкоголя...

— Крепись, так надо, — сообщил Кеша, протягивая нам с Яной еще по пробирке. — Дубль два. Поехали.

Понимая, что, если помедлю хоть секунду, то откажусь, я влила в себя в горло следующую порцию этой алхимической гадости даже быстрее Яны. Подруга только покачала головой на это, и присоединилась ко мне. Все повторилось. Только теперь к радости примешивался зудящий голосок где-то внутри, бормочущий “так же лучше, вот бы оно не кончалось”. Глянув на подругу, я увидела, что Янка, растянув губы в счастливой улыбке и с сияющими глазами полезла к стоящему рядом Кеше обниматься:

— Блин, ребят, а вы реально такие классные!

Когда действие зелья начало проходить, меня взяла зависть. Янка-то все еще улыбалась, а я — уже нет. И я, зажмурив глаза, очень и очень сильно захотела нырнуть в ее тело, чтобы спастись от меркнущих красок. Это было подло с моей стороны, но сработало. Знакомое головокружение... и я чуть не упала со стула.

Действие эйфорического зелья резко испарилось, вернув меня к реальности. Я сидела, хватаясь одной рукой за табуретку, другой — за Кешу, а рядом моргала глазами Яна в своем собственном теле. Поняв, что я сделала, я ощутила себя гадко. Тоже мне, подруга... ради удовольствия взяла и выгнала Яну из тела.

— Бинго, — блеснул глазами Кеша. — Рассказывайте, что было, девчата.

Скрывать смысла не было, и я созналась.

— Прости, — добавила я к своим объяснениям, стараясь не смотреть на Яну. — Это зелье совсем меня запутало... не злишься?

— Злюсь? С чего бы, это же в каком-то смысле наркотик — ты готов на все, чтобы заполучить еще. У тебя еще очень невинные пожелания были — и как раз те, что нам и нужны, — фыркнула Яна. — А я вот подумала, что веду себя, как пьяная, и вспомнила, как невесело кончались все мои попытки глотнуть алкоголя в твоём теле, и как хорошо было с этим делом в моем. Решила, что хочу уже в свое и на радостях очень сильно поверила в то, что получится. Получилось.

— Фух, — выдохнула я.

— Ну, способ, конечно, не очень, — сделал еще одну пометку Кеша. — Да и радость тут была не при чем. Хорошо. Тест номер два.

И он помахал в воздухе пробиркой с ярко-красным зельем. Оно переливалось внутри словно было туманом или густым дымом, а не жидкостью.

— Страх, — сообщил он. — Если я все правильно понял — от него вас должно шустро поменять обратно.

— А магии все нет, — задумчиво отметила Яна. — Эх. Ну ладно, давай дальше будем пробовать скакать. Хорошо бы научиться управлять... процессом.

— Управлять будем пробовать после тестов. Сейчас я только в своих теориях хочу убедиться. Чтобы не давать вам не пойми что беспочвенно и не натворить дел. От этих же эмотиков никакого вреда, а вот от того что я сварил... ну не знаю. Мало ли. Надо все проверить.

Кеша протянул одну пробирку Яне, другую мне и встал поближе, прямо между нами. Когда подруга на него подозрительно зыркнула, он только улыбнулся:

— Доза, конечно, маленькая... но мало ли. Не хочу, чтобы ты разнесла мне лабораторию.

— От страха? — хмыкнула Яна, залпом выпивая жидкость из пробирки.

Я последовала ее примеру, хотя пить эту гадость совсем не хотелось. Впрочем, гадость пахла вишней, да и вкус тоже оказался похожим.

— Вы главное пожелайте по сильнее обе сбежать из своего тела в чужое, — попросил Кеша. — Проверим, так ли это работает. Если сейчас получится, то я буду от этого дальше в своих исследованиях плясать.

Страх подействовал практически так же, как и радость. Не резко, а постепенно наступая, он захватил все мое сознание. Тени вдруг сгустились, в каждой мерещилось по страшному чудовищу. Не выдержав давления, я придвинулась поближе к Кеше, но тут же отпрянула. На его лице мне померещилась не веселая улыбка, а страшный оскал.

Тук, тук, тук...

Я взвизгнула и зажмурилась, мечтая оказаться где угодно, только не в собственном теле. И вновь это сработало. Головокружение, и я уже валяюсь на полу в привычном Янкином теле. Страх отступил, и я потеряла ушибленный бок. Глянула на подругу. Та на стуле все же удержалась, но вид у нее был бледный и какой-то пришибленный.

— Кто-то стучал? — хриловато уточнила она.

— Я, — сообщил рыжий хитрец. — По дверце шкафа. Но сработало же.

— Придурок, — буркнула Яна, но обиды в ее голосе не чувствовалось. — В общем, вроде как работает И что дальше? Как-то я не хочу каждый раз испытывать подобное...

— Не парьтесь, — заверил нас Кеша. — По крайней мере на первое время я сделаю вам зелье, при помощи которого вы сможете поменяться в экстренном случае — быстро и без издевательств над вашей психикой. Через недельку-другую готово будет. А теперь идите-ка вы отдыхать. И поешьте чего-нибудь, эти зелья много сил отнимают...

Глава 13. Яна (1)

На следующий день, когда первая радость после Кешиных экспериментов окончательно прошла, и я крепко призадумалась. Ну научимся мы контролировать перемещения между телами. Но что, собственно, это нам даст? Без магии-то. Будем после занятий на пару часиков меняться, просто чтобы вновь почувствовать себя в родной шкуре? Или вообще только на время сна? Ведь мало того, что и по вечерам учиться надо, тренироваться. Так я уже еще и привыкла постепенно, по мелочам магию использовать в быту.

В общем, если хочу быть магом в своем теле — мне все равно придется учиться и стремиться полапать этот Кристалл Междумирья. Разве что Кеша окажется совсем гением и что-нибудь еще придумает.

Вот то, что Кеша, не забил на меня и мои проблемы — реально грело душу. Я мигом забыла все обиды, и вообще корила себя за нехорошие мысли. Ведь знаю же Кешу — он вечно себе там что-то на уме, строит тайные планы по улучшению моей — и не только — жизни, не разменивается на пустые обещания. А я тут решила, что все, кинул, друг. Просто потому, что он скрыл от меня правду о своем обучении в академии. Хотя логикой понимала, что такие новости подруге-реалистке не расскажешь. Академия, блин, магии. Магии!

Полное ведь безумие. Но существует же!

И наличие грязевого болотца среди гостиной моего общежития являлось наглядным тому подтверждением.

Я только на пару минут на обеде забежала к себе в комнату за учебниками. Поднималась — лежал на полу чудесный бордовый ковер, пушистый такой. Спустилась — вместо ковра лужа грязи пузырится, сверху жуткие черно-белые бабочки порхают. И сидит у всего этого великолепия Мэт, с видом задумчивым, аля Аленушка, желтую косу набок свесив. Как обычно — в одних штанах и безрукавке, да еще и босой.

— Что-то я даже не знаю, как это вышло... — увидев меня, отрешенно заметил эльф. — Хотел просто сделать такой же ковер, как в зале магии земли.

— Не очень-то похоже на имитацию лесной полянки, — заметила я. — И вообще она нам тут нужна была бы не больше, чем это болото. Что с твоим чувством стиля, о дивный?

— Да я так, экспериментировал, — почесал за ухом Мэт. — Слушай, староста, как убрать-то? А то оно, это, пованивать начинает.

Пованивать и вправду начинало. И пузыри все больше становились — еще как возьмут, как лопнут, и все в комнате забрызгают. Нехорошая перспектива.

Я задумалась. Ну, во-первых, у меня сейчас была пара по пространственной магии с Фелицией Вон. Опаздывать и портить заработанное на водной магии хорошее впечатление о себе я не хотела. А во-вторых... я понятия не имела, как это исправлять.

Потому, аккуратно обходя этот объект живой природы в сторону выхода из гостиной, я уточнила у Мэта:

— Ты же эльф, магия земли — твоя суть. Неужели никак...

— Никак, — затряс головой этот горе-эльф. — Меня же все время на магию смерти выносит, что ни делаю! И когда оно вот так... совмещается случайно... то оно такое мощное получается. И неубираемое. Мной, по-крайней мере.

Точно ведь — магия смерти. Я-то думаю, что за бабочки странные, а тут пригляделась — а это зомби-бабочки, обесцвеченные, с поломанными крыльями. Надеюсь у них нет

желания забираться через ноздри в мозг и пожирать его. Меня аж передернуло.

— Ой!

В гостиную заглянула Брусника. Я припомнила, что у нее на сегодня с учебой все, расписание так сложилось, что пары только до обеда. И Брусника у нас тоже в земной магии специалист, дитя Эквариуса ведь. Я была уже у самой двери и нежно подтолкнула Бруснику вперед, поближе к Мэту и его болотцу.

— Помоги эльфу, а, Ника? А то мне бежать надо. Опоздаю, и Фелиция Вон меня прибьет — словесно или магически. А у тебя наверняка лучше получится избавиться от этой гадости, ты так круто у Нинель Тарман колдовала, я помню. Талантище!

От моей грубой, но искренней лести — я же прекрасно осознавала, что в магии земли она куда меня сильнее — Брусника одновременно смутилась, и подозрительно на меня покосилась.

Я состроила самую невинную мордашку на Эбином личике.

— Попробуешь? Не хочется к преподам идти — мы же с неопасными для жизни магическими проблемами должны сами типа как справляться.

— Я бы так уверенно не говорил, про неопасность для жизни, — задумчиво отметил Мэт, с нездоровым любопытством рассматривая свое неудачное творение.

Бабочки, видимо, размножались клонированием. Уже раза в два стало больше с тех пор, как я их впервые увидела. И запах подозрительный становился все сильнее. Я на секунду засомневалась. А может, не дурить? Сразу мчаться за Дженни или самой Нинель Тарман — ее специализация. Но Брусника решительно выступила вперед:

— Иди, Эби, не беспокойся. Мы с Мэтом как-нибудь сами разберемся, — она с воодушевлением направилась прямо к нашему бывшему ковру. Эльф только пожал плечами — против помощи Брусники он не возражал. И я, пожелав им удачи, побежала на пространственную магию.

Мне повезло — успела. И на самом занятии хорошо себя показала. Пусть я и не признавалась насчет своего практического опыта в телепортации, но это заметно помогло мне в понимании теории. Ведь если Грегу Хеллвену хватало качественного заучивания, то Фелиция Вон к учебникам относилась пренебрежительно и предпочитала слышать из уст студентов их собственное восприятие материала. Темой занятия было простое перемещение в пространстве неживых предметов небольшого размера. Не левитация, а именно мгновенное перетаскивание из одной точки в другую какой-нибудь там, например, кружки. Задание это раз в пятьдесят проще, чем перемещение собственного тела, и уже поняв принцип я с легкостью выполнила его... ну, с третьего раза, на самом деле. Но все равно — лучше всех.

После пространственной магии была моя любимая артефакторика — сегодня еще любимей, потому что Эйнара на ней не было. Решил, что ли, все-таки перестать тратить зря время? И отлично — а то не нравится мне, как он все косится на меня. Вроде я, впервые появившись на занятии, пока Эби лежала в лазарете, и объяснила этому слишком проницательному паразиту, что мы с Янкой как-то пообщавшись решили, что артефакторика это не ее, а вот точно уж мое. И Эйнар сделал вид, что поверил, одобрил разумное решение, но с таким раздражающим ехидненьким взглядом, что я в тот вечер не удержалась от мелкой

мести.

Зная, что Эйнар единственный в нашей группе пьет и чай, и кофе с сахаром — подменила его на соль. И прогнала с кухни почти все светящиеся шары, чтобы организовать полумрак. Блондинчик, решивший на ночь похлебать чайку, подвоха не разглядел и потом долго плевался, радуя меня безмерно. Правда, на место сахар никто не вернул, а на утро Брусника вдруг решила испечь блинчики... Но, в общем, не вышло вкусного горячего завтрака.

После индивидуального занятия артефакторикой с Вальдором я, довольная прошедшим днем, не спеша шла в общежитие. Повернув за угол, я чуть не столкнулась с Альбо Фолко. Парень был в своем любимом черном свитере и бордовых брюках, красновато-каштановые волосы как обычно взъерошены, глаза — бегают. Он совсем не мог сосредоточиться надолго на чем-то одном. К тому же память у него была птичья. И из-за этого — все сложности. В магии воздуха он был превосходен, а в остальном — тащился в самом низу, несмотря на хорошую соображалку.

— О, Эби! Привет Эби, — Альбо наклонил голову набок, красуясь татуировкой на шее, замер на целую секунду, и начал тараторить: — А ты слышала новость? Все говорят! Я сейчас с превращений иду. У меня только с превращениями хорошо получается. Потом Дженни взяли — вызвали. Срочно и серьезно. Я полетел проверить — зачем? Любопытно было. И первый узнал. Знаешь, кто в академии нагрязнул? Хранители! Настоящие. Те самые. Мою бабушку они казнили когда-то. Мама твердила, что справедливо. Но не знаю. Я бабушку любил..

— Притормози-ка! — перебила я семейные откровения оборотня. — Хранители? Зачем здесь Хранители?

В животе от внезапного страха стало неуютно. Так, я спокойна, я совершенно, спокойна. Не по наши с Эби они души, определенно. Может, просто из-за этих сбоев заглянули? Ну ничего, ректор их быстро выводит.

— Не знаю. Не слышал. Они все ходили вокруг академии. Ходили, ходили. Важные такие. Все еще ходят. Возле библиотеки в последний раз были. Можешь посмотреть. А нет, вру, слышал. Слышал, зачем они тут. Из-за взрыва. И дракона. И демона. И вообще — проверка, что у нас в академии творится. Вдруг, что подозрительное. Слышал, что им хочется очень найти, в академии что-нибудь подозрительное. Что, считают, будто ректор преступников покрывает. И интриги плетет против властей Альянса. Врут? Не врут? Без разницы — не люблю после бабки Хранителей.

Ну-ну, я так понимала, по всему тому, что об этих Хранителях слышала, что для них и мы с Эби не невинные жертвы, а закоренелые преступники. Так что их присутствие, мягко говоря, тревожило.

Я лишь на миг задумалась, а Альбо уже упорхнул куда-то, оставив меня нервничать в одиночестве. Может и правда пойти посмотреть на этих Хранителей? Или плюнуть и пойти спокойно в общагу, проверить как там Мэт с Никой справились с болотом и вообще...

Глава 13. Яна (2)

Только я переступила порог общежития, как столкнулась с Эйнармом. В его растрепанной белой гриве, обычно прилизанной волосок к волоску в мнимой небрежности, красовались капли грязи и застрявшие крылья бабочек. Аккуратные тонкие косички с цветными бусинами-артефактами превратились в неопрятного вида дреды. От виска до уголка рта холеное лицо разрезала глубокая царапина с уже запекшейся кровью.

Что-то подобный его вид вызывает нехорошее предчувствие.

Эйнар, увидев меня, болезненно скривился.

— Надо же, какая радость — староста пришла!

— Что случилось? — встревожено спросила я, и, не удержавшись, быстренько вытащила запутавшееся в его волосах полупрозрачное крылышко. Парень только глазами недоуменно хлопнул. — Это все из-за Мэтова болота?

— А хорошо сказано, — Эйнар вдруг развеселился, хотя улыбнуться у него не получилось — только зашипел от боли. — Мэтово болото... теперь будет нашим традиционным общажным ругательством для всякого свалившегося на голову дерьма.

Дерьмо из уст Эйнара обеспокоило меня сильнее, чем его рана — никогда не слышала, чтобы он такие грубости говорил, обычно все культурненько и ехидненько.

— Я вообще-то в лазарет шел. Может пропустишь? Конечно, наша близость греет мне душу, но я бы предпочел, чтобы в это время мое тело было здоровее и чище.

Я закатила глаза, но посторонилась.

— Могу попробовать тебя исцелить... — любезно решила предложить я, вместо того, чтобы бросить ответную колкость. Но Эйнар моего благородства не оценил, торопливо выскочил за дверь:

— Ни за что! При всех моих нежных чувствах к тебе, лучше обращай к профессионалу... Так что... удачи с Юз, Абигейл.

Я напряглась. Опять эта Юз Мосали! Что там вообще случилось? Мало мне тревог от внезапно нагрянувших Хранителей, так, чую, грядут еще общажные разборки... Хотя с чего это вдруг я так парюсь, будто сама что-то натворила и в чем-то виновата?!

Я решительно направилась в гостинную, чтобы своими глазами оценить масштабы трагедии. Однако, сначала я масштабы этой самой трагедии услышала.

Брусника громко сопела, вручную вытирая заляпанные черной жижей желто-коричневые стены. Получалось у нее не очень — только сильнее пятна размазывались, и стены обновленным окрасом вызвали ассоциации с леопардовой шкурой. В целом гостиная была... разгромлена. Огонь в камине весело пылал почему-то зеленым, с ранее уютных кресел капала вода. Потолок такой же заляпанный, как и стены, зато пол — вполне себе деревянный пол, а не болото, только очень грязный и усыпанный трупиками насекомых и длинными ворсинками. Остатки ковра что ли?

— Есть же заклинание, что ты мучаешься, — обратилась я к бедной Нике. Бедная Ника в ответ опалила меня таким раздраженным взглядом, что я чуть не попятилась. Кто эта девица и куда она дела нашу милую добрую Брусничку?!

— Аккуратней с советами, Абигейл. Твоя просьба оказать Мэту помощь уже обернулась для Брусники... не самым приятным уроком.

Поджав от раздражения губы, я резко повернулась к Юз Мосали. Она только что зашла в

гостиную из кухни, выглядела безупречно и держала в руках чашку кофе.

— То есть это я виновата? — нарочито спокойно уточнила я, хотя внутри все закипело от возмущения. Краем глаза я с облегчением заметила, что на Юз Брусника смотрела тоже с раздражением. Мне было неприятно думать, что приятельница злиться именно на меня. Она же сама захотела помочь, я же ее не заставляла...

— Ну что ты, — мягко улыбнулась Юз. — Здесь у каждого своя голова на плечах есть. И Мэт, и Брусника должны были понимать, как опасен конфликт магии жизни и магии смерти...

— Там же Мэт просто со стихийной, с землей, экспериментировал...

— О, так ты считаешь, что достаточно разбираешься в этой области для подобной уверенности?

А вот это уже однозначно оскорбление. Я глубоко вздохнула, сдерживая порыв ответить ей тем же. Сначала нужно понять, что здесь вообще произошло и какого черта Юз Масали строит из себя королеву положения?!

— Он мне сам сказал, вообще-то.

— Я же все-таки эльф, — показался из-за спинки одного из пострадавших кресел взъерошенный Мэт с тряпкой в руках — тоже, видимо, уборкой пытался заниматься. Его лицо украшала россыпь мелких царапин, и раздет он был еще больше, чем обычно — сверкал тут голым торсом, почему-то разрисованным спереди незнакомыми рунами. — А у всех эльфов, по идее, одно от другого неотделимо. Мы, как книжки пишут, с живой природой работаем. А у меня вот не получается. Точнее, иногда, редко-редко, получается, но это не тот случай. Все бы обошлось, если бы Брусника не оказалось такой сильной... и непонятно чем...

— Это ты оказался слишком сильным! — буркнула надувшаяся Брусника. Она, не отрывая взгляда терла стены, остервенело размазывая грязь. — А я не непонятно что, а матриарх. Это ты не эльф... а... а...

Не придумав с чем бы сравнить Мэта, Брусника в сердцах отбросила бесполезную тряпку и повернулась к парню.

— Вот если бы ты не решил разукрасить себе грудь этими каракулями...

— Я не виноват, что в Академии моя магия так неправильно себя ведет! Я привык, что она совершенно свободна, а тут, из-за этого дурацкого Кристалла, как-будто на цепь посажена... И вроде как и должна быть сильнее, все так сконцентрировано, контролируемо, а толка никакого! Думал хоть это поможет, — ткнул себе в грудь эльф. И вид при этом у Мэта был такой несчастный, что Брусника успокоилась, смягчилась.

Зато я вот занервничала:

— Не фигу не поняла! Что вообще произошло и почему вы друг друга обвиняете?

Ответила мне Юз, с вежливой снисходительностью.

— Брусника — матриарх, сосредоточие магии жизни, а увлечение Мэта некромантией не просто увлечение, а сильный, неконтролируемый дар. Не знаю, что тебе, как старосте, известно об этом из личных дел, но достаточно наблюдательности, чтобы понять... особенности наших одноплеменников. И то, что взаимодействовать им, особенно с таким азартом в желании перещеголять друг друга в способностях, противопоказано.

Я припомнила, что в деле Брусники и правда было упомянуто, что она какой-то там матриарх. Восприняла я это тогда так: девушка просто родом из мест, где в семьях царит власть женщин. В общем, никак не связала пометку с магией — откуда же мне знать, кто

такой этот матриарх, особенно, в самом начале курса? Я и сейчас не очень-то понимала... А о Мэте было лишь известно, что он ничего не знал о своих родителях и жил на Пинионе. Красиво жил, зарабатывая на невинных аферах с некромантией — я еще удивилась, что его к нам в общежитие отправили, а не в зеленое, к Нинель Тарман.

Юз Мосали продолжила с видом столь важным и слогом столь серьезным, будто она тут доклад зачитывала, а не новостями с одноклассницей делилась:

— Брусника решила, что нейтрализовав разложение, очистив дерево, воду, и воздух от воздействия магии смерти, сможет потом с легкостью отменить неудачные стихийные чары. Но только спровоцировала их рост. Мэт, чтобы как-то сдержать уже совсем неконтролируемое распространение своего творения по всему общежитию решил использовать концентрирующие некротические руны — не самое удачное решение. Две противоположные силы столкнулись...

— ... и случился “бум!”, — перебила ее я и насмешливо уточнила: — Долго речь репетировала?

Юз прищурилась.

— Тебе кажется это шуткой, Абигейл? Все, кто находился в общежитии могли пострадать — преподаватели не успели бы прийти на помощь... Нас спасло только чудо.

— Юз у нас такая скромная, — заговорщицки подмигнул мне Мэт. — Сама себя чудом называет.

— Юз придумала, как все успокоить, — невесело сказала Брусника. — Что делать нам с Мэтом, чтобы унять магию, сбалансировать как-то... рассказала Эйнару про артефакт из своего мира, и они все вместе, и там еще Кальц помог, создали его из кресла. И мы все сумели переправить туда энергию. Отовсюду, куда пробралась эта гадость, высосали ее. А из того, что осталось, взрыв еще совсем несильный и совсем неопасный вышел. Ох, Эби, ты бы видела, что здесь творилось! Оно все тут заполонило, мертвое и живое одновременно, и если соприкасалось с чем — заражало. А эти бабочки ужасные, так и лезли, облепливали все тело, бррр... Если бы Юз нас сразу щитами не укрыла, то... Потом уже прибежали Дженни с Нинель, обругали, но, разобравшись, что все живы и почти здоровы, просто сказали прибраться и убежали обратно... А то там, Альбо говорил, Хранители прибыли, надо, наверное, их развлекать.

— А после них нас долго и красноречиво распекала Юз, — пожаловался Мэт, но взгляд, который эльф кинул на темнокожую девушку, говорил, что он это несерьезно. — Особенно Бруснику... И сказала, чтобы мы сами тут все вылизывали и магию применять нельзя, а то тут все опять забурлит. Вот злая женщина, а?

— Я просто безумно перепугалась, — сказала Юз, прикрыв на секунду глаза и крепко ухватив чашку с наверняка уже оставшимся кофе двумя руками. Вроде искренне сказала, но я все равно чувствовала подвох. — И переборщила с эмоциями. Я должна попросить за это прощения. Брусника, Мэт, я ведь понимаю, что вы не виноваты... экспериментировать в общежитии, конечно, было неудачной идеей, но... откуда вам с вашими тайнами было знать о последствиях... совместной работы.

Удивленная Брусника несмело улыбнулась Юз, и та ободряюще улыбнулась в ответ, словно и не было всех этих недель пренебрежительного отношения к эквариуске. Да ладно, неужели Ника на это купится?

Юз Мосали аккуратно примостила чашку на полку над камином. Повернулась ко мне, оценивающе осмотрела. Будто в каком-то сомнении, застыла на миг, рассеянно поглаживая

медальон на шее, и, решительно прищурившись, заявила:

— Но все же ты, Абигейл, как староста обязана была знать о таких тонкостях. Твое положение — это не только заполнение табелей и документов за Дженни. Это, в первую очередь, взаимодействие с группой. Помощь. Направление. Ты мне нравишься, правда. Уверенная, боевая, неглупая — я сначала думала, что мы могли бы подружиться, надеялась на это. Но ты погружена только в собственные проблемы и таинственные дела, тебе плевать на группу, ты все равно по-настоящему общаешься разве что с Яной из красного. Тебе нужны только личные победы. Лучше покрасоваться перед Фелицией Вон, чем подумать над тем, как помочь одноклассникам.

Я внутренне затряслась от злости и несправедливой абсурдности этих внезапных обвинений. Какого черта? Нормально я со всеми общаюсь, особенно, если учесть, что мы все едва месяц как познакомились. И свою работу выполняю — всегда выполняла! Да и вообще, у нас тут как бы соревнование по набору баллов, с какой стати я должна кому-то помогать?! Разве это не принцип академии — каждый студент должен стремиться стать лучшим — лучшим сам по себе и никакая командная работа не нужна?

— Не, ну ты чего, Юз, — осторожно вмешался Мэт. — Эби конспектами всегда делиться, нужную информацию от куратора доносит... что ты от нее еще хочешь?

— Ага... — лаконично добавила Брусника.

Если они так мило решили меня защитить, то, во-первых, не стоило и утруждаться, сама справлюсь, а во-вторых — как-то неубедительно! Бруснику я, по крайней мере... ах, да, в тот единственный раз, когда мы говорили по душам, я была в своем теле, была Яной, а не старостой Абигейл. Она вообще с Эби была намного ближе

Да... пофиг. Детский сад какой-то, даже злиться нечего. Я совершенно спокойна. Вот, не кидаюсь на нее с кулаками и даже с магией. Сейчас изящно обыграю словесно.

— Это очень мило, Юз, что ты так переживаешь о нашей группе и моих обязанностях, но...

— О, вижу, разборки! — меня перебил так не вовремя вошедший в комнату Эйнар. Уже здоровый, но все еще какой-то потрепанный. Зато воодушевленный сверх меры. — Такие прекрасные девушки, просто свет против тьмы! Правда кто из них свет, а кто тьма? Ведь внешность так обманчива!..

Тщательно лелеемое спокойствие разбилось вдребезги. И я перекинулась на Эйнара. С ним как-то проще и привычней.

— Заткнись и свали, а? Твой выпендрег не к месту уже достал. Очнись, Эйни, у тебя с чувством юмора так же плохо, как с мозгами!

— Опять она орет, — закатил глаза Эйнар. — Эй, Юз, хочешь устроим революцию и сменим власть... на тебя, в смысле?

— Я предпочла бы решить вопрос мирно, — улыбнулась Юз, словно не всерьез, просто подыгрывая Эйнару.

— А я бы предпочла, чтобы меня не игнорировали, — чуть не зарычала я на Юз. — Есть еще что сказать — говори, выплесни эмоции, полегчает. Вообще, ты, конечно, молодец, Юз, всех тут спасла, на меня так красиво наехала, воспользовавшись случаем... и что дальше? Я должна расстроиться, расплакаться и отдать тебе, так сказать, бразды правления? Было бы что! Господи, мы все тут взрослые люди! Так напрягаться ради студенческих условностей со старостством. Ты вообще нормальная?

— Напрягаться? Ты, оказывается, знаешь это слово?

— Ой, а как же это ты, мисс проницательность, у всех одноклассников особенности заметила, а у меня нет? Я, на минуточку, в отличии от вас всех, ни черта о магии до Академии и не знала, все с нуля учила — и да, конкретно так напрячься пришлось.

— А ты словно сама и не осознаешь — тебе же сразу все было дозволено: драки в первый день, недельные прогулы обязательных для всех занятий, прогулки с женихом по другим мирам, когда другим на это вымаливать разрешение нужно. С молодым и симпатичным преподавателем ты водишься, куратор благоволит, даже ректор к себе зазывала.

— Точно, зазывала. Когда меня Фрино пытал, когда я была свидетельницей одержимости Э... Яны демоном. Тут тоже завидуешь?

— Завидую тебе? Нет. Ни на миг. Мне просто жаль, что ты ничего не желаешь видеть дальше своего носа, считаешь все это игрой. Фрино, тот самый ублюдок Фрино, так тебя якобы обидевший, помогал, буквально спас, своих одноклассников во время сбоев магии. А ты в то время, когда мы здесь дрожали от страха и неизвестности, кувыркалась в постели с женихом. Даже не заинтересовалась, живы-здоровы мы или как. Да и сейчас... — Юз криво усмехнулась.

Вот же сука, а? Сначала строила из себя святую — спасла тут общагу из доброты душевной, прощения даже попросила, снизила, понимаете ли. И теперь сделала меня крайней, театрально наплела всякой херни, а все только уши развесили. Эйнар, Мэт, даже Брусника и незаметно залетевший в комнату Альбо, выглядели так, будто призадумались. Нашли в словах Юз рациональное зерно.

Надо что-то ответить. Так, чтобы поставить Юз на место.

Никогда прежде меня не смущало наличие свидетелей при ссоре. Ведь получается, что себя показать надо с лучшей стороны, иначе смысла никакого, Юз все равно окажется для всех права. Для меня в том числе.

Кажется, я впервые за долгое время не знала, как себя вести. Стояла и растерянно молчала, как дура.

Но, к счастью, с небес спустился ангел-миротворец. В смысле, Кальц со второго этажа спустился. Даже странно, что после всего произошедшего он все так же идеально выглядел — одежда чистая, волосы собраны в ровный высокий хвост, никаких царапин или ссадин.

— Добрый вечер, Эби, — махнул он мне рукой, беззаботно улыбувшись. — Может хоть ты мне объяснишь, чего все такие злые и напряженные? Все ведь уже закончилось. Может, стоит перестать ругаться и просто спать пойти? Как там на Земле говорится... утро вечера мудренее?

Его появление чуть разрядило обстановку. Юз, вежливо пожелав всем спокойной ночи, сбежала первой. Либо решила, что уже и так все сказала, либо не хотела ссориться с Кальцем — все же демона она немного опасалась.

А я почувствовала дурацкое облегчение. Ну и ладно. Больно мне надо перед Юз оправдываться. Все равно сейчас, вся на нервах и ничего толкового не скажу. Лучше обдумаю не спеша, как всем показать, насколько она ошибается насчет меня. Ошибается ведь?

Глава 14. Абигейл (1)

— Ты как? Ничего себе не спалила?

Мы с Мрамором шли с огненной магии, которая была в нашем расписании последней. Я чувствовала себя истощенной. Мы проходили заклинание непалимости, что стоило нескольким студентом их тетрадей с конспектами, а то и бровей. Дженни откровенно над нами издевалась, сама нежась в огне как саламандра. Куда нам до нее.

— Да я в порядке, — натянуто улыбнулась я Мрамору. — Пару раз, конечно, чуть не обожглась. Но ты же знаешь, я люблю огонь. Только вот сил совсем не осталось.

— Да уж, — вздохнула Мрамор. — Я тоже выжат. Иногда мне кажется, что это слишком. Еще даже не середина первого курса, а она нас уже таким сложным вещам учит. Мне-то все равно, я жил с драконами и давно все эти приемы выучил, чтобы они меня в человеческом облике не поджарили, но остальные...

— А как по мне — это правильно, — пожала плечами я. — Скучно же зубрить теорию или тратить целые дни на отработку простейших приемов. А тут — сразу боевая практика.

— Ну может, — нехотя согласился Мрамор. — Однако я за тебя беспокоюсь. Не подставляйся слишком сильно. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Я на это только вздохнула. В этом весь Мрамор. Из-за того, что мы с ним так много общались, когда я была в своем собственном теле, ему приходилось изображать из себя Янкиного друга. Она ему не нравилась, но он шел на такие жертвы ради меня. Он за меня волновался. Он постоянно спрашивал как у меня дела и как я себя чувствую. В общем, беспокоился обо мне после драки с Фрино так, будто я могла вот-то упасть и умереть. Сначала это вызывало умиление и благодарность, но постепенно, из-за постоянных повторений начало раздражать.

— Вот бы вы быстрее обратно поменялись, — сказал он неожиданно для меня. — Можно было бы тогда продолжать дружить. Хотя... жаль что нельзя меняться общежитиями.

— А что, я тебе в этом теле уже не нравлюсь? — в шутку спросила я.

— Не то чтобы, — хмыкнул Мрамор. — Просто то тебе гораздо больше подходит. Да и... разве ты не хочешь в родное тело?

— Не очень, — созналась ему я. — К тому же в том теле нет магии. Если я в него вернусь — меня просто выкинут из академии и выдадут замуж. Возможно даже память сотрут, и забуду я вас всех, дорогих мне людей. А это не то, чего я хочу, знаешь ли...

За разговором мы дошли до красного общежития, и Мрамор замер у ворот сада. Я удивленно на него посмотрела, не понимая, почему он остановился.

— Я бы не дал этому случиться, — поджав губы, сказал мне Мрамор. — Я же дракон, пусть и всего наполовину. Прилетел бы и украл тебя у твоего жениха.

— Это очень мило, — натянуто улыбнулась я. — Так что, пошли внутрь?

На самом деле я была не уверена, что хотела бы этого. Да, как с другом мне было очень весело с ним. Он ведь — мой первый приятель после Янки в академии. Но... честно, я не была уверена в том, что смогла бы выдержать всю эту его заботу, если бы мы стали встречаться. Я ведь любопытная. А он одергивал меня — не пробуй это заклинание, можешь пострадать. Не подходи к этому человеку, он может тебя обидеть. Не ходила бы ты на огненную стихию, обожжешься. И вроде одна часть меня понимала, что он прав... но ведь так можно все самое интересное пропустить!

— Прости, обещал отцу в библиотеке помочь, — извинился парень.

— Ладно, — пожала я плечами. — Удачи тебе.

Сверху, об окно второго этажа изнутри что-то громко ударило. Мы вздрогнули, подняв головы.

— Придурок Фрино никак не уймется, — нахмурился Мрамор. — Чем он только там гремит постоянно... Иногда так и хочется пойти и надавать ему по шее. И почему его не исключили...

— Перестань, мы это уже обсуждали, — одернула его я. — Он получил свое и пообещал нас не трогать. Этого тебе недостаточно?

— Недостаточно, — твердо сказал Мрамор. — Если бы не демон, то он бы убил вас с обеих. Его должны были исключить и отправить к его семейке. Он вполне заслужил то, что приберег для него отец...

— У меня по этому поводу другое мнение.

Внутри все запылало, руки сами собой сжались в кулаки.

— Брось, Яна, — нахмурился Мрамор. — Не дури. Я знаю, ты добрая и мягкая, но ты не должна его жалеть. Люди просто так не меняются. С чего ты взяла, что он переучился? У него просто нет другого выбора. То, что он решил стать паинькой не значит, что он стал хорошим и добропорядочным студентом.

— Вот именно, у него нет другого выбора! — возмутилась я. — Лучше бы он дальше был тем идиотом, который устраивал нам гадости, чем... чем... вот этим! Ты вообще видел, во что он превратился?!

И я указала наверх. От моего повышенного тона Мрамор опешил, а я продолжила:

— Ты вообще ничего не понимаешь, да? Я ему глаз выколола! Мне до сих пор кошмары из-за этого снятся! Из-за меня его хочет убить его же семья! И такого наказания вам недостаточно за то, что он на самом деле ничего не успел сделать? Вам этого мало?! Не стыдно, а?!

— Эби, Эби. остановись, — ошарашенно попросил Мрамор, назвав меня настоящим именем. — Ты не должна себя винить...

— Какие же вы все мерзкие! — уже выкрикнула я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — Великие судьи! Вам бы только кого-нибудь наказать, казнить, выгнать из академии, поставить на место! А то, что человеку может быть и так плохо, вы не понимаете?! Даже он сам лучше вас, потому что не кинулся мстить! Вообще ни слова мне не сказал, сам понял, что получил по заслугам! А ты? Где хоть капля благодарности?! Он вообще-то тебя остановил, когда ты был под действием тумана! А ты... ты просто в открытую пожелал ему только что смерти?!...

— Эби, он меня ножом в живот пырнул не раздумывая, — напомнил мне Мрамор.

— А ты бы всех переубивал, не только ранил! — выкрикнула я, заставив парня встать столбом.

И, развернувшись, я кинулась в общежитие. Злые слезы катились по щекам. Ну почему? Почему все так получилось? Я ведь понимала, что перегнула палку. Мрамор был в чем-то прав, и ни в чем не виноват. Он имел полное право Фрино ненавидеть. Но поделаться с собой я ничего не могла. Эмоции будто бы обострились и хлестали через край. Слишком сложно все сплелось...

В гостиной я наткнулась на Ивону. Увидев меня с мокрыми глазами, девушка удивленно застыла, а потом просто подошла и обняла. Это было так неожиданно, что я на секунду

опешила, а потом поморщилась, шмыгнула носом и разрыдалась, чувствуя себя последней истеричкой. За моей спиной хлопнула дверь. Я попыталась обернуться, но Ивона только заставила меня уткнуться лицом ей в плечо.

— Яна... — услышала я встревоженный голос Мрамора.

— Иди-ка ты отсюда, — отмахнулась от него Ивона. — Довел бедную девушку до слез.

— Но я же...

— Иди, — настойчиво повторила Ивона. — Извинишься, когда она успокоится. Как положено. Ясно тебе?

— Ясно...

Видно, было что-то в голосе старосты такое, что заставило Мрамора развернуться и уйти. Я еще пару раз шмыгнула, и Ивона наконец меня отпустила. Взяла за плечи, заглянула в глаза:

— Что случилось? — спросила она. — Можешь не рассказывать конечно, но... надеюсь он к тебе не приставал?

— Нет, — покачала головой я. — Я просто... просто...

Причину, по которой случились со мной слезы, я выдавить из себя так и не смогла. Снова расплакалась. Бывает такое — расстроишься из-за чего-то, только успокоишься, а как вспомнишь почему слезы льешь, тут же принимаешься рыдать дальше. Ивона, видимо, быстро сообразила в каком я состоянии, усадила меня на диван в гостиной, принесла стакан с водой. Прошла еще пара минут прежде, чем я сбивчиво смогла объяснить ей, что случилось.

— Да уж, дела, — задумчиво протянула Ивона. — Не думала я от тебя такое услышать. Хотя в чем-то и согласна...

— Вот и Мрамор не ожидал, — потупилась я. — А я... не могу я, понимаешь? Он ведь мне снится. Мне снятся кошмары почти каждую ночь про то, как я его убиваю. Это так давит. А главное, я понятия не имею... понятия не имею, что у него на уме...

— Ну, не зря же я с шиарой эту аферу провернула, ради тебя старалась, — прищурилась Ивона. — Тем его словам можно верить...

— Да я не о том, — шмыгнула носом я. — Он должен на меня злиться. А он ведет себя так, будто ничего и не произошло. Я бы лучше боялась мести сидела... чем вот так... не понимать что с человеком творится...

— А ты с ним не говорила? — уточнила Ивона.

— Пыталась, — потупилась я. — Но он сказал — забыли. Развернулся и ушел. А меня это изнутри раздирает...

— Так иди и зажми его в его же комнате, — пожала плечами Ивона. — Зажми и спроси еще раз. Там-то уже не сбежит. Главное, не пасуй, а добейся ответа. Иначе чувство вины так и будет тебя мучить. По себе знаю. Только будь готова стоять на своем, даже если он тебя пошлет.

— Угу, — я утерла лицо, вставая с дивана. — Ты права... сейчас и... пойду.

— Стоять, — поймала меня Ивона. — Лицо хоть умой. И иди в своей комнате немного посиди, успокойся. А то еще и с ним переругаешься, и будешь потом жалеть. А на Мрамора не злись. Он просто, дурила, любит тебя, но не совсем понимает, как это показать. Вообще не понимаю что он с этой Эби ходит, рожу только кривит. С ним бы тоже поговорила, объяснила ему все, поболтала о жизни.

— Хорошо, — натянуто улыбнулась ей я. — Спасибо, Ивона. Ты мне очень помогла...

Глава 14. Абигейл (2)

Спустя почти час я стояла у двери Фрино. От ссоры с Мрамором я уже немного отошла, и лицо у меня больше не было таким припухшим. Отошла-то я отошла, но вот успокоиться не получилось. Весь этот час я старательно себя накручивала и убеждала в том, что должна уже поставить жирную точку в наших с Фрино отношениях. Поговорить, понять, как он ко мне относится теперь, попытаться как-то искупить вину и забыть. В теории все выглядело довольно просто, только вот я подозревала, что на практике дело может обернуться еще одним скандалом.

На первом этаже жили Орсон, Ивона и Рейнар, второй занимали четверо оставшиеся студентов, на третьем — под крышей — обитал Якоб. Комната Фрино располагалась ровно напротив моей. Никогда не думала, что однажды я сама, добровольно, постучусь в его дверь. Однако теперь я стучала, мысленно молясь небесам, чтобы все кончилось хорошо.

— Войдите, — раздалось из-за двери.

Я вошла.

Комната выглядела так, будто ее знатно потрепали. Тяжелая красная штора держалась на одном-единственном кольце карниза, большая ее часть безжизненной тряпкой лежала на полу. На подоконнике валялась черная мужская туфля. На рабочем столе царил настоящий кавардак из учебников, тетрадей и писчих принадлежностей. На постели возвышалась гора перемешанных меховых шкур, плавно сползающих на ковер. Причем, нельзя было сказать, что в комнате грязно. Вовсе нет. Здесь царила идеальная чистота, ни капли пыли. Создавалось впечатление, что эпицентр беспорядка — удивленно уставившийся на меня Фрино — просто вымещал на своем жилище злость, разбрасывая вещи. Припомнилось, как что-то ударило в окно, и слова Мрамора о том, что Фрино чем-то вечно громыхает. Так вот в чем дело.

Пользуясь замешательством парня я решительно вошла и закрыла за собой дверь, чтобы отступить было некуда. Повисла напряженная пауза. Фрино разглядывал меня, я разглядывала его. На блондине на этот раз был скрывающий его худошавую фигуру широкий свитер из грубоватой шерсти и лосины. Кудрявые волосы растрепались. Раньше и не обращала внимания, что они у него так выются, а тут как-то в глаза бросилось.

— Зачем... пожаловала? — выдавил из себя парень.

— Хотела поговорить, — ответила я решительно. — И извиниться за... за все, что произошло. Мне правда жаль...

— Я же говорил — забыли... — оборвал меня удивленный Фрино, но на этот раз и я не дала ему договорить. Сделала уверенный шаг вперед, смело заглянула в глаза.

— Нет. Я не дам тебе себя заткнуть.

Фрино нахмурился, но промолчал. Ну, слава небу, теперь-то он меня выслушает.

— Я просто хочу сказать, что мне действительно очень жаль, — смотря прямо на него, продолжила я. — Я ведь чуть не убила тебя. Знаю, ты так вот запросто меня не простишь. Не надеюсь даже. Но я хотя бы хочу знать, что ты чувствуешь. Хотя бы скажи мне, что ненавидишь меня...

Договорить мне снова не дали. Фрино сжал руки в кулаки и сделал два размашистых шага вперед. Подошел вплотную, чуть наклонился чтобы наши лица оказались на равне. Выглядел он злым. Мы впились друг в друга взглядами. С такого близкого расстояния я

видела даже то, что в его родном глазу расширился зрачок, а в стеклянном — нет. Захотелось попятиться, однако я удержалась на месте. Не дала себе отступить, хотя очень хотелось.

— Ты... ты знаешь, кто ты после этого? — спросил он. — Ты самая настоящая лицемерная эгоистка! Тебе ведь плевать на мои проблемы. Тебе же просто хочется снять с себя ответственность. Или тебе меня жалко? Что ж, засунь свою жалость в свою милую женскую задницу. Мне она ни к чему.

— Прости, — хмуро сказала я, не отводя взгляд. — Ты прав. Я эгоистка. Но мне действительно жаль...

— Я тебя ненавижу, довольна? — как идиотке, медленно и отдельно объяснил мне Фрино. — Я ненавижу тебя всем, мать его, сердцем. Вы мне со своей белобрысой подружкой жизнь сломали. Теперь ты довольна? Отстанешь наконец от меня?

— Есть что-то, что я могла бы сделать, чтобы искупить вину? — в тон ему спросила я.

Парень не выдержал, схватил меня за плечи. Я думала — ну все, сейчас он меня ударит. Внутри появилось острое чувство удовлетворения. Ужасаясь самой себе я поняла, что хотела бы, чтобы он меня ударил, может даже избил. Тогда мы были бы хотя бы на полпроцента квиты. Но вместо этого Фрино встряхнул меня. Ощутимо так, но совершенно безболезненно.

— Ну что ты за дура, а? — почти с отчаянием спросил он. — Что у тебя в голове, женщина? Какими опилками она набита? Какого ты приходишь ко мне и доводишь до белого каления? Ты ненавидеть меня должна, бояться, шарахаться от меня!

— Сам же сказал, — посмотрела я на него с вызовом, — что я эгоистка. Пойми меня. Я... не могу все так просто оставить. Мне каждую ночь кошмары снятся. Я просто... прости за нахальство... хочу хоть что-нибудь сделать, чтобы искупить свою вину и перестать об этом думать.

Фрино удивленно застыл от таких слов. Отпустил меня, скрестил руки на груди, отвел взгляд. Я же потеряла правое плечо, в которое он особенно болезненно вцепился, и устала на него. Что ж, неплохо, я впервые выиграла игру в "гляделки". Какое-то время мы тупо молчали.

— Ладно, хорошо, — сказал он отрывисто. — Хорошо, раз ты такая упрямая. Мне все равно теперь совершенно, мать его, нечем заняться. Хочешь что-нибудь для меня сделать? Замечательно! Вариант больше не попадаться мне на глаза не пойдет, правильно я понимаю? Отлично. Просто превосходно. Какую бы хрень тебе поручить, чтобы ты от меня отстала?

Осмотрев меня оценивающим взглядом, Фрино вдруг снова приблизился. На этот раз он не выглядел злым, на его лице появилось что-то совсем другое. И вот от этого чего-то неизвестного я уже попятилась как миленькая, никакая сила воли мне не помогла. Еще и рукой загородилась. Только слабо так, неуверенно. Мою руку тут же перехватили, меня саму вжали в дверь собственным телом, лицо приподняли за подбородок и...

Не успела я испугаться, и вот мы уже целуемся. Моя рука, которую Фрино держал за запястье, беспомощно дернулась и повисла. Поцелуй вышел злой. Меня, растерянную и не понимающую что происходит, болезненно укусили за губу. Происходящее не желало укладываться в голове. Вроде как я и осознавала, что творится что-то неправильное, но понятия не имела, что с этим делать, и просто расслабилась. Фрино, почувствовав это, отстранился от меня на вытянутых руках и посмотрел как-то даже испуганно.

— Ты что... не будешь сопротивляться?

Мне ничего не оставалось, кроме как ошарашенно помотать головой. Очухаться я еще не успела.

У парня дернулся здоровый глаз. Он чуть отодвинул меня в сторону, открыл дверь, вытолкнул в коридор и тут же заперся. В замке провернулся ключ, и все стихло. Шокировано зажав рот руками, я на деревянных ногах дошла до своей комнаты. Оглянулась на толстую дверь комнаты Фрино, потом повернулась к своей. Зашла. Тоже зачем-то заперлась. Привалилась к двери спиной. Покраснела.

Ну вот и поговорили. Поставила точку в отношениях, называется. Промахнулась. Запятая вышла. Кривая такая... и непонятно что значащая.

Глава 15. Яна

О том, что у меня на этот выходной назначено очередное свидание с Хоуком, я вспомнила, лишь когда женишок завалился ко мне в комнату.

Проснувшись я уже давно, но настроения не было совсем. Я полночи просто ворочалась туда-сюда, не могла выбросить из головы слова Юз. Нет, я не считала, что она права... ну, по крайней мере, во всем права. Она же ничего обо мне и Эби не знает, и, конечно, со стороны все неправильно воспринимает, фаворитизм себе какой-то надумала. Но вот насчет моего отношения с группой...

Я не хотела признавать, что мне действительно плевать на всех соседей, включая даже Бруснику. Я не могла отрицать, что, если судить по моим действиям, так оно и есть. И вместо того, чтобы злиться и выдумывать планы мести для Юз, я чувствовала себя глубоко в душе неправой. И демонстративно не хотела никуда идти и никого видеть.

Эйнар сам любезно прогулялся с Фраем, вернул мне собаку, и кофе заодно в постель притащил — хороший, вкусный кофе, без всяких подвохов. Виноватым себя что ли считал, решил, что с его помощью Юз меня смертельно обидела, и теперь я тут страдаю? А может просто особо тонко издевался.

В общем, когда разряженный Уильям Хоук зашел поинтересоваться, куда это я подевалась и почему не жду его в нетерпении на площадке для телепортации, увидел он свою дорогую Абигейл валяющуюся на кровати, едва прикрытую тонким одеялом. Взъерошенную, в одной майке с трусиками, и в обнимку с Фаем. Презентабельная невеста, ничего не скажешь.

— Забыла, — сразу же покаялась я, без капли сожаления в моем голосе. — И вообще не хочу. Что-то нет настроения с женихами кувыркатся.

Хоук лишь удивленно вскинул бровь.

— Увы, не припомню, чтобы мы доходили до кувыркания. Может напомнишь... покажешь наглядно, как это было?

— Хоук, — прорычала я. И Фрай тут же ко мне присоединился — напрягся, уши торчком, зубы оскалены. — Что конкретно тебе в “у меня нет настроения” непонятно?

— Женщина, да мне плевать на твое переменчивое, как погода в верхних ярусах Эквариуса, настроение. Я ради тебя откладываю важные дела, между прочим... — Хоук хотел подойти поближе, но от рычания Фрая замер на месте. — Собаку, как понимаю, ты прогонять не собираешься?

— Не-а. И с места вставать тоже. Так что — до свидания. Иди, возвращайся к своим важным делам.

Хоук хмыкнул. Что-то пробормотал себе под нос...

И на кровать запрыгнула большая и наглая черная кошка.

Я-то поняла, что это иллюзия — качественная, осязаемая, с запахом и звуком. А вот Фрай нет. Ненастоящая кошка мерзко мяукнула, ткнула лапой по носу опарашенному настоящему псу и спрыгнула с кровати. И мой наивный Фрай, не выдержав такой провокации, бросился за ней следом. Как только я осталась без охраны рядом оказался Хоук. Сам что тот кот — большой, горячий, дикий и самодовольный.

— Кувыркатся пришел?

— Похитить тебя пришел, для начала. Шалости будут позже. И возражения — не

принимаются.

Возражать мне, на самом деле, не очень-то и хотелось. Хоук же не виноват, что Юз дура. И что я дура, раз так остро восприняла ее вчерашние слова.

Он схватил меня и телепортировал на площадку перед воротами в академию. И через миг — перенес в другой мир. В чем я была — босиком, в тонкой майке и трусиках-шортиках — в том и перенес!

— Сдурел? — возмутилась я. — Хоть бы одеться дал!

— О, да брось, тут на тебя все равно кроме меня смотреть не кому. И тепло.

Тут и правда было тепло, даже жарко, и безлюдно. Хоук притащил меня на окраину какого-то жуткого леса среди пустынных красных холмов. Тонкоствольные, искривленные деревья срослись приплюснутыми кронами в одно громадное черное облако. Над ними кружили, скрипуче покрикивая, крупные монстрообразные птицы — спереди обычные, только клюв алый и длинный, как у цапли, а сзади чешуя и хвост наподобие скорпионьего. Жесткая трава, темно-багровая, царапала ступни. Миленький пейзаж, ничего не скажешь.

Понятие о романтике у Хоука извращенное и фантазия бедная — лес, город, опять лес.... Или это он так меня решил напугать мрачной атмосферой, чтобы захотелось мужской защиты, чтобы прильнула в его надежные объятия? Не дождется. Мне сегодня все вокруг пофиг. Вроде бы я и пыталась отвлечься, подшучивала, но мне было не до Хоука и прогулок по другому миру. Были обвинения Юз справедливыми или нет, это в любом случае проблема, которую нужно решить — у меня тут, между, прочим, гордость пострадала.

Но от критики, конечно, я не удержалась:

— Отстой местечко. Вроде бы речь шла о том, что я сама мир для следующего свидания выберу — в порядке компенсации за причиненные тобой мне неудобства.

— Разве я уточнял, мир для которого по счету свидания ты вольна выбирать сама? — невинно поинтересовался Хоук. — Не беспокойся, дорогая, уверен, ты не останешься разочарованной прогулкой по готредским пустошам.

— Звучит зловеще.

— Так и есть.

Хоук придиричиво окинул меня взглядом. Особо задержался на груди и ногах. Я скромничать не собиралась. Эбиному телу нечего стесняться. Правда, я со своей любовью к мясному ее точеную фигурку чуть подправила — но как по мне, так и лучше стало. Крепче, здоровее. Но вот все же интересно, как так складывается, что мое общение с Хоуком настолько плохо влияет на мою степень одетости?

— Пожалуй, обуть тебя все же надо.

Оглядевшись по сторонам, он высмотрел среди травы... кость. Длинную, пожелтевшую, подгнившую уже, классическую такую по форме. Разломил ее пополам и превратил в два ботинка бледно-желтого цвет. Поставил передо мной и руки вымыл под потоком воды из воздуха.

Наверное, вид у меня был очень красноречивый. Хоук фыркнул.

— Не брезгуй, сладкая. Кость лишь основа для материализации, ничего от нее в обуви не осталось.

Ну, логикой я это понимала. Теорию знаю, да и альтернативы в принципе не было — не ходить же тут босой в добавок к полуобнаженности. Но все равно как-то мерзко смотрелось, как из черной комедии сцена.

После того, как я натянула ботинки, оказавшиеся, несмотря на чуть громоздкий вид,

довольно удобными и на удивление не жаркими, Хоук решительно потянул меня в лес. Ну я и пошла, стараясь не обращать внимания на подозрительный хруст при каждом шаге — все же любопытно, что он мне приготовил.

— Рассказывай, — вдруг безапелляционно приказал Хоук.

— О чем? — не поняла я. Точнее, сделала вид, что не поняла.

— О причинах твоего желания забиться под одеяло вместо того, чтобы наслаждаться иномирными красотами.

— Ты, кстати, и первое мне помешал исполнить, и вторым не обеспечил. Красот здесь нет и впомяне...

— Но ты покорно готова идти следом, — хмыкнул Хоук. — Хочешь же выговориться, на судьбу пожаловаться, вижу. Так уж и быть, сегодня я добр и любезен, выслушаю. Жалеть только не обещаю. Так что — рассказывай.

И я рассказала.

Потому что действительно хотела с кем-то — с ним — поговорить, чтобы разобраться в себе.

Обычно роль слушателя моего нытья выполнял Кеша. Он ругал меня или поддерживал, что-то советовал, пусть я и не всегда прислушивалась. И, наверное, я бы все-таки пошла к нему обидами делиться, не заявись ко мне Хоук, мнение которого незаметно стало таким важным. А вот к Эби — не пошла бы. По-глупому боялась. Боялась, что она, со всей своей искренней добротой и альтруизмом, примет сторону Юз — и разочаруется во мне. В моем эгоизме и безразличии ко всем, кроме крохотного круга самых близких. А ведь я еще и подставила, и, кажется, серьезно так, до смертельной опасности, Бруснику — вроде как нашу общую подругу.

Зато Хоуку безразличны наши дружбы, и он все про всех в моем окружении знает. И точно не будет сдерживаться из-за чувства такта.

— Какая молодец... — задумчиво подытожил он, когда я пересказала в подробностях и лицах вчерашний вечер.

— Кто?

— Ну не ты же, разумеется, — снисходительно улыбнулся Хоук. — Юз Мосали. Хитрая девочка. А ты — дура.

Нет, я, конечно хотела сурового правдивого мнения со стороны, но это как-то перебор.

— Аргументы можно? — приторно вежливо поинтересовалась я, сдерживая раздражение.

— Ты не обозвала меня в ответ, не ударила. Ты сама хотела со мной поговорить... Значит и сама все понимаешь. Только признавать свои ошибки ведь так не хочется, верно?

Я промолчала. Потому что верно, чертовски верно. Признавать вину и извиняться... Мне это претило. Ведь после Макса, подписывая бумаги на развод, я поклялась себе больше не допускать ошибок — ни в чем. Делать все правильно. Жить ради себя. Избавиться от лишней доверчивости. Есть “свои”, проверенные, родные — раньше, на Земле, это лишь моя семья и блудный Кеша, а теперь еще и Эби — и ради них я была готова трудиться и геройствовать. А вот ради остальных... ну, разве что под настроение. Охватывало иногда на меня желание защитить кого обиженного, советов умных надавать — и также легко покидало. Есть вещи важнее. И это — разумный подход... так ведь?

— Юз просто хочет сама стать признанным лидером группы, — наконец, хоть что-то сказала я.

— Определенно хочет, дорогая. Она же вейданская жрица, а их там всех учат, что власть и поклонение — важнейшие ценности, что за это нужно бороться всегда и везде, — скучающе согласился Хоук. — И то, что для тебя просто игра, пустая формальность, ей... действительно важно. Что не отменяет того, что ты приняла кое-какую ответственность — и забыла об этом. Если бы вам так не повезло с чередой опасных происшествий — всем бы было все равно. Но вам не повезло и твоя жрица ловко воспользовалась случаем. А что думают про руководителей, чью работу выполняет — очень хорошо и зрелищно — кто-то другой?

Я прекрасно знала, что думают, насмотрелась за свою жизнь на таких. Только вот я никак не ожидала, что окажусь на их месте. Наоборот, чувствовала себя часто этим кем-то другим, взваливающим на свои хрупкие женские плечи, чужие обязанности. Правда, в отличии от Юз Мосали, никто ко мне благодарностью не преисполнился — ведь я не умела так лицемерить... в этом же дело? Или все же наоборот — в искренности?

— В моей группе старостой был Кеша... он за годы обучения многим помог измениться, мне в том числе. И как бы я не проклинал его за некоторые идеи — всегда буду за это благодарен. Но мы все были отщепенцами, от которых и не ждали ничего... А желтое общежитие — совсем другое дело. Я знаком со многими выпускниками оттуда. Даже в тех, кто с виду мил и беззаботен, есть расчетливость. Вы жадны в глубине души к власти и силе. Полезное качество для тех, кто хочет чего-то достичь.

— Это качество я только в Юз и заметила, — скептически хмыкнула я. — Но тебе же видней, ты ведь такой осведомленный о всем и вся...

— Даже не надейся, что я стану с тобой делиться подробностями жизни твоих же одноклассников, — отрезал Хоук, быстро сообразив, к чему я веду. — Это твои проблемы. Ты же умная девочка, сама в силах справиться. Просто реши, чего ты хочешь: научиться вести за собой людей, доверять им и научить их доверять тебе — благодаря искренней дружбе или интригам, не суть — или же оставаться гордой одиночкой. Но в любом случае, — Хоук остановился, и нежно провел по моим взъерошенным волосам. — будь мягче. Гибче, тоньше, сильнее и хитрей. Тебе это пойдет куда больше, чем эти надменные колючки. Помни свою суть.

Для наглядности Хоук вытащил из моих волос какую-то колючку — с дерева, должно быть, свалилась. Я отстраненно подумала, какой же он вновь самоуверенный, будто и не было той тревоги в глазах, на лестнице в общежитии. О, Уильям Хоук, признайся ты прячешь искренние чувства, не меньше, чем я. И твои колючки такие же острые.

Хочу тебя, мерзавца, поцеловать. Как уникального мужчину, чьи снисходительные поучения меня даже уже и не бесят... наоборот. Нужны.

— Кстати мы пришли, — Хоук предвкушающе улыбнулся. И как-то повеяло чем-то тревожным.

Среди плотного кольца из мрачных деревьев было, мягко говоря, неуютно. Свет солнца почти не проникал сквозь густые кроны, скрипы и треск, странные повизгивания и порывания тоже не успокаивали.

— И зачем мы сюда пришли? — опасливо поинтересовалась я.

— На охоту, — продолжил довольно ухмыляться Хоук.

— Ага. Ясно. И на кого будем охотиться.

— На них.

Хоук ткнул пальцем мне за спину, и я обернулась. Лаконично ругнулась.

В лесном полумраке бродили те еще чудища. Человекоподобные фигуры, только слишком тонкие, слишком гибкие, будто нет совсем костей, и абсолютно черные. Из спины, в районе лопаток, торчали две короткие зубчатые пластины. Круглые жучьи глаза горели ярко-синим. Лица — скорее не лица, а морды — вытянутые вперед снизу, как у собак. Одна из тварей раззявила рот, обнажив сотни мелких, треугольных, акульих зубов.

И кто еще на кого здесь будет охотиться?

Глава 16. Абигейл

И снова я в каморке для метел.

И снова дверь распахнута настежь, и горит ярко невыносимо красный витраж.

И снова я слышу далекие голоса: смех, разговоры, в которых невозможно понять ни слова.

И снова я сижу на полу, прижавшись виском к стене.

И снова ряды метел похожи на прутья решетки.

Но сегодня что-то иначе.

Этот сон... сколько раз он мне снился? Каждый день? Через день? Сколько раз после него я просыпалась в холодном поту? Сколько раз я видела на этом полу убитого мной Фрино? Но сны о драке уже давно перестали сниться, а вот каморка — нет. Каморка была чем-то иным, не просто плодом воспаленного от раскаяния рассудка. И сейчас...

На этот раз мне уже было не страшно. Я устала бояться этого реалистичного сна. Он преследовал меня с того самого дня, как я поговорила с Малумом. И сегодня я наконец-то получила контроль над своим телом, смогла встать.

Или все же не я?

Руки все так же были черными, с длинными когтями. Тело — слабым, тонким и беспомощным. Я поднялась и оперлась на стену. Я вся дрожала. Странное чувство, будто сил совсем не осталось. Стараясь не упасть, я пошла к двери, намереваясь выйти наружу.

В дверном проеме появились три размытые фигуры. Я не видела их лиц, они будто смазывались, взгляд на них не задерживался. Они были опасны... но я не боялась. Они вызывали у меня разве что глубокое чувство отвращения. Мои мучители...

“Нет, Эби, это не по-настоящему, — прошептал внутренний голос. — Это всего лишь сон. Воспоминание спятившего демона, которое он заставил тебя смотреть. С тобой ничего не случится. Так что не поддавайся его эмоциям!”

— Эй демон, как тебе тут живется? — спросила насмешливо одна из фигур.

— Смотрите, он еще не сдох, — сказала другая. — Мы ведь его уже неделю не кормили.

— Да ладно, если бы он так просто сдох, это было бы скучно, — ответил третий, самый неприятный.

Я хотела сказать, чтобы они меня отпустили. Хотела, но губы сами собой произнесли другое.

— Не дождетесь. Я еще выберусь отсюда и вас исключат. Сотрут вам память и лишат магии. Справедливость восторжествует.

— Даже не надейся, — ухмыльнулась последняя из фигур. — Экзамены скоро, все заняты подготовкой, на твое отсутствие всем плевать. Они просто решили, что ты так уверен в своих силах, что не собираешься ходить на последние, подготовительные пары. А когда тебя найдут — мы уже будем не студентами...

Эти слова меня очень возмутили. Однако и мне, и Малуму не нашлось что ответить. Он чувствовал, что они правы. Он знал, что что они его сюда посадили. Но он ни о чем не жалел. И не будет жалеть никогда. Я была им, а он — мной. А фигуры смеялись. Улыбались. Кривились.

— ...Что, молчишь? Твой дружок тебя больше не вытащит. Потому что ты убил его, поганый демон. Весело, правда?...

От этих слов внутри у меня все сжалось. Не в переносном значении, а в прямом. Будто кто-то надавил мне сильно кулаком на живот. Сердце колотилось так громко, так сильно, будто кто-то стучал молотком по дереву. Стало невыносимо больно, из глаз хлынули слезы, я сжала кулаки, скрипнула зубами и...

...наконец проснулась.

Кровать оказалась влажной от пота, по спине у меня побежали мурашки. На моем животе сидел, словно черная статуэтка, кот с зелеными глазами. Увидев, что я проснулась, он спрыгнул с кровати и испарился где-то под столом. И как только пробрался в мою комнату?

“Люди хуже любых чудовищ”, — будто прозвучал в голове тихий, вкрадчивый голос Малума.

В дверь постучали. Стучали, видимо, не в первый раз, но во сне я приняла этот стук за биение собственного сердца. Я вздрогнула, натянула одеяло повыше и попросила:

— Войдите!

Дверь приоткрылась, и в комнату просунулась светлая голова Кальца. Воздух сразу наполнился сладким ароматом ириса и мускуса. Как-то раз Янка в шутку назвала нашего общего приятеля ходячим освежителем воздуха. Что ж, пожалуй, она была недалеко от истины.

— Доброе утро, — поприветствовал он меня. — Прости, я не думал, что ты еще спишь.

— Я что, опять проспала до вечера? — удивилась я.

— Да нет, — мило улыбнулся мне Кальц. — Просто мне было скучно и, кажется, я пришел слишком рано. Сейчас полдень или где-то около того.

Он вошел, закрыв за собой дверь и посмотрел на меня уже с легким беспокойством.

— Выглядишь бледной. Все еще кошмары снятся?

— Вроде того, — вздохнула я, заворачиваясь в одеяло чтобы скрыть свою короткую сорочку. — Ты бы вышел на минутку... я хоть оденусь.

— Да ладно, я все равно умею видеть сквозь ткань, — беззаботно сказал парень.

Я смутилась, на что Кальц только подмигнул мне. Кажется настроение у него было очень и очень хорошее. Впрочем, с того дня как мы ходили за виноградом, я его в плохом расположении духа ни разу и не видела. Некоторые студенты от него все еще шарахались, а он каждый раз им мило улыбался и шутливо здоровался. Потрясающее самообладание

— Извращенец, — поругалась на него я.

— Это была шутка. Конечно же я этого не умею.

И, не особо церемонясь, он плюхнулся рядом со мной на кровать. Я уже готова была согнать его, как демон сцапал мои ладони и, заглянув в глаза, спросил:

— Ну, признавайся, что за сны тебе снятся? Может, я смогу помочь тебе их расшифровать.

Да что же все ко мне пристают в последнее время!?! То Мрамор донимает своей опекой, то вот Кальц, как милый солнечный ураган, вторгается ко мне когда я в одной сорочке и не собирается уходить, то Фрино...

Вспомнив о выходке последнего я смутилась. О небеса, за что же мне это?!

— Слушай, Кальц, — решив хоть с ним все разрешить окончательно, спросила я, — можешь честно ответить на один вопрос?

— Какой? — заинтересованно склонил он свою белую голову.

— Я тебе, надеюсь, не нравлюсь?

— Неа, — без тени смущения ответил парень. — Прости, если тебя это обидит. Как девушка ты меня не слишком интересуешь. То есть я в тебя не влюблен, если ты об этом.

— Фуууууух, — выдохнула я. — Слава небесам.

— Я что, такой ужасный? — кокетливо ужаснулся парень. — Ну вот, а я-то думал...

— Нет, ты не ужасный, — спохватилась я. — Просто у меня как-то все запуталось в голове. И если бы я нравилась еще и тебе, то...

Не договорив, я погрузилась в собственные мысли. И в самом деле, чего это я? Ну да, я целовалась с Кешей... но он принимал меня тогда за Янку, я ему не интересна. Мрамор — вот где проблема-то. Ну и Фрино... от одной мысли о котором я натянула на голову одеяло. Как вообще вчера могло это случиться? Хотя опять таки... с чего я взяла, что он ко мне что-то чувствует? Наверняка просто напугать хотел, чтобы я от него отстала. Даже как-то стыдно стало за свое вчерашнее поведение.

— Эй, хватит смущаться, — потянул на себя одеяло Кальц. — Ты, конечно, делаешь это очень мило, но я могу тебя не так понять! Ну, давай, признавайся, кто тебе снился? Какой-нибудь парень с Земли? Или кто-нибудь из наших знакомых? Или ты грустишь по Мрамору, которого у тебя увела Абигейл?

— Нет, мне снились какие-то... — начала я, а потом даже одеяло отпустила от неожиданно пришедшей мне в голову мысли. — Слушай, Кальц, а ведь ты мне можешь помочь!

— Кстати милая ночнушка, — оценил демон, который уже стащил с меня одеяло.

— Да... Кальц! — задохнулась я от возмущения, прикрывая руками оголившиеся плечи и верх груди. — Хватит. Я тут вообще-то серьезно!

— Хорошо, — дернул плечами демон, правда, все так же весело. — Чем помочь?

— Кажется, — закусил губу я, — мне снился кусок памяти Малума. Скажи, такое вообще возможно?

— Вполне, — “обрадовал” меня Кальц. — Демоны могут делиться воспоминаниями. Только вот я никогда не пробовал передавать свои людям. Без понятия, как это будет. У вас же совсем по другому память работает. И что же... тебе снился какой-то фрагмент из его воспоминаний?

— Да, — понурилась я. — Уже не первый раз. И я не знаю, как от этого избавиться.

— Ну, — задумался Кальц. — Думаю, я мог бы тебе помочь. Давай я залезу в твою голову, найду там его воспоминания, а потом покажу их тебе.

— Плохой вариант, — вздохнула я, понимая, что это самая ужасная из всех возможных идей. — Может, можно как-то иначе?

— Иначе... ну есть одно предположение, — сказал Кальц. — Я слышал, что у людей бывает такая странная болезнь, когда они теряют память. Можно поискать, как это у вас лечится и попробовать. Воспоминания же в тебе есть, просто ты их никак осознать не можешь. Но я в этом способе не уверен.

— Ну, спасибо хоть на этом, — улыбнулась ему я с тяжелым вздохом. — А теперь выйди, пожалуйста, из комнаты — я переоденусь.

Глава 17. Яна

— Их называют блэртами, — сказал Хоук.

Блэрты эти нас словно не замечали, хотя и были совсем рядом. Только периодически подозрительно принохивались. И как это так? В ответ на мой невысказанный вопрос Хоук демонстративно вытащил из кармана потрепанный амулет — обычный овал из серебра с характерными рунами и едва уловимым запахом полыни. Простейший артефакт, позволяющий скрывать свое присутствие — на первых страницах всех учебников по артефакторике он описывается, как классический пример возможностей этого магического направления.

Что ж, удобно.

Я подошла к мужчине поближе, а то мало ли, какой радиус действия у этой безделушки. Не хотелось быть замеченной местной живностью.

— Когда-то, еще тысячи лет назад, когда путешествия между мирами были уделом лишь избранных, — пафосно и напевно начал Хоук, но ироничная ухмылочка и чертята в глазах выдавали его настрой, — юная горная фея из Края Самоцветов на Эквариусе, последняя из своей расы, решила разбить свое хрустальное сердце на семь осколков, и каждый из них оставить в одном из миров в надежде, что однажды ее народ возродится. В Готреде, охваченном вечной войной, фея нашла приют для своего сердца на диких безлюдных землях, укутала его в частицы мира — землю из недр, воду с небес, травы и звериную кровь. И ушла. А осколок, из которого должна была родиться маленькая фея, ждал своего часа.

— О, стой-ка, — вдруг озарило меня. — Мы же с Вальдором проходили забытые расы Эквариуса...

Я подумала, что лучше бы мы для начала настоящее изучили. Может, тогда бы не попала впросак с матриархом — ночью я пролистала все свои книги по расами и традициям этого мира, чтобы все же разобраться, кто такая Брусника — и проникнуться. С виду обычная пухляшка, а оказывается она волшебное существо, что жизнь целой расе дает, будущая королева эльфов и мать фей. Это даже как-то пугало... и восхищало.

А про давно вымерших горных фей кое-что я помнила и с занятий — пусть и смутно. Все же на Эквариусе разновидностей фей чуть ли не за сотню, не говоря уже о других расах, попробуй всех выучи, даже с моей памятью.

— Кажется, они просто так размножались — или перерождались, смотря с какой стороны посмотреть. Они выделяли из своего тела какое-то там вещество, которое кристаллизовалось в красивый камушек, а сами погибали. Но перед смертью успевали сделать... ну, что-то вроде магического инкубатора, где этот камушек постепенно преобразовывался в новую феечку. Были эти феи очень красивыми и очень безмозглыми, а, главное, совершенно не развивались, как разумная раса. Да и во время перерождения были особенно хрупкими — и чем опасней и заселенней становился мир, тем быстрее они погибали.

— Молодец, пять баллов, — сарказмом оценил мой порыв поделиться знаниями Хоук. — А я ведь так старался придать романтическую атмосферу...

— Поздно одумался, — фыркнула я. — Так что там с ними случилось на Готреде, раз они превратились в таких вот уродцев?.. Если правильно понимаю, к чему ты ведешь.

— По легенде, даже в эти отдаленные земли пришла война. Магическая война, если

точней. Как это там... — Хоук сделал вдохновенное лицо, подобрался ко мне вплотную, видимо, чтобы лучше слышно было, на ухо, жарко, проникновенно зашептал: — Смерть обдала своим дыханием нерожденную фею, кровью был окроплен хрустальный осколок — и окрасился он в багрянец. И пробудилась прекраснейшая и опаснейшая из тварей, крылья ее угля черней, глаза рубинами сияют, клыки — алмаза крепче.

— Магией смерти тут баловались, вот и ее покорежило, так? — предположила я.

Хоук спорить не стал, только продолжил с таинственно-пафосным видом рассказывать. И рука его в это время аккуратно, словно случайно, скользила по моему бедру — отвлекала постоянно, раздражала, но отбросить... не хотелось.

— Что за сказка без любви — и здесь она есть. Каждый муж, что видел черную фею — влюблялся в нее без памяти — и клыки не смущали. Каждого — она пожир-р-рала, — мурлыкнул Хоук и игриво куснул меня за шею — быстро так, что я и агрессивно среагировать не успела. И не желала. — Пока не появился один герой. Не действовали на него чары, он сам магом был — теперь уже фея влюбилась. Очистилась ее душа, засияли глаза сапфирами, все готова была она отдать возлюбленному. И пожелал он кусочек сердца феи, получил дар — и ушел прочь. С горя дева крылья себе оторвала и сшила из них черный балахон, прекрасный облик ее от плача исказился, уродливым стал, и решила с тех пор лишь пугать, а не влюблять — чтобы никто больше ее драгоценное сердце не забрал.

— Хм... — призадумалась я, что было весьма сложно, ведь Хоук в своих ласках заходил все дальше, но я упорно строила из себя ледяную статую. — Если думать научно, то что-то я не уловлю, как прекрасная, пусть и почерневшая, горная фея докатилась до такой деградации, но да ладно... Так что там с охотой?

Пока Хоук сказки сказывал и меня под это дело лапал, блэрты разбрелись, кто куда, среди мрачных деревьев. Возле нас лишь один остался, задрал с тоской морду к небу, едва проглядывающему сквозь темную листву.

— Блэртов, как созданий, рожденных из противоположных магических сил, опасных и неустойчивых, почти невозможно одолеть стандартными боевыми чарами, — пояснил Хоук профессорским тоном, за что получил нежный тычок локтем в грудь. Быстренько исправился: — В общем, они искажают чужие заклинания: или обращают вспять, или нейтрализуют. Да и просто убийство не даст желаемого.

— И что у нас желаемое?

— Камни, естественно. Очень и очень дорогие камни, которые создают эти твари. Материал для мощнейших артефактов или просто украшение — символ статуса и богатства. Охотники не только с Готреда, со всех миров, летят сюда как бабочки на огонь — и большинство также легко погибает. Блэрты парализуют свою жертву и пожирают ее живьем...

— Стоп-стоп-стоп, дорогой мой. Значит, ты сюда не на свидание, а за наживой. Окей, совмещаешь приятное с выгодным, одобряю. Только вот у меня нехорошее предчувствие... — я изобразила на лице живую заинтересованность. — Камушки добывать ты ведь сам собираешься, так? Продемонстрируешь мне свои таланты магические, покажешь, какой ты не такой как все... ну, не бабочка-самоубийца.

— Увы, — ехидно ухмыльнулся Хоук, — не моя это специализация. Тут нужно особое восприятие магии, более... тонкий подход.

Ага. Такие вот подозрения у меня и были. Нет, ну не гад ли? Кто же так за девушками ухаживает!

— Ты, издеваешься? — с надеждой уточнила я. — Серьезно хочешь, чтобы я тебе эти камни достала? Помогла тебе заработать?

Я даже не знала возмущаться или восторгаться иронией ситуации.

— О, не беспокойся, сладкая, свою долю ты тоже получишь. Если, заслужишь, конечно. Попробуй заставить блэрта преподнести тебе свой дар.

Я повернулась к этому самому блэрту, все так же зависшего на одном месте — он изредка разве что принимался подозрительно, будто чуял подвох — людей с нехорошими намерениями рядом. Жуткий он.

Черт побери, я ненормальная. Целиком и полностью. Я хочу это сделать — чисто из азарта. Выпендрежа. Желания одолеть эту магическую задачку. Ну и получить ценную награду.

— И что мне делать? — покосилась на Хоука.

— А сама как думаешь?

Да, конкретной помощи от него не дожидаться.

— Ну, если предположить, что легенду ты мне рассказывал, не только ради того, чтобы полапать в процессе, а с намеком... — принялась рассуждать вслух я. — Приворожить? Ментальное очарование? Хотя нет... слишком просто. Почему тогда охотникам так не везет...

— Просто только на словах. Менталистов не так уж много, тем более склонных к риску... А главное, сил и навыков, чтобы совладать с природной магией блэртов, хватает лишь у избранных.

— Обнадеживает.

— Очень рад, — Хоук притянул меня к себе. — Но не беспокойся, я тебя подстрахую — унесу прочь в опасный миг. Я не собираюсь тобой рисковать... Так что, справишься, моя маленькая невеста? Или я тебя переоценил?

Как бы не так. Справлюсь. Я вырвалась из его объятий и решительно развернулась к блэрту.

Для начала — защитить свой разум и тело. А потом атаковать его.

Я ощутила свою магию — полностью погрузилась в нее. Клубок послушно развернулся, позволяя мне опутать нитями своих сил все вокруг, позволяя, пусть не увидеть, но почувствовать — едва уловимая вибрация — магическую ауру блэрта. И я поняла, в чем сложность. Нужно действовать аккуратно, чтобы не зацепить ничего, что приведет к нехорошим последствиям — никакой прямолинейной ворожбы на очарование, только осторожное точечное воздействие.

Я подошла поближе зубастой добыче, теряя защиту амулета Хоука — но я уже мягко окутала разум блэрта своей паутиной. Чуть дергаешь — и включаешь симпатию, нежность, зависимость, любовь... В отличии, от ментальных игр с человечески эмоциями — никого сопротивления. Главное, дергать в нужных местах... будто по минному полю ступать.

Черная собачья морда блэрта доверчиво ткнулась мне в лоб. Холодный нос. Я вздрогнула — так сконцентрировалась на магии, что сама не поняла, как оказалась настолько близко, как присела на корточках перед этим странным существом, как пялюсь уже, наверное, минут десять в его синющие глаза...

Ну, давай, вручи мне свой дар, красавчик. Отдай мне свое каменное сердце или как там.

Камни блэрт не из сердца вырвал — он просто заплакал. Хоук, незаметно подошедший сзади, сказал подставить ладони, и вскоре у меня в руках оказалось пару десятков

небольших, сверкающих ярко-синим камушков. Можно было бы сравнить их с сапфирами, но подозреваю, что в тех нет такой глубины цвета, живых завораживающих узоров внутри, мягкого тепла... Магию, хранившуюся в этих камнях можно было буквально ощутить на вкус.

— И что, они правда много стоят? — спросила я, не в силах оторваться от любования добычей. Блэрт уже отходил от моих чар, затряс недовольно головой, но я внимания не обращала. Но зато Хоук обратил.

Забрал меня из леса — переместил к озеру с желтоватой мутной водой среди алых холмов. На противоположном берегу был водопой, собравший в кучу экзотичных представителей местной фауны. Особенно выделялся синеватый слон с двумя парами гигантских бивней и острыми шипами-рогами из-за небольших ушей.

— Возьми себе один, а мне остальное, — довольный, как тот слон, заявил Хоук. Но я не успела начать возражать, как он закатил глаза: — Прекрати, Абигейл, у нас ведь все равно скоро будет совместное имущество. Все мое — твое, а я сегодня стал еще богаче... ведь моя дорогая невеста внесла свой вклад в семейный бюджет, как выражаются наши земные друзья.

Несмотря на то, что мне имущество Хоука не светило, я развеселилась. Что я действительно буду со всем этим добром делать? Чтобы придумать себе достойный артефакт уйдет немало времени, чую мне и одного камня хватит с лихвой. А продавать... будто бы я знала кому и как сбывать такой товар. Пусть лучше Хоук своим делом занимается.

Ну да, копить я никогда не умела.

Но на всякий случай себе не один, а три штуки заграбастала.

— А теперь награда за старания, — мурлыкнул Хоук и полез целоваться. А я была совсем-совсем не против.

Глава 18. Абигейл

Театр находился, как оказалось, между лазаретом и входом в библиотечную башню. Всего лишь маленькая, ничем не примечательная и всегда закрытая дверь, на которую до этого я и внимания-то не обращала. За ней притаилась небольшая сцена, закрытая тяжелым красным занавесом. Семь рядов кресел, обитых таким же красным бархатом, тянулось от стены до стены, изгибаясь дугой. Над нашими головами светила большая хрустальная люстра. Пахло пылью.

— Да уж, никто не встречает, — удивленно хмыкнула Ивона. — Так странно. И что, садиться можем где хотим?

— На билетах указан четвертый ряд, места с третьего по шестое, — отрапортовал Рейнар. — Думаю нам лучше сесть туда.

Я глянула на своего соседа чуть настороженно. Всю дорогу до академии они с Кальцем о чем-то тихо переговаривались. Ивона же, сцапав меня под локоток, не давала подойти поближе, чтобы подслушать разговор. А хотелось. Любопытно же, зачем Рейнару понадобился демон.

— Рейни, ты такая скучная зараза, — вздохнула Ивона, продвигаясь к четвертому ряду. — Ребята, предлагаю сесть именно туда. Иначе этот ответственный парень не даст нам своим ворчанием посмотреть представление.

— Лучше все делать по правилам, — отрезал Рейнар. — Не мы их придумали, чтобы нарушать.

Я на это только улыбнулась. Ну что ж, у каждого свои странности. Мы расселись на выделенные нам места. Я примостилась между Ивоной и Кальцем. Демон почему-то предпочел отсесть от Рейнара подальше, да и выглядел чуть задумчиво. Я уже хотела спросить его о том, что случилось, как свет внезапно потух, а дверь с силой захлопнулась. Стало как-то не по себе.

— Мило, — услышала я в темноте голос Кальца. — Надеюсь, мы пришли не на спектакль под названием “Убийство четырех студентов академии в старом маленьком театре”.

— Нет, — отрезал Рейнар. — Это всего лишь постановка из истории Альянса.

Кальц, видно, хотел что-то на это ответить, но тут свет хлынул на занавес, и на красной ткани проступили синие буквы незнакомого алфавита. Потом, дважды смешавшись, они сложились в знакомые мне символы и я прочла, видимо, название пьесы.

“Легенда о мече и плаще”.

Где-то наверху, над сценой, проскрипели шаги, затихли, а потом занавес разъехался. Я улыбнулась. Декорации оказались простыми, плоскими, нарисованными то ли на картоне, то ли на фанере, и изображали улицу старинного городка с разными магазинчиками, тавернами и прочим. На стоящей чуть ближе к зрителю скамейке полулежал человек.

— Давным-давно, — раздался будто отовсюду тонкий голосок маленькой девочки, — на Земле, жил очень-очень талантливый маг. Он был одним из последних магов. И плакал он о том, что магии в их мире почти не осталось.

Фигура поднялась со скамейки и я удивленно отметила, что это был не человек... а большая, красивая, реалистично сделанная кукла. У нее оказалось такое правдоподобное мужское лицо, что я невольно поежилась и глянула на Кальца. Иногда он напоминал мне вот

такую странную поделку. Демон в полутьме мило мне улыбнулся, будто прочитав мысли.

Тем временем кукла села и понурилась.

— И тогда подумал маг — а что, если не все потеряно? — продолжал детский голос. —

Да, его мир почти утратил волшебство, но...

Кукла встала и подняла к потолку меч, выхваченный из ножен.

— Но вдруг оно есть где-нибудь еще? — сказал уже мужской, приятный голос.

— И тогда маг взял свой меч, и... — продолжил голос детский.

Искусно сделанная марионетка взмахнула мечом, и за лезвием оружия протянулся по воздуху красный, мерцающий свет. Вжух, и будто что-то разрезал. У меня отчего-то перехватило дыхание.

— Прорубил окно в другой мир, — сказал детский голос.

— Я найду в этом мире магию и принесу ее сюда! — сказал голос мужской. — И на Земле снова будут рождаться ведьмы и чародеи, колдуны и маги.

Кукла шагнула сквозь пылающий воздух, и декорации города вдруг с сухим шелестом втянулись в пол, а вместо них вдруг поднялись другие. Теперь это был сад перед огромным, тянущимся башнями к потолку театра замком. Алый разрыв все еще горел, но мне было не до этого. Я узнала замок! Это же Кронус! Королевский дворец! Я знала, что ему очень много лет, но и не предполагала, что настолько!

— Маг оказался в королевском саду, — продолжал детский голос. — Он осмотрелся и вдруг увидел, что из-за дерева выглядывает прекрасная девушка.

Из-за картонного дерева и правда выглянула вторая кукла. У нее были рыжие кудри и маленькая корона на голове. Юбка платья струилась за ней по полу а плечи закрывал маленький синий плащ. Она вышла, встала перед магом, сделала реверанс. Маг опустился перед ней на колени и поцеловал руку. Он сделал это так естественно, что я на пару секунд забыла о том, что это всего лишь куклы.

— О прекрасная леди, — сказал мужской голос. — Могу ли я спросить, кто вы такая?

— Я, — ответил голос женский, — принцесса. Самая несчастная из всех принцесс на свете.

— И почему же вы несчастны?

— Я заперта в своем замке как птичка в клетке, — ответила принцесса. — А я так хочу путешествовать.

Я улыбнулась. Как же мне это знакомо.

— Ох, а что это? — спросила принцесса, повернувшись к синему разрыву между мирами. — Дверь в другой мир? Может быть стоит закрыть ее, раз уж вы уже вошли?

— Но я не умею закрывать дверь, только открывать, — ответил маг.

— Что ж, тогда ее закрою я, — сказала принцесса.

Ее плащ вдруг засветился и рассыпался на множество нитей. Взяв одну из них, она ловко заштопала разрыв, и тот исчез. Тогда маг взял ее за руки, и попросил:

— Вы — самая прелестная из женщин. Давайте сбежим, и будем странствовать по мирам вместе.

А дальше на сцене творилась милая, забавная, пусть и заезженная история. Маг и принцесса прыгали из мира в мир. Они побывали и на Эквариусе, декорациями к которому послужили огромные деревья. Они посетили Готред — совсем тогда еще дикий, населенный кочевниками. Они были и на Пинионе, и на Вэйдане. И вот, когда остался последний мир, Плутос, маг сказал:

— Милая, я боюсь дальше путешествовать. Давай оставим все как есть?

— Почему же, любовь моя? — спросила принцесса.

— Я боюсь что однажды я случайно открою такой мир, в котором будут жить одни лишь чудовища, и они натворят немало бед.

— Если мы найдем такой мир, то просто закроем в него дверь и забудем о нем. Шесть

— плохое число. Давай скорее же откроем седьмой!

И тогда маг открыл вход на Плутос. Кальц рядом печально вздохнул. Из разрыва в пространстве полезли рогатые картонные демоны. Я поджала губы. Это был немного перебор. Демоны напали на мага, повалили его на землю. Он отбивался, несколько демонов упало на сцену. Принцесса закрыла разрыв и упала перед своим любимым на колени.

— О нет, они ранили тебя! — полным отчаяния голосом, сказала девушка. — Живи же, любимый маг! Излечись! Прошу тебя!

— Увы, мой любимая, — сказал маг. — Прости, что не уберег нас от такого несчастья.

— Я покончу с жизнью вместе с тобой! — заплакала принцесса.

— Нет, живи, если любишь меня, — попросил ее маг. — Возьми мой меч, открой дорогу в другие миры и сделай так, чтобы магия не исчезла.

Кукла в последний раз вздрогнула... и замерла. Я ошарашенно поняла, что по щекам у меня катятся слезы. Но почему? История же такая глупая, такая наигранная и ненатуральная? Почему она так тронула меня? Принцесса тоже утерла слезы и встала, подобрав меч. Она подняла свое оружие высоко над головой и детский голос сказал:

— Однако принцесса не смогла воспользоваться мечом. Меч был самый обычный, а сила открывать врата в другие миры заключалась именно в ее возлюбленном маге. Но она решила не отчаиваться. Пусть она и не могла открывать разрывы, а все старые она тут же закрывала, имелись и другие пути. На их поиски она потратила всю свою жизнь и однажды ей удалось попасть в то место, которое объединяло миры. В Междумирье...

Из сцены поднялись декорации замка академии, и детский голосок продолжил:

— В этом месте она открыла академию, в которой и по сей день учат самых талантливых, самых сильных магов. Тех, кто сможет поддержать магию в своих мирах. Она изобрела телепортацию, как способ путешествовать между мирами. Однако телепортация была способна лишь отнести ее туда, где она уже бывала. Потому миров в Альянсе так и осталось всего лишь семь.

Принцесса, со своим светящимся синим плащом, распадающимся на отдельные нити, пошла в сторону замка, открыв картонную дверцу, нырнула за нее. Занавес начал закрываться, и на этот раз на нем, несколько раз перетасовавшись, сложилось слово “КОНЕЦ”.

— Грустная история, — вздохнула Ивона. — А я думала, она его вылечит. Как жалко.

— С демонами они перестарались, — глянула я на Кальца.

— Да нет, — мило улыбнулся мне он. — Мои предки и правда были довольно злобными. Я знаю, что моя раса натворила немало дел. Не стоит из-за этого расстраиваться. Зато теперь мы цивилизованнее всех остальных. Кстати, я намереваюсь пойти на сцену и посмотреть на этих жутких кукол! Кто со мной?

— Нам с Ивоной уже пора, — учтиво поклонился ему Рейнар. — Спасибо, что выслушали меня, Кальц.

— Что вы, — вежливо ответил ему демон. — Такой пустяк. Извините, что не могу ничем помочь.

На это Рейнар только сухо кивнул, и буквально утащил брыкающуюся Ивону за собой в сторону выхода. Когда мы с Кальцем наконец остались одни, я спросила у него нетерпеливо.

— Ну, чего ему было от тебя надо?

— Как я и думал — он предлагал мне стать его союзником в войне, — задумчиво хмыкнул Кальц. — Думал, что я такой же неистовый, как Малум. Что ж, я немного разочаровал его, рассказав, как все на самом деле. Демоны ведь мало пригодны для войны, разве что шпионы из нас хорошие. К тому же я пацифист, и не намерен никого убивать... особенно за какой-то чужой мир...

Глава 19. Яна

Хоук вернул меня в академию, когда бледный шар готредского солнца уже наполовину исчез за горизонтом. Я и не заметила, как прошло время — в разговорах, поцелуях, разглядывании местных зверушек... Мне было хорошо. Беззаботно.

Но это и пугало. То, с какой легкостью Уильям Хоук копался в моей душе. Играл на моих слабостях-дуростях — моем упертом желании показывать себя сильной и независимой, моем нетерпении бессмысленных нежностей. Словно знал — его уверенность в том, что я не испугаюсь опасности, со смехом справлюсь с любой задачей, льстит мне намного больше, чем какие-нибудь ласковые комплименты и обманчивое чувство защищенности за мужской спиной. Я ведь когда-то сказала себе, что не буду больше верить в мужские обещания беречь и защищать — и не верила. Лучше расчет. Я предпочитаю, чтобы мужчина делал меня сильнее, пусть с раздражающей насмешливостью и самоуверенностью, пусть с собственной выгодой, но главное — не притворяясь героем. И не то чтобы Хоук не перебарщивал, но... Не встречала я еще мужчину с таким правильным подходом ко мне. Это притягивало, это — а еще эти темные глаза, от которых в жар бросает, и мастерские поцелуи — сносило мне на время крышу, делало еще более безрассудной и беспечной, чем обычно.

Но на сегодня доза Хоука закончилась. Лиловые туманы вокруг площадки для телепортаций заставили на миг сердце сжаться — возвращаться к проблемам так не хотелось. Но надо.

Хоук поцеловал меня на прощание, никаких четких дат насчет следующей встречи не дал. Исчез. Я повернулась в сторону врат... и захотела провалиться сквозь землю. Как-то я подзабыла о своем экстравагантном наряде, но фирменный пронзающий взгляд Рады Тарвиус, веселые улыбочки Дженни с Вальдором и укоризненная мина Якоба напомнили быстро. К тому же уже родные преподаватели были не одни, а в сопровождении еще троих незнакомцев в белоснежных плащах с фиолетовыми узорами на подоле. Высокая парочка — мужчина и женщина, одинаковые, как близнецы — разглядывали меня с брезгливым безразличием, а третий, невысокий усатый мужичок лет пятидесяти — с откровенным любопытством.

Стоять перед этой толпой было крайне неудобно.

— Здравствуйте, — вежливо прервала молчание я. Думала еще пародию на книксен сделать — уж как умею, но решила не рисковать.

— Это Абигейл Руоль, — решила представить меня Дженни. — Одна из самых перспективных студенток на первом курсе. В моей группе, кстати. Староста.

В контексте данной ситуации похвала больше выглядела издевкой.

— Что же... не удивительно, — сказала незнакомая женщина. — Ярэн оценит ее таланты на соревнованиях.

Я уже открыла рот, чтобы узнать о чем речь, но стушевалась под красноречивым прищуром ректорши.

— Идите в свое общежитие. Абигейл, — послала она меня.

И я поторопилась удалиться — не только потому, что спорить с Радой Тарвиус не хотелось. Просто сообразила вдруг, кто эти люди в плащах.

Хранители, от которых мне определенно нужно держаться подальше и не высвечивать. Хотя все равно поздно — обратили уже внимание. Я бы себя такую колоритную, в трусиках

и больших ботинках, загоревшую за день и с нечесанным пучком на голове, точно запомнила. Вот черт, что ж я вечно оказываюсь не там, где надо?

Уже в саду — к счастью, безлюдном — меня нагнал Вальдор.

— Смотрю, в любви к эксбигиционнизму леди решила перещеголять Мэта.

На глупый подкол я внимания не обратила. Поняла же, что он не просто так за мной пошел.

— Зачем здесь Хранители? Они что-то про нас с Эби знают? И что за соревнования? — завалила я вопросами эльфа.

— Не паникуй. Вы тут не при чем. Это они про сбой в работе кристаллов пронюхали, — поморщился Вальдор. — Ведь это такой шанс подпортить репутацию Академии... Ряду дискредитировать.

Последнее, судя по тону, не вызывало у Вальдора особого возражения.

— Морально готовься выслушивать ругань Дженни. Они ей весь мозг вынесли, старые грешки припоминая. Да и Якобу тоже, — Вальдор поджал губы. Возмущенно продолжил. — Хранители, делают вид, что за безопасность студентов радеют. Всех якобы опасных и безответственных преподавателей с радостью бы казнили — так, на всякий случай. Будто бы это спасет миры от истощения магии! Идиотизм тот еще! Но закономерен — наша госпожа ректор слишком много внимания уделяет интригам Альянса, чтобы Хранители кроме всего прочего не беспокоились за свою власть. И страдает вся Академия.

Все-таки у Вальдора временами любая несправедливость — болезненное место. Не замечала, чтобы вся академия прям-таки страдала... а вот взрыв был реально для студентов опасным. Пусть, несмотря на успокаивания Кеши, я все равно подозревала, что в этом виновата я и моя магия, но случай ведь не первый, никого из преподавателей особо не удивил. Словно так, производственные неполадки — и плюющийся огнем дракон-библиотекарь, и взбесившаяся магия студентов, и все разрушения, которые нас же устраняться заставили. Вот уж где реальная несправедливость была. И то, что студенты в таких аварийных условиях учатся, вполне справедливо побуждало Хранителей искать виноватых — и без паранойи насчет ректорши.

Но при чем тут истощение магии и что это значит? Как-то не очень обнадеживающе звучит... Но спрашивать Вальдора я не стала — мне пока просто не хотелось касаться темы с кристаллами, напоминать, что мое подозрительное появление совпало по времени со взрывом. Вальдор же у нас такой проницательный.

— Но все же закончилось благополучно? Хранители ушли, никаких арестов или что они там делают с неугодными... — перевела я разговор на насущную тему.

— Ушли, да не все, — вздохнул Вальдор. — Насчет этого я как раз и хотел тебя предупредить. Для того чтобы... показать слаженную работу преподавателей и студентов, сплотить группы в экстремальных условиях... или как там оно официально... завтра все услышишь. В общем, наши высшие чины замыслили провести магические соревнования. В том числе и среди первого курса, что, как по мне, та еще глупость. Вы же еще ничего не умеете, и смотреть скучно будет, но пусть... Главная проблема в том, что Хранители оставили наблюдателя — якобы для судейства, но сама понимаешь. А значит — нужно вам с подружкой быть предельно осторожными. Если вам вдруг покажется, что Хранитель милый дядька, который все поймет и поможет — загляните ко мне, предоставлю пару сотен дел из архивов, где во всей красе справедливость этих господ показана.

— Уж совсем за дуру не держите, — хмыкнула я. — Конечно мы не будем доверять свои

тайны тому, кто нас может за их с легкостью убить. Я и вам с ректором не особо-то доверяю.
— И правильно делаешь, — с легкой улыбкой одобрил Вальдор.

Гостиная общежития встретила меня промозглой сыростью. Неугасимый огонь словно теперь был не просто элементом декора, а источником влаги и холода. Камин и все, что к нему поближе, покрылись влажной зеленой плесенью. Стены все так же красовались грязными пятнами, от почерневшего кресла, куда Эйнар и Юз вроде как заключили магическую энергию веяло чем-то гадким.

Неужели никто из преподавателей — а особенно Дженни, которая вроде как наш куратор, как бы ее там за что-то Хранители не донимали — не смог найти время помочь и убраться все? Типа, сами напортачили — сами разбирайтесь? Или живите в этом бардаке.

Я хотела обратно свою уютную гостиную. Во всех смыслах.

Может самой попробовать? Бытовые заклинания мне неплохо удаются. Но Юз сказал, что нельзя — магией...

Стоп. Это ведь все... — как там Хоук говорил? — неудачный результат слияния противоположных магических сил. И как и с блэртами — нужен просто тонкий подход, определенное восприятие своей магии. Как у меня. Я же чувствовала, что нужно делать, как направлять потоки своей силы, чтобы не спровоцировать опасную реакцию. Почему бы сейчас не попробовать?

Воодушевившись, я принялась за дело.

Подумала отстраненно — как же я привыкла к своей магии, как люблю ее... не хочу, не буду лишаться!

С блэртом было проще. Масштаб просто иной. Здесь же площадь минного поля, по которому я ступала ступала, и количество самих мин — намного больше. Я бормотала, вспотев от напряжения, стандартное заклинания очищения и нестандартно магически мыслила. Тут же, как при рисовании — вместо того, чтобы парой взмахов толстой кисти белой краской замазать неудачный рисунок, приходилось крохотными точками аккуратно тыкать, чтобы все ненужное стереть, исправить, и, при этом, нужное не зацепить — и все не испортить.

Комната казалась бесконечно большой.

Но я наконец закончила — и она засияла чистотой. Даже в камине вновь плясали жизнерадостные оранжевые языки пламени, лишь общую сырость прогнать не удалось. Да и кресло я трогать не стала. Фиг с ним.

Я все равно себя ходячим трупом чувствовала от истощения и напряжения мозгов.

Есть какая-то ирония в том, что простая уборка оказалась настолько сложнее чем “охота” на опасных, людей там пожирающий, тварей. И за второе я еще была награждена дорожками камнями. Ох уж это вечное жизненное издевательство с таким вот несоотношением усилий и результатов!

Тяжко вздыхая, я поползла вверх. И наткнулась на Бруснику, с непонятым восхищением смотрящую на комнату.

— Ты такая молодец! — радостно воскликнула она. — Спасибо, Эби. А то мы как не старались ничего сделать не могли, и мне даже спускаться сюда не хотелось... сразу как вспомню этот ужас...

Брусника поежилась, но вновь светло так улыбнулась — и порывисто обняла меня — и от этого по спине ледяные мурашки забегали. Я вздрогнула, Брусника смутилась, отступила.

А я просто чуть не заплакала. Как она может быть такой доброй, прощающей? Вчера ведь еще заслуженно злилась на меня, молча с Юз соглашалась...злилась же? Соглашалась?

Я осознала, что понятия не имею, что там сама себе надумала, увидела, а что на самом деле подруга чувствовала. И вообще, наверное, хреново я людей понимаю, несмотря на весь свой типа как богатый жизненный опыт.

— Я ведь сама виновата... — я не сдержалась. Голос дрожал. — Нужно было сказать преподавателям... или просто самой для начала подумать, сообразить, что не надо лезть в это чертово мэтово болото, тем более тебя просить и сваливать... Я думала так, прикольная фигня... А оно... оно реально все серьезно... могло убить вас... Прости меня...

— Ты чего?! — перепугалась Брусника, успокаивающе схватила меня за руки. — Юз преувеличивала, забудь что она там тебе наговорила. Ты же не виновата, что не знала! Это я напортачила... И сама на себя злилась...и на тебя тоже немножко из-за этого. Прости меня пожалуйста! И вообще, все ведь хорошо закончилось, ну перепугались немного... ерунда! Вот с одержимой Янкой тогда и правда кошмар был, и во время сбоев жутко было, а вчера — ерунда.

С Эби — кошмар. Да такой, что я до сих пор относилась к ней, как к хрупкой статуэтке — не хотела тревожить, развеселить пыталась — походом в другой мир, возможностью в свое тело вернуться...

Но с Эби тогда я не чувствовала себя такой виноватой. И ничего все равно не могла исправить. А теперь могу. Просто стоит взять на себя ответственность по-настоящему.

Глава 20. Абигейл

Увы, посмотреть вблизи на красивых марионеток нам не удалось. Пока мы прощались с Рейнаром и Ивоной, кукловод, видно, их уже забрал. Мы залезли на сцену но все, что увидели — это метнувшуюся по стене тень с оленьими рожками. Догонять не стали и решили разойтись по общежитиям. Ну как разойтись... Кальц взялся меня проводить.

Если честно, Кальца я считала своим если не другом, то по крайней мере хорошим приятелем. Мы с ним довольно тесно общались после того, как он приструнил в тот день Малума. Кальц, правда, вел себя довольно своеобразно, но это только добавляло ему обаяния. Демон понятия не имел о существовании такой важной штуки как “личное пространство”, был совершенно без комплексов, ни на кого не обижался, не злился и не грустил. Воистину, самое легкое существо из всех, кого я встречала.

У входа в наше общежитие, Кальц, весело улыбаясь, полез обниматься. Я, фыркая от смеха, попыталась от него отбиться, но куда там — пусть он и был на вид довольно утонченным, но это не делало его слабым. Парень, как никак.

— Спасибо, что вытаскала меня, — сказал он. — Давай, бросай киснуть, Янка. Чужие сны не должны мешать тебе радоваться жизни.

— Я постараюсь, — улыбнулась ему я. — Буду брать с тебя пример.

На это Кальц только улыбнулся и звонко чмокнул меня в лоб. Я опешила, а демонюга только еще шире улыбнулся и отпустил меня наконец.

— Ты меня смущаешь, — потеряла я свой лоб. — Все демоны такие...

— Красивые? Веселые? Хорошие? — заинтересовался Кальц.

— Прилипучие, — весело осадила его я.

— Ой да ладно тебе, это же всего лишь дружеские объятия! Вы, люди, такие странные. Держите всех на расстоянии. Обниматься и целоваться же так приятно, не понимаю, чего в этом плохого. Ладно, я ушел. Смотри у меня, спи сегодня без всяких кошмаров. Пока.

И это чудо грациозно махнуло мне рукой и ушло в сторону желтого общежития. Глядя ему в спину, я почему-то даже позавидовала. Так плавно ходить еще уметь надо. В голове мелькнула странная мысль — а как бы он ходил на каблуках? Конечно, мужчина на каблуках это верх странности, но иногда я ловила себя на мысли, что ему бы пошло. Особенно если бы каблук был такой... мощный что ли. И с чего только такие глупые мысли в голову лезут?

В гостиной меня уже поджидали. Мрамор делал вид, что читает книгу, но, стоило мне войти, как он предательски дернулся. Рядом с ним на диване лежало целых три кота. Они вообще его любили — он же теплый, почти горячий. То ли пушистые друзья Якоба считали, что у него температура и его надо лечить волшебными мурчаниями, то ли просто греться приходили.

Увидев друга, я тяжело вздохнула. Ну что ж... кажется, сейчас самое подходящее время, чтобы извиниться. Я уже даже начала придумывать, с чего бы начать, как Мрамор сам оторвался от книги и спросил устало:

— Ты с ним встречаешься, да?

От такого вопроса я опешила и даже смутилась. Ну вот, знала же что не стоит с Кальцем обниматься, не так все поймут. И ведь не отгонишь его, он же вообще о последствиях не особо задумывается. Как же тяжело с этими иномирцами — что для одного нормально ненормально для другого. Для Кальца дружеские объятия — это нормально, для Мрамора —

это вопиющий акт разврата. И как со всем этим жить? Запоздало я подумала, что так мне и надо. Не стоило привечать всех бедных и несчастных одиноких парней в академии. Доигралась в спасательницу.

— Нет, конечно, — постаралась улыбнуться я Мрамору. — Я ни с кем не встречаюсь. Ни с Кальцем, ни с кем-то еще.

— Тогда почему вы там целовались? И утром он к тебе заходил в комнату...

— Не подумай ничего такого, — вздохнула я. — В комнату он ко мне заходил, чтобы поболтать. А поцелуй был невинный и в лоб. По его словам они там, на Плутосе, все так выражают... хмн... дружеские чувства.

— Ты такая наивная, — Мрамор отложил книгу. — А что, если он просто напросто тебя дурит? Если бы он сказал, что они на Плутосе спят со своими друзьями, ты бы и на это согласилась?

Я нахмурилась. В голосе Мрамора сквозила обида, и это раздражало. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы не начать снова с ним ругаться. Вместо этого я глубоко вздохнула, потом выдохнула. Все. Что там Ивона мне говорила? Лучший способ во всем разобраться — это поговорить. На этот раз, правда, я уже ученая — наговорила с Фрино, ничего не скажешь. Потому я села напротив Мрамора, подальше от него, чтобы он не дай небо не полез ко мне целоваться или обниматься, и начала разговор:

— Слушай, Мрамор. Ты не думаешь, что в последнее время немного перебарщиваешь?

— Перебарщиваю? — нахмурился парень. — Поясни.

— Ну смотри, — вздохнула я. — Хотя, пожалуй, мне сначала стоило бы извиниться за ту... сцену. Я понимаю, почему ты Фрино так ненавидишь. Просто... прости меня, ладно.

— Я не обижался. Однако мое мнение по его поводу не изменилось.

— Ну да и... ладно, — отмахнулась я. — Дело не в нем. Я о другом. Понимаешь, ты постоянно обо мне переживаешь. Тебе не кажется, что я сама способна о себе позаботиться и решить, что мне нужно, а что нет? Я бы не стала с Кальцем спать просто потому, что он так бы мне сказал. Я ведь не круглая дура. К тому же, мы ведь и с тобой обнимались, и с Орсоном я обнималась, но тогда ты ничего не сказал.

— Со мной ты не целовалась, — поморщился Мрамор. — К тому же я и Орсон не демоны. Его народ не просто так боятся....

— Да, раньше они были злобными и дикими, — нахмурилась я. — Но... что вообще плохого может быть в Кальце? Он ведь тоже по сути спас меня, когда я была одержима. И вообще... тебя послушать — так все вокруг враги!

— Что плохого в том, чтобы быть осторожным?

Эти слова поставили меня в тупик.

— Но как ты тогда вообще собираешься заводить знакомства?

— Никак, — ответил полудракон. — Мне хватает тебя.

— А Орсон? — удивилась я.

— Он мне не слишком нравится, сама же знаешь.

Мда. Ну и дела. Я всмотрелась в своего друга, или человека, которого считала другом. Правильно говорят, что первое впечатление обманчиво. А ведь по-началу, когда у меня было совсем мало здесь знакомых, я в Мрамора почти влюбилась. А теперь что? Теперь я вдруг осознала, что совершенно его не понимаю.

— И что же... — осторожно начала я, — ну хорошо, пусть у тебя буду одна я. Дело, конечно, твое. Но я вот не хочу иметь всего одного друга. У меня есть Яна, Брусника, Кальц.

Да и Орсон с Ивоной меня не раздражают.

— Яна тоже так себе подруга, — поморщился Мрамор. — Самодовольная выскочка. А Орсон все же вампир. Он может в любой момент на тебя...

— Прекрати, — остановила его я. — Перестань. Я не могу дружить с одним только тобой. Не могу, не хочу и не буду. И мне надоело, что ты пытаешься очернить дорогих мне людей.

— Я не пытаюсь их очернить. Я пытаюсь донести до тебя, что им не стоит доверять.

— А тебе, значит, стоит? — чувствуя, как во мне поднимается возмущение, спросила я. — Вот у тебя все вокруг такие плохие... а ты сам?

Не стоило мне этого говорить. Мрамор от этих моих слов помрачнел.

— Я всего лишь хочу защитить тебя, — сказал он почти с угрозой. — Не хочу, чтобы ты страдала из-за всех этих твоих... друзей. Ты слишком наивная, слишком всем доверяешь. И один из твоих так называемых друзей обязательно воткнет тебе рано или поздно нож в спину, вот увидишь.

— Защитить, значит? — возмутилась я. — Да нет, не защитить. Скорее уж присвоить себе и посадить под замок.

— Если бы я мог, я бы давно посадил, — ошарашил меня Мрамор. — Для твоего же блага.

Это стало последней каплей. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но слов не нашлось. В памяти ярким пламенем полыхнули подзабывшиеся воспоминания о прошлом на Кронусе. Вспомнила, как сидела у окна и смотрела на кипящую в городе жизнь. Смотрела на то, как гуляют по улицам люди, как они смеются, как они танцуют и обнимаются. А я просто сидела на подоконнике, чувствуя себя выставленной на показ фарфоровой статуэткой, и завидовала им. Как же мне хотелось тогда разбить это окно. Разбить и убежать. Но я не могла. И теперь, вот прямо сейчас, передо мной замаячил снова призрак этого подоконника и этого окна, рама которого напоминает прутья решетки. Это укололо меня так остро, что я даже поморщилась.

— А ты не думал о том, что я бы тогда тебя возненавидела? — вырвалось у меня.

— Да, думал, — потупился Мрамор. — Потому я... этого и не сделал...

— Тогда, может, ты поймешь уже, что ты на меня давишь? — выпалила я, поднявшись со своего места. — Ты мне не даешь свободно дышать. Давишь, давишь, давишь. И нет, Мрамор. Это не желание защитить. Это ревность.

Парень смутился, и тоже встал.

— А что если и так? — спросил он. — Да, я не хочу тебя ни с кем делить. Ты единственная, кто принял меня. Единственная, кто не испугалась меня в драконьем облике. Ты поверила в меня. С тех пор, как мы с тобой впервые заговорили, я ни разу не падал, ни разу не терял над собой контроль, кроме как в тумане. Ты хоть понимаешь, насколько я тебе благодарен?

— Мрамор, но если бы я вела себя так, как ты советуешь, то я бы не подошла к тебе вообще. Если бы я как и ты никому не доверяла, то мы бы не были сейчас друзьями. И если бы я прислушивалась к твоим советам, то первым делом я бы начала сторониться именно тебя.

Мрамор опустил голову. Кажется, я его победила, но победа меня совершенно не обрадовала.

— Ты права, — сказал он покладисто. — Прости, я больше не побеспокою тебя.

И с этими словами он ушел наверх, в свою комнату. А я осталась стоять столбом посреди гостиной, понимая, что опять натворила дел. Как бы я хотела, чтобы Мрамор таки смог меня понять, но при этом наша дружба, только-только зародившаяся, не превратилась в ничто.

Глава 21. Яна

Новая учебная неделя началась не с запланированной пары по магии иллюзий, а с призыва всем студентам собраться в холле Академии.

Будет ректор речь толкать. Я так понимала, что о соревнованиях объявит. Но остальные столь просвещенными не были и строили безумные догадки. Стоя в толпе рядом с Брусникой и выглядывая Эби, я чего только не наслушалась. И что парочку преподавателей арестовали, и что Академию закрывают из-за угрозы жизням студентов, и что то ли Дженни с Вальдором женятся, то ли Якоб с Нинель. А среди первокурсников конкурс будет проводиться на лучший им подарок. Обожаю людскую фантазию!

Хотя злорадные шепотки, что Хранители пришли за Кальцем с Эби, что теперь и вовсе всех демонов из Академии выгонят и больше не пустят, не веселили. Я, может и не самый толерантный человек, но такое отношение — реально чересчур. Бесит. Я тут даже Вальдора понимать стала. Эби же вообще к демонам никакого отношения не имела, сколько можно мусолить эту тему, а Кальц... Я взглянула на стоявшего неподалеку красавчика. Он так ловко все же меня с Юз успокоил тогда, одной улыбкой всех разогнал. Группа определенно не должна лишаться такого человека! Пусть он и демон.

Так, кажется, уже все собрались, куда Эби запропастилась-то?

Я подумала, что видела ее только позавчера утром, на теории... казалось, вечность назад — столько впечатлений за последние двое суток получила. Зато я заметила Мрамора. Он стоял в стороне от всех, и был весь такой... злой. Хотя нет, все же не злой, а скорее задумчивый и еще более неприступный чем обычно.

Когда Эби пугливой мышкой проскользнула в зал, Мрамор тут же отвернулся и сделал вид, что она его не интересует. Поссорились что ли? Хм, не у одной меня последние дни вышли такими веселенькими — в переносном смысле, разумеется.

Вжав голову в плечи, Эби устремилась ко мне, стараясь вообще ни на кого не смотреть — и я почувствовала раздражение. Ну, серьезно, опять эта зашуганность? Без поддержки друзей вести себя уверенно слабо? Могла же!

Но заметив, насколько у Эби невыспавшийся вид, я быстро уняла свой критический настрой — и, наоборот, встревожилась.

— Доброе утро, — поздоровалась она устало.

— Тебе все еще кошмары снятся? — предположила я, вспомнив, что Эби говорила о дурных снах. — Попробовала бы еще в лазарет сходить... или, вон, к Кеше обратиться, может подкинет какого успокоительного зелья. Чего мучаешься-то?

— Хочу и мучаюсь, — внезапно огрызнулась Эби. — К тому же это были уже не кошмары...

Узнать, что это у подруги за внезапные перепады настроения и “некошмары” я не успела — Рада Тарвиус наконец-то начала собрание.

— Дорогие студенты! Неделю назад мы все с вами пережили ужасные события. Сбои в системе кристаллов принесли много разрушений и проблем с магией, но благодаря слаженной работе наших преподавателей мы все преодолели без потерь.

— О, так еще могли быть потери, — по привычке ехидно прокомментировала я Эби на ухо, пока Рада выдержала паузу — аплодисментов, что ли ожидала? — Оказывается, нам еще повезло.

Подруга на это лишь тяжело вздохнула и опустила глаза.

— Боюсь представить, что бы было, если бы дикий туман поймал моих соседей на улице, — пробормотала она.

Но я уже сама пожалела, что ляпнула. Я ведь подошла к остальным студентом, когда все уже закончилось, никаких ужасов особых, что с ними творились, не увидела, и вообще была нетрезвая и о другом думала... даже когда на нас с Вальдором чуть стена не свалилась, надолго испугаться не смогла... Все казалось лишь запавным, пусть и страшноватым, приключением.

Ректор, тем временем, продолжала:

— И не только преподавателей. Я должна отметить и вас — каждого из вас. Я считала, что вы всего лишь первокурсники и так много еще не знаете. Что вы, в стремлении стать лучшими, трудитесь лишь для себя, но... в момент опасности — вы сплотились. И напомнили мне, что студенческая группа за время обучения становится настоящей семьей.

Какая-то проблемная мне семья досталась. Или это я ей такая проблемная попалась? Хотя... неделька в красном общежитии показала, что у Эби все еще круче.

— Обсуждая с нашими гостями, господами Хранителями, прошлое, настоящее и будущее академии и всех семи миров, я поняла, как показать, что способности нынешнего поколения студентов вовсе не свидетельствуют об упадке магии. Напротив, глядя на вас — я горжусь. Я вижу столько талантливых и целеустремленных лиц, которые уже осознают свое предназначение — помогать семи мирам. Ведь Академия в целом и ваше родное общежитие в частности, для вас сейчас — маленький мирок. Вы должны уметь находить способ его защищать и при этом не причинять непоправимый вред другим, побеждать, не платя неприемлемую цену, хранить покой и гармонию, шагая вперед в своем развитии. Это и есть сила мага. И я хочу, чтобы вы показали ее себе и другим. Красиво и искусно... а заодно и развлеклись.

Рада внезапно подмигнула и торжественно улыбнулась:

— Мы проведем турнир, соревнование между общежитиями, где вы продемонстрируете свои способности в магии, свое единство и свою индивидуальность. А победившая группа получит замечательный приз — прикосновение к Сердцу Междуирья. И пусть оно будет действовать не в полную силу, но я верю, что вы выберете правильное — нужное всей группе — желание. К тому же за участие и победы вам будут начисляться учебные баллы, и я надеюсь что соревнования поспособствуют вашему самоопределению...

Дальше я слушать перестала. Я уже подумывала, что можно использовать эти соревнования, чтобы попробовать наладить отношения с группой, доказать всем — и, главное, себе — что я не та, кем выставила меня Юз... Но про исполнение желания я тогда еще не слышала. Неужели у нас с Эби появился шанс использовать его не дожидаясь выпуска... притом, выпуска с самым отличным отличием во всем курсе? Но вот эти “неполная сила” и “нужное группе” смущали.

Когда я решила разузнать у Вальдора, а почему, собственно нас с Эби просто не отведут к этому чуду-Кристаллу, чтобы мы поменялись местами, он загрузил меня всякой метафорической мутью про “он сам выбирает достойного” и что желание реально нужно заслужить — победить, в учебе или сражении, не суть. Главное — не работает система с абы-кем, надо реально стать лучшим, уникальным и избранным. Такая вот бредятина.

— Надеюсь, — тихо шепнула мне Эби, — ты не думаешь просить группу поменять нас обратно с магией? Это было бы слишком опасно...

Я удивленно на нее покосилась:

— Ну, для начала победить надо. Но вообще, мы ведь точно не знаем, как это желание нужно загадывать? Может, один человек, староста там, подходит и просит... конечно, нужно с группой договориться, но не зачем так сразу отбрасывать такую возможность! Ты же тоже хочешь, поскорее вернуться в родное тело и магию сохранить?

На это Эби промолчала, сделав вид, что слушает Раду. Что-то я не поняла... она же хочет вернуться? Должна хотеть. Не думает же, присвоить мое тело навсегда? Ладно в академии, а дальше-то как жить? Нам определенно нужно хорошенько поболтать.

— Первым будет представление вашей группы — показательный этап. Условия просты. Покажите, что вы собой представляете, ваши магические и не только таланты. Пусть это действительно будет представление — красивое представление — в любом формате. Проявите фантазию. Разумеется, все должно быть безопасно для физического, психологического и магического здоровья. Судейская комиссия оценит ваше выступление балами и на основе результатов будет составлена турнирная таблица для первого тура соревнований.

— А судить кто будет? — осмелился прервать ректорскую речь какой-то парень из зеленого. Рада окатила его недовольным взглядом, но с непоколебимой искусственной улыбкой пояснила:

— Чтобы сохранить непредвзятость, личности судей пусть останутся тайной до начала показательного этапа. Однако, так как за свою непредвзятость я ручаюсь, признаюсь — буду одной из них... самой суровой.

И Рада, словно в подтверждение своих слов, сурово так нахмурилась. Кажется, хотела она это сделать в шутку, но лицо у нее неподходящее — мне сразу стало боязно. И вообще, что за издевательские задания? Придумай и покажи то, не знаю что и покажи так, не понятно как. Видимо, организаторам самим фантазии не хватило.

Когда все уже начали расходиться, Эби неожиданно схватила меня за локоть.

— Слушай... — промямлила она. — Я сегодня что-то совсем себя в руках не держу... последнюю неделю голова идет кругом. Прости, что нагрубил. Ты права, надо будет еще сходить к целителю... или, правда, к Кеше обратиться. Должно же найтись какое-то снотворное....

— Вот и правильно, а то ползаешь как сонная муха, — одобрила я здоровое решение подруги, проигнорировав извинения непонятно за что. Никакой особой грубости я не заметила — Эби вечно себе как надумает. — Что у вас с Мрамором, кстати? Стояли все тут, в гляделки играли.

— Поругались, — у Эби даже плечи поникли.

— С чего бы вдруг? — удивилась я, внутренне понадеявшись что вот сейчас-то она мне все расскажет. — Разве он тебе не нравится? Или я зря тут стараюсь, сохраняя вашу с ним дружбу.

— Ну, мы ведь тоже дружим. Но... не знаю, может это я виновата. Надо извиниться перед ним...

И она вкратце пересказала мне то, из-за чего они поругались. Я только покачала головой — не одной у меня проблемы с одноклассниками. Правда здесь проблемы совсем иного толка.

— Эби, ты такая наивная, — приобняв ее за плечи, сказала я. — Такое чувство, что ты до этого никогда и ни с кем не дружила.

— А я и не дружила, — созналась Эби. — Ну, кроме тебя.

— Ясно все с тобой, — вздохнула я. — Просто... понимаешь, человек очень сильно может нравится поначалу, пока ты с ним получше не познакомишься. А потом начинают всплывать всякие косяки в характере. Не бывает же совсем хороших людей. Так что не переживай так, это нормально.

И поэтому лучше сразу оценивать людей критически и поменьше им доверять, чтобы потом не разочаровываться и не страдать. Но это я уже говорить не стала — мой подход подруга вряд ли оценит.

— Но что мне тогда делать? — глядя на меня как на мудрую мамку-спасительницу, спросила Эби.

— А это уже тебе решать, — похлопала я ее по плечу. — Тебе придется либо смириться с его недостатками и принять их, либо прекратить с ним общаться. Потому что нет ничего хуже, чем из упорства, лишь бы не выставить себя нехорошим человеком, оставаться с тем, кто тебе не нравится.

Глава 22. Абигейл

Когда я вернулась в общежитие после занятий, то увидела редкую картину — мои одноклассники почти в полном составе собрались в гостиной. Ивона и Рейнар заняли диван, в кресле восседал хмурый Мрамор, на журнальном столике примостилась Текка. Фрино тоже был здесь — стоял, прислонившись к стене, и безразлично рассматривал потолок.

— Ну все, теперь ждем одного Орсона, — обрадовалась моему появлению Ивона. — Устраивайся. Сейчас будем думать, что показывать на этих проклятых соревнованиях.

Мрамор тут же встал, уступив мне место, я покорно села. Лучше бы не садилась, потому что дракон облокотился на спинку кресла и навис над моей головой. От этого стало сразу как-то неуютно. К тому же все молчали. Тишина и напряжение в нашей гостиной так сгустились, что я поняла — ничего мы не придумаем. Однозначно. Только еще больше все перегрыземся. И от осознания этого мне захотелось развернуться и уйти прямо сейчас.

Чуть разрядил обстановку Орсон, которого мы в напряжении прождали несколько минут. Он заявился не один, а в обнимку с незнакомой студенткой. Ну как незнакомой... в лицо-то я ее знала, а вот общаться не приходилось. Такую чудичку попробуй не заметишь. Шевелюра девушки походила на пушистое, спускающееся до лопаток белое облако, усыпанное кучей разноцветных заколок. И из этого облака выглядывали ветвистые, украшенные брелками и бусами олени рожки, из-за которых ей в узкие двери приходилось заходить боком.

— Ууууу, мрак, — констатировал улыбающийся Орсон. — Будто на похороны попал.

— Дело серьезное, — нахмурился Рейнар. — На кону желание. Нельзя лишиться такого шанса.

— Да бросьте, все равно соревнование выиграет синее общежитие, — отмахнулся Орсон. — Мы от них по баллам отстаем почти в половину. К тому же, насколько я понял, нам нужно показать сплоченность, а у нас ее ноль.

— И не поспоришь ведь, — фыркнул из своего угла Фрино.

— Ну и что же, — грозно поднялся Рейнар со своего места, — давайте сдадимся без боя? Плюнем на все и вылетим?

— Нет, — беззаботно дернул плечами Орсон. — Я просто имею в виду, что не стоит слишком сильно по этому поводу напрягаться. А из первого тура вылететь вообще невозможно, он просто показательный.

— К тому же наше общежитие все равно никто не переплюнет в шоу, — поддакнула ему его чудная пассия, а потом улыбнулась нам. — О, я вижу среди вас есть гости нашего маленького театра. Как вам сказка? А тот беловолосый демон, он не очень обиделся на то, что я выставила не в лучшем свете его соотечественников? Знала бы, что он придет — внесла бы в сценарий поправки.

— Не насмехайтесь над нами, — нахмурился Рейнар. — И вообще, у нас здесь собрание общежития, так что прошу покинуть помещение.

— Ой, как грубо, — совсем не обиделась девушка. — А я уже хотела предложить вам помощь с постановкой. Но если вы такие злые все...

— Рейни, заткнись пожалуйста, — осадил Ивона своего друга. — Нам не помешала бы помощь. Скажем так... никто из нас не блещет ни особым артистизмом, ни каким-нибудь творческим умением. Мы все боевые маги. Так что я бы приняла помощь.

— Я против, — нахмурился Рейнар. — Она может быть шпионкой. Или предложить нам что-нибудь такое, из-за чего нас не просто выкинут из соревнования, а исключат совсем.

— Твоя подозрительность утомляет, — обреченно вздохнула Ивона. — Ладно, раз мнения разошлись... предлагаю голосование. Кто за то, чтобы эта милейшая козерожка помогла нам? Лично я за, потому что понятия не имею, как впечатлить судей.

— Я тоже за, — поднял руку Орсон. — Она моя девушка, она точно не какая не шпионка, и потрясно умеет придумывать всякие постановки.

— Спасибо, Орсон, — поднявшись на цыпочках, чмокнула его в щеку девушка. — Я знала что ты на моей стороне.

— Мое мнение вы знаете, — угрожающе нахмурился Рейнар.

— Пожалуй я с ним соглашусь, — поддержал Мрамор. — В этом вполне может крыться какой-нибудь подвох.

— А Текка за, — весело качнула своей головкой травяная фея. — Текке нравится козерожка, Текка хочет с ней подружиться.

Остались мы с Фрино. Я глянула на парня, надеясь, что он уже поддержит большинство, и мне не придется решать. Но Фрино тоже медлил, искоса на меня поглядывая. От его взгляда я смутилась и отвела глаза. Ох, Фрино... и как мне теперь вообще на тебя смотреть-то спокойно? К тому же, что выбрать? Если я встану на сторону Мрамора, то, может, мы помиримся? Я другой стороны я тоже считала, что нам нужна помощь.

— Фрино, просто скажи, что думаешь, — решила чуть надавить Ивона, видно, давая мне немного времени на размышления.

— Сомневаюсь, что у меня есть право голосовать, — поморщился парень. — Как и у Текки. Знаешь ли, желание подружиться — так себе причина для выбора. Потому решайте впятером.

— Какая разница, — поднялся вдруг Рейнар, — я все равно не буду участвовать в том, что придумает эта девица. Подумайте здраво...

Оборвал его речь звук открывшейся входной двери, и на пороге гостиной возник Якоб Леам в компании рыжего кота, растянувшегося у него на плечах подобно меховому воротнику. Окинув нас несколько насмешливым взглядом, он осведомился в своей манере — весело, но одновременно с тем серьезно:

— Что, ругаемся?

Я втянула голову в плечи. Насквозь ведь видит.

— Так-так-так, — зацепившись глазами за гостью, поцокал языком куратор. — Леди, как бы я ни ценил ваши творческие способности, прошу нас покинуть. Мы и сами вполне в состоянии чего-нить сообразить.

— Как скажете, — послушно пискнула девушка, обнимая на прощание Орсона. — Пока-пока, увидимся еще.

— Пока, — махнул ей рукой вампир, и козерожка нас наконец покинула.

Сразу после ее ухода Якоб залихватски свистнул и диван вдруг принялся вытягиваться в длину. Он вытягивался до тех пор, пока не превратился в кольцо, сросшись с креслом, на котором я сидела.

— Запрыгиваем, — перемахнув через спинку и вольготно расположившись на своем творении, позвал Якоб. — Щас буду просвещать вас по поводу того, как на самом деле обстоят дела.

Что ж... я уже сидела, Когда же к нам присоединились парни, я вдруг поняла, что

расчет Якоб сделал очень точный, скрутив в баранку наш любимый диван. Теперь, когда мы сидели бок о бок в плотном кольце, это собрание больше походило на маленький тесный заговор. Якоб еще и свет приглушил.

— Короче, — понизив голос, сказал наш куратор, погладив легкую щетину над верхней губой — Открою-ка я вам глаза. Если вы еще не сообразили сами, ни хрена эти соревнования не на сплочение нацелены, а наоборот — чтобы вы все поцапались.

— Но разве... — начала Ивона, но Якоб ее перебил.

— Да, командные соревнования должны, по идее, сплотить вас. Это бы сработало... но только не с нашей группировкой студентов по общежитиям. Подумайте сами. Ну, вот например в желтом общежитие живет семеро студентов с развитыми лидерскими качествами. Да они перегрызутся там за власть. Каждый раз перегрызаются. Или зеленое? Там живут те, кому плевать на чувства других с высокой колокольни. Или наше, красное? Большая часть из вас привыкла держаться особняком от остальных. А задания на соревнованиях такие, с которыми справилась бы только дружная семейка демонов или эльфов, но никак не разобщенная компания иномирцев.

Мы притихли.

— И... что же нам делать? — осведомился Рейнар. — Не можем же мы просто спасовать...

— Нет, конечно, — хитро усмехнулся ему Якоб. — Но с тем, как вы друг к другу относитесь, шансы на победу крайне малы.

— Не понимаю, зачем академии ссорить нас? — недоуменно спросила Ивона.

— Да при чем здесь академия? Чтобы там ректор не говорила, правила-то Хранители разрабатывали. Их расчет прост. Недовольного студента легче склонить к стукачеству. После таких соревнований у нас обычно увольняются преподаватели, принудительно исключаются — в лучшем случае — студенты. Так что, я вас умоляю, на какое-то время забудьте о своих разногласиях и не ведите себя как бараны.

— Не думаю, что получится, — вдруг ответил за всех Фрино.

— Помолчал бы, — грозно зыркнул на него Рейнар.

— Будто я не прав, — сощурившись, Фрино откинулся на спинку дивана. — Вы и так меня все ненавидите, так что я скажу. Из нас команды не получится. Потому что каждый тут думает только о себе. И даже если мы каким-то образом выиграем, то подеремся из-за желаний. Не надо иметь дар предвидения, чтобы это понимать.

— Ты прав, — после минутного, тяжелого молчания согласилась Ивона. — Эй, умник, может у тебя еще и предложение есть?

— Ну есть, и что с того, — фыркнул Фрино, скрестив руки на груди.

— Говори, — кивнул Рейнар.

Даже я заинтересовалась. Как-то само собой вспомнилось и то, что Фрино вообще-то должен был стать наследником рынка рабов, и, в отличие от нас, вполне может иметь какой-то опыт управления людьми.

— Продумать все заранее, — нехотя сказал Фрино. — Поделить шкуру неубитого медведя и скрепить решение магической клятвой — разумеется, самой слабой. Если общий приз будет устраивать всех, то появится мотивация, и дележки избежим. Только давайте обойдемся без жалких попыток убедить друг друга в том, что ваше желание самое важное. Мы все эгоисты, никому до остальных дела нет.

Это было... в целом немного жестоко, но зато честно. Судя по тому, что никто не стал

оправдываться и возражать, Фрино снова попал в точку. Я даже начала понимать, почему ему удавалось так ловко манипулировать другими студентами и склонять их на свою сторону. Чем дальше, тем менее безумным он мне казался. И куда только делся тот парень, который мог в любую секунду выкинуть какую-нибудь мерзость? Может, права Нинель — та драка пошла ему на пользу?

— Что ж... — начал первым Рейнар, — как бы я не хотел склонить чашу весов в войне на Готреде в пользу своей страны, я согласен. Однако желание должно быть действительно полезным и всех устраивать.

Закивали и остальные. Даже Мрамор, пусть и неохотно, согласился, что решение здоровое. Интересно, чего он сам пожелал бы?

— Но даже если мы и найдем общее желание, — вдруг уклончиво вставила свое слово Ивона, — нам все равно нужно будет придумывать это дурацкое представление. А идей у меня, честно говоря, нет...

— Ничего, — усмехнулся ей Якоб. — Было бы желание — способ найдется. К тому же, идея есть у меня...

Глава 23. Яна (1)

Весь день я мыслями была в этих соревнованиях. Зациклилась на победе и исполнении желания. Тут же шанс прикоснуться к Кристаллу и получить заветное желание один из семи, а не один из полсотни, и чтобы бы там Эби не думала, нужно было как-то сообразить, что делать, чтобы шанс этот не профукать.

Правда, для начала нужно хотя бы круто презентовать нашу супергруппу, а тут у меня идей — ноль. Но ждать, пока они сами по себе появятся, нельзя, неделя это не так уж и много... И я вместо последней пары отправилась в общежитие — решила, что ясновидение мне не так уж и нужно, все равно заглядывала туда только для галочки, поддавшись на уговоры Лэйли Фиш.

Я хотела зайти к Дженни — ее расписание я знала как свое, и кураторша должна уже быть свободна. Может, она хоть раз решит помочь своим подопечным. Хотя бы чисто из желания выпендриться перед Хранителями?

Однако, зайдя в ее комнату — вечно неубранную и пропахшую алкоголем, дымом и перцем — я увидела, что Дженни Лоуренс перешла на сторону зла.

Она расслабленно полулежала на кровати и курила на редкость вонючую сигарету, а рядом с ней, сидел на полу тот самый Хранитель-наблюдатель. Он свернул свой пафосный белый плащик, уместился на него для удобства и тоже курил — огонек папиросы, словно золотой зуб, торчал из под пушистых и длинноватых черных усов. Был этот страшный товарищ Хранитель — весь из себя обычный мужичок. Простое смуглое лицо, большой нос и чуть торчащие уши, по-доброму прищуренные светлые глаза. Да он вообще лысеть начинал, то же мне маг нашелся — мог бы за внешним видом и получше следить, а то ведь работа у него такая, представительная. Или он наивно считает, что его безобидный облик заставит всех думать, что и сам он — безобидный? Ну-ну...

— Ааа, Абигейл Руоль, — встрепенулся Хранитель, завидев меня, — одна из самых перспективных студенток и просто прелестная леди с, осмелюсь сказать, прелестными формами.

— Рада, что удалось вас впечатлить, — я покосилась на безучастную Дженни. Какого фига этот тип тут делает? И что Вальдор мне гнал про ненависть нашей кураторши ко всей хранительской братии? Это как-то на дружеские посиделки похоже больше, чем на допрос.

— Это Ярэн Корн, — лениво махнула рукой в сторону Хранителя Дженни. — И он уже уходит, потому что не хочет мешать мне выполнять свою работу.

Мы с этим Ярэном Корном проявили удивительное единодушие, хором спросили:

— Какую работу?

— Кураторскую, прикиньте, — Дженни щелчком пальцев испепелила окурок и резким движением встала с кровати.

— Преподаватели, к слову, не должны помогать своей группе, — заметил Ярэн. — Мы это проговаривали, но вот досада, Рада забыла утром упомянуть... да и в последнюю поправку к правилам не внесла... А то, что не записано и не закреплено магической печатью, все равно не считается. Так что повезло вам, нарушения не будет. Ведь и так и так бы — помогали.

Ярэн чуть пальчиком укоризненно не помахал перед носом Дженни. И добродушно рассмеялся.

— Приятно было с вами побеседовать, Дженни. Рад, что в столь многом насчет вас ошибся, — и, повернувшись ко мне, добавил. — Абигейль, надеюсь с вами мы еще не раз побеседуем. Вы, признаться, меня с первого взгляда очаровали.

Я любезно улыбнулась ответ. Я-то надеялась никогда больше с ним не беседовать — так, на всякий случай.

Когда Ярэн Корн свалил, я сразу же получила благодарный тычок от Дженни.

— Как ты вовремя вошла, детка! — кураторша словно проснулась, глаза загорелись привычным огнем, в голосе появилась злость. — Мое терпение грозило лопнуть, как мыльный пузырь. Только последствия были бы пострашнее... кое-чей лысый и усатый труп, например.

Дженни-Дженни. Вот все же любила я эту ее манеру вести себя с подопечными студентами, как со старыми приятелями. И, главное то, что в ответ она требовала того же. И с нашей кураторшей всегда можно было поболтать о всякой ерунде и постебаться.

— Прямо-таки труп? — хмыкнула я. — Неужели и правда не зря тебя Хранители пасут? Мисс опасна для общества?

— Мисс была тем еще маргинальным элементом. Но уже два десятка лет ведет себя, как сущий ангел. И все это время страдает от домогательств подлых Хранителей. Ах, Эбичка, мне так тяжело, что аж несчастливая юность, дьявол ее побери, вспоминается... — Дженни приобняла меня, театрально закатила глаза. — Но раз все равно я на самом дне со своей репутацией, думаю, хуже не будет, если попрошу тебя разделить со мной стаканчик-другой...

— Не-не-не, — сразу запротестовала я. — Тебе Дженни, может и не будет, а мне будет. С некоторых пор с алкоголем я не дружу. Так что, госпожа куратор, с этим делом иди к Вальдору, а не студенток спаивай.

Валь со мной пьет, только если у нас Гранит — третий, — вздохнула Дженни. — Говорит, что наши с ним попойки наедине вечно заканчиваются не тем. А по мне — очень даже тем... Ну да пофиг. С чем пожаловала-то? С представлением, надеюсь, сами справитесь, не моя тема — вся эта красота, хвостовство... Самая бредовая часть соревнований. А вот когда турнир будет, стихийка и боевка, там — помогу, подучу своих любимых ребятишек.

— Ну, конечно! — разочарованно отодвинулась я от Дженни. — Сдается мне, тебе глубоко фиолетово на своих ребятишек. Живы — и ладно, все окей. Тоже мне куратор!

Хотя на что я собственно рассчитывала? Это же Дженни — она сразу приказала всем относиться к себе не как к заботливой мамочке, а как ко вредной старшей сестренке. У которой слишком много своих дел, чтобы еще и за малышкой приглядывать.

— Ты на меня свои проблемы не проецируй, — кураторша неожиданно посерьезнела. — Я в академии, может и далеко не самый опытный преподаватель, но свое дело знаю. И разные тактики общения с желтенькими перепробовала. Опыт подсказывает — лучше всего вы получаете, если сами по себе, без надежды на добрую тетеньку Дженни выживаете.

— А может это тебе лень подсказывает?

— Надоело старостой быть, мороки много, да? — ехидно уточнила Дженни. — Все равно никто не ценит, не любит. Виноватой еще делают. Бедная, бедная, Эби, как же быть?

— Не в этом дело...

Но я не могла отрицать, что где-то там грыз червячок сомнения — а может, правда, пусть Юз, с одноклассниками забавляется, а я — сама по себе. Оно мне надо? Я всегда сама по себе, это надежней, двое близких друзей — более чем достаточно. Собственных проблем же хватает...

Только вот я этого червячка хотела оканчательно додуть: потому что гордо уходить, громко хлопая дверью — не выход. Черт побери, это ведь как с работой — меня увольняли, а я с достоинством уходила — ну, быть может, иногда чуть поскандалив, но никогда я не оправдывалась, не унижалась. Молодец, Яна. Только вот на следующей работе ничего исправить и не пыталась, вела себя точно так же — до точно такого же финала. И, кажется, пора что-то делать с собой, а не обвинять всех окружающих в тупости и несправедливом отношении. Меняться ведь не слабость.

— Даже не думай, что можешь соскочить, — Дженни сложила руки на груди, задумчиво меня осмотрела. — Я назначила тебя старостой не потому, что первой увидела. Я, понимаешь ли, просто наше родство душ почувствовала. И твой потенциал. Аристократочка, что была безмолвной куклой в родительских руках попадает в академию — и разбивает нос самому высокомерному гавнюку на курсе. Очаровательно же. Среди доставшихся мне девиц ты мне больше всех симпатична. А не девиц я старостами просто принципиально не назначаю. Феминистка я немного, если не заметила.

— А чем Юз плоха?

Дженни, казалось, даже чуть смутилась.

— Мне ведь уже за сотню лет. Я из Америки... южанка. И, как с прискорбием в голосе Валь любит трюндеть — некоторые детские предрассудки неискоренимы ни магией, и возрастом... Хотя ж ты вряд ли понимаешь о чем я. Так подробно историю Земли вы еще не проходили... да и не будете, наверно. Ну, поспрашиваешь подружку, если оно тебе надо, а теперь — дуй к своим воодушевлять на подвиги.

Спрашивать мне ничего не надо было, все же историю родного мира я кое-как знала. Достаточно, чтобы в каком-то смысле даже посочувствовать бедной амбициозной Юз — повезло же попасть к кураторше, которой плевать на демоничность, но не на цвет кожи.

Какая же все-таки Дженни... Дженни. Что тут скажешь.

Глава 23. Яна (2)

Какой-то юморист повесил на кресло, ставшее вместилищем жуткой магии мэтова болота, табличку с черепом, скрещенными костями и розовой бабочкой. Хорошо, кстати, нарисованно. Интересно, чья работа?

Но спросила я собравшуюся в гостиной группу о другом:

— Ну что, устроим мозговой штурм?

Мэт подавился виноградиной. Он уместился на подлокотнике кресла, где сидела Брусника, и вдвоем они обгладывали одну большую сочную гроздь зеленого винограда, так удобно зависшую в воздухе.

— Если ты про соревнования, то отличная идея! — эльф возбужденно руки потер. — Не, знаю, правда, где мы возьмем столько мозгов, но войско из них я организую, бывшая живая плоть все же... А кого штурмовать будем?

— Брать мозги нужно у тех, кто ими все равно не пользуется, — серьезно поддержал идею Эйнар, который вместе с моим Фраем облюбывал себе меховой коврик у камина. — Хм...

Посмотрел на меня оценивающе. Я ответила милой улыбкой:

— У меня они хотя бы есть.

— Может нам нужно быть посерьезней, — устало прикрыла глаза Юз. Она, сдержанная, элегантная, в своем черном платье и шоколадной кожей на фоне светлой стены была как обсидиановая статуэтка... Черт, ну почему дискриминирует ее Дженни, а я, вместо того, чтобы злорадствовать, проникаюсь горечью несправедливости и даже обижаться перестаю? — Мы должны выступить достойно...

— Юз, я тебя люблю, ценю и уважаю, но сейчас ты нудишь не по делу, — Эйнар сегодня был на редкость в хорошем настроении. — Это же игра. Да, с очень заманчивым призом, но — просто игра, да еще и относительно по правилам. А от игры нужно получать удовольствие.

— Я надеюсь, ты строишь из себя воплощенную невинность не для того, чтобы заставить нас тут всех расслабиться, подставить и вручить победу в руки своему дружку? — подозрительно уточнила я, выискивая где бы расположиться. Кальц, оставшийся без своего любимого кресла, забрался на широкий подоконник, Альбо самозабвенно развлекался, взобравшись на перила — вертелся и ходил туда-сюда, балансируя, как акробат на канате.

— Вот еще! — Эйнар на мой скепсис ответил праведным возмущением... — Как я могу предать свою новую настоящую семью, свой маленький желтенький мирок....

Он с чувством спорадировал ректора и все дружно зафыркали. Альбо даже с шага сбился и чуть не свалился на пол — но вовремя махнул руками, превращаясь в птицу. Подлетел к Бруснике с Мэтом и, вернув себе человеческий облик, забрался на свободный подлокотник, отщипнул себе последнюю виноградину.

— А Дженни нам не поможет? — спросила Брусника, так чудно смотревшаяся с двумя милыми парнями по бокам — прям правительница на троне. Да только я уже давно заметила, что ей приглянулся наш демонюга... Забавная, должно быть, вышла бы парочка, но как-то сложно это представить...

Ох, не о том ты, Яна, думаешь. Соберись! У нас важное общее дело грядет.

— Мы справимся и без Дженни, — уверенно заявила я. Сделала пару шагов, чтобы оказаться в центре внимания, глубоко вздохнула, собираясь с духом. — Мы же сами по себе. Да, я, может быть, и далека от образцового лидера. Я... что тут уж — налажала. Считала, что отличная староста, раз с бумажками вожусь, да еще иногда великодушно по учебе помогаю и Эйни на место ставлю. А большего никому и не нужно было. Но... случилось так, что из-за моего пофигизма вы все могли серьезно пострадать. Я не воспользовалась, когда нужно, мозгами, и кинула Мэта и Нику с растущей прямо на моих глазах проблемой... а ведь понимаю теперь, что могла бы тогда помочь своей магией, придумать что-то — стоило только захотеть! Здесь я действительно виновата и... прошу прощения.

Мне хотелось провалиться сквозь землю — от собственных слов, от тягостной тишины, от удивленных, но вроде проникнувшихся, взглядов одноклассников. Чувствую себя душой. И от того, что вполне искренне говорю — вдвойне. Но вот вспоминать о взрыве и сбое магии я не собиралась. Меня тогда рядом с группой не было не по моей вине, а извиняться за то, что здоровьем не поинтересовалась — глупо. Как и доказывать, что я вовсе не какая-нибудь там мажорка, которой столь многое позволено. Все оно без раскрытия моих секретов — пустые слова.

— Ладно, мои ошибки — это мои ошибки, и я сделаю все, чтобы вновь их не совершать. Но, будем честны, мы тут все сами по себе, как бы не перешучивались и не ходили под ручку. У нас у всех свои тайны и цели. И делиться ими с людьми и нелюдьми, которых без году неделю знаешь — неразумно. Это нормально. Мы же здесь не для того, чтобы друзей находить — это так, приятный бонус, если повезет. Мы здесь магами становимся, союзников на будущее присматриваем, желание себе зарабатываем. И тут внезапно такая возможность! И нам нужна настоящая команда, если не хотим ее упустить — придется всем поработать над доверием. Не скрывать свои сильные и слабые стороны. Сыграть в одну простую игру: как честно и весело друг друга использовать — и победить.

— Рационально, — наконец подала голос Юз. Ей моя речь, частично импровизированная, а частично отрепетированная в мыслях, не очень понравилась — вон как плотно губы сжала. — Предлагаешь забыть о неприятном для тебя прошлом и сосредоточиться на одной цели... Только вопрос: а что с желанием? Ты ведь не хочешь себе его заполучить, за труды?

Вот же... нехорошая женщина. Да не знала, я как с этим чертовым желанием быть! Да хотела, мечтала — это естественно. Но и не будь его — я говорила сейчас перед всеми то же самое.

Не дожидаясь моего ответа, вдруг вся группа резко оживилась:

— Эби же извинилась! Я, правда, не понял за что. Кто-то в чем-то виноват? Зачем ссориться, если нужно дружиться — и команду? — протараторил Альбо.

Сначала еще победить надо, а потом желание делить, — разумно заметил Эйнар.

— Я всех за все прощаю, — махнул рукой Мэт, — и считаю, что для серьезных планов на будущее после выпуска как-то рановато. Я просто хочу развлечься на соревновании, и хочу, чтобы мы сейчас вернулись к теме мозгов...

— Абигейл имела в виду земной метод для решения сложных проблем. Когда каждый высказывает как можно больше идей, а потом выбираются лучшие, — любезно пояснил Кальц это злосчастное выражение.

— А какие у нас сильные стороны? Мы про магию? Может просто каждый покажет, что лучше всего может... — внесла предложение Брусника.

Я с трудом сдержала ироничный смешок. Увидела в черных глазах Юз такое же понимание: мои дорогие одноклассники просто не желали заранее обсуждать желание. Все, даже Брусника, тему перевели поскорее. Потому что каждый надеялся хитростью или реально по дружбе заполучить его в результате себе.

Что ж... опасно, но меня это более, чем устраивало. Правила игры приняты.

И одноклассники, невинно галдя, талантливо делали вид, что хотят лишь беззаботно оттянуться.

— Хочешь похвастаться своим талантом в вязании?

— Я не об этом! Будет ведь представление...

— Ага! Танцы, песни...

— О, танцует у нас Юз...

— Нужен интересный сценарий. А потом уже, по сюжету, будем думать кто что сможет показать..

— По-моему лучше наоборот, сначала выясняем кто что может...

— Надо что-то зрелищное!

— Болото твое было очень зрелищное. Очень-очень. Я впечатлился. И завидно. У меня совсем ничего не выходит...

— А давайте просто кресло наше покажем. И Фрая... только выкрасим его в белый, для контраста и смысла. Будут символами нашей группы. Лаконично и со вкусом.

— Не трожь мою собаку, Эйни, — не выдержала я этот малоосмысленный поток группового сознания. — Адекватную идею слабо выдать?

— А сама-то? Только проникновенные речи в духе ректорши толкать можешь? — фыркнул Эйнар. — Но вообще... лучше действительно сначала определиться, какая у кого сильная и наглядная магия лучше всего получается и как оно может взаимодействовать — чтобы сильнее впечатлить судей. У Юз на родине... да и у меня, полно, красивых ритуалов, сказок, придумаем, как объединить. У меня уже есть мысли насчет чудесных артефактов... да и заморозить что-нибудь могу.

— Тогда и не будем тянуть время, — я воодушевленно уселась на кофейный столик — больше все же некуда было..

У меня тоже имелись чудесные мысли.

Глава 24. Абигейл

Эта неделя далась мне тяжело. Безжалостные преподаватели не стали задавать на дом меньше материала, а к домашним заданиям добавились репетиции выступления. Якоб любезно выделил нам зал для практической магии, растянув его до сумасшедших размеров как вширь, так и вверх. Впрочем, репетировали не одни мы — весь курс ходил замученный. И чем ближе был выходной, тем более уставшими становились лица студентов.

Однако я, пожалуй, перещегооляла в усталости всех.

Ну а что, в отличие от остальных не было мне покоя даже во сне. Кусок воспоминаний Малума заклинил в моей голове намертво. Он повторялся, повторялся и повторялся, сводя меня с ума. Уж что я только не пыталась с этим сделать — даже раздобыла зелье от сновидений у Кеши. Ага, обрадовалась. Треклятому кошмару было плевать на любые зелья. А на то, чтобы попытаться восстановить и принять чужую память как свою просто напросто сил не оставалось.

Второй очень важной проблемой был Мрамор. Когда мы начали вместе репетировать выступление, я было подумала, что обида затерлась. Куда там. Он вроде и разговаривал со мной, но примерно так же, как и в первые дни знакомства. Короткими фразами без эмоций и особых подробностей. И не со мной одной, Орсона он тоже начал сторониться. Будто закрылся в себе. Это угнетало, но я не знала что с этим сделать. Как поговорить с ним так, чтобы он меня понял? Я прикидывала и так, и эдак, но решиться ни на что не могла. Боялась сделать только хуже

Довершал же общую угнетающую картину моей жизни... Фрино.

Что ж... я давно уже не думала о нем как о сумасшедшем злодее. Наверное, поэтому и мне, и остальным жителям красного было так интересно за ним наблюдать. Чем дальше, тем наши отношения смягчались. Не сказать, чтобы они превратились в товарищеские, но...

Фрино все так же держался подальше ото всех и держал всех подальше от себя. К тому же он, кажется, понятия не имел что такое чувство такта. Мог взять да и выложить все что думает человеку в лицо. Многих это раздражало, а меня... подкупало что ли. Хоть кто-то не лицемерил. К тому же он ни к кому не лез с советами, не пытался командовать, всегда старался хорошо выполнить свою часть работы. И чем больше я на него смотрела, чем больше слушала, тем страннее себя чувствовала. Буквально день на второй откуда-то взялось какое-то странное смущение и желание исподволь понаблюдать за ними подольше...

И только я уже начала ко всему этому привыкать, как он, совершенно ставя меня в тупик, вдруг начал изображать из себя мою тень. Куда бы я не пошла, Фрино на некотором расстоянии следовал за мной. И смотрел, смотрел, смотрел до одурения, как у него только глаза не уставали? С каждым днем эти преследования становились все навязчивее.

Я не знала что мне и думать. Надо было, на самом деле, бояться его... но я почему-то не могла, слишком уж странно он себя вел. Из головы не шел поцелуй, о котором я даже Янке рассказать не решилась. Хотелось подойти к Фрино и спросить — зачем поцеловал? Почему преследуешь? Почему так пристально смотришь? Мы ведь вроде уже все решили? Или еще нет? Но когда я думала о том, как подойду к нему и попытаюсь поговорить, меня охватывало такое смущение, что я тут же отметала эту мысль. К тому же... он же сказал, что ненавидит меня.

Однако вскоре все решилось само собой.

После очередной — предпоследней — репетиции, я решила все же дойти до библиотеки и попросить у Гранита книги про восстановление памяти. Тянуть до конца соревнований не было никаких сил. Пришла я под самое закрытие, но мне удалось уговорить дракона найти для меня нужные книги. Радостная, я вышла в коридор и обнаружила, что уже приглушили на ночь огни. Но не это было самым неприятным. Меня поджидал Фрино.

Впрочем, он делал вид, что просто дремлет на подоконнике. Парень украдкой одарил меня усталым взглядом и тут же отвернулся, притворяясь, что я ему не интересна. Мне стало жутко и я поспешила пройти мимо. Понадеялась, что он за мной не пойдет, останется здесь. Наивная.

На его мужских туфлях имелся небольшой обитый железом каблук, издающий такой неприятный, но характерный звук, разносящийся эхом по всему коридору. Я устало подумала — ну вот, дожили. Уже даже то, как он ходит выучила. Еще бы, он ведь всю неделю меня преследовал. Но сегодня он перешел все мыслимые границы, и это пугало. И главное... почему он просто не подошел ко мне и не предложил пойти вместе?

Одну стену коридора украшали красные витражи, другую — двери не использовавшихся аудиторий. Я вскользь подумала — какая же все же академия пустынная. Такого огромного замка слишком много для всего лишь пяти десятков студентов. Сейчас мы здесь совсем одни, если он набросится на меня как тогда — никто не услышит мои крики. Потому...

Я остановилась и повернулась к нему лицом. Фрино тоже застыл прямо под тускло светящейся лампой. Тощий, понурый. Такой же уставший как и я.

— Почему ты идешь за мной? — стараясь не выдать собственного напряжения, спросила я.

Он промолчал, только глаза опустил. Я удивилась. Почему у него такой потерянный вид?

— Скажи уже, — решила чуть нажать на него я. — А то... мне страшно...

— Мне тоже, — буркнул он.

— Тебе-то почему? Тебя-то никто не преследует.

— Прости.

— Зачем ты это делаешь?

— А ты не понимаешь? — поднял он на меня взгляд.

От этого взгляда — тяжелого, странного, непонятно что выражающего — по спине побежали мурашки.

— Н... нет, — выдавила я. — Не понимаю. Объясни.

Страшно, до чего же страшно когда он так смотрит. Я попятилась, готовая в любой момент кинуться бежать. Фрино закусил губу.

— Я все делаю неправильно, — осторожно начал он. — Не дурак ведь... понимаю. Ты не подумай ничего плохого. Давай так...

Он прикоснулся ладонью к груди и, глядя прямо на меня, произнес:

— Я клянусь, что никогда не причиню тебе вреда, Яна. Ни словом, ни делом, ни чужими руками. Клянусь собственным сердцем.

Воздух вокруг его ладони замерцал. Тот факт, что он поклялся сейчас самой страшной из всех магической клятвой, ошарашил меня.

— З... зачем? Мог бы и чем попроще...

— Попроще бы тебя не успокоило.

Что ему на это ответить, я не знала. Как назло откуда-то из коридора послышались

голоса. Мы с Фрино глянули в ту сторону, переглянулись. Я понимала — нельзя сейчас все так оставлять, надо все уже решить до конца между нами. Фрино тоже это понимал. Потому, недолго думая, схватил меня за руку и потянул к одной из дверей. За дверью оказался небольшой чулан. Тот самый из снов? От этой мысли у меня сердце подпрыгнуло. Свет в нем не горел, дверь закрылась, и мы оказались в полной темноте. Пару секунд висела напряженная тишина... а потом Фрино — я не увидела этого, скорее ощутила движение воздуха — вдруг двинулся ко мне.

— Что ты делаешь? — опешила я. — Подожди... Фрино!

Его это не остановило. Я подумала — ну вот, мне конец. Наверняка, клятва была ловкой иллюзией, и сейчас он всадит мне нож в живот, как всадил его в прошлый раз Мрамору. Но вместо этого Фрино подошел ко мне и сгреб в объятия. Сгреб, и зашептал — сбивчиво, отчаянно, на ухо:

— Я понимаю... я тебя уже достал. Но, прошу, просто выслушай, что я скажу и дай хотя бы пару... секунд вот так постоять. Я тебе соврал... я тебя не ненавижу... Ты не должна себя ни в чем винить, слышишь меня? Это я должен просить у тебя прощения... за все те мерзости что я тебе сделал... в ногах валяться. Я, не ты...

— Фрино... постой, — ужаснулась я. — Подожди...

— Заткнись, — беззлобно огрызнулся он, сжав меня еще сильнее. — Просто стой и слушай... иначе я испугаюсь и сбегу, как последний трус... просто я хочу тебе сказать... если бы я знал, что за такую жизнь, как у меня сейчас, нужно было заплатить глазом — я бы сам его себе выколол. Ты, наверное, думаешь, что из-за тебя я попал в капкан?.. Нет. Это раньше я был в капкане, а ты меня из него вытащила... впервые в жизни я делаю действительно то, что хочу сам, ни на кого не оглядываясь...

Он задрожал, а мне стало так плохо... так плохо, как никогда в жизни не было. На глазах слезы выступили, так от всего сказанного вдруг стало больно.

— Ты мне тоже снилась... — продолжил он. — Каждую ночь меня убивала. Думал, что ты меня ненавидишь... думал, будешь как все — шарахаться как от прокаженного... а ты... ты... как вообще в голову тебе такое пришло... взяла и пришла извиняться. А потом еще раз... как я по твоему должен был себя чувствовать? Я ведь тебя замучать хотел, это ты понимаешь? Может даже убить... Представь как я себя ненавижу... Я бы своими руками убил единственного в этом проклятом мире человека, которому на меня действительно не плевать...

Голоса за дверью стали громче, в темную каморку проникло немного света от магического светлячка. Фрино замолчал, тяжело дыша. То ли ждал, когда люди пройдут мимо, то ли просто не знал, что еще сказать. Мне же не оставалось ничего, кроме как обнять его ответ и постараться не заплакать. Так мы и стояли какое-то время, обнявшись, и ждали, пока стихнут шаги.

— Да все уже... — сказала я ему тихо. — Не вини себя...

— Да нет... не все... — пробормотал парень устало. — Есть еще одна проблема...

— Какая? — насторожилась я. — Я могу помочь?

— Глупая... — прижался лбом к моему плечу Фрино. — Какая же ты глупая... Яна, я по тебе с ума схожу, понимаешь? У меня и так не совсем все с головой... в порядке... но я с тобой окончательно, кажется, свихнулся... поэтому я за тобой и хожу, как какой-нибудь...

От таких слов мне стало жарко, странно. Это было как в тот раз с Кешей, только теперь признавались действительно мне. И я понятия не имела, что с этим делать.

— Какой же я все же идиот, — пробормотал Фрино с отчаянием. — Да нужен я тебе, честное слово... за тобой же и Мрамор бегают, и Кальц этот... зачем я тебе... Так что сделай вид, что я тебе ничего не говорил, хорошо?

— Н... нет... — выдавила из себя я, чувствуя, как горит лицо. — Подожди минутку...

— И чего ждать? — с сарказмом спросил Фрино. — Брось, я прекрасно понимаю, что я тебе противен. Зажал тут тебя... в темном углу как... маньяк....

— Ничего ты мне не противен, — собрав остатки храбрости, прервала его я. — Не лучше и не хуже любого другого парня.

— Не жалею меня...

— Даже и не пытаюсь.

Фрино застыл, явно не зная что мне на это ответить. Потом наконец-то меня отпустил. Хотел уже отстраниться, но теперь в него уже испуганно вцепилась я. А что, если уйдет? Что если бросит меня прямо здесь и прямо сейчас со всем, что внутри меня кипит?

— Если ты меня не отпустишь... — пробормотал он, — я не знаю, что я с тобой сделаю...

— Да... делай что хочешь... — ответила я ему тихо. — Только перестань думать, что я тебя жалею... я это не из жалости... я искренне...

Чуть помешкав, Фрино подтолкнул меня назад. Я уперлась спиной в стену, и от этого мне стало как-то даже спокойнее. А потом он меня поцеловал. Нежно, осторожно, держа в своих ладонях мое лицо. И на этот раз мне совсем не хотелось ни бежать, ни отталкивать его.

До общежития мы шли как два преступника, прячась от решивших прогуляться ночью студентов и изредка, украдкой, жались друг к другу. У входа мы разделились, чтобы не попасться никому на глаза вместе. Я осознала произошедшее только когда заперлась в своей комнате и нырнула в постель. Осознала и, не сдержав счастливой улыбки, уткнулась в подушку покрасневшим лицом...

Глава 25. Яна (1)

В подготовке к первому туру соревнований самым сложным оказалось — не брать все на себя. Когда у кого-то что-то не получается — помочь, а не закатить глаза и сказать “проще самой сделать”. Работать в команде. Взять и предложить Юз ведущую роль в выступлении — потому, что я понимала, с ее опытом проведения красивых религиозных ритуалов перед толпой и зрелищной огненной магией, это хороший вариант. И потому что делать обратное — было бы глупо и мелочно. Правда сама Юз хоть и с энтузиазмом согласилась, но поглядывала на меня с подозрением, будто чуяла в этом какое-то оскорбление.

А вот мне самой показывать было нечего — у меня не имелось впечатляющих сил смерти и жизни Мэта и Брусники, и в водной и пространственной магией меня с легкостью обыгрывал Кальц — этому демону вообще все с легкостью давалось. Так что я больше просто как координатор выступала, чтобы всю нашу магическую феерию под контролем держать. Какая-то дикая для меня роль.

Выступление послезавтра, а нам еще работать и работать...

Уже поздним вечером я решила забежать в библиотеку — может еще не закрылась, и я найду какую полезную книжку? Увы, закрылась — недовольный Гранит чуть ли не взашей меня вытолкнул. Выходя из башни, я заметила в другом конце полутемного коридора спину погруженной в свои мысли Эби — свет оранжевого светлячка окрасил ее — мои — волосы рыжиной. Я хотела приветственно окликнуть подругу, но меня отвлекло легкое похлопывание по плечу сзади. Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и увидела беспечно улыбающегося Эйнара — откуда он только тут взялся? Караулили что ли, а я и не заметила...

— Поможешь мне доделать нашу прелесть? — любезно попросил он, поправляя внушительную сумку на плече. — Кажется, я переоценил свои способности...

Перед тем, как согласиться, я хотела ехидно поинтересоваться, почему он к Юз с таким заманчивым предложением не подошел — они ведь отлично тогда сработались, с креслом...

Но тут увидела в проблеске света белобрысую макушку Фрино, который опять сталкерил за моей подругой!

Угрюмо и целеустремленно — даже со спины — он следовал за ней, чем вызвал у меня страстное желание броситься вперед и разобраться с этим козлом раз и навсегда. Пусть Фрино вел по отношению к нам себя тише воды, ниже травы, весь такой жизнью побитый, но это не значит, что он вдруг кардинально изменился. Если в мою сторону он даже не смотрел, мы вообще друг друга старательно избегали, то я не раз замечала, как странно он пялится на Эби — наверняка, думал о том, как бы отомстить.

Кричать на весь коридор я не решилась, и быстрым шагом стала нагонять стремительно удаляющегося в полутьме парня.

— Да ничего он ей не сделает, не идиот же он, — осадил меня Эйнар, выскочив у меня на пути так, что я притормозила. — Что ты оцетинилась так сразу. Взгляни на этот несчастный лик — Фрино просто погибает от угрызений совести и все никак не решится попросить прощения.

— Или мазохистски влюбился в ту, что его чуть не грохнула, — скептически предположила я. — Еще более бредовые соображения будут? И что ты под его ликом

подразумеваешь? Задницу?

— Какая ты пошлая, — в притворном ужасе прижал руку ко рту Эйнар.

Пока мы болтали Эби и Фрино исчезли — коридор вдруг оказался мрачен и пуст, светящиеся шары еще больше поблекли. После взрыва в пещере с кристаллом освещение несколько попортилось.

Черт! Надеюсь, Эби просто быстренько сбежала от этого придурка, а не он затащил ее в очередной подвал, чтобы в очередной раз поугрожать душевному и физическому здоровью. Пусть на этот раз у Эби есть магия, и я была уверена, что она сможет дать отпор, но все равно беспокоилась... По крайней мере, если Фрино еще хоть немного накосячит — вылетит с треском из Академии. Или вообще, сразу на руки Хранители его сдадут — они тут как раз недалеко теперь. Пусть изолируют от общества.

— Эй, — тронул меня за руку Эйнар. — Не тревожься. Я уверен, что Фрино твоей подруге вреда не причинит..

— Конечно, ты его защищаешь, вы же такие друзья, не разлей вода. Только постой... а где ты был, когда он ломал мне ноги и прожигал каленым железом щеку? Такое веселье пропустил.

Эйнар дернулся как от пощечины, отвел взгляд.

— Мне жаль... я никогда бы не подумал, что он способен зайти так далеко, — и решительно посмотрев мне в глаза, добавил. — Прости.

Я даже немного растерялась.

— Ты-то тут при чем... ну кроме того, что водишься с маньяком и убеждаешь меня, что он теперь вылечился и стал хорошим.

— Нет, конечно! — вытаращил глаза Эйнар. — Спеси, правда, у Фрино поубавилось, но в душе он все тот же любимый нами мерзавец — оскорбляет всех и вся, жалости не знает, прощения у прелестной жертвы на коленях не просит. Было бы иначе — я бы с ним больше и не разговаривал.

Я покрутила у виска. Никогда не пойму этого типа.

— Пошли в мастерскую, я ключ у Вальдора добыл, — добычей этой Эйнар помахал у меня перед носом. — Нужно доделать сегодня “цепь”.

Артефакт и правда нужно было закончить, и я, уверовав в здравомыслие все еще мерзавца Фрино, отправилась творить.

— Твое настойчивое желание со мной уединиться, можно неправильно понять.

— О, Абигейл! — не останавливая шаг, воскликнул Эйнар, в притворстве томно закатывая глаза. — Неужели ты наконец осознала эту искру между нами, мои... наши чувства?.. Но, одумайся, бесподобная. Мы должны преодолеть эту порочную тягу друг к другу. У тебя есть жених — уж какой есть, а у меня — прекрасная невеста.

— У тебя есть невеста? — поразила я, проигнорировав остальной бред. А потом вспомнила его разговор с Хоуком — точно, упоминалось что-то такое... — Кто же эта несчастная?

— Соллит, Владычица моей родной страны... это как ваша королева. Моя маленькая королева, — с неожиданной грустью ответил Эйнар. Но вот не факт, что не показной.

— Да ты у нас тогда получается будущий король, — хмыкнула я. — А так скромно слился с толпой других студентов... хотя, о чем это я. Совсем не скромно, и совсем не слился. Что ж ты подружек, как перчатки меняешь, а не хранишь верность возлюбленной королеве.

— Я набираюсь опыта. Хочу, пока могу, много-много опыта набраться, чтобы потом жену радовать сильно-сильно... — прижал руку к груди Эйнар, устремив псевдомечтательный взгляд ввысь. Вот же... шут, а не король.

Но дело свое знает.

В мастерской мы споро принялись за работу. Я зажгла свет, распалила очаг, Эйнар вытащил из сумки материалы и схемы, что весь день сегодня чертил на лекциях, вместо того, чтобы преподавателей слушать. “Цепь” — это мы образно. Прелесть, в которую мы накинём на шею Юз должна была состоять из маленьких металлических колец и так любимых Эйнаром бусин разного размера и формы. Отдельные элементы были уже готовы, но нужно было слепить все это безобразие в единое целое и закрепить магией.

— Твоя семья случаем не из потомственных магов? Артефакторы, что из поколения в поколение передавали свои знания? И кучу украшений на лицо ты поэтому цепляешь? — спросила я, наблюдая, как ловко длинные пальцы Эйнара перебирают цветные шарики. Сама я сосредоточилась на тонкой серебряной нити. Моих способностей в огненной магии, хватило, чтобы чуть нагреть ее — равномерно, осторожно, и только после этого я аккуратно, приговаривая заклинания, погрузила ее в чашу с укрепляющим раствором — ледяным и красным, как кровь.

— Единственный маг среди моих предков жил сотни лет назад, — качнул головой Эйнар, куснул себя за колечко на нижней губе. — Но с семьей потомственных артефакторов я был знаком... Ты решила узнать обо мне больше? Это так трогает! Быть может, услышав мою печальную историю, ты проникнешься и станешь относиться ко мне более... нежно?

Сейчас я прониклась желанием взять эту нить и нежно обвить ее вокруг шеи Эйнара, И чуть-чуть — нежно-нежно — придушить его нафиг.

Но Эйнар уже зажегся, откинулся на стуле, сделал скорбное лицо.

— Мы жили в бедности, один лишь старый замок, холодный и голодный, и друг у меня был один-единственный — черный, как сердце твое, пес. Но я любил отца и матушку, мы были счастливы. Пока не пришло зло. Дядя мой, безжалостный хитрец, убил моих родителей и взял надо мной опеку. Так измывался — не давал с песиком играть, заставлял всегда выглядеть идеально, подбородок вперед выпячивать, книжки скучные читать... и — самое ужасное — всегда со всеми быть вежливым, пусть это ложь и притворство. Это было... ужасно, да. Но я отомстит за все лишения и страдания — убил его, жестоко и безжалостно. Верно, верно, твой жених на это намекал. И теперь... сердце мое не знает покоя, душу грызет вина... Заслужу ли я когда-нибудь прощение?

Эйнар разошелся так, что своей активной театральной жестикуляцией, чуть не снес со стола горку мерцающих камней.

— Кошмар, — неискренне протянула я. Всю эту трагическую историю я выслушивала со скептической миной, облокотившись на стол, подперев рукой голову. Интересно, хоть что-то из этого правда? Совсем парень заврался — то жених королевы, то из голодающей семьи, живущей в замке с прохудившейся крышей. Но стоит ли пытаться вызнать всю его подноготную?.. Зачем? Не хочет говорить — не надо. Все же мы с ним даже не друзья.

— Вот-вот, кошмар, — покивал головой Эйнар. — А украшения, кстати, я только в академии и... нацепил, как ты сказала. Увидел у Вальдора и очаровался идеей. Ведь для подобных артефактов — чем больший контакт с телом, тем действенней.

— И пирсинг у тебя на губе заговорен на то, чтобы без усталости нести всякую чушь?

— О, староста, проницательность твоя не знает границ. Но ты сейчас серебро

испортишь.

Чертыхнувшись я вытащила нить из чаши — еще чуть-чуть и передержала бы. Что ж я вечно так отвлекаюсь на болтовню с этим паразитом? Сколько кофе выкипело у меня по утрам из-за него!

Нанизывая согласно схеме — я с одной стороны, Эйнар с другой — бусины, я внезапно подумал: а не спросить ли у его, что можно интересного и крутого сделать с добытым на свидании с Хоуком камнем. Вместо того, чтобы над книжками корпеть... Но решить ничего не успела.

В мастерскую заглянула Брусника.

— Нашла! — облегченно воскликнула она. — Не сильно отрываю?

— Мы с Абигейл уже сделали то, что хотели, — многозначительно подмигнул Эйнар, так, что Брусника даже чуть смутилась.

— Не слушай его, — возмутилась я. — Что-то случилось?

— Я Альбо потеряла, — грустно отвела Брусника. — Хотела с ним еще разочек потренироваться.

— Прилетит твой Альбо, — отмахнулся Эйнар. — И тренировки ему все равно не помогут.

Тут он был прав — Альбо Фолко и сотни разочков мало будет. Как не ломала я голову, но с тем, что оборотень был в нашей группе самым слабым, ничего не поделаешь. И дело даже не в слабости магических способностях — я подозревала, что тут у нас лидерство у Эйнара, но он же хитрый и все своими артефактами компенсирует. А Альбо от своей невозможности сосредоточится просто колдовать нормально не мог — все время суетился и отвлекался.

— Текка сказала, что видела его рядом с тем Хранителем, — замялась Брусника. — А Аль же говорит, что думает, а..

— ...а про Хранителей он нехорошее думает, — понимающе подхватила я и вздохнула.

Идти на встречу с Ярэном Корном не хотелось. Я талантливо избегала его всю неделю, это ведь опасно. Я не в своем теле, запятнана этой запретной магией, за которую сразу казнят. Вдруг, наслушавшись сплетен о наших с Эби странностях и приключениях, посмотрит более внимательно, и как-нибудь да заметит, поймет...

Но не пойти я не могла.

Глава 25. Яна (2)

Эйнар тоже за нами увязался, так что дружной троицей мы брели по притихшей академии в поисках... хотя бы того, кто скажет, где можно найти Хранителя.

— Вы не слышали, где его вообще поселили? — спросила я.

— Я думала, что в гостевой башне, но оказалось, что так она внутри неотремонтированная и стоит — ну, после того, как Гранит ее снес, — пожалала плечами Брусника. Она выглядела уставшей, куталась в нелепый бардовый кардиган... такая — обычная-обычная. Но во время тренировок я видела, как ее магическая сущность проглядывает сквозь эту обманчивую простоту... и заставляет сердце замирать от лицезрения чуда.

— В административном крыле тоже вряд ли.... Хотя...почему бы не держать врага поближе? — а Эйнар, в противовес Бруснике, казался необычным — даже с этим небрежным хвостиком, завязанным, чтобы волосы при работе не мешали, серой футболкой вполне земного вида и свободными брюками. В меру экзотичным неформалом и надменным аристократом одновременно.... Интересно, этот неественно белый, его натуральный цвет, или красится?

Черт. Конечно, Яна, давай, любуйся парнем, вместо того, чтобы соображать, где искать этого проклятого Хранителя.

Просто это было бессмысленно. Не могли же мы открывать каждую дверь — особенно, учитывая, что большая их часть надежно заперта — в надежде наткнуться на покой, выделенные Хранителю. Может вообще над ним поиздевались и в старое общежитие поселили? Или в новое — вон, например, в синем комната пустует, после того, как из академии выгнали несчастно сообщника Фрино, которому просто не повезло быть тупым, жестоким и бездарным одновременно. А может Альбо вообще не с Ярэном Корном, а превратился в птицу и сидит где на крыше, перышки проветривает.

— Неужели нет никакого заклинания для облегчения поисков? — попыталась вспомнить я.

— Я знаю одно, — вздохнула Брусника. — Пробовала, но ничего не вышло.

— Давай еще раз... — начал было Эйнар, но вдруг замер, уставившись в витражное окно. — Ну вот, прелестные леди, и не зачем было так беспокоиться.

Я пригляделась — сквозь синее стекло и в полумраке разобрать что-то было сложно, но можно. Нашлась пропажа — действительно, шествовала по улице рядом с Ярэном Корном, пускающим кольца белесого дыма.

Мы целеустремленно направились на перехват. Пока оббежали половину замка, чтобы добраться до наружной двери, прошло минут десять, но Альбо с Хранителем так с места и не сдвинулись — погрузились видно в беседу. И самое странное, что, судя по лицу нашего птицеоборотня — приятную.

— А, Альбо, кажется, твои друзья решили вырвать тебя из когтей злобного Хранителя, — по-доброму насмешливо улыбнулся нам Ярэн.

— Нам просто нужно тренироваться, выступление совсем скоро, — выступила вперед Брусника.

Страдальческий лик Альбо наглядно показал, что он думает про эти бесполезные тренировки.

— От меня все равно нет толка. Хочу помочь — но не могу. Мама всегда говорила, что я слишком глупый. Я правда слишком глупый. И слабый, — протараторил Альбо, но не похоже, чтобы он из-за этой своей мнимой глупости переживал. Вот раздражают такие люди — проще всего сказать: я дурак, ничего не знаю, ничего не могу. Но ведь настоящие дураки, наоборот, — “все могут”.

— Ерунда, — кажется, Ярэн был со мной согласен. — Все еще считаешь, что мнению твоей матушки стоит так слепо доверять? Нилда была талантливейшей женщиной. То, как она обращалась с птицами...

Хранитель покачал головой, призадумался, в воспоминания, должно быть, погрузившись. Я так и не поняла, чего на его лице было больше — ужаса или восхищения. Альбо насупился.

— Может, пойдем уже в общежитие? — Эйнар вспомнил про свою любимую позу скучающего аристократа: по-женски аккуратные ногти рассматривал, только пилочки для полноты образа не хватало.

Но мысль высказал верную.

— Доброй ночи, — я мило попрощалась с Хранителем — ну и что, что и не здоровалась. Альбо уже захапал за руку Бруснику.

— Удачи на соревнованиях, ребята.

Вот прямо само воплощение благожелательности этот Ярэн. Но насчет птиц он интересную мысль подал — мне отчаянно не хватало в нашем выступлении еще какого-то элемента.

— А Нилда это кто? — полюбопытничала Брусника, когда мы отошли подальше.

— Моя бабушка, — Альбо расплылся в широкой улыбке. — Оказывается, она тоже была Хранителем, и господин Корн хорошо ее знал.

— Ты ведь говорил, что Хранители ее убили, — удивилась я.

— Убили-убили, — закивал Альбо — потому что считали, что она — господин Корн, так сказал — их идеалы предала. А он не согласен. Он много чего мне сказал, но я вам не скажу. Это семейное дело. Скучаю по дому.

Я нахмурилась. Альбо словно сказал, что то очень неправильное, чуждое... для всех — мы с Брусникой обменялись недоуменными взглядами, а Эйнар, шедший чуть в отдалении задумчиво хмыкнул.

Ах да, мы ведь все не скучали по дому — таковы правила пребывания в академии. Я на миг внутренне поежилась от какого-то странного неприятного чувства, но тут Альбо сказал:

— Я тоже с птицами обращаться умею, не только превращаться, но их же здесь нет.

— Где ж ты раньше со своими умениями был, — вздохнула я, сразу переключаясь на насущные проблемы. — Но еще не поздно, дополнить картину еще одним элементом. Главное, сообразить, как именно.

Глава 26. Абигейл

И вот, настал день соревнований.

По жребию выступать нам выпало первыми. Потому, вместо того чтобы со всеми остальными студентами сидеть и ждать открытия, мы спешно одевались, обувались и разминались. С одной стороны — первыми всегда выступать тяжелее всего, как мне сказали. С другой — быстрее выполним свой долг, быстрее пойдем отдыхать на травку, времени поволноваться не останется. Однако все равно все волновались. Ну, может, кроме Текки.

Вообще способности Текки стали для нас небольшим сюрпризом. Мы-то думали, что она ничего не умеет, не понимает и вообще является существом неменяемым. А она взяла... и фактически нас спасла. На травяной фее держалась большая часть выступления. Оказалось, Брусника, узнав, что Текка напала на Лейли Фиш, заставила нашу соседку пойти извиняться. А потом у них с преподавательницей иллюзий, спиритизма и предсказаний завязалась крепкая дружба. Текка у Лейли Фиш чуть ли не жила, таскалась за ней хвостом и все-все впитывала.

Вот так живешь-живешь с человеком в одном доме, считаешь его глупеньким ребенком, а тут бах — и этот ребенок оказывается сильнее тебя в магии. Мда.

— Текка, ты уж не подведи, — напутствовала ей Ивона, разодетая в синее летящее платье. — Делай все, как на репетиции.

В “закулисье” творилась суэта и царила легкая нервозность. Впрочем, какие там кулисы — показательный тур соревнований решили провести на свежем воздухе возле врат в академию. Там же, где Рада Тарвиус когда-то произносила вступительную речь в честь принятия нас в ряды студентов. На траву расстелили куски плотной ткани разных цветов — для каждого общежития выделили свое место. Таким же нехитрым образом накрыли стол закусками и напитками — один на всех, прямо на земле. Сцену убрали вообще, зато возвели на краю площадки две палатки. В первой переодевались и готовились студенты к выступлению. Вторую, поменьше — для судей — установили на противоположном конце площадки. Пятачок утоптанной земли обтянули еле-заметным защитным куполом — чтобы никакая магия судьям и зрителям не навредила. В целом, если бы не судейские кресла и надобность выступать, это бы походило на большой пикник.

— Быстрее бы уже вся эта тупость кончилась, — проворчал Мрамор. — Устраивать из магии шоу... замечательная идея, ничего не скажешь... еще и единственного выходного лишили...

— Да ладно тебе, — попыталась улыбнуться ему я. — Весело же, разве нет?

— Во-во, — поддержал меня хоть и нервный, но улыбающийся Орсон. — Не порть нам развлекуху, ворчливый дракон.

Мрамор промолчал. Все наши парни выглядели, на мой взгляд, прелестно. Через Гранита Мрамор нашел им традиционные драконьи пелерины с такими широкими вырезами. Их драконы надевали, чтобы не рвать свою одежду при превращениях. Элементарная на самом деле вещь — обычная юбка-солнце до самой земли с вырезами для рук, нахлобученная на плечи.

Я украдкой глянула на Фрино. Он в выяснениях отношений не участвовал, но тоже, судя по закушенной губе и сжимающимся-разжимающимся пальцам, нервничал. Ворот зеленой пелерины сполз, обнажая тощее острое плечо и шею с выступающим кадыком. Заметив мой

взгляд, парень украдкой, еле заметно, улыбнулся. Я смутилась, но улыбнулась в ответ. Не было еще времени у нас с ним сообразить, что произошло. Да и соображать, лично мне, не хотелось. Хотелось где-нибудь спрятаться и до потемнения в глазах целоваться. Фрино же это желание со мной целиком и полностью разделял.

— Начинают, — позвал нас Рейнар.

Мы вместе с жителями оранжевого общежития сгрудились у входа в палатку. На середину площадки вышла Рада Тарвиус, в своем темно-фиолетовом платье со стоячим воротником похожая на злую королеву из сказок.

— Дорогие студенты, преподаватели и гости академии, — долетел до наших ушей усиленный магией голос. — Я рада поздравить вас с началом соревнований! Всем нам не терпится посмотреть, какие же номера подготовила каждая группа, но прежде я хочу объявить состав судейской коллегии.

Я напряглась. Яна сразу после объявления о соревнованиях сказала, чтобы я держалась подальше от местного Хранителя. Попробуй подержись от него подальше, когда перед ним придется выступать.

— В первую очередь давайте поприветствуем нашего distinguished гостя — Ярэн Корн, Хранитель!

Под негромкий шелест аплодисментов из судейской палатки вышел наш старый знакомый, бесовестно дымящей папирсой. Ярэн оделся в потрепанный коричневый костюм, волосы расчесал. Вот ни за что не подумала бы, что он может быть опасен — на вид такой обычный дядька. Таких много на Кронусе в рабочих кварталах. Как только он занял одно из пяти судейских кресел, Рада продолжила:

— Наши общие знакомые — преподаватель алхимии Иннокентий Флягин и библиотекарь академии Гранит.

Вышли Кеша с Гранитом, уселись. Алхимик, казалось, светился улыбкой. Он переоделся в белую рубашку и черные брюки со стрелками. Деловой такой. Гранит же неизменно остался в своей драконьей темно-изумрудной пелерине, так хорошо сочетающейся с его зелеными волосами и бородкой.

— Также судить соревнования будет один из спонсоров академии — Уильям Хоук с Кронуса. поприветствуйте его как следует.

Ничего себе новости! Однако, теперь хотя бы мне стало ясно, почему он так свободно разгуливает по академии и вытаскивает Янку гулять в другие миры. Другие-то студенты фактически были здесь заперты. Никаких поездок ни в родные миры, ни в другие, даже если очень сильно попросить. Хоук устроился рядом с Кешей, и тот тут же ткнул его кулаком в бок. Я улыбнулась. Да, веселая они все же парочка.

— А последней судьей буду я, — оповестила нас Рада. — Соревнования общежитий объявляю открытыми. И пусть победит сильнейший.

С этими словами Рада выпустила в вечно облачное небо академии сигнальный красный салют, и мы засуетились. Нервное напряжение, державшее нас всех в тисках с самого утра, стало невыносимым.

— Так, — сгрудила нас всех Ивона, — не трясемся. Как бы мы не выступили — главное, что мы сами повеселимся. Начинаем, начинаем! Текка, давай, спрячь нас чтобы мы места заняли!

— Сейчас, — пискнула Такка, и махнула рукой.

Все, что было под защитным куполом, тут же погрузилось в непроглядную тьму, стало

даже как-то жутко от мысли, что сейчас придется туда идти. Ивона шустро накинула на меня мой плащик, скрывающий лицо, Мрамор сунул в руки скрипку, и мы нырнули на сцену.

“Так-так, чуть правее, — раздался в голове голос Текки. — Еще чуть вперед. Все, здесь. Я сейчас сделаю дерево. Ивона, Рейнар, помогите”.

Отдавать координаторскую роль Текке было боязно, но кроме нее в телепатии из нас никто не смыслил ровным счетом ничего. Ивона отпустила мою руку и растворилась во тьме. Земля под ногами еле ощутимо задрожала — это росло с сумасшедшей скоростью небольшое деревце, на которое мы натянем иллюзию.

Я закинула скрипку на плечо и приготовилась. Когда мы только придумывали сюжет, я была уверена, что легко справлюсь — столько лет меня муштровали лучшие преподаватели, которых только смогли найти родители! Но... неожиданно меня подставило Янкино тело. Пальцы, не привыкшие зажимать струны, не успевали, не попадали, не слушались! Сначала я запаниковала, решив, что у меня что-то не так со здоровьем. А потом до меня дошло в чем дело. Мышечная память, так это Янка обозвала. И, поразмыслив над этим, я пришла к выводу что, в общем-то, да... очень многое я делала по-привычке, даже не задумываясь. Потому что помнило тело. Такая же неудача постигла меня и с пением — горло просто не желало брать высокие ноты.

Но я не сдалась. Я заново осваивала родной инструмент, почти в кровь стирая пальцы от обилия репетиций. Неудача постигла меня и с пением — привыкшая к наработанному диапазону, я посадила голос на первой же репетиции. Пришлось бежать на поклон к Кеше за экстренными, восстанавливающими зельями и стараться больше не перенапрягать горло. Я изводила себя распевками, дыхательными упражнениями и все равно не смогла заставить Янкины связки работать идеально. Все-таки неделя — ничтожно малый срок для постановки голоса. Но старалась я как никогда раньше.

Так что к моменту записи, а голос мы решили записать с помощью заклинания, так как петь и играть на скрипке одновременно не возможно, я подготовила вполне приятный вариант исполнения, учитывающий реальные возможности и лучшие стороны тембра Яны. Соседи предлагали мне улучшить звучание, наложить на песню эмоциональные чары, но я отказалась — эмоций у меня как раз было через край. А вот пару кусочков песни пришлось переписывать — на записи отчетливо слышались огрехи. Зато теперь мне оставалось волноваться только за скрипичную партию.....

“Готовы, — скомандовала Текка. — Начинаем?.. Начинаем!”

Тьма расступилась, и я повела смычком. Представление началось.

Легенду мы выдумали сами. Ну как выдумали... переделали сказку о принцессе и драконе, которая оказалась “бродячей”, общей для всех миров. Ее не знала из нас только одна Текка, а узнав пришла в детский восторг и тут же начала выдумывать и башню, и драконов. Башня — не слишком высокая, но массивная, с единственным окном наверху — возвышалась надо мной. Это была как на шампур нанизанная на деревце иллюзия, но так посмотришь — от настоящей не отличить. Дерево же было нужно только затем, чтобы Ивона находилась наверху — на иллюзии-то не посидишь, а левитировать она не умела.

Я начала первый куплет, и в высоком окне показалась Ивона в своем красивом платье. Она уселась на подоконник, сложила руки и принялась ждать. Вслед за этим на сцену вышел Мрамор в своей черной пелерине. Пелось в нашей незамысловатой песенке о драконе, который сам не мог найти себе принцессу и решил своровать у другого. Мрамор внушительно выдохнул огонь изо рта, от чего зрители — жители других общежитий —

непроизвольно шарахнулись. Еще бы, жаром всю сцену окатило. Я же щиты накинула на деревце и себя, чтобы не обожгло. После этого красивого паса Мрамор принялся превращаться. Пара минут и он, под общие охи и ахи взмыл под купол и принялся кружиться над башней.

Со следующим куплетом ко мне вышел Орсон в алой пелерине. Вот уж с показом сил кого мы серьезно встали в тупик. Парню неплохо давалась некромантия и магия крови, но где взять парочку скелетов для демонстрации? Потому вместо некромантии Орсон решил прибегнуть к алхимии и магии воздуха. Он достал из своей пелерины две пробирки, соединил их, и из маленькой стекляшки повалил густой красный пар. Он помахал принцессе, принцесса горестно указала ему на дракона — мол, убьешь — и буду я твоей. Тогда Орсон выпил свое зелье и упал на землю, а красный дым превратился в силуэт дракона и тоже взлетев вверх принялся кружиться вместе с Мрамором.

Начался следующий куплет, и на сцену вышел Рейнар с блестящим мечом. Играя на скрипке, я краешком глаза рассматривала его, одетого темно-синюю пелерину. Вот уж кто из наших парней действительно похож на настоящего рыцаря. Увидев драконов, кружащихся над башней, он взмахнул рукой, и земля поднялась. Вообще Рейнар, как оказалось увлекался созданием големов. Их-то он и поднял из земли. Каменюги метнули в башню пару комков грязи, но Рейнар их остановил. По нашему сюжету он должен был просто понять, что двух драконов победить может только дракон. Тогда он взял своих големов, соединил их вместе, сделал их еще одного летающего ящера, коснулся головы своего творения... и тоже упал на сцену. А дракон взмыл вверх. Кстати дракон все же был не каменный, а иллюзорный. Попробуй камень подними в воздух при наших умениях обращаться с магией. Вывороченные для големов глыбы вернулись на свои законные места.

Ну и последним на сцену вышел Фрино в зеленой пелерине. Тоже польстился на принцессу, тоже, разумеется, ее захотел заполучить. Вот не понимаю я этих мужчин — что им все время красивые девушки покоя не дают? Фрино раскинул руки, и тела Орсона и Рейнара поднялись. Ох и со скрипом же они на это согласились, но все же мы с Ивонной их уговорили. Ну а что, кому приятно быть чужой куклой на ниточках. Станцевав со своими соседями простенький танец — ну так, ерунда, просто пара движений — Фрино закружился вместе с ними вокруг башни, но ничего сделать ей не смог. Тогда он отпустил парней и тоже, как трое его предшественников, взмыл вверх в виде призрачного, словно сплетенного из паутины, дракона, оставив свое тело лежать на земле.

Как только четыре дракона закружились над башней, я запела последний куплет. В нем говорилось о том, что принцесса была вовсе и не принцессой, а злой ведьмой, которой для омоложения понадобились четыре драконьих сердца. Верхушка башни расцвела будто бутон цветка, Ивона раскинула руки и драконы так же повалились наземь. Ведьма же захохотала, башня снова сомкнулась и над сценой повисла оглушительная тишина. Я тоже опустила голову, ожидая реакции зрителей.

И нас наградили аплодисментами. Текка убрала иллюзию, Ивона спустилась с дерева и, сцапав меня, радостно обняла. Я же кивнула Янке, которая хлопала и кричала, кажется, громче всех, да еще и руками махала. Глянула на своих. Парни чуть побледнели — еще бы, управлять такими сложными конструкциями. Мрамор так и остался в драконьем облике, подошел ко мне и принялся тыкаться в бок носом пока я не обняла его за шею.

Вот и дебют — всегда же мечтала выступить на сцене. Прошло, вроде, хорошо. Пусть не идеально — кто-то где-то запнулся, да и я все же в одном месте сфальшивила. Но мы были

рады. Потому что в целом выступление удалось.

Глава 27. Яна (1)

— И все-таки настоящий дракон — это читерство, — пробормотала я, активно хлопая покидающей импровизированную сцену Эби.

Моя группа частично сидела, частично стояла на желтом ковре в зрительской зоне. Информация о наличии палатки-гримерки прошла как-то мимо нас, так что все перестраховались — под длинными плащами скрывались пафосные наряды для выступления. Я в меру своих художественных возможностей придумала дизайн, но всей работой с тканями, нитками и прочим официально занималась Брусника — и материалы добыла, и шила... С неожиданной помощью Дженни, кстати — но это большая и страшная тайна, ведь наша феменистически настроенная кураторша и рукоделие вроде как вещи малосовместимые. И видеть, что несмотря на все заверения, Дженни свой вклад в подготовку внесла — как-то радостно.

— Откуда ты берешь такие слова, что даже переводческая магия академии не срабатывает? — задал риторический вопрос Эйнар. Он, как и все, волновался. Примостился рядом со мной и все ехидные комментарии на ухо шептал, так при этом дергая себя за волосы, что странно, как пару клоков не вырвал. — Хотя меня больше интересует, кто там такой мастер иллюзий...

— Это Текка, — с гордостью улыбнулась Брусника. Листок, на котором я написала сценарий выступления на случай внезапного склероза в самый ответственный момент, в ее руках превратился в бумажный шарик — подруга все мяла и мяла его. — Правда, она молодец? Даже я не думала, что у нее столько сил... Вы не представляете, какое это чудо для ее расы.

— Ладно эта зелененькая, но вот меня наш злобный барашек удивил. Так мило сплясал, — весело присоединился к обсуждению выступления Мэт. Казалось, что он, единственный на этом ковре, был совершенно расслабленным. Даже Кальц призадумался — и я, глядя на него, тоже в очередной раз засомневалась: а не слишком ли рискованно было давать ему такую роль?...

— Кстати, о барашках, — вскочил с места Эйнар. — Пойду поздравлю этого — как ты там говоришь, Эби? — чертовски... везучего человека. Первые выступили — и свободны, можно просто наслаждаться зрелищем. А нам до самого конца тут мучиться.

Если бы не осознание, что мне придется оставить группу без присмотра — идея не самая удачная — я тоже с удовольствием свалила бы поболтать с Эби. Я не понимала, почему со всеми ее способностями в магии ей дали такую простую роль... Мне даже обидно за подругу было. Она же крута! Крута именно как маг, а не прилежная ученица на уроках музицирования на своей родине.

Хотя красиво, конечно, вышло. И само сказочное выступление с неожиданно зловещим финалом интересное, вздыхать от зависти на некоторых моментах хотелось, ну а Эби так и вовсе просто очаровательна!

Смотреть со стороны на свое тело, играющее на скрипке и поющее — вроде как запись там была, но все же — лиричную балладу, было как-то даже дико. Никогда не думала, что у меня такой приятный голос. Наоборот, всю жизнь считала, что он грубоват, и слуха у меня нет, и вообще — петь меня и под страхом смерти было не заставить. А тут вот оно что... Мне даже захотелось научиться этому делу — взять у Эби пару уроков, когда вернусь в свое

тело.

Хм, а ведь за всеми этими разборками и тренировками в группе, я так и не узнала у Кеши, как там продвигается наше спасительное зелье... С победой в соревновании все ведь ненадежно.

На площадке разыгрывалось представление студентов из оранжевого общежития. Подопечные Фелиции Вон решили поддержать идеалы кураторши — сверкали магией так, что аж глаза от пафоса резало. И тема выступления была — королевская. Дворцовые переворот, спрятанный у колдуна-отшельника маленький принц, революция, коронация — такие вот страсти престольные. Но несмотря на обилие сюжета, вроде как очень зрелищно выходило.

Затем на сцену вышли умники из синего в черных мантиях.

— Что-то мне страшно, — вдруг заявил Мэт. — А может ну его...

— Уймись, — укоризненно качнула головой я, оборачиваясь к эльфу. И куда делся его невозмутимо-веселый вид? У Мэта, казалось, даже уши поникли. — Все тыщу раз отрепетировано, мы справимся. Ты справишься!

— А вдруг я опять не удержу...

— Так...

Я тоже решила размять ноги. Встала, захватила Мэта в ободряющие объятия.

— Мэт, не дури. Мы что тут, зря всей командой тебя раскрашивали? Вспомни эти чудные ночные часы, когда мы втроем, — я махнула головой в сторону Брусники, и она активно закивала, — в кружочке на корточках перед бедной подопытной фиалкой сидели, чтобы никаких больше нехороших болот и прочих эксцессов? Может тебе и все равно, но мне ужасно жалко просто так взять и слиться с соревнования. И не потому, что с желанием обломлюсь... просто столько старались, черт побери!

— А я просто хочу и самой себе доказать, что смогу, — упрямо сжала кулаки Брусника, выронив мой многострадальный сценарий. — Я сама боюсь так, что живот сводит, но нельзя же взять и отказаться...

— Вы чего? — перепугался Мэт.

Я уже поняла, что он, пусть и маскируется хорошо, но среди наших парней самый истинный джентльмен: даму в беде и расстройстве не оставит. И этим знанием я бессовестно пользовалась.

— Я же не серьезно. Пф, что я народ до этого не развлекал? Ерунда! И тут как раз вы зря... зря волнуетесь! За этих мы точно не хуже, — он махнул рукой в сторону заканчивающих свое выступление синих.

Что ж поверю на слово, а то за попытками переключить мысли Мэта в другое русло наблюдать толком полюбоваться на противников не удалось.

Зато пока я смотрела на выступления следующих групп, сама уже начинала думать, что высоких балов нам все равно не видать. Но это не значит, что мне хотелось сбежать, не попытавшись.

Ожидание — это ад. Чертов мандраж.

— Ненавижу выступать перед толпой.

Мне захотелось побиться в отчаянии головой о стенку. Или, так как стенки тут не было, хотя бы о землю. Не один, так другая. Ну серьезно, что еще за внезапные заявочки от нашей звезды?

Я с тоской повернулась к Юз Мосали. Она с еще большей тоской смотрела, как пара

оборотней из зеленого — волчица и огромный пятнистый кот с милыми кисточками на ушах — танцуют странный танец-драку, то в людском облике, то в зверином.

— Раньше ты сказать не могла? — несчастным голосом спросила я. — Мы же все думали, что это прямо “твое-твое”, Эйни еще болтал про ритуальные пляски перед многотысячными толпами, а тут, между прочим, полсотня всего, мелочь.

Юз едва заметно улыбнулась.

— Эйнар все правильно говорил. И он даже знает, как я это ненавижу. Наверное, поэтому и предложил...

— Вот придурок! — возмутилась я. Мне ведь казалось, что он к Юз относится благожелательно, по крайней мере, лучше, чем ко мне, но все же Эйнар и гадости ближнему своему — это вещи неразделимые. И даже при моих не самых теплых чувствах к Юз, это не радовало.

Но будущая жрица только удивленно на меня посмотрела.

— Может, и ненавижу... может, каждый раз у меня словно все внутри разрывается на клочки, но — умею. И хорошо. Это мой долг перед группой.

А. Надо же. Целый долг. И, главное, тон такой серьезный, будто она на смерть идет, а не красоваться перед зрителями.

Но от этих слов — все чертов тон — всем вдруг стало неуютно. Делает Юз вид, или действительно вся такая самоотверженная, но у людей, ради которых она выпендривается, это вызывает тоже определенное чувство обязанности — если они, конечно, не полные эгоисты.

— Ой брось, не думай так, — к нам подошел Кальц и выдал одну из этих своих милых улыбочек. — Жизнь человеческая слишком коротка, чтобы тратить ее на несуществующие долги. К тому же, почему бы тебе не сделать это так, как тебе нравится? Не для долга, а для собственного удовольствия.

— Вот-вот — ради себя, — поддержала я демона. Я не знала, насколько Юз искренне тут благородно страдает от своего “долга”, но скепсис сейчас, увы, не лучшая политика общения. — Вдруг все не так плохо будет, а наоборот? Но вообще, надо было просто сразу сказать, что не нравится, зачем себя так мучать? Придумали бы что-нибудь иное, выпустили бы вон, Мэта голого, он у нас не стеснительный — фурор от девиц обеспечен.

— О каких девицах речь? — это Эйнар соизволил вернуться, и я переключилась на него — все же с Юз я пусть и старалась говорить как обычно, и неплохо получалось, но каждый раз опасалась скатиться в очередную ссору.

— Или тебя, Эйни. О, сколько сразу появится кандидатов, чтобы помочь тебе опыта набираться.

— О чем говорит, эта чудная женщина? — закатив глаза, спросил у неба Эйнар. — И откуда взялась эта серьезная атмосфера? Победа в наших сетях, друзья мои, очнитесь. Присмотритесь, кто у нас в судьях. Жених Абигейл. Преподаватель, который друг Абигейл. Этот замечательный Хранитель, что благоволит Альбо. И Абигейл, определенно, тоже — я заметил, как он на нее посматривает. Да и сама ректор нашу старосту ценит, не с любым студентом она говорит...

Что ж они все так прицепились к этому одному-единственному вызову в ректорскую башню? Может, меня вообще там отчитывали, исключать грозились, откуда эти домыслы о том, что я у Рады в любимчиках?

— А Гранит? Что Гранит? — серьезно, будто Эйнар тут дельные вещи говорил, уточнил

Альбо.

— Дракон, разумеется, в первую очередь будет любить сына и его группу. Но во-вторую — подружку сына и ее группы. Какие могут быть сомнения?

— А может они, это, не предвзяты? — сделав страшные глаза, предположила я.

— Дикость какая, — затряс головой Мэт. — Все люди предвзяты, Эйни дело говорит.

— Ну так чего мы паримся, — фыркнула я. — Пойдемте уже.

На сцены вышла группа голубого общежития, следующие — мы. Пора уже покидать зрительские места и гримироваться.

Глава 27. Яна (2)

Сначала мы сотворили себе сцену.

Брусника в наряде аля дриада — зеленое свободное платье, листочки, цветочки в волосах — в тишине вышла в центр площадки, изящно присела и приложила ладони к земле.

Я сидела в палатке — мне тут все выступление сидеть — и видела Бруснику только со спины, но знала, что сейчас под нежной кожей на ее руках пробегают тонкие, едва заметные, зеленые прожилки. Вокруг Брусники волной прокатился травяной ковер в мелких луговых цветах — белых, розовых, голубых. Слева и справа от девушки выросли два деревца — персиковых, по личной просьбе хихикающего Мэта.

Запели птицы. Волшебно запели. Не просто чириканье и посвистывание, а мелодия. Пока — светлая и веселая. Мир да благодать.

Разумеется, птиц в академии не нашлось. Никто даже захудалого попугайчика себе домашние животные не завел. Но зато у Эйнара имелась куча перьев, которые он — по его словам — с родины умудрился прихватить. И мы славно над ними поколдовали. Светлое перо из запасов блондинчика, красное из хвоста рыжего Альбо, глиняная болванка, парочка артефактных рун и немного менталистики. Приправили все нехитрой иллюзией, поддержали левитацией — ина ветки вспорхнула парочка экзотических пташек. Имитациях их пения, конечно, дело горла, мыслей и магии Альбо, притаившегося на дереве в своем оборотническом облике. Но со стороны и не скажешь, как настоящие выглядят.

Итак, у нас получилась невинная цветущая полянка. Но мелодия изменилась — на тревожную, истеричную. На поляну ступил Мэт.

Очень пугающий Мэт.

Его вид — моя гордость. По традициям пинионских некромантов эльф был в одних штанах, тело разрисовано черными рунами и просто рисунками. Я решила, что надо быть прямолинейней, и украсила смуглую кожу парня изящно стилизованными черепами, звериными оскалами, жуткими крестами — все складывалось в единый, вызывающий отторжение, узор. Еще и макияж нанесла — аля “я на Кронусе пугаю бандитов”, и волосы ему для полноты эффекта мы отбелили.

Но Мэт сейчас и без всяких внешних ухищрений пугал. Там, где он ступал, трава чернела, гнила, мертвела на глазах. Цветы же наоборот — росли, наливались яркими ядовитыми красками, принимали хищный вид. Птицы заистерили еще сильнее — воронье карканье, душераздирающие крики, скрипы и свисты.

Мэт, распространяя вокруг себя ауру смерти, неспешно шел к замершей в испуганной позе Бруснике.

Так, а теперь и мне пора браться за дело — гниль расплзлась больше запланированного. Надо подкорректировать, помочь эльфу держать магию в узде — не нужны нам тут никакие взрывы. И я сосредоточилась, погрузилась в филигранную работу со всеми этими тонкими магическими материями. Краем глаза, следила за тем, чтобы дальше все шло по сценарию.

Брусника, не в силах сдержать воплощение зла в виде Мэта, медленно попятилась назад. Вскинула руки в отчаянье — я с трудом успела присоединиться к Кальцу, порывом ветра пронестись по поляне и окутать девушку летящими в воздухе розовыми лепестками и зелеными листками.

От психоделики птичьего концерта у самой в ушах звенело, а в голове мутилось — Альбо слишком разошелся. Я, не переставая следить за противостоянием магии смерти и магии жизни, чуть приглушила звук. Да и пора добавить спокойного трагизма.

Пронзительная нежная соловьиная трель на фоне дарк-метала от остальных.

Брусника, облепленная с головы до ног листьями и травинками, лепестками и соцветиями, обратившись в памятник живой природы, цветочной статуей стояла среди природы мертвой. Мэт с торжествующим хохотом — о, сколько мы репетировали этот злодейский смех! — убрался со сцены.

Да это был пролог.

Уф. Это была всего лишь пролог, а мне уже нехорошо от напряжения — и магического, и психологического.

Сконцентрируйся, дорогуша, если не хочешь налажать. Помочь Мэту, Бруснике и остальным продержаться.

Теперь выход нашей главной героини.

Юз Мосали была хороша. Босая, в полупрозрачной — разумеется, не в стратегически важных местах — черной тоге. Она звенела при каждом шаге серебром на ушах и запястьях. На шею несколько раз накинута длинные бусы — те, что мы с Эйнармом творили. До пояса свисали, и тоже звенели, тоже были музыкой для атмосферности — запрограммированные на определенную мелодию артефакты. А еще Юз благоухала — тяжелый запах лилий приглушала твердая нежность розы и жасмина. Ароматическая магия, которой они с Кальцем, как оказалось, увлекались, должна была пробираться и сквозь купол — пусть и не в полную силу, но помочь зрителям и судьям поймать нужное настроение.

Юз стала танцевать. Земля под ее ногами превращалась в серые каменные плиты, с едином ритме с движениями тела, возникали, развивались и потухали огненные ленты. Украшения мерцали и звенели. В своем неспешном танце Юз сотворила дорожку, идущую между двумя деревьями с притихшими птицами, пришла по ней прямо к Бруснике — и замерла, рассматривая чудо природы, приняв себя, в любопытстве склоняя голову. Прикоснулась — несмело, едва уловимо — к укрытому лепестками лицу.

Я дыхание затаила от напряжения. Если мы сейчас ошибемся, и Ника пострадает...

Но обошлось.

Маленькие язычки пламени на кончиках пальцев Юз послушно объяли цветочную маску Брусники, освободили ее из заточения — ненадолго. Она резко пробудилась, вцепилась в бусы Юз, притянула темнокожую жрицу к себе в молчаливой мольбе.

Символично взметнул ветер, птицы вспорхнули с насиженных веток, закричали. Оставив в руках Юз белую лилию с тремя лепестками, Брусника вновь обратилась статуей. А Юз вновь затанцевала... Эх, какая же она красивая, как двигается! Как бы я к ней не относилась, не могла не любоваться.

Так, краем глаза, естественно. Не отрываясь от работы. Контроль-контроль-контроль.

Юз двигалась к деревьям. Где там Мэт? Ага, идет, образно сея вокруг смерть и разрушения — хотя куда уже больше. Увидев нашего темного властелина Юз, не переставая плясать, сорвала с лилии два лепестка и кинула наземь — вместе с незаметной бусиной-артефактом.

Клубы дыма из артефакта и фокус со звуком раската грома от меня — и, вот, на сцену выходят Эйнар и Кальц. Оба во всем белом — рубашки с пышными кружевами на воротнике и манжетах, строгие сюртуки, облегающие брюки и остроносые туфли на каблуках. Кальц,

конечно, был красивей Эйнара, но издали они оба казались прекрасными близнецами, настоящими ангелами.

Они шли к завораживающе танцующей Юз и снисходительно замершему в ожидании Мэту. Мужские каблуки звонко стучали по каменной дорожке — в едином ритме с негромким тревожным пением птиц и брэнчанием браслетов. Конечно, мы хотели сделать их появление поэффектней — создать портал, чтобы они будто прямо из лепестков и воплотились... но даже общими усилиями не вышло, не для нашего уровня пока задачка.

Так, а теперь грядет битва.

Эйнар напал первым. Я сотворила перед ним сотню капелек воды, он метнул сотню ледяных иголок в сторону злодея. Но все они замерли в миллиметре от Мэта — я же и остановила.

Кальц окрасил иллюзией потоки воздуха в красный и попытался наглядно удушить ими врага, но и его магия замерла, шифоновым шарфиком обернувшись вокруг шеи Мэта. Еще парочка бесплодных попыток — синее и красное, скучающий эльф, злой смех, карканье и крики. Затем атаковала и сама Юз — кольца пламени, вздымающаяся дыбом при ее притопываниях земля.

Но Мэту все было нипочём. Ему надоело. Пафосным взмахом руки отбросил обоих светленьких парней в стороны.

С Эйнаром вышло не очень удачно. Я буквально почувствовала, как он чуть не крикнул от боли — попал на миг рукой в опасное место, полное магии смерти. Костяшки пальцев парня мгновенно покрылись отмершей тканью. Я с трудом успела остановить процесс заражения, очистить, полечить — уж как могла на таком расстоянии и при таком своем уже полудохлом состоянии. Но Эйнар крут, даже в лице не изменился, согласно сценарию активировал очередной артефакт с дымом, встал и незаметно убрался со сцены, хотя я знала — испугался.

А знала я из-за этих чертовых связующих артефактов — простые фенечки, узкие желто-белые браслетики на запястье. Волшебная штучка, что помогала нам быть единой командой — четче чувствовать магию друг друга. Эйнарова идея, ведь с такой программой выступления, почти полностью построенной на опасном взаимодействии наших сил, на одной отрететированности далеко не уедешь — слишком большой риск, в любой миг что-то может пойти не так. Реально полезная вещь сегодня. Только вот на чужие эмоции и ощущения я не подписывалось, но как же без побочных эффектов...

По крайней мере, Эйнар уже мог вздохнуть спокойно — его роль сыграна, теперь только поддержка со стороны рядом со мной.

Кальц, тем временем, тоже симитировал свое исчезновение в тумане — но он вернется потом в чуть ином облике. А Мэт захватил Юз, сгреб в свои жестокие объятия, чтобы как всякий порядочный злодей, овладеть героиней. Героиня тоже была порядочная: притворилась, что сдалась — и вырвалась, побежала к Бруснике, не забывая звенеть браслетами, рассыпая по пути алые, как капли крови, бусины — порвалась длинная серебряная нить.

Теперь счет на минуты — успеть бы до того, как артефакт сделает свое дело.

Мэт преследует Юз, и птицы для пушного пафоса стаей летят за ним во главе с Альбо, орут-поют мрачную эпичную песнь. Юз готова защищать — то ли честь свою, то ли Бруснику — до конца. В ее руках — последний лепесток лилии. Она делает вид, что пронзает себе грудь кинжалом и иллюзорной кровью оmyвает белый цветок.

Распространяется на черной земле черным пятном — только магически поблескивает красные капельки и бусинки. Юз своей «смертью» вызывает нового воина. Точнее, старого, но проагрешенного

С чудовищем Мэтом сразится чудовище Кальц.

Я полностью отрешилась от зрителей, сосредоточилась на выступлении, но сейчас ощутила какое-то злорадство от испуга некоторых студентов. Кальц появился на сцене, пылая своей демонической аурой — рогатый, крылатый, опасный — жуть. Одежда его сменила цвет — стала полностью черной, только волосы светились белизной. Ну и глаза, конечно, тоже — светились.

Мэт со свистом и маханием рук направил на противника птичью стаю во главе с Альбо. Демон расправил свои призрачными крыльями, магией воздуха раскидал птиц прочь. Только Альбо остался, обратился человеком позади Кальца — напасть хотел, зачарованный верный слуга темного господина. Но демон сильнее — черным, когтистым пальцем коснулся лба оборотня и усыпил того.

Твою ж мать, что-то мы отстаём от графика, несмотря на все репетиции!

Места, где лежали алые бусины уже потихоньку начали «оживать», зеленеть — я же сама не задержу процесс надолго. Попыталась мысленно донести до Кальца мысль, что надо поторапливаться, смазывать финальную битву. Чёрт с ней, главное, что бы возрождение всего живого раньше времени не наступило.

Кальц то ли меня услышал, то ли сам понял — бросился на Мэта... И, в общем, запланированный обмен красочными заклинаниями на целых сорок секунд мы заменили на всякий крайний случай заранее обговоренным туманом на десять-пятнадцать: я сотворила водяные капельки, Юз, все также на земле валяясь, нагрела их, Кальц закрутил в потоке и окрасил в разные цвета. А потом развеял туман — и он уже стоял победителем над павшим Мэтом.

Ладно, слив так слив, могло быть хуже. Главное, что природа оживала. Почерневшая, скукоженная трава вновь зеленела, подымалась. Хищные цветы обращались милыми ромашками-василечками. Деревья весело трепетали листвой. И птицы запели — светло и трагично. Альбо очнулся, вновь обратился, перелетел на плечо к настоящей госпоже — Бруснике. Она тоже оживала — слетала цветочная броня.

Брусника изящно склонилась над все еще лежащей трупом Юз. Кальц склонился над ней с другой стороны, чтобы зрителям все хорошо было видно.

Пение стало еще трагичней, хоть рыдай.

Кальц показал жестами, что сердце готов отдать, чтобы Юз оживить, и Брусника это организовала. Третий дымящий артефакт — все-таки это куда проще, чем туманы сотворить, надо было тремя не ограничиваться — и Кальц исчезает. На самом деле просто ложится и прячется в траве, которую Брусника специально рядом повыше вырастила.

Юз пробуждается — и в ее руках белая лилия. Повинуясь внезапному порыву вдохновения, я для красоты еще и платье ей сделала иллюзорное — белое, как у невесты. В контрасте с темной кожей выглядело потрясающе.

Правильно, Яна, трать последние силы...

Юз опять танцует, Брусника с видом мамочки любит, мир вокруг цветет и пахнет. И только лежит неприкаянный Мэт черно-белой кучкой — по идее ждет и своего героя-освободителя, но открытых намеков на такой открытый конец мы не оставили.

Все, сворачиваемся.

Вот он самый сложный момент — убрать все это великолепие нафиг, быстро и чисто.

И я, с помощью Мэта с Брусникой, конечно, убрала. Пара секунд — и сцена девственно чиста, только артисты наши дух переводят и скупо кланяются зрителям.

Выходить из тени, чтобы насладиться, аплодисментами я не стала.

Я подыхала от усталости. Дышала тяжело, будто марафон пробежала. Тряслась, как столетняя бабулька. Даже не заметила, как одноклассники вернулись.

— Неплохо все вышло, — раздался жизнерадостный голос Кальца. Выглядел он свежо — лучше всех, пожалуй. Выносливый, зараза. И большой молодец!

— Я сейчас помру, — патетично повалится на пол палатки Мэт. Рядом обессилено сел взъерошенный Альбо.

— Забавно, но просто стоять и не шевелится было тяжелей, чем магичить, — Брусника тоже выглядела уставшей, но счастливой. Как и Юз — та буквально светилась:

— Я и забыла как это... просто развлекать зрителей, — восторженно покачала она головой.

Ну вот, слава богу, совместила со своим долгом удовольствие. Правда взгляд на меня косой бросила — будто я ее как-то подставить успела... Что ж она так не верит в мои искренние намерения сохранить мир в группе? Ведь не поддаваться на провокации и вообще использовать их с пользой для себя — тоже победа.

— Мы молодцы, — я улыбнулась группе и скрипя костями, поднялась с места. Уу, как ноги-то затекли. — Все, кто думал, что мы сольемся, потому что будем за лидерство драться — обломались. Круто все сработали, настоящая команда! И, Альбо, ты тоже зря страдал от своей бесполезности.

Альбо просиял от похвалы, но спросил.

— А где Эйнар? Он тоже не вышел. Так приятно было, когда хлопали!

— Так вот же, — кивнул в угол Мэт. — Переутомился, бедолага. Ну еще бы с его куцыми силенками столько артефактов поддерживать. Даже при помощи Эби задача не из легких.

Эйнар действительно привалился к стене и тревожно дремал — магическое истощение на лицо. Еще и покалеченная рука безвольно лежала на полу. Охнув, к нему на помощь поспешила Брусника, подлечила немного, а парень даже не заметил, разве что расслабился во сне.

Я бы тоже сейчас с удовольствием завалилась спать — ничего ни делать, ни думать, ни чувствовать не хочу, сплошное опустошение. Но надо бы сначала узнать вердикт судей. Моральное удовлетворение это прекрасно, но и высокая оценка стараний со стороны нам жизненно необходима. А потом на всякий случай отвести Эйни в лазарет. Вообще, целительница, могла бы и дежурить во время соревнования — мало ли кто как пострадает во время выступления...

Только с первым пунктом вышел облом. Воплощение зла в виде Рады Тарвиус, объявило, что результаты будут только через пару дней. Судьям, видите ли, подумать надо.

Глава 28. Абигейл (1)

Вокруг доски объявлений собралась небольшая толпа. После соревнований прошло уже два дня, и всем не терпелось узнать, наконец, результаты. Кое-как к доске протолкались и мы с Яной. И обе сразу же заулыбались.

Первое место — кто бы сомневался — заняла группа фиолетового общежития. Ну еще бы, попробуй с ними потягаться — у них в отличие ото всех остальных было действительно профессиональное шоу с живой музыкой и танцами, да еще и иллюзии были сложные. И даже самые слабые из студентов показывали свои магические силы так, что дух захватывало и белая зависть брала. К тому же ставили они комедию про неудачливого ловеласа, над которой все просто покатались со смеху.

На втором месте значилось желтое, на третьем — наше, красное. На четвертое скатились студенты оранжевого, которые, стоя перед доской, злобно друг с другом переругивались. А ведь туда, как я слышала, попадали студенты, стремящиеся стать знаменитыми. Да уж, четвертое место для таких — настоящая пощечина. Кажется, Фелиция Вон — их кураторша — будет в ярости. Пятое место досталось синему, шестое — зеленому, седьмое же ожидаемо заняли студенты голубого, отстающего общежития. Я с содроганием вспомнила их попытку что-то сделать на сцене — кажется они импровизировали, и получалось у них это ужасно.

Самым же приятным было то, что каждому из студентов за это показательное выступление начислялись дополнительные баллы. Членам группы, занявшей первое место по семьдесят лишних баллов каждому, второе место — по шестьдесят, и так далее. Пятьдесят баллов — это ого-го сколько, это стоило таких мучений.

Справа от листа с результатами висел еще один — с турнирной таблицей. По всему выходило, что в эти выходные сражаться нам уже на вылет, один на один. То же был только показательный тур, а теперь должен был начаться настоящий турнир. Янкиной общаге предстояло сойтись с фиолетовой, нам — с оранжевой. По итогам в полуфинал должно было выйти четыре команды, оставшиеся же три вылетят.

Интересно, в чем хоть соревноваться-то будем? С одной стороны вроде и ясно — в магии... но как? Никто ничего нам об этом не рассказывал, даже преподавателей заставили молчать. Любопытство меня из-за этого буквально раздирало.

И наконец надо всеми этими официальными бумажками висело красочное, красивое объявление, украшенное бумажными розочками. Извещало оно о том, что через две недели, за день до финала соревнований, пройдет ежегодный бал в честь празднования объединения миров в Альянс. Никогда не была на таких мероприятиях, но... хоть на что-то да должны сгодиться мои уроки танцев? Надо только заранее попрактиковаться, чтобы не получилось как с пением.

К концу занятий стало ясно, что новость о бале взбудоражила всех даже больше, чем результаты показательного тура. И все почему-то принялись допытываться с кем я пойду. Ивона и Яна, не сговариваясь, намекали, что это хороший повод помириться с Мрамором. Сам полудракон, кстати, ко мне не подходил, но выглядел задумчивее обычного. Кальц весело уверил меня, что если я не найду кавалера, то смогу пойти с ним. Орсон в шутку ткнул меня и попросил даже не уговаривать, ибо у него же теперь есть его козерожка из фиолетового. Ну а я... я понятия не имела что со всем этим делать.

Ну а что. Самое же настоящее распутье. согласишься пойти с Мрамором — Фрино наверняка обидится. Фрино сам вряд ли меня пригласит — он настоял на том, чтобы мы скрывались пока что. Пойдешь одна — будешь сидеть и скучать где-нибудь в уголке не зная, куда себя деть. Не пойдешь совсем — будешь жалеть и завидовать тем, кто ходил. А если не дай небеса придешь с Кальцем — слухи поползут опять про “демоническую парочку”, только же вроде успокоились. В общем что делать — совершенно непонятно. Да и к тому же — имелись проблемы поважнее...

Сразу же после соревнований я вплотную занялась изучением добытой в библиотеке книжки по восстановлению памяти. К счастью похожие на мой случаи там тоже были описаны — книга-то охватывала расы всех миров. Однако вот действительно полезной информации имелось мало. Если обобщить — у меня было три варианта.

Первый вариант — это сварить зелье, которое погрузит меня в транс и вытащит все воспоминания на поверхность. Вариант хороший, но увы — после него я должна буду спать сутки, а у меня на данный момент даже выходных нет из-за соревнований. Второй вариант — найти сильного ментального мага, который залезет в мою голову и расскажет мне обо всем, что там увидит. Этот вариант тоже, разумеется, отпадал. Ну и третий, самый сложный — попытаться найти места и вещи, связанные с потерянным куском воспоминаний чтобы разбудить память. Собственно, этим-то я и решила заняться.

Нужный чулан нашелся не сразу, а когда нашелся — вызвал у меня одно лишь смущение. И как только Фрино угораздило затащить меня именно в эту каморку? Однако попытаться что-нибудь сделать все же стоило. Вдруг плохие воспоминания Малума перекричат мои приятные?

Перво-наперво я села в ту самую позу, с которой каждый раз начинался мой сон. Села, прислонилась виском к стене. Дверь открытой оставила, так как занятия все равно закончились и все по домам разошлись. По привычке глянула на свои руки. Непривычно отметила, что когтей нет, и запястья не такие тонкие, как у Малума. Интересно, почему вообще у него когти-то были, у Кальца же вроде все нормально с руками?

Закрыв глаза, я тяжело вздохнула. Никаких новых воспоминаний. Ковырнула стену ногтем... и замерла. Зажгла магический светлячок, буквально легла на пол и уставилась на глубокие царапины. Провела по ним пальцем — покрасили, но борозды остались. Прощупала заодно и каменный пол вокруг — а вот здесь уже царапины даже не закрашивали. Сколько им лет уже? Сколько сюда никто не заходил? Почему-то я не сомневалась, что они остались от когтей Малума. Только вот что здесь произошло?

Ощущая, как быстро, испуганно колотится сердце, я явственно увидела какой-то проблеск воспоминаний. Что-то невнятное, но очень пугающее. Будто меня кто-то куда-то тащил, а я цеплялась ногтями за все, что подворачивалось под руки.

— Ты что здесь делаешь, Яна?

Голос Фрино вырвал меня из чужих воспоминаний. Тряхнув головой, я посмотрела на парня. А я-то наивно думала что мне удалось улизнуть незамеченной. Не зная, как отовратиться, я втянула голову в плечи.

— Пуговицу потеряла, — соврала я. — Никак не найду.

— Ой, да брось, — усмехнулся парень. — На тебе в тот день пуговиц не было. Да и

вроде одежду я на тебе тоже не рвал.

Я покраснела и насупилась. Вот... извращения. Да еще вдобавок и представила с его легкой подачи, как бы он тут с меня одежду срывал. Ну вот что с собой теперь делать? Какие тут воспоминания Малума, у меня все лицо теперь горит!

— Если тебе захотелось уединиться в темном чулане, меня почему не позвала? — протянув мне руку, чтобы помочь встать с пола, спросил Фрино. — Или ты здесь с кем-то другим встречаешься, и я зря оторвал тебя от важных дел?

— Ну, можно сказать и встречаюсь, — уклончиво ответила я. — А ты бы перестал за мной шпионить...

— Вообще-то на этот раз я не шпионил, а шел из библиотеки. А тут ты... лежишь. Вот мне и стало любопытно, чем можно в такой позе заниматься посреди пыльного чулана

Тот факт, что меня не преследовали на этот раз, приятно удивил. Фрино действительно держал под мышкой несколько тонких книг. Я даже хмыкнула. Ну а что, он не человек что-ли, даже почитать не может? К тому же я вроде видела в его комнате книжную полку. Хотя даже то, что одна рука у парня была занята, не помешало ему притянуть меня к себе.

— Постой, — пробормотала я.

— Или рассказываешь с кем ты тут “можно сказать встречаешься”, или я тебя целую, — хитро улыбнулся этот гад. — Считаю до трех. Раз... два...

— Я все расскажу, — шутливо сдалась я. — Все расскажу, пощади.

— Опоздала, три.

Ну ладно, меня немного поцеловали. Потом еще немного поцеловали. В общем еле-еле я от этого приятного процесса оторвалась. Кто бы мне раньше сказал, что целоваться так приятно... эх, пол жизни впустую прожила.

— Вообще это секрет, — сказала я Фрино, когда наконец вырвалась из его загребущих лап. — Я тут Малума ищу. Ну, того демона.

Парень ощутимо вздрогнул.

— Его же убили, разве нет? — опасливо уточнил он. — Надеюсь, его из тебя действительно извлекли?

— Точно, можешь не беспокоиться, этим лично ректор занималась, — успокоила его я. — Но он... в общем, сделал мне неприятный подарок прежде, чем они из меня его выдрали.

— И какой-же?

Ну я и рассказала ему и про сны, и про эту каморку, и про предложение Кальца. Рассказала заодно и о том, как мне надоело не высыпаться из-за этих дурацких чужих воспоминаний. Фрино выслушал, хмыкнул и предложил:

— Не согласишься скорее всего, но я могу попробовать покопаться в твоей памяти. Конечно, наша марионеточная магия — совсем другое ответвление ментальной, но я все равно хотел научиться новым приемам...

— Если бы я могла кому-то показать свои воспоминания, то мне давно помог бы Кальц. Он уже предлагал. Но увы, у меня в голове слишком много чужих секретов.

— Ясно, — дернул плечами Фрино. — Понимаю. Сам бы в свою голову никому лезть не дал.

Я подозрительно на него посмотрела. Мрамор, увидев меня с Кальцем, постоянно ревновал. Ну что ж... кажется Фрино все равно, с кем я и что делаю. С одной стороны приятно, с другой как-то непривычно...

— Что не так? — уточнил Фрино, поняв все по своему. — Даже не думай, что я начну тебе рассказывать о своем прошлом.

— Нет, — я улыбнулась. — Не надо. Твои секреты это твои секреты.

— Так... и что ты здесь нашла? — поспешил перевести тему парень.

Осмотрев царапины на полу и стене, Фрино хмыкнул и экспертно заявил:

— Ну и когти у этого парня, даже камень поцарапали. Тащили его. За ноги. Приходилось такое видеть. Правда, не на камнях...

— Это я уже поняла, — вздохнула я. — Но все никак не могу сообразить, за что они его так. Вроде как за то, что он своего подельника подставил. Но зачем подставлял? Если из снов исходить, то он за Малума заступался, может даже другом его был. Зачем отправлять на казнь приятеля, который тебя защищал?

— Мало ли. Мог для каких-то своих целей им воспользоваться и избавиться. А ополчились на него просто потому, что он демон. А тут еще и человека под смертную казнь подвел. Вот они и решили в каком-то роде ему отомстить за собрата. Хотя более чем уверен, до этого презирали Венира за дружбу с врагом.

Ну да, звучит логично. Я-то сама, честно сказать, попыталась бы Малума оправдать. А у Фрино голова как-то по-другому работает. Я даже порадовалась, что ему рассказала. Полезно посмотреть на проблему с разных сторон.

— Знаешь... а какая в принципе разница? Я хочу просто избавиться от этих снов. Надо бы еще какое-нибудь с ним связанное место найти. Здесь-то только воспоминания о том, как над ним издевались. Неудивительно, что он после этого людей не любит на самом деле.

— Не думаю что дело в людях, — фыркнул Фрино. — Тебя вон не проняло. Могла бы сказать, что все демоны — чудовища. Или что все с Вэйданы — сволочи и работоторговцы. Не сказала же. Все только и ищут, кого бы обвинить в собственных проблемах — родителей, знакомых, демонов, людей. Если же покопаться — никто, кроме тебя самого, не виноват.

— По собственному опыту знаешь? — лукаво улыбнулась ему я.

— Ну да, и что с того? — скрестил руки на груди Фрино, совсем не обидевшись.

— О великий мудрец по делам незаконным... может подскажите мне, где добыть ключ от комнаты Малума в старом общежитии? Хочу попробовать там переночевать, вдруг еще что-то вспомню.

— Ключ говоришь? Что ж... где найти знаю. И предлагаю тебе сходить со мной. Покажу тебе темную сторону академии.

— Темную сторону? — удивилась я.

— Да, темную, — расплывшись в нехорошей улыбке, сказал этот страшный тип.

Глава 28. Абигейл (2)

Я в очередной раз чихнула, налетев лицом на тонкую, растянутую в дверном проеме паутинку. Сдирать ее с себя я уже замучилась — тут всюду были эти ловушки расставлены. Паутинки есть, а паука не одного. Фрино, правда, часть убирал, но я все равно умудрялась где-то их находить.

По моим подсчетам мы спустились под академию на пять этажей, в настоящее страшное подземелье. Сначала я пошучивала мысленно, что Фрино решил устроить мне экскурсию по местным пыточным. Потом решила пошутить в той же манере вслух, на что мне было сказано — чем болтать лучше бы смотрела по сторонам, больше бы интересного увидела. Сказано-сделано. К тому же любопытство меня буквально съедало.

И академия теперь казалась мне маленькой, совсем крохотной, по сравнению с лабиринтом подземелий под ней. Кое-где мерцали в полутьме пузыри защитных заклинаний, смотря сквозь которые я видела закрытые, окованные железом двери. За ними, как сказал Фрино, находились тайные лаборатории преподавателей.

На первом подвальном этаже нам попался жутковатый участок коридора, с потолка которого свисали до самой земли красные, пульсирующие светом и шевелящиеся веревочки. На винтовой лестнице между вторым и третьим уровнями вся стена украшалась черными отпечатками рук. Фрино нашел там и свою, и я коснулась рядом гладкого камня, оставив след так, чтобы наши мизинцы пересекались. Дальше, этаже на третьем, нам встретился коридор с замурованными окнами — будто часть академии под землю ушла. На четвертом ужасно воняло и под потолком кружились целые тучи мух, непонятно откуда взявшиеся на такой глубине. Тут уже стены кое-где рушились, покрывались мхом. И вот отсюда мы спустились на пятый этаж по шатающейся, местами прогнившей, деревянной лестнице. Коридоры тут плавно переходили в выдолбленные в белой каменной породе ходы.

— И откуда ты только знаешь об этом месте, — крепко держа Фрино за руку, тихо спросила я. — Никогда бы не подумала, что тут такое есть.

— А ты хоть раз по академии ночью гуляла? — спросил мой провожатый, в этом непривычном месте чувствующий себя как рыба в воде. — И вообще, отходила от знакомых тебе аудиторий хоть на шаг? Поворачивала не в ту сторону просто чтобы проверить, что там?

— Нет, — хмыкнула я, почему-то вспомнив, как отправилась на ночную прогулку по Земле. Вот тогда я... скажем так... доисследовалась.

— В том и разница между мной и тобой, — объяснил мне он. — Есть такие люди, как ты и твоя подружка. Большинство. Вам на все плевать, вы забили в свою удобную комнатку и дальше нее не выходите. Потому что там безопасно. А есть такие, как я и Эйнар, которым надо всегда и везде искать то, что принесет выгоду, поможет стать сильнее, выжить. Мы на собственном примере знаем — нигде не безопасно, никто не друг, никогда не знаешь, с какой стороны тебе поставят подножку. Вот и влезает во все темные щели, чтобы проверить — не притаилась ли там какая-нибудь дрянь, что может внезапно наброситься. Тем более — чем лучше ты знаешь, что тебя окружает, тем в большей безопасности себя чувствуешь.

— Говоришь как Мрамор, — хмыкнула я. — Интересно, а он здесь был?

Фрино даже рассмеялся на это. Зло так.

— Чего смешного? — насупилась я.

— Ты уж извини, но твой дракон тот еще трус, — ответил мне, все еще фыркая Фрино. — Я таких немало в своей жизни видел. Наверняка на Эквариусе над Мрамором издевались его сородичи, он же презираемый всеми полукровка. Я даже думал его к себе в союзники переманить — такому только покажи, что ты его не обидишь и не обманешь, и он твой со всеми потрохами лучший друг. Даже не представляешь, на что такие люди, как он, способны ради того, кому доверяют. На любую мерзость пойдут, только бы от него не отвернулись.

— Это отвратительно так людьми манипулировать, — обиделась за Мрамора я. — Но я не понимаю, что в нем трусливого?

— А ты мне скажи, он ведь тебя к каждому кусту ревновал, да?

— Ну есть такое, — удивляясь его проницательности, согласилась я.

— И скорее всего уговаривал никому не верить, настраивал против друзей, так?

— Так.

— А ты не задумывалась, почему?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Вот об этом я действительно не задумывалась. Ну ведет себя человек... неприятно, скажем так. А почему? Да небеса его знают, в чужую же душу не заглянешь.

— А я тебе скажу почему, — продолжал Фрино. — Он боится до смерти, что над ним и здесь издеваться начнут. Он же ненавидит это. Настолько ненавидит, что всюду это ищет. А тут ты, добрая и любящая, вдруг появилась. Может, первый человек из всех, с кем он себя в безопасности почувствовал. Вот он заодно и за тебя начал петься. Как бы кто не обидел его милую подружку. Куда бы ее спрятать, чтобы ей, глупой, так же больно, как и ему, не сделали. Или еще интереснее — думает, что твои друзья тебя против него настроят. И таких видели.

Я закусила губу. Да, безжалостно. Но слишком похоже на правду.

— Откуда ты все это взял только? — нахмурилась я.

— Просто предположения, — улыбнулся мне Фрино. — Не забывай, я должен был на Вэйдане унаследовать рынок рабов. А там порой с совершенно разными людьми дело иметь приходилось — и с отбросами, которые собственного ребенка мне продать были готовы за хорошую цену, и с беглыми преступниками, и с паршивыми аристократами. К тому же все взаимоотношения между рабом и хозяином в нашей стране строятся на том, что хозяин должен как можно больше о своем подопечном знать. Понимать, как тот думает. Тут хочешь не хочешь, а начнешь в людях разбираться.

А я как-то и забыла, что у Фрино, возможно, даже рабы имелись дома. Интересно стало его расспросить, но я не решилась. Не сейчас.

Переваривая все сказанное, я глянула вглубь коридора и увидела там неожиданно тусклое фиолетовое свечение.

— Ну все, сворачиваем разговоры о жизни, — хмыкнул Фрино. — Пришли. Готовься, туда иногда дикий туман заходит.

— А там точно безопасно? — настороженно спросила я.

— Если бы там было безопасно, то там не имелось бы ничего интересного, — оскалился мне Фрино. — Но за свою жизнь можешь не переживать, ей ничто не угрожает.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как смириться и пойти за ним. Вообще чувство было странное. Вот вроде я должна бы его бояться, все же человек он не из хороших... но сейчас с ним я наоборот чувствовала себя в безопасности. Верила что не бросит. Это еще и

данной им клятвой подкреплялось. Хотя, кто его знает конечно...

Пока я размышляла о том, совместимы ли вообще слова “доверие” и “Фрино”, пол под ногами начал плавно переходить в облака. Вскоре тоннель закончился, и вышли мы на сумрачное место, каких за пределами академии полным полно здесь, в междумирье. Облака, дикий туман и тусклое небо впереди. Только вот имелось все же одно отличие. Перед нами возвышалась огромная, похожая на птичью клетку теплица с треснувшими, а кое-где и отсутствующими стеклами. Внутри нее мерцал живой, желтоватый свет.

— Так, — остановился Фрино и повернулся ко мне. — Мы вовремя, хорошо что Зритель не спит. Предупреждаю сразу — он может начать тебя запугивать, но ты не паникуй и не поддавайся на провокации. Зритель пусть и жутковатый, но безобидный. Просто питается всяким... вроде эмоций или чего-то такого. Все поняла?

— А он кто, этот Зритель? — уточнила я.

— Да пес его знает, — махнул рукой Фрино. — Но он, вроде как, здесь давно. Приторговывает ключами и чужими тайнами за еду. Не удивлюсь, если он заставит нас делать что-нибудь отвратительное...

— А обо мне он тоже что-то знает? — ужаснулась я.

— Все скорее всего. И обо мне. И о преподавателях. Честно признаюсь — пытался я у него купить о тебе что-нибудь посущественнее биографии, но он такую цену загнул, что я не решился. Хотя мне и интересно, на самом деле...

Так... теперь мне начинает казаться что Мрамор где-то был прав. И Фрино с ним заодно. В голове буквально прозвучал голос Янки: “Ой, Эби, ты такая наивная”. Ну еще бы. Живешь ты уже кучу времени на новом месте, где все такие хорошие, вон даже злодей местный и тот тебе в любви признается, а тут выясняется что под тобой сидит сволочь, торгующая твоими секретами. Может и правда пора бы уже снять шоры с глаз? Жизнь ведь давно шепчет, что я слишком ко всем хорошо отношусь, а я все не слушаю...

Вот с такими мыслями мы и вошли в теплицу.

— Оооо, дорогие гости, — встретила нас фраза, сказанная нараспев, и с какими-то ломаными интонациям. — Я слышал ваши шаги, но и мечтать не мог о том, что вы все же ко мне. Никто не навещает старого, недоброго Зрителя. А ведь так хочется побеседовать с актерами этого преинтересного спектакля!

Человек... да, впрочем, не человек это был. Существо. В центре теплицы, на четырех огромных, размером с небольшой шкаф, книгах стоял стул с высокой, зубастой спинкой. На этом стуле и сидел Зритель. Ноги длинные — железные протезы, похожие на ножницы. Кисти рук тоже не настоящие, пальцы — как суставчатые, шарнирные ножи. А вот лицо приятное, взгляд умный, улыбка хитренькая на тонких губах. И закутан при этом в какое-то откровенное тряпье. Тряпье это похоже то ли на огромные шарфы, то ли на длинные занавески, и многочисленные их концы прибиты вокруг постамента к полу. Дополняла картину огромная, качающаяся под потолком люстра, полная горящих свечей и капающая повсюду воском. Ну и дикий туман периодически то втекал в теплицу, то вытекал. Одним словом — жилище во всех отношениях странное.

— Нам нужен ключ, — не став даже здороваться, сказал Фрино.

— А мне нужно средство от скуки, — в тон ему ответил Зритель. — К тому же вам нужно два ключа, а у меня всего один.

— Два? — удивилась я. — Но нам всего в одну комнату нужно зайти...

— Комната в здании, — вздернул нос Зритель. — А здание тоже заперто. И ключ от

этого здания я отдал одной милой, полненькой девчужке.

Я ошарашенно хлопнула глазами. Ну точно! Брусника! Она же откуда-то взяла ключ, когда мы дух Арни Торна вызывали! Неужели наша милая добрая фея здесь тоже бывала?! Вот уж точно неожиданность.

— К тому же, — помахал своей опасной рукой Зритель, — комната Малума и Венира заперта на замок и запечатана с тех пор, как они выпустились из академии. Там слишком сильные чары, чтобы идти туда. И стоит ли оно того, милая девочка, которая называется чужим именем? Стоит ли тебе вообще быть здесь, а?

Втянув голову в плечи, я глянула на Фрино. Он делал вид, что ему все равно на слова Зрителя, но его сдали руки. Сжимающиеся и разжимающиеся пальцы, такой характерный для него жест.

— Просто назовите цену, — выдавила я из себя. — Второй ключ я найду.

— И дайте нам что-нибудь, что спасет от чар, — вклинился Фрино. — Цену заплачу я.

— Вы такие скучные, — с лязганьем закинул одну ногу на другую Зритель. — Оба закопались в свои маленькие тайны, прячете их друг от друга, как воры награбленное. Мышиная возня. Где доверие и обман? Где страсть и порванная одежда? Где ссоры из-за пропавшего носка? Где обсуждение подвенечных платьев и того, как назвать детей? Неправильные вы. Скучно с вами. Уйду я от вас.

И голову в сторону повернул — уйти бы смог, думаю, ушел бы. Да только ткани его крепко держали. Интересно, за что его вообще сюда посадили и так вот сковали?

— А можно узнать, кто вы? — осторожно спросила я, намереваясь попытаться “по хорошему”.

— Ммм... эта информация стоит дорого, — тут же деловито оскалился Зритель. — Смажешь мои железки — я тебе расскажу. Да и много чего тебе вообще расскажу, наследница. Не часто ко мне такие интересные милые девочки захаживают. А впрочем... а давай сделку заключим?

— Что за сделка? — тут же напрягся Фрино.

— А вы вдвоем придете ко мне, — с лязгом и скрипом поменяв ноги, сказал Зритель. — Принесете масло машинное, пищу, вино. Придете, сядете и будете слушать всякую лабуду, что вам расскажет недобрый старый дядя Зритель. А вам за это будет гора, гора огромная всякой информации. Хорошая плата, согласитесь? Но это потом. Сейчас же вам нужен ключик. Маленький милый ключик от памяти глупого маленького демона. Я вам его дам. И добавлю к этому сережку. Правда, девочка пойдет одна в комнату двух старых друзей. И за это я попрошу довольно скромную плату.

— Какую же? — насторожилась я.

— Целуйтесь, мои сладенькие, — мерзко облизнулся Зритель. — А я посмотрю. Что еще нужно Зрителю, кроме как побольше поцелуев, верно? Буду первым, кто увидит эту прелесть. Люблю быть всюду первым... и желательно единственным.

Я покраснела. Вот ведь... гад. Весь железный и то туда же. Однако деваться было некуда. Фрино тоже вздохнул, украдкой для меня закатил глаза. И нам ничего не оставалось, кроме как поцеловаться. Хотя что уж там... если забыть о том, что на тебя смотрит старый железный извращенец, то действительно скромная и даже приятная плата за две такие полезные вещи, как ключ и талисман.

Глава 29. Яна (1)

Я наконец собралась заглянуть к Кеше в гости.

Результаты были известны, следующий этап соревнований — покрыт туманом, в группе царили прямо мир да взаимопонимание — все дружно делали вид, что используют друг друга ради одной цели и получают от этого удовольствие. Или просто искренне дружат, как Брусника — сложно понять разницу.

В общем, пора уже было и вспомнить о проблеме с телами... Я хотела позвать с собой и Эби, но у той какие-то свои таинственные дела образовались. Вообще Эби выглядела в последнее время подозрительно — улыбалась периодически невпопад, где-то все пропадала, ничего мне не рассказывала. Любовь что ли к ней нагрязнула? Но Мрамор счастливым не выглядит, наоборот, чаще серьезный сверх меры ходил и бегал от меня, как от чумы. Кальц же — другой мой претендент на роль любви с Эби — в последние дни больше с девчонками из нашей группы зависал. Они неплохо так сошлись с Юз на почве ароматической магии, что Бруснику не очень радовало. Она явно поглядывала на Кальца серьезней, чем просто на самого красивого мальчика на курсе. А вот это уже не радовало Мэта и Альбо — то ли подруге сочувствовали, то ли сами на милую пухляшку заглядывались.

Вот почему у всех любовь, а мой женишок опять где-то пропадает? После выступления он забежал, конечно, меня похвалить, поздравить. Точнее — поиздеваться, что не заметил на сцене. И тем же фактом повосторгаться. Я даже не поняла с чего это он вдруг... Еще говорил, как тяжело ему было объективно оценивать наше выступление — но так и не сказал заранее, что там с результатами, партизан. Мы, в общем, поболтали полчаса, поцеловались часик и все. Упорхнул мой сокол темноглазый в дали дальние, сказав, что после следующего тура поведет меня на свидание в другой мир, а пока — учись, мол, дорогая.

Ну я и училась.

Сегодня, например, целый день училась то на мироведении у Грега, то на истории у Вальдора, то на основах стихий у Фелиции — в общем, мозг мне вынесли знатно и в комнаты Кеша я зашла со страдальческим возгласом:

— Кеша, мне плохо!

Вошла — и увидела, что Кеша-то не один. Кеша-то сидит пай-мальчиком за столиком, неожиданно чистым — никаких бумаг, рецептов, колбочек и травинок. Сидит, в общем, и морщиться от дыма сигареты своего собеседника. В общем, мне просто феерически везет наткаться на Ярэна Корна!

— Абигейл! — Хранитель встревожено, привстал с места. — У вас недомогание? Пришли за зельем?

— Ну... вроде того..

— Верное решение. Юный Иннокентий вызывает намного больше доверия, чем Терина.

— Терина? — переспросила я.

— Целительница из лазарета академии, — максимально ясно пояснил Кеша. — Господин Корн потому ко мне и зашел — провел ревизию, а там, в лазарете, полный бардак. Столько лечебных зелий не хватает.... Так что я теперь дополнительной работенкой надолго обеспечен.

Кеша только что руки в нетерпении не потер. Корн ему благосклонно улыбнулся.

— Рад был вновь повидаться, — тут уже он мне подмигнул. — Слышал, что у вас с Иннокентием общая подруга с Земли?...

— Верно, — я напряглась, но виду не подала. — Янка. Мы с ней еще в Междумирье познакомились и сдружились. И вместе попали в Академию! Я долго поверить в такое чудо не могла... думала, что вся жизнь пойдет по написанному матушкой сценарию — бесполезные уроки, бесконечные упреки, ненавистный брак... А тут даже жених оказался не так уж плох.

Я старательно разыграла смущение. Кеша позади Корна беспалевно показал мне большой палец.

— Жизнь полна неожиданностей, и первое впечатление зачастую ошибочно, — в внезапной грусти проговорил Хранитель. — Но как ни странно многие не в силах этого понять. Если я что-то в этом мире и ненавижу — так стереотипы и предрассудки... Но что это я, не буду мешать вам лечится, милая. Уверен, в следующем туре вы покажете себя еще лучше.

— Может тогда подскажите, что же в этом следующем туре будет? — не выдержала я. А вдруг — раз он такой, благожелательный. А то от Кешы узнать шансов ещё меньше, чем от Хоука, Кеша — честный. Но Ярэн Корн только рассмеялась.

— Нет-нет, никакого жульничества... К слову, хочу поблагодарить вас, что помогли этому мальчику, Альбо, проявить себя. Его бабушка была моей подругой, и, в каком-то смысле, мне больно смотреть, как он зарывает свой талант.

Хранитель выглядел искренним. Ну, черт, неужели он правда такой обычный хороший мужик, и ему просто не повезло с профессией, отношение к которой так полно этих самых стереотипов? Или он так мастерски дурит голову?

Пока я размышляла, Корн уже и ушел.

Кеша облегченно рухнул прямо на стол.

— Ух! Думал помру, когда он пришел. Я тут, на минуточку, сама-знаешь-с-чем вам помогаю, и сама-знаешь-что мне за это может быть... Но вроде пронесло. Вроде Корн вообще нормальный мужик, но доверять ему, конечно, не стоит, — Кеша задумчиво почесал бровь. — Что хотела-то?

— Вот это сама-знаю-что и хотела, — вздохнула я. — Но только сейчас сообразила, что пока тут бродит Хранитель лучше от экспериментов воздержаться.

— Хорошо, что хоть сама сообразила, — хмыкнул Кеша. — Я вас девчонки, конечно, люблю... но жить хочу. Да и вы, думаю, тоже.

Глава 29. Яна (2)

Ярэн Корн не выходил у меня из головы.

Ведь, если подумать: а что я, собственно, знаю о Хранителях?

Что они этакое пугало для всех магов в академии? Бабайка, который придет, если будешь себя плохо вести, заниматься неправильной магией и думать неправильные мысли о захвате мира. Организация, у которой взаимная нелюбовь с ректором.

Если бы не книги и газеты из библиотеки, в которых со вкусом описывалась жестокость и принципиальность Хранителей, можно было действительно подумать, что все гадости о них — лишь навет политических соперников. Но... стоит ли так книжкам доверять? Где гарантия, что там все не отцензурировано согласно идеологии партии?

Ладно, это я уже, конечно утрирую и паранойю. Все же факты о деятельности Хранителей есть более чем убедительные. Но ведь нельзя судить ситуацию только с одной стороны. Юз, вон, по отношению ко мне так делала.

Было ли ее субъективное мнение основанное на той толике информации, что она обо мне знала, истинным?

Ни капли.

Собственно, как и мое — моя убежденность, что я все делаю правильно, и остальные слепцы, раз этого не видят, мое упорное нежелание видеть и понимать этих самых других — просто потому, что решила когда-то никому не доверять.

Но доверие тут не причем. Знание — вот, что причем. Знание — это сила и власть, и — защита... Личные отношения, интриги, магия — все едино. Чем больше информации из разных источников, разных взглядов со стороны, тем выше вероятность, что я больше не ошибусь так, что не раню вновь себя или своих друзей. Только тут главное не запутаться в клубке противоречий... Но ведь я уже наловчилась с клубками правильно управляться. В магии, да, но вы ведь с ней — единое целое...

Погрузившись в философские думы, я и не заметила, как подсознание притащило меня к библиотеке. Я отрешенно уставилась на массивную дверь в башню. Что-то мне все-таки не хотелось ее открывать... Ну не люблю я выискивать единственную нужную строчку среди тысяч бесполезных страниц.

Почему маги придумали универсальный переводчик, но не придумали интернет? Ну или примитивный его аналог?

Эх, собрать бы содержимое всех книг и прочих рукописей в единую базу данных, чтобы потом можно было запросить информацию по конкретной теме — и получить ее, быстро и просто, без сидений среди пыльных фолиантов. Вот выучусь и сама за это дело возьмусь, и будут потом меня веками прославлять благодарные студенты...

Я фыркнула со своих мыслей и решительно развернулась. Тут рядом есть другая библиотека, поудобней — ходячая и ушастая. Надеюсь, Вальдор в каморке сидит, а не в общежитии со своей группой. Мало ли, вдруг они там победу празднуют или к следующему туру готовятся. Это только наша Дженни ограничилась шитьем, а другие кураторы не стеснялись помогать своим подопечным. С одной стороны это было нечестно, а с другой... заставляло гордиться. Мы ведь и без всякой помощи со стороны справились, сами, и хорошо так — почти первое место!

Вальдор сидел в каморке. Не один. И даже не с вездесущим Ярэном Корном — с

моим везением не удивилась, если бы снова наткнулась на этого типа.

Вальдор был с Дженни. А если точнее — Дженни была на нем, в недвусмысленной такой позе. Уселась эльф на колени и самозабвенно целовала.

Наверное, надо было все-таки постучать.

Как?! Как, господи, я все время попадаю в такие ситуации? Это же уже какой-то абсурд! У той заразы, что пишет сценарий моей жизни, видимо, очень туго с фантазией...

Какое-то время я, стоя в дверях, просто оторопело пялилась на целующуюся парочку самых неправильных преподавателей академии. А потом Вальдер меня все же заметил. Оторвавшись от Дженни, он неверяще уставился на меня:

— Ты серьезно?

— Сама в шоке, — развела руками я. — Извините, что ли... Неловко как-то вышло. Надо было тихонечко уйти.

Дженни, расхохатавшись, соскочила с колен Вальдора, одернула задрывшуюся футболку.

— Да брось, мы уже давно не стеснительные детишки — весело тряхнула волосами она. — Я думала, что все первокурсники уже в курсе, что у нас с Валем периодически любовь.

Эльф взглянул на Дженни укоризненно и с нарочитой грустью сказал:

— А ведь когда-то я был приличным эльфом...

— Ага, и редкостным занудой — помню-помню. Хорошо, что у тебя появилась такая замечательная я, занявшаяся расширением твоего кругозора, иначе пришлось бы бедным студентам мучаться до сих пор с двумя Грегами... — Дженни лукаво улыбнулась эльфу и вновь переключилась на меня. — У тебя потрясающая способность, выбирать лучшее время для появления, детка.

— И не поспоришь, — обреченно кивнула головой я, а потом кое-что вспомнила. — Ты там уже планирование дописала? Вроде же говорила, что если до этого вечера не сдашь — ректор тебе голову откусит.

— Ах ты ж, дерьмо кошачье — простонала Дженни. — Вообще нафиг забыла... Реально же — откусит. Ладно, пойду думать, пока есть чем. Не шалите тут без меня, ребятки...

Дженни махнула нам ручкой и телепортировалась. А в личных комнатах это, кстати, делать неприлично — двери и ноги есть.

— Ты по делу? — сразу же спросил меня раздраженный эльф. — Или так, соскучилась? Халат мой, между прочим любимый, ты так и не вернула.

— А надо было? — я даже смутилась. — Я как-то забыла..

— Да пофиг... Дженни говорила, что ты разговаривала с Корном.

— Учитывая, как я часто на него натыкаюсь — сложно было до сих пор не познакомиться поближе. Думаете, это не случайность?

— Не думаю, знаю. Просто Ярэн Корн... на него все натыкаются. Он как прилипчивая муха — не отвяжешься. Куда угодно пролезет, даже в душу. Старый жук. Так что, еще раз повторю — будьте с Абигейл осторожны. Вы не только собой рискуете.

— Но почему вы настолько исключаете возможность, что Хранители... поймут нашу ситуацию? — все же спросила я, не выдержала.

Вальдор прищурился, подошел к столу, поправил стопку книжек. Развернулся.

— Забавно, что ты только сейчас засомневалась в том, что все Хранители — враги для вас. Не все, не буду врать. Кто-то поймет, будет готов проявить милосердие или использовать вас в своих целях. Но Хранители уже давно не единая структура, что печется о

сохранении магии и гармонии в семи мирах. Большинство — радикалы, считающие, что лучший способ хоть как-то поддержать эту гармонию в загнивающем Альянсе — устранять все, к чему гниль прикоснулась.

— Загнивающим? Это как, если без метафор? — решила уточнить я. Вспомнила, что Вальдор еще говорил о угасающей магии... что-то тревожила эта тема.

Эльф внимательно меня осмотрел, будто решая, стою ли я откровенности.

— Об этом не принято говорить, особенно первокурсникам. Но... я не считаю, что правду стоит игнорировать. Вы ведь проходили с Греггом по мироведению принцип магической сосредоточенности?

— То, что магия есть абсолютно везде, но в одних местах и мирах ее больше, в других меньше, а кое-где, на Земле, например — совсем крохи? — припомнила я один из самых заумных разделов с довольно-таки простой сутью. — А в междумирье вроде как само много, но толку с нее мало — для использования не годится... Туманы мешают или как-то так. И ни черта оно в целом непонятно, почему такая система — сплошные противоречивые домыслы.

— Вроде того, — хмыкнул Вальдор. — Но ты еще книжки по теме почитай и попробуй все же вникнуть, раз на лекциях не все дошло... еще пригодится.

Я уже и сама подумывала, что пора бросать это тупое заучивание — далеко на нем не уедешь. Но все эти теории и принципы мироздания на практике не применишь, и смысла напрягаться я не видела.

Но, видимо, кое-что действительно может быть связано и с реальными проблемами.

— Так что там с магией? — напомнила я Вальдору.

— Она... исчезает, — просто ответил эльф. — Словно утекает куда-то, и никто не может адекватно объяснить куда. Сильных магов рождается все меньше, будто сами миры не хотят растрачивать те крохи, что еще сохранились. Когда я учился в академии единственные два мира, в которых было туго с магией — это Кронус и Земля, там она уже тогда была едва ощутима. А что теперь? Лишь на Плутосе и на Эквариусе все также высока ее концентрация. Пинион на первый взгляд процветает, но все это — иллюзия за счет развитости маготехники и алхимии. На самом деле, магия там истощается, точно так же, как и на измученном войной Готреде. На Вэйдане, где раньше колдовал каждый второй, теперь к магии способен один из десятка. И уже не говорю об их искусственном и извращенном круговороте магии, переплетенным с законами и религией, который тоже подтачивает и без того плачевное состояние Альянса.

— Как-то не оптимистично, — поежилась я. — Жутко даже.

— Еще бы — согласился Вальдор. — И многие Хранители считают, что причина этому — запретная магия, которая, ественно, одной магией перемещения душ не ограничивается. Список с каждым годом все длинней. Есть одна бредовая антинаучная теория, которая очень среди Хранителей популярна — будто вся эта запретная магия ранит ткань миров, и энергия, словно кровь, вытекает из этих ран хрен знает куда. Или еще бредовой — что эти раны не раны вовсе... а раковая опухоль. Мол, она распространяется и поглощает здоровые клетки — магическую энергию, что поддерживает баланс жизни и смерти во всех мирах. И ради того, чтобы это предотвратить — нужно уничтожить любой потенциальный источник заражения. В том числе двух невинных девиц, ставших игрушкой в руках обезумевшего демона.

Я стояла прифигевшая, не зная как реагировать. И фигела я не столько с того, что стремление Хранителей казнить всех связанных с запретной магией людей, приобрело не самое убедительное, но все же вполне логическое объяснение. В первую очередь с того —

что магия исчезала. Вот это меня чертовски пугало.

— Ну так... эти теории точно совсем-совсем бредовые? Или запретная магия...

— Как способ использования магической энергии может повлиять на ее объем? — задал риторический вопрос Вальдор. — То, что относят к запретной магии было и тысячелетия назад, и куда в большем количестве, но исчезать магия стала только в последнее тысячелетие. Нарушения равновесия между добром и злом всегда влияли на магию, это да, но это другое, совсем не те масштабы.

Я скептически приподняла бровь... Серьезно? Добро и зло? Мне не пять лет, чтобы и такие относительные шутки верить

— Знаю, звучит по-детски, — закатил глаза Вальдор, увидев выражение моего лица. — Но суть отражает. Некоторые теоретики считают, что эмоции... разрушительные эмоции, как злость и ненависть, боль и страдания, жажда мести и страх... шокирующие потрясения, стресс, в общем все это нарушает баланс между душой, телом и магией. И считается, что в местах, где разгораются страшные войны, царит жестокость и смерть, маг теряет возможность черпать энергию извне. Магия, что названа запретной по праву, часто приводила именно к таким последствиям. А вот как разумная предосторожность переросла в параноидальный геноцид талантливых магов-экспериментаторов, я понять не могу? Нет, чтобы искать настоящую причину истощения магии, так они предпочитают обрывать пожухлые листочки, вместо того, чтобы лечить заболевшее дерево!

Я вздохнула. Опять Вальдор разошелся на почве справедливости, Вон до каких чудных аналогий докатился...

Однако, подытожим: магия исчезает, почему никто не знает, но на всякий случай Хранители убивают магов. Гениально. Что-то мое радужное будущее в мире магии теперь видится уже не таким радужным.

Глава 30. Абигейл

Я шел по винтовой лестнице вниз. Рой магических светлячков, кружащийся над головой, разгонял темноту подземной части академии. На каменных стенах вокруг можно было увидеть черные отпечатки ладоней. Позади что-то постоянно щелкало. Я обернулся и глянул на Венира. Мой друг — эстет и редкостный выпендренщик — на каждый шаг делал щелчок пальцами, и к потолку взлетал очередной светлячок.

— И не лень тебе, — хмыкнул я. — Поберег бы силы на действительно важное дело.

— Могу себе позволить, — ответил Венир. — Считай это чем-то вроде зарядки, Мал. К тому же... разве не красиво?

Спорить я не стал — все равно не понимал, к чему вся эта показуха? Лишь глухой в академии не знал, что Венир — талантливый маг. И лишь слепой не видел, что единственный, кого он близко к себе подпускает — это я. Мысли об этом вызывали у меня улыбку. Как же иронично, что в деле освобождения демонов из их заточения, принимал участие человек. Да что там принимал... сам предложил. Единственный из их расы, кто действительно вызывал у меня уважение. Впрочем вру... не единственный.

— Слушай, Венир, все хотел тебя спросить, — припомнив об одном важном деле, начал я. — О Раде.

— А что Рада?

— Надеюсь, ты на нее не заглядываешься? Хочу уговорить ее на что-нибудь перед выпуском. Столько же ухаживал... должна же она наконец сдаться. Ваши человеческие женщины такие упертые.

— Уговаривай, — безразлично отмахнулся Венир. — Мне-то какое дело? Меня она не интересуется. Скорее уж это я ее интересую. Хотя... у меня такое чувство, что она не просто так с нами сблизилась. Неприятное, надо сказать, чувство. Все же с дочкой Хранителя надо быть настороже. Надеюсь ты в порыве любви ей ничего не разболтаешь.

— Я? Ха! — фыркнул я. — Это ты у нас любитель чесать языком. Ну, признавайся, сколько уже студентов посвящено в нашу тайну?

Я сказал это в шутку. Да, Венир тот еще болтун... но я был уверен в том, что он в этом случае немее рыбы. Все же мой друг хотел завершить наши исследования, кажется, даже больше моего. Но Венир неожиданно принял мой шуточный укор близко к сердцу.

— Не веришь мне? — остановившись, спросил он. — Ну ладно, демонюга, сам напросился. Смотри внимательно.

Он приложил руку к сердцу, улыбнулся зубасто и провозгласил наигранно-пафосно:

— Я клянусь тебе, Малум, своим сердцем, что не выдам наш секрет ни словом, ни делом, ни мыслью. Клянусь! Клянусь! Клянусь!

— Идиот, — заключил я, со вздохом лежа руку на сердце. — Самый настоящий идиот.

— А ну руку убери, — обиженно прищурился Венир. — И не смей мне клясться. Я лучшим друзьям доверяю в отличие от некоторых. И пускай это будет темным пятном на твоей демонической совести.

— Самоубийца, — покачал головой я, но руку убрал.

В этом весь Венир. Так запросто дать самую страшную из всех магических клятв, и так запросто запретить мне давать свою в ответ. Пристыдил, нечего сказать. За то и ценю — в отличие от других на него можно положиться. А еще за то, что в отличие от других у него

хватает мозгов, чтобы не доставать меня лишь из-за того, что я демон.

Уважительно кивнув ему, я развернулся и пошел вниз, отметив на ходу два отпечатка руки — одну обычную и одну когтистую — сцепленные большими пальцами. Скрещенные большие пальцы — знак дружбы. Скрещенные мизинцы — любовники. Он сам это предложил. Потому что он действительно мой...

— Лучший друг... — глядя в потолок, пробормотала я.

И не заметила, как проснулась посреди ночи. Казалось, что я уже несколько минут, а то и часов, смотрю в потолок.

Малум и Венир. Малум. Почему ты сдал его? Почему вы поссорились? Зачем? Если вы были в таких хороших отношениях, то что вообще произошло так много лет назад? Столько вопросов и ни одного ответа...

Я потерела маленькую серьгу-колечко в Янкином ухе — талисман блокирующий защитные чары в комнате Малума и Венира, что дал мне Зритель. Ничего. Сегодня я попрошу ключ у Брусники и схожу в вашу комнату. Может, тогда эти сны, наконец, прекратятся?

И еще... я ведь скрестила наши с Фрино мизинцы. Будто знала откуда-то — может, из памяти Малума — эту традицию. Просто маленькая женская глупость, вряд ли даже Фрино понял, зачем я это сделала. Таких ладошек там было много, а рядом с его как раз имелось свободное место. Хотя... рядом с его ладонью имелся и отпечаток Эйнара. Так что может и знал.

“Любовники, да? — подумала я, закрывая глаза. — А ведь он рано или поздно захочет чего-то большего, чем поцелуи... И что же я тогда буду делать?”

Представив себе нас с ним в постели, я глупо улыбнулась в подушку... да уж, потерять девственность в чужом теле. Какая же все же странная у меня жизнь. Дома бы я не смогла сделать этого до свадьбы, и вряд ли бы смогла бы даже поцеловаться с тем, кого действительно люблю. А здесь? Если я потеряю девственность здесь, в академии, тайком, то по крайней мере мой первый раз не будет таким уж ужасным. И если я перемещусь в свое тело, потеряв магию, и меня выдадут замуж за Хоука, мне, по крайней мере, будет что вспомнить. Под такие странные, новые для себя мысли я заснула.

Как назло весь день я никак не могла поймать Бруснику. Она куда-то спешно унеслась сразу после истории, а потом у меня были огненная магия и сдвоенная алхимия, на которые она не ходила. В результате пошла ее искать я ближе к вечеру — после того, как смыла с себя приставучий запах зелья от икоты, так неудачно на меня опрокинутое Орсоном. Хорошо хоть зелье было не сильно горячим, обошлось без ожогов.

Брусника нашлась в красном общежитии. Стоило постучаться в комнату Текки, как дверь тут же приглашающе распахнулась — видно при помощи магии. Впрочем, на обычную комнату это помещение походило мало. Мебели здесь почти не было — лишь стол у стены с двумя стульями и похожая на гнездо круглая кровать с пологом из лиан. Потолок украшала огромная люстра в виде стеклянной фиолетовой орхидеи, по лепесткам которой будто пробегали волны света. Одежда Текки висела прямо на увитых лозами стенах. Ко всему прочему пол украшала... трава. Самая настоящая трава — ровненькая, сочная, зеленая. И росла она из зеленого коврика, а не из земли. Не комната, а настоящая теплица, в которой

царила влажная духота.

Текка и Брусника сидели у стола и занимались каким-то непонятным рукоделием. Перед ними горела зажженная свеча, и Брусника держала над ней при помощи пинцета кусочек атласной ткани.

— Как тебе комната Текки? — спросила моя вместо приветствия моя зеленая соседка. — Нравится?

— Ага, — улыбнулась ей я. — Здорово. Тоже такую хочу.

— А вот и нет, — показала мне язык травяная фея. — Текка не отдаст.

— У нее еще проблемы с такого рода комплиментами, — улыбнулась мне Брусника. — Текка, она просто хотела сказать, что ей настолько нравится твоя комната, что она хотела бы жить в такой же.

— Ааааа, — протянула фея, а потом, подумав, сказала не особенно искренне. — Спасибо за комплимент.

— Ты к кому из нас? — улыбнулась Брусника. — Просто так зашла или по делу?

— Я к тебе, хотела кое о чем попросить, — поторопилась я. — У тебя все еще есть ключ от старого общежития? Хотела бы одолжить его у тебя.

— Угу, он у меня, — удивилась Брусника. — Но зачем он тебе? Если нужна моя помощь...

— Нет, на этот раз я сама справлюсь, — покачала я головой. — Так что, дашь?

— Сейчас я чуть-чуть занята как видишь, — вздохнула Брусника, показав мне пинцет. — Давай так... я как закончу — заскочу за тобой, и мы сходим за ключом.

— Я не против, — улыбнулась я, а потом, из чистого любопытства, спросила. — А... что вы делаете?

— Текка учится земным рукоделиям! — просветила меня фея. — Оно называется... ка... ке...кензуши?

— Канзаши, — улыбнулась Брусника. — Нашли в библиотеке книжку и заинтересовались. Это цветы из ленточек. Вроде написано что на Земле такие делают... правда я так и не поняла зачем они нужны. Ты случаем не увлекаешься?

— Нет, даже не слышала ни разу, — честно созналась я. — А свечка зачем?

— Краешки оплавливать, — пояснила Брусника. — Мне вообще нравятся всякие там... вязания, макраме, вышивки. Магия магией, но своими руками такие вещи делать особенно приятно — как-то по-настоящему выходит, с душой...

— Ясно, — улыбнулась я. — Здорово. А я думала вы учитесь.

— А мы и учимся, — хитро сказала подруга.

— Да, Брусника Текке про все-все за рукоделием рассказывает, — закивала феечка. — Только Текка не все понимает. Например Текка не понимает, почему девочке нельзя пригласить мальчика на бал.

— Потому что так принято, — смутилась Брусника. — Текка, ты как маленький ребенок. Не у всего есть объяснение.

— Но разве это не глупо? — развела руками Текка. — Если бы не было этого глупого правила, то Брусника могла бы пригласить того красивого мальчика, который ей очень нравится. Почему нельзя, даже если очень-очень хочется?

Брусника покраснела, ее пухленькое лицо от этого стало похоже на помидор.

— Предательница, — пожурила она Текку.

— Да ладно тебе, — улыбнулась я подруге. — Я же и так знаю что тебе Кальц нравится.

Может, тебе ну... ему как-то намекнуть?

— Да куда мне до него, — вздохнула Брусника. — Он на меня если и посмотрит, то только из жалости. Ты посмотри на меня...

— Брусника глупая! — напустилась на нее Текка. — Брусника станет красивой-красивой скоро! Ни один мальчик устоять не сможет! За Бруснику еще драться будут! Драться! И красивый парень тоже глупый, если считает Бруснику некрасивой!

— Слушай, а хочешь я Кальца попрошу, чтобы он тебя пригласил? — предложила я Бруснике.

— Ты уверена что он согласится? — закрыла лицо руками Брусника.

— Разумеется, согласиться, — заверила ее я. — А не согласится — ну и ладно. Зато мы попробуем. Что скажешь?

— Я буду тебе очень благодарна, — обрадовалась Брусника. — И вообще... не хочешь с нами позаниматься рукоделием? Лент на всех хватит.

От воспоминаний о том, как я дома вышивала платки, меня передернуло. Конечно, за этим делом можно было помечтать о дальних странах, путешествиях и всяком другом... но здесь, в академии, мечтать я почти перестала. Еще бы, я ведь будто попала в мир своих фантазий. К тому же рукоделие напоминало мне о доме, в который я не хотела бы больше возвращаться.

— Спасибо, но я пожалуй откажусь, — улыбнулась я. — Пойду в комнату защитные чары отрабатывать. Как закончишь — зови. Удачи с цветами.

И, не дожидаясь, пока Брусника меня уговорит, я поспешила уйти. Чем-чем, а рукоделием в магической академии я заниматься не собиралась.

Глава 31. Яна (1)

Я все-таки решила Эйнара использовать. Все приготовила заранее, натащила из мастерской материалов и инструментов, книг из библиотеки, и позвала парня в свою комнату. Встретила его, сидя на столе, ногу на ногу закинув, небрежно перекатывая в руках синий камешек — один из тех, что с Хоуком на Готреде получила.

— Я тебя ненавижу, — проникновенно сказал Эйнар, пялясь на нас с камнем, как на чудо света. Торопливо заперев дверь, он чуть ли не бегом направился ко мне. Вдохнул в восхищении, рассмотрев камушек поближе. — Чистейший блэрталит... И молодой. У меня был истощенный за сотни лет использования осколок, и то — мощнейший среди... но пес с ним. Ты что хочешь из своего сделать? Будешь только этот использовать или и остальные возьмешь?

Я мигом перестала довольно лыбиться с его восторженной, но вроде как белой зависти.

— Откуда ты знаешь, что у меня еще есть? — напряженно спросила я.

— О, так у тебя действительно еще есть? — искренне удивился Эйнар. — Я это так сказал, на всякий случай... Но откуда? Слишком дорого даже для свадебного подарка от нежно любящего жениха.

— Мой нежно любящий жених, — хмыкнула я, — заставил меня своими руками этот подарок добывать...

— О... — вновь повторил Эйнар. — Ты хоть знаешь, какую связь между тобой и камнем это рождает, насколько сильнее может быть артефакт? Хм... Воистину ценный дар. Значит ты испугалась, что без моей помощи не сможешь воспользоваться им с толком?

— Просто хотела посмотреть на твой искаженный черной завистью лик, — я закатила глаза, но решила прояснить. — А вообще... ты ведь с Готреда, как и этот камень. И в артефакторике, как бы не было тяжело это признавать, лучше меня разбираешься. Так что я подумала — вдруг ты знаешь, какую самую крутую штуку я смогу из него смастерить со своим уровнем.

К преподавателям идти смысла все равно не было: пусть предмет и ведут, но не их специализация, знают не многим больше, чем можно в учебниках найти, им просто артефакторика не особо интересна... Да и подарок Хоука светить не хотелось — мало ли. А Эйнару я пусть и не доверяла, но... черт, кажется, я ему все-таки доверяла. Вот дура-то.

— Поленилась разбирать теорию, значит, — Эйнар лукаво улыбнулся, посмотрел на меня как-то странно. С такой нежностью, что меня даже кольнуло подозрение, что все его шуточки про чувства, не просто шуточки, чтобы меня раздражать. Хотя слова его от нежности были далеки, насмешка как всегда. — Решила довериться такому сомнительному, но привлекательному парню, как я. Только вот не подумала, что я потребую за свою помощь плату.

— Ты мне поможешь, дружок, чисто из любви к искусству, — уверенно сказала я, хотя в душе такой уверенности не чувствовала. Ну да, я ведь сама толком не понимала, зачем мне Эйнар. И я поторопилась добавить шутливости: — Ну и ко мне, конечно.

Он мне не подыграл, дернул себя за косичку — вот же говорящая привычка.

— Знаешь, что самое... — он пощелкал пальцами, вспоминая слово, — ...отстойное? Что несмотря на то, сколько раз я ласково издевался или бездушно манипулировал тобой, несмотря на всю мою расчетливость, понимаю что ты сейчас — права. Мне действительно

достаточно просто помочь тебе в моем любимом деле, достаточно наслаждения от работы с таким материалом.

Эйнар ловко, ненавязчиво так, забрал у меня блэртелит, чуть ли не возбужденно синий камешек приласкал.

— Совсем не обязательно делать артефакт для себя, главное — делать... Для кого-то другого — даже лучше, приятней. — он горько усмехнулся. — А для себя — слишком часто в результате лишь боль и сожаления.

— О чем ты? — осторожно спросила я, пытаюсь выловить из этих расплывчатых фраз какой-то смысл. — Если вбил себе в голову, что сделанные своими руками чисто для себя любимого артефакты приносят одни несчастья, то зачем обвешан ими с ног до головы... вернее, до кончиков волос.

— Ну да, обвешан, — пожал плечами Эйнар. — Силы хочется. Жить хочется. Просто — все равно люблю... Но я как-то дерьмово себя чувствую, когда кто-то из-за меня, из-за моих артефактов, умирает — будь то любимый пес или нелюбимый дядя...

Я его не понимала — и боялась понимать. Мне стало неуютно, веселый настрой испарился без следа — серьезный Эйнар был весьма заразительным. И меня чертовски напрягало, что, возможно, в своих сказках о себе не так уж и врал. Может вообще не врал.

Что Эйнар — вовсе не невинный шут. Дружит же с ним за что-то конченный ублюдок Фрино.

— Потрясающе, — Эйнар вдруг впихнул мне блэртелит обратно в руки и взбудоражено затараторил, вновь превращаясь в самого себя, разве что не такого ехидного, как обычно.

— Я думал это просто легенды — что он сам находит себе хозяина, сам решает, как ему служить. Но, видела, как он на меня подействовал? Как он тебя защищал, заставив меня раскрыть эмоции... Самые грязные тайны так и рвались с языка — ух!.. Ментальная магия, определенно. Но, думаю, лучше сосредоточиться не на атакующей, а на защитной. Так безопасней. Точнее — незаметней. Да и проще. Нам нужно серебро, паутина арахнидов с Эквариуса, пару кусочков плутоского верлеза...

— Ты правда убийца? — перебила я, тараторущего как Альбо, парня каким-то растерянным голосом.

— Тут треть академии — убийцы, — снисходительно просветил меня Эйнар, ничуть не смутившись. Дать ему что ли опять камушек волшебный? Или выждать пока... — И я всего лишь сказал, что из-за меня умерли... А это как-то неоднозначно, не находишь?

— Бездушные манипуляции — это тоже неоднозначно? — не знаю, как он это делает, своими дурацкими ухмылками и беспечным тоном, но я расслабилась. — Кстати, не просветишь, в чем они заключались?

— Как-нибудь потом, — покачал головой Эйнар. — Давай займемся более интересными вещами, Абигейл. Для начала проколем твой нежный пальчик, каплей крови и парой слов окрасим блэртелит в цвет твоих глаз — чтобы еще сильнее связь укрепить. И для эстетики, конечно...

— Эйнар... — мне тоже не терпелось заняться этими самыми интересными вещами, но я попыталась сделать еще одну попытку вытянуть его на откровения. Тщетно.

— Тссс, — он умоляюще прикрыл уши руками и затряс головой. — Прошу, прошу, душа моя, не трожь мое вдохновение... давай делать то, зачем ты меня сюда пригласила. Лови момент — используй мой непревзойденный талант, как пожелаешь. Не сомневайся, мы сотворим настоящее чудо — и только для тебя. Я даже обещаю молчать, если хочешь, даже

Фрино ни слова...

Я, вздохнув, откинулась на спинку стула. Встретилась взглядом с Эйнар — горящим, действительно вдохновленным. Его руки уже открывали жестяную шкатулку с кусочками магической руды для сплавов. Под переносной жаровней возле стола запылал огонь — маленький и слабенький, конечно, нужная температура будет поддерживаться нашей магией и специальными артефактами... Я хотела заключить камень в кулон и уже грезилась дизайном цепочки, позволяющей концентрировать силу блэртелита. Мне нравилась идея с ментальной защитой — я сама что-то такое и думала, но в отличие от Эйнара не чувствовала, как реализовать желаемое, а найденные книги не давали четких инструкций. Артефакторика — тайное ремесло, преподаются лишь основы, а дальше индивидуальный или клановый опыт.

— Хорошо...

— Нет, — одновременно со мной сказал Эйнар.

Я недоуменно приподняла бровь.

— И чего это ты вдруг передумал?

— Я не передумал. Я просто подумал, что не хочу заниматься этим в таком месте.

Я оскорбилась. И чем ему моя комната не нравится?! Конечно, это не мастерская. Но я просто не хотела работать в месте, куда в любой момент кто угодно заглянуть может, имея на это полное право. И все нужное я сюда притащила, а ведь это было нелегко — даже с левитацией пару ходок пришлось сделать. Все обеспечила для комфорта. А ему что-то не нравится, понимаете ли...

— К тому же... — не обращая внимания на мой недовольный взгляд, продолжил Эйнар, — ты, моя прекрасная леди, взяла и рискнула — попросила меня о помощи в личном деле. Это ведь совсем иное, чем совместная работа для группы. Ты мне доверилась, ты в меня поверила, хотя никаких логичных причин на это быть не может, я же...

Он издал ироничный смешок и встал из-за стола. Ухватил меня за руку, как истинный джентльмен, чуть поклонился:

— Позволь ответить тем же, Абигейл. Позволь отвести тебя в мое тайное логово, где нам будет намного удобней трудиться над твоим камнем.

Глава 31. Яна (2)

Интересно, можно ли придумать поступок глупее, чем идти с человеком, лучший друг которого пытал меня в подвале академии, по мрачным подземельям в неизвестность? Ну почему я временами поступаю как безрассудная дура? Почему даже не думаю, что Эйнар ведет меня в ловушку, что Фрино передумал строить из себя исправившегося мальчика, решил завершить начатое... Или это все последствия эмпатии?

Эйнар, непринужденно шагающий впереди, обернулся — его глаза блеснули алым. В них отразился отблеск свисающих с потолка волшебных проводов — красных, пульсирующих, гудящих едва слышно и так знакомо. Где-то рядом один из магических кристаллов. А мне хотелось держаться от них — а то мало ли, опять что взорвется.

— Я думал ты бесстрашна.

— Я думала, что ты слишком изнеженный мальчик для прогулок по таким местам.

Я не собиралась показывать свои опасения. Эйнар лишь пожал плечами, и продолжил путь, осторожно минуя магически нити. Я поторопилась нагнать его — вернуться-то я вернусь, дорогу запомнила, но блуждать в одиночестве тревожней, чем в компании даже столь сомнительного типа. Да и рано сбегать — все же я хотела увидеть тайное логово Эйнара, его личную мастерскую в академии. И не только увидеть, но и использовать по назначению — синий камень жег мне ладонь. Метафорически.

Мы спустились вниз по лестнице и антураж сменился. Больше паутины, словно выдолбленные из грубого черного камня стены — кое-где в них пробивались маленькие, цветные осколки магических кристаллов. По центру пещерного коридора тек извилистый серебристый ручей — странный, словно ртутный. Но меня больше интересовала магия, а не пейзаж.

— Это другой пространственно-временной пласт? Я почувствовала что-то..

— Да? — Эйнар удивился. — А ведь точно, вполне возможно... мне всегда казалось, что со временем здесь нечто странное творится. Я удивительно много чего мог сделать, когда в академии и ночь не успевала закончиться... Условная ночь.

Эйнар немного помолчал.

— Я скучаю по настоящей... По звездам, по солнцу, по ветру, по морю, что хлещет яростно о скалы... А ты?

Я не скучала. И дело не в том, что Хоук пару раз вытаскивал меня за пределы академии, я просто... не скучала, совсем не скучала по дому, как, вроде бы, и все. Магия не позволяла. Это Эйнар только такой чувствительный. Или придуривается.

— Мне некогда некогда — то учеба, то свидания по другим мирам, — напомнила я. — А вот тебе явно нечем было заняться, раз по подземельям лазал.

— Это называется разведка местности.

— Собрался сражаться? Или ищешь подходящие помещения для жестоких игр с невинными девицами по примеру Фрино?

— Так ты из-за него такая напряженная? Плохие воспоминания? Я не буду причинять тебе боль, Абигейл, не бойся.

— Я тебя не боюсь. Я сильнее.

— Конечно, сильнее.

Эйнар ласково мне улыбнулся — и я совсем не могла понять, соглашается ли он с моим

магическим превосходством, или насмехается над моей глупой наивностью.

— Мы пришли.

Он провел рукой по стене — простой рунический символ, двойная волна — и камни вдруг разъехались в стороны, открывая тесную нишу в человеческий рост с покрытой замысловатой резьбой дверью. Дверной ручки не было — только торчащий на ее месте острый тонкий шип, а под ним желоб, вбитый в темное дерево. Эйнар привычным жестом поднес к острию палец, что-то беззвучно прошептал — и уколол себя. Довольно глубоко, я даже поежилась от неприятного чувства в ногах. Кровь закапала, полилась, потекла по стоку, впитываясь, заполняя резные узоры красным светом.

Дверь беззвучно открылась, и Эйнар любезно пригласил меня зайти первой.

Я с любопытством огляделась. Да, неудивительно, что ему не хотелось засиживаться в моей комнате и что в рабочую каморку возле кабинета артефакторики он давно уже не заходил. Зачем эти жалкие породы, когда имеется такая мастерская.

Просторная, заставленная шкафами, стопками древних книг и хитрыми приспособлениями. Некоторые — загадочны и внушительны, но многие мне были уже известны по занятиям — станок для огранки и шлифовки камней, маленькая печь, напоминающая микроволновку, для нагревания заготовок, ручная швейная машинка с пугающим дизайном и свечением магии... Магией вообще тут все было пропитано. Одно окно, через которое в комнату лился тусклый лиловый свет, чего стоило. Мы ведь спускались, вроде как под землей были, и, по моим ощущениям, близко к центру междумирья, прямо посреди замка, а тут — дыра наружу. Ох уж эта пространственная магия.

А еще я чуяла здесь отголоски магии Фрино — его характерные нити тоже составляли часть защиты мастерской.

— Уютно, правда? — с толикой гордости сказал Эйнар, подходя к одному из столов с кучей ящиков.

Я хмыкнула. Уютно здесь тоже было — под окном стояла узкая кушетка, накрытая синим пледом с золотистыми кистями. Рядом — столик с бутылкой вина, чайником, туркой и вазой с печеньками. Кажется плавильную печь тут не только по назначению использовали — но как удобно-то! Можно заготовить еду и по минимуму отвлекаться от работы на отдых и перекус.

Я медленно прошлась вдоль стеллажей — многие предметы там были мне знакомы: стандартные материалы, разве что высшего качества. Но кое-что я видела только на иллюстрациях — в разделе особых ценностей. Бесчисленные баночки, бутылочки и коробочки с растворами и порошками, мерцающая руда и готовые сплавы, редкая древесина с Эквариуса, больше похожая на камень — лиловых и синих оттенков с серебристыми прожилками и пятнами, сушеные, стертые в порошок или живые грибы и цветы, драконье стекло и драконья кость, сотни различных камней и кристаллов, столько всего... Я замороженно провела рукой над горстью янтаря с застывшими зелеными светлячками внутри — чувствовала тепло магии.

— Что это за место? — я обернулась к Эйнару, обрабатывающему свою рану какой-то исцеляющей мазью. — Все это добро уже здесь было?

— Не все... Много — но не все. То, чего не доставало, пришлось добывать своими силами — меняться с другими студентами или платить. Пусть мы и заперты в академии, но можно не копить стипендию на неопределенное будущее, можно заказать себе что-то интересное у заглядывающих сюда путешественников по мирам, наемников и торговцев.

Вещи или информацию. Правда, поймать кого-то сложно, с первокурсниками сотрудничать не любят, да и правилами это не поощряется... Но было бы желание.

Эйнар направился к зависшему над полом диску из непонятного материала — серого, пористого. Поставил на него небольшой чан — и диск, несмотря на обманчивую твердость, словно подушка прогнулся, обнял посудину, загорелся изнутри огнем.

Я рассеянно подхватила с полки баночку из драконьего стекла — там волшебным образом плескалось внутри... вроде как расплавленное белое золото. Мне подумалось, что раз есть и такое, то это будет лучше оправы из серебра. Эйнар одобрительно кивнул. Он уже завязал свои волосы в небрежный пучок, закатал рукава туники. И явно разрывался между желанием все для начала рассчитать и тягой сразу же погрузиться в работу.

А я наоборот поняла, что определенно больше хочу узнать что творится в голове это человека, чем творить себе амулет. Но к счастью — это можно было совместить.

Эйнар, пожалуй, предпочел бы все делать самостоятельно, полностью отрешиться, но я не позволяла. Расспрашивала о каждом шаге, выдерживая привычную насмешливость наших перепалок, но показывая, что сейчас признаю его превосходство. Эйнар любил делиться знаниями, считал, что для тех, кто не имеет таланта в артефакторике это все равно бесполезно, а для тех кто имеет — не жалко, ведь так приятно найти единомышленника.

Я совершенно потеряла чувство времени. Мы работали в спокойном, затягивающем ритме — крошили и смешивали, толкли и плавил, создавая магический сплав, чтобы направить силу камня в нужное русло. Эйнар ловко придал цепочке и оправе нужную форму по моим эскизам. Рассчитал мне руны и заклинания для усиления самого камня, за спиной давал советы по шлифовке и огранке. Сам он опасался прикоснуться к блэртелиту — тянулся, но сдерживался, а я делала вид, что не обращаю внимания. И когда я наконец придала камню желаемую форму и мазнула по нему каплей крови, мы вдвоем, как зачарованные склонились над ним, смотрели, как камень засветился, впитал в себя мою кровь. Как смешиваются краски — синий и красный — чтобы получился новый цвет. Эйнар не выдержал и легонько прикоснулся к нему мизинцем, хотел сразу же отдернуть палец, но я не позволила — крепко схватила его руку, сжимая между нашими ладонями обжигающий ласковым теплом камень.

Эйнар секунду смотрел на меня удивленно, будто и представить не мог, что я выжидала момент, заставила его расслабиться.

— Не стоит, — едва слышно прошептал он, но вырваться не стал, а замер в таком же напряжении как и я. — Разве так честно, заставлять магией...

— Я на это не куплюсь, Эйни. И не надо мне тут преувеличений — я не читаю насильно твои мысли, не опаиваю зельями правды... Камушек же просто защищает меня, да? Сейчас, пока мы не заключили его в клетку программы артефакта, он лишь подталкивает тебя... Знает, что я не могу чувствовать себя в безопасности, пока не понимаю тебя... твоих игр. Так что вернемся к вопросу, какой ты плохой мальчик и сколько... — я не сдержала смехок, — зла ты мне причинил.

Я дрожала — и Эйнар тоже. От магии камня, наверное, или усталость, истощение наконец проявилось. Или волнение.

Он молчал, и я еще сильнее вцепилась в его ладонь — неожиданно шершавую и твердую. Он мог бы вырваться, если бы по-настоящему захотел. Но не стал.

— Мой род давно не обладал властью, и чтобы достичь желаемого мы не могли просто приказывать. И дядя много лет учил меня... подталкивать. Осторожно-осторожно, чтобы не

попасться. Манипуляции на эмоциях и намеках. Интриги и притворство. Не то, чтобы у меня хорошо это получалось... с простым подкупом лучше выходило, но... — Эйнар говорил все быстрее и быстрее. — Я захотел стать с Фрино друзьями. Просто — увидел его в Междумирье, разговорился и захотел. Ты ненавидь его сколько угодно, но если я принял человека, посчитал его своим союзником, то не предаю, не брошу. Не смогу, даже если сам ему верить перестану. Только вот от привычки считать все игрой — тонкой, непонятной, где правила я сам устанавливаю — сложно избавиться. Это уже давно часть меня. Это дядюшкин яд, что развел почти все, чему меня учила в детстве мамочка... ну, эти глупости, что честность и справедливость — лучшая политика.

Он криво усмехнулся

— Откровенно высказывать то, что думаешь — это стало так мне чуждо. Может поэтому... а еще из-за волос, и из-за чувства юмора, и из-за собаки... ты мне сразу понравилась. Яркая, притягательная противоположность, и при том — столько между нами схожего. Но, прости, я все думал, что ты глуповата. Думал, что ограничусь шалостями ради забавы и попыток развлечь, расслабить Фрино. О, я целую неделю так думал, а потом ты изменилась. Ты потеряла магию, а вместе с тем все, что меня так очаровывало в тебе — свою уверенность, ехидство... даже Фрая отдала подружке. А до Фрино никак не доходило, что здесь — не его родная страна с этим диким социальным строем, что знакомые правила здесь не действуют, что нужно менять отношение к людям. Научиться хотя бы делать вид, что все равны. И я еще все думал о доме — как там мой капкан, попался ли дядюшка, не умер ли уже? И сам не знал чего хотел, чтобы попался или нет...

— Значит, тебя было тяжело под грузом сомнений и потому, что важные тебе люди вели себя не так, как хотелось бы, — подытожила я, облизав пересохшие губы. Надо же, как оказывается он близко к сердцу воспринял ту чертову неделю. И просто чудо, что он и не подозревает о наличии запретной магии, что так просто могла бы объяснить все наши странности... Хотя сейчас это казалось таким неважным.

— Точно. И я хотел помочь вам с Фрино стать теми, кто мне больше по вкусу, — с горечью усмехнулся Эйнар. — У меня, как и у многих, магия проявилась в миг опасности, сильные эмоции разожгли ее пламя. Я думал — вдруг это и тебе поможет. Я читал о таких случаях. И я думал, что Фрино нужно встряска. Что его, как провинившегося пса, надо наказать, и что он достаточно умен, чтобы вынести урок. И я все говорил ему о тебе, твоём к нему презрении, обо всех этих раздражающих слухах о его в тебя влюбленности, что Яна выдумала — я сам их и разносил. Говорил о безнаказанности, о том, что ты потеряла и те крохи, что имела, но продолжаешь строить из себя аристократку, в то время, как давно стала бесполезной и слабой — стала рабыней... Не так прямолинейно, а шутя, проверяя, играя. Но, капля за каплей, говорил, говорил, пока в какой-то момент — я сам не помню, что стало этой самой последней каплей — он решил сделать то, что мне нужно.

Эйнар впился мне ногтями в кожу. Закрыв глаза.

— Я должен был быть рядом. Смотреть, чтобы он не переступил черту... да я и не думал, что переступит, представить себе не мог! Но Дженни вызвала к себе. Дженни сказала — есть новости из дома. Эйни, твой дядюшка умер — и словно умерла часть меня. А Фринс в этот миг пытал тебя по-настоящему, клеймил, ломал, а потом — твоя безумная подружка и демон... И сломан уже он. Просто потому что мне хотелось поиграть.

Эйнар открыл глаза — и я окончательно утонула в его эмоциях. Бурлящий котел противоречий — вина и стыд, такие искренние, давящей волной пропитывали все. Но он ни

о чем не жалел. Страх от признания, от собственных чувств, расчетливость и восторг — все получилось даже лучше, чем хотелось. Отвращение — от себя, восхищение — своей удачей, своими хитростью и умом.

У меня закружилась голова. Я попыталась понять, что чувствую сама, как должна реагировать. Но прежде чем что-то осознала — начала говорить. Уверенно и насмешливо — как было нужно.

— Ты просто потрясающе самовлюбленный тип, Эйнар лор Теламон. Нет, серьезно, кем ты себя возомнил? Тайным кукловодом, режиссером спектакля? Правда считаешь, что все произошедшее в тот чертов день — результат твоих нелепых дерганий за ниточки? Не страдай по чем зря, великий подталкиватель — людей не так просто заставить сделать что-то против своей природы. Фрино пытал меня не потому, что ты там что-то на ушко ему нашептал. Очнись, он просто сам по себе жестокая скотина.

— Ты же ничего о нем не знаешь. Его отец...

— Ой, ну не надо этих песен. Каждую сволочь можно оправдать тяжелым детством — в детском саду игрушки забирали, старший братец гнобил-избивал, папочка любимого щенка пристрелил... Но не каждый, повзрослев, сам идет других мучать. По-настоящему сильный человек человеком останется, а не превратится в чудовище. Даже если рос он в окружении дерьма — на него не повлияет прогнившее общество и плохие гены.

— И много ты таких встречала? — я еще никогда не слышала в голосе Эйнара столько злости. Бесился от моего отношения к его дружку? Правильно. Много лучше, чем эти самопожирания, что скрывались за маской шута.

— Не обо мне речь, Эйнар. И не о Фрино. Плевать мне на него, пока держится вдали от меня и Яны. А на тебя — не плевать. В одном доме живем все-таки. Ты можешь сколько угодно Фрино обелять, а себя очернять, но может все же не стоит так себя переоценивать? Может ты и подтолкнул, ускорил события, но твой друг не из-за тебя пострадал — он получил по заслугам. Схватить меня, затащить в подвал, сломать ногу, держать, как беспомощную куклу, клеймо на щеку поставить и обещать с безумным видом много-много боли — его решение. И потерянный глаз — последствия только его решений, а не того, что тебе захотелась нам двоим типа как помочь, плюя на цену и этику... — я перевела дыхание. — Но лучше, конечно, ты так больше не делай. Лучше поднатужься и в следующий раз наставляй друзей на путь истинный как-то более... прямолинейно. Простым и мудрым разговором там. Не смотри на тех, кто тебе правда дорог, как на кукол, с которыми можно развлечься.

Эйнар лишь неверяще покачал головой, смотрел на меня так пристально, будто не в силах понять и поверить.

— Ты так просто готова закрыть глаза на то, что из-за меня ты постра...

— Не из-за тебя. Сколько раз повторять... Да и... план твой в принципе сработал — магия моя вернулась и я стала сильнее, и если тебе так хочется быть к этому причастным, — я обреченно вздохнула, — да ради бога. Только не строй из себя скрытого управленца всем и вся.

Эйнар вдруг мягко рассмеялся, и я почувствовала такую нежность — его нежность, благодарность ко мне — что испугалась.

— Прекрати... — я выдавила из себя и сама отпустила его руку. Камень с тихим стуком ударился о стол.

— Прости, — Эйнар ласково улыбнулся, задумчиво полюбовался отпечатками моих

пальцев на своей ладони. — Это не то, что я могу контролировать... То есть могу, но сейчас было сложно удержаться... Спасибо, Абигейл.

От чужого имени я чуть не вздрогнула. Стало гадко — он ведь не видит меня, и не сможет увидеть и понять до конца. Он раскрыл передо мной душу — но я не могу, не имею права поделиться нашей общей с Эби тайной. Слишком опасно.

— Я, конечно, не считаю что ты права, — о том, что недавно Эйнара колотило от потока искренности, говорила лишь бледность на щеках и блеск в глазах. Как же он все-таки умеет держать лицо...

Я тоже умею. Ведь была на вид почти спокойна, когда на самом деле хотелось свернуться калачиком и зареветь.

— Может ты и сама не считаешь, что была сейчас права, а решила купить меня потрохами своим пониманием... И знай — у тебя это получилось. Но я ведь не изменюсь, чтобы не чувствовал...

— Потому, что тебе слишком нравится считать, что в твоих руках — незримая власть над чужими душами. Властелин за маской шута, — пафосно сказала я и понимающе усмехнулась. Мы оба фыркнули — но шутка словно полоснула ножом по сердцу. Ну вот, я теперь много о богатом внутреннем мире Эйнара знаю, но легче не стало — стало сложнее. Мне бы его ненавидеть — я ведь не переносу, когда кто-то лишает меня свободы... Но он и не лишал... это совсем другое дело.

Мне так хотелось безрассудно рассказать ему о настоящих причинах моего изменения в ту неделю, но я спросила другое:

— Юз ты тоже... подтолкнул? Чтобы сделать меня лучше — ответственной там и хитрее.

— Разумеется, — Эйнар гордо задрал подбородок, но вдруг передумал паясничать. Наклонился ко мне вплотную, жадно вглядываясь в лицо, так, что я на миг подумала, будто он хочет меня поцеловать... но он всего лишь сказал:

— Я ненавижу магические клятвы и бесят меня те, кто ими разбрасываются — все слишком изменчиво, и то, что должно было спасти, в следующую секунду уже может погубить. Я могу только пообещать не играть с тобой. Никаких тайных направлений и манипуляций... — он куснул свой пирсинг на губе. — Разве что в крайнем случае... самом-самом крайнем случае.

Я умилилась, не удержалась — и разрушила его небрежный пучок, провела рукой по волосам — мягкие. Эйнар блаженно зажмурился — кажется, у кого-то голова — чувствительная зона.

Я глажу, как любимого песика, убийцу, манипулятора и первоклассного лицемера. Я знаю, сколько расчетливости и отстраненного любопытства в его искренности и шутливой нежности. Что он делает все, чтобы я делала то, что хочется ему. Но знаю — он добр. Добрее многих. Он предан друзьям и не приемлет убийство — ведь сам знает, что это такое... Эйнар почти хороший. Он, прохвост, нравится мне.

Просто у каждого свои недостатки.

— Не стоит давать обещания, которые не можешь выполнить. Расслабься. Я теперь тоже знаю правила твоей игры. Будет только веселей... А пока — давай закончим работу и разойдемся. Эти откровения еще нужно пережить и осознать нам обоим.

Глава 32. Абигейл

В старое общежитие я пошла не сразу — решила подождать. На это имелась одна серьезная причина — мне перестал сниться опостылевший сон про каморку для метел. На его место пришли другие сны, гораздо более интересные. Будто сосуд с памятью Малума был продырявлен нашим походом “на темную сторону”, дал течь. К концу недели чувство у меня было такое, будто я смотрю интересную театральную пьесу, в которой злодей-постановщик зачем-то перемешал сцены.

Малум в этих снах представал передо мной во всей красе — амбициозным, умным, крепко дружащим с Вениром парнем и бегающим за Радой. За нашей Радой Тарвиус — грозным ректором академии Альянса. Как же она отличалась от себя нынешней! И не только внешностью — еще бы не постареть за столько лет. Нет. Ее характер тоже кардинально изменился. В те времена она была... пожалуй, я могла бы назвать это кокетливостью. Простая девушка вроде меня или Яны, еще не обремененная багажом мудрости. Что до Малума — из кусочков его жизни я и сложила о нем свое мнение.

Демон, которого ненавидят просто за то, что он демон.

И ладно бы они его просто сторонились, как нас с Кальце... нет. Его били. Над ним издевались. Правда, Малуму надо отдать должное — несчастной жертвой он себя не чувствовал. Его мучители вызывали у него одно лишь презрение. Мужественно, не теряя самоуважения, демон терпел эти издевательства, не отвечая на них и не давая повода сказать, что он — чудовище, которого стоит бояться. Меня это даже немного восхитило. Он, как и Кальц, даже будучи облитым грязью с головы до ног выглядел и чувствовал себя победителем. К тому же за него горой стоял Венир и преподаватели.

Чего я действительно не понимала — это тупой, ничем не подкрепленной ненависти людей. Не все, конечно, студенты, жестоко донимали Малума — в его воспоминаниях я видела лишь парочку повторяющихся лиц. Но остальным было просто все равно. Они смотрели на избитого демона — и злорадствовали, молча или нет. Не удивительно, что Малум, который и так винил людей в “пленении” демонов, тихо презирал весь род человеческий. Но в остальном... ничего такого уж плохого на мой взгляд он не делал.

Да, он занимался запретной магией... но лишь затем, чтобы освободить свой народ от контроля. В том, что демонов запирали в собственных телах, Малум видел угрозу своей расе, а не безопасность для прочих. И пусть эта его логика в голове у меня не укладывалась, руководствовался он благими намерениями. Просто какими-то своими, чуть искаженными. Впрочем, я понятия не имела, как они там на Плутосе в те времена жили, чтобы судить его.

Так и прошла неделя. Я смотрела обрывки чужой памяти и не могла понять, за что же все же Малум Венира сдал? Ведь по всему выходило, что они действительно были лучшими друзьями. Вариант Фрино с “попользовался и избавился” с треском провалился. Ждала развязки я до предпоследней перед соревнованиями ночи и, не найдя во сне ответа, все же пошла в старое общежитие.

Разумеется, одну меня не отпустили. За мной увязался Фрино. А я была и не против — шататься одной по ночной академии не хотелось.

На выданном Зрителем ключе болтался ярлычок с цифрой 345. Третий этаж, сорок пятая комната. Самая последняя комната на самом последнем этаже. По сравнению с первым этажом, на котором мы только недавно, после разгрома академии, ночевали, здесь

пыль на полу лежала настоящим пушистым ковром, а паутина с потолка свешивалась наподобие гирлянд.

— Давно же здесь никто не бывал, — закрывая рот рукавом чтобы не вдохнуть пыль, пробурчал Фрино.

— Еще бы... — согласилась я. — Оно такое старое... и комнаты маленькие совсем. Надеюсь только, что меня не съедят пауки, пока я буду находиться здесь.

— Тебя кстати как, утром забрать? — спросил Фрино. — Если я останусь ждать тебя, то скорее пауки сожрут меня.

— А давай я сначала просто зайду и гляну, — предложила я, вставляя ключ в замок. — Если там пылица — я не останусь ночевать. К тому же, кто знает, какие внутри охранные заклинания. Подождешь меня немного. Может, я и так какие-то воспоминания поймаю. А может увижу что-то во сне просто после того, как осмотрю комнату.

— Без проблем, — согласился Фрино, убирая паутину со стены и приваливаясь к ней спиной. — Будь осторожна там.

Потоптавшись немного у двери, я провернула ключ в замке. Странно, что он не заржавел за столько лет. Стоило открыть дверь, как повеяло холодом. Глянув напоследок на напряженного Фрино, я шагнула внутрь.

Воздух сгустился и поплыл, щекоча все неприкрытые тканью части тела. От защитных заклинаний пространство комнаты буквально трещало, и все виделось будто через толстую линзу. Однако обстановку я рассмотреть все же смогла. Шкаф, две кровати, два письменных стола. Странно, что во сне я ни разу здесь не бывала. Вроде комната как комната... только по правой стене ползли какие-то плохо различимые черточки. Я подошла поближе, чтобы их рассмотреть и покачала головой.

Вся стена, от постели до потолка, была исписана ругательствами. Заклинания перевода здесь не работали, потому прочесть я могла только те, что написали на моем родном языке. Самыми приличными из них были “сдохни” и “демон”, остальное вызывало отвращение. Судя по символам, которые я изредка видела в книгах, стена была исписана на языках всех семи миров, а то и на разных их наречиях.

Не в силах смотреть на то, под чем спал демон, я повернулась к другой кровати. Над ней висела прикрепленный на булавку листок бумаги. Подойдя поближе я увидела к своему удивлению именно тот лист, что был вырезан из найденной нами с Мрамором газеты. Точно та же статья, что и в газете Альянса — слово в слово:

“Был схвачен и казнен студент Академии Альянса Семи миров Венир Риуд. Он занимался запретной магией вопреки установленным законам. Пусть его смерть послужит уроком всем, кто решит встать на путь запрещенных искусств. Особая благодарность за поимку преступника, а также медаль академии вручена бдительному студенту Малуму”.

Я невольно поежилась. А в голове пронеслась мысль. Не моя, чужая.

“Это напоминание. Твои друзья отвернутся от тебя. Твоя любимая бросит тебя. Потому что люди все чудовища. Все до единого”.

Это меня будто зацепило и направило в нужное русло. Оставалось только расслабиться и позволить чужим воспоминаниям себя вести. Повинуясь минутному порыву я подошла к шкафу и распахнула створки. На полу остались несколько красных пятен, будто бы кровь. Сначала я наклонилась их рассмотреть, но потом вдруг решила залезть внутрь. Залезла, закрыла дверцы и... провалилась в чужие воспоминания как в проваливаются в сухой, темный колодец...

...По двери шкафа колотили, весело галдя. Весело. Им весело? Вот уроды.

— Эй, хорошо тебе там, демон?

— Там и оставайся, рогатая рожа.

— Сдохни там.

Страшно? Нет. Мерзко, но терпимо. И, как бы не хотелось в ответ раскрасить им рожи или наградить каким-нибудь проклятием — нельзя. Потому что чем я тогда буду лучше? Они напали на меня вдесятером, трусливые ублюдки. Ну ничего... совсем немного осталось. Эти люди исчезнут из моей жизни через пару недель. Они исчезнут... а Венир и Рада останутся. Хотя, может, только один Венир. Уж он-то поможет мне в задуманной революции. И именно он докажет на личном примере, что люди могут относиться к демонам, как к равным, а не как чудовищам, от которых нужно всех защитить.

— А давайте его запрем!

А вот это уже плохо. Кто-то накинул на дверцы заклинание. Потом еще одно, и еще одно... заклинание тишины, которое не даст из шкафа вырваться ни единому звуку, заклинание запираения двери. Ох, темная вода, сидеть мне в шкафу, пока не вернется Венир и не сунется за свежей рубахой. Еще немного пошумев и поняв, что с тихой добычей скучно, эти уроды наконец расходятся. А мне не остается ничего, кроме как сидеть и пытаться распутать узелки наложившихся друг на друга заклинаний.

“Сколько же времени он просидел, — отстраненно подумала я. — Час, два? Скрюченный, в шкафу...”

Но тут дверь все же открывается. Входная, не дверца шкафа. Через щелку ничего не видно, только свет проникает — золотистый. Голоса два. Венир... и Рада.

— Фу, ну и гадость, — говорит она. — Ты раньше не звал меня в свою комнату. Эта стена ужасна. Как вы только здесь живете?

— Эй, я тебя сюда привел не на стены смотреть.

— Постой... Венир... а если Малум зайдет?

— Не бойся, я запер дверь. Если что, пока он будет копаться с ключом, мы просто телепортируемся.

Голоса ненадолго затихают, сменяясь чем-то другим. Сначала я никак не могу понять, чем именно... но когда понимаю...

Зажимаю уши руками — не слушай, не слушай. Неужели они... неужели она все же выбрала его? Когда звуки стихают, я уже сижу весь мокрый от пота... Он ведь обещал. Он сказал, что Рада ему не нужна. Он сказал это мне только недавно. Я просто не могу в это поверить. Может, это заклинание? Может, это иллюзия, наложенная придурочными людишками? Нет. Они до такого не додумались бы.

Когда неприличные звуки стихают, наконец вытаскиваю пальцы из ушей.

— Слушай, Венир, а что ты собираешься делать после выпуска? — спрашивает она.

Лучший друг хмыкает.

— Хочу остаться здесь, в Междумирье. Как думаешь, твой отец поможет пробиться мне в Хранители?

У меня внутри все переворачивается. О чем он? Наш план совсем другой. Зачем он договаривается с ней об этом? Он придумал что-то новое? Но почему тогда мне не сказал? Или он просто дурит ей голову? Наверняка так оно и есть.

— Не шути так, — смеется она. — Будто стать Хранителем просто. Но если ты отличишься... я не знаю. Я сведу тебя с отцом, поговорите сами. Но разве ты не хотел

отправиться на Плутос в качестве посла от Вейданы? Об этом ведь было так много разговоров...

— Шутишь? Дался мне этот Плутос.

— Но... а как же ваша дружба с Малумом? Ты ведь вроде так всегда боролся за него и...

— Брось, Рада, ты что, веришь в существовании искренней дружбы? Оставь, будешь эти сказки рассказывать собственным детям. Мы всего лишь попользовались друг другом. Малум был мне полезен, да и мне нравилось с ним общаться, но... Я же, куда приведут эти его революционные идеи. И не собираюсь в это ввязываться.

Внутри что-то ломается, я буквально слышу треск. Душа — тонкое стекло, хрусталь. Она осыпается внутрь, ранит, ранит, ранит. Да как он... как он посмел врать мне?! Как он посмел улыбаться мне? Как он посмел называть себя моим лучшим другом, давать такие громкие обещания? Фальшивка, тварь, ублюдок! Ему нужно спать на моей кровати, ведь все ругательства над ней хорошо его характеризуют.

— И что же ты собираешься делать? Думаешь, так просто поменять все свои планы? Ведь Арни Торн уже похлопотал за тебя в вейданском консульстве, ты же у нас лучший друг его любимчика.

— Я и не буду ничего менять. Просто не пройду отбор. Кто бы меня не рекомендовал, каким бы я прекрасным студентом не был — со мной сначала проведут беседу. А я уже знаю, что скажу. Знаю, на какие рычаги давить, чтобы меня не взяли. Дальше — все просто. Прости, дорогой друг Малум, у меня ничего не вышло, меня не взяли. Он поймет и наши пути мирно разойдутся.

— Как у тебя все продумано... Но зачем? К чему ты все эти годы разыгрывал такой спектакль?

— Этого тебе знать и не нужно. Это наши личные с Малумом дела...

Я горько усмехаюсь. Я знаю... зачем. Я был нужен тебе, сукин ты сын. Ты ведь не просто так про Хранителей заговорил. Помню еще, как ты шутил, гнида, о том, как хорошо было бы махнуть телами с каким-нибудь корольком. Но тогда ты шутил? Или прятал за шуткой свои действительные желания. Как низко. Как подло. Но ты тоже был нужен мне, я тоже тебя в какой-то мере использовал. Пусть ты не считаешь меня другом, но... может мы сможем договориться? Ты выполнишь свою часть сделки, поможешь мне с революцией, а потом я помогу тебе подыскать наиболее сладкое для перемещения тело?

— Какой ты нехороший мальчик, — мурлычит Рада. — Бедный, бедный Мал. Я думала хоть ты к нему хорошо относишься.

— Ты же вроде благосклонно принимала его ухаживания?

— Скорее уж терпела домогательства. И терпеть прикосновения его когтистых лап было нелегко. А знаешь, зачем я так мучалась?

— Удиви меня.

— Чтобы добраться до тебя. Ведь вы общались только друг с другом, два гордых одиночки. А сблизиться с ним было проще, чем с тобой — ведь на фоне всех тех придурков, что его достают, любое более или менее хорошее отношение ценится. Только я не думала, что он в меня влюбится.

Нет... мы уже не договоримся. Глаза щиплют злые слезы. Я ведь знал. Знал, что люди все поголовно ублюдки. Но расслабился как последний осел. От этого мне тошно. Тошно, грустно, хочется выть, хочется драться. Почему я такой идиот? Почему я так глупо попался.

— И не говори... — ответил Венир, хотя я не хотел уже больше слышать его голос. Мне

пришлось заплатить этому ублюдку Дэйну приличную сумму, чтобы он за ним охотился.

— Постой... что?

— А ты думала, что на Малума бы стали просто так нападать взрослые, здравомыслящие люди? Да кому он нужен вообще? Да, демон, но что у нас тут, нет жертв интереснее? А он еще и ответить мог, все же один из лучших студентов. Даже смешно смотреть, как он все сносит и даже не кусается.

— Но зачем? Венир, зачем? Это уже... слишком жестоко. И подло.

— Так что же ты не бежишь от меня в ужасе?

Они оба смеются.

— Это все моя слепая любовь к тебе, Венир... — насмешливо говорит эта расчетливая дрянь... — И любопытство... Ради чего такие старание, зачем тебе Малум... знаешь, как интригует?

— Увы, увы, моя милая Рада — я тебе ничего не скажу.

Да-да, ей ты не скажешь, трепло. А я понимаю. Я вижу весь твой гнилой замысел. Я бы ни за что не принял тебя, тварь, если бы ты так не выделялся своим хорошим отношением на общем фоне. Как же я тебя ненавижу. В одночасье я лишился и любимой, и лучшего друга... А были ли вообще у меня друг и любимая? Не было. Были лишь лицемеры. Были лишь чудовища, имя которым люди. И я знаю, что я с ними сделаю... знаю... прямо сейчас. Как же вовремя он дал эту клятву, жалкое ничтожество. И как же удачно он сказал, что мне доверяет.

— Подожди, я переоденусь...

...Из шкафа я буквально выскочила. Выскочила, упала на пол, ударилась. Встать не стала — все равно вся в пыли извалялась. Внутри от злости все просто кипело. Из-за двери раздался взволнованный голос Фрино:

— Яна? Что там с тобой? Ты в порядке? Эй, ответь! Яна!

— Я сейчас! — крикнула я в ответ. — Подожди.

Кое-как, прижимаемая к полу огромным количеством защитных заклинаний, я выползла из комнаты. В прямом смысле выползла — на карачках. Стоило мне пересечь порог, как Фрино сцапал меня подмышки и вытащил. Поставил на ноги, отряхнул, осмотрел на предмет повреждений, глянул в глаза. По телу пробежала незнакомая магическая волна — будто он быстро прощупал меня своими магическими ниточками — невидимыми, но ощутимыми. Руки у него мелко дрожали. Беспокоится? От этого стало странно и одновременно с тем приятно. Вот уж от кого беспокойства не ожидала, так это от Фрино.

Интересно, как на его месте отреагировал бы Мрамор? Хотя... пошел бы он со мной в запрещенное, защищенное заклинаниями место? Да нет, он бы вообще меня сюда не пустил. А этот и пустил, и посторожил, и перепугался. И еще раз пустит, и еще раз посторожит, и еще раз перепугается, в этом я не сомневалась. И я его когда-нибудь куда-нибудь отпущу. И в этом вся прелесть. Свобода...

— Что там случилось? — спросил Фрино, чуть меня встряхнув. — Ты цела? Защитные заклинания тебя не заделали? Если эта тварь Зритель вручила тебе неправильный амулет, я его на куски порву!

— Тихо, тихо, — видя, как бешено расширился у Фрино зрачок в здоровом глазу, очухалась я. — Не надо никого рвать... на куски. Я просто... просто... а да пошли отсюда поскорее. По дороге расскажу.

В день первого этапа турнира нас собрали у фонтана в саду общежития. Там полукругом расположились в креслах судьи, перед каждым висел хрустальный полушар, в плоской стороне которого я сумела разглядеть живую картинку наших общаг. Это что видеокамеры, чтобы удобно было следить за ходом соревнования?

Вокруг теснились по группам студенты. Увидев задумчивую Эби, я приветственно махнула ей рукой, но та вроде как не заметила... Надеюсь, у нее все нормально, а то с этими соревнованиями, да и еще под грузом учебы, мы уже давно не расслаблялись вместе... Сейчас вообще никто не расслаблялся. Вместо того, чтобы одноклассников объединять, это соревнование уже успело многих прессорить. Все из-за баллов. Нет, у нас все было мирно, да и победителей — фиолетовых — тоже. Мы же лучше всех выступили и роли распределили так, что усилия каждый участник прилагал более-менее одинаковые — никто не в обиде. А вот среди других групп, особенно от зеленых и оранжевых, мы за эту неделю наслушались всяких “на мне все выступление держалось, а он просто в уголочке сидел, а баллов нам одинаково — нечестно”. Конечно, нечестно, но раньше думать надо было. Правда группы Эби это поветрие всеобщих обидок вроде бы и не коснулось.

Тем временем Рада Тарвиус гулким хлопком в ладоши приковала к себе внимание нетерпеливо переговаривающихся студентов.

— Не будем тянуть время, мои дорогие, — весело и торжественно сказала она. — Этот день и так будет насыщенным. Сегодня вы должны продемонстрировать свои способности в атакующей и защитной магии, проявить смекалку и навыки работы в команде. Вы все будущие великие маги — вы будете нести эту чудесную силу простым людям. Вы будете защищать ее — магию, что хранит Альянс Семи Миров. Вам придется сражаться за нее... — она махнула рукой и перед шестью судьями появилось трепещущее, словно тонкий платочек на ветру, волшебное пламя разных цветов — цветов общежитий, всех кроме голубого. Голубое возле самой Рады было. Наш, желтый, как одуванчик, оказался перед Хоуком — женишок хитро подмигнул, заметив мое внимание.

— По итогам предварительного этапа определены следующие пары...

Это и из турнирной таблицы на стенде было известно. На выступлении мы за своими волнениями и перепалками умудрились просмотреть, чем таким выделались победители. Один только Эйнар спокойно наслаждался зрелищем и кое-что запомнил о способностях наших нынешних противников. Но мало. Так что мы всю неделю аккуратно кружились вокруг студентов из фиолетового общежития, высматривая, кто там на что горазд. И как мне скромно казалось, если говорить чисто о магии, то мои одноклассники были сильнее, да и баллы у нас были получше... но расслабляться ни в коем случае не стоило.

Ректор подробно объясняла правила, и я с каким-то весельем их узнавала. Обычная игра на “захват флага”. Каждой группе вручается это символическое магическое пламя, которое прячется где-то в общежитии, каждая из команд должна одновременно уберечь свое и захватить чужое — притащить его к своему, чтобы соприкоснулись, и — ура, победа. Перемещается эта фигня только вручную, никакой левитации и прочего. Если вдруг из рук падает — сразу волшебным образом возвращается “на базу”. Толкаться, пинаться, кусаться и тому подобное запрещено, — только магия, только хардкор и при защите своего огонька, и при утаскивании чужого.

Наконец, Рада закончила с объяснениями.

— Если ни у кого нет вопросов, попрошу старост взять свое пламя и отправляться со своей группой в общежитие. Вам будет дано полчаса на подготовку и с ударом гонга начнется турнир. Чем быстрее вы справитесь с заданием, тем больше баллов получает каждый из вашей группы. Если в течении часа ни одна группа из пары соперников не одержит победу — обе команды лишаются баллов. И так за каждый час задержки.

Ректор была сама доброта. Хотя правильно — иначе затянется это дело надолго.

— Удачи, мои дорогие!

Я пошла забирать у Хоука наш “флажок”. Уловила пару косых взглядов — похоже, не только в моей группе известно, что у меня жених в судьях. Пусть что хотят, то и думают. Я-то не сомневалась, что кто-кто, а Уильям Хоук подсуживать не будет — скорее наоборот, придерется. Это же чертов Уильям Хоук, который, кстати, должен мне еще одно свидание.

Передавая танцующее пламя в локоть высотой мне, он едва ощутимо — но до мурашек — коснулся моей ладони. Хотя меня больше интересовало ощущение магии в моих руках... странно, ни холодно, ни тепло, только такое... живое-живое, завораживающее. И послушное — потянулось ко мне словно за лаской, и я фыркнув с самой себя усадила огонек на плечо — так удобней.

— И куда мы эту прелесть запрячем? — нетерпеливо спросил Мэт, суя любопытные пальцы прямо в желтое пламя, когда мы все зашли в гостиную. Пламя задрожало, словно затряслось от щекотки.

— Готова выслушать любые предложения, — сказала я, снимая с плеча огонек и вручая его эльфу — пусть играет. — Только быстро, время поджидает, ребятки.

— А надо прятать? Надо первыми чужой забрать! — Альбо чуть ли на месте не подпрыгивал.

— Одно другому не мешает, — пожал плечами Кальц. — И кстати говоря у нас есть одно труднодоступное для посторонних место...

Мы все дружно покосились на наше черное чудо-кресло с плакатом “Не влезай — убьет”.

— Это даже не очень честно... — засомневалась я. Прикасаться к этому сомнительному предмету мебели могли после долгих экспериментов лишь Мэт с Брусникой — причем только одновременно. А у остальных был реальный шанс покалечится.

— Честно? — улыбнулась Юз. — Тут никто не играет честно, забыла?

Я только глаза закатила — уж такое забыть невозможно. И пока эльф и матриарх осторожно снимали подушку для сидения и засовывали внутрь кресла огонек, я думала над распределением ролей.

— Так, вы двое, — я махнула на Мэта и Бруснику, — оставайтесь здесь и храните свое кресло пуце зеницы ока.

— Жизнь за него отдам, — проникновенно пообещал Мэт. — Хотя жаль, что все веселье мимо.

— Не зарекайся, — пожалала плечами Брусника. — Может нам еще труднее всех будет. Они наверняка отправят за флагом Ворна, орка этого... а он опасный, совсем неосторожный и силы немерено — попробуй такого останови. Идет напролом и все заклинания от него

отскакивают. Но, я думаю, можно вырастить вокруг общежития непролазные заросли, и если что... лианами его схватить... связать там?

Брусника вопросительно взглянула на меня, и получила в ответ одобрителный кивок.

— Верно мыслишь подруга. Вообще, хоть болото опять врагам устройте — лишь бы не добрались. Но только если будете полностью уверены, что справитесь с контролем. Свое здоровье дороже.

На самом деле, после всех наших тренировок я уже особо не беспокоилась, что их совместная магия приведет к нехорошим последствиям. Если не будут выпендриваться — справятся. А они не будут — понимают же, чем кончилась их последняя попытка покрасоваться друг перед другом.

— Опутайте наш домик паутиной магии жизни и смерти, чтобы никакая вражеская муха не проскользнула... — метафорически начала я, но заметила, что кое-кого важного в гостиной не хватает. — Ну и где Эйни шляется?

— Здесь, моя повелительница, — парень спускался со второго этажа, в руках у него была горка артефактов. — Ходил за реквизитом с выступления — думаю, пригодится... Я же то же на защите?

Он подозрительно прищурился.

— Разумеется, красавица, — подтвердила я. Как ни странно, но все-таки после его откровений наше взаимное подшучивание никуда не делось, скорее наоборот появилась странная легкость... чертово доверие. — Что с тебя толку на поле боя, с виду даже бегать не умеешь... Подключай, давай, свои артефакты, эти фенечки, чтобы мы хоть как-то могли чувствовать состояние друг друга друга — если что, героически отправлюсь к вам на помощь.

Если что — я подумывала рискнуть и попробовать телепортироваться. Все же за нами бдительно следят судьи и остальные, больше шансов, что помогут, если я накосячу в перемещением... Но все равно чертовски опасно, и серьезно обещать ничего я не стала.

— Мы еще этими артефактами ловушек вокруг наставим, — мечтательно потер руки Мэт. — Что добру пропадать...

— А те штучки, что дымят, давай-ка сюда, будем внимание отвлекать, когда проберемся к фиолетовым, — потребовала я. — Хм, Альбо, душа моя, а что это ты до сих пор не в боевой готовности?

— Я на разведку полечу? — радостно сообразил оборотень.

— Разумеется, — кивнула я, — будешь там шпионить, где кто и с чем нас ожидает. Может и заметишь, куда они свое пламя спрятали. Так что, давай превращайся — мы тебя с Кальцем чуть замаскируем... Мм, Эйнар, у тебя для пущей надежности отвлекающего амулетика не найдется?

— От души отрываю, — снимая с волос одну из бусин, он подошел к обратившемуся в красноперого ястреба Альбо. — Должна на коготь налезть... Налезла. Активируется просто — намерением...

Не успел Эйнар договорить, как сидящая на спинке второго — нормального — кресла птица словно исчезла... Я вроде как и знала, что Альбо должен быть здесь, но осознать его присутствие не могла. Пока не сосредоточилась и не подключила свою ментальную магию — ощущение чужого разума, с которым можно поиграть, было на месте.

— Кстати о ментальной магии, — протянул Кальц, сделавший то же самое. — Думаю, в первую очередь нам с тобой, Эби, нужно сосредоточиться на той готредской ведьме с

перьями и сразу же ее обезвредить.

Верно демон мыслит. Готредка, Дороти, была единственной менталисткой в фиолетовом. Не очень сильной, но за счет большого таланта в области иллюзий и алхимии очень опасной — номер два после непробиваемого Ворна. Эйнар рассказывал, что большая часть спецэффектов на выступлении на ней держалась, да и сама я видела на занятиях, как ловко она колдовала и могла задурить голову кому угодно. Наверняка, она будет на защите, наделает кроме всего прочего поддельных огоньков, так что фиг разберешь, где настоящий.

— О, с Дороти все будет просто — Юз или Кальц справятся, — весело вмешался Эйнар. — У нее жуткая аллергия на корицу, собьете ароматией сосредоточенность и быстро ее одолеете.

В ответ на наши вопросительные взгляды парень только беспечно улыбнулся.

— Чего только не узнаешь у прекрасной девушки после пары поцелуев...

— Сомневаюсь я, что этим все ограничилось, — я качнула головой. Да, грязными методами мы не брезгуем. И впервые думать о похождения Эйнара мне было так неприятно. — Но если, это она тебя перехитрила — я тебя, дружок, так одолею...

— Это еще месяц назад было, когда меня в шпионаже никак подозревать не могли, — Эйнар только хмыкнул, а я расслабилась — месяц назад все было по-другому.

— Я так понимаю, — подала голос Юз, — что вся грубая сила и отвлечение внимания на мне.? На остальных — тайное проникновение?

— Кальца тоже скрывать не будем. Он же общался с той милой и толерантной рогатой девчушкой, и к Вальдору зачем-то там заходил... Сообразят, что его как единственного из нас побывавшего в фиолетовом общежитии, возьмут в атакующие — я бы даже подумала, что могут принять нашего демона за первого кандидата в захватчики пламени. И про, возможно, Альбо сообразят... что он вынюхивать будет. Поэтому, когда мы обнаружим, где их флаг, Кальц и Юз берут весь огонь на себя — отвлекают, бушуют, притворяются главными врагами. А наша невинная птичка хватается пламя — и деру. Я на поддержке. Ну или будем импровизировать.

Судя по выражению лица Юз, последняя часть моего плана ей не особо понравилась. Но спорить она не стала. А остальные, кажется, вполне готовы были импровизировать.

Пока мы обсуждали, Брусника с Мэтом не шадя уютного интерьера, нарастили смертоносных джунглей, а Эйнар подготовил артефакты — раздал нам те самые связующие браслетки, что повышали эмпатию и позволяли лучше магически взаимодействовать... Жаль, конечно, что нельзя было организовать телепатическую связь. Я была сильна скорее в атакующей и защитной и менталистике, а Кальц — вообще больше эмпат, с классическим чтением мыслей у нас обоих не очень складывалось.

А еще жаль, что мой артефакт до сих пор не готов. Лежит там, в подземельях, настаивается, пропитывается магией... а так бы сейчас пригодился.!

Когда прозвучал гонг, мы уже были в полной готовности.

— Ну, что, друзья мои, — торжественно воскликнула я. — Покажем кто тут самый крутой?

Мне ответили воодушевленным ором — почти все. Какое счастье, что из всей нашей группы с чувством юмора проблемы только у Юз.

Глава 34. Абигейл

Стоило нам переступить порог родного красного общежития, как Ивона тут же скомандовала:

— Так, котята, я не полководец. Рейни, принимай командование. Каков план, и есть ли он?

— Обижает, — почти дружелюбно улыбнулся Рейнар, явно пребывающий в хорошем настроении. — Все на кухню. У нас всего полчаса на то, чтобы я каждому рассказал о его роли в этой войне.

Я не сдержала улыбки. Ну да, точно, для них с Ивоной это привычная обстановка. А меня вот, честно сказать, от волнения и какого-то незнакомого нервного возбуждения потряхивало. Странно, но новость о том, что нам придется драться меня порадовала. И, кажется, не меня одну. Все мои соседи выглядели несколько... возбужденными, что ли. Даже Мрамор, и тот улыбался.

Мы расселись за столом на кухне. Рейнар, не особо церемонясь, вытряхнул из вазы цветы, вставил в нее огонек, и начал собрание:

— В общем, план прост. Делимся на две группы. Одна будет защищать общежитие, вторая — пойдет воровать чужой флаг. В первую группу вхожу я, Ивона и Текка. Во вторую — Мрамор, Яна, Фрино и Орсон.

— Почему именно так? — чуть опешила я. — Рейнар, разве вы сами не хотели бы...

— Хотел бы, — снисходительно кивнул мне парень. — Я неплохой воин... но защитник и полководец из меня все же получше. К тому же мои силы для этого больше подходят. Я стану на время этого тура вашим непробиваемым щитом, а Ивона — шипами на этом самом щите. Это наши особые умения, опробованные на практике в гораздо более жестких условиях. Текка же слишком ценна, чтобы бросать ее в пекло — через нее я буду узнавать о вашей обстановке и помогать тактическими советами.

— Текка ценная, — обрадовалась феечка. — Текка будет рада вам помочь, папа Рейнар.

— О, я теперь тебя так всегда буду звать, — оскалилась Ивона. — Папа Рейнар. Это еще надо было до такого додуматься!

— А что такого? — надулась Текка. — Папа — это ведь главный, да? Текка что-то не так опять сказала?

— Все... нормально, — буркнул Рейнар, явно удивленный таким обращением, а потом продолжал. — Итак, вообще мы вам об этом не говорили, но...

— Мы провели небольшую диверсию, — оскалилась Ивона. — Кое-что разузнали о наших противниках. В общем, немного ограбили их старосту.

— Я тоже просто так не сидел, — вдруг усмехнулся Мрамор. — Суммируем полученные сведения.

— Тогда я помолчу, послушаю, и если что добавлю свои наработки, — вставил Фрино. — Потому что тоже наводил справки.

Мне даже как-то стыдно стало. Ну вот... все всю неделю что-то делали, одна я Малумом занималась. И ведь подлец Фрино ничего мне не сказал, а то бы и я помогла!

— Итак, в оранжевом из всех особенно выделяется девушка-нага, — начал Рейнар. — Она у них староста. Также с ними учится сирена. Кроме них двоих есть еще эльф, остальные

все люди — рядовые маги с талантами более... хмн... мирными, чем боевыми. Готредцев, привыкших к войнам, там нет. Так что считайте, у нас некоторое преимущество.

— Не скажи, — поправил Фрино. — Один из их парней плетет интересные защиты вперемешку с проклятиями. Тот что со шрамом. Этого нет в досье, он заинтересовался этим только в академии. Обращался к нему по одному дельцу. Так что нужно быть поосторожнее. Шипы есть не у одних нас.

— Не знал, — почесал гладко выбритый подбородок Рейнар. — Хотя моему плану это не помешает. С проклятиями, без проклятий... Мрамор, если я не ошибаюсь твой огонь ведь сжигает магическую защиту?

— Да, — кивнул Мрамор. — И они вряд ли об этой особенности знают...

— Постой, разве драконий огонь на такое способен? — удивился Орсон. — Я об этом не слышал! Это же бред, тогда бы все стекольные мастерские на Пинионе позакрывали бы из-за опасности пожара.

— Я ведь не дракон, — напомнил Мрамор. — А выродок, который вообще не должен плевать огнем. Мое огненное дыхание от другого. И из-за... хмн... некоторых его особых свойств я иногда сам им обжигаясь.

— Не суть, — махнул рукой Рейнар. — Есть всего два плана, основанные на том, как наши противники распределяют силы. Точнее — куда они отправят студентку-сирену. Если они решат, что ей лучше на передовой — это уже наши проблемы. Но если они оставят ее в общежитии, то вам придется не сладко. Яна, если что, на тебе лежит обязанность привести твоих соратников в чувства. Все же ее песни действуют только на мужчин.

— Хорошо, — кивнула я.

— Но не расслабляйся, — улыбнулся мне он. — На тебе еще одна важная миссия. Итак, пробежимся по тому, что и кто делает. Я — обеспечиваю непробиваемый магический купол вокруг общежития и буду его поддерживать столько, сколько понадобится. Я — пассивная защита. Ивона принимает на себя роль агрессивной защиты.

— А заодно буду их бесить, — оскалилась староста. — Злой и неорганизованный противник — слабый противник.

— Текка отвечает за связь между двумя группами, — продолжил Рейнар. — Если что, ее телепатические способности позволят нам перегруппироваться. Далее, Мрамор. На тебе — сжигание защиты и попытки повредить окна общежития. Любой ценой сделай хотя бы какую-нибудь пробоину, хоть крышу проломи.

— Зачем? — удивился Мрамор. — Я понимаю защита, но...

— Для меня, верно? — хмыкнул Фрино.

— Именно, — кивнул Рейнар. — На тебе — пробраться своими магическими нитями внутрь и обездвижить врагов. Справишься?

— Только если будет пробоина, — кивнул Фрино. — Но да, справлюсь. В академии на данный момент только два студента способны что-то противопоставить марионеточной магии.

— Кто же? — заинтересовалась Ивона.

— Кальц, и пожалуй Абигейл.

— Учту, — хмыкнул Рейнар. — Дальше. Яна. Вопрос к тебе. Сможешь устроить у них внутри бардак? Заставить летать мебель там... не знаю... люстру обрушить? Слышал, у них там шикарная хрустальная люстра...

— Думаю, да, — пожалала я плечами. — Посмотрю на месте. Я, увы, не испытывала свои

силы... в такой ситуации.

— Вот и испытаеть, — кивнул Рейнар. — На тебе также создание пробоины. И еще ты там на тот случай, если в общежитие останется сирена. Начнет петь — вспоминай заклинание глухоты. Знаешь хоть?

— Знаю, — припомнила я.

— И последний, Орсон. Во-первых, именно тебе я предлагаю забраться внутрь и утащить огонь. Тебе нужна чья-нибудь кровь для того, чтобы пошустрее двигаться?

— Пожалуй, — оскалился зубасто Орсон. — По обстоятельствам глянем.

— Отлично, — кивнул Рейнар. — Во-вторых, ты будешь прикрывать Фрино. Как я помню, он не особо подвижным становится, когда связывает несколько целей. И еще. Если вдруг мы увидим, что враг послал подкрепление, Мрамор и Орсон, вы должны будете выйти к ним на встречу и задержать. Тогда обязанность забраться в общежитие и схватить флаг ложится на Яну.

— Не слишком ли ты ее нагружаешь? — нахмурился Мрамор.

— Я справлюсь, — обиделась я.

— Вот и отлично, — потер руки Рейнар. — А теперь последний штрих. Вишенка на торте нашего плана. Итак... слушаем и запоминаем...

Глава 35. Яна

Наблюдая за тем, как заполонившие сад студенты либо таинственно крадутся, либо с громом и молниями идут на таран, я еле сдерживала смех. Но пусть и с трудом, на рабочий лад я себя настроила. Сосредоточилась только на нашей цели — окруженном акациями коттедже, выкрашенном в веселый фиолет. Его окутывала классическая мерцающая сеть защитной магии. Судя по нестандартным узорам в виде цветочков плел ее Ален — щуплый паренек с ампула безумного художника.

Прикрывшись нехитрыми защитными чарами, я стояла под деревом на полпути к вражескому общежитию. В листве щебетала искусственная птичка. Через ее спокойную мелодию Альбо передавал, что все пока тихо — он где-то там в акации спрятался и ждал своего часа. Кальц и Юз продвигались по дорожке к “базе” соперников уверенно и не скрываясь.

Мимо меня прошмыгнула девица из фиолетового. Виктория — полуфея с голубыми волосами и кое-каким талантом в водной магии. И никудышной ментальной защитой. Заставить ее напасть на своих или что-то в этом роде мне не позволяла ни магическая этика, ни собственные способности. Но вот дернуть за нужные ниточки, чтобы испортить ей незаметное проникновение, я могла. Виктории просто на подходе к желтому общежитию захочется вдруг покричать и побежать к опасности номер один — Ворну. А то этот орк непонятно где находится. Возможно, уже умудрился пройти незамеченным мимо меня. Срочно нужно было как-то обнаружить врага.

Птичка Альбо тем временем предупреждающе крикнула — Юз подошла поближе к двери фиолетового общежития и вежливо “постучалась” огненным шаром. Разумеется, тот, соприкоснувшись с защитой, рассыпался сотней маленьких искорок, но нам другого и не надо было. Я видела, как на место удара стянулась защитная сеть, уплотнилась... и как она стала тоньше на противоположном конце здания. Достаточно, чтобы я сумела незаметно, на пару секунд растянуть просвет так, чтобы туда сумел пробраться Альбо.

От использования магии на таком расстоянии у меня сразу разболелась голова. Но ничего. Главное, наш человек — точнее оборотень — внутри.

Юз и Кальц дружно продолжали бомбить защиту фиолетового общежития.

У желтого раздался крик Виктории. Я спешно переключила внимание туда. Массивная фигура Ворна с уцепившейся за его ноги полуфеей, обнаружилась свисающей с оконного карниза на втором этаже. Вот тебе и напролом, вот тебе и напрямик — прокрался вот аж куда и никто и не заметил.

Судя по всему, орка скрыли чарами или артефактом, но Виктория их сбила. Окно, под которым завис Ворн, распахнулось, показав решительную Бруснику с вазоном герани в руках. Я на миг даже испугалась, что она сейчас как шандарахнет парня по голове и нарушит правила. Но Брусника просто поставила эту герань на подоконник и отошла. Красные цветы вдруг начали разрастаться, заплотнили весь проем и полезли на орка. Тот не выдержал и свалился на землю, чуть не придавив бедную Викторю.

И пока я любовалась победой нежной женской силы против грубой мужской, на меня вероломно напали. Свои же! Псевдоптичка, что должна была мне передавать сообщения от Альбо набросилась на меня — вцепилась когтями в волосы и попробовала клюнуть в лоб. Я от неожиданности перестаралась, снесла к чертям всю связующую магию. Осыпалась чудо-

птица двумя перышками и деревянным шариком.

Ну и какая зараза испортила наше творение и часть планов заодно?

Зараза была премилая и рогатая — девчонка с Эквариуса, любительница театра и мастер-кукловод. Сидела она на соседнем дереве и прекращать атаку и не думала. Обломала с дерева ветки и направила их на меня — то ли колоть, то ли бить. Я поддаваться не собралась, но пока своим телекинезом боролась против ее, рогатая приятельница Кальца душераздирающе крикнула моим голосом.

— Юз, Кальц, помогите!

Эти двое даже не оглянулись — все продолжали воздухом и пламенем методично пробивать защиту. Мне бы обидеться, но я наоборот обрадовалась. Чувствовала ведь — они просто знают меня достаточно и понимают, что фиг я буду молить о помощи и отвлекать их. Тем более, когда тут у нас как бы план и такая заваруха...

А вот рогатая от такого безразличия на чуть-чуть, но все же растерялась, и я воспользовалась моментом: сделала из веток клетку прямо на дереве и стукнула девчонку несильным ментальным ударом — на пару минут отключила от реальности. И сразу бросилась к фиолетовому общежитию — защита там уже трещала по швам.

Не успела я подбежать, как с очередным огненным шаром от уже злощей и всклокоченной Юз, искря и треща, сеть развалилась — и дверь запылала. Я окатила ее водой — нам же тоже как-то пройти нужно. Кальц, не дожидаясь меня, включил свою демоническую ауру и с нечеловеческой ловкостью прыгнул в окно, на ходу выбивая стекло потоком воздуха. Вот ниндзя-то!.. Хорошо что хоть он с Альбо связь не потерял — свою связную птичку он спрятал в кармане, и должно быть оборотень ему уже намекнул, где пламя искать. Надеюсь, что правильное.

— Готредка, Дороти, здесь. Видела ее в окне, — сказал Юз, когда мы с ней переступили порог. — Хотя я всю группу видела... проклятые иллюзии.

Коридор, украшенный панно и картинами, был пуст и мирен, что тревожило — сейчас как вылезет какая гадость. Но сердце у меня бешено колотилось не от страха, а от азарта.

Где там эта Дороти?

Мы с Юз переглянулись. С неподобающей ее женственному и сдержанному образу она ухмыльнулась и хлопнула ладонью по стене — от удара пробежали трещины. Все задрожало, картины закачались, начали падать на пол... И на нас с ревом выскочил медведь из кухни. Юз уже собиралась окатить его водой — огнем она уже на сегодня явно набросалась — но я ее остановила.

Я не чувствовала его магии и сознания. Мишка был вовсе не оборотнем из фиолетового, а иллюзией Дороти, да еще и слабенькой. Можно было просто не обращать на него внимания, не думать, как настоящим — и развеется сам. Так что я отправилась проверить кухню. Прежде чем войти, закинула туда нашу дымовую шашку. Услышала женское “ой-ой-ой” и звонкое чихание.

И напало на меня нехорошее предчувствие. На Юз, видимо, тоже — она дверь буквально снесла, и перед нашим взором оказалась сидящая на столе и потирающая переносицу... полуфея Виктория, которая вроде как должна быть совсем в другом месте. Она попыталась сбить нас с ног струей воды, но я была сильнее, а главное — злее. Окатила водой Викторию да еще и заморозила — ничего не помрет, если немного побудет ледяной статуей.

— Готредка... — начала была Юз.

— Ага, — перебила ее я. — Перехитрила.

Меня чуть ли не трясло. Я прислушалась к ощущениям в связующих браслетах — ничего. Вернее, эмоции и силы Юз и Кальца я улавливала, в вот с защитниками нашего общежития — неестественная пустота. А я даже не заметила! И так недооценила противника — решила, что Дороти точно останется защищать свое общежитие, что ей не хватит умений поддерживать иллюзии на расстоянии... а она так издевательски проскользнула мимо, прикинувшись невинной овечкой Викторией, притворившись, что поддалась моим ментальным чарам.

Фиолетовые рискнули и почти все силы направили на атаку. Я теперь понимала, что в их общежитии оставались лишь почти бесполезная полуфея, художник для защитной сети и куча отвлекающих иллюзий.

Нужно срочно вернуться к своим.

Но не успела я что-то сказать или сделать, как по лестнице со второго этажа кубарем скатился щуплый паренек с разноцветными прядками. За ним, с легкостью перепрыгнув через безвольное тело и подмигнув нам, пронесся Кальц с фиолетовым пламенем руках — вроде как настоящим, но я уже ни в чем не была уверена.

— Помоги Кальцу, но далеко отсюда на всякий случай не отходи... может...

Юз понимающе кивнула, и я замолкла. Некогда. Нужно рисковать. Я не могла допустить, чтобы из-за моей ошибки в плане мы продули!

Гостиную желтого общежития я знала лучше, чем свои пять пальцев — недаром вычистила когда-то от скверны каждый ее миллиметр. И магия из-за эмоций была послушна, как никогда. Я телепортировалась с легкостью, даже одежду на этот раз не потеряла. Оказалась в комнате, спиной к камину, и мгновенно оценила обстановку.

Первое, что увидела — готредскую менталистку Дороти, склонившуюся над нашим креслом. В черных волосах смуглой, смахивающей на индеанку девушки, торчали поломанные перья. На обнаженной шее и запястьях красовались отчетливые синяки, будто ее там веревкой душили и связывали. И так оно, скорее всего и было, ведь добрая половина комнаты напоминала дикие джунгли из фильма ужасов. Живые лианы, разные — и тонкие гадюки, и толстые питоны — кишели повсюду, словно из стен выползали.

Орк, который еще на себя зеленую рубаху напялил, почти сливался с этой массой — его распластало по полу, крепкие бурые стебли обвивали мощное тело. Рядом лежала Брусника. Вроде как без сознания, но магию свою удерживала.

Двери оказались вынесена легким взрывным заклинанием и облеплена фиолетовой краской, в окнах — ни стеклышка. Эйнара нигде не было видно. Мэт безвольной куклой висел над потолком у лестницы, а на ступеньках, привалившись на медвежью тушу — уже настоящего оборотня — сидела рыжая девица. Рука у нее явно была сломана, на лбу красовалась здоровенная шишка, от блузки мало что осталось. Мои ребята здорово сопротивлялись. И я не могла позволить, чтобы все было зря!

Рыжая первой меня и заметила. Пораженно уставилась. Рот уже открыла чтобы Дороти предупредить или заклинание сказать, но я взмахом руки — хлестком сплетенных воедино тысяч нитей моей магии — сдернула ее в сторону и вырубил ударом об перила. Мэт шлепнулся на оборотня.

Дороти обернулась и мы замерли, сцепившись взглядами. Глаза в глаза атаковали друг друга щупальцами ментальной магии. Кто сильнее, кто лучше в контроле... или опытней. Черноглазая ведьма вот явно была опытней, и подход у нее непривычный — ее магия, словно

мириады крохотных разноцветных бабочек — мелькают, отвлекают, не дают сконцентрироваться, гипнотизируют...

— Эби, слева!

Я, не думая, разорвала контакт и автоматически пульнула в бок потоком воздуха — попала прямо в очухавшегося медведя. Тот отлетел в сторону и затряс головой. За ним Мэт, который своим криком и спас меня, встал на карачки, сдунул золотистую прядку со лба и направил свои последние силы на дерево — из-под его ладоней побежала быстро расширяющаяся черная полоска, и добравшись до медведя, гниющий на глазах пол с хлопом треском провалился под большим весом. Оборотень превратился в человека, но выбраться из дыры ему это не помогло — словно в болото засасывало.

Все это — лишь пара секунд, за которые Дороти попыталась напасть на меня наслав иллюзии. Кажется она низко думала сыграть на моих страхах и слабостях. В туманных фигурах — судя по всему силы готредки были уже на исходе, и сделать более четкие у нее не получилось — можно было узнать Фрино с тесаком и Эби в моем обличье с демоническими рогами. Это должно было меня то ли разозлить, то ли испугать, но образы выбраны сомнительны. А главное, я понимала — этого Дороти и хочет. Чтобы я от эмоций потеряла контроль, ослабила свою защиту. И я наоборот успокоилась, сосредоточилась — бабочек легко остановить паутиной... Или не очень легко...

В глазах потемнело — то ли от истощения, то ли Дороти со мной что-то сделала.

Как же просто хотелось подойти к сучке, и врезать под дых! Но я помнила — только магия.

Я попыталась ударить воздушным кулаком, но защитой от стихийной магии Дороти обвешана была, как новогодняя елка гирляндами. Да еще и орк задергался в своих путах — в нем, в отличии от оборотня, магии еще много оставалась, он все еще был опасен... В дверном проеме показалась растрепанная рогастенькая — и с ее магией был порядок.

— Здорово мы тебя разыграли? — весело улыбнулась она, хотя смотрела удивленно — не понимала, как я здесь так быстро оказалась.

В ответ я только оскалилась.

Ворн избавился от лиан и танком поперся на меня. Я не стала тратить на него последние силы, и так с трудом держалась, обмениваясь ментальными тычками с Дороти. Я чувствовала, что Кальц совсем рядом — поможет, успеет. Спустя мгновение демон уже запрыгнул на подоконник и сразу же атаковал Дороти — легонько дунул, разгоняя по комнате стойкий запах корицы.

Но готредка, только фыркнула.

— Seriously думаешь, что я зная о своей слабости не позаботилась о защите от ароматической магии?

Ворн схватил поваленный на бок столик и, превращая на ходу дерево в камень, запустил в Кальца.

Перед Дороти упала фарфоровая баночка. Разбилась, и корица — натуральная, а не магическая, из запасов Юз, взметнулась коричневым облачком. А готредка поскользнулась на льду, что внезапно образовался под ее ногами, и шлепнулся прямо носом в свою слабость.

— Попал!

Надо же, Эйнар откуда-то со второго этажа очень вовремя вылез. Но отвлекаться на парня было некогда.

Воспользовавшись моментом, пока Дороти чихала и злобно трясла головой, пытаюсь

собраться, я поймала ее магию, ее бабочек, ее сознание — в свою паутину. На этот раз по-настоящему, а не так, как когда она со своими иллюзиями прикинулась неопасной Викторией.

И то что я купилась на этот глупый трюк — когда сильный соперник прикидывается слабым, чтобы остаться незамеченным — ох и бесило! Но я была нежна, я мягко разрушала все магические связи Дороти — ментальные чары, которыми она сковала Бруснику, погрузив в мир грез... все эти иллюзии... В том числе фиолетовое пламя в руках Кальца, который, пока я работала с Дороти, расправился с Ворном. Он унял свою демоническую ауру и видеть хрупкого как кукла парня небрежно стоявшего над огромным мускулистым оком без сознания было дико.

— Обидно, — хмыкнул Кальц. — Я ведь был уверен, что настоящее...

— Упс, — рогатая, увидев, как резко изменились положение сил, попятилась. — Все равно время уже на сходе, вы тоже не успеете...

В окно влетел Альбо.

Рогатая осеклась и обреченно вздохнула. А я — да и все мои одноклассники, которые в сознании были, чуть от радости не заплясали.

Альбо держал в когтях отчаянно вырывающееся пламя.

А что, оборотничество ведь не магия, так что в руки, когти, какая разница? Видимо, когда все иллюзии исчезли наш Альбо умудрился сразу же найти настоящее...

Он обернулся в человека — очень-очень-очень запыхавшегося человека, который летел только что быстрее ветра. Аккуратно передал мне огонек. Дороти попыталась там что-то рыпнуться, но Брусника мстительно придушила бедняжку лианами. Рогатую тоже на всякий случай связала.

Затем вместе с Мэтом, кряхтящем, как столетний старик, они высвободили из кресла наше пламя. Я поднесла фиолетовое, в моих руках чувствующее себя явно поудобнее, чем в птичьих когтях, к желтому — и мы затаив дыхание смотрели как они сливаются, танцуют в объятиях. А потом фиолетовое словно растворяется и наше вспыхивает ярко-ярко, вылетает в окно и взрывается салютом.

Фух, победа. Но я чувствовала скорее не радость и гордость, а облегчение... Пронесло. Пусть я и подвела, но выкрутились общими усилиями. Так что... Так что я все же гордилась тем, что мы так слаженно сработали, несмотря на кучу ошибок. Моих ошибок. Мне даже обнять всех захотелось, да только сил совсем не осталось ни на что. К тому же с обниманиями всех и вся и Кальц, весело мне подмигнувший, отлично справлялся.

— Ты действительно героически отправилась нам на помощь, — раздался за спиной голос Эйнара. Я обернулась. Он улыбался, несмотря на очень потрепанный вид. На щеке лиловым бугристым пятном прицепилось какое-то проклятье, глаз заплыл, одежда опалена... Мне сразу захотелось его привести в приличный вид, а то сердце сжималось безупречного Эйнара таким видеть. Я приложила ладонь к проклятью, убирая. Ладно, кое-какие силы еще оставались. Он улыбнулся еще шире.

— Я и не подозревал, что ты уже научилась телепортироваться...

— Это только второй раз... И было стремновато, конечно, но я сама упустила эту — я кинула в стороны Дороти. Любезный Кальц уже помогал ей подняться. Мои одноклассники вообще жутко добрые люди — Мэт с Брусникой, пусть сами выглядели теми еще калеками, но благородно помогали побежденным прийти в себя...

— Ты очень сильная, — сказала вдруг Дороти, потирая распухший нос и щуря

покрасневшие глаза. — И станешь намного сильнее меня. Это была интересная битва — мои родовые техники и твой талант. Хотя... если бы не эта вонючая мерзость, ты не одолела бы меня.

— Какая еще честная битва? — с иронией задала я риторический вопрос.

Готредка хрипло рассмеялась. И мстительно поглядывая на Эйнара сказала:

— А не такая она уж и недалекая самодовольная стерва, как ты рассказывал.

Вместо лечения мне теперь захотелось обеспечить притворно смущенному Эйнару второй фингал. Так вот откуда у меня такая репутация! Ну, конечно, если он всем своим девкам, подобные прелести рассказал о своей любимой старосте...

— Может, раз все закончилось, пойдем наконец все в лазарет? — в дверном проеме замерла довольная Юз Мосали в компании понурых Виктории и Алена. Она оценила масштабы погрома, задержав взгляд на разбитой баночке с корицей, чуть нахмурилась и добавила: — А потом дружно займемся уборкой.

— И празднованием! — хлопнула в ладоши я.

Глава 36. Абигейл (1)

Мы вчетвером только что чай не пили от безделья, наблюдая за тем, как развиваются события в саду перед общежитиями. Расположились на толстой ветке высокого старого дерева. Вот ведь... так хотелось повоевать, а Рейнар заставил сидеть и ждать, когда сдадут первый флаг. С высоты я видела как Кальц и Юз сбивали защиту фиолетового общежития огненными шарами. А вот Янки почему-то нигде видно не было. Может, она на защите осталась?

— Скучают, наверное, без нас, — глядя в сторону крыши оранжевого коттеджа, пробурчал Орсон. — Интересно, они там хотя бы трясутся, или расслабились уже?

— Какая разница, — хмыкнул Фрино. — Главное не соваться туда раньше времени...

Рейнар на самом деле хорошо все продумал, хитро. По сути мы решили просто подождать немного — где-то полчаса — и попытаться застать соперников врасплох. Впрочем, план на одной неожиданности не держался. Во-первых, мы собирались сбить оранжевых с толку тем, что не нападаем. Во-вторых, Рейнар уверил нас в непробиваемости собственной защиты, что тоже должно было деморализовать ребят. План, конечно, был рискованным — у нас оставалось гораздо меньше времени для маневра в случае провала. Но мы собирались закончить все быстро. Сработать молниеносно и слаженно, смяв их одним точным, хорошо спланированным ударом.

— Встаем, — вдруг скомандовал Фрино. — Текка отчиталась.

— Что такое? — нахмурился Мрамор. — У наших проблемы?

— Нет, с нашими все отлично, — махнул рукой парень. — Оранжевые ползают по защите Рейнара, как слизняки по стенке банки, но пробить не могут. А вот их сирена — Агата — поменялась местами с парнем в общежитии. Теперь она на передовой, а он — в защите. А значит самое время нам туда идти. Это наш шанс.

— Хорошо все складывается, — хмыкнул Мрамор.

Я только задумчиво на него посмотрела.

Странно видеть, как Фрино и Мрамор нормально разговаривают. Все же общий враг — он объединяет.

Странно находиться рядом с собственным парнем и не иметь возможности к нему прикоснуться. Все же мы до сих пор скрывали наши отношения от остальных.

Странно осознавать, что вот-вот придется использовать приемы боевой магии против людей. Особенно при том, что я в жизни никому вреда не причиняла.

Но страннее всего то, что при всей моей мирности, меня тянуло в бой! И я ни капли не боялась.

— Так, ценный груз, — повернулся к нам Мрамор, одернув свою драконью пелерину. — Будете впиваться в меня своими пятками — сброшу, не посмотрю на ситуацию.

— Лучше отнеси одну Яну, — предложил Фрино. — Пока вы с ней будете крушить и ломать — один снаружи, другая внутри — мы как раз незаметно подойдем поближе, и я где-нибудь поудобнее устроюсь. Орсон, присмотришь за мной?

— Куда я денусь, — клыкасто улыбнулся вампир.

— Будьте осторожны, — велела я парням. — Удачи.

— Вам тоже удачи, — весело сказал Орсон, а Фрино лишь хитро мне улыбнулся.

Мрамор, уцепившись руками за ствол дерева, перетек в свою драконью ипостась. Я

отметила про себя, что теперь превращение проходило более плавно и легко... Взобравшись привычно на его спину, я уцепилась за роговые выступы, и мы полетели.

Как же давно я на нем не каталась! Теплый воздух в лицо, огромный сильный зверь, маленькая и полностью зависящая от дракона я. Это вам не послушная лошадка, на которой я училась азам верховой езды. А ведь раньше я на Мраморе, на наш страх и риск, почти каждый день летала, боясь, что парень однажды возьмет да и превратится в человека, и полетим мы вверх тормашками вниз.

И так мне стало... в конце-то концов, стыдно. Стыдно, что за две недели даже не попыталась с ним помириться, даже не извинилась. А ведь он хороший парень. Действительно хороший. А я, идиотка, столько гадостей ему наговорила, небо знает зачем! И, летя на нем теперь и понимая, что дальше уже сил тянуть нет, я крепко обняла его за шею. Дракон удивленно дернулся, а я, повинувшись минутному порыву, наклонилась и шепнула ему на ухо.

— Давай... когда это все закончится, помиримся уже и будем дальше дружить, а? Ты ведь мой первый друг в академии, и я очень не хочу тебя терять. Извини меня, идиотку, за все плохое, что я тебе сказала. Я и правда тебя очень ценю. Честно. И не хочу, чтобы мы с тобой так и остались в ссоре.

Мрамор — может, мне показалось, конечно — улыбнулся на это своим клыкастым драконьим ртом. Сделав круг в воздухе, он ткнул носом вниз. Я глянула под ноги, держась за костяные наросты, и увидела крышу оранжевого общежития. Хорошо. Теперь надо попробовать что-нибудь сделать. Интересно, пробьюсь ли я через их защиту, похожую на шарик из паутины с кучей колючек.

— Подожди пару минут, — попросила я Мрамора. — Я попробую проникнуть внутрь при помощи магии и чуть их припугнуть.

Дракон кивнул и я, посильнее в него вцепившись, закрыла глаза.

Так, магия-магия, где же ты моя глупая магия, которая вечно дает больше, чем я прошу? Вот ведь незадача — никогда у меня не получалось четко распределить усилия. Может, собственно, потому что никогда и не стремилась ограничить их как-то? Вот Фрино чувствует свою магию как ниточки. И Яна, судя по ее рассказам, тоже. Мрамор описывал некогда свою? как окутывающий все вокруг дым... Но у меня что-то другое, непонятное и неконтролируемое. Когда я произношу заклинания, будто дверь внутри открывается и из нее хлещет, словно вода, магия. Хотя нет, не вода... скорее уж похоже на жидкий, горячий металл. И поток такой мощный, что иногда мне даже не обязательно знать специальных чар — достаточно просто пожелать и все получается. Но что мне сейчас с ним делать, с этим самым металлом? Вылить не общежитие сверху? Но как мне это поможет навести там беспорядок? Нет. Надо как-то иначе.

И тут я вспомнила про половник. Ну а что — тоже металлический, и им перемешивают суп. Сейчас оранжевое общежитие — мой суп, и я буду этот суп мешать. Хихикая, я представила себе, как моя магия превращается из жидкого металла в что-то наподобие шеста. Мдам... так себе половник. Не хочет она, капризная, такую форму принимать. Ну шест, так шест, хоть им помешаю.

Наивная. Попытавшись опустить свое грозное незримое оружие на оранжевое общежитие, я наткнулась на защиту. И получила по полной программе.

По магии в мою сторону тут же побежало проклятие. Свернуться я не успела, и вредное заклинание сработало. Голова закружилась, и мне на секунду показалось, что Мрамор начал

переворачиваться в воздухе. А спустя пару секунд до меня наконец дошло, что дело не в Мраморе, а в моем зрении. Я теперь видела из-за глупого проклятия все вверх ногами.

— Ох небо... за что мне это, — пробормотала я. — Мрамор, жги их без меня. Я сейчас быстренько сниму с себя эту гадость и помогу.

Рыкнув, Мрамор распахнул рот. Шея его нагрелась, и он вдруг выплюнул такую мощную белую струю огня, что я даже вздрогнула. Полыхнуло, и большая часть колючек-проклятий сгорела. А вот защита против огня осталась. Еще бы они не додумались ее поставить, знали же, что среди их соперников есть дракон.

Тем временем я занялась собой... и поняла, что понятия не имею, как эту гадость снять. Мне отчаянно казалось, что летаем мы вверх тормашками. Это ужасно раздражало, однако сделать я с этим ничего не могла. И тогда я пошла на отчаянный шаг. Я просто плюнула на проклятие — не важно, где и что я там вижу, главное, что вижу — и занялась мстью. Снова подумав о шесте, я опустила его на крышу общежития.

На этот раз никаких проклятий ко мне не побежало, но шест, разумеется, уперся в плотную стену защиты — что-то антимагическое было подложено под огненную. Так, шест не поможет? Хорошо. Просто замечательно. Давайте его заточим. И вот уже у меня в распоряжении был не шест, а огромный, исполинских размеров меч. И я этот меч с силой воткнула в общежитие. Ничего кроме защиты он не разрезал, по крайней мере крыша не пострадала. Так, ну воткнула я его, а теперь что? Может ветер вокруг него закрутить — проходила же азы воздушной магии интереса ради. Ну я и закрутила. Судя по шуму, доносящемуся из общежития и тому, что из окна вылетела покореженная хрустальная люстра — силы как всегда не рассчитала.

Мрамор еще пару раз плюнул огнем, и защита пала окончательно. Дверь распахнулась, и из общежития, к моему удивлению, не выбежали, а спокойно вышли студенты. Работа Фрино, голову даю на отсечение. Двое парней и девчонка мирно расположились на травке.

Я убрала ураган, Мрамор начал снижаться. Дело было почти сделано, теперь дело оставалось за Орсоном.

Однако, стоило нам приземлиться, как в мою голову тут же постучались.

“Яна, беда, — протараторила Текка. — Фрино держит, так что я связалась с тобой. Отправь Мрамора сдерживать подмогу. И оглуши его, чтобы сирена не взяла под контроль. Они решили защищать своих. Орсон уже с ними сражается. Сама бери флаг и беги к нам”.

— Ох, только не это... — простонала я. — Ладно, хорошо. Мрамор, лети на подмогу к Орсону, сдержи их вторую группу. А я понесу флаг.

Перевернутый в моем зрении дракон глянул на меня опасно.

— Я справлюсь, — отмахнулась я. — Это проклятие — пустяк. Верь мне.

Но Мрамор меня не послушался. Он тут же превратился в человека, поправил свою накидку и велел мне.

— Спрячься и не высовывайся. Если сможешь — помоги Орсону. А я за флагом.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что ты и так пострадала, дуреха! — прикрикнул на меня дракон. — Давай не будем сейчас препираться. Ты не в том состоянии, чтобы...

И тут наших ушей достигло пение. Приятное, надо сказать, пение. У Мрамора помутился взгляд, и он повернул голову на голос. Я тоже повернулась и увидела эту девушку — сирену. Рядом с ней уже стоял Орсон. Судя по взгляду девушка совсем затуманила ему своей песней голову.

И в этот момент я, кажется, действительно разозлилась.

Меч из общежития все еще торчал. Огромный, большой, горячий, полный магии. Я его вытащила. Вытащила, уменьшила и схватилась за незримую ручку. Хотите войны? У меня есть оно вам. Но только сначала надо снять с себя это гадкое проклятье.

Невидимым мечом я махнула перед своим лицом, и зрение резко перевернулось — видимо неосознанно, срезала проклятие. Мрамор под действием песни сирены попытался схватить меня за руку, но я увернулась. Махнула еще раз своим невидимым мечом и Мрамор затряс удивленно головой. Девица тут же замолчала. Сначала я не поняла почему... а потом сообразила, что ее вполне мог взять под контроль Фрино. Поняла, и, не дожидаясь, пока Мрамор окончательно очухается, кинулась в оранжевое общежитие, неощутимым своим оружием разрубая все попадающиеся на пути проклятия.

Внутри царил полнейший разгром — я даже удивилась, что смогла что-то такое сотворить. Действительно, будто шторм прошелся. Переломанная мебель перемешалась с порванными шторами, на полу словно алмазы блестели хрусталики с люстры и осколки оконного стекла. Даже взбесившийся Мрамор, и то меньше ущерба нанес нашему общежитию в тот раз.

Нашла оранжевое пламя я далеко не сразу. Оно оказалось в напичканной проклятиями кухне. Не сказать чтобы его хорошо спрятали... скорее уж попытались получше защитить. Но с моей новой игрушкой пробраться к нему не составило труда. Я пробила сквозь проклятья, схватила его руками. Но треклятое пламя принялось вырываться. Пришлось сжать его одной рукой, другой я все еще держала меч. Поймав свою добычу, я поспешила покинуть опасное общежитие.

Магическое истощение настигло меня уже в дверях — резко, и даже болезненно. Магия просто кончилась, ни капли не осталось. Больше всего я сейчас напоминала себе чайник, в котором выкипели последние капли воды. Меч — такой удобный и такой сильный — исчез. Ну что ж... теперь остается надеяться только на собственные ноги.

И только я хотела пуститься бежать во всю прыть в сторону родного красного общежития, как на меня, шипя, кинулась девушка. Нижняя часть ее тела представляла из себя змеиный хвост — даже странно, как я раньше ее не замечала? Может, она умела в человека превращаться? Краем глаза я заметила, что за ее спиной валяется оглушенный заклинанием Мрамор. Вовремя же магия кончилась, ничего не скажешь.

Швырнуть в меня сонным заклинанием нага не успела — застыла, будто окаменев. Пошевелиться она не могла, и повалилась, словно деревянная, на землю. Я удивленно застыла... а потом, плюнув на все, припустилась бежать. Уже на полпути меня подогнал голос Текки в голове:

“Фрино без сознания, не смог столько людей одновременно контролировать. Ивона вышла тебя прикрыть. Беги быстрее, пока они не очнулись до конца и не кинулись в погоню”.

Никогда еще в жизни я так быстро не бегала. Застывшую на дороге в боевой стойке Ивону чуть с ног не сшибла.

Староста осталась ждать оранжевых. Но они даже не успели добежать и доползти до нее. Потому что я на всей скорости влетела в дверь нашего коттеджа. Оранжевое пламя, которые я все еще крепко держала, все же вырвалось и, вспыхнув, понеслось к нашему красному. Две огненных струи схлестнулись, вылетели в дверь и взорвались над крышей красного общежития веселым фейерверком. Мы победили.

Шумно отдуваясь, я сползла от усталости по дверному косяку.

— Там... — тяжело дыша, сказала я. — Фрино... и Мрамор... пострадали... немного.

Отправьте за ними... кого-нибудь...

— Молодец, — уважительно похлопал меня по плечу Рейнар. — Хорошо справилась. Не волнуйся, сейчас вы с Ивоной за ними ходим. Ничего страшного не случилось. А ты отдыхай. Заслужила!

Глава 36. Абигейл (2)

Наградой за наши старания стали баллы и торт. Первого нам от души отсыпали судьи, второе тайком испек Якоб. Почему тайком? Потому что в то время, пока он его пек, мы помогали жителям оранжевого общежития убираться. Вообще по сути это должны были делать они сами... но нас внезапно уговорил Рейнар. Мол — это же соревнования на сплочение, а не война, так что не переломимся. К тому же опыт в починке у нас имелся. Оранжевые сначала огрызались, потом поссорились друг с другом и чуть не передрались, а потом плюнули и согласились. И даже вроде сказали спасибо, хотя и не факт, что искренне.

По итогам второго тура вышли в полуфинал четыре общежития — наше красное, желтое (чему я очень порадовалась), зеленое... и неожиданно для всех голубое. С последними вышел довольно забавный казус. Три команды — синяя, голубая и зеленая — сражались за два места в полуфинале. Разумеется, все шишки достались отстающим. В голубое общежитие сначала пришли зеленые и поусыпляли там всех, но не нашли огонька. Потом пришли синие. Пока они пытались своими методами искать, их самих разграбили зеленые. Прошел час, но даже в пустом общежитии синие не смогли найти огонь. Ко всему прочему не хватало еще и одной из студенток, про которую толком никто ничего не знал. За первый дополнительный час синие заплатили половиной своих баллов, а второй брат уже не стали — просто сдались, принесли сами в голубое свой огонек. А потом оказалось, что в голубом жила невидимка, которая все это время пряталась на чердаке с флагом. Сидела она тихо, как заяц в шляпе фокусника, и откровенно говоря молилась, чтобы ее не нашли. И ей повезло. Так что очувавшееся голубое общежитие под предводительством Лейли Фиш праздновало сегодня больше всех остальных..

Когда мы, грязные как дух помоек, вернулись в красное, торт нас уже ждал. Большой такой... и непонятно на что похожий. Эдакая куча, посыпанная сверху орешками. Я даже не сразу поняла, что это торт.

— О, еда, — обрадовалась Ивона. — Вот бы нам за каждое сражение на Готреде тортик выдавали, а, Рейни?

— Потолстели бы и воевать перестали, — снисходительно подыграл ей Рейнар. — Может оно и к лучшему?

— Надо предложить такой план нашим генералам, — засмеялась староста. — Гениально же!

— Разве это торт? — с сомнением посмотрела я на съедобную гору.

— Еще какой торт, — заверил меня Якоб, вытирающий руки о свой фартук. Надо сказать что фартук у нашего куратора был самый что ни на есть мужественный — синий, клетчатый, без всяких там украшательств. — Специально для главной героини этого тура приготовил по личному рецепту. Называется Курган. Тут шарики из песочного теста, мармелад, сахарная крошка, орехи и много крема. Так что съедобно.

— А курган почему? — уточнила я.

— А потому что мармелад разных вкусов, — улыбнулся Якоб. — Будем совместными усилиями раскапывать сокровища.

— Счастливчики, — насупился Орсон, глянув на Текку. — Давай бросим их, а? Они будут есть тут такую вкусность, а мы просто сидеть и смотреть.

— Текка не считает торт вкусностью, — насупилась феечка. — Текка вообще не

понимает, зачем нужно жевать. Травяной сок вкуснее.

— Несчастные страдальцы, — прокравшись к торту, Фрино наглым образом взял ложку и отломил себе кусочек с краю. — Ничего, мне больше достанется...

— Так, а ну-ка мыться сначала, — отвесил ему подзатыльник Якоб. Правда, парень уже успел донести угощение до рта и на затрещину даже не отреагировал.

— Вы прям как моя матушка, — весело улыбнулся Орсон, за что тоже получил шутиливую затрещину от куратора.

В общем, ничего не оставалось делать, кроме как разойтись по своим комнатам. Текка убежала наверх, за ней потянулись я, Мрамор и Фрино. Однако в коридоре второго этажа, перед собственной дверью, полудракон поймал меня за руку. Фрино, увидев это, хитро мне улыбнулся и подмигнул. Ну и что это значило? Подслушивать будет? Или это было что-то вроде: “не сдавай нашу тайну”? Или “не гуляй со всякими драконами и полудраконами”? Что он в виду имел? Пока я думала об этом, парень уже открыл дверь своей комнаты и хотел нырнуть за нее, но Мрамор его остановил:

— Эй, одноглазый, тебе мне тоже есть что сказать. Подойди на пару минут.

Фрино насторожился, но остался в дверях. Привалился расслабленно к дверному косяку, руки на груди скрестил — чумазый, взъерошенный. Мрамор тяжело вздохнул а потом заявил:

— Пожалуй, я должен перед тобой извиниться, — сказал мне Мрамор.

— А я тут при чем? — фыркнул Фрино. — Мне не особенно интересно...

— Заткнись, — огрызнулся Мрамор. — До тебя еще разговор тоже дойдет.

— А почему ты извиняешься-то? — удивилась я.

— Мне стыдно, что я как упрямый осел кинулся тебя защищать вместо того, чтобы идти по общему плану, — нахмурился Мрамор, а потом перевел сердитый взгляд на Фрино. — А тебе я просто хотел сказать, что ты оказался не таким гадом, как мне казалось на первый взгляд.

— Это лучший комплимент за всю мою жизнь, — закатил глаза Фрино. — Дракон, что я тебе такого сделал, что ты начал тут выдавливать из себя комплименты?

— А ты не понял? — нахмурился Мрамор. — А ну-ка, просвети Яну, а то она не в курсе твоих подвигов.

К моему удивлению Фрино отвел глаза. Было ясно — он действительно что-то сделал, но не сознается.

— Ладно... — буркнул он. — Только это был вовсе не героический поступок, а безрассудная глупость. На самом деле мой предел — это пять человек. Марионеточная магия... скажем так, не совсем ментальная. Она подключается к нервной системе человека и влияет на нее. От этого гораздо сложнее избавиться, чем от контроля разума или простого контроля тела при помощи телекинеза. Обычно я отрубаясь, когда беру под контроль шестого. Сразу же. Я сказал об этом Текке, когда подоспела подмога, а она передала Мрамору. Скрутил одного из особенно сильных парней и сирену — побоялся, что на контроль наги уйдет слишком много сил.

— Если бы я не превратился обратно в человека, то я бы удержал нагу и оставшегося парня, — продолжил за него Мрамор, обратившись ко мне. — Но вместо этого я решил как последний идиот соорудить из себя героя. Доигрался... на меня накинули парализующую магию. Лежал там и думал, какой я дурак. Все видел и слышал. В том числе видел, как Фрино подобрал последних двух, чтобы помочь тебе.

— Ну да, подобрал, — хмыкнул парень на это. — Просто в какой-то момент ощутил, что

смогу. Там столько в воздухе магии было... да и мои умения, видимо, выросли за время в академии... понятия не имею, как у меня получилось их всемером так долго сдерживать. Наверное, просто очень нужно было. Но я поступил неправильно. Я мог бы в ту же минуту, как скрутил шестого, потерять сознание и запороть нам вообще все. Не лучшее было время для экспериментов.

— Все равно спасибо, мы бы без тебя не справились, — улыбнулась я Фрино, а потом повернулась к Мрамору. — А на тебя я не обижаюсь. Ты же как лучше хотел. Да и к тому же проклятие действительно попало мерзкое, я бы с ним далеко не ушла.

— Не заметил, чтобы у тебя были какие-то проблемы, — несмело улыбнулся Мрамор. — Как же... глупо вышло. Я пытался защищать девушку, от которой сам защититься бы не смог при самом большом желании. Те твои... не знаю, что уж ты там сделала, но я такой мощной магии в жизни не видел.

— Я могу идти? — уточнил едко Фрино. — Или вы и дальше будете заставляя меня слушать эти ваши слащавые расшаркивания? Спасибо, не надо. Я собираюсь отмыться наконец и съесть свой заслуженный кусок торта. А лучше два.

— Какой же ты все же вредный, — закатил глаза Мрамор.

— А ты что думал, что мы теперь приятели или что-то вроде того? — фыркнул Фрино. — Нет уж, уволь.

— Дался ты мне, — вздохнул устало Мрамор. — Кому нужна такая язва? Можешь катиться. Просто хотел сказать что ты не такой уж и поганец, с какой стороны не посмотри. Издалека тебя было ненавидеть гораздо легче...

Последние слова Мрамор сказал даже с каким-то облегчением. Мы с Фрино переглянулись. Я-то понимала, почему Мрамор это сейчас сказал — наверняка мои слова вспомнились о пожелании смерти и ему, возможно, даже стыдно стало. Ну или дракон просто пытался вот таким странным образом поблагодарить Фрино за мое спасение и выигрыш. Уж не знаю, до каких мыслей дошел в этот момент мой парень, но...

— Ну что ж, пожалуй мне давно стоило перед тобой извиниться, — решившись, вдруг сказал Фрино. — Скажем так... я хотел это сделать, но не знал как. Я, конечно, мог бы оправдаться, что в тот раз был не в себе. Но это не отменяет того факта что я пырнул тебя ножом. Глупо конечно извиняться за такие вещи, но... может тебя утешит то, что я сейчас совершенно не понимаю, зачем я это тогда сделал? Я вообще мало что теперь понимаю...

— Только не говори, что ты изменился, — поморщился Мрамор.

— Да нет вроде, — пожал плечами Фрино. — Не думаю. Но... ладно, шиары тут нет, так что верить или не верить мне — решай сам. Пооткровенничаю немного. Просто, когда меня притащили всего переломанного в лазарет, я был в таком шоке от произошедшего, что даже сознание потерять не мог от боли. А главное, я понятия не имел, за что мне досталось. Никто никогда мне не сопротивлялся, никто никогда не пытался дать сдачи, так что это было чем-то... скажем так, новеньким. Когда меня вылечили и пинком отправили в общежитие я заперся и довольно долго пытался понять, что же случилось. И дошел до странной мысли, что меня не только покалечить, меня убить было надо ко псам за все, что я натворил за свою короткую жизнь. Не скажу, что я искренне раскаялся... но хотя бы разобрался где право а где лево.

Мрамор от этих слов впал в глубокую задумчивость. Смерил хмурого Фрино каким-то другим взглядом, почесал подбородок. Потом дракон глянул на меня, будто прося поддержки. Я одобрительно ему улыбнулась.

— Ладно, верю, — буркнул он. — По крайней мере меня это устраивает. Тогда давай ты выполнишь одну мою просьбу и мы будем квиты.

— Валяй.

— Перестань греметь по ночам, — поморщился Мрамор. — Спать мешаешь.

— Хорошо, — криво улыбнулся Фрино и протянул дракону руку. — Больше никакого ночного шума. Я не обещаю, но очень постараюсь.

Они пожали руки и мы разошлись наконец по своим комнатам мыться. А потом пили, ели, веселились. К тортю наш куратор приложил две бутылки вина. Так что гуляло красное общежитие до самой поздней ночи, а на следующее утро мои соседи еле-еле встали на пары.

Глава 37. Яна (1)

Хоук выловил меня среди недели.

Занятия закончились, и с лекции по воздушной магии я возвращалась в компании Кальца. С нами еще хотел идти Альбо, но надолго его не хватило — упорхнул куда-то на очередном повороте.

Женишка я заметила еще издалека — стоял под фонарем у дорожки, ведущей к моему общежитию, меня, должно быть, высматривал. Сегодня он выглядел усталым. Костюм-тройка, коричневый, в едва заметную полоску, имел несколько потрепанный вид. Белая рубашка явно мятая, на жилете расстегнута пара пуговиц, полуфрак сидел чуть косо. Любимый бордовый, почти красный, шейный платок сбился. Хоук будто весь день занимался важными делами, а потом вдруг вспомнил о своей дорогой невесте и побежал к ней в чем был. Зато с букетом в руках. Это кто его интересно просветил к нашему третьему официальному свиданию, что девушкам и цветы дарить принято?

Стоило нам с Кальцем подойти поближе, как Хоук тут же оживился и одарил меня приветственным ехидным поклоном и темно-красными розами, перехваченными лентой.

— Безмерно счастлив тебя видеть, дорогая. Раз уж у нас отняли выходные, приглашаю на свидание прямо сейчас. Или у тебя уже свидание?

И он с красноречиво осмотрел моего спутника. Кальц, ничуть не растерявшись, мило ему улыбнулся.

— Мы просто шли в общежитие вместе, — закатила глаза я. Вот к кому-кому, а к Кальцу, ревновать меня точно не имеет смысла.

— Не подумайте, ничего такого, — миролюбиво улыбнулся ему Кальц. — У меня и в мыслях не было красть вашу невесту.

— Отрадно это слышать, — протянул ему руку женишок. — Уильям Хоук. А вы ведь Кальц? Приятно, наконец, познакомиться.

— Взаимно.

Они пожали руки, приводя меня в замешательство. Хоук и вдруг вежливо общается с моим соседом, да еще и мужского пола? Уму непостижимо.

— Странно, что я вас раньше не видел, — внимательно всмотрелся в него Кальц. — Вы ведь были на Плутосе — я вижу визовую отметку на вашей ауре. Мы там о каждом госте из другого мира сразу узнаем — чтобы избежать или знакомиться... и второе мне всегда нравилось больше. И как я только умудрился вас упустить? Вы давно там были? Понравилось? Или, быть может, просто собираетесь побывать?

— Уже был. И буду не раз... — как-то странно притих Хоук. Только не говорите, что он и демонов побаивается! — Работа такая. И, смею заверить, никакой неприязни к вашей расе я не испытываю. Напротив, от нашего сотрудничества у меня лишь приятные воспоминания... очень много воспоминаний.

— Раз слышать это, — Кальц лишь беззаботно улыбался.

— Надеюсь, вы не сильно огорчитесь, если я украду у вас свою невесту, — поспешил перевести тему Хоук.

Демон с сомнением глянул сначала на Хоука, потом на меня, потом на букет в моих руках.

— Без проблем. Эби, позволь тебе помочь. Не думаю, что с полной учебников сумкой и

цветами будет удобно гулять на свидании. Давай, я занесу в общежитие.

Я с благодарностью отдала ему свои вещи. Святой человек. В смысле демон.

— Хорошо повеселиться, — заговорщицки подмигнул Хоуку Кальц и, что-то насвистывая, наконец нас покинул.

Мой женишок проводил демона каким-то озадаченным взглядом. Я пощелкала пальцами перед лицом Хоука, выводя его из оцепенения.

— Может вернемся в настоящее? Билли, мне учиться надо, завтра Нинель тест по магии крови устраивает...

Хоук будто очнулся и тут же ощетинился.

— Мне не нравится, когда ты меня так зовешь, — признался он, на что я многообещающе улыбнулась.

Хоук потащил меня к площадке для телепортаций.

— Может дашь мне приодеться? — с надеждой попросила у него я. Уж больно напрягала наша разница в одежде — он хоть и потрепанный, но весь такой элегантный джентльмен, а я в вечной майке и джинсах. — И вообще, ты помнишь, что сейчас моя очередь мир выбирать.

— Ммм, дорогая, разве ты не хочешь мне сказать, что решила попроситься на Вэйдану? — ехидно уточнил Хоук.

— А у меня что, есть выбор? На Землю нельзя, на Плутос — пропуска эти нужны Кронус и так знаком. Остается из непосещенных только Вэйдана... Говорят, что там больше всего славится среди туристов из других миров столица южных земель, Благословенный Гоуд-Сва со своими волшебными храмами и ритуалами...

— А еще родина твоего врага...

— Юз мне не враг. Но все же посмотреть на город, который ее такую замечательную выродил интересно.

— Вот и отлично, там мы тебя и переоденем...

Глава 37. Яна (2)

— Это уже кое-что новенькое, — негромко прокомментировала я, когда мы переместились в другой мир.

Обычно ведь все было просто, и никому мы были не нужны, а тут — никакого свободного входа. В Гоуд-Сва — только с регистрацией. И мы с Хоуком застряли в кабинке, похожей на большую телефонную будку. Только выглядела она очень богато — сверкающие чистотой стекла, белоснежные стены с лепниной, полосы из чего-то золотого цвета обивали углы и рамы. В центре, на мозаичном полу стояла трибуна, за которой дремал высокий мужчина в черно-золотой ливрее и с такой же черной, будто выкрашенной, кожей. Увидев гостей, он всрепенулся и с отрететированной улыбкой поприветствовал нас. Внимательно рассмотрел бумажку, что ему Хоук подсунул и заставил нас поставить добрый десяток подписей. Когда с документами было покончено, мужчина дал нам по кулону — спираль, заключенная в треугольник из выкрашенного в желтый легкого металла — и выпустил, наконец, наружу с пожеланиями приятного вечера.

Оглядевшись по сторонам, я подумала, что до вечера здесь еще далеко — огромное белое солнце стояло в зените. Рекламные брошюры и путеводители по мирам не преувеличивали. Город действительно был красив.

Узкая дорога, словно зеркальная — так отполированы были черные и темно-оранжевые каменные плиты — прямой стрелой летела вверх, к холму на котором издали сверкала золотая пирамида храма. Аллею украшали пушистые узколистные пальмы и высокие кустарники с мелкими желтыми и красными цветочками.

В зелени утопали и раскинувшиеся по левую сторону особняки. Казалось их хозяева соревновались друг с другом за самую оригинальную архитектуру и экстерьер. Классические белокаменные дома с темно-красной черепицей и обилием колонн и хайтековские кубики, связанные стеклянными коридорами, объединяли лишь строгие геометрические формы и символ на фасаде, такой же, как на наших кулонах.

— Эта улица в переводе называется Путь, Ведущий к Храму, Где Хранится Божественная Суть, — просветил меня Хоук. — Здесь живут жрецы и жрицы. Чем ближе дом к храму — тем выше ранг хозяина дома. Но все они — невероятно богаты и проявляют фантазию, как могут, чтобы выделиться. Строительством некоторых домов, к слову, занимались мои люди...

— Так у тебя междумировая компания, — хмыкнула я. — А я думала, ты только на Кронусе торгуешь товарами из всего Альянса.

— В основном да, я на Кронусе просто торгую. Но филиалы моей, как ты сказала, междумировой компании есть в каждом из миров.

— Ого, — я пораженно подняла брови. А слова то он какие знает.... — И на Земле тоже есть?

— На Земле, в Англии, у меня всего лишь антикварный магазинчик для знающих людей. Там продаются товары для немногих магов того мира.

— И часто ты там бываешь? — рассеянно продолжила допытываться я.

Домами жрецов я уже вдоволь налюбовалась и теперь рассматривала другую сторону улицы — пятиэтажные здания из белого и рыжего кирпича, с плоских крыш которых тянулись странные солнечно-желтые канаты, связанные в единую сеть. На первых этажах

разместились магазинчики с открытыми витринами и кафешки под кружевными белыми навесами — и как только не пачкались? В воздухе витал сильный запах кофе, сладкой выпечки и цитруса. Из приоткрытых дверей одного из ресторанчиков доносилась музыка — кто-то играл на рояле что-то печальное и торжественное. Передразнивая эту мелодию откуда-то сверху, из окна, веселился саксофон.

И тишина. Музыка была практически единственными звуками. Город же стоял ненормально тих и безлюден. Прохожих можно было по пальцам пересчитать. Все чернокожие, в строгих костюмах и платьях или белых тогах. Столики в кафешках вроде не пустовали, но люди там сидели больно культурные и сдержанные — молча ели, вместо того чтобы разговаривать.

— Сейчас уже редко, — отвечал мне Хоук, пока я приноживалась, прислушивалась и присматривалась. — Но Землю я неплохо знаю... учился там логистике, управлению, стратегии... и в бизнес-школе. В разных странах. Где-то заочно, где-то тайком посещал лекции, а где-то... просто не совсем честно. Мне нужно было получить необходимые навыки.

И, подумав, добавил:

— Это был самый ужасный год в моей жизни.

— Представляю, — посочувствовала я. Я ведь тоже заочно училась, и несмотря на мои мечты на Земле открыть собственный бизнес, любые сумбурные лекции в университете связанные с экономикой и менеджментом вызывали у меня тоску. А Хоук явно учился по программам серьезней, чем были в захудалом провинциальном вузе. — Но как ты вообще... докатился до такого, господин великий маг?

— Вот из-за строительства и докатился, — хмыкнул он, подхватывая меня под руку. — И Кеши. Однажды, уже перед самым выпуском, мы с соседями по общежитию напились и размечтались о счастливом будущем. Моем в том числе... напридумывали, напланировали... Я тогда... был в некоторых вопросах наивен, как феечка, и крепко пообещал себе эти планы обязательно осуществить. Строительная империя на Кронусе, о небо! До сих пор не представляю, с какого радости, я был тогда так уверен, что это именно то дело, которое на Кронусе выгорит и принесет мне состояние.

— Ошибся с анализом рынка, бедный студентик, — я подбадривающее похлопала его по плечу.

Хоук вместо ехидной реплики в ответ только сильнее меня к себе прижал — аж идти стало неудобно. Но приятно. И слушать то, что он о себе рассказывает, о собственных ошибках — тоже приятно. Он ведь это сам, искренне. И законченный только вчера кулон из блэртелита на моей шее был не причем. Способность камня вызывать у собеседника эмоциональную раскрепощенность и странную болтливость мне на пользу мы с Эйнармом оставили — но только на крайний случай, функция, что включается лишь по моему желанию. А в обычном состоянии он всего лишь служил защитой от любого внешнего ментального воздействия, улавливал откровенную ложь, повышал эмпатию и помогал мне концентрироваться при колдовстве.

— Вроде того. Не разбирался ведь совсем. И торговлей по началу я хотел заниматься лишь в память о родителях... Мечта детства, знаешь ли. А потом и желание оправдать себя за воровство и мошенничество благим делом, простому народу помочь... Кеши вообще благими делами нехило мне мозги промыл за время учебы, — Хоук по-доброму усмехнулся.

Я еще раз проверила — не работает ли камушек? Что это женишок так разболтался,

даже перешел на сленг и просторечия? Но нет, камень на него не влиял. Просто видно настроение у Хоука было такое. Желание пооткровенничать читалось и на его лице, и в мимолетных, полных тревоги взглядах. Он вообще выглядел очень уставшим. Эта усталость пропитала все, от растрепанной прически до помятого костюма. И куда только делся самоуверенный гад, который мне так нравился?

Зато сегодня я уже узнала о нем, больше чем за все предыдущие недели.

— На желании людям помогать бизнес не построишь.

— Вот именно. Но денег я тоже хотел. Деньги я всегда любил. И альтруизмом долго не страдал. Кронус довольно грязный мирок, мошенники там вырастают намного лучшие, чем честные торговцы. Честные — вообще живут недолго, — Хоук скривил губы в горькой усмешке. — И даже с магией это не так просто исправить... ну, не запрещенной магией. Я вернулся на родину воодушевленный, чувствуя себя крутым всемогущим магом, да еще и с верным помощником. Новые документы, новое лицо и великие силы. Но первые полгода я просто тыкался носом, как слепой котенок туда-сюда, пытаясь организовать дело, которое там никому на хрен не нужно было. И плюнуть бы, сменить хотя бы сферу, но я же тот еще осел. И если вобью себе что-то в голову — не могу отступить. И чем больше не получается — тем больший азарт охватывает. Добиться желаемого любой ценой. Так что я бы наверняка вновь свернул на темную дорожку, и ничем хорошим бы это не закончилось, но мне повезло. Я встретил Дженни.

— Нашу Дженни? — поразила я.

— Ее, единственную и неповторимую. Не помню уже, что она на Кронусе забыла, но пусть мы в академии были знакомы только как один из многих учеников и эксцентричный преподаватель — Дженни помогла мне. В своем стиле.

— Любезно кинула в середину озера, и смотрела, как утопающий быстро учится плавать? — понимающе кивнула я.

— Вроде того, — сказал Хоук, на миг зарывшись носом в мои волосы. На это невинное действие проходящий мимо пожилой лысый джентльмен в белоснежной тоге, так контрастирующей с темной кожей, брезгливо поморщился, и мы с Хоуком дружно хихикнули.

— Это, на самом деле, долгая история...

— ... взлетов и падений...

— ... но я уяснил, главное — хочешь чего-то добиться, имей кроме желания и план. Много планов. Собирай информацию и просчитывай все варианты.

— Не похоже на Дженни.

— А это и не ее принцип, а мой... хотя не стоит недооценивать эту женщину...

— В отношении меня тоже это принцип действует? — я пытливо заглянула Хоуку в глаза. — Многовариантный план по завоеванию сердца своей невесты, где каждое наше свидание по минутам расписано, где каждая тема — заранее продумана.

— В какой-то степени, — Хоук попытался отвлечь меня поцелуем. Поцелуй я приняла, но отвлекаться не собиралась.

— И как оно, всегда гладко идет? Телепортация меня черт знает куда тоже часть плана? — я подозрительно сощурилась. Уверена была что тот случай — случайность, но уточнить еще раз не помешало бы.

— Нет. Ты же знаешь, что нет, — Хоук замотал головой. Не врал — артефакт молчал. Посмотрел на меня как-то растерянно, и схватил вдруг за плечи, мягко, но крепко, прижался

лбом к лбу, обдавая жарким дыханием. Сверху шелестели листья пальмы. — И поэтому я так тогда испугался... обратная сторона медали... План — это прекрасно, но когда все... сбивается, идет не так как надо... я паникую, как мальчишка. И сейчас...

— Что сейчас? Вроде просто идем... — Я с тревогой взглядела в его лицо, осторожно высвободилась из объятий. Щеки у меня горели, и чтобы скрыть смущение и испуг, я шутливо спросила: — Или ты о том, что твой расчетливый и безумно коварный план по покорению строптивой невесты обернулся против тебя самого...

— Я об этих проклятых небом соревнованиях! — в сердцах воскликнул Хоук, заставляя меня дернуться от неожиданности, привлекая внимания парочки прохожих. Это его мгновенно успокоило. Он провел рукой по лицу, словно стирая с него любые ненужные эмоции.

— А что с ними? — я напряглась. — Ты, будучи в судейской коллегии узнал что-то... что-то, что может быть для меня опасным?

— Я... нет, я не про... — Хоук глубоко вздохнул, собираясь мыслями и возвращая себе привычный уверенный тон: — Дело в Хранителях. Они всегда ко мне неровно дышали. Биография, знаешь ли располагает к подозрениям — вдруг да стану использовать великий дар во зло. Ярэн Корн выглядит невинным, но... Я ведь и правда замешан в делах, что Хранителям не по вкусу. И он все со своими задушевными разговорами допытывается, допытывается, допытывается — как недавний выпускник таких успехов достиг? Какие отношения нас связывают с Радой?.. И тобой тоже заинтересован, все восхищается, старый похотливый баран, моей невестой!

Я отступила на шаг и сложила руки на груди. Хоук вроде как не лгал в открытую, точно не лгал, но явно недоговаривал. А еще старательно показывал себя хуже, чем есть. Попытка сделать вид, что в первую очередь он за свою шкуру беспокоился вышла не очень убедительная.

— Ладно. Уильям Хоук, честно ответь. Если мне будет грозить опасность... или моей подруге Яне... в общем... ты ведь меня предупредишь?

— Хочу купить тебе платье, — заявил Хоук заглядывая куда-то за мою спину.

— Чт..? — обернулась я, офигев от такой резкой смены темы. За стеклянной витриной стояли женские манекены и платья на них были такие, что купить, или хотя бы примерить даже мне захотелось.

Хоук тут же открыл двери магазинчика, приглашая меня внутрь. Я сделала глубокий успокоительный вздох. Конечно, я тащилась от непредсказуемости Хоука, но не в данном случае. Он серьезно думает, что сейчас я позволю просто уйти от ответа? Променяю правду на шмотки? Ну все, теперь я от него не отстану, пока не все выпытаю.

Но стоя перед зеркалом с золоченой рамой среди обитой черным мрамором примерочной, я забыла, что хотела просто притвориться забывшей о важных вопросах блондинкой. Я всегда если и носила платья, то короткие и удобные — они мне шли, да и комфорт превыше красоты. Но на такие вот — длинные и облегающие с открытыми плечами — я всегда поглядывала, как на недосыгаемую мечту. Потому что грудь у моего родного тела для такого фасона была слишком маленькая, и вообще висели они на мне как на вешалке, превращая спортивную стройность в какую-то болезненную худобу. А вот Эби шло чертовски. Я распустила белоснежные волосы, и в этом черном платье, с лиловым кулоном под цвет глаз на груди выглядела просто...

— Я красивая? — не поворачиваясь, спросила я, сама не понимая, что желаю услышать

в ответ. Хоук в отражении зеркала оценивающе склонил голову, подошел ко мне и обнял со спины. Шепнул мне на ухо, не думая, искренне:

— Изумительная. Я сначала видел в тебе лишь красивую куклу, но внешность — это лишь иллюзия, главное, что внутри...

Я фыркнула, но почувствовала к нему благодарность — Хоук ведь действительно обделял меня комплиментами, даже язвительными, за хорошенькую, но чужую внешность. И я в который раз подумала — а не знает ли он, кто находится в теле его невесты? Имеет же с ректором какие-то тайные дела, интригующие Хранителей. Может она ему рассказала... Но рискну ли я спросить?

— Не могу понять, что ты сделала с моим подарком... — пальцы Хоука замерли в сантиметре от камня — его тянуло, но от прикосновения он благоразумно удержался. Я все смотрела в зеркало и видела — до чего мы красивой парой смотримся. И тошно от этого стало. И платью вдруг резко разонравилось — не мое это все... почти все не мое.

— Так я тебе и призналась. И это не твой подарок, а моя законная добыча.

— Я совсем не чувствую, что это артефакт, а не просто украшение.

— В этом и смысл, — я пожала плечами. И развернувшись в его объятьях, поцеловала, удивляя Хоука и возмущая безмолвных продавцов.

— Так что, обещаешь, что не позволишь причинить мне вред? Предупредишь, если будут подозрения...

— Я хочу это сделать, — едва слышно прошептал Хоук, болезненно вцепившись мне в плечи.

И опять не ответил напрямик.

Я разозлилась, хотя вида и не подала — изобразила понимающую улыбку. Ладно, пусть. Не хочет — не надо. Он мне не доверяет, и я ему тоже не собираюсь. Просто буду использовать осторожней, чем раньше.

Или вообще лучше прекратить весь этот фарс?

Хоук, словно ничего и не произошло, расплатился за платье, сказал мимоходом, что это подарок — чтобы было в чем на бал идти. Что ему сначала придется потусоваться с другими судьями и гостями, а потом перейдет полностью в мое распоряжение — и будем в тот прекрасный вечер мы танцевать до умопомрачения.

Щас, разбежался.

Но я быстро успокоилась. Мы покинули магазин и пошли по зеркальной дороге вверх, к храму. Меня так и тянуло перепрыгивать только по оранжевым или только по черным плитам, как в детстве. Кафешек становилось все меньше, а запах кофе — все сильнее. Хоук нес сверток с платьем, читал мне лекцию о Вейдане и Гоуд-Сва.

А я все думала, думала, думала о нем, о нас — как малолетка влюбленная.

Если бы я ему и правда была дорога — не скрывал бы правду.

Но...

Я же видела, чувствовала, что дорога ему. Просто есть что-то важнее. Что?... Как бы выпытать, аккуратно, ничего не разрушив. Ведь он после каждого проблеска искренности прячется за толстой стеной, за длинными колючками самоуверенности и иронии. Дикобраз он чертов, а не сокол. Или нет... Это ведь не боязнь чувств, привязанности, как у меня. Не привычка скрываться за маской, вечно притворяться и получать от этого искреннее удовольствие, как у Эйнара. Нет, чую, тут все дело в каком-то очередном плане... он ведь на это намекал, оправдывался...

От путанных мыслей меня отвлекла музыка, прозвучавшая как гром среди ясного неба. Трубы и барабаны — но не торжественный марш или что-то в этом духе. Нет, звуки были на удивление мелодичные... и гипнотические. Нарастающий ритм трубы сменило что-то более утонченное и пронзительное, с редкими каплями ударов клавиш рояля и стонами скрипки.

Глава 37. Яна (3)

Я недоуменно осмотрелась — никаких оркестров, разумеется, не было. Зато были люди. Выползали на широкую дорогу из всех щелей — домов, кафе и магазинов — как встревоженные, замороженные муравьи. Амулеты с божественным знаком на груди каждого светились золотом, как и провода, что опутывали крыши, кроны деревьев и высокие ажурные фонари на аллее. И от этих проводов и шла музыка.

А люди шли в храм. Спокойно, не толкаясь и совершенно безмолвно. Лишь тихое шуршание шагов и складок одежды — длинные струящиеся платья у женщин, строгие костюмы и мужчин. Среди чернокожих жителей города затесались и редкие туристы — и они точно так же зомбировано шли за толпой с восхищением на лице.

Как, собственно, и мы с Хоуком.

— Это еще что? — напряженно спросила я, послушно шагая со всеми. Могла бы остановиться — я вовсе не чувствовала себя загипнотизированной — но было просто любопытно.

— Полуденная месса в честь Златоликого Бога, — тихо, чтобы не привлекать внимания, сказал Хоук. Я тоже сбавила голос.

— И вера так сильна, что все бросают дела и спешат к храму? Или это какая-то магия? Знаешь ли, жутковато.

Идти становилось тяжелее — мы подымались в гору. К тому же музыка не давала сосредоточиться, а к ней еще присоединились и запахи — цитрусы, корица, ладан, мускат... это из того, что было мне знакомо. А сильнее всего — кофе. Терпкая контрастная смесь — как и музыка. Оно не должно было успокаивать, а должно было раздражать, вызывать неприятие... но затягивало, как наркотик.

— Вера и магия здесь всегда были единым целым.

— И вот этого я не понимаю... Что собой представляет этот Бог? Ведь все чудеса можно объяснить магией. И магия однозначно реальна, в отличие от этого... Златоликого.

— Богов создают не только ради того, чтобы объяснить чудо.

— Я прошу не философии, а конкретики. Ты же так любишь рассказывать легенды, — как бы я не старалась не показывать своей обиды на Хоука, тон мой был прохладным.

— Как кстати ты вспомнила о легендах... Помнишь ту сказку, которой так наслаждалась на Готреде? — он остановился. Хотел, видимо, своими шаловливыми ручонками напомнить мне, как я тогда наслаждалась. Я его опередила — первая поцеловала. Стремительно и зло, не позволяя касаться себя.

Кто-то из горожан не выдержал, бросил в нашу сторону нечто явно осуждающее на своем быстром, клокочущим языке.

— Какая ты неприличная девочка, дорогая, — тяжело дыша, сказал Хоук. Я едко усмехнулась.

— Пусть все видят, как сильна наша любовь.

Хоук промолчал. Я, прикусив губу, отвернулась. Где же твоя непробиваемая самоуверенность, женишок, вечная насмешка... Неужели все вдруг настолько стало серьезно?

— Почему нельзя просто телепортироваться к храму? — отстраненно спросила я, провожая взглядом выводок детишек в торжественных лимонно-желтых нарядах.

— Потому что запрещено. Таковы правила пребывания в Гоуд-Сва — телепортация только в специально предназначенных для этого местах.

Некоторое время мы просто шли рядом, не разговаривая и бросая друг на друга странные взгляды. Запах кофе становился все сильнее — еще немного и я его разлюблю. В музыке стали пробиваться какие-то испанско-цыганские мотивы. Оранжевые плитки под ногами исчезли, осталась лишь чисто-черная гладь...

Как бы мне снова начать получать удовольствие от бездумных поцелуев и познавательной болтовни? Приспичило тебе, Яна, понимаете ли чего-то большего...

Эйнар дать большее был готов.

Хватит этих мыслей.

— Златоликий Бог имеет какое-то отношение к феям из Эквариуса? Тоже творения магических деформаций... ну и людской фантазии? — небрежно спросила я. — Вообще-то я немного читала про эту страну — благословенный край, самый богатый и магически развитый на Вейдане. Но власть здесь — строгая теократия и все, что касается их Бога, тайна за семью печатями. Лишние знания, видимо, разрушают веру...

— Верно... Златоликий Бог из недр земных золото берет и простым людям отдает. — Хоук говорил подстраиваясь под мелодию. — Златоликий Бог светом своим солнце застит — он сильнее; жары не пускает, дарит городу благословенную прохладу и влагу.

— И что же берет он взамен?

Мы наконец вышли к храму. Дорога перетекла в огромную площадь, где в самом центре стоял — а точнее держался в воздухе — многоступенчатый храм. Все светилось — от бесчисленных золотых проводов, что спустились на землю и живыми лентами-змеями вились по черным плитам, тянулись вверх на нижнюю террасу храма-зиккурата. Или, точнее, спадали вниз, словно безвкусный новогодний “дождик” с табуретки, на которой ёлка стоит...

Картинка из детства, давнего счастливого детства, когда отец еще рядом был и мама часто улыбалась, а братья — бесячие балбесы, слишком мелкие, чтобы серьезная третъякляшка понимала, как их любит — встала перед глазами так ярко, так неожиданно, что сердце на миг защемило...

Люди — бесчисленная толпа вокруг храма — стояли прямо на этих проводах, не обращая ни на что внимания, и амулеты со спиралью на их шеях горели еще ярче.

Музыка, стучит в едином с сердцем ритмом, нарастает.

Жрицы вышли на ступени храма, разбрелись по первым трем террасам и начали танцевать. Прекрасные, черные, как крепкий кофе со сливками с золотыми крупинками — у них белые юбки из сотен длинных шифоновых лент, дребезжащие браслеты и ожерелья, кольца и серьги. Они все в масках, скрывающих левую половину лица — золотых, конечно. Длинные-длинные, до пят, волосы прикрывали обнаженную грудь, струились в белых складках ткани.

Жрицы танцевали — отрепетированно, жутковато-синхронно, и от их движений провода словно вибрировали, разгорались, а ленты юбок наливались золотым светом.

Жрицы пели песню-молитву — мне непонятную, но люди вокруг приходили в экстаз...

Хоук что-то там рассказывал.

Но я и так видела, что за магия здесь творится. Храм — что огромный артефакт, танцы — что, активируют его. Вытягивают крохи магии из мира, из людей... да, быть может, перерабатывают и отдают обратно. И вот вам богатства халявные и какие-то желания из

молитв к Златоликому Богу исполняются, должна же эта энергия куда-то тратится... чтобы можно было продолжать ее брать. Извращенный замкнутый круг. Нечто такое, глубоко неправильное, что я задрожала от отвращения. И солнечные ленты под ногами мне виделись гадкими червями, и хотелось просто броситься прочь... Я сдернула с шеи врученный местной таможенной амулет, отбросила, как ядовитого паука.

Прижалась к Хоуку.

— Что с тобой? — он встревоженно убрал прядку с моего лица. — Я думал тебе понравится... пусть есть и обратная — темная — сторона, но красивое зрелище...

Я покачала головой. Он пусть и знал, но я-то чувствовала.

Я слишком чувствовала магию. То, как покалечен этот мир. Я вспоминала страшилки Вальдора — и мне было сейчас по-настоящему страшно. Магия — чистая энергия — забиралась; магия — овеществленное намерение-желание — отдавалась. Но какая-то часть исчезала без следа.

Камень на моей груди обжигал.

И пелена вдруг спала.

От нахлынувших эмоций, от бьющих прямо в сердце образов, от развеявшегося тумана на воспоминаниях я чуть не упала наземь. Вцепилась в Хоука, как в спасительный круг, прикусила, почти до крови, язык — чтобы не завывать.

Картинки и эмоции мелькали и мелькали.

Мой дом — мой старый дом, который я давно уже домом не считала... но сердцу видней.

Разодранные у карнизов пожелтевшие обои в комнате, где прошло мое детство — папа подарил когда-то волнистого попугайчика на день рождение, вредного, глупого... я так плакала, когда он умер... сильнее, чем когда папа ушел...

Моя любимая красная кружка с отбитой ручкой — я выронила ее на пол, когда мама сказала, что никогда меня не простит — за чертов брак, за самую ненавистную ошибку...

Клематис, обвивающий решетку на балконе — крупные фиолетовые цветы, на них я смотрела, чтобы не встречаться взглядом с матерью... когда впервые, через три месяца после развода, соизволила вернуться домой и сказать, что она была права...

Лица братьев — фотографии из вконтакта... Голос мамы — уже год только из телефонной трубки...

Мы так давно не виделись, ни касались друг друга... Наша — моя — такая неправильная обида, непросиение. И я делала вид, что остался просто долг — деньги семье на жизнь и лечение... Благородная Яна. Твердила, что ради семьи — пусть и покинутой — я всегда готова на все, и так оно и было...

Только я почти на два месяца об этом позабыла. Забыла о том, как и почему мне это важно. Забыла о паре вещей, что были одними из причин моего согласия учиться в академии: стипендия, что решала все проблемы с деньгами для семьи, и желание, которое помогло бы все наладить — помириться. Такое наивное желание, что и признаваться в нем даже самой себе было стыдно.

Но я стала учиться — и все это на долгие недели стало неважным.

А теперь все старые привязанности в родном мире — вспыхнули с новой силой. Завеса вокруг академии, что — я ведь знала об этом! — приглушала связь с родным миром, чтобы студенты полностью могли погрузиться в мир магический, потеряла надо мной силу.

Я истерично рассмеялась.

Да, чувствовать — это совсем не то, что знать.

Хоук успокаивающе сжал меня в объятиях, зашептал — голос его дрожал, так же, как мое тело:

— Тихо, тихо, дорогая. Ты чего это? Давай, пойдём, отсюда, поговорим, успокоишься...

Я как заведенная качала головой.

— Просто верни меня в Академию...

Мне нужно — очень-очень-очень нужно — было увидеть родное, земное лицо.

— К Кеше... мне... живот заболел, хочу зелье какое взять, а в лазарет не хочу, там зелья ненадежные, там. говорят, целительница сомнительная, — я сама не понимал, что несу.

Конечно, Хок мне ни на миг не поверил.

От этой проклятой музыки уже тошнило! И кофе я уже реально теперь ненавижу... при чем тут вообще кофе?

Я так не хотела плакать при Хоуке.

В голове — кавардак, но в душе — все еще хуже.

— Пожалуйста, Билли...

— Не зови меня так, — прошептал он, нежно обнимая.

Телепортировал меня к воротам и сразу — же, к двери комнаты Кешы. Замер в нерешительности. Искренне беспокоился, чувствовал себя виноватым, хотя на этот раз совсем был не при чем... Это приятно согревало, но сейчас мне нужен не чужой, но такой мой жених, а старый друг.

— А за незаконную телепортацию тебе ничего не будет?

— Будет. Штраф. Надо бы пойти... заплатить сразу... иначе больше на Вейдану и не пустят.

Он не хотел уходить. Смотрел все на меня — тревожно и понимающе, вцепился в руку так отчаянно. И я мягко его оттолкнула

— Так иди... спасибо.

Спасибо, что понял и оставил меня сейчас.

Глава 37. Яна (4)

Мы с Кешей сидели на его кровати спиной к спине, закутавшись в один плед. Плед был большой, зеленый, в клетку. У Кеши в руках — бутылка пива, у меня — кружка горячего успокоительного чая. Каким же блаженством было вдыхать свежий запах мяты после сладкой терпкости Гоуд-Сва.

— Повезло, что вы с Эби телами на всех этих эмоциях не поменялись, — рассеянно сказал мне Кеша.

— Угу... — я смотрела, как плавают в янтарной жидкости чайинки. — Может просто она была спокойная... или... не знаю. Может мы уже срослись с этими чужими телами насмерть, и никакие эмоции, никакая магия не выбьет наши души прочь, не вернут на место.

Кеша болезненно пихнул меня локтем, чай только чудом не расплескался.

— Хватит себя накручивать. В любом случае — закончишь учебу и вернешься домой как ни в чем не бывало. Только уже не неудачницей без образования и работы, а супер-крутой магичкой. И даже, если так телами и не удастся обратно обменяться, сохранив магию, я для вас еще какое-нибудь зелье придумаю! Или иллюзиями замаскируетесь, если надо будет в родном облике показаться. Выходов — море, не страдай зря, подруга.

Кеша отлевитировал пустую бутылку на стол, выпутался из пледа и переполз по кровати так, чтобы уместить свою рыжую и веснушчатую голову мне на колени.

— Балбес, — я сербнула чай. — Это ведь совсем не то...

— Ты сама хоть знаешь, чего хочешь?

— Сейчас — домой хочу, ужасно, — у меня слезы на глаза навернулись. — Я понимаю, что это просто... ну, нахлынуло так. Копилось-копилось, где-то в подсознании, а теперь, как навалилось все сразу, сильнее в десять раз, и вот...

Я сделала еще один глоток — большой, обжигающий, последний.

— Не понимаю, почему на тебя вообще перестали действовать эти чары...

Я отставила пустую чашку. Погладила свой амулет, наше с Эйнармом творение, что пусть и не сразу, но помогло мне очистить разум от всяких туманов.

— А я не понимаю зачем Академии вообще эти чары — о которых, кстати, никто при поступлении не предупреждал.

— Но это и не скрывается... просто воспринимается, как норма. Если бы я начал говорить о доме и о твоей семье — ты бы все равно не прониклась. Ты бы как само собой разумеющееся приняла новость о том, что я дую твоей бедной маме голову, раз в неделю пару минут имитируя голос нелюдистой доченьки. Что высылаю ей собственные деньги — не думай, кстати, что я забуду про этот должок, Янка, проценты будут только расти.

Я фыркнула и взерошила его рыжую челку.

— Спасибо тебе, Кеш... черт, ты столько для меня сделала, а я...

— А у тебя своих проблем хватало.

— Академия далеко не самое безопасное место... очень оно опасное место и очень подозрительное. И как-то я с магией академии вечно в контрах — то эти взрывающиеся кристаллы, то, вон, завеса перестала действовать... а это только первые месяцы учебы. Мне кажется прошла целая вечность...

Я мягко выдернула колени из под Кеши, встала с кровати, бесцельно прошлась по комнате и замерла у окна — оно вело в сад, этой ночью на удивление многолюдный и

светлый от магических светлячков. Кажется группа из зеленого общежития решила повеселиться...

— Забавно... чем сильнее как маг я становлюсь — тем более беспомощной себя чувствую. Фигня какая-то.

— Это больше на ум похоже, — не вставая с кровати, сказал Кеша. — Ну, чем больше знаешь, тем больше понимаешь, сколь многого еще не знаешь

— Может, мой премудрый друг, ты еще скажешь почему меня вдруг так потянуло ко всяким лживым, самоуверенным, самовлюбленным... в общем, к козлам.

Среди “зелененьких” я заметила знакомую белобрысую макушку. Как бы там Эйнар ко мне не относился, но заигрывать с девицами не перестал. И сейчас, глядя, как он шепчет что-то на ухо русоволосой оборотнихе, я понимала, что страсть, как хочу запустить в него чем-нибудь. Поздравляю Яна, это смахивает на ревность. И к кому!? При том что сама вроде как с Хоуком... Да, докатилась.

— Тебя всегда к ним тянуло. Другое дело, что твой нынешний козел своей козлостью не скрывает, и ты не боишься разочароваться, не боишься опять влюбиться в красивую иллюзию... Постой-постой, там что было множественное число? — Кеша вскочил с кровати. — У Билли появился соперник?

Я не выдержала и рассмеялась с воодушевления на лице рыжего. С тех пор, как мы встретились в академии, я больше не ловила этих его редких тоскливых взглядов неразделенной любви — кажется, поцелуй с Эби в моем теле послужил в некотором роде терапией, вылечил от всяких глупостей. Хоть какая-то радость и облегчение. Хорошо же иметь просто лучшего друга.

— Кеша-Кеша... а где же толпы соперниц за твое сердце? — я лукаво ему улыбнулась. Беспечная болтовня с Кешей успокаивала лучше всяких чаев... это словно какая-то частичка дома. — Такой ведь парень хороший, надежный. Золото, просто, а не парень. Не все же такие, как я, любительницы всяких сомнительных.

— Сомнительные они, знаешь, какие привлекательные, — улыбнулся мне Кеша. — С ними связываются на время, купившись на творящиеся вокруг безобразия. Думают — ну вот развлекусь немного и брошу, всегда же можно получше найти. А потом привыкают и замуж идут. А я девченкам слишком серьезным кажусь. Они все думают, что если со мной хотя бы поцелуются — я их сразу под венец утащу.

— Бедолага, — я подошла к нему и сочувственно хлопнула по плечу. А ведь и правда, было в нем что-то такое, несмотря на веселый нрав, из-за чего казалось — нет, не тот это парень, с которым можно просто поиграться и расстаться. И поэтому я, как черт ладана, так все боялась его детской в меня влюбленности.

— Но неужели даже во всех семи мирах не нашлось тебе подружки?

— Да нет... есть одна, — таинственно улыбнулся этот рыжий. — Письма пишет мне красивые. Мы с ней учились вместе... да только вот фиг ее знает. Я теперь к Академии только что за ногу не прикован, а ей свобода нужна. Да и я женат на алхимии.

— А какая она, Кеш? — я подтолкнула его на кровать, что бы теперь самой уложить голову ему на колени.

— Уууууу, — возвел глаза к потолку Кеша. — Какая... хвостатая.

— Да ладно! — удивилась я. — И... какой хвост? Лисий?

— Чертячий хвост. Чертячий, Янка.

— И что, не мешает? — оскалилась я.

— Еще как мешает, — признался Кеша. — Ну хотяя... не мешает. Скорее просто странно, когда он тебе вокруг ноги обвивается. Экзотика, блинский блин. И застряла эта экзотика на Готреде, втянулась по уши в эту их войну и никак все не навоюется. Хотя, судя по письмам, ей уже начинает поднадоедать. Говорит, мол, крови много, а толку никакого — все равно, что воду дуршлагом из колодца носить. Зато практики — дофига и больше.

— Как-то не могу тебя с такой девушкой представить....

— Да мне самому не верится, что что-то у нас во время учебы получилось, и за эти годы — так и не забылось... — он задумчиво посмотрел на меня, такой милый, что я не сдержала широкой улыбки.

— На Земле мы только про мою неудавшуюся личную жизнь говорили.

— Если бы я на Земле стал описывать тебе свою студенческую любовь, то казался бы в твоих глазах...

— Психом, — я понимающе хмыкнула.

— Вот-вот... Да и неловко было бы... это ты сейчас другая, а тогда я ведь тебя...

— Заменой с тоски видел? Как-никак самое близкое существо женского пола...

— Неправда! — шутливо возмутился Кеша, но я отмахнулась.

— Да пофиг. Ты просто знай, что я буду очень-очень рада, увидеть когда-нибудь тебя счастливым рядом со своей хвостатой.

Глава 38. Абигейл

Стоя на карнизе третьего этажа, я, как могла, держалась руками за стену и благодарила небеса за отсутствие в академии сильного ветра. Благодарить, правда, нужно было скорее уж ректора и преподавателей... но не молиться же им в конце-концов!

Так. Шажок... еще шажок, и я на подоконнике следующего окна, дергаю его, чтобы открыть. Заперто. И это уже пятое. Ну ничего, хоть какое-то наверняка будет открыто. Надо только добраться. А если и не найду окно — вон она, огромная библиотечная башня со своей фигурной кладкой, по которой будет не так уж и сложно спуститься вниз.

В такую скверную ситуацию я попала, надо сказать, по вине своего любопытства и невнимательности.

Все началось неделю назад. Побывав в подвалах академии, я сообразила, что не знаю о своем новом доме ровным счетом ничего. Лезть вниз в одиночку я пока не решалась, хотя уверенности в себе после победы во втором туре у меня прибавилось. Потому для начала я решила исследовать саму академию. И сколько же я всего нашла!

Я вдоль и поперек исследовала первые два этажа. Где чей кабинет, какие аудитории открыты и пусты, а какие надежно заперты, я теперь знала на зубок. Еще я обнаружила склад, из которого нам выдали в начале учебного года все вещи. Уточнив у Якоба и получив его разрешение, я набрала оттуда себе кое-какой одежды. А в одной из десятка неприметных кладовых, оказался выход к небольшому бассейну посреди пещеры, и вода в нем удивительно красиво переливалась всеми цветами радуге при свете магических светлячков.

Еще я нашла кухню. Я-то думала вся пища готовится магией — наивная. Но у нас оказывается, имелись повара — причем непростые. У них были такие странные полупрозрачные тела, чем-то они походили на плотных, прохладных призраков. Увидев меня в дверях кухни повара изрядно удивились, а потом, поняв, что я не затеяла ничего дурного, а просто пришла посмотреть, накормили меня печеньем с чаем да еще и с собой дали. Кто они такие, я так и не допыталась. Впрочем, как и у уборщиков, которыми академия, оказывается, просто кишела. Я вечно на них натыкалась в заброшенных аудиториях, но они убегали сквозь стены, лишь завидев меня. А ведь раньше я встречала их от силы пару раз.

Исходив первые два этажа, я переместилась на третий. И вот там началось самое веселье. Здесь, оказывается, хранились артефакты, и находилось несколько лабораторий-складов-мастерских преподавателей. Один раз я чисто случайно застучала в особо захлавленной из них взлохмоченную, болтающую с самой собой Дженни. Дженни печеньем кормить меня не стала, а тут же послала в кабинет Вальдора за нужной ей литературой. Пришлось идти. Ну а сегодня я нашла лабораторию Нинель Тарман.

У грозной некромантки явно было довольно своеобразное мнение по поводу защиты своей территории. Я просто заглянула за дверь, даже заходить не стала — все же вторгаться в чужую лабораторию я не собиралась, просто проверяла что тут где. А дверь обиделась. Меня подхватило потоком воздуха и буквально втянуло в помещение. Дверь хлопнула, щелкнула и заперлась. Как бы я ее не дергала — тщетно, не поддавалась. А потом я познакомилась с местным сторожем.

Нечто, похожее на сшитую из лоскутков разноцветной шерсти собаку, вышло на меня из под стола и злобно заклокотало. У голема — а я подозревала, что это все же либо что-то мертвое, либо что-то искусственное — были длинные козыи рога и острые зубы. И пусть он

прихрамывал, пусть подволакивал задние ноги, но это не помешало ему погонять меня по тесному помещению и поугаать довольно странными звуками — то ли клокотанием, то ли бульканьем. Вредить существу мне не хотелось — все же чужая собственность, но и что делать было непонятно. В конце-концов, я додумалась открыть окно и выбраться на карниз, обещая себе сходить к преподавательнице и искренне извиниться, что забралась в лабораторию без ее ведома.

Так что теперь я болталась на стене, придумывая слова извинений и молясь небу, чтобы оно помогло мне добраться до земли целой и невредимой. И небо послало мне помощника.

Мрамора скользнул вверх с крыши красного общежития и плавно полетел в сторону башни. К моему величайшему облегчению, он меня заметил. Подлетел поближе, фыркнул, уцепился когтями за фасад и помог мне забраться себе на шею. Ну и до библиотечной башни благополучно донес.

— Что ты там делала? — перекинувшись в человека, спросил он удивленно.

— Спасалась от рогатой собаки, — удивила его я. — Всего-то.

— Как скучно я живу, — вздохнул Мрамор.

Я, боясь отповеди, вкратце рассказала ему о том, что со мной случилось. Мрамор выслушал... и к моему удивлению просто кивнул.

— Да уж, — дернул он плечами. — Не повезло. Хочешь, сходим вместе к этой Нинель? Морально тебя поддержу.

— Я сама схожу, не хочу тебя впутывать, — удивилась я. — Но спасибо за предложение. Ты... к отцу помогать?

— Нет, — таинственно улыбнулся мне Мрамор. — Кстати об этом... ты сейчас занята? Это немного неожиданно, но... Раз уж ты все равно исследуешь академию, как ты выразилась, не хочешь сходить в мою мастерскую? Я как раз туда направлялся. Мне ее не так давно отец выбил. Пойдешь со мной?

— Пойду, — одновременно и удивилась и заинтересовалась я. — А чем ты там занимаешься?

— Увидишь, — загадочно улыбнулся мне Мрамор.

Пока мы добрались до нужной комнаты я вся извелась от любопытства. Мастерская Мрамора спряталась в глубине третьего этажа — там, куда я еще не заходила — и запиралась на ключ и закливание. Отперев и то, и другое, полудракон вздохнул:

— В общем, ничего без моего разрешения не трогай, — попросил он. — Оно все очень хрупкое, так что будь осторожна. И еще — извиняюсь за беспорядок. Я не ждал гостей.

— Хорошо, — улыбнулась я.

Чуть помедлив, будто собираясь с духом, Мрамор открыл передо мной дверь, приглашая войти. Ну я и вошла.

Посреди просторной светлой комнаты с широкими подоконниками стоял стол, заваленный инструментами непонятного мне назначения. Какие-то ножницы, стеки, щипцы разных форм и размеров. Под столом притаилась огромная коробка, полная ярких стеклянных трубок. Справа у стены примостился старый, потрепанный диван. Но это было еще не все. На столе, помимо инструментов, я увидела еще и настоящие сокровища. Стеклянную, вставшую на дыбы лошадь, красивую вазу с выпуклым узором в форме роз,

блестящую всеми цветами радуги прозрачную рыбу-графин.

— Это ты все сделал? — удивилась я, подходя поближе, чтобы рассмотреть всю эту красоту.

— Ага, — плюхнулся на диван Мрамор. — И не только это. Тут было больше вчера.

К своему удивлению на краю стола я увидела две стопки бумаг. В одну были аккуратно сложены разноразмерные письма, в другую — карандашные эскизы с подписями.

— Ты их... кому-то отправляешь? — удивленно уточнила я.

— Не совсем так, — вздохнул Мрамор. — Это все отец. Я начал увлекаться стеклом еще когда мне было лет пятнадцать. Начитался про драконов с Пиниона, вот и заинтересовался. Дома, на Эквариусе, у меня не было друзей, потому я все время занимался своим маленьким хобби. Но отцу не показывал... мы с ним не очень ладили... да и сейчас не ладим. Так вот, когда мне пришло письмо из академии и я спросил, могу ли я заниматься стекольным делом и тут, он очень удивился. Посмотрел на мои работы и предложил мне немного помочь. Он отправил несколько моих поделок на всякие свободные выставки и конкурсы... кое-где они даже заняли какие-то места или были куплены.

— Ого, — поразила я, разглядывая переходы цвета в большой стеклянной рыбе. — Но я не удивлена. Они и правда потрясающие!

— Ну может... — улыбнулся мне Мрамор. — Это просто мое увлечение, я никогда не думал на нем зарабатывать или что-то вроде того. Но после всех этих выставок и конкурсов на мой адрес на Эквариусе вдруг начали приходить просьбы о заказах. Отец забирал их оттуда и привозил мне, а потом отсылал то, что получилось. И я как-то... втянулся наверное. А еще мне пришла пара писем из Пинионских мастерских с предложениями после академии перебраться к ним. Парочка из них очень заманчивые и я, наверное, на одно из них соглашусь если ничего получше не предложат. Буду строить стеклянные здания.

— Это же потрясающе! — искренне обрадовалась я за него. — Если я тоже переберусь туда — будем видеться! Я тоже хочу на Пинион. Я там была с Яной. И видела стеклянный ресторан. Поверить не могу, что ты будешь делать что-то подобное!

— Ну, вообще у меня есть несколько стеклянных макетов... — смутился Мрамор. — Но... я их никому не показывал еще даже. Мои личные наработки. Хотелось бы когда-нибудь увидеть их в полном... в полном размере. Эх, ладно. Покажу.

Он засуетился, отпер шкаф и достал из него два фанерных ящика. Достал, поставил на стол и, откинув крышку у первого, вытащил вместе с ворохом наполнителя потрясающий стеклянный замок. Поставил его передо мной и, улыбнувшись, щелкнул пальцами. В центре макета загорелся магический золотистый огонь, и я увидела все находящиеся внутри комнаты. Все лестницы, балкончики, коридоры и даже тончайшая миниатюрная мебель просматривалась сквозь стенки.

— Ничего прекраснее в жизни не видела, — покачала я головой. — Слов нет.

— Это могло бы быть гостиницей, — пояснил мне Мрамор. — На Пинионе такой стиль сейчас в моде. Он уже закончен, и я хотел послать его в ту мастерскую, из которой мне пришло приглашение. Они просили что-нибудь свое показать, и я подумал, что этот макет будет в самый раз. А вот вторая гостиница, в другом стиле...

И он достал из второго ящика еще один макет. На этот раз он был скорее похож на кучу соединенных вместе небольших кубиков. У каждого имелись свои более мутные и более прозрачные места, стены украшали узоры из разноцветного стекла. Мрамор протянул его мне:

— Этот можно и в руках подержать. Даже если уронишь — не разобьешь.

Я заглянула внутрь и улыбнулась. Внизу находился ресторан, от которого поднимались наверх четыре лестницы-колонны — каждая вела на свой этаж. Каждая жилая комната находилась в стеклянном кубике своего цвета.

— Оригинальная задумка, — возвращая ему куб, сказала я. — Похоже на тот ресторан, где я обедала.

Мрамор забрал у меня макет, неуверенно улыбнулся и зарыл его в наполнитель. Вслед за ним в свою коробку отправился и замок.

— Жаль, я раньше тебе всего этого не показывал, — пряча свои сокровища в шкаф, сказал полудракон. — Столько времени зря потратил на какие-то глупости...

— Глупости? — удивилась я. — О чем ты?

Повернувшись ко мне, Мрамор поник.

— Да просто... Просто относился к тебе действительно как очень слабой и... наверное немного наивной девушке. Не обижайся. Но чем больше смотрю на тебя, тем больше убеждаюсь — никакая тебе защита не нужна. И ты гораздо умудрее меня в некоторых вопросах. И гораздо смелее. Я ведь на самом деле трус — всего боюсь. Боюсь, что от меня отвернутся, боюсь свернуть с проторенной дорожки. Да и... не сам я, конечно, до этого дошел, помог кое-кто, но я понял, почему мы с тобой постоянно ссорились в последнее время. Не думай, что я это все вот так просто внезапно осознал... на самом деле мне на это понадобились две долгих недели.

— Прости, что не подошла к тебе раньше, — несмело начала я. — Я ведь хотела... ну... попытаться объяснить, как я до этого жила и почему мне не хочется, чтобы меня ото всего охраняли.

— Увы, я уже выпросил у Вальдора твою биографию, — потупился Мрамор. — Ну и... получается, что я старательно пытался запихнуть тебя обратно в клетку, из которой ты только-только вырвалась. Прости меня за это. Наверное, эта какая-то общедраконья придурь — мечтать о том, чтобы посадить под замок красивую девушку. Больше не буду. Потому что ты в этой клетке с ума сойдешь от скуки.

— Мрамор, — расчувствовавшись от его слов, я чуть не заплакала. Он услышал меня. Действительно услышал и постарался понять.

— Надеюсь, я не слишком достал тебя? — улыбнулся мне дакон, протянув ладонь. — Мир?

— Мир, — согласилась я, пожав его руку.

Однако, совершенно внезапно для себя вместо облегчения я испытала горечь. Наивная. Наивная Абигейл, что же ты опять делаешь? Зачем же ты опять идешь следом за теми, кто вокруг тебя, а не тянешь их в свою сторону? Ты же знаешь... где-то глубоко внутри ты знаешь, к чему идет дело. Вот сейчас он улыбнется тебе и попросит пойти с ним на бал. И что ты тогда будешь делать?

Если сейчас он попросит тебя а ты откажешь — ты это прекрасно понимала — это может убить его. Если он сейчас признается тебе в любви и ты откажешься, то это может разбить ему сердце. И что ты будешь с этим делать? Обидишь прямо сейчас этого хорошего парня, который столько тебе помогал, который так сильно тобой дорожит и который так сильно тебе доверяет? Но какие у тебя есть варианты?

— Мрамор, слушай, на самом деле у меня все еще есть что тебе сказать. Можно? Только это... возможно... будет не очень приятно слышать?

В глазах друга мелькнула и погасла искорка страха. Давай же, Эби, соберись. Ты должна это сказать.

— Ты — мой самый дорогой друг. Я не хочу терять тебя, не хочу обижать тебя и не хочу делать тебе больно. Однако я не могу промолчать. Потому пожалуйста, постарайся понять меня, как понял до этого. Больше ничего не прошу.

— Хорошо, — вздохнул парень, поджав губы.

— Я... в общем не могу пойти с тобой на бал, — опустила глаза я.

— Почему? — голос парня, казалось, ничего не выражал. — Даже как просто друг?

— Да, — кивнула я. — Даже как просто друг. А почему... ну, наверное, потому что я не пойду туда совсем. Это из-за одного человека, о котором я пока... не могу тебе рассказать. Он тоже не пойдет скорее всего, и я не могу оставить его одного, пока все будет веселиться.

— Я понимаю, — натянуто улыбнулся Мрамор. — Вы с ним пара, да?

— Вроде того, — ответила я с такой же натянутой улыбкой. — И я не могу ответить тебе взаимностью, если, конечно, мне не мерещится... прости. Если ты согласишься продолжать дружить — я буду очень счастлива. Если прогонишь — пойму.

Губы у меня предательски задрожали, и я прикусила нижнюю чтобы не тряслась. Закусила до боли, чтобы не заплакать вот прямо сейчас. Что до Мрамора — его улыбка вдруг стала очень широкой, пусть и ненастоящей. Он подошел ко мне, сгреб меня в охапку и звонко чмокнул в макушку.

— Абигейл Руоль, я хочу тебе сказать, что ты просто ужасная девушка, — сказал мне друг, хотя глаза у него тоже предательски заблестели. — Я еще даже тебе не признался, а ты мне уже отказала. Это жестоко, не находишь?

— Угу, — шмыгнув носом, согласилась я. — Но уж лучше так...

— Ну да. так действительно легче как-то, — согласился Мрамор. — Хорошо. Я тебя понял. Можешь не расстраиваться. И, раз уж ты такая ужасная и не хочешь идти со мной, то... могу ли я пригласить на бал кое-кого другого?

Мне показалось на секунду, что мир сделал стремительный кувырок через голову. Понадобилась целая минута чтобы вникнуть в смысл сказанного. Я отстранилась от него, ошарашенно заглянула в глаза. Так... что это получается? Все закончилось? Я что, свободна? Он что, меня отпустил?

— Знаешь, твои слова про друзей задели меня в тот раз, — будто извиняясь, улыбнулся мне Мрамор. — Я одиночка, я привык вечно торчать один в обществе стекляшек и собственного пламени. Думал — друзья мне не нужны. Но, скажем так, пытаюсь понять тебя, я решил с кем-нибудь еще познакомиться. Так что теперь у меня... хмн... получается четыре друга. Ты, Орсон, и еще две девушки. И одна из них, возможно, согласится принять мое приглашения.

— Я только за, — кивнула я, искренне за него образовавшись. — Познакомишь меня с ней?

— Обязательно, — улыбнулся мне Мрамор. — И вот еще... скажем так, я понимал что ты мне откажешь. Вот. Но даже при том что ты чуть облегчила этот отказ, я хочу тебе признаться. В общем...

Он тяжело вздохнул прикрыв глаза.

— Абигейл, я идиот. Я в тебя влюбился в тот же день, как встретил в библиотеке. Так что... получается... ты была моей первой любовью. Но это прошло, и от этого мне действительно легче. Да и не находишь, что влюбляться в первую же встреченную в

академии девушку было глупо? Скажем так... по-детски. Я ведь совершенно тебя не знал, считал тебя идеальной. Этаким принцессой...

Я удивленно на него уставилась.

— Прости за это, — поджал губы Мрамор. — Я вел себя глупо. Понял только когда перегорел немного, и у меня прошла любовная лихорадка. Совершенно не считался с твоим мнением и пытался подстроить тебя под собственный идеал. Я очень благодарен тебе за все, что ты для меня сделала. Благодаря тебе я перестал падать, думая о тебе, я создавал эти два макета и послал на выставки свои работы. Но это была всего лишь глупая влюбленность. А сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что не такая уж ты идеальная. Ну... по крайней мере я уже не считаю, что ты единственная в мире девушка, которая не боится меня в драконьем обличье и согласна принимать таким, какой я есть. Вот как-то так. Все еще хочешь после этого быть со моим другом?

Кажется, мне только что признались в любви а потом сразу же бросили. И это был потрясающий поступок. Его откровенность меня так поразила, что я не выдержала и обняла его снова. Обняла этого потрясающего, талантливого парня, с которым мне увы было не по пути.

— Ты самый лучший человек на свете, ты знаешь об этом? Конечно я согласна дружить! И той девушке, что идет с тобой на бал, очень-очень повезло! Знай это! И прости, что не ответила на твои чувства...

— Да все уж, забыли, — обнял меня в ответ Мрамор. — Рад, что мы все решили. Знай что ты всегда можешь на меня положиться. И приходи на бал... ну я не знаю... или вытащи этого своего загадочного парня уже, или приходи с кем-нибудь другим. Да все равно с кем. Просто приходи. Идет?

— Ничего не обещаю, — улыбнулась ему я. — Но прийти постараюсь...

Глава 39. Яна

Я ведь мастер приходит во время. Ну, когда творится самое интересное или пикантное, когда важные тайные разговоры говорятся, когда скандалы разгораются... и вот сейчас я умудрилась стать свидетелем уникальной сцены — вышедшей из себя Рады Тарвиус.

Я всего лишь пошла в лазарет. Не для себя — я-то, если бы и заболела, к Кеше бы обратилась. Просто хотела навестить Альбо, который умудрился вывалиться из окна общежития и сломать себе ногу. Дженни вчера вспомнила свое обещание погонять нас к соревнованию в боевой магии... и погоняла так, что мы не знали по каким углам от нее прятаться. Все же наша группа и классическая боевка — вещи малосовместимые. Мы с Кальцем еще ничего были. Потому что и без магии драться умели: я для души и защиты училась, а демон — из любви к искусству ради. А с остальными — беда...

Но не с Альбо. Пусть в стихийной он чистый воздушник, но с боевой это на удивление ловко комбинировал. Его скорость, проворство и непредсказуемость движений в кои-то векигодились — он оказался человеком, который дольше всех против Дженни продержался. А осознав это так обрадовался и возгордился, что долго уже не протянул — кураторша ловко сбила его с ног парализующим заклятием. Альбо тогда как раз на широкий подоконник вскарабкался. Хотел, герой этакий, вылететь на улицу, где простора для маневров больше, мило увести за собой бушующую Дженни от пострадавших нас, но не успел. Свалился. С первого этажа, но из-за невозможности двигаться — очень неудачно. Дженни потом, ругаясь без стеснения, сама его потащила лечить.

А сегодня я, как ответственная староста, пришла к пострадавшему с конспектами, гостинцами и подбадриваниями. И застала у кровати зарывшегося в подушки оборотня самых важных людей, что ныне в Академии были — Раду Тарвиус и Ярэна Корна. В углу еще Лэйли Фиш мышкой притаилась, и Вальдор, сложив руки на груди, стену подпирал. На меня внимания никто не обратил.

— Вы забываетесь, господин Корн. И определенно превышаете свои полномочия в моей Академии. Вы здесь гость, судья соревнований, а не дознаватель и тем более не палач. Не забываетесь!

Если бы ректорша ко мне с таким тоном обратилась — я бы либо от страха стала грубо и безрассудно огрызаться, либо притворилась бы немой невидимкой и постаралась слиться с воздухом. Но Ярэн Корн просто... не улыбался.

— Палачом? Вот кем вы собираетесь меня выставить перед преподавателями и студентами? Безжалостным Хранителем, что лишил бедную святую женщину работы, свободы, здоровья, и что там, жизни... Что же, ваше право, Рада. Академия ведь ваше детище — вы защищаете ее, каждого в ней, это ваш благородный долг ректора. И даже если ваш сотрудник калечит студента — ничего, ребята ведь должны сами преодолевать трудности. Саморазвитие и самопознание ваш девиз.

Для тех, кто любит, чтобы с ними нянчились, Корн складно говорил. Да и я сама считала, что за начинающими магами нужно больше присматривать, перебарщивает Рада с самостоятельностью студентов на первом курсе. Но обсуждение политики академии только прикрывает самое главное — Хранитель все же показал свое истинное лицо. Конечно наша кураторша далека от идеала, но она наша — и хорошая, черт побери. И я не выдержала:

— Дженни никого не калечила. Альбо ведь сам поскользнулся и...

— Причем тут Дженни? — искренне удивился Ярэн.

Рада посмотрела на меня так, будто пыталась взглядом телепортировать прочь, но я отступить не намеревалась. Пусть я ее и побаивалась — как всякий разумный человек — но и зла была на ректоршу. Вот за эти самые лицемерные правила академии. Саморазвитие — но цензура и умалчивание вещей действительно важных, жизненно для нас с Эби важных, например. Самопознание — но откорректированное ментальным воздействием завесы. Нам дураят мозги этими красивыми речами о великих магах, какой-то мутной философией, но должны же быть какие-то практические причины для подобной системы. Про безопасность студентов я вообще молчу — пытки, пробравшиеся демоны, взрывы... Зато живется весело — спасибо большое, будет что вспомнить... если память не сотрут из-за проваленных экзаменов или серьезных нарушений.

— Дженни девочка не без грехов в прошлом, — продолжил Ярэн, — но старается, хоть и виду не показывает. Ее страсть к выпивке и острый язык может и не лучший пример подавать, но преподаватель она отменный. А мы с госпожой Тарвиус сейчас спорим о женщине, что не просто не справляется со своими обязанностями... а намеренно калечит студентов ради своей выгоды.

— Никто не пострадал, господин Корн, — процедила сквозь зубы Рада. — Сами же говорите — я не допускаю подобного.

— Однако Терина вместо того, чтобы просто вылечить пациента — крадет его кровь, чтобы использовать как ингредиент для наркотиков.

— Так разве там не капля всего? — подал голос Альбо. Лежать неподвижно в кровати ему явно было тяжело.

— Какая разница сколько! Есть же целительская — да просто человеческая — этика.

— Это капля крови оборотня для экспериментального зелья, — холодно сказала Рада. — Обычный ингредиент, обычная практика.

— Это ваше экспериментальное зелье уже как месяц продается на Пинионе за баснословную сумму — говорят, знатные дает видения обычным людям.

— Но ведь это не запретная магий, — оторвался от стены хмурый Вальдор. По его лицу было не понять, на чьей он стороне.

— Да мне плевать на запретную магию, — Корн устало провел рукой по своей плечи. — Все мы знаем, что эти крики, будто она губит все семь миров — лишь способ удержать власть для части Хранителей. Да вот только вы всех нас под одну гребенку гребете, забыли начисто, что мы должны быть не врагами, а союзниками. И вместо того, чтобы разом избавиться от заразы, вместо помощи — только масла в огонь подливаете.

— Не забывайте, Ярэн. Здесь все же студенты...

— Да-да, и ни слова про угасающую магию и про то, что и среди злых Хранителей разлад — там, вашим языком выражаясь, и добрые имеются... Бросьте, Рада. На этот раз вы сами понимаете, что оплошали, не доглядели. Бурчите тут по инерции. Терина будет наказана. Был бы случай единичный, быть может, я бы закрыл на это глаза, я ведь и правда здесь только гость, но... Смерть Арни Торна не дает мне покоя — в его бумагах я нашел заметки о предположительном составе наркотика, что готовила ваша "целительница". Мало того — еще и опасения насчет побочных эффектов. Я подозреваю, что смерть Торна была не просто прискорбной случайностью, а убийством. Возможно — и импровизированным, Терина просто воспользовалась случаем. Мы должны это расследовать.

Рада только сильнее поджала губы, а Вальдор недоверчиво покачал головой.

— Зачем вы вообще в бумагах мертвеца рылись, господин гость? — неприязненно спросил эльф.

— Арни много лет был моим другом. И то, что вы скрыли его смерть...

— Закончим этот разговор, — отрезала Рада и повернулась ко мне. — Вам больше нечем заняться, Абигейл? Через два дня следующий тур, идите готовьтесь.

— Ааа...

— За Альбо не беспокойся, — ободряюще кивнул мне Вальдор. — Пока Терина отсутствует, всем в лазарете будет Кеша заправлять. Он уже готовит твоему другу зелье.

Бедный, бедный, бедный, Кеша... Но если эта Терина действительно такая мутная дамочка — и хорошо, что ее убрали, прав Ярэн. А то я как вспомню, что Эби здесь целую неделю лежала, а потом все эти кошмары ей снились... Мало ли как неправильно ее тут полечили.

Я не стала ерепениться и, оставив Альбо конспекты и корзинку с фруктами от Брусники и Мэта, быстренько покинула лазарет. Покинула, чтобы дожидаться, пока Рада со свитой выйдут и исчезнут с поля зрения — пешком или телепортацией — и потом вернуться обратно.

Альбо уже жадно клевал розовые виноградины, а Ярэн Корн сидел рядом на полу, прислонившись к тумбочке, и курил.

— Абигейл, — улыбнулся он мне без капли веселья. — И почему я не удивлен?

— Пассивное курение, между прочим, вредная штука, — поморщилась я от дыма — сегодня какого-то на редкость вонючего. — Это так вы за здоровье студентов переживаете?

Ярэн хохотнул, усы потер, но тушить сигарету не стал.

— Что, не можете понять, справедлив я или нет? Редкий зверь под названием “идейный и честный служака” или просто хороший лицемер?

— Я много чего понять не могу. Например, зачем рассказывать о расколе в вашей организации как бы врагам? — и присела на тумбочку у соседней кровати. — Почему судьей именно вас приставили? Неужели начальство не знало, какой вы весь такой из себя оппозиционер, портящий безупречную репутацию Хранителей? На своих же ведь гоните.

— Гоню, — согласился Ярэн, смотря на меня снизу вверх. Но не исподлобья, а открыто и прямо. — Вы просто недооцениваете нашу оппозицию — власть она все же имеет, многие сидят в Совете... Удостоиться чести стать шпионом в академии было нелегко, но начальство подозрительная смерть Анри Торна уже давно интересовала, а я его знал хорошо — удалось убедить Совет, что справлюсь.

— Вы даже не скрываете зачем тут на самом деле.

— А смысл скрывать то, что и так все знают? Сбои в работе кристаллов и соревнования лишь предлог.

— А Терина и правда Корна грохнула? — вмешался Альбо, в любопытстве склоняя голову и невинно добавил. — А слухи ходили, что это все из-за демона, что в Янке из красного сидел.

Я его чуть не прибила.

Не то, чтобы я надеялась, что Ярэн Корн до сих пор не в курсе этого интересного случая с пытками и одержимостью, но обязательно было лишний раз напоминать?! Корн казался толковым детективом. А вдруг соотнесет отдельные детали и поймет про нашу с Эби связь. Пусть он и говорил, что суть в преступлении, а не в факте запретной магии, что именно за преступление, как бы оно совершено не было, и стоит наказывать... но откуда мне знать, как

он поступит с двумя жертвами амбиций старого чокнутого демона?

— Этот ваш демон, овладевший бедной девочкой, отдельный разговор, — посерьезнел вдруг Ярэн, даже с пола поднялся, чтобы потеснить Альбо и сесть на кровать. — У меня в голове не укладывается, как за несколько недель обучения и всевидящий ректор, и все преподаватели умудрились просмотреть в студентке демона. Это же уму непостижимо! Ноофициальный отчет в штаб-квартиру Хранителей был скуп, как Рада Тарвиус на искренние улыбки.

Я, не смотря на всю напряженность ситуации, с трудом сдержала смешок от меткого сравнения.

— Ректор вроде как сама справилась, ничего страшного не случилось... Нет, Янка конечно перепугалась, и я за нее тоже — жутко это, осознавать, что какой-то безумный мужик сидит в теле моей подруги...

— Не случилось? — неожиданно прохладно переспросил Ярэн — Тому мальчику, Фрино, демон выколол глаз, и никакая магия это уже не исправит. А по наказу Рады Терина даже не позаботилась о настоящем лечении — этот искусственный глаз — просто какая-то пародия, смотреть больно! Я уже не говорю, о явной психологической травме...

Что ж они, мать твою, все будто сговорились? Моя и Эби психологическая травма никого не волнует... Жертва у нас тут оказывается Фрино!

Но Корн будто и сам понял, как мне эти слова неприятны.

— Ох, простите, Абигейл... Я слышал, что вы и сами пострадали тогда и мне очень жаль, что администрация академии допустила подобное. Но... знаете, Вейдана — не лучший из миров. Ее жители погрязли в традициях и законах, они с трудом социализируются в межмировом сообществе — у них там совершенно другой взгляд на магию. Знаете же, научиться всему с нуля всегда легче, чем переучиться. То, что для них норма — другим кажется отвратительным, извращенным, и напротив — у них наши порядки порой вызывая недоумение... Тайлин, Гоуд-Сва, Орна... Я сам родом из Орны, которая за тысячу лет осталась неизменной. И я понимаю, как Фрино Сентро было сложно принять новую жизнь. Но в мое время преподаватели — помогали. Сейчас бы это назвали психологической поддержкой, помощью в адаптации... Но Рада Тарвиус устраивает в стенах академии игру на выживание — якобы, чтобы остались только действительно достойные. Якоб Леам и Вальдор Озель ле Морта еще хоть что-то делает, но остальные следуют правилам ректора. Хотя у вас еще удивительно мирный курс, что вызывает надежды...

Ярэн замолчал, мрачный. Сигарета в его руках давно потухла, один огарок остался. Мы с Альбо, встревоженные этой речью тоже молчали.

— Десяток лет назад, — сказал Хранитель с нечитаемым выражением лица, — в академии случилась настоящая бойня. Студенты из зеленого и красного общежития что-то там не поделили. Устроили маленькое соревнование. Со счетом шесть трупов против двух победили красные. Но Рада опять все замяла. У нее тоже полно своих людей в Совете Хранителей. Как-никак — все одна большая семья.

— В смысле семья? — не поняла я.

— В прямом. Рада Тарвиус родилась еще в те времена, когда Хранители и Академия были одним целым и занимались одним делом — оберегали магию и покой семи миров. Ее род издавна входил в круг Хранителей, и от Рады ожидали того же. Я знал ее отца, благородный был человек, наставлял меня в начале моего пути. Помню, как он переживал, когда его лелеемая дочурка, такая перспективная девочка, вдруг оказалась запутана в эту

грязную историю с Вениром и запретной магией...

Имя показалось мне смутно знакомых... Черт, Венир! Тот самый парень, которого подставил Малум!

Ярэн, видимо, что-то прочитал на моем лице, оживился, чуть ли не принялся словно ищейка, напавшая на след. Так, спокойствие, только спокойствие, я невинная овечка, ничего такого не знаю, ни в чем таком не замешана...

— Слышала что-то об этом? Давние ведь времена...

— Ага. Я наткнулась на это имя, когда искала информацию о Малуме — ну, том демоне, что вселился в Эби, как нам сказала Рада.

Я рисковала, но... Ярэн Корн мог уже слышать это имя, наверняка слышал. Эйнар говорил, что видели его не раз с Орсоном, а тот мог проболтаться и о последнем слове Арни Торна, и о вызове духа старого алхимика. И чтобы вызывать меньше подозрений, лучше делать вид, что Хранителя я за врага не считаю.

— Вот как... Приятно видеть, что вы проводили собственное расследование, а не просто текли по течению. Вы сильная девушка, Абигейл, и то, как вы беспокоитесь за подругу — так трогательно.

Вроде как и лесть неприкрытая, а я все равно почувствовала удовольствие от похвальбы.

— Знаете, когда я понял, что проникший в Академию демон — это сам Малум...

Я облегченно перевела дух — значит, точно знал об этом и до моего признания.

— ...тот самый отступник, с которым водила Рада Тарвиус крепкую дружбу во время учебы, то это проникновение демона показалось еще подозрительнее. Но Рада вновь победительница и дело признано закрытым — она поймала того, кого Хранители когда-то упустили, запечатала на этот раз надежно. Так, по крайней мере утверждает она сама, но я боюсь, что...

Ярэн Корн, не договаривая, тяжело вздохнул. А Альбо Фолко, про которого я и забыла, восторженно присвистнул:

— Офигеть! — воскликнул он. — Как все запутанно.

— Зря я вам это рассказал, — покачал головой Ярэн. — Это лишь мои смутные подозрения. Возможно, наверняка даже, ошибочные... Я нередко попадаю впросак со своими теориями заговора. Ох, ребята, знали бы вы как я ненавижу эту работенку... но пока верю, что делаю нужное дело, уже который век, не могу от нее отказаться...

Возвращалась в общежитие я в задумчивости. Ярэн Корн не лгал — или с помощью магии и двусмысленностей лгал так, что мой камень на эту ложь не срабатывал.

И я совсем не знала, кому верить.

Но я знала, что буду делать в ближайшие дни. Вновь и вновь тренироваться с группой, готовясь к загадочному второму туру, изучать наших противников из зеленого, выискивать крохи информации о угасающей магии и героически корпеть над летописями, книгами и газетами с историей академии. Хочу знать ее тайны.

Глава 40. Абигейл

Задание полуфинала вновь до последнего держалось в секрете. На этот раз нашими противниками должны были стать студенты из голубого общежития. Отстающие, как их все называли. Что ж, я честно пыталась принять участие в разведке, но... куда мне тягаться с Мрамором, Фрино и Ивоной? Первый через отца имел доступ к личным делам студентов, второй знал почти весь наш курс поименно и еще до соревнований интересовался тем, кто в какой магии преуспевает, а последняя, как она сама говорила, просто умела слушать. Таким образом я, Орсон, Текка и Рейнар просто мирно учились всю неделю и горя не знали.

Перед выходным же, вечером, учтя суматоху прошлого тура, Ивона собрала нас в гостиной, чтобы рассказать о результатах разведки.

— В общем, все плохо у них там, — вздохнула она, когда мы расселись на скрученном кольцом диване. На этот раз скрутил его Рейнар, научившийся этому приему у Якоба.

— В каком смысле плохо? — уточнила я опасливо. — С ними будет сложнее чем с оранжевыми?

— Да на первый взгляд — мы их как котят слепых уделаем, — хмыкнул Фрино.

— Нельзя недооценивать противника, — проворчал Мрамор. — Но хочу признать, что у них действительно не все хорошо. Всего трое парней, четверо девчонок. Первый парень — староста с Земли, какой-то зачуханный, который вообще в магию до сих пор толком не верит и думает, что с ума сошел. Второй с Готреда — контуженный. Третий из какого-то пинионского дикого племени лесного, разговаривает-то еле-еле.

— Девушки не лучше, — поддержала его Ивона в таком же ключе. — Ну невидимка у них есть там, да. Но с ней вообще все странно...

— А что с ней странного? — удивился Мрамор, а потом, вздохнув, признался. — Ладно уж... на самом деле я с ней знаком. Она со второго яруса Эквариуса, из садов Эллиума. Невидимки — народец полувывмерший, скрытный. Я о них раньше слышал только мельком и думал, что они — сказка. Она... ну скажем так, совсем невидимая. Всегда. Только в зеркалах и воде отражается. Так что думаю имеет смысл этими самыми зеркалами запастись. Все что находится с ней в контакте дольше десяти секунд тоже становится невидимым — одежда там, личные вещи. Ну или человек, если она его за руку подержит.

— Вот это хорошая информация! — обрадовалась Ивона. — А то я сколько про ее расу не искала — ничего толком не нашла. Только все равно драться она не умеет, да и с магией у нее слабо. Как и у остальных трех девушек. Одна феечка без крылышек, которой всего-то восемь лет. Вторая — иртенша... ну русалка в общем, которая еле-еле дышит здесь на поверхности. И третья — вэйданская рабыня, которая никак не привыкнет к тому, что она теперь никому не принадлежит.

— Вот мне интересно, — зыркнул Фрино на Текку, — тебя к нам поселили потому что у них в голубом место закончилось или как?

— Брусника тоже удивлялась, почему Текку сюда поселили, — надулась наша зеленая соседка. — Но Якоб сказал, что ошибки нет. Потому что Текка — революно настроенная личность. Он так сказал.

— Революно? — не понял Фрино.

— Революционно, — нахмурился Рейнар. — Мне он то же самое сказал, когда я спрашивал, почему нас с Ивоной сюда поселили. Сказал, что красный — не только цвет

опасности и крови, но еще и цвет революции и ярости. Говорят, выходцы из нашего общежития довольно часто что-то меняют, возвращаясь в свой мир. Или привносят новое. К тому же распределение производится магией, которая никогда не ошибается и находит порой в человеке то, о чем даже сам человек не знает.

От этих слов Фрино почему-то крепко задумался, а я вслед за ним. К опасным студентам меня не причислишь — ну да, силы большие, но я вполне из контролирую, и спонтанно, как у Орсона или Мрамора, она не срабатывают. Революцию на Кронусе меня тоже устроить не тянет. Да я вообще мечтала туда больше никогда не возвратиться, если уж честно. Иногда у меня возникал вопрос — что я вообще здесь делаю?

И тут, отвлекая нас от размышлений, входная дверь хлопнула. На пороге показался Якоб — взлохмоченный, запыхавшийся, злой. На плечах у него воротником растянулся черный кот, глаза которого в полутьме ярко горели. Кот, кажется, тоже был зол.

— А ну встали все живо! — скомандовал наш куратор.

Мы вскочили. Видеть Якоба злым нам еще не приходилось, и это пугало.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила Ивона.

— Громы и молнии на голову умникам, которые придумали этот проклятый небом турнир! — выругался в сердцах Якоб, и я по достоинству оценила красочность ругательств с Кронуса. — Чтобы им солнце больше не светило, гадам поганым! Эти заразы задание для полуфинала. И, даже если меня выгонят из академии, я просто обязан вам помочь. Иначе травмами дело не ограничится. Фрино.

— Д... да? — ошарашенно откликнулся парень.

— Будешь их учить, — ткнул Якоб в нас пальцем. — Рассказать вам, что эти мрази придумали я не могу, а вот сказать, как выпутаться из этой передраги — могу.

— Что делать нужно? — растерялся Фрино.

— Обычную ментальную знаешь? — уточнил Якоб, а потом махнул рукой. — Да знаешь, что я спрашиваю. Скрути их всех на часок-другой, подними всю муть со дна и пускай учатся выпутываться...

— Это еще зачем? — нахмурился Мрамор.

— А ты, умник, молчи и делай что говорят, — подошел и дал ему подзатыльник Якоб. — И так тут работой из-за вас рискую. Вы мне еще потом спасибо скажете.

— Что значит “поднять муть со дна”? — опасливо уточнила я.

— Плохие воспоминания, — глухо ответил Фрино, стараясь на меня не смотреть. — Не понимаю, зачем, но сделать могу. Только предупреждаю, приятного мало.

— И тебе они потом спасибо скажут, — заверил его Якоб. — Давай, парень, я на тебя действительно рассчитываю. Скрути их даже если они будут брыкаться. Уж у тебя-то, надеюсь, хватит на это силы воли.

— Как скажете, — равнодушно пожал плечами Фрино. — Что ж, я заранее извиняюсь. Начнем с пяти минут...

И, почти сразу же меня накрыло какой-то непонятной волной. В глазах потемнело, дышать стало тяжело. Сначала мне показалось, что над нами погасла лампа... но потом поняла, что не в этом деле. Я не могла пошевелиться, даже пальцем двинуть. Такое знакомое, неприятное чувство. Почти то же самое, что сделал со мной Фрино в тот день, когда вырвался на свободу Малум. А потом я поняла, почему Якоб назвал эту неприятную практику “поднять муть со дна”. С моего личного дна, в которое оседало все, о чем я предпочитала не вспоминать, действительно нечто поднялось.

Воспоминание.

Самое мерзкое воспоминание из всех, о котором я благополучно забыла.

Как я вообще могла о нем забыть?

Сад. Дыра в заборе за розовым кустом. На голых руках царапины. Я маленькая, мне пять лет. Улица оживленная. Я — первооткрыватель. Я — исследователь. Я смелая, я сильная, мне не нужны няньки. Девочка-девочка, почему ты одна? Человек в красном. Смотрю на него, а он улыбается — совсем как папа, и усы такие же.

Нет... я не хочу это помнить... не хочу...

Вынырнув на секунду, дернувшись в магической паутинке, что сплел Фрино, я услышала чей-то душераздирающий вой. А потом воспоминания снова поднялись из темноты. Я сижу в темной камере. Уже я, не Малум. И плачу, плачу, плачу. За дверью ругаются мать и отец. Запереть! Посадить под замок! Позор! Нонсенс! Никто не должен об этом знать!

Забыв о том, что не могла пошевелиться, зажимаю руками лицо.

— Яна... Яна? — голос, но не снаружи а где-то внутри. — Распутывай, Яна. Ты видишь нити? У тебя есть нож, Янка. Я видел, как ты им орудовала.

Голос такой знакомый, но чей?

— Выродок, перестань вопить. Оперным певцом подрабатывать не думал? Давай, дракон, где твои выдающиеся способности к поджиганию магии?

Точно знакомый голос. Мужской. Приятный.

— Рейнар, что за позорище? Парень, твоя защита была просто непрошибаемой, что же ты сейчас ее не поставишь. Как ты собираешься воевать если тебя скрутили таким ерундовым приемом?

Но в камере никого нет. Откуда этот голос идет? Это с улицы?

— Орсон, чуть получше... ты почти меня сделал. Давай, выкини эту девку в красном платье из головы.

Красное, красное... красный камзол. Почему этот человек был в красном? Кем он был?

— Ивона, хватит жаться к Рейнару, он тебе не спасет. Да-да, тут каждый сам за себя. В войне против собственной головы никто не помощник. Давай, у тебя же есть шипы. Так что же ты их не применяешь?

И тут до меня дошло. Фрино. Магия. Мне не пять лет, не пять, я не маленькая, я не в камере... Я потянулась внутрь себя, за магией, которая остыла и замерла вместе со мной. Нож. Меч. Мне нужен меч, чтобы срезать эти гадкие нити, которые обмотались вокруг меня. Эту паутину...

Но стоило мне дотянуться до магии, как память подбросила новое воспоминание.

Я иду. Мне снова пять. В одной моей руке леденец на палочке, в другой — шершавая рука. Я поднимаю взгляд. Человек улыбается в усы. Он сказал мне, что отведет меня в чудесное место. Красный человек...

Внезапно видение рассеивается и магия отпускает. Слезы катятся по щекам, тошнит страшно. Сверху лампочка мигает — видимо у кого-то сдали нервы и магия сбоит.

— Нда... — вздохнул Якоб. — Хотя все гораздо лучше чем я думал. Или ты, Фрино, обездвижил их чтобы они не метались?

— Обездвижил, — глухо сказал Фрино. — Иначе Мрамор бы здесь уже все разнес.

Осмотревшись, я увидела своих соседей. Мрамор стыдливо отворачивался у Ивоны глаза от слез были красные. Даже Текка, и та казалась подавленной. Фрино же сидел, обняв закинутае на диван ноги и, положив голову на колени, тоскливо на нас смотрел.

— Подонок, — буркнул Мрамор. — Беру свои слова обратно.

— Отстань, — огрызнулся Фрино. — Самому тошно...

— Пять минут перерыв, а потом заново, — махнул на нас рукой Якоб. — Фрино, гоняй их нещадно. А вы вместо того, чтобы сопли на кулак наматывать, подумали бы лучше как вам выпутаться. Советовать ничего не буду, у каждого к ментальной защите свой подход, его искать надо. И старайтесь, а не злитесь на парня. А то справилась одна только Текка, не смотря на то, что Фрино вам даже подсказывал. Стыд и позор...

Глава 41. Яна (1)

Перед соревнованиями, рано утром, нашу группу и группу зеленого общежития собрали в большом зале для практик по некромантии.

Это сразу же вызвало у меня здравые опасения. Каким может быть задание в комнате, в центре которой находится огороженная решетками площадка — просторная клетка, в которой обычно Нинель Тарман демонстрировала нам какой милой может быть нежить? Вариант “безопасным” исключился сразу, все это понимали. Только Мэт из нашей группы воодушевился — знакомой обстановке радовался.

Судьи сидели за партами у стены как прилежные ученики. Остальные преподаватели тоже тут были. Дженни с Вальдором о чем-то спорила, Якоб задумчиво тер уже отросшие усы, Нинель Тарман что-то уточняла у ректора... А вот Хоук пристально смотрел на меня даже не скрывая тревоги. И Кеша нервно ерошил волосы, так что я забеспокоилась еще сильнее — что же нам приготовили?

С ответом на этот вопрос тянуть решили до последнего. После краткой приветственной речи Рада сказала, что каждой группе нужно выбрать одного представителя. И все. Никаких уточнений зачем, по каким критериям отбирать — кого не жалко или наоборот самого сильного?

Скучковавшись мы некоторое время молчали, прислушиваясь, как друг друга посылают зеленые — до тех пор, пока кто-то из них не додумался накинуть заглушающий полог. Вздохнув, я сделала то же самое.

— Ну так, есть добровольцы? — спросила я.

— Как можно что-то решать в таких условиях? — Эйнару сегодня шутить не хотелось. — Я люблю четкие правила...

Мой камень привычно нагрелся, но я и так знала, что это ложь. Эйнару куда интересней игра без правил. Но в данном случае их отсутствие выводило из себя.

— Они просто решили заодно испытать нас как предсказателей, — пробубнила себе под нос Брусника. — Хотя я согласна с Эйнаром...

— Я пойду, — решительно сказала Юз с видом столь самоотверженным, что аж захлопать захотелось такому героизму.

— А если оставшимся придется сражаться? Альбо, может, и ловко натренировался, но твое разрушительное пламя пригодилось бы, — возразил ей Мэт. — Лучше я пойду. То, что мы в зале некромантии, явно какой-то знак.

— Лучше я! — подскочил стоящий рядом Альбо. — Я драться могу, и если что сбежать. Превращусь и сквозь прутья протиснусь.

— О, Альбо, но клетка может быть и магическая, — снисходительно просветил его Эйнар, и добавил: — Я — не пойду. Мне страшно. Не хочу.

Вообщем-то Эйнару действительно было страшно, но он хотел — я удивилась такому противоречию... Черт, Яна, хватит анализировать этого парня, другого времени найти не могла? Есть дела поважнее.

— Хорошо, что хоть кто-то не доброволец, бесстрашные вы мои. Понимаю, хочется получить шанс выделиться, пригодится в жизни, но будем мыслить рационально... — я устало потерла переносицу и неожиданно даже для самой себя твердо решила. — Пойду я.

— И где тут рациональность? — полубопытствовал Кальц.

— Эби лучше всех чары разрушает, и телепортироваться может, и менталистка, и биться умеет, — высказала все невысказанные мной аргументы Брусника и одобрительно улыбнулась.

— Еще она — наша староста, — напомнил Эйнар. — А наша прекрасная староста со всем справится.

— Не думаю, что это верный выбор, — Юз все же возразила.

— Спорить уже нет времени, — спокойно глядя ей в глаза ответила я. — Но я могу, если что, рассчитывать на твою защиту?

— Я не собираюсь подводить группу.

— Я тоже. Особенно, когда победа у нас почти в кармане.

— Сбавьте пафос, милые дамы, — Кальц сгреб нас обоих в объятия, а потом подтолкнул меня вперед. — К тому же пора... Удачи, Абигейл.

Рада Тарвиус действительно уже потребовала представителям групп подойти к ней. От наших соперников выступила розоволосая девица с бритым виском — вся в татуировках и с тяжелыми серьгами в ушах. Лея Тиз, наемница с Пиниона, неплохой боевик и предсказатель — редкое сочетание. Я поспешила к ней присоединиться.

Ректорша дала нам обоим по браслету — простой плоский ободок из незнакомого красного материала, отдаленно напоминающего пластик. Свой мне сразу же захотелось отбросить прочь, как большую-большую гадость. Но это только у меня такая реакция была, Лея уже безропотно одела украшение-артефакт на запястье. Скрепя сердца я сделал то же самое.

И сразу же поняла, что вновь лишилась всего.

Кода-то, вернувшись в родное тело после свидания на Эквариусе, я даже не осознала, что потеряла свои магические силы — поняла это только когда решила поэкспериментировать. Но теперь все изменилось. Теперь я постоянно чувствовала магию, она действительно стала частью меня. И этот браслет ее заблокировал. Я знала, что магия есть, пыталась дотянуться — но это было равно как воздух руками ловить.

Я запаниковала, задрожала. Захотелось стянуть этот чертов браслет и убежать прочь... но вдруг панику сменил покой. Не мой, а от одноклассников — успокаивающая волна. Те браслетики, сделанные для показательного тура, чтобы магию друг друга чувствовать и эмоции разбирать, мы так и носили. Обычно просто как украшения, активировать их мог только Эйнар — он их мастерил, и на нем вся система была завязана. Сейчас, видимо, парень решил проверить, как я, и понял, что магии у меня нет — и они все шестеро дружно сосредоточились на моральной поддержке. Конечно, никому ведь не хотелось проигрывать, потому что я вдруг испугалась... Ну да ладно. Главное — помогло. Я сумела взять себя в руки. Чтобы нам не подготовили — справлюсь и без магии.

Пока Рада занималась нами, Якоб и Фелиция Вон, занялись пространством. Зал увеличился и клетка растянулась. Посреди нее появился деревянный столик-подставка на одной ножке, на котором стояла внушительная шкатулка с торчащим ключиком.

А еще в клетку переместили и мою группу, и зеленых. Слева и справа от входа невысокой решеткой, где-то по пояс, отгородили небольшие “загоны” — с одной стороны теснились мои товарищи, сосредоточенные и напряженные, а с другой — дерганно топталась пятерка соперников. Когда мы узнали, что в этом туре против нас будет сражаться группа из зеленого общежития, я подумала, что даже от самых плохих вещей может быть польза. Ведь туда входил один из исключенных придурков, пособников Фрин. И теперь нам

легче — меньше врагов.

— И что теперь делать? — грубовато спросила Раду Лия.

Вместо ответа ректор жестом пригласила нас в клетку и отошла к другим судьям.

Вслед за нами сразу же вошла Нинель Тарман. Зеленые, увидев, свою кураторшу чуть приободрились, наши — скисли.

— Правила просты, — сказала Нинель. — Ваша задача либо выйти из клетки — дверь будет любезно открыта, либо заставить соперника коснуться этого милого существа, — она ткнула пальцем в шкатулку.

— Какое еще существо? — подозрительно спросила я. — Не похоже, чтобы там кто-то сидел.

— Тем не менее, — подняла брови Нинель. — Не все живое, что движется, и не все недвижимое — неживое. Ваши соседи будут помогать вам магией издалека. И да — тому, кто справится с этим существом я обещаю автомат по некромантии.

— Начинаем на счет три, — скомандовала Рада. — Раз...

Нинель подошла к шкатулке, завела ее, треща механизмами, и торопливо вышла из клетки, прикрыв но не заперев дверь. Мы с Леей проводили ее удивленными взглядами.

— Два...

Шкатулка приятно заиграла. Ее крышка медленно-медленно, как во сне, открылась, и из нее начало что-то высовываться. Я невольно отпрянула. Жуть. Рука. Не знаю уж человеческая или нет, но похожа. Белая кожа вся в черных венках, и ногти тоже черные — длинные, прямые, заостренные. Высунувшись по локоть, она сжалась в кулак, а потом вытянула вверх, к потолку, указательный палец. И начала раскачиваться, будто обводя ногтем круги. За пальцем в воздухе оставался темный, размытый след, похожий на дым.

— Три...

Звуки все исчезли...

... и нас накрыло ментальной волной.

Глава 41. Яна (2)

Атака была сильна. Как удар по застоявшейся воде она взметнула на поверхность всю грязь со дна. В глазах потемнело, и дышать стало тяжело...

Я не видела ничего, лишь ощущения — давили, лишь слова — глушили, старые забытые мысли — разъедали.

...крепкое-крепкое объятье. Мы же лучшие подруги. Мы все тут друзья. Так поможешь? Смех, смех, смех, счастливый... злой. Она сама раздвинула ноги, дура наивная, надоела, как же ты меня достала, ты же обещала, что моей будешь всегда, в чем проблема, больно, больно, больно, плечо, нога, душа, мне тоже, сама виновата, сама, поверила, ошиблась, ошиблась, дура, ненавижу, ничтожество, слабачка, слабачка, слабачка...

Картинки из прошлого, как в тумане.

Спина незнакомца на моей постели. Он спит, он пьян и мерзок, он полностью одет, лишь припущены штаны... Меня тошнит прямо на пол. Фрай скулит в ванной — я запираю его, прежде чем притащить мужчину к себе в дом. Что я творю?

Дешевый отель. Другая спина — голая, с татуировкой-черепом между лопаток. Этот череп скалится, насмехается надо мной. Отвратительный запах дешевых сигарет. Эти отношения — тоже та еще дешевка.

Сколько их было? Сколько, сколько, сколько? Посчитать... но не могу вспомнить, они будто слились в одного мужчину, у которого нет лица — лишь спина. Может, потому что лица, как и чувства были не важны, и я старалась их не запоминать? Зачем я это делала?

Точнее... из-за кого?

Красивое лицо Макса надо мной, он целует так нежно, в его руках букет белых роз, их запах пьянит... Я все, все-все, ему отдать готова. Я верю, что наша любовь сильнее всего.

Унизительная ошибка.

Камень на моей груди обжег меня так, что я не сдержала сдавленного стона. Видение размылось и чувства притупились... это всего лишь глупые воспоминания... Слишком много чертовых воспоминаний навалилось на меня за последние дни!

Злость совсем разум прояснила. На фоне, как шум телевизора, все еще мелькали полузабытые образы прошлого, самые гадкие — моя наивность, унижение. слабость... Пусть мелькают, но я уже была способна отрешиться и осознать, что стою на коленях в клетке, поверженная ментальной атакой той твари из шкатулки. Я как зверь в зоопарке — смотрят на меня все сквозь прутья. Бесит.

Подниматься и выходить я не спешила. Лея Тиз, обхватив голову руками, сидела на полу и раскачивалась как болванчик — вперед-назад, вперед-назад.

Меня сейчас спасло то, о чем я не хотела распространяться. Терять преимущество в виде артефакта, который не распознать, я не собиралась — не в этой проклятой академии, где все лгут, притворяются и насилуют мозг в прямом и переносном смысле.

И я притворилась, что мучаюсь от воздействия ментальной магии, прислушиваясь через браслет к эмоциям моей группы. Они тоже страдали, Кальц еще держался, защищал свой разум, и у Эйнара был спасительный — но не настолько, как мой, конечно — артефакт, а остальные...

Отголоски чужих воспоминаний заполнили мой разум. Калейдоскоп образов и чувств.

Дверь, за которой пылает пламя. Любовь и вера в бесчисленных глазах. Руки с темной

кожей, тянущиеся в молитвенном жесте, мечтающие, но несмеющие прикоснуться. Ее ноги танцуют, тело знает, что делать, а внутри — лишь боль. Отчаянье и безнадежность.

Трупная гниль, пропитавшая грязную лачугу. Заплесневелый, почерневший хлеб в руках и мутная вода в стакане. Все живое рядом с ним становится мертвым, он чудовище, и надежды, что эти силы могут, не только уничтожать, могут кому-то помочь — тщетны. Он даже себя не может спасти. Голод и жара.

Одинокое красное перо на серой гравейке — все что осталось от самого родного существа. Мама права была, мама всегда права. Чей-то смех — насмешка над глупой старухой. Приторные соблезнования людей в белых плащах. Ненависть и грусть.

Два тела на погребальном костре — человек и эльфийка. Лес и дым — похороны на которые никто не пришел. На пухлых детских руках копоть, в пальце заноза. Между деревьями — трехметровый женский силуэт с огромным животом. Ближе не подходит. Ждет. То ли когда догорит костер, то ли когда высохнут слезы.

Треснувшая алая бусина падает на пол. Все кончено — он свободен, но никакого облегчения. Жаркий шепот одержимого, он сводит с ума, извращает все вокруг. Лживые защитные объятья. Окровавленная черная собака в руках...

Фрай! Нет, конечно нет... просто то же окрас... просто у Эйнара тоже была когда-то черная собака. Я вынырнула из чужих воспоминаний с безумно колотящимся сердцем и слезами на глазах..

Что же, теперь моя очередь успокаивать. К счастью, чтобы транслировать свои эмоции мне магия не нужна была, хватило и магического позволения Эйнара — я почувствовала его облегчение.

Первым по-настоящему пришел в себя Кальц — и времени он зря не терял. Воздушной волной попытался подпихнуть мою соперницу, сидящую все еще в неадеквате, прямо к шкатулке с жуткой рукой... А я в ту сторону даже посматривать тайком боялась, вдруг опять нахлынет, и блэртелит не спасет.

Увы, кто-то из зеленого тоже очухался, перебил заклинание Кальца и несчастная Лея плюхнулась на пол у самого столика. Ударилась головой, пришла в себя на время и с безумными глазами бросилась к дверям. На полпути встала и вновь со стоном упала, поползла на коленях. От этого зрелища мне стало гадко... и страшно.

Я бы могла бы просто ее опередить, первой выскочить из клетки — и все закончится.

Но можно было устроить более красивую победу.

Эй, ребятки, вы ведь тоже это видите? Также этого хотите.

Азарт — один на семерых — защекотал нервы. Ментальная магия существа из шкатулки продолжала давить — сквозь защиту моего артефакта, сквозь чары Кальца, которыми он пытался защитить и себя и остальных. Действовать надо было быстро.

Огненное кольцо от Юз, окружившее Лею, было почти сразу же потушено водой соперников. А в меня полетел огромный тесак. Я успела увидеть только блеск лезвия, и свалиться от испуга на спину, забыв, что должна быть не в состоянии реагировать на окружающий мир... Оружие замерло в паре сантиметре от моего носа, развернулось, отлетело в сторону и со звоном ударилось о прутья клетки. Альбо — спаситель мой ненаглядный, спасибочки тебе большое — постарался! А зеленых за опасные для здоровья шуточки дисквалифицировать надо... Я краем глаза вижу, как за прутьями Вальдор что-то вдохновенно Раде доказывает. Нинель Тарман кривит губы, боязливо качает головой Дженни. Так воспользуюсь случаем — сделаю вид, что опасность привела меня в чувства. Я

попятилась к двери.

Лея с рычанием бросилась в мою сторону — чтобы не пробудило в ней ментальная атака, оно делало девушку совершенно чокнутой и опасной. Они все там в зеленом одурели — вот что значит темное прошлое. И те, что более-менее осознавали настоящее, пытались напасть на меня магией. А мои — пытались защитить.

Драться я умела, да, но я была любителем, а Лея — профессионалом в режиме берсерка. От первого удара я еще увернулась, а потом получила кулаком под дых, согнулась, судорожно открывая рот. Упала от удара в челюсть, выругалась, скорчившись от боли. Да она совсем ненормальная! Я была уже повержена, но Лея, вместо того чтобы бежать к двери, решила добавить мне ногой в бок.

Макс тоже так любил делать.

Я перенеслась на миг в один из тех чертовых дней, когда он доказывал, какой он сильный, какая я слабая и беспомощная... я лежала на кухне, на холодной плитке, из духовки воняло гарью, Фрай заливался лаем из другой комнаты, грязь с ботинок Макса испортила мою светлую майку... я тогда могла лишь беззвучно плакать. Если посмела бы вслух — было бы еще больнее... Но сейчас амулет горел, выжигая туман воспоминаний, а я уже давно научилась быть не беспомощной в таких простых случаях.

Лея не ожидала сопротивления — резко, со всей силы, я ударила ее ногой в голень. Слабее, чем могла бы в своем родном теле, но она все равно не удержала равновесия. А я, прикусив язык, болезненно сопя, и, хромая, побежала к выходу. На этот раз в меня полетел один-единственный огненный шар, ловко отбитый Юз — только жаром спино обдало. У самой двери я замерла и обернулась.

Брусника сообразила, что в этой клетке не только железо и камень есть, дерево тоже имеется — столик со шкапулкой. От его ножек отросли корни, поползли быстро-быстро к Лее, обхватили ее за ноги и безжалостно потащили к монстру.

Вместо того, чтобы защищать свою одноклассницу или помогать замученным ментальной магией товарищам, переборовшие чары монстра зеленые сосредоточились на нападение на меня.

Оборотень-кот Ганс, будучи мастером в материализации и магии земли, вздыбил каменную плитку на полу и принялся лепить голема... Глупо — слишком долго и ненадежно. Особенно при том, что у нас есть Мэт, владеющий магией смерти и крови. Я просто плюнула на приобретающие антропоморфную форму камни — ну, с кровью, плюнула, этим меня Лея обеспечила. А эльф воспользовался этим — перехватил контроль. Голем, полукаменный-полумертвоживой, побежал помогать Бруснике обеспечивать встречу Леи с монстром. Остальные держали защиту не позволяя меня покалечить еще сильнее — и чувствовать это было как-то так... приятно.

В миг, когда отчаянно сопротивляющуюся Лею Тиз заставили прикоснуться к руке, я вышла из клетки.

И чуть не оглохла от ликующего крика Дженни, вскочившей со стула.

— О, да детка! — она пихнула стоящего рядом Вальдора в плече. — Наконец-то, впервые за все эти долбанные турниры, что на моем веку были, мои ребятки в финал пробилась.

— Держите себя в руках, Дженнифер, — укорила ее Рада и разразилась пространственной речью с поздравлениями таких талантливых нас и сетованиями по поводу агрессии и неразумности зеленых.

Перегородки исчезли. Шкатулка с монстром, кажется, испарилась еще в ту секунду, когда и Лея дотронулась до нее. Студенты поспешили выбраться из клетки. Кеша показал мне большой палец, но выглядел несколько побледневшим от переживаний. Как и Хоук. Он с невозмутимой миной выслушивал оживленного Ярэна Корна и все посматривал на меня с каким-то восхищением. Это льстило, да и благодарна я жениху была как никогда за его чудесный подарок с Готреда, но сейчас хотела только одного — снять чертов браслет. Пыталась сама, дергала, но — не выходило.

К счастью Вальдор решил мне помочь, не дожидаясь окончания ректорской болтовни. Избавил от этой мерзости, и одобрительно пожав мне плечо, отправился к истерично всхлипывающей Лее.

Магия снова со мной и мы — победили. Какое блаженство, несмотря на боль в боку и лице.

Моя группа тоже одновременно злилась и страдала от пережитого, и радовалась нашей эпичной победе.

Кальц одарил меня своими волшебными объятиями, но Эйнар буквально вырвал меня из демонических лап, чтобы под возмущенный взгляд Хоука, взбудоражено прошептать на ухо:

— Что ты умудрилась сделать с простейшими “плетенками”?

Я недоуменно посмотрела на фенечку из желтых и белых нитей на своем запястье. А ведь действительно... Слишком крутые вещи я через нее вытворяла для такого элементарного артефакта. Я улавливала не просто отголоски эмоций, а видела полноценные живые мыслеобразы, я не просто ощущала чужую магии, а делилась своей. Антимагический браслет блокировал саму возможность использовать энергию, но она была во мне — и мой успокоительный посыл группе сработал намного лучше, чем должен был, плюс буквально передача контроля над големом Мэту... Но это ведь немыслимо. Я ведь ничего не делала с этими плетенками. Осознанно, по крайней мере.

Я не сдержала истерический смешок — телепортации, теперь это... Силы у меня и вправда уникальные, впору возгордится.

Пофиг — в данную минуту Сейчас мы, черт побери, победили.

И, может быть, я, наконец, разберусь с нашими с Эби телами. Если ее группа тоже победит — нужное желание будет у нас в кармане.

Глава 42. Абигейл (1)

К кабинету некромантии нас вызвали рано утром, из-за чего мы все дружно клевали носом. Фрино издевался над нами добрую половину ночи, все не выспались и были несколько раздражены. Больше всего досталось Мрамору — видно много у него в голове накопилось плохих воспоминаний, которые он никак не мог принять. Что уж он там видел — кто знает, но из под контроля так выбраться и не смог, как бы не пытался. У остальных же худо-бедно выпутаться получилось. Кому-то, как Текке и Орсону, это давалось довольно легко, а у кого-то, как у меня например, раз на раз не приходился. Мрамор вот не мог вовсе. Потому, когда нас попросили выбрать представителя от общежития, его кандидатура отвалилась первой.

— И не я, — нахмурился Фрино. — Если это будет какая-то ментальная дуэль, то мне конец. Даже при том, что я умею распутываться — мои проблемы просто меня раздавят.

— Мы с Рейнаром тоже отпадаем, — вздохнула Ивона. — Война, как оказалось, сидит в нас крепче, чем я думала.

— Я тоже не пойду, — поспешила отказаться я.

— Я пойду, — выпятил подбородок Орсон, а потом улыбнулся удивленной Текке. — Ты, конечно, хорошо справляешься, но отправлять девочку драться как-то неправильно.

На этом мы и остановились.

От соперников из голубого общежития пошла, к нашему удивлению, не невидимка, а их староста — парень с Земли. Имя у него еще какое-то странное было — Мун Дже Ха. Занятный такой — низенький, в широченной мятой майке с черепом. Волосы черные, глаза узкие, очки в толстой оправе. Он совсем не походил на тех людей, которых я видела, когда гуляла на Земле, из чего я заключила — возможно, он из какой-нибудь другой страны. Надо будет потом узнать у Яны.

Представителей от групп завели в кабинет некромантии, а потом Вальдор щелкнул пальцами, и мы всем скопом попали в клетку. Точнее в отгороженную невысокой решеткой часть этой клетки. Ушастый преподаватель литературы и истории переместился с нами и вкратце объяснил правила.

— Калитку не открывать, — проинструктировал эльф. — Магией можно пользоваться любой, но только магией. Всем все понятно?

— Так точно, — козырнул за всех Рейнар.

А я на самом деле слушала вполуха. Потому что на стульях у стены расселись студенты желтого общежития. Выглядели они не лучше, чем мы после ночи тренировок с Фрино. Яна так вообще лечила огромный синяк на лице. От одного ее вида мне стало больно. Бедная моя подруга, что же с ней сделали эти зеленые? Интересно, она хоть победила?

Тем временем Нинель завела в клетку Орсона и Муна, подошла к шкапулке и завела ее. Как замороженная, я наблюдала за тем, как открывается под милую мелодию крышка, как высовывается из нее белая рука, как начинает покачивать в воздухе пальцем...

По сравнению с этим ментальным нападением тренировки с Фрино показались мне детской игрой. Это все равно что сравнивать падение на голову книги с высокой полки и рояля. Грудь будто в тисках сжало — не вздохнуть. И вместе с тем навалились воспоминания. То, от чего я так долго бегала вчера и то, что так и не заставила себя увидеть.

Лестница в какое-то подвальное помещение. Я прыгаю по ступенькам, слишком

высоким для детских ног. Красный человек стучит. Ему открывают. Мы входим.

Провал. Темнота. не помню. Стерлось, забылось.

— Сколько вы мне за нее дадите? — как сквозь вату слышу голос красного человека.

Опять пустота, пустота, пустота. А потом я уже стою посреди красивой, полной игрушек комнаты. На мне одни только чулочки и панталоны, платянице лежит на большой постели. Стою и плачу, зажимая кулачками лицо. Плачу, как могут плакать только пятилетние девочки.

— Яна, Яна... у тебя есть нож... у тебя есть нож.... очнись... Яна...

Никто в этой комнате не может говорить таким голосом. Стражники ругается самыми отвратительными словами, мать визжит, как резанная, отец орет и помахивает кулаком.

— Как они посмели тронуть нашу дочь! Как они посмели! Как они...

Провал, провал, провал... снова я ничего не вижу. Только голос все еще бормочет. Тихо, на грани сознания.

— Нож, нож... нож....

Вижу лицо матери. Она кривит его, не хочет брать меня за руку. Не хочет подходить ко мне. Отходит, будто я больна какой-то заразной болезнью. Белые платя. Они будто прячут. Будто компенсируют. Будто кричат — она чистая, чистая, чистая, не грязная. Но она ведь в это не верит, да. Она думает, что меня вываляли в грязи. И что рано или поздно это вскрыется.

— Яна... Янка....

“Ну и что?! — спрашиваю у себя я. — Они ничего не успели со мной сделать. Ровным счетом НИ-ЧЕ-ГО. Это мои родители. Они вдолбили себе и мне в голову, что я... что с мной... что в тот раз...”

Я вынырнула от этих мыслей. Чувство было такое, будто я проснулась, но сон все еще держал меня.

— Нож... — бормочет знакомый голос.

Мелодия все еще играла.

Очнулась я далеко не первая. Воздух в клетке будто обезумел, скользя вдоль стен по кругу с сумасшедшей скоростью. Пришлось вцепиться по сильнее в решетку чтобы меня не снесло. Представитель наших соперников — Мун — уже пытался выйти в открытую настежь дверь, но ему не давала поставленная дрожащим от напряжения Рейнаром защита.

Судя по тому, что ветром Муна не сносило — колдовал кто-то из его товарищей, хотя большая часть группы голубого общежития лежала без чувств, сбившись в одну кучу. Нашим было не лучше. Орсон так и не очнулся, и сейчас стоял на полу на коленях, держась за голову — с его носа капала кровь. Мрамор шипел и непереводимо ругался на драконьем языке, цепляясь за прутья решетки, чтобы его не снесло. Из самого угла доносились причитания Текки. Повернув голову в ее сторону, я увидела сжавшегося в комок Фрино. Его лицо было мертвенно белым, почти синим, а руки с силой сжимали горло. Текка, стоящая перед ним на коленях, пыталась разжать его пальцы чтобы он не дай бог сам себя не задушил — а, видит небо, он был к этому близок. От осознания этого у меня внутри все скрутилось. Я растерялась, не зная, что делать. То ли кинуться спасать собственного парня, то ли помогать Орсону.

Тем временем, видимо поняв, что выйти не получится, староста голубого общежития решил пойти другим путем. Он крикнул что-то своим, и ветер стих. Бескрылая фея — почти идеально красивая девушка, одетая почему-то в мужскую одежду — опустила руки и устало

сползла на пол. Мун прикусил губу и единственным пасом руки заставил шкатулку сползти со стола-подставки. Она гулко шлепнулась на пол, покачнулась, но на бок не упала. Пальцы разогнулись и жадно загребли воздух в направлении Орсона.

— Да разожми ты уже эти дурацкие руки... — донеслись до меня будто издалека слова Текки. — Текка не хочет чтобы ты умер, глупый человек...

И такое меня зло взяло! И на себя, что стою и просто смотрю, и на Рейнара, который тоже замер, потому что толком ничего сделать не может, и на остальных, что валялись поверженные собственными воспоминаниями! Повторив про себя все те ругательства, которыми Якоб осыпал придумавших это ужасное задание хранителей, я потянулась к своей магии.

Кошмарное существо попыталось затянуть меня обратно, погрузить в болезненные воспоминания. В голове появлялись и сразу же потухали образы — то лицо Хоука в тот первый раз, когда мы встретились, то как исчезла в ресторане на Пинионе Янка, то сон об убитом мной Фрино, то обезумевший в тумане Мрамор. Но утянуть себя на дно я не давала. Нет уж, спасибо. Насмотрелась. Разобралась. Нечего мне делать там, внутри. У меня снаружи проблем полно.

И, сделав из собственной магии меч, я сосредоточилась, пытаюсь определить, как именно существо на нас влияет. И скорее почувствовала, а не увидела, нечто наподобие расходящихся по воде кругов. Только не круги это были... а спираль. Она заполонила всю клетку — ровная, идеальная, темная, дрожащая и словно живая. И я резанула по ней со всех сил, сломала ее.

Моих соседей отпустило, кажется. По крайней мере, я услышала, как закашлялся Фрино. Вместе с тем отпустило и ребят из голубого общежития. Однако на соревнование мне было уже плевать — я хотела уничтожить эту мерзость, чтобы она никому больше не причинила вреда. Потому второй удар я нанесла уже не по спирали, которая пыталась восстановиться, а по руке. Мелодия сломано задрезбуждала, и из черного ногтя повалил дым, как из фитиля потухшей свечи. Существу явно не понравилось то, что я с ним сделала.

— Орсон, беги! — крикнула громко Ивона.

Вампир дернулся, вскочил на ноги и кинулся к выходу из клетки. Но я этого уже не видела, потому что пыталась вырваться из пут накинувшегося на меня чудовища. Существу уже больше не были интересны другие студенты, теперь оно хотело покарать обидчицу. Но у меня все еще был меч. Меч, в который я вложила весь свой магический запас и который с силой воткнула мыслью в самое основание шкатулки. Раздался треск, грохнула дверь и Орсон закричал что-то неразборчиво — то ли радостно, то ли испугано.

Все потухло.

— Янка, Янка, очнись!

Моргнув, я поняла, что все это время сидела на полу с открытыми глазами, но ничего перед собой не видела. Меня тормозила Ивона — трясла за плечи и, кажется, уже не первый раз хлопала по лицу.

— Мы... победили? — осторожно спросила я.

— Да, твоими стараниями, — как-то испуганно улыбнулась Ивона, облизав губы. — Ты... глянь что сделала. Глянь.

И она отстранилась, приобняв меня за плечи села рядом, ткнула рукой в сторону шкатулки. Впрочем, не было больше шкатулки. Я ее надвое разрезала. Из одной половинки этой гадости безжизненно высовывалась отрубленная рука — теперь уже мертвая. Я

осмотрела своих соседей. Ну что ж... Мрамор, ворчливо ругаясь, разминал затекшие пальцы — он так сильно вцепился в решетку, что они у него, видимо, онемели. У отстраненно смотрящего в одну точку Фрино на шее расплзался страшный синяк. Рейнар, Ивона и Текка выглядели чуть взволнованными, но вполне живыми. Один только Орсон буквально прыгал за пределами клетки, вопя от радости... но мне его крики напоминали пир во время чумы. Чувства удовлетворения от победы я не испытывала.

— Яна, — вдруг раздался со стороны зрительских мест голос Нинель Тарман.

Я обернулась удивленно к некромантке. Та стояла, скрестив на груди руки и смотрела на меня жадно, как коллекционер на редкую безделушку.

— За каждое следующее непосещение моих занятий я буду снимать вам баллы, — непреклонно заявила она. — И, если ничего не изменится, на втором курсе я забираю вас на свою специализацию. Потому что такие силы надо развивать. Это вам ясно?

— Да, — кивнула я устало. — Как скажете...

Глава 42. Абигейл (2)

Посреди ночи меня разбудил ужасающий грохот. Я даже на постели подскочила от неожиданности, решив спросонок, что крыша обрушилась мне на голову. Чуть очухавшись, я сползла с кровати и, закутавшись в тонкое одеяло, выглянула в коридор. Впрочем, выглянула не я одна. Из-за своих дверей высунулись растрепанная Текка и Мрамор в своей драконьей пелерине. На лестнице уже топтался взволнованный Рейнар в халате, за его спиной маячила Ивона в короткой сорочке и зевающий Орсон в зеленой фетровой пижаме.

За дверью Фрино опять что-то грохнуло, зазвенело разбитое стекло. Свет, просачивающийся под дверью, нервно мигал. Не на шутку перепугавшись и наплевав на все предосторожности, я кинулась к его двери.

— Постой, — остановил меня Рейнар. — Давай я. У меня хотя бы щит есть...

Я кивнула.

Что ж... на самом деле я опасалась, что случится нечто подобное. Стоило нам после второго тура вернуться в общежитие, как Фрино заперся в своей комнате. Ивона пыталась отнести ему поесть, но на стук он не откликнулся. Проигнорировал Фрино и предложение вылечить синяк на собственной шее.

Рейнар дернул дверь — она оказалась не заперта. Заглянув внутрь, он постоял пару секунд, что-то тихо, неразборчиво спросил. Не получив ответа, парень открыл дверь настежь и застыл в проеме. Мы, сгрудившись за его широкой спиной, тоже заглянули в комнату.

Да уж, погром здесь царил страшный. Стол был перевернут и смотрел в потолок кольями ножек, стул валялся у стены. Книжная полка упала, придавив собой осыпавшиеся, помятые книги. Шкаф лежал плашмя, а на нем восседал к нам спиной, Фрино уткнувшись лицом в руки. Плечи у него были опущены, на шее все так же багровел синяк.

— Ну, чего ночью шумим? — проворчал, расталкивая нас Якоб, видно спустившийся из своей комнаты. Был он сердит, усат, и красовался махровым синим халатом с черными силуэтами котов. — Честным людям спать не даете. Ох ты ж е-мае...

— Проваливайте, — огрызнулся Фрино не поворачиваясь. — Я сам уберусь.

Мы переглянулись. Мне больше всего на свете хотелось сейчас подойти к нему и успокоить... и как же было невыносимо от того, что я не могла этого сделать. Я уже готова была плюнуть на всю конспирацию... как нас всех отодвинул рукой от входа Якоб.

— Так, ребятки... — вздохнул он. — Орсон, умеешь варить успокаивающий отвар? Травы нужные у тебя есть?

— Да... — удивился вампир, а потом все сообразив пискнул. — Я сейчас! — и умчался в свою комнату.

— Я ему помогу, — вызвалась Ивона, и ушла вслед за парнем.

— Мрамор, слетаешь за Вальдором? — попросил моего соседа Якоб. — Ты просто приземлись к нему на крышу. Да, разбудим конечно фиолетовое... но куда деваться. Притащи нам этого остроухово.

— Хорошо, — согласился Мрамор, и тоже нас покинул.

— А мы... можем чем-нибудь помочь? — спросила я, имея по большей части в виду

себя.

— Нет, — покачал головой Якоб. — Спи́те идите. Мы тут сами попытаемся справиться с этой проблемой.

Обреченно кивнув, я ушла в свою комнату. Ушла, залезла под одеяло... но заснуть, разумеется, не смогла. Грызло, буквально съедало беспокойство за собственного парня. Раздирало то, что не могу пойти и поддержать. Но я боялась. Действительно боялась, что если я сейчас раскрою нашу тайну, то ему будет еще хуже, еще больнее.

В коридоре послышался голос Вальдора, хлопнула дверь. Не выдержав, я выбралась из своей комнаты, выглянула в коридор. Пусто, зато внизу горел свет. Плюнув на сон, я спустилась на первый этаж. Там, в гостиной, уже собрались мои соседи и пили остатки приготовленного Орсоном отвара. Даже Текка, и та была здесь.

— О, ну теперь мы все в сборе, — невесело улыбнулся Орсон, наполняя из чайника новую чашку для меня. — Присаживайся, Янка.

Я села. Подула на отвар, глотнула осторожно, обожгла язык. На вкус варево было отвратительным, но я все равно принялась маленькими глотками пить.

— Бешеный псих, — выругался Мрамор, правда, без особой злобы. — Хотя в чем-то я его понимаю. Самому после этой шкатулки хотелось что-нибудь сломать. Это дикость какая-то, а не турнир.

— И не говори, — хмыкнула Ивона. — Хорошо хоть Фрино решил выплеснуть свое негодование на мебель, а не на нас.

— Фрино всегда бьет мебель, — сказала Текка. — Он постоянно гремит там чем-то, Текка слышала.

— Да, я тоже слышал, — вздохнул Мрамор. — Но не мог понять, чем он там занимается. А вон оно, оказывается, как...

— Мда... крыша того, — пробормотала Ивона. — Видно не так уж он и изменился.

— Если бы не изменился — то вымещал бы на ком-то, а не на вещах, — проворчал Рейнар. — Хотя я плох в подобного рода вопросах. Я видел сумасшедших, безумцев, фанатиков... но он явно не один из них.

— Как бы то ни было, Вальдор ему поможет, — отхлебнув варева, сказал Мрамор. — Он и мне помогал, когда совсем плохо было.

— Надеюсь, — осторожно вставила я. — Жалко... его все же...

— И не говори, — согласился Орсон. — Неплохой же вроде парень. Ну да, язва... но вот не пойму, чего он первые недели из себя строил? Ну ведь может же человек нормальным быть? Может. Какого же хрена он тогда...

— Эй, Яна, — раздался с лестницы голос Якоба. — Иди-ка сюда, дело к тебе есть.

Я удивленно поднялась, оставив бокал на столе. Мои соседи проводили меня удивленными взглядами. Якоб же поймал меня под руку на лестнице и потянул в комнату Фрино. Там преподаватели уже убрались. Поверить было сложно, что пару минут назад в комнате царил настоящий разгром.

Фрино сидел на кровати обнявшись с подушкой, Вальдор примостился рядом с ним на стуле как перед больным. Мой парень пытался на меня не смотреть. Он вообще пытался ни на кого не смотреть, будто ему было очень стыдно за свою выходку. Якоб закрыл за нами дверь.

— Так... — вздохнул Вальдор. — Сейчас поговорим минутку и пойдешь к Кеше за хорошим снотворным. Он сейчас переселился в комнату нашей бывшей целительницы, она

соединена с лазаретом. Найдешь?

— Найду, — согласилась я, насторожившись. — Бывшей целительницы?

— Этого стоило ожидать, — фыркнул Якоб. — Ее уволили, Кеша теперь за нее. окей Просто это не афишируется. Все как всегда. Хранитель пришел с ревизией — жди увольнений.

— Увы, Якоб, это увольнение было оправдано, — задумчиво хмыкнул Вальдор. — Но не суть. Мне больше интересно, кого они позовут на ее место.

Они замолчали, думая каждый о своем.

— А о чем вы хотите поговорить? — привлекла к себе внимание я.

— Не волнуйся, ругаться не будем, — улыбнулся мне Вальдор снисходительно. — Просто скажи этому парню пару успокаивающих слов и можешь идти.

— Прости, это я их попросил, — буркнул Фрино. — И все рассказал...

Я с облегчением вздохнула, подошла поближе. Села на край кровати и, наплевав на присутствие преподавателей, обняла этого придурка. Фрино чуть опешил, но брыкаться не стал. Глянул на меня взглядом побитой собаки — таким, какой у него был после нашей драки первые несколько недель.

— Ну и напугал же ты меня, — сказала я ему. — Сейчас все более или менее?

— Вроде того, — кивнул устало Фрино, обняв меня в ответ. — Я... прости. Нервы сдали. Хреново быть мной... зря я наверное тебя во все это втянул...

— Э нет, молодой человек, — усмехнулся ему Вальдор вполне дружелюбно. — Правильно ты все сделал, одному тяжело с такими вещами справляться. Ничего. Подлатаем твои несчастные нервы и станешь вполне себе нормальным человеком, которому уже не будет так стыдно за свои поступки. Жаль, я раньше тебе помощь не предложил...

От этих слов я не сдержала улыбки. Ну и хорошо. Как он ему помогать будет — не знаю, но зато будет. Я ведь чувствовала, что сама не справлюсь.

— Ладно-ладно, — пробурчал Фрино ворчливо. — Как скажете. И сам знаю, что псих....

— Да при чем тут... псих, не псих? — поругался на него Вальдор. — Вот заладил. Психика — она как скелет. Если какая-нибудь кость сломалась и срослась неправильно — это будет доставлять кучу проблем. Только вот лечится это не так просто и прямолинейно, как с костью, хотя принцип один и тот же. Воскресить былое, пережить его заново и принять — уже правильно. Яна, ты иди, иди к Кеше. Снотворное у него попроси на траве Отты. Если нет — то помоги сварить. И следи, чтобы этот артист пил его и спал часов по десять в сутки.

— Хорошо, — кивнула я, глянув на Фрино. — Держись тут, я постараюсь сбежать побыстрее.

— Да что вы меня как умирающего-то, — поморщился Фрино. — Придурки... бесите меня. Раздражает...

— Раздражает его, — дал Фрино подзатыльник Якоб. — Девушка за тебя беспокоится, а ты. Эээээх. Бросит она тебя, уйдет к дракону вон. Или к демону. Или кто там еще за ней ходит хвостом? Смотри, уведут.

— Ну а что мне, строить из себя даму присмерти? — скрестил на груди руки Фрино. — Обойдетесь. Мне такие штуки не нравятся.

— Тебе бы и не пошло, — улыбнулась ему я. — В общем, я пошла за снотворным.

— Спасибо, — буркнул мне Фрино в спину. — Ну... за заботу... мне просто

непривычно ее принимать...

Глава 43. Яна (1)

— У меня просто в голове не укладывается, как можно было придумать такое задание! И это после всех лекций по магической этике, где нам внушали, что подобная менталистика — жестока, опасна и неприемлема среди приличных магов.

Народа в столовой было немного, пары не у всех еще закончились. Большую часть студентов — а точнее тех, кто участвовал в полуфинале — отпустили пораньше. Ну еще бы. Жители голубого общежития так вообще не пришли на занятия.

Мы с Эби в кои-то веки собрались вместе поужинать в столовой и делились впечатлениями о вчерашнем туре.

Хотя, скорее уж не впечатлениями, а возмущением.

Это сначала на радостях было хорошо, а потом боевой азарт и кайф от победы прошел — и всем в моей группе стало плохо. Несмотря на успокаивающие зелья от Кеша, мы всю ночь мучились от застарелых кошмаров и на лекциях сидели злыми и сонными мухами. К концу дня, правда, уже очухались, да и Кальц со своими волшебными обнимашками немного всех приободрил. Так что теперь можно было не страдать, а всласть повозмущаться.

— Да уж, кошмарно, — устало зевнув, пробормотала Эби. — Лучше бы всего этого не было... из-за этих дурацких соревнований одни проблемы...

— Зато, — оживилась я, — мы обе в финале! И теперь, как не крути, чтобы получить заветное желание надо всего лишь договориться со своей группой.

Вообще-то в душе, мне, конечно, хотелось победы именно для своей группы. Но... теперь, когда, вечно откладываемый вопрос “А что решаем с желанием?” требовал срочного ответа, я понимала, что не знала, как к этому делу подступиться. Как убедить, что вот лично мне оно нужнее всего, когда самой от такого эгоизма тошно.

— Мы уже заранее договорились на общее желание, — вздохнула Эби. — И скрепили все магической клятвой. Так что я, увы, не могу пожелать что-то свое. Так что на меня не рассчитывай. Хотя небольшой шанс все же есть...

Я удивленно посмотрела на Эби. И почему она раньше не сказала, что у них там все так серьезно? Хотя я сама виновата — не спрашивала.

— Если твой небольшой шанс слишком небольшой, тогда надежнее будет победить мне, — я потеряла виски, пытаюсь понять, радуется ли меня такая однозначность. Победы хотелось все-таки честной, а если Эби поддастся ради общей цели — это будет совсем не то.

Эби на мои слова поджала губы, а в ее глазах промелькнула тень негодования.

— Мы с тобой не в праве решать судьбу наших групп. И я не намерена помогать тебе выиграть. Подумай сама, как они на меня посмотрят, если я подставлю их? Кем я вообще тогда буду?

— Тихо, тихо, — я примирительно подняла руки.

Да уж, давненько мы не болтали нормально — не припоминала я в своей скромнице-подруге такой напористости. Но от ее нежелания подыгрывать, я даже почувствовала какое-то облегчение. Честно все-таки будет. Хоть и более рискованно.

— Думаешь, мне так нравится использовать группу ради своей цели? Конечно, как у вас, общее, нужное всем желание — оно благородней, но... У нас нет другого выбора, Эби. Этот чертов Кристалл — шанс все наладить в нашей жизни.

— У нас есть Кеша, — пожала плечами Эби. — Хотя... меня, на самом деле, больше

беспокоит то, что будет в финале. Даже подумать боюсь, что эти треклятые Хранители придумают. Ивона вообще говорила, что после финала вынесут парочку трупов... вроде и в шутку, а как-то не смешно.

— Разве это Хранители извращаются с этими заданиями? — скептически приподняла бровь я. — Тут скорее Рады работа. Или совместное творчество.

— Якоб сказал, что эти соревнования разрабатывались Хранителями, — пожалала плечами Эби. — Причем специально, чтобы нас настроить против академии. Чтобы мы в порыве праведного гнева пошли рассказывать им, какие у нас плохие и подозрительные соседи, преподаватели, ректор. А перед прошлым туром Якоб рассказал нам еще и то, что задание изменили. Обычно там проводилось что-то совсем другое.

Я мысленно закатила глаза. По тому, что я сама помнила из своего недельного пребывания в общежитии Эби, да и по рассказам других студентов, Якоб Леам со своими красненькими, вечно как заботливая мамочка нянчится. Еще бы, они же у нас дикими и опасными считаются, особый присмотр нужен. Приручить их нужно. А простой и понятный общий враг — Хранитель — этому хорошо способствует. Да только не знаю, как предыдущие группы “красных”, но у Эби все вроде не бешенные звери, а нормальные... ну, почти все.

— Вообще-то у нас действительно подозрительные и соседи — один Фрино ваш чего только стоит. И ректор особа тоже...

— Отстань от Фрино, — нахмурилась Эби, неожиданно перебив меня. — Он вчера на этих соревнованиях сам себя чуть не задушил. Мы его всю ночь успокоительным отпаивали вместе с Вальдором. У красного общежития, да и у меня тоже, к нему больше никаких претензий нет.

Это определенно заговор — достать меня с оправданиями Фрино Сентро! Может Эби и стала поуверенней, но эта ее наивность никуда так и не делась. Но спорить и что-то доказывать я не хотела, не то у меня сегодня было душевное состояние.

— Ну, раз он такой несчастный и неприкасаемый — наверное, надо мне при встрече у него еще и прощения попросить, — а вот ехидства я сдержать не смогла. — За то, что обидела бедняжку своим сопротивлением во время пыток. Ты же наверняка извинялась за то, что его покалечила.

— Да, извинилась! И не жалею об этом, — почти разозлилась Эби, поднимаясь со своего места. — И он, не поверишь, тоже передо мной извинился. Искренне. И я его, представь себе, простила.

Я прикусила губу, сдерживая злые слова — ведь Эби тогда в подвале с Фрино легким испугом отделалась, мучали-то меня. Но потом с Эби случилось нечто куда более страшное, и я не имела никакого права обвинять ее в том, что я, якобы, больше пострадала.

Но меня просто убивало это ее непонимание, что извинения — лишь слова, что верить тому, кто способен ломать безвольным жертвам ноги и разум — идиотизм полный!

— К тому же... — тяжело вздохнула Эби, чуть успокоившись. — Пойми меня правильно. Я в жизни никого даже в шутку не ударила. А его я покалечила. Я не могу на него обижаться. Но понимаю, почему злишься ты... прости, хорошо?

Я не выдержала и горько рассмеялась? Простить ее? Ох, подруга...

— Боже, Эби, я ведь на тебя не обижаюсь! Не дури со своими извинениями хотя бы по отношению ко мне. Я просто за тебя беспокоюсь. Боюсь, что ты со своим всепрощением однажды как вляпаешься... и будешь страдать. Люди не меняются... Он все еще опасен, ваш

исправившийся Фрино. Может, пока он и искренне пытается измениться, и у него даже получается, но... Рано или поздно это дерьмо в нем вновь выльется наружу. Так что просто держись подальше от этого парня — ради самой себя, ладно?

Эби прикусила губу и отвела на секунду взгляд. А потом с чуть грустной улыбкой ответила — уверенно и спокойно.

— Я все понимаю, не стоит за меня так беспокоиться. И кстати... Я, наверное, не пойду на бал. Не обидишься, если я тебя немного брошу?

— Черт, еще и бал на этой неделе! — простонала я. Совсем со вторым туром про него забыла. — Но уж как-нибудь его переживу — даже без тебя. Ты вольна сама решать чего хочешь.

Кажется в ответ на это Эби горько улыбнулась, но ничего не сказала. Допив сок, она попрощалась и поторопилась в свое общежитие.

И только когда она ушла, я поняла, чего мне не хватало во время нашей беседы — привычного тепла артефакта на груди, этих его подсказок истинных чувств человека. Это такая реакция на мое родное тело — отключение? Обсудить бы эту загадку со знатоком, но хватит нам и Мрамора, который в курсе обмена...

Тьфу, ты! И ведь забыла спросить у Эби самое главное — что у них там с полудраконом.

Глава 43. Яна (2)

Эйнар и Юз танцевали в гостиной. Белое и черное — раздражающе красивое зрелище.

Мебель всю растащили по углам, и в комнате стало на удивление просторно — я даже заподозрила пространственные чары. Кальц в последнее время ими очень интересовался. И он здесь был — сидел на подлокотнике кресла, любовался, иногда комментировал. Рядом с ним стояла маленькая музыкальная шкатулка, но звуки из нее доносились достойные симфонического оркестра. Немного скучноватая, какая-то официальная мелодия — не удивительно, что Юз не пылала энтузиазмом — танцы ей, кажется, нравились более... живые.

Вообще, что-то было не то с ее движениями... и только когда она умудрилась наступить на ногу Эйнару, до меня дошло.

— Настолько не умеешь танцевать в паре, что тебе понадобились уроки, Юз?

Заметив меня, Эйнар ненавязчиво опустил руку ниже ей на талию, но Юз подыгрывать нужным не сочла — выскользнула из его объятий и прохладно, скрывая смущение, обратилась ко мне с оправданиями:

— Я всю жизнь делала это одна. До того, как стала жрицей — просто была еще слишком юна, чтобы задумываться о мальчиках. После — танец вдвоем стал чем-то кощунственным.

От воспоминаний о вейдановских танцах меня перекосило. Да моя одноклассница еще просто удивительно адекватна для выходца из страны фанатиков.

— Ты же была в Гоуд-Сва со своим женихом? — напряженно спросила Юз, видимо, поняв что-то по моему лицу.

— Твоя осведомленность восхищает.

— Вообще-то, это моя осведомленность, — вмешался Эйнар.

— И ты как всегда делишься со всеми подробностями моей личной жизни — и настоящими, и выдуманными, — со злым ехидством заметила я. Эйнар просто неисправим. Иногда это забавляет, но иногда — чертовски бесит.

— Справедливости ради, сейчас я делился только с Юз.

— Будто бы я об этом просила. Ты слишком много лезешь не в свое дело, Эйнар.

Юз сегодня была явно не в духе, а тут еще и танцевальные неудачи раздражения прибавили.

— Ну вы чего, — покачал головой Кальц и попытался осчастливить всех своей ангельской улыбкой. — Мы почти победили в соревнованиях, все так мирно и дружно, а вы вдруг снова шипеть друг на друга по пустякам начинаете.

Демон был единственным, чьих воспоминаний я не увидела при атаке ментального монстра. Пожалуй, он оставался самой большой загадкой в нашей группе. Общался со всеми дружелюбно-нейтрально, был открыт и легок, но понять, что скрывалось за этой легкостью казалось задачей из нереальных. Его эмоции походили на дуновения ветерка — вроде яркие, сильные, но неуловимые.

— Эти женщины такие агрессивные, — свалил все на нас Эйнар. — Владели бы вы боевой магией, то чувствовали себя, как рыба в воде, на моей родине с ее вечными войнами.

Возможностью сменить тему я решила воспользоваться. Тем более, вспомнилось мне кое-что интригующее:

— Кстати, о готредцах. Колись, Кальц, что у тебя с Рейнаром из красного за дела были? Демон сначала на меня недоуменно посмотрел, а потом будто бы вспомнил.

— А, ты об этом... Яна рассказала, да? К счастью, никаких дел у нас не было и быть не могло. Он искал во мне союзника в своей войне. Что ж... не нашел.

— О, знакомая песня! — фыркнул Эйнар. — Он и ко мне приставал по этому поводу. Прознал, что я стану мужем Владычицы Нортейла... это страна моя так называется... И все выпытывал, продолжим ли мы держаться нейтралитета. Вот неужели я похож на человека, готового лезть прямо в их бойню и вести людей за собой на смерть?! Я пацифист!

На его лощеном лице отразилось праведное возмущение. Эйнар пусть и переигрывал, но, если верить моему амулету, не лгал — пачкать руки грязным делом войны он совершенно не хотел. А убийство у него вообще вызывало отвращение — искреннее, на собственном опыте основанное. Попробовать узнать подробнее об этом опыте, о его любимом и ненавидимом дядюшке, я так и не рискнула.

— Я тоже, — радостно улыбнулся Кальц, подходя к Эйнару и пожимая ему руку. — Не приемлю насилия во всех его проявлениях. Как приятно знать, что рядом есть единомышленник.

— Да вы вообще, реально как братья, — закатила глаза я, вспоминая наше красочное выступление на предварительном туре. — Блондины, пацифисты, любимцы девушек и мастера придуриваться... Хотя, нет, вру. Прости Кальц, но все же тебе в этой области до Эйни далеко... почти так же, как Эйни до твоей красоты.

Эйнар возмущенно и даже чуть обиженно фыркнул, но все же больше веселился, закивал с серьезной миной.

— Увы, я всего лишь человек... Но стать демону другом и братом честь для меня!

— О! — нарочно или нет, но Кальц спародировал любимое междометие Эйнара. — А мне нравится эта идея! Хотя мне, как демону непонятно немного, какими должны быть отношения между человеческими братьями... Но я рад буду попытаться. Идет?

И демон дружелюбно распахнул руки. Эйнар не затормозил, и парни застыли в крепких мужских объятиях. Похлопали друг друга по спине, давась от смеха и пытаясь сохранить более-менее серьезные лица. А когда они расцепились, Кальц вдруг решительно положил парню руку на плечо. Эйнар от этого насторожился, ожидая подвоха. У Кальца же в глазах плясали бесенята. С игривым видом он заявил:

— Ну, раз уж мы побратались по обычаям людей, то стоит сделать это и по обычаям демонов....

Среагировать Эйнар не успел.

Кальц его поцеловал.

Ну как поцеловал — мимолетно коснулся его губ своими. И все это с таким видом, будто ни сделал совершенно ничего особенного. Зато бедняга Эйнар испуганно отпрянул.

— Не-не-не-не-не! — обескураженно замотал он головой. — Давай мы как-нибудь обойдемся без ваших демонических обычаев....

— Ой, да что вы все какие, — отпустив несчастного Эйнара, Кальц шутливо-негодующе насупился. — Мальчик, девочка... губы у всех одинаковые!

Я не выдержала и расхохоталась. Видеть это выражение лица Эйнара, чувствовать его смущение и возмущение было сущим блаженством.

— Кальц я тебя обожаю! И официально объявляю тебя своим любимым демоном! Вот знаешь, не будь ты таким кукольным красавчиком, может тоже бы в тебя влюбилась.

— Мое сердце открыто для всех, — подмигнул мне веселящийся Кальц. — Вне зависимости от пола и расы. Имейте в виду.

— А что это вы такие счастливые? — в гостиную спустился зевающий Мэт, а я вдруг вспомнила, что кое-кто в этой комнате счастливым и даже просто веселым ни на миг не был. Но Юз уже успела уйти — из приоткрытой двери на кухню доносился запах кофе.

Я буквально почувствовала на себе пару прожигающих красноречивых взглядов.

Эйнар и Кальц, действительно, как близнецы, посерьезнели и мысленно послали меня к своей чернокожей подружке. Я сделала не менее красноречивое выражение лица аля “нафиг оно мне надо” и парням пришлось перейти на вербальное общение.

— Вам нужно поговорить, — почти шепотом сказал Эйнар.

— Юз так плохо после вчерашнего, — еще тише сказал Кальц. — Да еще и эта старая ссора с тобой на нее давит. Вы бы с ней помирились уже до конца. Обоим же легче станет.

Мне вообще-то тяжело не было, а уж Юз точно не страдала от нашей периодической напряженности в общении друг с другом. Здесь другое было... Побывав на родине Юз, мне казалось, что я ее стала понимать... и, пожалуй, правы мои блондинчики — нужно с этим разобраться.

Машинально касаясь амулета под рубашкой, я решительно отправилась на кухню. В спину мне донесся недоуменный вопрос Мэта:

— И что это было?

Вновь заиграла музыка, на этот раз повеселей, и Кальц спросил хитро.

— Скажи-ка, Мэт, а ты умеешь танцевать?

Глава 43. Яна (3)

Юз стояла у окна, держа обеими руками большую чашку, из которой тонкими струйками поднимался к потолку ароматный пар.

— Как тебя только не тошнит от кофе? — спросила я, усаживаясь на стол так, чтобы оказаться напротив девушки.

Юз лишь в вежливом недоумении приподняла бровь, но после некоторой паузы все же ответила.

— В Гоуд-Сва — тошнило. Но здесь, в Академии, это то, что напоминает мне о родине. Не дает забыть действительно важное... позволяет побороть воздействие завесы хоть немного.

— Как по мне — радоваться нужно, что дом твой родной теперь как в тумане.

— Но я люблю его. Не смотря ни на что. И туристы, к слову, тоже обычно проникаются восхищением.

— Я не слепая. И ты, явно, тоже. Любой мало-мальски сильный маг заметит, что ваши жрецы делают. И это — мерзость.

Юз удивленно на меня посмотрела, оставила чашку.

— Зато люди счастливы, — зло сказала она, но это была злость от согласия. — Мы берем и преобразуем энергию, которую они сами не в силах использовать. Творим чудеса, обеспечиваем богатством...

— И отстегиваете себе проценты.

— Если бы только себе, — покачала головой Юз и нахмурилась, удивляясь своей болтливости.

Ну да, мой артефакт, дорогая Юз, абсолютно нечестно на тебя влияет — ты сама меня этому учила, нечестности. Жаль, конечно, что ты не Эйнар и у тебя нет тайного желания пооткровенничать со мной. Увы, ты намного сейчас сдержанней. Хотя мне хватит.

— Что ты имеешь ввиду? — я вопросительно наклонила голову.

— Я сама не уверена. Но Храмом забирается намного больше, чем потом используется. Что-то просто... исчезает. Я стала верховной жрицей... то есть, одной из тех, что проводит сквозь себя забранную у верующих магию и делает для них чудеса от имени Златоликого Бога... и для себя тоже... — Юз задумчиво провела ладонью по своей левой щеке. — В общем, я ею стала незадолго до того, как отправиться в академию, и не успела еще разобраться. Хотя вряд ли бы и смогла... вряд ли бы мне позволили... Знаешь, я ведь неправильная жрица, и не потому, что не верю в Бога — в него только молоденькие восторженные дурочки и верят — а потому, что не умею пользоваться людской верой. Они все — тысячи и тысячи! — смотрят на тебя, так одинаково, с такой непробиваемой любовью, благоговением, и благодарны тебе так, что жизнь отдать готовы... за ложь благодарны, за то, что ты используешь их, как тупой скот... Мне положено наслаждаться этим, но я не могу... Я хочу исполнять свой долг жрицы, я сама так решила, но... чтобы все было по-настоящему, по-честному...

Она потеряно оглянулась по сторонам, остановилась взглядом на банке с кофе...

Подозрительно сощурилась.

— Что это еще за магия, Абигейл? Вчерашней ментальной атаки мне было более, чем достаточно.

— Я тебя не атакую, Юз, — искренне развела руками я. — Я вот что думаю... нафиг ты тогда прицепилась ко мне? Если хотела любви — настоящей любви — одnogруппников действовать явно надо было тоньше... и то — сомневаюсь, что что-то бы вышло. Тут тебе не Вейдана.

— Если бы я этого хотела, то и вела бы себя по-другому, — самоуверенно заявила Юз. — И получила бы желаемое.

— Может быть, — не стала спорить я. — Но почему-то мне кажется, что ты просто хотела побыть... обычной. Послать к черту всю эту жреческую тему.

Я улыбнулась Юз. И она не сдержала ответной улыбки — грустной, но искренней.

— Пожалуй, ты даже слишком права. Первым, что я сделала, прибыв в Академию — срезала свои проклятые волосы — длинные, еще длиннее чем у Кальца, такие раздражающие. Потом выбросила все традиционные жреческие платья из гардероба, оставила только те наряды, что мне нравились. И переспала с первым заинтересовавшимся мною парнем. Впервые.

Улыбка стала ехидной, и я поняла, на кого она намекает... Эйнар, времени зря не терял. С одной стороны, это неприятно царапнуло — одно дело намеки на каких-то полужнакомых девиц, а другое — Юз Мосали, с которой он нас стравливал... Но вместо того, чтобы, как самая типичная женщина, язвительно полюбопытничать “И как он в постели?”, я спросила:

— Думаешь, я ему по-настоящему нравлюсь?

Юз растерялась, дернула плечом.

— Это же Эйнар — сложно разобрать, что в нем притворство, а что искренность... Но его отношение к тебе... довольно особенное.

— Что, когда меня рядом нет, его можно принять за взрослого разумного человека?

— Точно!

Мы дружно хмыкнули.

— Я еще понимаю, как с ним можно сотрудничать... — задумчиво продолжила Юз, — наслаждаться... даже дружить...но любить? Нет. Нужно быть ненормальной для этого.

Интересно, меня можно назвать ненормальной?

Но я ведь и не собиралась любить Эйнара. Хоука мне с лихвой хватает для романтических развлечений.

О, черт. Я что, сижу тут на кухне и разговариваю о парнях с другой девченкой? Я же определенно собиралась заниматься не этим, я вроде как хотела выпытывать ответы на серьезные вопросы.

— По крайней мере, вы с Эйнаром отлично сработали тогда, с креслом... — я решила плавно перевести тему. — Брала за идею артефакта ваш Храм?

— А ты внимательна, — посерьезнела Юз.

— Кресло, конечно, модель очень упрощенная, — продолжила рассуждать вслух я, — но общий принцип действия похож — магию высасывает. Но, собственно, это единственное общее. Ты вот говоришь, что одна часть магии, вытягиваемой из самой Вейданы, из жителей вашей страны — идет типа как во благо мира и народа...

— ... если закрыть глаза на истощение природных ресурсов и последствия контроля погоды...

— ... другую часть используют ваши жрецы и жрицы себе в удовольствие...

— ... далеко не все, лишь верховные, сильнейшие маги и интриганы, а остальные просто наслаждаются своим положением....

— ... а третья часть, видимо, относится ко всей этой непонятно куда утекаемой магии — проблеме всего Альянса.

— Что? — недоуменно расширила глаза Юз.

— Хочешь сказать, что впервые слышишь?

— Впервые слышу... об этой проблеме всего Альянса. Мне намекали, что эта самая третья часть — некая дань, уходящая в Междумирье... но я представить не могу что это значит и как... организовано.

— Хм, — задумчиво протянула я.

Информации, чтобы разобраться, мне не хватало... Как только закончу с турниром, получив свое желание или нет, начну вплотную разбираться с этой загадкой. Я нашла кучу полезных книг по циркуляции магической энергии и принципам мироздания, и сейчас мне даже интересно было их читать — я внезапно все... ну, более-менее все, понимала.

Но сейчас нужно было сконцентрироваться на практике... красные — опасные противники. И если я раньше еще на Эби рассчитывала, то сейчас вариант был один — победить.

Только потом, что с этой победой делать?

— Ты бы что хотела загадать Кристаллу? — спросила я Юз. — Разрушить эту вашу антиутопичную религиозную систему?

— Разрушить? — ужаснулась Юз. — И тем самым устроить геноцид своего народа? На вере в Златоликого Бога завязана вся наша жизнь, наше мировоззрение и инфраструктура... Я хочу все изменить, но разрушение — не выход. Оно лишь приведет к массовым самоубийствам, или просто убийствам, к нищите, разбою — к смертям... Не та цена свободы, какую я готова заплатить. Нужны перемены, мирные, постепенные... и я не представляю, как это сделать.

Пылающий взгляд Юз затуманился, она осеклась, рассеянно тряхнула головой, нахмурилась. На какой-то миг ее чувства к родине оказались сильнее действия завесы, но это наваждение быстро прошло.

Наверное, для таких как Юз завеса и правда необходимая вещь — иначе она думала бы не об учебе и студенческих разборках, а о глобальных проблемах своей страны. Но все равно — не нравилось мне это.

И закончить бы разговор, но внезапно меня озарила одна догадка:

— А Брусника хоть знает, почему ты так ее ненавидела?

Юз тяжело вздохнула.

— А тебе откуда знать, почему я ее ненавидела.

— Потому что, она с Эквариуса. Еще и матриарх — мамочка для всех этих фей, что когда-то бродили по мирам. А некоторые из них... или даже просто их части... каким-то нехорошим чудом превращались в монстров... или Богов.

Все-таки, когда знаешь что искать — находишь. Листала я на днях записки пинионских этнографов о Гоуд-Сва и читалась статей с теориями о процессе трансформации очередной разновидности феи-путешественницы в объект всеобщего поклонения.

— Я знаю, что это глупо, — прикусила губу Юз, и бросила тоскливый взгляд на чашку с кофе, оставшуюся на подоконнике. — Но винить... ненавидеть далекий мир, сама сущность которого так чужда и еретична, намного легче, чем людей. Мне тогда просто надо было кого-то или что-то обвинять... а потом это стало привычкой. Брусника, все эти феи, иртены и орки вызывали у меня отвращение.

— Но ведь эта дурость прошла? Ксенофобию ты свою поборола? Объясни что ли это Бруснике, она поймет... и перестанет периодически ждать от тебя подвоха.

— Мы же нормально общаемся после мэтова болота.

— Ага, минимально и строго по делу. Мир да гладь, магическое взаимодействие на уровне. Но предлагаю перед последним туром, избавиться от всех недомолвок...

— Может, тогда первая начнешь? — усмехнулась Юз. — Расскажи-ка, Абигейл Руоль, как тебе удастся быть в одних вещах такой слепой и упрямой, а в других...

— Такой проницательной и замечательной?

Юз фыркнула.

— Я тебя понимаю еще меньше, чем Эйнара. Представляешь, когда мы готовились к предварительному туру, мне все казалось что ты мне мстишь, тонко издеваешься. Я ведь должна была поклоняться Бруснике, эквариуске, должна была танцевать, как жрица, а ты еще и платье мое в белый перекрасила — чтобы я совсем почувствовала себя как в ритуале при Храме....

— Ого, — прифигела я. А ведь действительно, как все символично вышло. — Впервые меня принимали за стерву такого уровня... — Но зачем ты подыгрывала, Юз?

Я понимала, но хотела услышать и ее ответ.

— Хотела доказать, что сильнее. Принять ношу с достоинством и выйти победительницей... Смешно, да?

— Ни капли. Я не хочу тебе ничего советовать, Юз. Я простая... домашняя девочка, жизнь из книжек только и знающая, а ты жрица, управленец, опытная интриганка и все-такое... Но если хочешь что-то изменить — начни с себя. Прекращай служить со смирением кому бы там не было, выдумывать себе долги на пустом месте и оправдывать это все стремлением быть сильной...

На идеальном лице Юз ничего не отразилось, но кулаки она сжала. И я чувствовала через камень — она соглашалась со мной.

— И спасибо тебе за то, что вставила мозги тогда, с болотом... Бесила ты меня ужасно, но мне понравился результат.

— Я сама не знаю, зачем это сделала, — призналась Юз. — И ты меня своим безразличием и безответственностью тоже... бесила невероятно. Да и благодарности одноклассников тоже хотелось... Черт!

Юз спрятала лицо в руках и тяжело вздохнула.

— С одной стороны облегчение знать, что ты вообще не имела меня все это время, что я сама себе надумала каких-то тайных умыслов. Почти убедила себя, что за твоей прямолинейностью скрывается хитрая, умнейшая змея...

— Все я поняла, — я встала из-за стола. — Можешь не продолжать. А то мне становится грустно, что я не какая-то то там змея, а прямая, как палка, блондинка.

Мы секунду помолчали и дружно расфыркались от смеха.

А потом я услышала из гостинной кое-что очень знакомое. Буквально вылетела из кухни, забыв про Юз, чтобы увидеть и услышать, как под один из моих любимых треков, мою дорогую развеселую рок-музыку, отрываются Мэт и Кальц. Эйнар пока просто прислушивался, пытаюсь понять в диком ли он ужасе от подобных звуков или в чистом восторге.

Где, черт побери, раньше была эта музыкальная прелесть и почему, спрашивается, я столько страдала без родной музыки?!

— О, Абигейл, — перекрикивая электрогитару, позвал меня Эйнар. — Совсем забыл спросить... Пойдешь со мной на бал?

Лучше бы он и не вспоминал, а то я не знала, как тактично ответить. Бал пропускать я не собиралась, но проблему в том, чтобы прийти одной, не видела. У меня же там Хоук, а Эйнар мог слишком серьезно отнестись....

— Разумеется, чтобы женишка твоего побесить! — очень вовремя уточнил свои мотивы Эйнар.

Ну как можно было ответить отказом на такое правильное приглашение?

Глава 44. Абигейл

Закрыв проклятую тетрадь с домашним заданием по алхимии — выписывала рецепты пяти основных составов снотворных зелий — я потянулась и зевнула. В последнее время я рано ложилась, радуясь тому, что кошмары наконец-то отстали, и все равно никак наспаться не могла. Но сегодня торопиться было некуда — завтра впервые за долгое время выходной... и бал. А так как я на него не иду, то планировала запереться, повесить на дверь гасящее звуки заклинание и спать-спать-спать. До тех пор спать, пока все на бал не разойдутся. А потом выковырять Фрино из его комнаты и устроить с ним свой собственный бал и пир — только для нас двоих.

Когда я снимала учебник с витой подставки и укладывала его в сумку, в дверь поскреблись, причем поскреблись — в самом прямом смысле этого слова. Ну еще бы — на дворе середина ночи, свет везде давно приглушен.

Так... стук совершенно незнакомый. Янка стучит трижды, коротко и настойчиво. Мрамор стучит громко, но неуверенно. Орсон весело барабанит пока не откроешь. Кальц выстукивает каждый раз новую короткую мелодию. Кто пришел-то?

Размышляя над тем, кто может вот так странно стучаться, я приоткрыла дверь и нос к носу столкнулась с Фрино. Удивилась — еще бы, в общежитии мы старались не пересекаться совсем, боясь попасться. А тут вдруг посреди ночи пришел. Мало того... на Фрино была та одежда, которой я не нем не видела со времен нашей драки — темно-бордовый плащ, накинутый небрежно на плечи, рубашка с кружевным жабо, узкие брюки и сапоги до колена. Это меня очень обеспокоило. Невольно вспомнились слова Яны о том, что люди не меняются, и рано или поздно он еще покажет себя с очень плохой стороны.

— Что-то случилось? — с опаской спросила я, выглядывая в коридор.

— Ты случилась, — улыбнулся Фрино и, сцапав меня за руки, с интересом осмотрел. — Решил украсть тебя до утра и кое-куда сводить. Что скажешь?

— Скажу, что мне нужно одеться, — смутилась я, понимая, что предстала перед ним в одном коротком халатике. — Подождешь?

— А посмотреть как переодеваешься нельзя, да?

— Нет, нельзя, — я еще больше смутилась.

— А жаль. Ладно. Тогда жду в саду у общежития. Оденься тепло и обуйся во что-нибудь удобное. Идти далеко.

Я была нежно поцелована в щеку, поглажена по волосам и оставлена на пороге в полном недоумении. А если бы нас кто-нибудь увидел? Он же первый трясся над тем, чтобы сохранить нашу тайну, а тут вдруг вот так посреди коридора поцеловал! Что вообще происходит?

Глянув вслед собственному парню, я вскользь подумала, что я знаю целых три Фрино. Один — безумный псих, второй — безжалостно честная язва, третий — милый и веселый проныра. Последний на данный момент принадлежал только мне и, возможно, Эйнару.

Быстро покопавшись в своих вещах, я выудила из глубины шкафа единственный легкий серый свитер, натянула его поверх майки, сунула ноги сначала в джинсы, а потом в кроссовки, и вышла. Эх, так уже привыкла одеваться по земной моде. И как я только раньше терпела все эти корсеты и белые приторные платья, не понимаю?

Фрино действительно ждал у ворот, однако вместо магического светлячка у него в руках

была длинная палка, с верхушки которой на тонкой цепочке свисал масляный фонарь. Выглядело это мягко говоря чудно.

— Куда мы пойдем? — уточнила я. — И почему ты так одет?

— Знаю, сейчас тебе все это кажется очень странным, — с таинственно-серьезным видом Фрино протянул мне руку. — Но когда мы придем на место — я все объясню. Просто... глупо, наверное, прозвучит, но доверься мне.

— Хорошо, — я удивленно приняла его руку.

Мы покинули окружающий общежития сад и Фрино потянул меня в сторону ворот академии. Миновав их, мы ступили на мягкие облака. Дикий туман тут же с интересом на нас накинудся, облепил, и тогда Фрино зажег фонарь. Тусклый свет чуть разогнал мутное марево. Я оглянулась на академию и хмыкнула.

— Врата небесные, — хмыкнула я. — Иногда мне кажется что тот, кто выдумал рай, бывал в Междумирье.

— Знаешь, а я вот считаю что рай — это не место, — пробормотал Фрино, — а состояние души.

Я не нашла, что на это ответить. Сейчас я понимала только то, что Фрино ведет себя очень странно. Это чуть пугало и сбивало с толку. Если бы не данная им клятва не навредить мне — я бы даже забеспокоилась.

Пока я обдумывала своеобразную идею о рае, Фрино потянул меня через туман, в облака. Молча, уверенно, каким-то неведомым образом ориентируясь в совершенно одинаковом, частично утопленном в туманах пейзаже. У меня не возникало ни малейшего сомнения в том, что он знает, куда идет.

Шли мы довольно долго, то взбираясь по облачным склонам, то спускаясь, то проходя по узким мосткам. Шли до тех пор, пока вдруг облака не расступились, и мы не вышли на самый край.

Ничего прекраснее неба Междумирья я в жизни не видела. В академии оно никогда не показывалось из-за облаков, а теперь я наконец получила возможность на него полюбоваться. Здесь были звезды — но не такие, как на Кронусе. Иные. Живые. Они тс раздувались, то опадали, и скользили по небу, встречались, перемешивались и расходились. Каждая из точек светилась своим цветом, и от них отходили тонкие нити, похожие на разноцветные пряжи волос в воде. Меня так заворожило это зрелище, что я и не заметила, как Фрино подтянул меня к самому краю.

— Что это вообще... такое? — спросила я, жадно взглядом впитывая немислимую красоту.

— Ну, я и сам толком не знаю, — садясь на самый край и втыкая рядом с нами в облака фонарь, сказал мне Фрино. — Я много у кого спрашивал, но... Якоб сказал, что это те самые щели, через которые утекает в другие миры магия. Грег — что это корни, которые миры пустили в Междумирье, объединившись в Альянс. Вальдор — что это просто граница мира так выглядит, и все остальные теории — ничем не подкрепленные домыслы. Но, честно сказать, мне все равно. Что бы это ни было — оно очень красивое. И вытягивает магию.

Чуть перепугавшись от такой новости, я заглянула в себя и поняла, что и правда уже наполовину пуста. Так вот почему он взял фонарь. Магический светлячок наверняка бы погас, а так у нас хоть какой-то с собой свет есть. Пусть в междумирье вечные сумерки, но сумерки далеко не светлые.

— И не поспоришь, действительно красиво, — опутившись рядом с ним, сказала я. —

В последнее время я вижу столько всего потрясающего... кажется, я понимаю, что ты имел в виду. Ну, про рай. Как ты вообще нашел это место?

— Не поверишь, но я знал о нем задолго до прибытия в академию, — Фрино положил свою руку на мою, и мы осторожно переплели пальцы. — Я ведь гулял в Междумирье во снах. Эйнара здесь, кстати, встретил.

— Я тоже здесь познакомилась с Абигейл, — кивнула я. — Я понимаю. Но я бывала в Междумирье нечасто и только, может, последние полгода.

— А мне всю жизнь оно снилось, — Фрино повалился на спину, в облака, я примостилась рядом. Наши ноги болтались в воздухе, а сами мы смотрели вверх, на это удивительное небо. — Я ведь родился магом. Как говорил отец — мне еще пуповину не успели обрезать, а письмо о том, что меня заберут в академию уже пришло. Думаю, если бы не это — я бы не дожил и до шестнадцати.

Его рука стиснула мою. Я знала — это болезненная тема. Знала. Но все равно попросила:

— Расскажешь? Ну... о себе... о том, кем ты был до того, как...

— Расскажу, — неожиданно согласился Фрино. — Со временем. Обещаю. И не потому что Вальдор попросил, а потому, что сам хочу уже с кем-нибудь поделиться и перестать бояться собственного прошлого.

Я украдкой скосила на него глаза, но лифо Фрино ничего особенно не выражало.

— Однако это будет не самый приятный разговор, — хмыкнул парень. — Потому не сейчас, хорошо? Сейчас я хочу тебе кое-что другое показать. Я... не знаю, зачем я его сохранил, но... держи, в общем.

И он, порывшись, в кармане, выудил на свет маленькую склянку, похожую на флакон духов. Помешкав, Фрино передал ее мне в руки.

— Только не открывай. Даже запах может сильно навредить.

Бутылочка оказалась фигурной, из толстого зеленого стекла. Она изображала сердце, в которое впивалось по обе стороны зубами две змеи-ручки. Узкое горлышко закупоривала длинная пробка.

— Что это?

— Яд. Называется он — оргия тысячи змей. Самый страшный яд во всех семи мирах, от которого до сих пор не придумано противоядия. Выпьешь его — и умрешь в лучшем случае через пять суток, до этого пережив все возможные мучения. Это прощальный подарочек моего отца.

Я сжала бутылочку в руках, раздумывая, а не запустить ли ей с края света. Будто угадав мою мысль, Фрино кивнул.

— Хочешь — брось. А хочешь — забери себе. Оно очень дорого стоит.

— Отдам Кеше, — сказала я, засовывая яд в карман. — Он любит сложные задачки. Может, ему повезет, и он изобретет противоядие. Пусть зло послужит благу.

— Пусть зло послужит благу... — повторил за мной эхом Фрино. — В этом что-то есть. Что ж... я тоже собираюсь совершить кое-какое зло во благо. После выпуска.

— Что именно? — настороженно спросила я, оторвавшись от неба и посмотрев на серьезного Фрино. Он тоже повернул ко мне голову и прикрыл глаза спокойно, умиротворенно.

— Вчера мне пришло от отца еще одно письмо, — сказал парень. — Кто-то узнал о нашей маленькой тайне и рассказал ему. Он красочно расписал мне, что он с тобой сделает, когда нас поймает. И знаешь... то ли я действительно изменился, то ли беседы с Вальдором

как-то повлияли, но меня смех от этого дурацкого письма разобрал. Угрозы, угрозы, угрозы. Я тебя убью, я тебя замучаю, я уничтожу все, что тебе дорого и все что ты любишь... такой бред, и из-за чего? Из-за какой-то невысказанной ерунды! Почему я вообще раньше его боялся, не понимаю?

— Все точно будет в порядке? — забеспокоилась я.

— Яна, я видел на что ты способна, — усмехнулся Фрино. — И я тоже расту очень быстро. Еще немного, и я превзойду отца по силе. К тому же — кто есть у него? Купленные шавки, которые бросят его как только запахнет жареным? А на моей стороне ты и Эйнар, и, кстати, Якоб. Так что я просто пойду к отцу сам.

— Почему он вообще так... ну... ненавидит тебя? — хмыкнула я. — Не понимаю.

— Я тоже не совсем это теперь понимаю, — согласился Фрино. — Раньше у меня действительно было чувство, что я что-то сделал не так. Не так, как ему бы хотелось. Но теперь, спустя месяц, мне начинает казаться, что он просто все это время играл со мной. Хотя что уж там... иногда и раньше мысли такие проскальзывали. Он любит ломать свои игрушки — слуг, рабов, жен, детей. Заставлять их мучиться. Я ведь не первый. Сентрсы порождают на свет наследника и, если он не удался, убивают и его, и мать, и пробуют снова. Он не убил меня только потому, что я был под защитой академии и Альянса. Но он не учел, что я здесь могу стать сильнее. Наверняка, думал, что меня вышвырнут, и он наконец избавится от меня... но я не вылетел каким-то чудом. И теперь все, чего я хочу — это прекратить его игры... Оборву этот сучий род Сентро, отпущу всех рабов. Устрою там что-то вроде небольшой революции имени меня и спокойно пойду заниматься тем, что мне действительно нравится.

— Может все же не стоит? — спросила я опасливо. — Может, лучше просто напугать?

— Увы, этого мало, — покачал головой Фрино. — Я сам уже думал... Много думал. Но, как бы я не думал — если я его не убью, он не даст мне спокойно жить. Потому мне придется это сделать. К тому же... Яна, он на моих глазах спускал живьем кожу с совершенно невинных людей — просто потому, что ему было скучно и хотелось развлечься. Что бы ты выбрала — смерть одного негодяя или смерти множества невинных людей.

— Хорошо... я понимаю... — согласилась я. — Но одного я тебя не отпущу...

Эти слова дались мне нелегко. С одной стороны — я все же была против убийства. С другой — чем больше я знала, тем больше ненавидела отца Фрино. И, думается мне, возненавижу его еще больше, когда мой парень наконец расскажет мне о своей жизни. Потому я решила предложить помощь. Хотя и понимала, что нелегко мне придется.

Вот ведь... лежим и планируем убийство. Хороши великие маги.

— Спасибо за это, — Фрино с благодарностью приобнял меня за талию и зарылся носом в волосы. — Прости, что втягиваю тебя в этот ужас. Хотя к отцу я все равно пойду один. Но ты все же можешь кое-чем помочь. Ты когда-нибудь статуи взрывала? Я думаю у тебя прекрасно получится.

— А зачем их взрывать? — удивилась я.

— О, ты же не знаешь. Посреди Орны — это так моя страна родная называется — в столице стоит огромная статуя двухголовой собаки. Она называется Закон или Судья. Одна часть тела у нее черная, другая — белая, и у обоих голов языки высунуты. А на языках — закон, по которому Орна живет уже несколько столетий. Первая голова зовется Прокурор, на ее языке записаны обязанности. Вторая голова зовется Адвокат — на ее языке написаны права. Эта статуя и наш бог, и наш царь, другой власти на Орне нет. Так вот, ее, как я теперь

понимаю, давно пора взорвать. Только она магией пропитана, так просто ее не возьмешь.

— Такие плохие законы?

— Нет, законы-то нормальные. Да только я теперь вижу, что выполняются они неправильно. Просто когда два человека судятся, то выясняется сначала кто выше по статусу. Тот, кто выше становится под голову с правами, а тот кто ниже — под голову с обязанностями. В общем, кто выше — тот и прав. А если учесть, что выполнение этих законов подкреплено магией... вся Орна в каком-то роде давно находится в магическом плену. Ничего... посмотрим, как они забегают, когда мы этого пса пустим на щебенку. Как я только мог считать такую систему нормальной...

— Поняла, — прикрыв глаза, сказала я. — На щебенку так на щебенку. Но мы точно не навредим?

— Ну... — фыркнул Фрино, — ее пытаются уничтожить каждые года два-три какие-нибудь революционеры. Их даже не останавливают — Судью еще никому не удалось даже поцарапать. Мы просто им немного поможем, вот и все. А уж что дальше после этого будет с Орной... на самом деле мне все равно. Пускай хоть сгинет эта треклятая страна, в море утонет вместе со всеми ее жителями — мне будет все равно.

— Будем считать, что ты меня убедил, — вздохнула я.

— И еще... — погладив меня рукой по боку, сказа Фрино тихо. — Честно сказать я не хотел раскрывать то, что мы встречаемся, именно из-за отца. Думал же, что убегать от него буду, прятаться. Боялся, что он тебе навредит, даже здесь, в академии способ найдет. Но раз он все равно теперь все знает, да и я совсем перестал его бояться, то, может, пойдём вместе на бал?

— Уверен? — обрадовавшись, я запрокинула голову и заглянула ему в глаза. — Не боишься, что вместо твоего отца нас убьют студенты?

— Ну, — потер нос Фрино. — Чую, без синяков я не уйду. Придется отбивать тебя у твоих многочисленных поклонников.

— Да нет у меня поклонников, — улыбнулась я весело. — Я их всех разогнала.

— Тем лучше, — хитро улыбнулся Фрино. — Приятно знать, что ты моя и только моя.

— Ууууу, — чуть ли не взвыла я от разгоревшегося внутри азарта. — Все просто рухнет на месте от такого. Небеса, я пойду туда только ради того, чтобы увидеть их реакцию. Но Мрамор однозначно тебя побьет. И Абигейл добавит.

— Так и знал, — скорбно вздохнул Фрино. — Придется тебе потом меня лечить.

— Бедный, бедный Фрино.

— И не говори.

— Хотя... — я смутилась, вспомнив последний разговор с подругой. — Абигейл и меня убьет. Она вообще просила держаться от тебя подальше.

— Спасибо за это, — улыбнулся Фрино. — Ну, что не рассказала. Хотя... какая уже теперь разница. И да, я не такой стойкий как ты. Так что Эйнар будет на нашей стороне.

— Не думаю, что это так уж и хорошо, — вздохнула я. — Если бы я рассказала ей, поговорила, пояснила, может, она бы это приняла это... как-то помягче. А так... я боюсь, как бы не было скандала.

— Если что — вали все на меня, — нежно поцеловал меня он.

Фрино осторожно выбрался из моих объятий и помог подняться. Мы в последний раз глянули на магическое зарево и пошли обратно к академии, обсуждая предстоящую вылазку и веселясь от этого. Я замерзла, и его тяжелый плащ перекочевал ко мне на плечи. Так

странно было одеться в него. Одежда, в которой, казалось, жила вся злобная сущность Фрино вдруг стала безопасной и теплой. Чуть приглушили разговоры мы, только когда добрались до ворот в академию.

Красться мы не стали. Напротив. Никто нас не видел, все отсыпались перед балом. Потому можно было вдоволь нацеловаться и наобниматься по дороге. В результате до красного общежития мы дошли несколько помятые и взбудораженные. Какое-то время бессовестно целовались в входа, а потом, вместе поднялись наверх, на второй этаж. Он отпер свою дверь, я — свою. Мы повернулись друг к другу, еще раз поцеловались будто бы на прощание...

...а потом он осторожно так, ненавязчиво, потянул меня в сторону своей комнаты. Лицо у него было умоляющее, вид — чуть взъерошенный, раскрасневшийся. И я, так и оставив ключ от своей двери в замке, пошла за ним. Пошла, потому что действительно этого хотела. Дверь его комнаты за мной щелкнула, словно мышеловка, и я попалась.

Я думала, что меня разорвут на кусочки... но Фрино на удивление никуда не торопился. Он будто пытался украсть меня у всего мира, даже у самой себя. Медленно, мучительно, он уничтожал мои страхи, превращая их в желания. Он не кинул меня на кровать и не навалился сверху — мы легли вместе, медленно, долго просидев на ее краешке и с наслаждением целуясь. Он не рвал на мне одежду, как это любят описывать в дамских романах — а снял ее так медленно, что я и не заметила, как осталась голой. Он исследовал мое тело, каждый его изгиб, пытаясь найти способ вырвать у меня из губ очередной стон удовольствия. Он играл со мной как хищник со своей жертвой — и под конец я сама начала хотеть, чтобы меня съели. Но это была не грубая игра, а ужасающе нежная, заставляющая все внутри сжиматься от предвкушения нового его хода. Но что самое главное — он сам потихоньку, вместе со мной, терял голову.

В свою комнату я спать не пошла — мы уснули вместе, не утруждаясь поисками одежды. И, уже когда Фрино расслабился и засопел я поняла — никогда, никогда в жизни я об этом не пожалею. Но перед Яной мне придется очень серьезно извиниться... если, конечно, она тайком от меня уже не сделала этого с Хоуком.

Первым, что я увидела, проснувшись утром, стала исцарапанная спина Фрино. Кое-где на царапинах серьезно была запекшаяся кровь, и я отругала себя за это последними словами и пообещала, что буду теперь стричь их как можно короче, чтобы не навредить своему парню.

Парень, надо сказать, довольно мило спал, подложив руки под щеку и поджав ноги. Я решила его не будить, а осторожно выбраться из постели и одеться. Куда там. Фрино обернулся на меня после первого же произведенного мной шороха. Я смущенно потянула на себя одну из шкур и прикрыла ей тактически важные места — спала-то я голышом.

— Доброе утро, — сонно пробормотал он, переворачиваясь на спину и заставляя меня покраснеть еще больше. — Который сейчас час?

— Не знаю, — пискнула я, с интересом его разглядывая.

Впрочем, я и вчера его разглядывала, но насмотреться никак не могла. Фрино, конечно, не был эталоном мужской красоты, но мне его внешность нравилась. Худой, угловатый, но какой-то складный. Приятное лицо чуть портили залегшие под глазами тени, под глазами залегли тени. И ни намека на мышцы. Мне он напоминал одного мага из сказки с Кронуса. В ней рассказывалось о волшебнике, который был настолько физически слаб, что даже ноги

свои двигал при помощи магии. А все потому что он не ел и не спал чтобы найти истину. Странная сказка... до сих пор я не могла понять, какая же в ней мораль.

— Тебе однозначно надо больше есть, — задумчиво сказала я. — И больше спать.

— Вальдор сказал мне то же самое, — невесело улыбнулся Фрино. — Я постараюсь. А то скоро буду действительно в обморок от недоедания и недосыпа падать.

— П... почему? — удивилась я.

— Я сплю часа по четыре в сутки, и почти ничего не ем, — пояснил мне Фрино, натягивая на себя шкуры. — Просто будучи голодным как-то легче... ну. психологи... чески. Думаешь больше о еде и сне, чем о своих проблемах. К тому же я всегда думал, что быть физически слабым нормально для меня. Вроде как вся моя сила в магии... но посмотри на меня. Даже малявка Абигейл свалила меня одним ударом с ног и сломала нос. А ты в тот раз между прочим сломала мне пять ребер.

— Кстати о травмах... — покраснела я, удивляясь таким совпадениям со старой сказкой. — Можно я полечу твою спину?

— Ну, если тебе не сложно, — улыбнулся мне Фрино.

— Прости, я не думала что так ее... поврежу.

— Дело не в тебе. Стыдно сознаваться, но кожа у меня тонкая. Так что если вздумаешь когда-нибудь меня покусать в порыве страсти — не удивляйся, если потом обнаружишь кучу синяков. Я вообще позорно хрупкий для мужчины.

После этих слов я лишь с нежностью улыбнулась. Да уж, парень мне достался мягко говоря необычный. Хрупкий, странный, запутавшийся. Но я знала, на что иду и ни о чем не жалела. К тому же с ним было не скучно. Я никогда не знала, что он в следующий момент выкинет. Единственное, о чем я беспокоилась — это то, что раньше он ничего о себе не рассказывал. Теперь же он обещал... и я понимала, что должна открыться в ответ.

— Надеюсь, ты не жалеешь, — понял мое молчание по-своему Фрино.

— Не жалею, — покачала я головой. — И никогда не пожалею. И еще...

Фрино насторожился, глядя на меня внимательно. Я помялась:

— Я постараюсь рассказать тебе или сегодня вечером, или завтра ночью одну большую тайну. Но сначала мне нужно уладить кое-какие дела.

А если быть точнее — поговорить с Яной. Давно пора было это сделать. Рассказать ей обо всем — и о Малуме, и о Фрино, и о том, что Мрамор знает наш секрет. Зря я столько тянула. И попросить рассказать наш секрет Фрино. Потому что вне зависимости от того, останемся мы в чужих телах или вернемся в свои, я не хотела с ним расставаться. Никаких свадеб с Хоуком. И еще... надо попытаться уговорить Яну поменяться телами уже навсегда. У меня в запасе как раз накопилась куча убедительных аргументов. Как раз на балу или после него и поговорим. Только вот...

В чем идти-то? Платья-то у меня нет.

На автомате я подняла с пола плащ Фрино. Посмотрела сначала на него, потом на себя в зеркале, потом на своего парня. И улыбнулась. Что ж... имелась у меня одна сумасшедшая идея по поводу того, что надеть на бал. Кто сказал, что девушки должны приходить туда исключительно в платьях?

— Фрино, слушай, — улыбнулась ему я. — Ты ведь у нас будущий революционер и авантюрист? А не хочешь сломать кое-какие моральные устои уже сегодня вечером?

— Смотря какие, — с интересом уставился на меня Фрино. — Надеюсь, ты не предложишь мне пойти на бал в платье и на каблуках?

— Нет, — улыбнулась ему я. — Но общую суть ты уловил... только давай как-нибудь тайком проберемся на склад с одеждой...

Глава 45. Яна (1)

Занятия сегодня отменили — в честь бала. И на том спасибо, ведь учитывая, что завтра финал турнира, нагрузка на бедных студентов и так преогромная. Хотя бедные студенты оставались лишь в нашей группе и красном общежитии. Остальные уже пережили проигрыш и просто предвкушали зрелище.

Но сегодня — бал.

Ожившая сказка для стольких девчонок — красивые платья, красивые парни, музыка, блеск и пафос. И меня в подростковом возрасте сия чаша не миновала — мечтала превратиться из Золушки в принцессу и всех поразить. Но даже в те времена, когда я грешила глупыми фантазиями, представить не могла, насколько... превращусь.

Я смотрела в зеркало на себя — на Эби — такую красивую в этом черном облегающем платье, на высоких каблуках, что делали фигурку визуально еще стройнее, а талию — тоньше... Может быть и не настолько тонкой, как в те дни, когда в это тело страдало от диеты, но комплексовать точно было не из-за чего. Волосы, с помощью Брусники, я собрала в изящный пучок, обвитый косичками. От небольшого ярко-лилового камня на почти незаметной тонкой цепочке фиалковые глаза тоже казались ярче... нереальные глаза... не мои глаза...

Не хотела я ни на какой бал. Я хотела домой — хоть на пару дней. Увидеть родных, поговорить, да просто обнять — своими руками. Хотела избавиться, наконец, от этой чертовой копны, за которой хочешь не хочешь надо ухаживать. От невозможности выпить и наестся острого и жирного от души, не мучаясь потом тошнотой. От чужих, слишком слабых, мягких рук со слишком быстро растущими ногтями. От оценивающих, восторженных взглядов парней, которые на какой-то миг и льстят, но потом вспоминаешь, что видят они лишь эту идеальную маску — и все становится таким бессмысленным.

Ах да, а еще я хотела Хоука, но даже думать об этом не смела сейчас. Только после того, как он, наконец, решится раскрыться мне, только, будучи самой собой. А просто получить удовольствие, когда мы оба скрываем друг от друга нечто важное — нет... слишком уж Уильям Хоук мне стал безразличен для такого. К тому же Эби важна ее девственность, подло было бы лишиться ее ради только развлечения ради. Так что неправильные мысли о нашем женишке я держала в узде. Хоть и не могла не предвкушать, как он сегодня будет мило злиться от ревности.

Я глупо улыбнулась своему отражению

Эх... Ведь вроде бы и привыкла легко, и пользовалась с удовольствием прелестной внешностью, но иногда как нахлынет это чувство, что я не на своем месте, что это все какой-то глупый и опасный маскарад, и портится все настроение.

Надеюсь, завтра уже все решится. Чтобы там не придумали организаторы — я... моя группа выкрутится. Может мы и слабее по магической силе, но лучше красных работаем в команде. А с Фрино я теперь точно справлюсь — о, мне не терпелось взять реванш! И может вот тогда и подумаю о снисходительном прощении и принятии его обновленной версии, порадую излишне чувствительную Эби и желающего примирить меня со своим дружкой Эйнара.

Эйнар постучал в дверь прямо в унисон моим мыслям о нем. Условно так — стукнул разок и сразу же зашел. Парень променял свои артефакты на стиль — снял весь пирсинг,

расплел косички и его белые волосы, почти такие же светлые, как у меня в теле Эби, послушной волной лежали на плечах. Сегодняшним видом он ассоциировался у меня с каким-нибудь дэнди — темно-синий фрак, такой же жилет, сорочка у шеи прикрыта белоснежным шарфом-галстуком, а главное — ухоженным и элегантным Эйнаром выглядел еще более, чем обычно. Красивый, конечно, и рядом мы должны смотреться неплохо, но все же с небрежным хвостиком или косичками, с закатанными рукавами во время работы над артефактом, он мне нравился больше.

А вот я явно нравилась Эйнару еще сильнее прежнего.

Я буквально почувствовала его наслаждение — он любовался мной, как красивой картиной.

Правда, к картинам таких намерений, как у Эйнара ко мне, нормальные мужчины не имеют.

Может лучше отключить этот артефакт? А то я могу делать вид, что мне пофиг, но только вот щеки в этом теле краснеют слишком легко. Так, ладно, будто бы мне впервой почувствовать чужое желание...

— Я вот все думаю, Эйни, — посмотрев напоследок еще раз на свое отражение и поправив выбившуюся прядку, сказала я, — Какой же ты кобель...

— Ух, слава всем морским духам, — театрально выдохнул Эйнар. — Ты все та же моя прекрасная Абигейл! А то эта внезапная... женственность несколько меня смутила.

— Ух, слава самому мирозданию, а ты все еще мой любимый шут, — в тон ему ответила я.

Но Эйнар почему-то решил, что все-таки надо быть посерьезней и отвесить мне пару искренних комплиментов. Ну, относительно.

— Ты правда очень красивая, — он вежливо пропустил меня первой в коридор. — Самая красивая в этой Академии, и, не сомневаюсь — затмишь на балу всех. Да. пусть нежные оттенки — розовый или голубой, например — подошли бы тебе больше, чем это черное платье, но и сейчас ты выглядишь, как настоящая девушка, прелестная девушка, а не...

— Я сейчас тебя свяжу и запру в ванной.

— Нельзя идти на бал одной.

— Подцеплю кого по дороге. Если тебе верить, то ради такой красивой меня любой свою спутницу бросит.

— Даже парень твоей подружки Яны?

Я недоуменно на него посмотрела. Что это еще за странный невинный тон?

— Яна вообще на бал не идет, какой еще парень?

Ответить Эйнар не успел.

— Ух ты! Эби! Ты красотка! — за болтовней мы спустились в гостиную, и нас тут же встретил возглас Альбо.

Он так и не нашел себе пару на бал, но вроде бы унывать не спешил. Хотя вчера весь вечер на Кальца посматривал со вселенской обидой — оказывается, наш демон решил составить компанию Бруснике! Та, естественно, была на седьмом небе от счастья, но радоваться мне за нее было сложно. Как по мне они слишком с Кальцем разные, чтобы из этого что-то вышло толковое. Развлечься, получить обоюдное удовольствие — это одно, но я боялась, что Брусника чересчур серьезно запала на нашего демоняшку.

А еще мне было жалко Мэта с Альбо. Эльф, правда, сблизился с Оленной — рыжей

девчонкой из фиолетового общежития, с которой они еще так хорошенько подрались во время защиты “флага” во втором туре. А вот оборотень — один остался. Ведь такой хорошенький парень, а никто не ценит!

Он развалился в кресле — лохматый, одетый в свои обычные брюки и футболку — и вертел в руках свой желто-белый браслетик. Тот самый случайно улучшенный мною во время второго тура связующий артефакт. Мы их в тот же день сразу же поснимали для собственного спокойствия — уж слишком эта безделушка заставляла чувствовать себя открытым для других: и магически, и душевно. Но как-то в течении недели фенечка у каждого вернулась на законное место на запястье: пусть и неактивированная. И у нас сейчас с Эйнарм были, просто прикрытые несложными чарами, чтобы оставались невидимыми и не выбивались из стиля.

— У меня на родине парочки похожими меняются, когда начинают в одном доме жить, — увидев, что я остановила взгляд на браслете, сказал Альбо.

— Ну так, мы же одна большая семья и все такое, — фыркнула я.

— Вы с Эйни на мамочку и папочку не очень похожи, — выдал Альбо очередную слишком для себя длинную фразу.

— Я-то здесь причем? — почему-то ужаснулся, даже вполне искренне, Эйнар.

А я почти одновременно с ним сказала:

— Так мы сироты. Никаких мам и папа — сами справляемся. На старшую сестренку я хотя бы сгожусь?

Я, кстати, действительно, в нашей группе была самой старшей, пусть всего и на год... если забыть про Кальца с его неопределенным возрастом. А вот Эйнару было только девятнадцать, пусть он и выглядел, и воспринимался мною как человек постарше. Я ловила иногда себя на мысли, что слишком тесно и странно общаюсь с малолеткой — это ж целых два года разницы! И это при моем предпочтении мужчин постарше.

— Ты хорошо убираешь! Так что — да!

Пока я пыталась сообразить подтекст, или хотя бы просто смысл этих слов, Эйнар заскучал и потащил меня к выходу.

— Мы так опоздаем на открытие, душа моя... Альбо, только не говори, что собрался остаться здесь в гордом одиночестве.

— Останусь! Не люблю этот праздник. Не люблю толпы Хранителей, что там ходят. И Брусника с Кальцем, а больше я ни с кем не хотел. Но меня звали! Бэтти из оранжевого и Шайлин из голубого. Но я лучше полетаю и посплю... И буду завтра сильнее всех, потому что все будут невыспавшиеся и усталые, а я...

Дослушивать мы не стали, я только и махнула на прощание рукой.

— Вот, кстати, про высыпание Аль верно заметил, — сказала я после некоторой паузы. — Устраивать бал перед финалом не очень-то удобно для участников.

— Скорее это финал устроили сразу после бала. Все-таки это ежегодный праздник, — пожал плечами Эйнар и лукаво мне улыбнулся. — Но разве танцы станут нам помехой в победе с такой-то сестричкой-генеральшей?

Я задумчиво на него посмотрела:

— Слушай, Эйни... ты правда думаешь, что мы выиграем? Но ладно, пусть выиграем, а что дальше-то?.. Какое вот ты хотел бы загадать желание?

— Разве это не очевидно, — с ироничной безразличностью ответил он. — Мне бы просто дотянуть до конца обучения... Да, баллы я еще как-то зарабатываю, умом и

обаянием, но даже не знаю, у кого в Академии такие же слабые силы как у меня.

— Сдурел? Я вот не знаю, у кого в Академии, учитывая всех преподавателей, между прочим, такие крутые способности к артефакторике!

— Не уверен. что найдется артефакт, что поможет мне не завалить практику у Леама... Да, к черту... Сама-то что хочешь от Кристалла?

Эйнар, хитрый паразит, определенно, рассчитывал, что я отвечу она его откровенность откровенностью, но получил лишь ехидную ухмылочку.

Не могла же я ему сказать, что хочу вернуться в свое тело и сохранить магию. Я долго думала над формулировкой, и не настолько дура, чтобы не понимать — просить надо не мгновенное размещение наших с Эби душ по правильным телам, а умения эту фигню контролировать. У меня не было ни малейшего желания покидать уже родное общежития, вновь притворятся — уже чужачкой перед друзьями и другом перед чужаками из красного. Да и вряд ли получится. Главное, чтобы магия всегда была со мной, чтобы я могла хоть иногда до окончания академии встречаться с важными мне людьми будучи в своем настоящем теле, а потом... а потом будет потом.

Глава 45. Яна (2)

На торжественное открытие мы все-таки опоздали.

Бальный зал скрывался за одной из вечно запертых дверей недалеко от столовой. После полумрака безлюдного холла он буквально ослеплял и оглушал своими яркими красками, музыкой... жизнью.

С потолка, словно гирлянды из новогоднего дождика, свисали мерцающие синие ленты, а между ними летали ярко-голубые и огненно-красные шарики-светлячки. Между окнами поставили огромные зеркала в тонких золоченных рамах, а на самую дальнюю стену повесили две картины. Портреты в полный рост красивой блондинки в тонком синем плаще и черноволосого, весело улыбающегося мужчины, который облокотился на меч с большим рубином на рукояти. Как я понимала, это были герои легенд о сотворении Альянса — влюбленная парочка открывшая способ перемещаться в другие миры.

Просторный зал — без пространственной магии тут явно не обошлось — был уже заполнен нарядами и не очень студентами, преподавателями и кучей незнакомцев разного возраста и статуса. Большинство кружилось в танце, кто-то облюбовал, устланные алыми скатертями столы с закусками и напитками, а кто-то парочками или целыми стайками просто болтал.

— Не думала, что будет столько много народа, — пробормотала я, наблюдая, как мимо проходит рогатая девица, смутно знакомая с ночи взрыва Кристалла. — Что, даже второй курс с нами на эту ночь объединили?

— О да, — Эйнар тоже с любопытством оглядывался. — А еще пригласили толпу Хранителей, спонсоров академии и просто важных людей Альянса. Я слышал, что в эту ночь заключается немало полезных договоренностей.

— Я в эту ночь хочу просто расслабиться, — ответила я, кивая знакомым лицам. На глаза мне попадались то Кальц с необычайно очаровательной Брусникой, то Мэт со своей рыжей, то зажигающая с Вальдором Дженни, то Юз, с незнакомым мне парнем из оранжевого общежития. Все они были такими непривычно нарядами, веселыми. Мои друзья и знакомые просто наслаждались праздником. Да и мне самой атмосфера нравилась. Даже жалко, что Эби решила не приходить

Уильяма Хоука в толпе я высмотрела далеко не сразу. А когда высмотрела — даже посочувствовала женишку. Его держала в осаде смутно знакомая мне парочка Хранителей в своих официальных белых плащах. Точно! Те близнецы, что встретились мне при возвращении с Готреда перед воротами Академии. Что им интересно надо?

Вообще такая концентрация Хранителей конкретно напрягала.

Эйнар тоже Хоука заметил и с пакостливой улыбкой приобнял меня, шепнул с томным видом на ухо:

— Давай будем делать вид, что ты и на секунду от меня оторваться не можешь.

Объятья Эйнара были приятны. От него едва уловимо пахло морем и чем-то фруктовым — видимо Кальц или Юз помогли с духами. Он держал меня так нежно и ненавязчиво, но удивительно крепко. Я даже подумала, что действительно не могу... точнее, не хочу отрываться от него. Я могу говорить с ним о чем угодно, впитывать его противоречивые эмоции... это ведь так интересно. Но это все — игра. Странная, шутливая и опасная. И лучше оставаться в ее рамках.

Лучше издалека наслаждаться пристальным вниманием Хоука. А когда он не стерпит, придет забирать невесту из загребущих лап Эйнара... то я еще подумаю с кем остаться на этом балу.

— Давай для начала просто потанцуем, Эйни, — и парень послушно повел меня по залу.

Возмущенно-ревнивый взгляд Хоука, который пока так и не рискнул кинуть Хранителей, чтобы разобраться с моим партнером, вызывал удовлетворение и некоторое злорадство. Пусть Билли не думает, что все так просто, что он один у меня такой очаровательный лицемер. Пусть помучается чуток... может разговорчивей станет. Я просто очень-очень хотела, чтобы он стал разговорчивей. Показал, наконец, что чувствует ко мне, и не просто тревожными взглядами и эмоциями, а так нужными мне словами. Тогда и я, возможно, осмелюсь чувствовать что-то в ответ по-настоящему.

Да только пока этого паразита отвлекали от меня всякие важные люди — теперь вот Рада Тарвиус подошла и увела недовольного Хоука подальше от Хранителей. Вообще из зала выела. Ну и ладно — вернется же он рано или поздно.

Играла музыка, смахивающая на обычный вальс и мы с Эйнармом расслаблено кружились. Как и я парень мыслями был где-то далеко... к тому же он словно ждал чего-то с опаской и азартом.

— А где твой дружок? — спросила я, когда поняла, что краем глаза рассмотрела уже всех знакомых студентов. — Не придет?

— Должен прийти... со своей девушкой, — рассеянно ответил он.

— Серьезно? — удивилась я. — Интересно будет взглянуть на эту ненормальную.

— У твоего дружка тоже подружка... интересная.

— Какого еще дружка?

— Ах да, их же у тебя бесчисленное полчище... Дракона.

Эйнар кивнул мне за спину, и я с любопытством обернулась.

Мрамор стоял у большого, от пола до потолка, зеркала, и в буквальном смысле разговаривал с пустым местом. Со стороны можно было бы подумать, что у дракона поехала крыша. Но, догадавшись заглянуть в зеркало, я увидела в отражении рядом с ним симпатичную девушку — худенькую, маленькую, чем-то отдаленно похожую на Эби, только более блеклую. На ней было простенькое бежевое платье с кучей кружев, неопределенно-русые секущиеся волосы явно ни разу в жизни не укладывались.

Невидимка из голубого общежития. Вот уж неожиданно. Неужели она Мрамору нравится больше чем Эби в моем теле?...

Хотя черт этого полудракона знает. Я с ним уже не помню, когда в последний раз разговаривала. Подготовка к соревнованиям подарила благовидный предлог, чтобы незаметно прекратить притворяться друзьями. Но лучше, конечно, наконец взять и поставить точку в этом деле.

И я решила не тянуть.

— Позволяю тебе пока развлечься с какой-нибудь из поклонниц, весь вечер прожигающих мою спину... а я поболтаю чуток со своим огнедышащим дружком.

Эйнар явно заинтересовался таким внезапным решением, но спорить не стал.

Подойдя к Мрамору с его невидимкой, я несколько растерялась — как к ней обращаться-то: в зеркало или в пустоту? Где она по идее должна быть?

И я абсолютно невежливо, без всяких приветствий, обратилась сразу к обоим:

— А танцевать вы как будете?

Мрамор посмотрел на меня, даже не скрывая недовольства. Невидимка же тихо, еле слышно, промямлила:

— Эм... привет... рада вас видеть, леди Абигейл...

— Как хотим, так и будем, — огрызнулся на меня Мрамор. — Тебе-то какая разница? Ты со мной месяц не разговариваешь. Хороша подруга...

Уу, мы типа как обиделись! Неплохо, неплохо — ссора окончательно поможет нам расстаться как друзья, не вызывая никаких вопросов. Да вот только такие несправедливые нападки от этого врунишки меня несколько раздражали. И его раздражение, улавливаемое через артефакт, мое только разжигало. Пусть даже не надеется, что все будет так просто.

— Прости меня, пожалуйста, — я скорчила виноватую рожицу. — Это все соревнования, совсем загрузили... Но завтра нам сражаться друг с другом придется и мне хочется, чтобы все было честно. Без всяких обид и недомолвок.

— К чему ты клонишь? — удивленно склонил набок голову Мрамор. — Какие обидки и недомолвки могут быть между людьми, которые месяц не разговаривали? Если ты о Тайне, то мы с ней здесь не как пара, а как хорошие друзья.

Говорил он довольно спокойно, но внутри кипел от негодования. И мне просто безумно хотелось продолжить строить из себя дурочку и довести Мрамора до белого колена. Он сам себя в такую ситуацию поставил. Если он меня настолько терпеть не может, то нечего тут сдерживаться и пытаться быть милым и терпеливым. Конечно, сейчас не подходящее время и место для откровений, но...

Хотя чего я хочу от этого героического страдальца? Двусмысленных фраз и подыгрывания? Явно не к тому обратилась.

Да и зачем я вообще пристала к дракону, как банный лист? Правды все равно не дождалась, да и не весело это уже давно... Особенно зная, что он чувствует. Не ожидала я в Мраморе столько озлобленности, такой, что даже стыдно становилось, что я сама дров в этот костер подкидываю.

Ну нафиг. Ревность хороший предлог. А с Эби сегодня же после бала сама поговорю. Действительно пора была избавиться от всех недомолвок.

Но сказать Мрамору заветное “я все поняла, веселитесь тут” я не успела. Увидела, как в зал входит припозднившаяся парочка. Сначала даже не узнала, отвернулась...

А потом до меня дошло, кто та ненормальная, что пришла на бал с Фрино.

Глава 46. Абигейл

Когда мы подошли к бальному залу от нашей веселой бравады совершенно ничего не осталось. Перед нами была полузакрытая дверь, из-за которой слышались голоса студентов и лился в полутемный коридор тусклый свет. Фрино сжимал и разжимал руки, я старательно пыталась не сбежать.

— Да уж... — буркнул в конце-концов Фрино. — Кто бы мне сказал, что это будет так сложно...

Я посмотрела на него, ища поддержки, но моему парню и самому помочь бы, кажется, не помешало. Вроде издалека таким веселым виделось наше здесь неожиданное появление. Но с другой стороны чем нам это светит? Удивленными взглядами, грязными слухами, мерзким перемыванием наших костей. И все мысли о танцах, о закусках, о том, что можно больше не прятаться казались уже на фоне этого не такими приятными. К тому же теперь я четко понимала — Яна и Мрамор будут не очень рады меня видеть в такой компании. Как бы дело не обернулось скандалом или дракой.

— Если все так плохо то, может, ну его? — осторожно спросила я.

— Нет уж, — мотнул головой Фрино. — Не искушай меня, женщина.

— Ну тогда пошли, — собрав в кулак остатки смелости, сказала я и протянула ему руку.

Фрино руку принял, поднес к лицу и поцеловал пальцы. Меня это смутило. Выглядел он непривычно, но потрясающе в этой белой рубашке, строгих черных брюках и галстук-бабочке.

На открытие бала мы не пошли, вместо этого тихо пробрались на склад и, смеясь, переоделись. Фрино оделся по земной моде, а я — по моде Вэйданы. Заодно и плащик его накинула — как знак того, что я с ним по доброй воле и приняла его таким, какой он есть. В этом жесте мне виделось нечто очень символичное. Хотя, честно сказать, уговорить себя на столь смелый поступок было тяжело. С другой стороны плащ не выглядел особенно мужским и неплохо подошел к довольно строгому бордовому платью в пол. В таком наряде я походила на утонувшую в мехах богачку, не хватало только искрящегося бриллиантами колье на шее.

Прежде, чем мы вошли в зал — а отступить теперь уже было некуда — Фрино попросил:

— Слушай... знаю, что трусливо о таком просить... но возьми меня, пожалуйста, за шкурку и подтащи к своей подружке.

— Зачем?

— Попробую извиниться, — хмыкнул Фрино. — Вряд ли это изменит ее ко мне отношение, но попытаться стоит.

— Хорошо, — радостно улыбнулась ему я. — Это действительно замечательная идея.

И после этого Фрино уже сам довольно уверенно потянул меня к двери. Мы вошли в зал, и я тут же принялась искать глазами знакомых. Взгляд зацепился за танцующих в общей куче Рейнара и Ивону. Вот ведь красивая же парочка — статные, сильные, но по ним не скажешь, что они вместе. Также нашла я и беседующего с Брусникой в уголке Кальца. Подруга выглядела счастливой донельзя, оделась в миленькое зеленое платье с пышной юбкой и изящной вышивкой на воротнике в виде виноградных кистей. Как всегда потрясающий Кальц улыбался, но радостнее обычного не выглядел.

А потом я натолкнулась взглядом на остолбеневших Янку и Мрамора. Так, а что они

вообще вместе делают? В голову даже забралась глупая мысль, что они там у меня за спиной подружились и встречаться начали. Да нет... бред. Мрамор же ее терпеть не может. Ну ничего, дружище, потерпи еще немножко, я ей сегодня все расскажу и она от тебя отстанет. Надеюсь.

Рядом с нами тут же возник Эйнар — уж откуда он взялся, кто его знает. Они с Фрино заговорщицки переглянулись.

— Очаровательно, — усмехнулся Эйнар. — Я выиграл сумму в две стипендии и три желания впридачу. Никто не верил, что у тебя может быть девушка. Какой ты выгодный друг, Фрино.

— Собака, — фыркнул весело мой парень. — Тебе бы только кого-нибудь развести, и не обязательно на деньги.

— Занятно вы вырядились, кстати, — окинул нас взглядом парень, а потом шутливо мне поклонился. — Яна, мое почтение. Плащ тебе к лицу. А я давно говорил Фрино, что эта тряпка женская.

— Так, заканчиваем болтовню, — отстраненно буркнул Фрино, пропустив слова про “женскую тряпку” мимо ушей. — Меня идут бить. Эйнар, ты придержи свою леди-совершенство, пока я тут разбираюсь.

— С удовольствием, — кивнул Эйнар. — И постарайся сделать так, чтобы мне не пришлось тащить тебя в лазарет еще до встречи с моей боевой леди.

— Интересные у вас с ним отношения, — улыбнулась я Фрино, глядя, как в нашу сторону с разных концов зала, лавируя между танцующих пар, спешат Кальц и Мрамор.

— Ты бы знала насколько интересные, — криво усмехнулся мой парень.

Первым до нас дошел Кальц. Как и Фрино, он был одет по земному — белую рубашку с темно-синим галстуком, приталенный пиджак, узкие брюки со стрелками и лакированные мужские туфли. Волосы демон собрал в высокий хвост, и выглядел потрясающе эффектно. Земная мода ему невероятно шла, гораздо больше тех кукольных нарядов, что он носил поначалу. А вот причину, по которой он так быстро пришел к нам сейчас, я все никак не могла понять. Надеюсь, что не решил начать рассказывать мне, какой Фрино плохой. Я уже даже внутренне напряглась, но демону удалось нас удивить.

— Это просто нечто! — восторженно сообщил он, подойдя по ближе. — Яна, где ты прятала этого потрясающего парня?!

Мы с Фрино опешили от такого заявления и удивленно переглянулись.

— Эм... чем я заслужил комплимент? — уточнил Фрино.

— Ты выглядишь просто удивительно хорошо, вот чем! — горя глазами заявил Кальц. — Кто бы знал, что земная мода настолько тебе пойдет. Я так рад, что не один пришел сюда в наряде из этого потрясающего мира!

— Ааааа, — протянул как-то пришибленно Фрино. — Ясно...

Не успел он это договорить, как демон сцапал и пожал его руку. Фрино, как я заметила, никому кроме меня к себе прикасаться не давал, даже Эйнару. А тут вдруг такое посягательство на его личное пространство.

— У меня есть несколько модных журналов, и если ты задумаешь подобрать себе земной гардероб — я к твоим услугам, — заверил его демон. — Я в этом неплохо разбираюсь. Земля... она же такая продвинутая, у них там совершенно другие понятия о стиле и удобстве, самый развитый мир в этом плане...

Фрино ничего ответить не успел — к нам подошел Мрамор. Намерения у него явно

были не такие мирные, как у Кальца — он по дороге многозначительно разминал кулаки.

Не успел еще Фрино вырваться из рукопожатия демона, как дракон со всего маха заехал ему в глаз. Мой парень на ногах не удержался и с размаху сел на пол, шипя от боли. Я поморщилась, молясь небесам чтобы Фрино остановил Мрамора, который сам явно останавливаться на одном ударе не собирался.

Я бы вмешалась... но не могла позволить себе влезть в драку двух парней. Как-то это мне казалось неправильным и унижительным — будто Фрино сам не может себя защитить. Да и не могла злиться на дракона... что уж там, это было слишком ожидаемо.

Кто-то вскрикнул, в нашу сторону тут же поспешили Вальдор и Якоб, но Фрино уже успел набросить на Мрамора свои ментальные путы, да и Кальц придержал, заставив меня облегченно выдохнуть.

— Прекратите... — умоляюще попросил демон. — Сейчас не лучшее время для драки, вы портите другим праздник.

— Придурочный дракон, — потирая ушибленный и без того отсутствующий глаз, поднялся Фрино.

— Мрамор, все нормально, остынь, — поддержала я своего парня, глянув на друга.

— Так ты что... по своей воле здесь? — опешил дракон, не способный пошевелиться из-за опутавших его ниточек Фрино.

— Нет, я скрутил ее ментальной магией и приволок, — закатил глаза Фрино. — Разуй глаза. Мы ведь уже давно прошли тему распознавания магии.

— Но... Яна, почему с ним?

— Так получилось, — смутилась я.

— Мы с ней уже месяц как встречаемся, — беспощадно просветил его Фрино. — Извини, конечно, что увел у тебя девушку, но меньше надо было изображать из себя пса знает что.

— Небо, как дикие звери, — отвесил обоим парням подзатыльники подоспевший Якоб. — Вы разум свой что, дома оставили? А ну хватит драться при гостях. После бала — сколько угодно, даже магическую дуэль вам могу устроить...

— Никаких дуэлей, этого нам еще не хватало, — ввинтился запыхавшийся Вальдор. — Мрамор, Фрино, о чем вы только думаете?!

— Я все не так понял, — тут же стыдливо опустил глаза Мрамор.

— А я боялся, что меня избыют, — ершисто фыркнул Фрино, отпуская дракона.

— Руки друг другу пожали, и чтобы до конца вечера я видел вас только довольными жизнью студентами, веселящимися на общем празднике, — строго напустился на них Вальдор.

Парни действительно неохотно пожали руки.

— Сделаешь ей больно — я перекушу тебя пополам, пережую и выплуну, — ворчливо буркнул ему Мрамор.

— Заметано, — ехидно согласился Фрино. — Хотя думаю, что ты не успеешь — меня прикончит данная ей магическая клятва.

Мрамору после этих слов явно стало легче. Он даже неуверенно, кривовато улыбнулся. А потом посмотрел на меня взглядом, полным рассеянного непонимания.

— Надеюсь, ты мне потом объяснишь все, — сказал он. — Потому что я, честно говоря, ничего не понимаю.

— Обязательно, — улыбнулась ему я. — Не переживай. Все со мной хорошо. Даже

более чем хорошо. Верь мне.

Преподаватели разошлись, Кальц тоже поспешил за ними, махнув на на прощание. Пока я успокаивала Мрамора, Фрино извлек из кармана моего плаща небольшую белую гальку и приложил к наливающемуся под глазом синяку. По камушку побежали зеленые искорки лечебного заклинания. Артефакт? Тоже наверняка Эйнарво детище. У Фрино-то с лечебной магией были небольшие нелады.

Мрамор нас наконец покинул, и мы пошли к одному из столов — поинтересоваться закусками и напитками. Синяк был побежден в зародыше, так и не успев толком разрастись. К нам то и дело подходил кто-то из знакомых. Хитрая Ивона призналась, что давно уже все поняла и искренне над нами потешалась, Рейнар промолчал. Брусника подбежала только чтобы поблагодарить меня за Кальца и шепнуть, чтобы я никого не слушала и назвать меня молодцом. Орсон долго глупо над нами подшучивал, после чего Фрино основательно его послал подальше, на что вампир, впрочем, не обиделся. Остальные же смотрели на нас как на умалишенных, сбжавших из сумасшедшего дома.

— Теперь осталась только Абигейл, — отпив немного вина, сказал тихо Фрино, кивнув в сторону моей подруги. — Жутковато к ней идти. У меня даже на расстоянии от ее взгляда внутри все замерзает.

— Самой страшно, — поежилась я, глянув на болтающую о чем-то с Эйнарм Янку. Последний в ней так и ластился, что меня даже порадовало.

Неужели она решила бросить Хоука? От мысли об этом меня охватывало злорадство. Все же с женишкой у меня были связаны лишь плохие воспоминания и я немного не понимала, почему Яна его еще не прогнала. Одна только телепортация в пьяном состоянии или тот раз, когда он переместил ее в академию почти голой чего стояли. О последнем я вообще узнала не от самой Яны, а от Ивоны, которая уточняла у меня — чего это моя подружка по академии в одних трусах расхаживала. И было от этого мне за нее жутко обидно. Как Яна вообще терпит этого Хоука? Я бы его на ее месте давно уже бросила.

— Фрино, а они случайно не вместе на бал пришли? — кивнула я на наших друзей.

— Вместе, — пожал плечами мой парень, протягивая мне фужер. — Ты не хочешь выпить? Нам обоим не помешало бы немного смелости и безрассудства.

— Почему бы и нет, хотя обычно меня клонить в сон начинает, — я забрала у него напиток и пригубила. — И что же... между ними что-нибудь есть?

— Скажем так, Эйнар искренне старается, но, кажется, пока безрезультатно, — сдал его Фрино. — Хотя, если честно, я его не понимаю. Да и тебя тоже. Что в Абигейл хорошего?

— Ну, вы с ней чем-то похожи, — улыбнулась ему я. — Абигейл говорит, что думает, не контролирует свой гнев. Но в этом куча плюсов. Зато она честная и надежная, пусть и немного жестокая.

— А как по мне она просто стерва, — поморщился Фрино.

— А что можешь о внешности сказать? — заинтересовалась я. — Если бы не ее характер, то...

— Яна, по внешности выбирают только рабов, — мягко перебил меня Фрино. — Мне все равно как она выглядит. Да и ты, честно говоря, тоже. Даже если бы у тебя было обожжено лицо — ты бы все равно мне нравилась. Не думаешь же ты, что я люблю тебя за стройные ноги и красивые глаза?

— А за что тогда? — смущенная такими словами, спросила я.

Фрино нежно притянул меня к себе и, чмокнув в висок, сказал тихо.

— Просто ты самый сострадательный человек из всех, кого я встречал. И, наверное, первое в моей жизни существо, которому действительно на меня не плевать. Спасибо тебе за это. Стараюсь, как могу, отвечать тем же.

— Прекрати, — совсем покраснела я, хотя слышать это было приятно. — Ты порой говоришь такие вещи. от которых мне неудобно становится.

— Может, тогда пойдем уже к ним? — махнул головой в сторону Эйнара и Яны этот подлиза. — Думаю, я уже достаточно смелый и безрассудный, чтобы попробовать искренне перед ней извиниться. А если ты меня ещё и поцелуешь, то я вообще небеса буду способен обрушить на землю.

— Только ради дела, — весело улыбнулась ему я и чмокнула в щеку.

— Эй, я рассчитывал на большее! Ну ладно, это лучше чем ничего, — усмехнулся Фрино. — Пошли пока я не передумал...

Глава 47. Яна (1)

Я не злилась. Нет, с чего бы...

Я была в бешенстве.

Я хотела вслед за Мрамором броситься с кулаками на Фрино, наорать от души на Эби, развернуться, послать всех к черту и больше никогда не верить в дружбу и чужню про доверие. Но я застыла, замерзла вся изнутри и снаружи. Нацепила на лицо вежливую улыбку и молча наблюдала за милой сценой с Кальцем.

Я не буду вести себя как обиженная истеричка. Я поговорю с ними обоими, попытаюсь понять, разобраться... попытаюсь объяснить этой наивной...

— Ты думаешь, что Фрино заколдовал Яну?

Эйнар пришел. Видимо, меня убалтывать да успокаивать, чтобы не покалечила на эмоциях его друга. В голосе Эйнара слышалось азартное любопытство, в душе же смешались беспокойность, сомнение и предвкушение.

— Думаю, Яна влюбилась в него из-за своего ненормального чувства вины... и я полная дура, раз этого не замечала.

— Звучит так, будто ты готова это пережить.

Ага. Звучит. Но слова — это всего лишь слова.

Видеть, как Кальц восхищается этой парочкой — странно. Для него это лишь невинная шутка и всепобеждающая любовь. А для меня меня — жестокая насмешка и опасная ошибка.

Видеть, как Мрамор одним ударом валит Фрино на пол — сущее наслаждение. С одной стороны. А с другой...

— Как же со стороны это убого смотрится.

— Не лучшая физическая форма Фрино? — вопросительно приподнял бровь Эйнар. Он сам припадении Мрамора на его дружка дернулся, словно от удара, поморщился с отвращением. И физическая форма Фрино была тут не при чем.

— Прилюдное избиение, — я качнула головой, понимая, что он сейчас ответит.

— Сказала женщина, что в первый же день в академии разбила первому же попавшемуся парню нос, — закономерно фыркнул Эйнар.

Ну да, теперь я отчего-то не видела в том поступке ничего крутого.

— Следует уточнить — первому попавшемуся высокомерному ублюдку. Говоришь, что он изменился? — я со злой насмешкой покосилась на Эйнара. Теперь все его разговоры о бедном Фрино обрели новый смысл.

Эйнар — лицемерная сволочь.

Эйнар — хороший друг, и я всегда знала, что Фрино ему важнее меня.

А с Эби у нас, оказывается, все не так гладко. Что с Эби у нас вообще общего кроме давних снов и тел?

— Изменился. Но намного меньше, чем показывает. Скорее лучше научился правильно себя вести в обществе. Прямо как ты.

О, как я? Это, интересно, какое мое неправильное поведение можно было уравнивать с любовью Фрино к пыткам?

Спокойно, Яна, спокойно. Знаешь же, что Эйнар просто тебя провоцирует, испытывает. Эйнар думает, что играет с огнем и хочет заставить пламя резко вспыхнуть, чтобы дальше сил гореть не было. Но я не собиралась быть такой предсказуемой.

Фрино и Эби шли ко мне. Прекрасная парочка. Мое тело нарядили словно жену олигарха зимой, только бриллиантов и приличного макияжа не хватало. И худой, как анорексичная модель, кудрявый и надменно-смазливый парень с дурацким галстуком-бабочкой на шее, смотрелся рядом с Эби отвратительно уместно в своем контрасте.

— Он не причинит ей вреда. Я знаю, что он бездумно поклялся ей в этом магией. Он любит ее. — Эйнар сменил тактику, заговорил серьезно и искренне.

Эйнар совершенно искренне не понимал, что это ничего не значило. А может понимал, но верил в своего друга. А я — нет.

Я знала, как легко обманывать себя, твердить о любви, о защите — и обрезать возлюбленной крылья, учить ее жизни с помощью ударов, считая, что это лишь ей во благо, что никакой это не вред... Собственного безумия достаточно, чтобы обмануть магическую клятву. А я прекрасно помнила безумие в глаза Фрино Сентро.

Но сейчас он выглядел совершенно обычным. Напряженным и решительным. Его эмоции были закрыты собственной ментальной защитой и защитным артефактом, я чувала лишь отголоски. А эмоции Эби я не чувствовала совсем. Мой кулон сейчас не поможет, и от этого я еще сильнее дергалась.

— Какой сюрприз вы всем устроили, — сказала я прежде, чем кто-то из этой парочки успел открыть рот.

Эйнар вцепился мне в руку, словно стараясь передать свое миролюбие и хорошее отношение к своему другу, но я выдернула ее. Эби с Фрино переглянулись — привычный, отработанный жест. Жест людей, которые вместе не первый день, изучивших повадки друг друга. Тайком.

— Да уж... неожиданно получилось, — втянула голову в плечи Эби. — Прости, что не рассказала раньше... не могла...

— Почему? — еще шире улыбнувшись невинно спросила я. Не могла она. С Мрамором не могла, с этим... тоже... а с чем еще?

— Яна, прекращай это притворство, — Эби нахмурилась. — Я прекрасно вижу по твоему лицу, что ты зла. Зла — так злись. Мы за этим и пришли... чтобы ты на нас злилась.

Ох ты ж божечки, так они ко мне, как на казнь шли, за заслуженным наказанием. Мило. И обидно. Вот кто я, оказывается, для Эби — злая тупая тетенька, с которой не поговоришь по душам, от которой держаться надо подальше и подольше. И только, когда больше тянуть нельзя будет — предстать пред ясны очи с виноватой миной на лице и снисходительной готовностью выслушать любую хрень, что эта тетенька скажет.

В каком-то смысле я Эби понимала. Но то, что она даже не надеялась на мое понимание, не думала, что от меня можно услышать нечто разумное — обижало еще сильнее.

— Ладно, каюсь. Конечно, я несколько расстроена, что моя подруга скрыла такую важную вещь, как своего парня... Или, может, я не так что-то поняла? — улыбаться я все-таки перестала.

— Ты все правильно поняла, — вздохнула Эби. — Однако ты очень многого не знаешь. И вообще нам с тобой поговорить надо. Но не здесь...

Фрино осторожно тронул Эби за плечо. Он в диалог пытался не вступать, ждал чего-то. Эйнар вообще притворился невидимкой, прожигал меня любопытным взглядом

— Ну и да, — среагировала на прикосновение Эби. — Помнишь, ты мне в тот раз, в столовой, говорила, что перед тобой никто не извинился.

— Это не она меня подговорила, — тут же перехватил инициативу Фрино. — Я сам давно хотел к тебе подойти, но не знал как....

Да они издеваются! Извинения сейчас — это какая-то злая пародия. Будто бы они могут иметь какое-то значение. Понятно же — никакой искренности, просто знает, что вроде как надо. Или они решили так бездарно подлизаться?

Ничего я не хотела слушать.

— Я такая страшная, да? Прошлый раз ты так не думал.

— В прошлый раз я вообще мало о чем думал, — нахмурился Фрино, явно готовый к таким словам. — И я не жду от тебя прощения или понимания. Я просто пришел сказать, что сожалею о том, что сделал. И пообещать, что такого никогда больше не повторится — ни с тобой, ни с какой-либо другой девушкой. Если же я что-то могу сделать, чтобы загладить свою вину, то я сделаю это.

В последний раз я видела Фрино так близко, когда стояла перед ним на коленях: беспомощная, рыдающая от отчаянья и боли в клейменной щеке. Но сейчас передо мной был совсем другой Фрино — с жутким, мертвым глазом, без следа безумия на исхудалом лице. От бывшего высокомерия осталась лишь тень.

Да только поверить его обещания все равно было невозможно. Он вроде бы и не лгал, насколько я могла судить за всеми его защитами, но... это он сейчас в свою искренность верит, а что будет завтра? Как скоро этот весь такой исправившийся мальчик затоскует по прошлому? И чем это грозит наивной Эби.

— О, какое замечательное предложение, Фрино, — я прищурилась. — Ведь действительно кое-что можешь... дать гарантию, что не причинишь вреда... Яне. И не клятвами и обещаниями, а просто держась от нее подальше.

— Прекрати это... — нахмурилась уже Эби. — Я не собираюсь расходиться с ним просто потому, что тебе этого хочется.

— Не понимаю, — поморщился, как от зубной боли Фрино. — Нет, точнее понимаю, что ты меня ненавидишь... но при чем здесь это? При чем здесь твоя подруга? Почему ты сейчас изображаешь из себя здесь ее мамочку? Разве тебя касаются наши отношения?

— Касаются, — ответила ему за меня Эби. — Увы, очень сильно касаются.

— Приятно слышать, что ты хотя бы этому... своему парню не все рассказала, — горько усмехнулась я.

Мамочка, которая лезет в не в свое дело? Ну да, может и есть что-то такое... Увы, последствия собственного печального опыта. Не могу видеть, как кто-то сам загоняет себя в ловушку.

И ко лжи этой не могу относиться с пониманием.

— Яна сама вполне может за себя постоять, — сложил руки на груди Фрино. — Абигейл, ты в курсе что твоя подруга, сойдись мы с ней в магическом поединке, превратила бы меня в кучку сломанных костей? Не думаю, что тебе стоит за нее беспокоиться.

— Подожди, — остановила его Эби, а потом удивленно уставилась на меня. — Так Мрамор тебе рассказал, что знает?

— Сама поняла, — я поджала губы. — Твой полудракон надежный парень, такие попытки — общение со мной! — терпел, но тайну вашу не выдал.

— К слову о тайнах, — вмешался скромно наблюдающий за нашей руганью сторонке Эйнар. Он, почему-то уже решил, что можно расслабиться, что буря прошла, так толком не начавшись, и теперь я чуяла через артефакт одну лишь его заинтригованность. — Вы сейчас

говорите о чем-то мне... нам с Фрино, совсем неведомом. Это как-то невежливо.

— Так идите, прогуляйтесь, — ядовито процедила сквозь зубы я. — Дайте девочкам спокойно посплетничать о мальчиках и прочих женских штучках.

Что-то говорить Фрино, обвинять или угрожать, не имело никакого смысла, пока Эби ведет себя как слепая влюбленная дурочка.

Эйнар лишь понимающе улыбнулся.

— Да, пожалуй нам действительно нужно поговорить наедине, — хмурясь, сказала Эби Фрино. — Прости.

— Как скажешь, — пожал плечами Фрино. — Тебе виднее. Удачи.

Тоже мне, послушный песик, нашелся

— Спасибо, — вздохнула Эби, а потом повернулась ко мне. — Пойдем? Давно пора...

Так что же ты тянула до последнего? Устроила ведь этот фарс с “не пойду на бал”, но заявила с Фрино... показывая всем, что ты теперь вместе с человеком, которого покалечила и чуть не убила, с человеком, который пытал твою подругу... Интересно, насколько близко вы уже вместе... Меня передернуло, от мысли о том, что Фрино трогал мое тело... Но это уж вряд ли. Это же Эби. Наивная девственница, как никак. Она бы не позволила... надеюсь.

Нам определенно давно уже нужно было поговорить.

Я затащила Эби в одну из пустующих аудиторий. Села на ближайшую парту, и похлопала рядом по столешнице, приглашая подругу присоединиться. Эби покачала головой и осталась стоять.

Ладно, мы просто поговорим, как две подруги. Я не собираюсь на ее орать. Все ей объясню, помогу... Но сначала выслушаю, чтобы понять насколько глубока проблема.

— Ну так.... Ты правда в него влюбилась, поняла и приняла или... — во мне вдруг проснулась какая-то нелепая надежда, — это такая хитрая и изощренная месть? Решила окончательно проучить этого... — лицо Эби красноречиво говорило, что надежда была более чем нелепая, и чтобы не злить ее больше, я смягчила тон. — ... парня.

— Нет, проучить я его не собираюсь, — уверенно сказала Эби. — Однако, ты знаешь о нем ровно столько же, сколько он о нас — ничего. Если бы он хотел меня убить или причинить вред... что ж, у него за этот месяц было предостаточно возможностей. Но, как видишь, я жива, цела и невредима.

Я с трудом сдержала злой смешок. Правильно, раз аж месяц цела (сколько же они уже вместе?!), значит все, надежно. Не обидит. Ну-ну.

— Знаешь, Эйнар тоже тут предварительную работу проводил. Намекал мне все какой Фрино... неопасный стал. Осознал там кое-что. Что что-то у него там с отцом и жертва он воспитания и общества...

— Яна, о небо, послушай меня, — перебила меня Эби закатив глаза. — Если ты наивно думаешь, что я не знаю, кто он — ты сильно ошибаешься. Да, он... псих, хотя мне больно такое о нем говорить. Но я к этому готова. Более чем. Я его не боюсь.

Она как будто меня совсем не слышала. Не хотела слышать. Эби-Эби, моя славная домашняя девочка, которой свобода в голову ударила, которая считает, что теперь все знает... Все мы так считаем: что право на собственные ошибки имеем, что слушать никого не надо — пока не становится слишком поздно.

Я глубоко вздохнула.

— Здорово. Молодец. Ты не боишься. За себя, так понимаю? Мне на самом деле тоже кажется, что он сейчас не хочет тебе ничего плохого... ну, переклинило парню мозги, запал на девченку, что его чуть не убила. Извращение, но бывает. Может он даже искренне считает, что тут любовь. Но люди не меняются, Эби. Ты же у нас прекрасно знаешь, кто он такой и на что способен. Когда твой милый Фрино решит вспомнить былое и помучать кого-то беспомощного, тоже будешь к этому готова?

Эби на это только головой покачала — то ли обиженно, то ли негодуя.

— Тебе бесполезно что-либо говорить, — заявила она. — Ты вообще меня не слушаешь. Я тебе уже сказала — я буду к этому готова. Что в этих словах непонятного? Это будет моя ошибка, понимаешь?

— Понимаю, черт тебя дери! — я не выдержала, вскочила с парты. Хотелось потрясти Эби за плечи, запихнуть в ее дурную наивную голову немного разума. И я понимала — помнила! — насколько сейчас это бесполезно, но все равно пыталась что-то ей доказать,

едва сдерживая слезы. — Думаешь, ты такая одна умная? Я тоже самое всем твердила, когда втюрилась по уши в Макса. Я тоже ко всему была готова... верила в это до тех пор, пока человек, которого я любила, в лучшую сторону которого поверила, не стал бить меня...

Эби открыла рот — возразить, зачем же еще? Но я не позволила.

— Помолчи-ка! Послушай меня, хоть немножко... Я знаю, что ты сейчас скажешь — что ты Фирно сильнее, что в моей шкуре безвольной жертвы ты не окажешься... хрень это все. Пойми же... может ты и сможешь защитить себя с помощью магии, но лучше тебе от этого не станет. Потому что когда тебя предает тот, кому ты верила, это больнее любых пыток.

Эби смотрела на меня поджав губы. То ли сказать ей было нечего, то ли она просто решила промолчать.

— Ладно, — выдавила она из себя. — Не так я себе представляла этот разговор. В конце-то концов... у нас сейчас есть и поважнее темы для обсуждения. Например то, почему знает о нашей тайне Мрамор. Послушаешь? Или просто еще покричишь на меня?

Я криво усмехнулась, отступая на шаг. Интересно, кто это так повлиял на нашу вечно страдающей от чувства вины Эби — я или Фрино? Вроде бы и те же, раздражающие риторические вопросы, вместо действия, но как изменился тон.

Кричать дальше, мне резко расхотелось. А вот плакать захотелось еще сильнее, но я только самым своим ядовитым тоном сказала:

— Ну, давай. Я внимательно слушаю рассказ о том, почему ты мне не сказала, что Мрамор знает о нашей тайне... и то, когда ты собиралась рассказать об этом своему дорогому Фрино.

— Мрамор сам узнал, — нахмурилась Эби. — Догадался по табличкам в библиотеке. И мы ему с тобой жизнью обязаны. Потому что, если бы он не подкинул мне тогда ту книжку, в которой говорилось, что нам светит за запрещенную магию, мы могли бы с тобой кому-нибудь проболтаться. И, кто знает, чем бы все это закончилось. А тебе я не рассказала об этом... вот по этому. Я тебя, знаешь ли, боюсь.

О как. Бойться. Интресные заявочки.

— И это от страха передо мной, ты так мастерски уходишь от ответа на мой второй вопрос?

— Да что ты привязалась к нашим с ним отношениям! — разозлилась окончательно подруга.

— Может потому, что ты в моем теле с ним отношения мутишь?! — и я тоже не сдержалась. — О чем ты вообще думаешь?! Что так будет всегда?

— А ты? Ты там с Хоуком что только не делала! Тебе, значит, можно, а мне нельзя? Так что ли получается? И чем он вообще лучше Фрино? Фрино по крайней мере я нужна не для того, чтобы детей делать! А Хоук меня и тебя рассматривает исключительно как... подстилку. Жену для галочки чтобы примкнуть к знати на Кронусе.

— Ну может тебя он и рассматривал, раз ты больше ни на что и не годилась! — вырвалось у меня от злости. И пусть я сразу же пожалела об этом, но идти на попятную сейчас... ни за что.

— Вот значит как ты обо мне думаешь? — почти зарычала Эби. — Идет. Можешь и дальше так думать. Мне все равно. Ты мне больше не подруга. Ох... прав был Мрамор, не надо было с тобой даже рядом стоять. Но спасибо. Раскрыла мне глаза. Я хотела по хорошему... но теперь понимаю, что не получится. Потому говорю прямо. Можешь, что

хочешь делать — я не отдам тебе тело. Даже не надейся.

— Ну ты, оказывается, и эгоистичная сука, — у меня просто в голове не укладывались ее слова. Не подруга. Вот так прямо — бац, не посюсюкалась с ней разок — и уже не подруга.

— Да, я сука, — разозлилась еще больше Эби. Хотя куда уж больше. — От тебя знаешь ли заразилась. И знаешь... твоё тело замечательное. Пить и спать с Фрино в нем было сплошное удовольствие! А теперь прости, мне пора. Пойду развлекаться с собственным парнем, раз я такая эгоистичная сука. А когда Хоук сдаст тебя после свадьбы в бардель, мы еще посмотрим, кто из нас двоих был наивной душой.

И она, развернувшись, бросилась к двери.

Я захлопнула ее магией перед самым носом Эби.

— Мы еще не договорили, — меня буквально трясло от злости.

— Мне нечего тебе сказать, — выплюнула Эби. — Спасибо, с глухими не разговариваю.

— Я бы слушала тебя, если бы ты хоть что-то хотела мне рассказывать. Но тебе плевать. Тебе плевать на собственный дом, я понимаю, но мне нет...я хочу вернуться. Хочу свою жизнь. Я не собираюсь до конца своих дней строить из себя Абигейл Руоль. Так что даже не надейся, что я просто так позволю тебе оставаться в моем теле.

Мы обе были полны эмоций — куда более сильных, чем от зелий Кеши — и я безумно хотела вернуться в свое тело. Все должно было получиться.

И на какой-то миг получилось. Какой-то миг я смотрела на разъяренное лицо Эби, стоя у двери в своем родном теле.

А потом она вышвырнула меня прочь.

Не знаю, откуда в ней взялось столько сил, но чувство у меня было такое, будто в самую мою душу пробрались черные холодные руки и выдернули меня обратно, в это чертово белобрысое тело. Жест такой сильный, такой уверенный, что я поняла — моего тела мне действительно больше не видать. Что это была не пустая, невыполнимая угроза, а констатация факта.

— Я тебе уже сказала — не отдам, — сказала она, посмотрев на меня жестким, ледяным взглядом. — Можешь даже не пытаться. И не подходи ко мне больше вообще. Удачи с Хоуком.

И, срезав с дверной ручки мою магию, она все же ушла. Хлопок двери прозвучал, как пощечина. И я все же расплакалась.

Глава 48. Абигейл

Я была зла.

Нет, я была в ярости!

Эта ярость бурлила во мне, словно кипяток в чайнике, все время нороя на что-нибудь вылиться. Магия так взбесилась, что над головой начинали неистово мигать шары-светлячки.

Да как она вообще посмела назвать меня своей подругой? Зачем вообще со мной разговаривала, если считает ни на что, кроме рождения детей, не годной подстилкой для Хоука? Это что же это получается... она меня что, жалела все это время? За дурочку держала? Все эти слезы, объятия... все было лицемерной ложью? И чего ради!?

Я быстро шагала по коридору академии. Мимо проносились красные витражи. По мере того, как я успокаивалась, светлячки у меня над головой мигали все меньше.

Противный голосок совести все настойчивее и настойчивее шептал мне о том, какая же я дура.

Но и Яна хороша, разве нет? Ну действительно, она ведь с Хоуком уже столько времени вместе. Она с ним целуется, обнимается — сама видела, когда на Пинионе вместе обедали, как они друг с другом близки. Видела — но ничего ей не сказала, даже не подумала. Мне было все равно, что она делает, я не лезла в их с Хоуком дела, и ждала от нее того же. А теперь получается, что я была не права? Получается, что ей можно, а мне — нельзя? И дело, как я подозревала, было не только в том, что я с ним спала. Думаю, даже поцелуй я его при нем в шутку в щеку — она бы взорвалась на меня. Она доказывала мне, что с Фрино этим заниматься нельзя... Но по сути... какая разница с кем? Да плевать я хотела на ее неудавшееся замужество. Я — это я, она — это она. Мы разные и жизни у нас разные, да и парня моего не Макс зовут, и он не с Земли. Гребет всех под одну гребенку...

Я невольно остановилась, закусил губу, чтобы сдержать навернувшиеся слезы.

Но Яна-то с Хоуком наверняка не спала... она бы упрекнула, будь оно так. Не упустила бы возможности уколоть. Ну да, я сглупила, не попросив у нее разрешения на то, чтобы с Фрино переспать. И я чувствовала себя виноватой из-за этого. Но я хотела ей все рассказать и извиниться. Хотела сказать, чтобы и она не берегла мое тело. Она ведь сама жаловалась, как ей хочется и как жаль, что я такая консервативная...

Интересно, если бы это был бы не Фрино, а, например, Мрамор, она бы за меня порадовалась?

Противный голосок совести намекнул, что Яна может оказаться права.

Что будет, если Фрино набросится на меня?

Но, нет, конечно нет, ведь не сможет — обещание, да и то, как он себя ведет...

К тому же для Яны он был все равно, что собака за забором — вроде лает громко, грозно, но кто знает, а не мелкая ли там беззубая дворняжка, и не виляет ли она от радости хвостом? Нет, он ей издалека просто кажется страшнее, чем есть. Поговорила бы с ним — поняла бы, что не такой уж он и злодей.

А если все же набросится?

Что ж, в прошлый раз для него это кончилось пятью сломанными ребрами и выколотым глазом. Надо будет взять у него же пару уроков защиты от его же магии, он не откажет.

А ведь Яна была права. Яна была совершенно права. Это очень больно, когда дорогой

человек начинает учить тебя при помощи собственной силы. Когда любимый тобой человек отрезает тебе крылья. Только она не понимала, что сделала со мной сейчас то же самое по сути, что с ней сделал этот Макс. Чем она вообще была пять минут назад лучше его? Тем, что не ударила меня? Хотя... лучше бы ударила.

Тогда бы я, может, не чувствовала себя сейчас виноватой...

В конце-то концов я сама в тот момент была ничем не лучше ее самой...

Ну почему?

Почему я такая сволочь...

Почему я оправдываю слова Малума о том, что все люди — чудовища?

Зачем я наговорила ей таких ужасных вещей, зачем?

Ох как бы мне хотелось повернуть время вспять и не приходиться с Фрино на бал.

Как бы мне хотелось в тот раз, когда мы вместе обедали, набраться смелости и постараться убедить ее в том, что она неправа.

Но я...

Меч я, вот я что.

Горячий меч, только что из печи. И все что я умею — это голову с плеч. Не умею я ни плести интриги, ни составлять планы. Я умею лишь резко, один раз, ударить так, чтобы обрубить что-нибудь. Вжик — и у Фрино нет фамилии. Вжик — и Мрамор больше в меня не влюблен. Вжик — и нашим отношениям с Яной конец.

Хотя, может, еще можно как-то это исправить? Но просто извинениями делу не поможешь. Если пойду извиняться — я это прекрасно понимала — сделаю все только еще хуже. Но что же тогда делать? Что делать, если просто извинений недостаточно? Что делать, если наворотила дел?

Злость окончательно унялась и на смену ей пришли грусть и сожаление.

Ведь не хотела же все эти гадости говорить. Особенно кричать, что отберу у нее тело. Но вырвалось в порыве праведного гнева. И как же стыдно было за эти слова и за то, как я выдернула ее — неосознанно, грубо, испуганно — из своего тела. Но тут у меня выбора другого не было... испугалась, что она пойдет и сделает больно только-только начавшему приходиться в норму Фрино. Защитила его.

Интересно, как он там? Сильно обиделся, что я бросила его на балу даже ни разу с ним не потанцевав? Беспокоится ли он обо мне или спокойно расслабляется в компании Эйнара?

Все равно. В любом случае, ему сейчас лучше, чем мне. Эйнар-то ему запрещать встречаться со мной не станет.

Я остановилась, выглянула сквозь витражное окно на улицу.

Надо было подумать. А думалось мне лучше всего, когда я шаталась по академии. Но здесь, наверху, я запросто могла наткнуться на Яну или на кого-нибудь из студентов. Идти за пределы академии в облака не хотелось — они однообразные, да и если свалюсь — никто меня не спасет, левитировать-то я не умею. Оставалось одно единственное место, где я могла бы дать волю ногам.

Подвалы.

Туда я и направилась.

Только вот подумать мне не удалось. Зато удалось отвлечься.

Коридоры подземелий явно конструировал какой-то безумец. Они петляли, закручивались в спирали, уходили вдруг под немыслимыми углами вниз или вверх. Я попала в них как в паутину и совершенно выпала из реальности. Иногда у меня начинало

внезапно закладывает уши, иногда казалось, что за мной наблюдают. Мысли разбегались не желая складываться в связные цепочки. Будто что-то мешало им. Потому я просто расслабленно брела, небо знает куда, совершенно потеряв счет времени, слушая мерный звук собственных шагов.

Вынырнула я из этого странного состояния только когда неожиданно услышала посреди очередного коридора смех. Смех был девичий, звонкий, и явно смеялась не одна девушка, а сразу две. К ним примешивался мужской, подозрительно знакомый голос. Слов было не разобрать, но эти интонации я явно слышала, и не раз. Вспомнить, откуда я его знаю, я никак не могла, но все равно пошла на звук и оказалась прямо у ловко сплетенной защитной магической сетки.

Ну что ж... ловко сплетенная, неловко сплетенная, красивая, некрасивая... все едино. Я просто взяла меч и прорубила в защите себе проход. Удобная штука — магия. Сначала я не понимала, почему лишь я одна так делаю. Мне-то это казалось очень простым. Но сколько бы я не спрашивала у своих соседей — никто не превращал свою магию в меч. Более того, когда я просила их попробовать это сделать... у них не получалось. Я же в свою очередь не могла сделать из своей магии ниточки, как у Фрино, хотя пыттела битый час. Не получалось и все тут. Якоб объяснил это тем, что каждый, мол, облакает магию в привычную ему форму, и если она не подходит темпераменту — ничего не получится.

Что ж... у меня ничего кроме меча создать не выходило. Раньше-то вообще ничего не было, а теперь... Но я и не жаловалась. Удобно же. И сильно.

Миновав защиту, я оказалась у двери. Именно из-за нее доносились голоса. Подергала ручку — заперто. Однако, сдаваться я не собиралась. Влила в свое незримое оружие побольше магии — ой и глупо, наверное, я смотрелась, держа в руке невидимый предмет — и запустила его в щель между дверью и косяком. Провела с силой, вложив всю свою злость и обиду в этот удар. Мне даже не так интересно было понять, кто там и о чем разговаривает, как что-нибудь сломать, выместить на чем-нибудь свою злость.

Дверь открылась. Язычок замка оказался гладко разрезан, что меня вполне удовлетворило.

За дверью я нашла темную комнату без мебели. По черным стенам бежали белесые рунические символы, а ровно посередине висело в воздухе нечто, накрытое белой простыней. Из-под простыни лился свет и доносился веселый смех.

— Эй, девочки, уймись, — сказал недовольно до боли знакомый голос. — У нас гости.

Веселье стихло. Я удивленно подошла к непонятной штуке, обошла ее кругом. Это было нечто плоское и довольно большое. Картина? Зеркало? Эм... чудная земная техника под название телевизор, про которую мне Яна рассказывала? Но как держится? Я провела ногой по полу под простыней. Пусто. Что бы это ни было — оно висело в воздухе.

— Эй, Рада, зачем пожаловала? — спросил голос из под ткани. — Ты ведь вроде грозила, что я больше никогда не увижу твое прекрасное, ледяное лицо.

— Кто там? — удивленно спросила я, берясь за край простыни и стягивая ее с предмета.

Мы с Малумом удивленно друг на друга уставились. Предмет под простыней оказался самым обыкновенным окном. Ну как обыкновенным... такие окна были во всех общежитиях с той только разницей, что они не висели в воздухе в метре от пола. А еще сквозь стекла тех окон было видно то, что за ними находится... а не темницы старых спятивших демонов.

Кстати, мой бывший сосед по телу не выглядел пленником. Напротив — он возлежал на

огромной красной кровати с балдахином, из-за шпорок которой высывались две довольно хорошенькие и, кажется, голые девушки. Сам Малум тоже не мог похвастаться обилием одежды — кроме широких белых штанов на нем ровным счетом ничего не было. В отличие от себя, во времена учебы в академии, он выглядел гораздо менее хилым. Телосложением Малум походил Кальца, только все же мускулатура была более развитая и хорошо очерченная. Если бы не черные руки с длинными ногтями и рога-карандашики, смотрящие вперед, его можно было бы назвать потрясающе красивым. И да... он и правда походил на Яну... точнее теперь уже на меня. Прямо как красивый брат и симпатичная сестра. Только глаза бирюзой светились — единственное отличие.

И этот гад был, кажется, ощутимо пьян. Меня вывело это из себя. Значит мы там с Яной страдаем от последствий его экспериментов по переселению душ, а он тут сидит и развлекается!

— О, кого я вижу, — оскалился он своими треугольными, вовсе не человеческими зубами. — Леди Абигейл, моя лучшая подружка. Чем обязан?

— Тебя же заточили! — чуть не задохнулась я от возмущения. — Почему ты здесь?!

— Глаза разуй, — развел руками демон. — Меня заточили. Просто Рада по старой дружбе заточила меня с комфортом. Вот видишь... даже парочку человечек мне из барделя выкупила.

— Мал, а кто это? — пискнула одна из них.

— Ой, молчи, а! — замахал на нее руками демон. — Катитесь вообще обе отсюда, у нас тут серьезный разговор.

— Подумаешь, — фыркнула вторая.

Девушки выбрались из-за балдахина и, сверкая во всех смыслах выдающимися формами — аж неполноценной себя на их фоне почувствовала — скрылись за дверью. Дверью?

— У тебя что здесь, свой дом? — удивилась я.

— О да, и довольно большой, — демон откинулся на подушки, взял с тумбочки яблоко, откусил. — С бассейном, девочками и полным винным погребом. Так с чем пожаловала? Соскучилась по мне?

— Еще как, — с сарказмом сообщила ему я. — Делать мне больше нечего, кроме как скучать по безумцам, захватывающим чужие тела.

— Вот вы неблагодарные твари, люди, — почти дурашливо хохотнул демон. — От хулиганов спасал? Спасал. Парня, который на подружку напал, избил — избил.

— Кучу человек убил — убил, — передразнила его я, хотя меня буквально колотило от негодования. — А еще поменял меня местами с подругой, из-за чего сплошные проблемы!

— Пф... — демон даже яблоком подавился и разразился громким, веселым смехом.

— Чего смешного? — покраснела почему-то я.

— Ты что, действительно поверила в эту сказку про то, что это я вам поменял? — вытирая тыльной стороной черной ладони выступившие на глазах от смеха слезы, спросил Малум. — Черная вода, да ты просто самое глупое человеческое существо из всех кого я видел! Да у моих шлюх и то мозгов больше!

— Эй, попридержи язык! — насупилась я, хорошо понимая, что ничего ему сделать не смогу.

— Слушай... — весело откусил от яблока еще кусок Малум. — Ты действительно думаешь, что я мог кого-то поменять телами? Ты вообще, что знаешь о демонах, наивное дитя?

— А что я должна о них знать? — огрызнулась я.

— Знаешь, на что похож демон без тела? — спросил Малум.

— Откуда мне знать, я же не демон.

— Ну вот смотри!

С той же тумбы демон взял фужер с вином и вылил его содержимое прямо на пол. Я еле удержалась чтоб не покрутить у виска.

— Вот эта лужа, — показал мне длинным когтем вниз Малум, — очень красноречиво описывает то, что из себя демон представляет без материальных ручек и ножек. Как думаешь, лужа может проворачивать крутые магические фокусы?

— Врешь? — подняла я бровь.

— А зачем? — развел лапами Малум. — Вот оно мне надо?! К тому же, сложи два и два. Магия рождается в единстве души и тела. Какая магия может быть у одной души? А демон без тела — это гольная душа. Просто в отличие ото всех остальных она способна мыслить и преодолеть притяжение того света, отправляющего души на перерождение. Понимаешь? Доходит до тебя, детка?

— Доходит, — вытаращилась на него я. — Постой... но тогда... как?!

— А мне почему знать, — демон налил в фужер новую порцию вина, отпил. — Я просто прицепился к тебе. Считаю, что ты, когда гуляла в Междумирье, наступила в лужу и принесла домой, в свое тело, какую-то грязь. Микроб. Ну ладно... уж не лужей я был... но штукой довольно бессильной и беспомощной. Да только, когда я в твоём теле оказался, канал между вами уже был. Я бы мог и в твою подружку залезть, уж больно мы с ней внешне похожи... Но твоё жизнь была поинтереснее. Люблю смотреть как людей мучают. Да ты и сама понимаешь... личная неприязнь у меня к вашему брату, не обессудь.

Я удивленно села на пол. Новость в прямом смысле оказалась сногшибательной.

— Хотя знаешь... я, пожалуй, внесу тебя в список человек, от которых меня не тянет тошнить, — благожелательно оскалился мне Малум. — Наше с тобой недолгое соседство было вполне себе ничего.

— Но почему я! — почти с отчаянием спросила у него я. — Мало что ли людей по Междумирью ходит!

— Абигейл, а ты не понимаешь? — сладко спросил он. — У тебя. Просто. Отвратительная. Ментальная. Защита.

Хорошая новость.

— Даже более того — у тебя её вообще нет, — допил вино Малум, а потом ловко швырнул в меня недоеденным яблоком.

Яблоко звонко шмякнулось о стекло, заставив меня вздрогнуть.

— Ты — как открытая книга, детка! — облизнулся Малум. — Твоя аура всё равно что надпись крупными буквами: “Вход здесь”. Не залезть тебе в голову не смог бы только что полный, бесповоротный дебил. Даже такой бесформенной, бессильной жиже как я хватило на это сил!

— Да уж... — пробубнила я. — Надо будет это проверить...

— О, не получится, — засмеялся Малум. — Потому что я сделал тебе большущий подарок, милая. Мне было совершенно нечем заняться в твоём беспомощном тельце. К тому же я боялся, что меня засекут. Потому я немного выдрессировал твою магию. Она теперь защищает тебя хотя бы от того, что попроще. От чтения эмоций там, от заглядывания в память... Или ты думаешь, что почти десяток преподавателей и целый один сын Плутона

просто так не заметили моего в тебе присутствия? О, я хорошо постарался, чтобы меня не нашли. Хотя... пробыл бы в твоей милой тушке подольше — побольше бы сплел.

— Не понимаю, — покачала я головой. — Если ты скрывался, и тебя все устраивало, то зачем же тогда высунулся? Зачем, так в открытую заявил о себе? И зачем ты убил Торна? Или он действительно тебя поймал?

— Торна? Я? — фыркнул от смеха Малум. — Все смешнее и смешнее. Торна двинул удар, и я к этому никакого отношения не имею. Хотя я сильно перетрусил, когда он мое имя назвал. Почуял что-то, старый жук. Он хоть и алхимик был по больше части, но и пророк хороший, сильный. Так что слова точно были неспроста, даже если вырвались у него не нарочно.

— А тогда... когда мы с Фрино подрались?

— А что тогда? — вздохнул демон. — Тогда мне было скучновато. Магия и веселье кончились, тебе грозило переселение обратно домой... или прогулка к плахе. А здесь, в академии, была душа моя Рада, с которой можно было договориться. Ну я и поразвлекался, решив, что лучше уж в заточение опять попасть, чем жить с тобой до старости и потом гнить в земле на Кронусе... или как там у вас хоронят? К тому же имелся шанс, что я опять слиняю. А видишь, как оно получилось. Все в плюсе. Ты там не добила случайно того худосочного парнишку?

— Нет, — насупилась я. — Не добила.

— Передай ему от меня привет, — мило улыбнулся Малум. — Скажи, что я сожалею о том, что он отделался одним только глазом. До сих пор с наслаждением вспоминаю эти его нелепые визгливые крики...

— Заткнись, — вяло огрызнулась я, стараясь не злиться на этого психопата. А толку?

— Кстати, как там мой подарочек? — вдруг оживился Малум. — Переварила?

— А, ну да, — кивнула я.

— И как тебе?

— Ну так... интересно, — неопределенно сказала я, поднимаясь на ноги. — Мне пора.

— Уже уходишь? — делано расстроился Малум. — Жаль, очень-очень жаль. С тобой повеселее чем с Радой. Ты по крайней мере не смотришь на меня так, что внутри все замерзает. Брррр... такая стала... ух! Истинное отвратительно прекрасное чудовище.

— Спасибо за рассказ, — поморщилась я, поднимая с пола простыню. — Не скучай тут.

— Совсем не обещаю, — донеслось уже из под простыни, которую я накинула на окно. — Ты заглядывай, если вдруг соскучишься. Я буду здесь. Ха-ха. Да куда я отсюда денусь...

Но я его уже не слушала, а прикидывала, как бы убедить Яну прийти сюда со мной и послушать слова этого психа. Потому что, если не он нас поменял... то тогда кто?!

Глава 49. Яна (1)

Я телепортировалась в пустую гостиную желтого общежития. Злые слезы уже высохли, но меня все еще трясло. Просто чудо, что перемещение прошло удачно...

Ага, чудо...

Только в магии со мной чудеса и случаются. А что в любви, что в дружбе все так же не везет, вновь и вновь я наступаю на одни и те же грабли. Выдумала себе и сейчас что-то там, доверия всякого — но нет и не было ничего. Я ведь, несмотря на все, что мы пережили вместе — страшная, я ведь в глазах Эби ее вторая мамочка, не слушаю, а только ругаю...

И черт побери, как же можно быть такой тупой дрянью!

Я в бешенстве ударила ногой по креслу. Но легче не стало, я только чертыхнулась от боли. И туфля слетела. Так, спокойно, спокойно, спокойно...

Я подняла туфлю...

Все уже закончилось. Поссорились и ладно, со всеми бывает, я как-нибудь...

... как же бесит, что она такая сильная!

Я швырнула туфлю в окно и стекло со звоном разбилось.

Черт.

Вот что я творю, что за истерика?.. Переросла же давно это... Но мне хотелось и дальше все громить, и громить, и громить... И выть на все общежитие

Мне было так плохо.

Ненавижу! Выбила меня из тела, плюнула прямо в душу... и ради чего? Чтобы трахаться — черт ее дери, в моем теле — с этим ублюдком! А ведь такая была невинная овечка, а я такая дура — нянчилась, кудахтала над ней как наседка, не дай боженька Эбичка расстроится, заволнуется, она ведь такая ранимая... Я...

...тоже не говорила ей ничего.

Но нет, это совсем другое дело.

Другое же?

Я стояла у камина, обхватив себя рукам и вся дрожала от расстройства и злости.

Может Кеше праздник своими страданиями испортить? За его дружеской поддержкой сходить, за успокоительным чаем, за мудрыми глупостями... Он нас со стороны рассудит. Убедит, что дело не стоит того, чтобы так злиться. Стыдить не будет, но я все равно начну чувствовать себя виноватой...

А оно мне надо? Может мне еще и прощение бежать у Эби просить?!

Нет уж. Я просто хотела выбросить все это из головы.

У Дженни наверняка есть водка. Думаю, не расстроится, если одолжу.

Я отправилась в ее комнату.

По крайней мере, моя магия была со мной. Пусть она и не настолько мощная, как у Эби, но защитные чары кураторши я взломала без проблем — не зная специальных заклинаний, просто видя и чувствуя эту силу...

В первом же попавшемся ящике стола, я нашла бутылку с земным виски, повертела... Знаю же — не поможет, только опьянею в доску и вяпаюсь опять во что-нибудь. А мне на сегодня хватит дерьма.

Вообще надо мыслить позитивно, да. Ей пофиг на это тело? Ну и пожалуйста! Чего я собственно, расстраиваюсь? Я теперь редкостная красотка и могу с этим делать что

пожелаю. Перестать хранить чужую девственность, например...

Раз-вле-кать-ся!

Но для начала я вернулась в свою комнату, все же прихватив с собой бутылку. Завидев меня, спящий на кресле Фрай, лениво поднял голову и едва заметно махнул хвостом. Он любил меня, как мне казалось, понимал, что я и есть его настоящая хозяйка. Но каждый раз, когда видел Эби в моем теле — бурно радовался, и это в глубине души меня тоже неприятно цепляло. Хотя я сама хороша... даже не знаю, кто больше времени занимается собакой — я или Эйнар...

Виски я все-таки хлебнула — небольшой обжигающий глоток прямо из горлышка. Более, чем достаточно, чтобы опьянеть.

Дверца шкафа с зеркалом была до сих пор приоткрыта, и я зацепилась взглядом за свое отражение. Полюбовалась. Даже стандартная, любезно выданная со склада косметика, была качественной — никакой потекшей туши, несмотря на эту слезливую истерику. Зато аккуратный узелок на голове стал похож на пучок соломы. Я не спеша избавилась от всех заколок, распустила волосы — длинные, красивые... такие неудобные.

Пора уже было это исправить. Мое же, черт побери, тело.

Ножниц или хотя бы просто ножа под рукой не оказалось. Зато была магия. Материализация стали — не мой конек от слова совсем, но при упорстве и желании, кое-что могу... создать, например, лезвие из льда — тонкое, крепкое, острое. Нереальное с точки зрения земных физических законов, но отлично справляющееся с тяжелыми белыми прядями.

Прикусив губу, не отрываясь от своего отражения (какие у меня сейчас глаза ненормальные!) я методично лишала волосы длины. Хотела воссоздать свою собственную прическу, но не очень-то получалось. Еще бы — самой себе делать, без ножниц и без умений стричь. Еще и руки дрожали. Закончив, я обессиленно села на пол, в кольцо из срезанных белоснежных локонов.

Запал прошел, и я почувствовала себя полной дурой. И полнейшим чучелом. Это только в фильмах при символическом обрезании волос подручными средствами у девушек автоматически появляется идеально подходящая стрижка. А я умудрилась даже этот совершенный облик испортить.

Я все умудрилась испортить.

Зачем только прицепилась к ней с этим Фрино? Зачем только оправдала ожидания и наорала? Нужно было мягче действовать. Сделать вид, что приняла ее выбор, и аккуратно, постепенно убедить в совершенной ошибке... А еще лучше — убедить себя, что не стоит в это лезть, что Эби способна жить и без моей сомнительной опеки. Объяснить ей, как важен для меня дом, почему я так не хочу оставаться в этом теле. Объяснить, что Хоук не стал бы так со мной возиться и учить магии, если бы хотел сделать просто бесправной женоушкой-роженицей. И этот бред про бордель... Ведь Эби знала Хоука не многим лучше, чем я — Фрино, и не понимала, что я в нем нашла...

Ну и откуда ей все это знать, если я ничего толком и не рассказывала?

Только вот мои ошибки не отменяют того, что Эби незаметно превратилась жуткую эгоистку, такую упертую и такую сильную. Я просто не могла этого так оставить...

Вряд ли упрямство Эби окажется сильнее воли Кристалла.

Но даже если мы завтра победим, даже если группа подарит мне возможность загадать свое, личное желание... я не смогу этого сделать. Не сейчас, когда Эби настолько не хочет

этого, что готова на все. Если я сделаю это — она никогда не простит и возненавидит меня по-настоящему. Я сама себе этого не прощу.

И все же я хотела победить еще сильнее, чем прежде. Испугать ее, лишить на миг всего... а потом вернуть. Благородно так. Такая мелочная, гадкая месть...

— Что ты с собой сделала? — картинку моей безоговорочной победы в завтрашнем туре разбил возмущенный голос Эйнара. Видимо, увидел разбитое окно и решил проверить что со мной. Чужие эмоции оказались глотком свежего воздуха. А искреннее, какое-то чуть обиженное непонимание и расстройство от потери моей прекрасной шевелюры даже веселили.

— Что, с такой прической я тебе уже не нравлюсь?

— Если бы это еще было прическа, а не... то, что у тебя.

Бедный Эйнар, даже метафоры подобрать не смог.

Эйнар-Эйнар, такой заботливый друг... наверняка. считает, что отвлекал меня от Фрино, подтолкнув к ссоре с Юз, что заставил меня сконцентрироваться на группе и забыть про такую важную подругу. И так оно и есть, но обвинять его было бы глупо. Я сама не хотела ничего замечать — ни ее нежелания меняться обратно телами, ни этой ненормальной влюбленности.

Эйнар подошел ко мне, стал рядом на колени. Мне хотелось съехидничать, но чувство юмора отказало — я только вопросительно приподняла бровь. Эйнар едва слышно цокнул языком, решительно развернул меня к зеркалу и достал из кармана складной нож-артефакт. С помощью замысловатого жеста превратил его в ножницы, а с тумбочки у кровати призвал гребешок. Я только ошарашено глазами хлопнула... тоже мне, стилист нашелся.

— Ты уверен, что умеешь, господин будущий правитель?

— А разве можно сделать хуже, чем у тебя получилось? Хорошо, что хоть не смертельно коротко, — пробурчал Эйнар, устроившись у меня за спиной на коленях и довольно ловко принявшись выравнивать кончики. — Зачем ты это, морская бездна тебя поглотит, сделала? Из-за Яны с Фрино? Разве это так страшно? Я не понимаю, Абигейл... что случилось?... Что я упускаю?

Да он просто сама искренность. Такая славная расчетливая искренность.

— Ты просто не знаешь об одном нехорошем магическом фокусе, иначе давно сложил бы два и два, — отстраненно сказала я. Хотелось, ужасно хотелось все ему объяснить. Эби же фиг будет тянуть с откровениями, разболтает все Фрино... и я ее просто опережу.

Но не могла я так поступить, не могла рисковать... просто не могла.

Тем более чувства Эйнара ко мне во многом рождены и этой внешностью. Эйнар у нас такой эстет...

— Что же это за фокус, превращающий тебя в старую-добрую Эби — неуравновешенную, несдержанную, неумную...

Он вроде как меня обзывал, но уверенные и ласковые руки в моих волосах заставляли чуть ли не урчать. Будто бы я Фрай, которому живот чешут. А Фрай, кстати, увидев Эйнара лежать в кресле не остался, встретил его, активно махая хвостом, и сидел теперь рядом с нами, подозрительно обнюхивая волосы на полу. Иронично.

Тем временем у Эйнара действительно получилось соорудить на моей голове что-то приличное. Вот уж действительно... мастер на все руки. Но сам он осматривал результат скептически:

— Мне так нравились твои волосы, — Эйнар тяжело вздохнул, куда искренней, чем

хотелось бы. С рассеянной задумчивостью подхватил одну из опавших толстых прядей, чуть ли не приласкал ее. Он сгорал от любопытства, мечтал выведать у меня всю правду... но и искренне грустил — то ли от потери моих прекрасных волос, то ли из-за того, что дружбы парочками не получилось. Вернув прядь на пол, он снова запустил мне пальцы в волосы — перебирая, играясь. Будто пытаюсь смириться с тем фактом, что они больше не длинные — перебороть свое неприятие. Вновь видеть меня красивой. И у него получилось. Я повернулась к нему, заглянула в глаза и без всякого артефакта ощутила его чувства ко мне.

И, наплевав на все, я его поцеловала. Поцеловала отчаянно и глубоко, пытаюсь выкинуть из головы лишние мысли. Задохнулась от возбуждения — своего и чужого, утонула в его желании и своих бушующих внутри эмоциях. От Эйнара пахло морем и сам он был как то самое море. Он обволакивал. Он успокаивал, едва уловимо проводя по спине рукой, зарываясь пальцами в волосы, делая поцелуй мягче.

Но внутри его грызли сомнения — я прекрасно это чувствовала.

И почти не удивилась, когда Эйнар остановился, выпустил меня из полуобъятий, хотя далось ему это с трудом. Он явно хотел продолжения, и чтобы увидеть это не нужны были никакие магические камни.

— Какого черта? — процедила я, поджав горящие губы, но обиды в моем голосе было больше, чем злости.

— Не стоит, душа моя, — невыносимо улыбнулся мне он. — Не в этот раз.

— Почему? Ты же хочешь! — я в беспомощной ярости вцепилась в его рубашку. Тоже мне нашлась строптивая девица! Мне так нужно это сейчас. Я попыталась насмешливо улыбнуться в попытке настроить его на привычную шутовскую легкость. — Я же нравлюсь тебе, знаю... Столько вился рядом, вот тебе — считай, добился.

Эйнар поймал мою руку. Поймал, потерся об мою ладонь щекой.

— Дело не в том, — он покачал головой, внутренне разрываясь от противоречивых желаний. — Ты зла и пьяна. Ты словно решила переспать со мной, лишь бы досадить подруге, хоть в этом нет никакого смысла. И если я сейчас позволю тебе это сделать... то кем я после этого для тебя буду? Всего лишь кабелем, к которому можно заскочить за порцией удовольствий?

— Ты издеваешься?! — я вырвала руку и вскочила. Это даже как-то... почти оскорбительно. Щеки у меня пылали. — Не строй тут из себя благородного рыцаря... не тянешь, знаешь ли, со всеми своими похождениями.

— Даже не пытаюсь, — Эйнар попытался дурашливо улыбнуться как обычно, но вышла жалкая породия. — Но секс с первым попавшимся — это не то что тебе сейчас нужно... я знаю, это сделает все только хуже...

— Да откуда тебе знать, что мне нужно?! Ты ничего обо мне не знаешь...

— Абигейл...

Даже имени, ты моего не знаешь, Эйнар лор Телламон.

Мы молча уставились друг на друга. Он — отчаянно пытался не поддаваться искушению, я — тихо его ненавидела.

Впрочем, он ведь был прав. Мне стало стыдно. Что ж это я веду себя, как шлюха? Действительно, зачем спать с Эйнаром, когда у меня законный жених имеется.

Чтобы не отразилось на моем лице, Эйнар от этого помрачнел.

— Кажется, я упустил свой шанс. И уже жалею об этом.

— Врешь, мой милый... Я же знаю, — я притронулась к кулону. — Не жалеешь.

Эйнар в внезапной догадке расширил глаза, позабыв об остальном.

— На Яну он не действует? Ты поэтому...

— Все... хватит. Возвращайся на бал. Спасибо за стрижку... и за стойкость. Напомнил мне, что порядочной невесте так себя вести нельзя.

Я ожидала, что намек на Хоука заставит Эйнара ревновать и злиться — на себя или на меня. Но он лишь еще сильнее уверился, что поступил правильно. Как же бесят иногда эти его игры. Какой же он самоуверенный дурак..

Я телепортировалась прямо из комнаты, не дожидаясь ответа. Какой это все-таки удобный способ заканчивать разговор.

Глава 49. Яна (2)

Где искать Хоука я не знала. Заглянула в бальный зал, но среди кружащихся парочек и подпирающих стенки одиночек знакомой фигуры не заметила. Зато заметила скучающего Кешу и поспешила сбежать, пока он меня не увидел. Не хотела я сейчас общаться с другом, даже с самым первым и самым лучшим. Только больнее будет вспоминать эту гадкую ссору с Эби — она ведь в отличии от Кеши не хотела замечать, что для меня действительно важно, какую ложь я могу принять, а какую — нет... Только стыднее будет — за свое нежелание видеть Эби действительно равной, а не просто объектом для защиты под настроение.

Нет, к черту, все это — потом. А сейчас я хотела насладиться снятием всех, собой же, как оказалось, выдуманных запретов. Наладиться, забыться, погрузится в совсем другие эмоции. И это вовсе не назло Эби, чтобы там Эйнар не думал. Нет-нет, для нее же это телс все равно не имеет ценности, какая разница, что я с ним сотворю... Я и так слишком долго над собой издевалась, не позволяя ничего кроме поцелуев и невинных ласк, как бы не хотела больше.

И чего этого Хоука вечно нет рядом, когда он так нужен!

Я брела по освещенному синими шарами коридору, брела куда глаза глядят, в надежде на очередную случайную встречу — мне же с этим так везет.

И сейчас повезло.

Уильяма Хоука я увидела за очередным поворотом. Стоял у окна, прислонившись к стене, погруженный в явно серьезные мысли. От несерьезных так не хмурятся, не трут устало переносицу, не давят своими сомнениями и тревогами на мимо проходящих владелиц волшебных амулетов.

Но увидев меня, Хоук почувствовал облегчение и попытался собраться.

— Вот ты где, дорогая, — его насмешливая улыбка была наиграна... прямо как моя перед Эйнаром. — А я повсюду тебя ищу... И мальчик твой белобрысый куда-то подевался.

Он говорил почти весело, чуть снисходительно, но в голосе проскользнула искренняя ревность. Кажется, Хоук убеждал себя в том, что Эйнар ему не соперник, но получалось у него плохо. Еще бы, мы с Эйнаром хорошо постарались.

Да только не о чем было Хоуку беспокоиться. Эйнар, этот самоуверенный мальчик, ему действительно не соперник, ведь Уильям Хоук намного лучше понимал, что мне по-настоящему было нужно.

Так ведь?

По крайней мере, я хотела в это верить.

И все же, подойти, поцеловать его первой я почему-то не могла. Искала с одной только целью, а теперь, как восьмиклассница, решиться не могла — а вдруг и он прогонит?

Ведь на этот раз я действительно хотела быть спасенной им.

Что бы не видел Хоук в моих глазах — улыбаться он перестал.

— Что-то случилось?

Он протянул ко мне руки. Я как-то растерянно подошла, и Хоук тут же прижал меня крепко к себе, обвив за талию. Поцеловал в макушку, прошептал невпопад, но так серьезно и искренне, коснувшись остриженных прядок:

— Тебе идет... Мне так намного больше нравится.

Почему-то слышать это было невероятным облегчением. Быть в его объятьях — тоже. Все правильно, привычно. Я запрокинула голову, посмотрела ему прямо в глаза.

— Пойдем... к тебе, Билл.

Он лишь моргнул, не стал допытываться — сразу же телепортировал нас сначала на площадку у врат академии, а потом — в свой дом на Кронусе, в знакомую комнату с массивной кроватью и темной мебелью. Я отстраненно подумала, что в этом было нечто символичное — именно здесь мы впервые поцеловались и именно здесь пробудилась моя магия. Отпустив меня, Хоук плеснул вина в фужер.

— Будешь? — осведомился он.

— Не хочу.

Я и так была пьяна.

Хоук сделал медленный глоток, смакуя, раздумывая о чем-то.

— Я должен тебе рассказать нечто важное... — он осекся. Посмотрел на меня внимательно и грустно усмехнулся: — Ах, ну да... ты же говорить не хочешь....

Понятливый какой, да только все равно отчаянно тормозит. Или, может, намеренно медлит? Я внутренне сжалась. Если и этот пошлет меня под благовидным предлогом, останется только пристрелиться. И его исповедь (наверняка, что-то про то, как он меня использовал сначала, но все изменилось) сейчас мне тоже не нужна была — все после.

Сейчас мне нужен Уильям Хоук, который не станет отказываться от того, что шло ему прямо в руки.

Он и не стал.

Отставив бокал, подошел ко мне, притянул за талию и поцеловал, жадно смяв мои губы. Сначала я не чувствовала ничего — механические движения умелых любовников, слишком погруженных в свои мысли. И это разозлило и разожгло нас обоих. Мы оторвались друг от друга, замерли на один мучительный вздох — и меня буквально опалила решимость Хоука. Его нескрываемая страсть — куда ярче, чем раньше, во время наших предыдущих встреч. Горячие губы вновь захватили мои, спустились к шее — он целовал меня так привычно, и чувствительное тело Эби послушно реагировало.

Но это было не то.

О, нет, нет, нет, мой дорогой, сегодня я хотела по-другому. Хотела побыть твоей любимой плохой девочкой. Злой девочкой, импульсивной... и немножечко жесткой.

Я схватила Хоука за шейный платок, потянула к себе и сама поцеловала, быстро и глубоко. Укусила за губу, отчего он удивленно расширил глаза, улыбнулась ему как-то сумасшедше, сама толкнула на кровать. И была ему очень благодарна за то, что он не стал сопротивляться или пытаться перехватить инициативу. Была благодарна ему за то, что он не требовал от меня каких-то там глубоких чувств, а искренне наслаждался, подыгрывая мне... за то, что просто помог наконец забыться.

А когда я забылась, когда получила первую свою порцию болезненного безумного удовольствия... я просто-напросто расплакалась. Опять. И тогда была уже очередь Хоука что-то делать. И он делал. Поцелуями стирал слезы с лица, нежно гладил...

... говорил мое имя...

Мое настоящее имя.

Шептал, как заведенный — Яна, Яна, Яна... И слышать это, понимать, что он знает, с кем сейчас, знает, меня настоящую, было приятней любых ласк.

И мне было плевать, откуда эти знания — все потом, все разговоры и объяснения.

Сейчас — я купалась в его искренности, что согревала и обжигала, как вырвавшееся на свободу пламя...

Я знала, что этой ночью, Уильям Хоук не просто позволил отвлечься расстроенной женщине и развлекся сам. Нет, этой ночью он решил быть со мной по-настоящему. Открыться.

И медленно, постепенно, капля за каплей, Билл заставлял меня расслабиться и получить удовольствие уже совсем другое. То, что, казалось, давно было позабыто, то, во что я уже перестала верить.

Удовольствие от того, что ты кому-то не безразличен.

Билл не стал очередной спиной в моей коллекции неудавшихся романов, еще одним мужчиной, чтобы просто забыть душевную боль.

Он словно излечил меня.

Он умело обращался с моим-немоим телом, но нужна ему была я. Моя душа, со всеми проблемами, горестями и глупостями. И он, кажется, любил меня. Не наигранно, не расчетливо... а по-настоящему.

Была бы я в этом так уверена, если бы не артефакт на груди — единственное, что осталось на мне? Не знаю и знать не хочу, но сейчас я особенно была ему благодарна за этот подарок...

Когда мы отдышались, пришли в себя, Хоук вдруг встал и ушел — я только обессиленно приподняла голову. Не мог же он меня сейчас оставить одну? Вот так, молча... Не мог. И все же от секундного страха стало мерзко. Но Хоук почти сразу же вернулся. Вернулся, сгреб меня в охапку, затащил на руках в открытую дверь и буквально бросил в полную ванную. Ароматная вода хлынула на пол, пена полетела во все стороны.

Пока я отфыркивалась и придумывала, каким бы матом его покрыть за такую выходку, Хоук залез вслед за мной и, расслабленно развалившись, выдал:

— Так ты решила... принять это тело?

Я хотела возразить, возмутится — вот еще, стану я так просто сдаваться!.. Черета этих глупостей — то волосы, то секс с человеком, который Эби не нравится — это такая... месть получается? Нелепая попытка сделать Эби так же больно, как она мне?.. Но если она действительно хочет навсегда остаться в моем теле, то ей должно быть все равно. Она вообще может порадоваться, что все так решилось...

А может это я обрубала все концы? Истерично, бездумно и зло, но лишала себя возможности цинично воспользоваться раскаянием Эби. Которое, наверняка, последует — с ее-то чувством вины перед всеми, по делу и без. Уравняла вот таким извращенным образом наши несчастные тела. А если раскаянья у Эби и не появится... что ж, она, значит, изменилась настолько, что жалеть точно не о чем. Пытаться забирать силой свое тело я в любом случае не собиралась.

А может я сейчас просто пытаюсь придумать оправдание своему идиотскому эгоизму?

Хоук выжидающе молчал, но все, что я могла — это ответить, дернув плечом:

— Не знаю.

Он понимающе хмыкнул

— Какая ирония... я был уверен, что ты рано или поздно обидишь Абигейл, и бедная девочка будет плакать и страдать... Но похоже это она тебя обидела. Как же людей меняет свобода.

Я на миг закрыла глаза, наслаждаясь теплой водой, вдыхая запах розового масла... Да,

все-таки теперь точно настала пора разговоров и объяснений. Делать это в ванной, кстати, решение хитрое. Буйствовать мне тут было бы неудобно.

Но я и не хотела. Я словно сейчас после какого-то обряда очищения была. В голове почти пусто, и на душе — спокойно. И... четкое осознание того, как глупо, мерзко и несправедливо я себя вела по отношению к Эби. Сама вон как разозлилась на Эйнара за его слепую самоуверенность — за то, что он, якобы понимал, что для меня лучше. А ни черта он не понимал. И я с Эби не понимала — не хотела просто. О ком я вообще больше думала: о ней с Фрино или себе с Максом, кого больше ругала? Но Макс — прошлое. Прошлое, что меня, наконец, отпустило. И нечего им было оправдывать свое нежелание слышать кого-то кроме себя.

— Обе мы друг друга обидели, — все же ответила я и почему-то добавила: — Она все боится, что ты меня в бордель продашь... или ее... не знаю.

Хоук закатил глаза:

— Ты не рассказывала ей о моих Чистых? Как можно было подумать, что... Ограниченные родители вбили в ее голову какие-то глупости... На Кронусе уже давно не все так трагично с сексом до свадьбы.

— Не намекай мне тут, что Эби, дура...

Я раздраженно прищурилась и плеснула в Хоука водой. Поллюбовалась, как он отбрасывает с лица мокрые прядки. Красивый... Красивее и старше Эйнара. Он дал то, что мне было нужно. И он знает о нашем обмене тел. Он... любит именно меня. Нечего мне тут сомневаться — я сделала правильный выбор. Можно ли это вообще было назвать выбором?

— Когда ты уже спросишь, как давно я все знаю? — склонил голову Хоук. Вроде и с легкой насмешкой, но напряжение ему скрыть не удалось.

— Рада рассказала тебе после нападения Малума?...

Еще не договорив, я поняла, что это предположение не верно. И у меня внутри все сжалось от нехорошего предчувствия.

Хоук открыл рот, но, словно передумав, отвернулся. Сжал мучительно крепко губы. Расслабленная шутливость на его лице окончательно сменилась мрачной тенью.

— Билл...

— Я рискую не только своим делом... — не дав ничего сказать, он отчаянно притянул меня к себе, выплескивая воду из ванной, обжигая своей решимостью. Пугая своим страхом за меня. — Я рискую сейчас тобой, твоей свободой... может и жизнью... Хотя нет, — он горько хмыкнул, — Рада не позволит себе потерять такой источник магической энергии.

— Рада? Я не понимаю... — я не вырывалась, я пошевелится не могла.

Я, кажется, понимала.

Просто не хотела верить, что опять позволила себя так обмануть. Но по-настоящему злиться на Хоука сейчас все равно не получалось. Разобраться... сначала нужно во всем разобраться, а не бросаться очередными обвинениями.

— Я всегда знал кто ты... с самого начала. Я вошел в дом к Руолям, просил руки их дочери, зная, что никакой свадьбы с настоящей Абигейл не будет. Вам просто был нужен толчок для удачного обмена, что-нибудь скверное. И мне была отдана роль злодея в понимании Абигейл — гадкого жениха, от которого так и хочется сбежать. Сама подумай — будто мне нужен союз с разорившейся аристократкой, будто мне нужно доказывать свой статус в обществе Кронуса?

— Ну да, — безжизненно согласилась я. — Быть безродным ублюдком, пред которым

лебезят бароны и графы намного интересней.

Ведь все логично. Как только я раньше об этом не догадалась? С его-то междумировым бизнесом, его богатством, можно не размениваться на бессмысленный брак по расчету... Все очевидно.

В тот день, когда я сбежала из дома Абигейл, мы тоже вовсе не случайно встретились. На Эквариусе он насчет этого так нагло солгал... Но кем я была для него на Эквариусе. Заданием? Хоук с самого начала встретился со мной, чтобы помочь пробудить мою магию, вызвав желание защититься. И все эти походы по другим мирам, обучение — для отвлечения внимания и развития моих способностей...

Для отвлечения еще был Малум — демон-злодей, козел отпущения. Ну да, он вселился в Эби — это факт, но чтобы поменять нас телами... вот именно нас, после стольких столетий бессмысленного блуждания в Междумирье, только из-за того, что я на него внешне похожа, а Эби магией! Был ли он вообще способен на это? Что я знаю о демонах? Почему я не разбиралась? Почему даже не попробовала расспросить Кальца, который вот он, под носом демон — живой и настоящий!..

Какими же мне теперь казались притянутыми за уши объяснения Рады. А тогда ведь даже не засомневалась, не проверила, расслабилась... Куда подевалась моя паранойя? Может быть это тоже какая-то затуманивающая разум магия Академии, как эта чертова завеса?!

Хорошенькое оправдание собственной глупости — вражеская магия.

Я припомнила еще кое-что.

Слова Рады о особенных уникальных силах меня заинтересовали куда больше. Там я рылась, искала информацию, пусть и без особого успеха. Пусть я сначала была настроена скептически, но чем больше училась и колдовала, тем больше убеждалась, что кое в чем Рада точно была права. Магия — часть меня, и мне не нужны были никакие книжки или учителя, чтобы почувствовать это, хватало и... самопознания.

Я не была и не могла стать такой безудержно сильной, как Эби, но я знала, что способна на многое. Телепортация, работа с несовместимыми магическими силами, усиление фенечек-артефактов, будучи в антимагическом браслете — это внешнее, это пока еще мелочи. Где-то внутри меня давно уже зрела убежденность, что я действительно особенная, что то, как я чувствую и использую магию — действительно нечто уникальное. Что когда-нибудь я, если постараюсь, вообще стану выше классических магических законов. И это было не только следствие разыгравшегося самолюбия после льстивых намеков Рады. Это было какое-то необъяснимое, глубинное знание... Черт, как же смущающе глупо это звучит даже в мыслях.

— Значит это была Рада Тарвиус, — задумчиво пробормотала я, пытаюсь собрать разрозненные детали воедино. — Она откуда-то узнала о наших силах и решила, что они ей пригодятся... Она еще так красиво мне там говорила... первозданная магия Междумирья, которая проснувшись повлечет перемены для всех семи миров...

— И вы не единственные, — вздохнул Хоук. — Это не первый раз, когда Рада с огромным трудом находит носителей этой силы... магии действительно иного порядка. По крайней мере, мне так говорили, сам я оказался замешан в этом деле совсем недавно и знаю мало. Но прошлые ее попытки ни к чему не привели. Вы с Абигейл...

— Настоящее чудо, — поморщившись, закончила я. — И плевать, что там мы чувствует, как носители этой самой силы.

— Мне не плевать, — покачал головой Хоук

— Я знаю... Знаю, что сейчас тебе не плевать — но ты больше двух месяцев дурил мне голову, выполняя ее приказы... В чем смысл? Обучить меня магии, сделать сильнее?

— Да. А еще отбить у тебя желание покидать это тело.

— О... типа, чтобы я влюбилась и не решилась терять такого женишка. Так себе план.

— Рада слишком плохо тебя знает.

— Или ты плохо выполнял свою задачу.

— Я ужасно выполнял свою задачу, — он прислонился своим лбом к моему и зашептал. — Я ведь все о тебе знал Яна, девушка с Земли. Я был там, на твоей родине, изучил твою биографию вдоль и поперек, а не только те скудные факты из личных дел... Отец, который бросил мать с тремя детьми, лучший друг Кеша — и я долго поверить не мог в такое совпадение! Твоя свадьба сразу после школы и переезд, муж твой, ублюдок Макс, почти такой же малолетний бандит, каким когда-то бы я...

— Ты никогда не притворялся любящим мужем... женихом. Не давал сладких обещаний, чтобы потом их нарушить.

— Потому что знал, как тебе это не понравится.

— Как у тебя все рассчитано, — я почти на него разозлилась.

— Я тоже так думал. Но все пошло не по плану. Когда на Пинионе ты исчезла... испарилась прямо из моих объятий... Я так испугался. Того, что с тобой что-то может случиться — из-за меня. Того, что это вызвало во мне такие чувства. Всего лишь пара встреч — и все планы коту под хвост. Мне казалось, что я тебя так хорошо понимаю, что могу просчитать любую твою реакцию... но ты все равно меня каждый раз удивляла. Очаровывала. Но я не имел... никакого права смотреть на тебя иначе, чем на...

— Задание? А что такого?.. Почему бы тебе, верному песику Рады, не совместить приятное с полезным...

— Потому что я — не верный... Потому что я не могу причинить тебе вред... вижу же, как ты любишь свою магию, как это важно для тебя. Не могу больше играть с той ради какой-то там великой цели.

Он не лгал. Я просто перестала быть для него “объектом”. Теперь стали понятны все его странности после Пиниона — Хоук разрывался между чувствами и заданием. Заданием от опасной женщины, что — я не сомневалась — могла всего лишиться за оплошность, быть может и жизни... Зачем же он...

— Зачем ты с ней вообще связался? — я все же задала вопрос вслух. — Только из-за денег? Или... она и тебя защитила от Хранителей, и ты теперь...

— Нет, нет... И деньги... я люблю, конечно, но это больше средство. Можешь смеяться, или ненавидеть, но это... тот еще дурацкий идеализм. Я тоже хочу сделать все, чтобы магия не покинула семь миров. Не потому что без магия я — никто, просто... Без нее невозможно сама жизнь.

— Жертвы ради спасения мира, — с сарказмом подвела итог я. — Так что, Рада просто хочет лишиться нас магии? Забрать энергию на благо Академии и Альянса?

— Лишить?.. Не знаю, возможно ли это... Ваша сила — это действительно чудо и она просто хочет его использовать. Говорит — во благо семи миров. Говорит — что, ради великой цели нужно идти на жертвы. И да, чтобы сохранить Академию, Междумирье, весь Альянс — нужно забирать чуточку магии у тех, кто ею переполнен. У лучших из лучших.

Ох, до чего же прав был Ярэн Корн, обвиняя Раду во всех грехах. Вот же... старая ведьма. Все твердила о нашем великом будущем, но сама же и собиралась нас его лишиться. С

какой стороны не посмотреть, вся ее политика самообразования для студентов — просто нежелание давать нам лишние знания. К чему обучать дойных коров?

— И как она делает? — спросила я.

Спросила, и сама все поняла. Перед глазами встала картинка золотого храма в Гоуд-Сва — вся это мерзость с высасыванием магии у тех кто просто искренне верит, желает получить божественное благословение... вытягивание магии по светящимся проводам... так кое-что напоминающих... Пещера, гул, полупрозрачные, наливающиеся светом нити, что как корни, устилали пол...

— Кристалл, — до меня дошло прежде, чем Хоук ответил. Я судорожно соображала, складывая кусочки мозаики. От внезапного понимая, как тут нас Эби, да всех студентов, собираются завтра поймать, стало холодно. — Желание....

— Да, — болезненное согласие из уст прикрывшего глаза Хоука прозвучало приговором. Он торопливо продолжал: — Тот, что называют, Сердцем Междумирья, ключевой элемент среди сети магических кристаллов, подпитывающих академию и стабилизирующих магию во всем Междумирье. Сильнейшие ученики, победители соревнований, лучшие маги — все стремятся прикоснуться к нему. Я не знаю деталей, не знаю, как это все действует, но у кого-то действительно просто исполняются заветные желания, без всякой цены... А кто-то теряет магию — не в тот же миг, конечно, но рано или поздно. Между магом и кристаллом образуется связь, канал... Изначально он служил лишь для концентрации и воплощения намерения мага, но теперь Рада как-то может контролировать его... я не знаю, что именно она планирует сделать в вами завтра, но...

Я не стала дослушивать его. Буквально выскочила из ванной, на ходу высушивая себя — спасибо урокам Фелиции Вон. Метнулась в комнату в поисках платья и нижнего белья...

— Яна... — Хоук, как был — гольшом и в пене — выскочил за мной.

— Я хочу поговорить с Эби, — я торопливо натягивала на себя узкое платье. — Да, прямо сейчас. Я спокойна и не буду делать глупостей. Хватит их уже на сегодня.

Я не хотела, как глупая героиня глупых сериалов кричать "ты мне врал" и хлопать дверью. Я, как женщина, глупая настолько, что героиням сериалов до нее расти и расти, была на самом деле по-настоящему тронута этим признанием Хоука — доказательством его чувств ко мне. И пусть я была язвительна, пусть спокойно выпытывала информацию... Но быть рядом с Хоуком дальше было слишком тяжело. Мне так хотелось вновь забыться, довериться ему, выбросить из головы все страхи и угрозы, но я понимала, что сейчас важнее. Опасность, которая грозит нам с Эби — и всегда грозила. Рада Тарвиус — вот кто действительно лгал и использовал нас как пешек. Вся эта Академия — сплошная ложь.

— Я никуда тебя не отпущу в таком состоянии, — покачал головой Хоук. — Даже не собираюсь телепортировать тебя в Академию, пока ты не успокоишься, пока не отдохнешь... пока мы все разумно не обсудим и не решим, как быть. Мне бы вообще хотелось спрятать тебя где-нибудь у друзей на Плутосе... но я не сомневаюсь, что тебе это не понравится....

А вот то, что он вдруг решил, что я не способна удержаться от глупостей вызвало раздражение.

— О, Билли, — я, одевшись, с кривой улыбкой качнула головой, — это очень мило, но ты кое-что упускаешь. Мне не нужна твоя помощь, чтобы вернуться в Академию.

Я как никогда была уверена в собственных силах. Начинающие маги не могут телепортироваться, тем более телепортироваться в иные миры? Что ж, это не про меня,

такую уникальную.

Через два прыжка я оказалась у общежития Эби.

Глава 50. Абигейл (1)

Когда я выбралась из подземелий, со стороны бального зала уже не долетало ни единого звука — видимо, все разошлись спать. Свет приглушили, и по коридорам я шла в компании парочки магических светлячков и собственного жгучего стыда. Гнев и обида выветрились окончательно, и навалилось осознание того, как гадко я поступила. От стыда хотелось биться головой о стенку. Ну почему, почему я совсем не могу себя контролировать? Может, взять у Кальца пару уроков самообладания? А то за последние пару месяцев я столько всяких глупостей в бешенстве наделала... Пора было с этим завязывать..

Хотя сейчас мне было не до проблем с собственным характером. Я хотела поскорее найти Яну и рассказать ей о Малуме. Не перебудить бы только всех ее соседей...

К моему облегчению обитатели желтого общежития не спали. С тех пор, как я жила здесь в своем теле ту злополучную неделю, гостиная немало изменилась — стала гораздо более обжитой и уютной. И отдыхала группа вместе. Брусника — красная, как помидор — сидела в кресле и заплетала примостившемуся на полу у ее ног Кальцу мелкие косички. Увидев меня, они тут же заулыбались и помахали рукой. А вот Альбо, Мэт и Юз обожгли меня неприязненным взглядом.

Видеть этих троих вместе было удивительно. Юз и Мэт казались мне жутковатыми — первая слишком напоминала надменных аристократов Кронуса, второй вроде вел себя просто, но аура у него была страшная. Альбо же, на мой взгляд, был слишком шустрым, чтобы сидеть на одном месте. Однако, сидел, да еще и играл со своими соседями вместе в какую-то мудреную иномирную игру — выкладывал узоры из круглых камешков на маленькой деревянной дощечке.

Да что студенты! Даже Дженни, так не похожая на нашего заботливого Якоба, была с ними — дремала с полупустой бутылкой в руках, положив ноги на столик.

Яны видно не было... как и Эйнара. Я припомнила его разговор с Фрино на балу и задумалась. Неужели она все же сдалась? От мысли, что Яна не досталась Хоуку, меня охватило некоторое злорадство. А вот новость о том, что она, возможно, лишила мое тело девственности не вызывала совершенно никакого отторжения. Как-то после ночи с Фрино традиция хранить себя до свадьбы начала казаться мне бессмысленной. То ли я совсем перестала чувствовать себя жительницей Кронуса, то ли прониклась укладом прогрессивного Альянса, то ли просто мне настолько понравилось, что я себя успокаивала...

В общем, хорошо, что она там развлекается. Я бы тоже поразвлеклась бы... да вот только до тех пор, пока мы не помиримся, никакой мне любви. Не стоило усугублять...

— Ты сегодня произвела на всех... впечатление, — Юз холодно, но безукоризненно вежливо улыбнулась, вырывая меня из задумчивости. — Прийти на бал с Фрино. Кажется, для Абигейл стало неприятным сюрпризом увидеть рядом с человеком, что пытал ее, свою лучшую подругу.

Она не скрывала осуждения, что еще больше сбило меня с толку. Юз же даже словом лишним никогда со мной не перекидывалась, пока я здесь жила, а тут вдруг так Янку защищает. Придумать, как вежливо ей ответить, я не успела.

— Ну, ну, Юз... — укорил свою соседку Мэт. — Дружба Эйнара с Фрино не мешает Эби поддерживать с ним... теплые отношения. Но вообще-то, — эльф притронулся к запястью, — нам было не очень приятно от того, как ей было неприятно.

— Совсем неприятно, — мрачно добавил Альбо, поглядывая на меня исподлобья.

— Извините? — совсем перестала понимать что происходит я. — Вы о чем?

— Все просто выражают надежду на то, что вы помириться, и на завтрашнем соревновании ни у кого не будет никаких обид, — ответил за всех Кальц.

— Без обид вряд ли получится, — тяжело вздохнула Юз. — Ведь победитель будет только один.

Это прозвучало почти угрозой. Но мне сейчас было немного некогда разбираться с такой странной переменной настроения. В конце-то концов, ничего особенного, нас тоже соревнования сплотили.

— Я как раз искала Яну, — собравшись с мыслями, сказала я. — Конечно, помириться не обещаю... но очень постараюсь...

Мэт сразу расслабился и вполне дружелюбно улыбнулся, а вот Юз и Альбо посмотрели на меня со скепсисом.

— А, тайный агент от красненьких, — тут вдруг проснулась Дженни, и потянулась в кресле, на ходу испаряя бутылку в воздухе. — Маленькая мисс Подрывательница боевого духа моей команды. Не знала бы, какие вы там, под теплым крылышком Якоба, бесхитростные цыплятки, подумала бы, что твоя выходка — хитрый тактический ход. Но мы вас все равно завтра сделаем. А Эбички здесь нет. Ее в Академии вообще нет, можешь не искать.

— Спасибо, — пробормотала я, пришибленная данной тирадой. — Извините, что побеспокоила.

— Никаких проблем, заходи еще, — улыбнулся мне Кальц, но, кажется, никто кроме Брусники не разделил его рвения увидеть меня в гостях снова.

Только выйдя из общежития, я поняла... что рада. Все же у Яны вообще друзей не было. Она со всеми неплохо общалась, но близко, как меня, никого к себе не подпускала. И было очень приятно видеть, как ее соседи ее защищают. Пусть и от меня.

Глава 50. Абигейл (2)

Я решила, что раз Яны нет, то ничего не остается, кроме как дожидаться завтрашнего утра. В конце-то концов, дело терпит. Никуда мы не торопимся, Малум никуда не убежит. Так что я пошла в свое родное, такое любимое красное общежитие, собираясь извиниться перед Фрино за то, что бросила его на балу одного, получить от него крепкие объятия, а потом хорошенько выспаться перед завтрашним финалом и сложным разговором с ненавидящей меня Яной. Запоздало даже подумала, что, может, наличие такой ценной информации чуть сменит ее гнев на милость, и она хотя бы немного смягчится.

В общем, все потом. Сейчас — спать, спать, спать.

Однако, стоило мне подойти чуть ближе к родному общежитию, как я наткнулась на глушащее звуки заклинание. Удивившись, я миновала его... и тут же услышала выстрел. Громкий хлопок испугал меня до дрожи. Тут же я заметила и еще одну странность — из сада красного общежития валил дым. Что случилось? Почему они стреляют? Подгоняемая этими мыслями, я бегом обогнула общежитие, распахнула калитку и опешила от открывшейся мне картины.

Не одни, оказывается, желтые решили собраться вместе после бала. Большая часть моих соседей расположилась в нашем скромном саду, растянутом магией Якоба. Куратор, потирая усы, держал в руках оружие, отдаленно похожее на пищаль с Кронуса, только явно более легкое. Из дула поднимался дымок. Увидев меня, мои соседи тут же заулыбались.

— Вы чего тут делаете? — пытаюсь понять, что происходит, спросила я.

— Да все нормально, — тут же заверила меня Ивона. — Ничего плохого не случилось. Просто Якоб нас учит стрелять из пинионского мушкета. Вон, смотри, у нас даже мишени есть.

И она ткнула в сторону забора. Я заинтересованно повернула голову и увидела узкую лавку, на которой в ряд стояли стеклянные бутылки разных форм, цветов и размеров. Осколки их несчастных братьев покрывали землю вокруг. Впрочем, стреляли явно не все, а только Якоб, Ивона и Рейнар. Орсон вместе со своей девушкой о чем-то тихонько переговаривались, сидя на крыльце близко-близко друг к другу. Мрамор — хмурый и сосредоточенный — колдовал над жаровней, полной горячих углей. Жарил мясо, аромат которого я в суматохе сразу не заметила. И, в довершении картины, рядом с жаровней на травке восседали Фрино и Эйнар. Вид у обоих был какой-то зашуганный.

— Ты это... скажи Мрамору чтобы он от них отстал, — наклонившись ко мне, шепнула Ивона. — Он кажется немного выпил и решил проверить, а могут ли они от еды лопнуть. Уже четыре шампура скормил.

— Я все слышу, — пробурчал полудракон, поворачивая на жаровне шампур. А потом, посмотрев на меня, спросил обиженно: — Шашлык будешь? Тут немного осталось, надо доесть.

Что ж... кажется Мрамор все же выпил не немного, а вполне прилично. И не один он. У Фрино тоже взгляд был мутноватый, хотя и гораздо более трезвый чем у дракона. Мда... великие маги, небо их забери.

— Вот сам бы и ел свое мясо, — тихо пробурчал Фрино.

— Буду, — твердо решила я.

Мне тут же вручили шампур, и я, еще с утра голодная, жадно принялась его

обглаживать. Мушкет тем временем перекочевал из рук Якоба в руки Рейнара и опять раздался выстрел, от которого я чуть не подпрыгнула. Очередная бутылка весело зазвенела, осыпаясь осколками.

— Садись, — хлопнул рядом с собой по траве Фрино, без особого аппетита обглаживая мясо со своего шампура. Ел он вообще довольно мало, и что-нибудь полегче. Впрочем, я подумала, что мясо должно пойти ему на пользу — надо же наращивать свое собственное мясо на почти голых костях.

Я села. Глянула на Мрамора краем глаза.

— Да не смотри ты на меня так, — тяжело вздохнул дракон. — Делай, что хочешь. К тому же я тут тоже не один.

— Не один? — удивилась я.

— Ага, — раздался из воздуха звонкий голосок. — Я с ним. Просто ты меня не видишь.

— Невидимка это, — пояснил Мрамор с полуулыбкой. — Помнишь, говорил, что кое с кем приду на бал? Знакомься, Яна, это Тайна. Тайна, это Яна.

— Приятно познакомиться, — ответила невидимая девушка. — Можешь звать меня просто Невидимкой. Меня все тут так называют.

— Мне тоже очень приятно, — улыбнулась ей я, заметив на земле расплывчатую тень, которая на первый взгляд не была ни к чему привязана.

Знать, что Мрамор принял мой выбор было так приятно. Эх... почему не все такие понимающие как он?

— О, как печально оставаться одному в окружении влюбленных пар, — картинно возвел глаза к небу Эйнар, который держал свой шампур с почти нетронутым мясом, как ядовитую змею.

— Кстати об этом... расскажешь, как прошел разговор с Абигейл? — осторожно поинтересовался у меня Фрино.

Я тяжело вздохнула. Рассказывать Фрино о нашей тайне было одновременно и нельзя, и очень-очень нужно. Нельзя — потому что Яну это взбесит еще больше. Нужно — потому что, если Яна завтра выиграет и мы поменяемся, первое, что она сделает... о небо, я даже подумать боялась, что именно она с Фрино сделает. И вот как мне теперь быть? Надо решиться на что-либо этой ночью... главное, сейчас не принимать скоропалительных решений.

— Великие предки, ты умеешь говорить без яда в голосе! — саркастически воскликнул Мрамор, пока я размышляла на эту сложную тему. — А я-то думал, как это ты с ним, Яна, общаешься? Не отравилась ли еще?

— Дракон, вот что я тебе опять сделал? — закатил глаза Фрино. — Да, представь себе, мой словарный запас состоит не только из язвительных замечаний. К тому же кто бы говорил...

— Фрино, это даже оскорбительно, — в наигранном возмущении Эйнар взмахнул руками и его шампур перекочевал обратно на жаровню с ловкостью, которой позавидовал бы какой-нибудь фокусник. — А как же я? Твой верный лучший друг, единственный, кто терпе... поддерживал тебя даже в самые темные времена? Неужели все, жизнь наладилась, и я тебе больше не нужен? Нашел себе правильную девушку и правильного нового друга? Переметнешься к этому дракону?

— Да ни за что, — почти хором ответили Фрино и Мрамор.

Я даже улыбнулась. А вот Эйнар, проигнорировав их единодушный ответ, решил дальше

ломать комедию. Я как-то даже расслабилась. А ведь казался мне таким зазнайкой. Все же никогда нельзя судить людей по первому впечатлению.

— Девушка бросила, а теперь и друг... — наигранно простонал парень. — Как бессердечен этот мир!

— Ты же говорил, что сам ее прогнал? — вставил свою шпильку Фрино.

— О, прекрати, это все ненужные нюансы, — отмахнулся Эйнар. — В любом случае, вы с Абигейл друга друга стоите — при первой же возможности решили променять меня...

— Ты... прогнал Абигейл? — опешила я, уставившись на белобрысого парня.

— Мы потому и спрашиваем, — коротко переглянувшись с приятелем, неловко улыбнулся мне Фрино. — О том, как разговор прошел...

— Потому, что она была очень расстроенной и явно не в себе, — закончил за него Эйнар. — Что ты ей такого наговорила, милая Яна, что Абигейл отрезала свои прекрасные волосы — а я их, между прочим, нежно любил! Еще она разбила окно и домогалась меня, но это уже мелочи.

Несмотря на шутливый тон и улыбку, Эйнар смотрел на меня так, будто пытался залезть в голову и хорошенько там все исследовать, чтобы разобраться. Ладно, каюсь, второе впечатление тоже обманчиво. Надо быть с ним поосторожнее. Однако, сейчас мне было не до Эйнара.

Я глянула на помрачневшего Мрамора.

— Месть? — предположил он.

— Она самая, — вздохнула я.

— Не переживай, — натянуто улыбнулся мне дракон.

— Я и не переживаю, — вздохнула я. — Сама виновата... так мне и надо...

Волосы было немного жаль. Сколько я с ними мучалась на Кронусе! А ведь там не было ни душа, ни всех этих потрясающих шампуней, которыми раз в неделю голову помоешь — и никаких проблем. А уж то, как часто мне попадало за неаккуратную прическу — и подумать страшно. И все мои мучения пали жертвой гнева Яны. Ну... что поделать. Я действительно чувствовала, что заслужила. Даже полегчало как-то.

— Знаешь, Яна, давно хотел тебе кое-что сказать, — хмыкнул Фрино. — Ты не думала никогда о том, что может быть виноват кто-то кроме тебя?

— Я его, конечно, ненавижу, но Фрино прав, — буркнул Мрамор. — Абигейл взбалмошная и эгоистичная, и если вы поругались, то я скорее бы ставил на то, что виновата она.

— Да нет, на этот раз действительно моя вина, — смутилась я. — Мне приятно, конечно, что вы меня защищаете... но не стоит. Знали бы вы, каких гадостей я ей наговорила...

— Ты? Гадостей? — удивился Фрино. — А ты умеешь?

— В сердцах что ли, как мне в тот раз? — спросил Мрамор. — Но если вспомнить, как я тебя тогда допек, мне даже обижаться стыдно.

— Не, то что я тебе сказала тогда — мелочь по сравнению с этим, — с сомнением сказала я.

— Даже не могу себе представить, что надо сделать, чтобы ты взорвалась? — хмыкнул Фрино. — Ты же такая... эм... милая... и добрая...

— Святые предки, дайте мне сил, — закатил глаза Мрамор. — Одноглазый, ты знаешь слово “милый”?!

— Дракон, яд изредка ссезживай, — парировал Фрино. — Я знаю много слов. Например вот в моем словаре есть хорошее земное выражение: “иди на хрен”. Как оно тебе?

— Ладно, хватит шуточек, хотя и весело, — фыркнул, не сдержав улыбки Мрамор. — Ты, Янка, лучше скажи, что делать будешь?

— Мириться, извиняться, — пожала плечами я. — Хотя не знаю, поможет ли. Тут по другому как-нибудь надо... только я понятия не имею как.

— А ты сделай что-нибудь, — предложил Фрино, а потом заметил больше в шутку. — Ну не знаю... конфетку ей вкусную где-нибудь найди. Или что она там любит.

— Кажется, я тебя раскусил, — вытаращился на него Мрамор. — Так ты что, специально тут выдвигался перед нами два месяца?!

— Не совсем, — хитро прищурился Фрино. — Ну сам посуди, дракон, мне нужно было как-то с вами жить. Вел бы себя как раньше — вы бы меня и дальше ненавидели. Стал бы ныть и рассказывать всем, какой я хороший — не поверили бы, словам цены нет. Так что отмывался делами по возможности. И знаешь, во вкус как-то вошел...

— Слушай! — осенило меня. — А ведь это действительно хорошее предложение! Только конфеткой тут не отделаешься! Надо просто уже ей кое-что отдать и не мучиться!

И как эта мысль мне в голову до сих пор не пришла. Ведь именно за слова о том, что я не отдам ей тело, мне было стыднее всего. Сразу после финала и займусь. Пойду к Кеше, помогу ему с его исследованиями, все равно алхимию люблю. Да и чего я вообще прицепилась к этому телу, какая в конце-то концов разница. Казалось, я столько думала об этом, находила такие веские доводы... но теперь, перебирая свои мысли, понимала, насколько же они были глупыми.

Я боялась потерять с телом друзей, но ведь друзей всегда можно завести снова. Я боялась потерять свою с трудом заработанную репутацию доброй, сильной в магии девушки, но что мне мешало начать все с начала? Я боялась семьи, дома, Хоука, но все эти проблемы можно было решить, если только захотеть. Я боялась переехать в желтое общежитие, но какая по сути разница, где жить? И я думала только о себе. Я даже не знала, зачем Яне так сильно нужно было ее тело. Какая разница, какие у тебя внешность и имя, главное кто ты... но это ведь только для меня.

— Я смотрю, кто-то продумывает план примирения, — улыбнулся Фрино.

— Чтобы ты там не задумала отдавать, Яна... — отстранено сказал притихший было Эйнар, — раскрой вместе с этим перед ней свою... темную сторону. Не кайся, не рыдай там от чувства вины и стыда, а просто — говори, как есть. Она оценит.

— Ну... попробую, — хмыкнула я, удивленно глянув на него. — Но с чего ты взял...

— Ты лучше слушай его, — подергал бровями Фрино. — Перед тобой сидит лучший интриган во всей академии. Мне до него как пешком от одного края Эквариуса до другого.

Эйнар только бросил на друга раздраженный взгляд. Только после этого меня дошло, как сильно он его этими словами подставил. Теперь все будут ждать от него подвоха.

— Ну ладно, поверю на слово, — пожала я плечами, а потом не сдержала улыбки. — Эйнар, может вы... ты еще и скажешь, как нам ее с Фрино примирить? А то она очень сильно на него взъелась.

— Ты переоцениваешь ее ненависть к Фрино, — усмехнулся Эйнар. — Если бы вы не встречались, так и остался бы наш с тобой милый друг для нашей не менее милой подруги просто неприятным воспоминанием, пожалуй, недостойным даже того, чтобы в голове держать. Но раз у нас всех такие интересные отношения сложились... Примирим общими

усилиями. А если бы ты еще просветила нас по поводу причины столь неожиданно серьезной ссоры...

— Не могу, — вздохнула я. — Только не сейчас.

— А меня? — осторожно спросил Фрино.

— И тебя тоже не могу, — смутилась я. — Пока не найду Абигейл и не извинюсь — никому ничего не скажу. А там... а там посмотрим..

Я еще раз с интересом осмотрела Эйнара. Интересный парень, пусть и непонятный какой-то. Надо будет расспросить Фрино о нем. Хотя... кое-где его действия казались мне все же немного нелогичными. Конечно кто их, великих интриганов знает, но...

— Что ж ты ее... прогнал, — не удержалась я. — Развлекались бы сейчас...

Парень несколько недоуменно приподнял бровь, Фрино весело фыркнул, Мрамор ошарашенно кашлянул.

— Кажется я кого-то развратил, — сдерживая смехи, пробормотал мой парень. — Или это мне только кажется...

— Как мне нравятся ваши земные нравы, — хмыкнул Эйнар.

— Ах вон с чего она так рассвирепела, — хмыкнул Мрамор, у которого щеки порозовели. — Нда, Яна... вот уж не ожидал...

— Мне не стыдно, — покраснела я, мечтая провалиться сквозь землю. — Вообще ни капли.

— Завидуй молча, дракон, — дернул бровями Фрино. — И вообще, что ты краснеешь как девчонка? Мужчина ты или как? Не будешь пользоваться своей драконьей штуковиной — отвалится. Эй, Невидимка, тебе дать совет, что можно подсыпать парню в вино, чтобы он сделал тебе приятно? А то так не дожدهшься же...

— Если ты не заткнешься... — начал угрожающе Мрамор, у которого все лицо горело, но его неожиданно перебила его подруга.

— Не волнуйтесь за меня, я терпеливая, — совершенно серьезно заявила она.

Фрино покатился со смеху, от чего даже Мрамор передумал его бить. Смеющимся — вот так запросто — мы этого парня еще не видели. Даже Якоб, Ивона и Рейнар на него удивленно уставились, от чего Фрино быстро перестал веселиться. А я почувствовала себя действительно хорошо — впервые за этот сложный вечер. Приятно было смотреть на такого радостного и легкого Фрино, так спокойно болтающего с другими людьми, совсем другого. Чем больше я за ним наблюдала, тем сильнее в него влюблялась. И нельзя было дать ему вернуться в свое прежнее ужасное состояние...

— Эм... — стушевался он. — Я что-то не так сделал?

— Бедный, Фрино, — тяжело вздохнул Эйнар, возводя глаза к небу. — Даже не осознает, что с его репутацией этот искренний простодушный смех вызывает у окружающих когнитивный диссонанс. Но вообще, Мрамор, он дело говорит... такая очаровательная леди как Тайна достойна большего, чем вечно ждать пока ты на что-то там решишься...

— Моя личная жизнь — это не ваше дело, — пробормотал Мрамор, вспомнив, что стало причиной такого веселья. — Я же не такой мудака как вы...

Договорить ему не дали.

— Что тут происходит? — раздалось от входа в сад.

Мы все удивленно повернули головы... и я тут же инстинктивно прижалась к Фрино. У входа в сад стоял Ярэн Корн собственной персоной и с интересом нас всех разглядывал.

Тем, что мне весь месяц удавалось избегать страшного усатого Хранителя, я почти

гордилась. То ли я его неосознанно стороной обходила, то ли он обходил стороной меня, но до сегодняшнего дня мне везло. Да что там... я впервые близко Ярэна Корна видела. Мне казалось, что хранитель будет интересоваться нами с Фрино, но мы будто были ему безразличны. Я уже готовилась облегченно вздохнуть, понимая, что после завтрашнего финала Корн навсегда покинет академию... рано, как оказалось, радовалась.

Расстроил приход Хранителя не одну меня. Якоб сплюнул на землю, Ивона глупо спрятала мушкет за спину.

— Чем обязаны? — совершенно без радости в голосе осведомился наш куратор.

— Весело тут у вас, — добродушно улыбнулся ему в ответ Ярэн. — Учите ребят стрелять из огнестрельного оружия?.. Полезный навык, пригодится.

— Документами интересоваться будете, или на слово поверите, что я бы не вынес мушкет, если бы с ними было не все в порядке? — осведомился Якоб, скрестив руки на груди.

— Да мне без разницы, — хмыкнул Хранитель, — по крайней мере, пока из этого мушкета студенты в друг друга стрелять не начали. Не думайте, Якоб, что я пришел придраться. Просто заинтересовался, зачем было ставить вокруг общежития такие мощные заглушающие чары.

— У нас тут все в порядке, ол Корн, — вдруг заверил его весело Орсон.

— А я и не сомневаюсь. Ваш куратор непорядок не допустит, — усмехнулся хранитель, кинув на недовольного Якоба понимающий взгляд. — Рад, что удалось застать вас здесь, юный Флай, а то все никак выловить не мог. Хотел кое-что передать...

И он протянул Орсону письмо. Тот заинтересованно осмотрел его и округлил глаза.

— Откуда?

— Утром пришлось на пару часов вернуться на Пинион. Как раз проходил мимо магазина ваших родителей, решил заглянуть, — кивнул ему Корн. — А пока мы болтали с вашим батюшкой, ваша матушка умудрилась написать письмо.

— У, завидно, — пискнула козерожка. — Жаль мне некому письмо передать.

— Спасибо, ол Корн, — обрадованно пожал ему руку Орсон. — Я просто не знаю, как вас и отблагодарить!

— Вы знакомы? — настороженно спросил у него Якоб.

— Ну да, — пожал плечами наш вампирчик.

Не удивляйтесь, Якоб, — добродушно отозвался Корн. — Я знаю семью Орсона довольно давно. К тому же их магазин близко к управлению Хранителей, многие у них закупаются. Мне до сих пор жаль, что милая ола Флай не приняла наше предложение и не пошла к нам младшим служащим. Но зато она завела прекрасную семью и открыла свое дело.

— Пошли, почитаем что пишет? — предложил Орсон своей козерожке, помогая ей подняться с земли. А потом весело кивнул нам всем, пожелал спокойной ночи и смылся в общежитие.

Это меня очень удивило. Орсон дружит с Хранителями. На душе стало как-то тревожно от такой новости. Появилось стойкое чувство, что я что-то упускаю.

— Что? — поймав мой взгляд, усмехнулся в усы Корн. — Знаю, у меня репутация... пугала. Злой, пронырливый Хранитель и все такое, но это не мешает мне дружить со

студентами. Да и с некоторыми преподавателями... Арни Торн был моим лучшим другом.

— Да-да, пока вы не подались в Хранители, — пробурчал Якоб.

— Пока? Мы всегда оставались друзьями, — с некоторой грустью усмехнулся Ярэн. — Арни был единственным человеком в Академии, что не проклинал каждое мое появление здесь. Я-то все понимаю, ворчание преподавателей при виде Хранителя закономерно — вспоминать о собственных давних грехах неприятно, а ведь эти грехи у каждого найдутся... И все же, решать, что требует наказания — та еще работенка... Считаете, что вам не повезло, раз на этот раз в академии оказался именно я, Якоб?

— Знаете, как говорят на Кронусе? — хмыкнул Якоб. — Ты движешься туда, куда направлен твой взгляд. Так что давайте не будет оборачиваться. К тому же мой условный срок давно вышел, и штраф был оплачен в полном размере.

— Вы ищите упреки там, где их нет, Якоб, — качнул головой Ярэн. — Но, к слову, мне несколько кажется несправедливым, что студенты и не подозревают о ваших подвигах. А ведь они довольно поучительны.

— У меня традиция травить байки под выпуск, — усмехнулся Якоб. — Неплохо, знаете ли, наставляет моих подопечных на истинный путь. Хотя вот с Фрино мы уже беседовали на эту тему. Да, парень?

— Да, — пожал плечами Фрино. — Было такое.

— Кстати об этом, — живо заинтересовался нами Хранитель. — Хотел бы выразить мое вами восхищение, ребята...

— Мы уже расходимся, — перебил его Якоб. — Завтра финал и студентам нужно отоспаться...

— Не волнуйтесь, я не задержу их недолго, — добродушно ответил ему Ярэн, присаживаясь к нам.

Я подозрительно на него уставилась, Фрино обвил меня рукой за талию, прижал к себе, будто пытаясь защитить. Это чуть успокоило меня, но не убрало до конца поселившееся внутри беспокойство.

— Я пойду, пожалуй, — недовольно пробормотал Эйнар, глянув искоса на своего друга. — Спи, не спи, Фрино, а завтра мы вас в порошок сотрем.

— Кто еще кого, — хитро улыбнулся ему мой парень. — Вам просто страшно везло. Ну ничего... у нас есть непробиваемый щит, дракон и вот она, — он ткнул меня в бок. — Так что готовь платок, Эйнар. Будешь вытирать слезы, когда мы возьмем первое место.

О, мой наивный друг, — сочувственно похлопал его Эйнар по плечу. — Ты можешь тешить себя ложной надеждой, но у вас нет ни малейшего шанса

И он ушел. Ивона с Рейнаром собрали восстанавливающей магией бутылки из осколком и тоже скрылись вместе с мушкетом. Вслед за ними поспешили и Мрамор со своей подругой — невидимка на прощание окатила жаровню водой. И остались мы втроем — я, Фрино и Ярэн.

Страшно мне от этого стало так, что внутри все похолодело. Если бы не Фрино — я бы, наверное, выдала себя своим беспокойством. А так можно было просто притвориться уставшей и замерзшей.

— Ну-ну, — явно заметив мою нервозность, весело улыбнулся мне хранитель. — Не съем. Просто хотел вас похвалить немного.

— Похвалить? — в голос удивились мы с Фрино, сбитые с толку таким заявлением.

— Понимаете, ребятки, мое начальство замучало меня требованиями об отчете о последствиях вашей... стычки, — поморщился Ярен. — Теперь мне есть, что в нем писать. Я так понимаю у вас друг к другу нет никаких претензий, верно?

— Вроде того, — удивленно выдавила я из себя.

Ярэн вытащил из внутреннего кармана потрепанного пиджака папиросу, прикурил, материализовал на кончике пальца огонь. Предложил еще одну Фрино, но тот отказался.

— Интересная штука жизнь, — помахал в воздухе Ярен рукой. — Я думал, что увижу в академии двух несчастных девушек и одного не понимающего, за что ему досталось парня. Но лишь леди Абигейл не смогла нормально переварить произошедшее. Жаль, Яна, что вы не сумели доказать ей, как важно уметь прощать.

— Мы с Яной мало общались из-за соревнований, времени не было, — ответила я.

— Да уж, отняли мы у вас своими капризами выходные, — поддакнул хранитель. — Тем не менее мне нравится, как у вас все разрешилось.

— Это все, что вы хотели сказать? — грубовато уточнил у него Фрино. — Нам тоже пора идти. А то проспим завтра финал, а я хочу надрать своему самоуверенному приятелю задницу.

— Ох, прошу прощения, — грустно улыбнулся нам этот странный дядька, — должно быть, болтовня старого подозрительного Хранителя не располагает к отдыху перед важным днем. Завтра последний день моего пребывания в Академии, и я просто хотел бы до конца разрешить все вопросы... Хорошо бы и услышать мнение Абигейл конечно... о, а вот и она, как вовремя. Новая стрижка? Простите, милая, но с длинными волосами вам шло больше.

Яна и правда была здесь. Возникла из ниоткуда прямо у входа в сад общежитие. Выглядела она чуть помятой, взволнованной и удивленной. Непривычно короткие волосы обрамляли лицо, кажущееся теперь таким чужим.

— Я уже поняла, что мои волосы — утрата для всей Академии, — натянуто улыбнулась Яна, подходя к нам. — У вас какое-то важное дело к моей подруге? Все же уже поздновато...

— Это дело у меня и к вам Абигейл...

Я удивленно уставилась на Яну. Зачем она пришла? Злой вроде не выглядит, расстроенной — тоже. Это меня обеспокоило. Внутри зашевелилась тревога, я почти пожалела что не оттащила Фрино в сторонку и не рассказала ему нашу тайну. Потому что если она что-то плохое задумала — это бы нас выручило.

— А может это немного подождать? — Яна с несчастными глазами прикусила губу. Для остальных она выглядела сейчас несчастной жертвой... но я свою подругу слишком хорошо знала, чтобы не различить крохотную толику фальши. — Мне так надо перемолвиться парой словечек, с Янкой... А потом мы всецело в вашем распоряжении.

Она повернулась ко мне.

— Если ты не против, конечно.

— Какое совпадение, — хмыкнула я, поднимаясь с травы. — Я как раз тоже тебя искала и тоже хотела кое-что рассказать. Может поднимемся в мою комнату?

И как унять свою подозрительность? Я с удивлением поняла, что мне очень сложно ей верить после произошедшего. Грызло чувство, что сейчас она возьмет и шарахнет меня заклинанием. Или еще что-нибудь такое выкинет. И как бы я не старалась это чувство унять, как бы не старалась напомнить себе, что сама хотела извиниться... неприятное предчувствие никуда не девалось.

— Давай лучше, прогуляемся по саду, — нетерпеливо дернула плечом Яна.

— Мне с тобой не идти, правильно я понимаю? — осведомился у меня Фрино.

— Нет, я сама вполне справлюсь, — натянуто улыбнулась ему я. — Я к тебе зайду как вернусь. Идет?

— Хорошо, — пожал плечами парень, а потом уточнил у Хранителя без особого почтения. — Ну, и что вам такого рассказать чтобы вы от нас отстали?

Глава 50. Абигейл (3)

Яна привычно схватила меня под руку и утащила подальше в сад. Мы дошли почти до дальнего забора, за которым заканчивалась академия. Забор этот увивала колючая лиана с пронзительно-белыми цветками, над которыми вились невесть откуда взявшиеся светлячки. И, только дойдя до него, Яна остановилась, накинута на нас глушащее звуки заклинание и быстро заговорила:

— Эби, прости меня. Я ужасно с тобой повела себя... я совсем дурею, когда злая. Все эти слова... я вовсе не считаю тебя ни на что неспособной...

— Стой... — прервала ее я, не сдержав удивление.

Подруга удивленно замерла, а я вгляделась в нее, ища признаки лжи. Но Яна просто выглядела взволнованной, даже какой-то испуганной. Я такой ее еще ни разу не видела. Беспокойство подавляло, сводило с ума. Что-то было не так. Но я никак не могла понять, что именно.

— Почему ты передо мной извиняешься? — спросила я, вспомнив слова Эйнара о том, что плакать и каяться — не лучшая идея. — Я... и сама хотела, но... Яна... ты же понимаешь, как это сейчас для меня... странно звучит? Яна, которую я знаю, никогда бы не пришла первой извиняться.

Подруга вдруг посмотрела на меня удивленно-удивленно.

— Черт... я же тебе вообще ничего не рассказывала, да? Об этом нашем мэтовом болоте и Бруснике, о Юз... Как так вообще получилось, что мы стали чуть ли не незнакомками друг другу?

— Не думаю, что твои тайны существеннее моих, — нахмурилась я. — И мне действительно жаль, что я так многое от тебя скрывала. Но вопрос остается прежним. Что случилось? Ну, помимо обрезания волос, разбитого тувлей окна, приставаний к Эйнару и... я так понимаю... эм... развлечений с Хоуком...

Это все наверное похоже на глупую месть, да? — Яна рассеянно провела рукой по волосам. — Придурок Эйнар, наверное, уже всей академии все разболтал... Но это я просто истерила... Настоящая глупая месть у меня была запланирована на завтра. Не загадать это проклятое желание, чтобы вернуть свое тело, нет, просто победить... напугать тебя. Только теперь мои коварные планы отменяются. Нам вообще нельзя прикасаться к этому Кристаллу.

— И почему это нам нельзя к нему прикасаться? — насторожилась я. — Или это такая глупая попытка заставить меня проиграть и таким образом вернуть себе тело?

Это было не осуждением, а, скорее жалкой попыткой отодвинуть то, что она собиралась мне сказать. Просто более приятным предположением. Я чувствовала. Чувствовала как напряжены ее нервы, как она трясется от чего-то плохого, что грузом легло ей на плечи. Эта нервозность передавалась и мне через связывающую наши души трубку, и это уже было не в первый раз. Тогда, когда она пропала на Пинионе я тоже чувствовала ее, я это теперь понимала.

— Даже не знаю, нравится мне это твоя разумная недоверчивость или нет, — Яна закатила глаза. — Видишь ли, после того, как я решила последовать твоему примеру и... да, развлеклась с Хоуком, мы с ним откровенно поговорили. И тут выяснился забавный факт...

Не Малум поменял нас местами, а Рада Тарвиус.

У меня сердце подскочило от такой новости. Будто сложились в голове кусочки разорванной картинки. И Яна принялась рассказывать. Беспокойство, которое поселилось во мне с приходом в красному общежитию Ярэна Корна, начинало принимать форму. Как только поток информации, который на меня обрушила обеспокоенная подруга иссяк, рассказывать начала уже я. Впрочем, мне в отличие от нее поделиться было практически нечем. Так, парочка незначительных фактов о Малуме и его дружбе с Радой, о ее предательстве, о Венуре и о том, что демон заточен в академии. И когда я закончила, мы обе замолчали, глядя друг на друга с тревогой. Нам грозила опасность. Не только нам с Яной, а всем нашим друзьям.

— Все же я не понимаю, — чуть обдумав услышанное, сказала я. — Вроде все сходится... но при чем здесь мы? Какие великие силы? Я помню, конечно, что ты что-то такое говорила после нашей драки с Фрино... но я, честно сказать, уже и забыла об этом. Ну да, мы с тобой сильные... но что в нас такого особенного, что она даже к запретной магии прибегла, чтобы затащить нас в академию? Этого тебе Хоук не сказал?

Ты серьезно полагаешь, что та фигня, что ты сотворила с рукой из шкатулки в прошлом туре, обычное дело для магов? Подобной прямой атакой против ментальной твари... если знать магические законы, то понимаешь, насколько это невероятно. А моя телепортация, прямо сквозь защиту академии... Тогда ведь, на Пинионе... я сейчас это понимаю, Хоук разве что мог задать спяну координаты. Думал, наверное, о моей незавидной судьбе... Но чтобы переместить меня в пещеру с кристаллом... Черт! — Яна простонала и спрятала лицо в ладонях. — Мне себя хочется придушить. Я ведь об этом тебе так и не рассказала...

— Кажется, в скрывании всякого разного ты меня обыграла, — удивилась я. — Ладно... только не говори мне, что это он из-за того случая взорвался.

— Ну... теперь, вспоминая все подробности, мне кажется, что он... просто взорвался от перенапряжения из-за того, что рядом была и колдовала такая великолепная и полная магической энергии я.

— Хорошо. Это я поняла. То есть... ты думаешь, что если одна из нас до Кристалла завтра дотронется — прощай магия? — продолжила я. — А ты уверена, что из нас ее всю вытянут? Магия же — это всего лишь расходник, она же пополняется. Просто... ну смотри. Дойной коровой быть, конечно, неприятно... Но ты никогда не задумывалась, что фонари над нами горят только когда мы отдаем им немного магии? Разве это не необходимый минимум для того, чтобы желание исполнилось? До меня просто никак не дойдет, зачем так исхитряться с переселением душ? Неужели мало кроме нас магов...

— Есть у меня предположения, — пожала плечами Яна. — Но по сути какая разница. Главное, что нам... хана наверное... Допустим мы завтра касаться Кристалла не будем, но если Рада пошла на подобное ради наших сил — то так просто она не сдастся.

Я зашла в тупик в своих размышлениях. Я не понимала, порет ли Яна горячку, или и мне самой надо бы сейчас начать злиться и паниковать. Правда давила, давила, давила, пытаюсь превратить в лепешку. Беспокойство мешало связно думать. В конце-концов я выдавила беспомощно:

— И что нас со всем этим делать? Что ты предлагаешь?

— Если бы я знала, — не менее беспомощно ответила Яна мне. — Ведь мы не можем

просто взять и сбежать из Академии... Да и, как бы я ее теперь не ненавидела, я не могу просто так все взять и бросить...

— Нет уж, сбежать мы точно не будем, — нахмурилась я. — Однако к Раде у меня сейчас куча вопросов. Может сходим к ней? Может, мы что-то не так поняли и она нам объяснит?

— С ректоршей я уже как-то говорила — и слышала одну лишь ложь. Так она и скажет нам правду... — фыркнула Яна, а потом задумалась. — Нам не скажет, но... может есть человек, при котором она не станет врать?...

И тут ее будто озарило

— Ярэн Корн.

— Ты спятила? — вытаращилась на нее я. — Он же и нас, и Раду....

— А тебе не приходило в голову, что не все Хранители — однозначные чудовища, которые казнят первых попавшихся без всякого суда и следствия? Да даже если так — нам это на руку. Он хочет подловить Раду на преступлении — мы ему поможем.

Я закусила губу. Я не имела ничего против Рады... но меня начинало колотить от мысли, что завтра, выиграв, мы можем все всемером коснуться этой гадости. Мне нужна была моя магия, чтобы никогда не возвращаться домой, Фрино хотел разобраться с отцом, Мрамор без магии мог стать неуправляемой безмозгой ящерицей, Рейнар мечтал прекратить войну на Готреде. Если мы сейчас что-нибудь не сделаем, то все эти люди, мои драгоценные друзья, могли никогда не воплотить в жизнь свои планы.

— Ладно, другого выбора у нас действительно нет, — покачала я головой. — Так что... ты точно уверена, что этот Ярэн нас на плаху не кинет?

— Не уверена, — не стала обнадеживать меня Яна. — Я бы рискнула... прости уж, но после всех этих новостей я не могу не ненавидеть Раду. Но мы должны принять это решение вместе. Я... не хочу больше на тебя давить как тогда. Знаю же, ничего хорошего из этого не выйдет. Я много разговаривала с Ярэном, и он мне показался еще куда не шло на фоне нашей ректорши... По крайней мере, он так нагло не лжет. Так что я бы попыталась

— Поверить не могу, что какому-то Хранителю ты доверяешь больше, чем Фрино, — не сдержавшись, покачала головой я. — Ладно. Была не была. Все же ты старше и в людях разбираешься лучше меня. Но говорить будешь ты, у меня плохо с дипломатией. И если что... помоги нам небо.

Глава 51. Яна

Когда мы вернулись к красному общежитию, Ярэн Корн как раз прикрывал за собой калитку. Он едва слышно напевал себе под нос что-то веселое, и увидев нас почти обрадовался

— А, Яна, Абигейл, как это я вовремя... Правда, мне уже и нет нужды вас задерживать. Фрино любезно ответил на все вопросы. К слову, при старании он может быть удивительно милым мальчиком...

Уж я не сомневалась, раз этому блондинчику удалось так вскружить голову Эби.

— Рада, что он вам помог, — улыбнулась Ярэну Эби, глянув на меня осторожно. — Он немного язва, но с ним действительно есть о чем поговорить.

Я отвела взгляд. Хотелось в очередной раз показать, какой язвой бываю я, но сейчас было не до Фрино. Сейчас нужно разобраться, как дальше быть с Радой, и к черту парня, с которым переспала Эби в моем теле... Но перед глазами почему-то так и встал парень, с которым переспала в ее теле я. Хоук, который возмущенно, восхищенно и обреченно одновременно смотрел, как я исчезаю из его дома... просто смотрел, но не пытался догнать и остановить, отчего душу царапало какое-то разочарование. Но ведь я и сама не хотела его видеть, хотела доказать, что и сама со всем справлюсь... и незачем теперь сомневаться.

— Мне приятно видеть, что вы подружились, Яна. Столь мягкая и добрая девушка, сможет ему помочь преодолеть болезненное прошлое. Как думаете у него получается?

— Фрино было очень плохо после второго тура, — сказала напряженно, чуть пугливо Эби. А потом неожиданно будто подобралась, нахмурилась, скрестив руки на груди. — И я, честно сказать, зла на вас за такие жестокие испытания. Всем нам было так плохо после знакомства с этой ужасной рукой.

Какой неожиданно прямолинейный упрек. Мне всегда нравилось, как у Эби сочетаются боязливость и какая-то бесшабашная храбрость. Но теперь на место первого все чаще приходит уверенность. Теперь Эби отучилась вечно чувствовать вину перед всеми, по делу и нет. Я всегда этого и хотела, но ее нежелание чувствовать вину именно передо мной... и возмутило меня, тогда на балу. Тем самым обнажило мой собственный эгоизм.

И сейчас ее недоверие к моим обвинением Рады обескураживало настолько, что я даже не знала как реагировать. Но это и... радовало. Восхищало в какой-то степени. Лишало последней возможности сбежать за маску снисходительной защитницы для наивной малышки Эби, а потом смертельно обижаться, что мои благородные порывы были не оценены. Потому что Эби давно уже сама способна себя защитить. Достояна сама принимать решения. Учится на собственных ошибках, в конце концов.

Я извинялась перед ней искренне, ведь я действительно чувствовала себя виноватой. Но эта искренность не отменяла расчета, что Эби в ответ начнет тоже сразу каяться, покажет, что ей тоже было плохо, очень плохо из-за нашей ссоры... Я вела себя так, будто и обрезанные волосы, и ее загубленная моей злостью девственность — ерунда, не стоящая внимания. И сама удивлялась, с какой дрожью внутри ожидала ее реакции, ее негодования, разочарования, презрения...

И каким стыдливым облегчением было понять, что ожидания не оправдались.

И ладно.

Мы просто обе предпочли поскорее забыть про наши бабские склоки и вместе заняться

спасением нашей магии. Пусть Эби и не могла осознать всю серьезность, всю мерзость того, что Рада делает с магами, но зато прислушалась ко мне. Я была за это так благодарна... и молила мироздание, чтобы мое решение не оказалось очередной ошибкой.

— На меня? — Ярэн выглядел сбитым с толку от наезда Эби, но, подумав, все же понимающе хмыкнул. — Ну что вы... Хранители не причастны к смене задания. Это идея госпожи Тарвиус, и я до сих пор гадаю, зачем ей это было нужно. Конечно, Раде пришлось попотеть, чтобы его приняли, подобная магия ведь практически под запретом, но своего она добилась.

Имя этой старой лживой ведьмы заставило меня собраться и вспомнить чего я, собственно, от Хранителя хочу.

— На самом деле мы хотели поговорить с вами... На прощание, так сказать, — я хотела беззаботно улыбнуться, но решила, что получится слишком неественно. Пусть, как хочет, так и понимает мое серьезное лицо.

— Надо же... — оживился Корн, не скрывая удивления. — Буду откровенен — я весьма польщен. Не часто студенты сами изъявляют желание перемолвиться со мной парой словечек. Разве что наябедничать — на преподавателей или сокурсников, а подобное, должен сказать, выслушивать малоприятно.

— Нет, мы... — замешкалась я, обескураженная таким заявлением. — Мы скорее хотим расспросить.

Просто вести Хранителя к Раде для откровенного разговора было бы совсем безрассудством. Для начала я собиралась аккуратно с ним поболтать. Убедиться в том, что он хочет поймать ректоршу на нарушении закона. Узнать, на многое ли он готов закрыть глаза ради этого. Сразу же жаловаться на то, что ректорша, использовала запретную магию, чтобы насильно поменять нас с Эби телами, я уж точно не собиралась. В идеале я бы предпочла вообще обойтись без раскрытия этой тайны... но тут придется уже импровизировать.

Хранитель нам кивнул, а потом не сдержал усталого зевка.

— Я не смею настаивать, милые леди, но может вы загляните ко мне в гости для разговора за чашечкой чая? — он протянул нам руки, предлагая телепортировать.

Я на секунду засомневалась. Хорошо бы было, конечно, играть на своей территории, но откуда ей взялся-то? Не приглашать же Хранителя в собственную комнату... хотя моя комната тот еще проходной двор, все равно не подошла бы. В принципе, я ведь могла телепортироваться откуда угодно. Сбежим если что. Так что отказываться от приглашения я не стала. Кивнула Эби и мы взяли за любезно протянутые руки Ярэна.

Переместились мы в небольшую скромно обставленную комнату. На стенах висели плакаты со сложными руническими схемами, в углу стояли алхимические агрегаты. Можно было предположить, что Хранителя поселили в переделанную лабораторию. Комнату даже можно было назвать уютной, если бы не изобилие синего света. Синий ковер, синий диван, синий плед на постели с вручную вышитыми звездами и луной, синяя скатерть на круглом столике, синие занавески на окне... Аж глаза режет.

— Вам так нравится синий? — хмыкнула я, сдерживая порыв сесть на такой удобный, но чужой стол.

— Терпеть не могу. Вот Рада и предложила мне обустроиться в этой комнате... Увы, тут все зачаровано, и никак мне от этой синевы не избавиться. Но вы присаживайтесь, присаживайтесь — Ярэн выдвинул магией перед нами стулья с удобными спинками. — Я

сейчас чай поставлю. У меня и пирожные с Пиниона есть — вишневые. Специально для Рады их и захватил, думал ее в гости напоследок позвать.

Разговаривая, Ярэн беззвучно колдовал. На столе из ниоткуда появился пузатый синий заварник, три чашки и блюдо с дюжиной шоколадных пирожных, украшенных крупными вишенками. Я к такого рода вкусностям была равнодушна, а вот Эби сразу оживилась. Ну да она же у нас та еще сладкоежка. К тому же мое тело медленно набирало вес от переизбытка калорий... интересно, она еще и поэтому меняться не хочет?

— Утощение-то, небось, сывороткой правды какой пропитано, — не сдержала я подколки.

Ярэн мягко рассмеялся.

— Подвох тут в другом и только для вашего ректора. Видите ли, вишню она терпеть не может еще больше, чем я синий цвет, — сам мужчина взял себе пирожное и с аппетитом откусил сразу половинку, чуть вымазав усы в креме. — Не буду, скрывать, когда-то я баловался шиарой или правда-зельем, чтобы развязать определенным людям язык, но такие хитрости мне давно уже наскучили. Да и не они слишком ненадежны. Например не действуют на хороших менталистов.

Менталистом, кстати, Хранитель не был от слово совсем. Его магия виделась мне слишком грубой для этого... но одновременно с тем она казалась какой-то уютной, словно пушистый плед. Вот уж странное восприятие. Может оннемного эмпат? Хотя... эмпат, не эмпат — артефакт подсказывал, что Корн не лгал. Пусть так, но пить да есть я все-таки не рискнула. Зато рискнула Эби, и я понадеялась что с ней все будет в порядке.

Я между тем продолжила пустую болтовню, раздумывая, как бы лучше подвести его к интересующим меня темам.

— Так вот, значит, какими методами вы с ректором воюете. Цвет, пироженки. А не мелкогато ли?

— Ну что вы, Абигейл. Это у нас не война, а так, любезное приветствие... По-настоящему досадить Раде задача крайне сложная.

— А мне казалось, что одно ваше присутствие здесь — та еще досадная... неприятность. Вы даже арестовали ее работника.

Ярэн Корн вздохнул и потянулся за сигаретой.

— Если бы... Можете считать меня старым параноиком, но каждый раз, когда я будто бы выигрываю у нее, нахожу какое-то нарушение... сомневаюсь. А не она ли сама мне это подсунула, это нарушение? Решила моими руками убрать неугодного ей человека и дать Хранителям иллюзию власти в Академии а студентам — иллюзию злобности Хранителей? Ведь когда Рада Тарвиус действительно хочет кого-то защитить — она защищает. Все семь миров перевернуть готова ради этого, — он задумчиво затянулся папиросой и добавил: — Признаться, это даже вызывает уважение... вам так не кажется, Абигейл, Яна?

Я неопределенно пожала плечами. Ничего связанное с лживой ректоршей не вызывало у меня уважения. Я как вспоминала ее улыбочки и притворные вздохи, будто бы она там сожалеет, что просмотрела демона-злодея, так у меня сразу все душе переворачивается от злости. Эби, судя по всему, вообще было все равно...а я вот Раду, пожалуй, ненавидела. За все, что она сотворила с нашими жизнями.

Но что я ей сама могла сделать? И из преподавателей никому нельзя было доверять... Как и этому добродушному дядьке, что сидел напротив и дымил, словно паровоз.

А может все-таки можно было?

Как бы проверить.

— Вот вы Раду Тарвиус хоть и уважаете, — я откинулась на спинку кресла, — но так откровенно не любите. И всех вокруг пытаетесь убедить, что ее нужно не любить. Что она прямо худшее, что могло случиться с Академией, каждый ее поступок — хитрая интрига. Но знаете, как-то оно... голословно. Как бы это повежлевее выразиться... в общем, ваши обвинительные намеки действительно просто старческую паранойю напоминают.

Корну вовсе было не обязательно знать, насколько я согласна с его обвинениями. Пусть лучше расскажет что-нибудь полезное, докажет какая Рада плохая. Насколько я могла его изучить, моя вежливая грубость его только позабавит.

Ярэн Корн и правда не сдержал усмешки. Потер усы, избавляясь от последних крошек и крема. Как-то незаметно они с Эби уже все пирожные и умолотили.

— Значит вы хотите услышать шокирующие факты ее злодеяний? Увы, будь мне такие известны, давно бы сам их и использовал. А ее безразличие, которое принимают за хладнокровие... ее жестокая политика, как в обучении, так во всем остальном... Что ж, говорят — цель оправдывает средства. Забавно, но с тех пор как она стала ректором, Альянсу становится все хуже, но миры убеждены, что если бы не Рада Тарвиус — все было бы... гораздо хуже.

— А вы ее ненавидите.

Отголоски этого чувства я улавливала через артефакт каждый раз, когда Корн произносил ее имя.

— Ну что вы... Ненависть — это слишком громко сказано, — впервые за все наши беседы солгал он. Я спорить не стала, но внутренне почувствовала удовлетворение.

Но Корн сам пошел на попятную.

— Кажется, я вас обманул, — он издал грустный смешок. — Верно... ненавижу. Должен же я хоть кого-то в семи мирах ненавидеть. Наверное, дело в том, что я слишком люблю Академию, точнее... детей. Начинающих магов, перед которыми открыты все пути, которые, как податливая глина в умелых руках... Но руки Рады Тарвиус слишком безжалостны.

Горячность, с которой говорил Корн отдавалась и жаром искренности в камне на моей груди.

— Мне мерзко видеть, как Рада твердит о совершенстве через саморазвитие, а на деле словно просто развлекается, наблюдая, как студенты уничтожают сами себя и друг друга. Хотите историю? — не дожидаясь нашего ответа, он продолжил. — Для вас давняя, лет тридцать уже прошло, но для меня — словно вчера. Попала в академию девушка, славная, скромная девушка, простолюдинка из Вейданы, из моей проклятой родины Орны. Так бывает, что иногда распределительная система дает сбой — сейчас же вся магия сбоят периодически. Вот и осталась она без места в нужном общежитии, и отправили ее туда, где свободно было. В зеленое. Нашему общему знакомому Иннокентию в свое время повезло, он нашел друзей и стал замечательным магом и преподавателем. Увы, бедной Ирими удача не улыбнулась. Ее соседи были... жестоки. Убийцы и насильники, которым была подарена возможность стать лучше. Но с бесправной жертвой под боком и всей этой политикой невмешательства в дела студентов, напротив, лишь сильнее раскрылись их темные стороны. Особенно отличался один из парней, сын пирата с искаженной моралью. Ирими не раз и не два подавала прошения о том, чтобы ее переселили, чтобы ей помогли, да хоть исключили, но тщетно. Парень достаточно хорошо заметал следы, и до выпуска преподаватели ничего ему сделать так и не смогли, доказательств не хватало. Было непонятно, врет ли она просто,

чтобы убрать досаждающего ей соседа, или он действительно с ней что-то сделал. От проверки памяти она отказывалась. Вот, к чему это привело.

Ярэн призвал из воздуха старую, потрепанную газету и положил ее на стол:

— Серийная убийца, использовавшая запретную магию, поймана, — прочитала Эби вслух крупный заголовок. — А что она делала?

— О, она просто переловила после академии всех тех, кто ее доставал, — сделав глоток чая, пояснил Ярэн. — И ей было мало того, чтобы они просто умерли. О нет. Она нашла ради своих мучителей книгу с запрещенными проклятиями. А когда ее поймали, она сожалела только о том, что не успела унести с собой на тот свет совершенно равнодушную Раду, у которой она в ногах валялась умоляя вернуть ее домой. Но, разумеется, Рада Тарвиус как всегда вышла из этой истории без единого пятнышка на репутации.

— Ее казнили? Эту Ирими... — тихо спросила я.

Ярэн Корн помолчал, оценивающе посмотрела на нас с Эби, словно раздумывая, стоит ли нам говорить правду.

И все же сказал.

— Официально, Ирими покончила жизнь самоубийством. Она была слабым магом, это вам не Дженнифер или Якоб... Раде она не была интересна, не за чем даже внимания обращать. Но я... пожалел девочку. Амелия заслуживала еще один шанс. Сейчас она живет на Кронусе, работает лекарем, тайно применяя целебную магию, и это все, что я могу вам сказать.

Он не лгал, это точно.

Но в то же время Корн откровенничал не просто так. Он хотел вызвать наше доверие.

Я вздохнула, обдумывая свой следующий шаг. Этот разговор походил на мою магию. Аккуратно, нежно-мягко, чуть оступись — и все, смертельный взрыв... Это вызывало какое-то ненормальное удовольствие и азарт.

— Вы так говорите, будто Раду ничем не возьмешь...

— Есть законы, которые даже она не в сможет обмануть, — покачал головой Корн. — Но, увы, несмотря на... хм, грехи некоторых ее подопечных, несмотря на грязные истории в стенах академии, репутация самой Рады всегда оставалась безупречной. Нужно что-то действительно серьезное, чтобы свергнуть ее с этого поста...

Запретная магия переселения душ, наверное, подойдет. Был бы способ рассказать об этом, не упоминая нас...

— Ну что например? — спросила я почти в лоб. — Просто, знаете... мы ведь к вам из-за Рады и пришли. Я понимаю, прекрасно вижу, что именно этого вы от нас и хотите, распинаясь о этих гадостях с ней связанных, признаваясь в собственном... преступлении...

— Хочу, — перебил меня серьезный как никогда Ярэн. — А как вы думаете почему я этого хочу, Абигейл?

Я на миг растерялась. Вроде бы понятно, что он весь такой за жизнь и душевный комфорт студентов радеет, но как-то странно было про это говорить, и я скептически предположила еще один вариант:

— Ради спасения вселенной?

А что? Это идеальный аргумент — у Хоука вполне убедительно получилось его подать.

Корн подавился дымом, Эби посмотрела на меня с некоторым недоумением.

— Знаете, мне приятно осознавать, что хотя бы у кого-то такое приятное мнение о Хранителях сложилось, — сказал Ярэн. — Но увы... Хранители давно уже не занимаются

тем, чем должны были заниматься. Они разучились.

— Именно что разучились? — хмыкнула Эби.

— Нет, были времена, когда Хранители действительно хранили — хранили саму магию и Сердце Междуирия. Академия помогала разжечь пламя магии, а мы — поддерживали его, чтобы не потухло, чтобы не причинило никому вреда. Но теперь мы — из-за прихоти слишком сильной и умной женщины — оказались по разные стороны баррикад... И Хранителей постепенно стали волновать больше деньги, статус и власть, чем какая-то там магия.

Он тяжело вздохнул, допил чай, отставил в сторону блюдце.

— Возвращаясь к нашей теме... нет, дело не только в спасении мира, Абигейл. Пусть я и считаю, что чем меньше в Альянсе зла и насилия, тем лучше для самой магии, но избавление Рады от поста ректора вряд ли тут сразу поможет. Скажем так... это глубоко личная неприязнь. И моя личная неприязнь, и той группы оппозиционеров, к которой я принадлежу. Мы хотим вернуться к истокам, объединить Академию и Хранителей.

— Если удастся убрать Раду, это может получиться?

— Я бы искренне хотел верить в то, что это возможно. Я бы многое отдал за это, многим бы пожертвовал. На все готов, чтобы заставить эту женщину заплатить по всем счетам. Отчитаться за каждого загубленного ей студента...

В голосе Ярэна звучала искренняя печаль.

Если бы я хоть на миг почувствовала через свой артефакт толику лжи — тотчас бы сбежала вместе с Эби прочь от Хранителя. Но в этом человеке не было никакого притворства — я была совершенно в этом уверена, чувствовала это. Его откровенность — не лицемерие. Его волновали чувства других. Он не любил обмана и эгоизма. Он готов был на жертвы. Он думал о Раде Тарвиус то же, что и я.

Это нужно было использовать.

Мы всего лишь безвинные девчонки, что случайно узнали о своем ректоре что-то нехорошее, и теперь мучались сомнениями — сдавать или не сдавать? И Ярэн Корн убедил нас сделать последнее. Но остался у меня еще последний вопрос к нему....

— А вот... ну допустим, вы узнаете нечто, из-за чего Раду... ээ, возьмут под следствие. В общем, кто тогда будет во главе Академии? Вы?

Ярэн фыркнул.

— Ну что вы! Не моя это работа, я даже не смею решать, кого можно было бы сделать новым ректором... но если бы спросили моего мнения — Вальдер Озель ле Морта был бы замечательным кандидатом.

— Бюрократии точно стало бы меньше, — фыркнула я. Если Вальдор все-таки не замешан в обмене нас телами ради вытягивания магии — и правда, кандидатура неплохая. Он хоть и смахивает на пьяницу и разгильдяя, но на самом деле очень даже ответственный эльф, а главное — по-настоящему волнуется за студентов и справедливость для него — не пустые слова.

— Верно, — Ярэн хохотнул. — А еще... помните, что я говорил о помощи в адаптации некоторых студентов к новой жизни в Академии? Мне нравится, что Вальдор тут полностью разделяет мою точку зрения, и несмотря на неодобрение Рады и сейчас помогает студентам. Слышал он после этого мерзкого третьего тура помогал бедолаге Фрино? Верно, Яна?

— Да, это так, — поймав мой заинтересованный взгляд, кивнула Эби. — Они... вроде как периодически разговаривают о чем-то. Да и Мрамор говорил, что Вальдор ему

помогал...

Я на это только хмыкнула. Не знала я таких подробностей. Эби же лишь неловко мне улыбнулась. Она практически полностью оставила разговор на моих плечах, и это одновременно и заставляло чувствовать себя уверенней, и напрягало — уж больно большая ответственность на меня свалилась.

— Все не верите мне, Яна? Сложно выбрать меньшее из двух зол, понимаю... Но я правда хочу вам помочь. Вот только мне на самом деле непонятно, что она сделала именно вам, что вы на нее так взъелись? Или я что-то упускаю...

— На самом деле она много чего сделала, — сказала я как можно более расслабленно. — У меня до сих пор в голове не укладывается, как она могла упустить Малума. И знаете, странное у меня чувство, что не просто так все это было. Уж больно подозрительно то, что он здесь оказался при их-то юношеской дружбе. Прошел через защиту академи, отдал Яне часть своей памяти, натворил делов, а теперь его еще и с комфортом заточили в подземельях.

— Да вы сами можете сходить и посмотреть — поддакнула мне Эби. — Он там пьет в компании красивых девушек из барделя... как по мне — так себе наказание.

Ярэн в волнении встал со стула, прошелся по комнате.

— Так я все же был прав... Ох, мои милые, но я все равно не понимаю, зачем Рада решилась на подобный риск? Что мог ей дать союз с демоном... демоном, владеющим тайнами запретной магии... Знания? — он замер и внимательно осмотрел нас.

— Малум еще кое-что сказал, — я бросила быстрый взгляд на Эби, тоже встала и торопливо продолжила, пока он не заикнулся на мысли, зачем ректору запретная магия. — Сказал, что в академии из студентов вытягивают магию. И мы... честно сказать, напуганы. Мы думаем, что Рада хочет забрать наши с Эби силы. Она еще мне раньше говорила об уникальности нашей магии, о том, что надо развивать их... но не сказала как. Сослалась на то, что мы должны дойти до всего самостоятельно. Мне еще тогда показалось это подозрительным... но теперь я думаю, что она и не хотела, чтобы мы учились. Нам... просто больше не к кому обратиться. Мы запутались и не знаем, где ложь, а где правда. Не хочется возвращаться к своей прошлой жизни, в которой нас ничего хорошего не ждет. Ярэн... вы можете нам?

Ярэн Корн ведь так любил помогать. И сейчас меня захлестнуло волной его сочувствия и бесконечного сожаления. Я оказалась в его поддерживающих объятиях. Ведь Ярэн Корн, любил меня в данный момент, как любят родного ребенка. Это было так странно — от его чувств у меня защипало глаза.

Но в этой любви было слишком много пугающей боли.

Он взял меня за плечи и тихо, так проникновенно, сказал.

— Мне так жаль, Яна.

Я вздрогнула, хотела вырваться, но он вцепился в меня крепко и потопил в бесконечном сочувствии.

— Ох, моя милая, как же мне жаль... Эта стерва поменяла вас телами, да? Решила, что магии магов, рожденных традиционным способом мало. Вот откуда в вас столько силы...

Я чуть растерялась, обернулась в волнении к Эби. Она сидела напряженная, как струна, испуганная, но решительная. Я буквально чувствовала, как под столом у нее в руке формируется ее излюбленный меч.

Я успокаивающе покачала головой.

Вроде Ярэн не спешил нас обвинять в запретной магии. Напротив — сочувствовал. Но все же теперь расслабиться, находясь в его руках было сложнее.

— Вы слишком догадливы, — я грустно ему улыбнулась.

— Всегда гордился своей интуицией, — улыбнулся он мне в ответ своей доброй усатой улыбкой. — Чувствовал же, что не спроста Рада так обрадовалась турниру. Должно быть хотела помочь Академии поскорее, чуть подтасовав задания для победы хоть одной из вас. Наверняка, если бы победило желтое общежития, объявила бы, что желание будет загадывать староста, а если красное — сильнейший... До чего же бесчестно.

Ярэн поморщился, но у меня все внутри заledenело от понимая, что все он знает о вытягивании магии и считает это нормой.

— Вы же хотели вернуться к истокам... — я неверяще качнула головой. — Разве не видите, что так неправильно, нельзя?! Забирать силу у магов, даже ради того, чтобы сохранить Академию. Это как... — я попыталась передать своим смутным ощущениям, своему отвращению понятный образ, — из чистого пруда, что отчего-то иссыхает, черпать грязной, покрытой заразной плесенью чашей воду и выливать ее обратно, распространяя заразу.

Сказала — и сама удивилась. Но весь этот искусственный круговорот магии, что в Гоуд-Сва, что в Академии виделся мне какой-то болезнью, порчей, пусть я и не могла понять почему... Что-то не так было с этими кристаллами... Но ведь они — просто концентрация магии, проводник...

— Надо же, — Ярэн тяжело вздохнул, и этот вздох почему-то резал душу, как нож. — Из вас, Яночка, действительно бы вышла замечательная Хранительница. Настоящая. Даже не припомню, кто в вашем возрасте, с вашим опытом, так чутко понимал всю эту беду с исчезновением магии. Только вот это единственный известный нам способ сохранить Альянс, других получше еще никто не нашел.

Сердце у меня подпрыгнуло. Знает. Он и правда все знает. Печалится... но готов это простить, закрыть на это глаза.

— Надеюсь вскоре все изменится, — сказал он, покачав головой. — Ведь Рада не позволяла исследовать Междумирье, поискать болезнь там. Но теперь... союз с демоном-отступником, запретная магия перемещения душ, самая страшная... теперь даже ей не выкрутится. Но вы же понимаете, чтобы избавиться от Рады, мне нужны веские доказательства. Вы, девочки. Быть может, не будь вы так сильны — смог бы попытаться сохранить вам жизнь, но... грех будет не использовать такую чудную возможность подлечить Академию — все-таки при казни мага энергии получается много и сразу. Такой вот ныне у Хранителей способ магию хранить.

Его горечь и печаль не позволяли верить своим ушам. Он же правда это искренне... сожалеет, черт побери, любит меня в каком-то смысле и говорит, что нужно умереть. И у меня в голове это не укладывалось. словно землю окончательно выбили из под ног, и я летела в пропасть, и смысла даже не было сопротивляться...

Но я была не одна.

Эби не стала мучаться лишними сомнениями как я. Она атаковала чистым потоком магии, от мощи которого мурашки по коже побежали. Как тогда, на третьем туре. Мимо меня будто меч просвистел, метивший Ярэнду прямо в голову.

Хранитель даже не испугался.

Хранитель, черт побери, был лет на тысячу старше и опытней нас. Его магия не имела

никакой формы, он просто-напросто развеяла концентрированную энергию, словно расплавила ее меч и тысячи горячих брызг изрешетили комнату, чудом — или волей Ярэна — не покалечили нас с Эби.

Бежать.

Я вырвала свое плечо из цепких лап хранителя, бросилась к подруге, схватила ее за руку, сосредотачиваясь на телепортации... и поняла, что ничего не могу сделать.

— Как иронично, — задумчиво сказал Ярэн Корн, подходя к нам. — Видимо Рада провела, что я тут с вами болтаю и на всякий случай решила не выпускать меня из Академии. Полностью заблокировала телепортацию на ее территории.

И лишила нас последнего шанса просто покинуть эту комнату.

Но пусть Корн не думает, что мы так просто сдадимся! Вместе уж как-нибудь одолеем этого доброго дядюшку! Есть же еще дверь и пара окон.

Сделать ничего мы не успели. Ярэн Корн, оказывается, мог быть очень быстрым. Ожившие занавески набросились на нас с Эби, и пусть мы обе справилась с синей тканью за пару секунд, этой задержки хватило, чтобы Корн подобрался прямо к нам и то ли ловким движением, то ли магией нацепил нам на запястья знакомые антимагические браслеты и сковал парализующим заклинанием.

Магии не стало, как и надежды, что мы выкрутимся.

Я опять ошиблась. И кажется, этот раз — действительно последний.

Глава 52. Абигейл (1)

Ярэн Корн не стал дожидаться, пока нас начнут искать в его комнате — парализовал нас заклинанием и потащил в коридор. А там, буквально за углом оказалась лестница в подzemелья. И пока нас левитацией тащили по подвалам я не знала, плакать мне или смеяться. Голова, откровенно говоря, не желала нормально соображать, и вместо полезных идей на тему “что теперь делать” в нее лезли какие-то глупости. То я вспомнила про недописанный доклад по истории магических открытий, то про недочитанный дурацкий роман, которым обзавелась в библиотеке, то про то, что так и не завела себе домашнее животное, довольствуясь кошками Якоба. Наверное, мне просто не хотелось осознавать тот факт, что скорее всего все, нам с Янкой пришел конец.

Тем не менее о моей подруге кое-какие мысли в голове все же крутились. Далеко не лестные, надо сказать. Перебрав все знакомые мне в меру грязные ругательства я пришла к выводу, что Яна — дура. А я — еще большая дура, раз решила пойти у нее на поводу. Но... она всегда казалась мне такой мудрой и надежной. И почему только недавняя дурацкая истерика по поводу Фрино не подвела меня к этой мысли?

Яна — не последний оплот мудрости. Яна — такая же девушка как и я. И она тоже умеет ошибаться.

После этих мыслей обижаться на нее расхотелось.

К тому же смысл обижаться, если скоро обижаться станет нечем? Голову-то отрубят.

Пока я думала об этом, Ярэн волок нас вниз по подzemелью академии. И я узнавала путь. Им мы шли в прошлый раз с Фрино к Зрителю. Вот красные светящиеся трубки свисающие с потолка, вот лестница с отпечатками рук, вот подземный коридор, из которого мы вынырнули на облака. Теплица-клетка совершенно не изменилась, в ней все так же теплился тусклый свечной свет.

Увидев нас Зритель воодушевленно заерзал на своем месте, и Яна шокированно на него уставилась.

— Какой накал, какая драма! — ломано пропело это странное существо. — Старик и два невинных ребенка, что будет дальше? Смерть... или что-то поинтереснее? Смогут ли две наследницы...

— Назовите цену, мой глубокоуважаемый друг, — перебил его Ярэн.

— Цена будет высокой, — пришел еще в большее возбуждение Зритель. — Очень высокой. Клятва, клятва, клятва! Одна огромная клятва, о дааа... как долго я ждал чего-то такого. Иначе так скучно жить...

— Какая клятва? — снова мягко перебил его Ярэн.

Я искренне пожалела о том, что ничего не смогу сказать из-за паралича. Может, если бы мы предложили плату больше, Зритель бы мог помочь нам сбежать. А я бы многое отдала за это...

— Клади руку на сердце, — велел ему Зритель шутливо, — и произноси самую страшную клятву. И сердцем, и кровью, и магией клянись мне, Ярэн Корн, что после того как ты выйдешь из академии, ты в нее больше не войдешь. Ни-ког-да.

Ярэн Корн обмер. Уставился на Зрителя как-то неверяще и вдруг горько рассмеялся.

— Ах, как жестоко... лишит меня самой желанной награды, — покачал он головой. — Но тем и справедливо. Торговатся, как я понимаю, смысла нет?

— Другой цены не приму, — ответил Зритель. — Хочешь получить то, что тебе нужно — плати. Или выметайся.

И это чудное существо хитро мне подмигнуло. Я даже испытала какую-то благодарность. Хорошо, что этот старый злой колдун больше никогда никому здесь не запудрит мозгов, как он запудрил их Яне. Однако то, что Зритель отказался торговаться все же расстроило.

— Ладно... я понял... — вздохнул Ярэн. — Что ж...

Положив руку себе на грудь, он произнес слова клятвы. И показалось ли мне, или нет, был этим фактом сильно расстроен. Неужели ему так нравилось в академии?

— Принято, — дернул бровями Зритель... и кресло его вместе с книгами вдруг начало сдвигаться в сторону.

Как в каком-то дурном сне Ярэн потащил нас вниз, еще дальше. С лязганьем проход сверху закрылся, и Хранитель зажег магический свет.

Помещение, которое оказалось под теплицей зрителя, делилось стеной на две части. В первой части стояли каменные лавки, а на стене по обе стороны от двери в часть вторую были нарисованы два силуэта — женский и мужской. Женщину изобразили в черном платье и синей накидке, мужчину — с мечом в руках. За дверью виднелись два каменных гроба.

И до меня дошло, где мы находимся. Склеп. Могила создателей Альянса.

— В этом даже что-то есть, — совершенно спокойно сказал Корн, движением руки отправляя нас в сторону двух гробов. — Создатели, тоже по легендам дети Земли и Кронуса, делали все, чтобы магия не покидала свои миры. И именно их могила теперь послужит тюрьмой для тех, кто в эти сложные времена принесет Альянсу немного облегчения.

Когда мы чуть не столкнулись ногами с гробами, Ярэн снял парализующее заклинание. Мы обе не сговариваясь кинулись к дверному проему, но тщетно. Хранитель уже успел позаботиться о том, чтобы мы не смогли и порога переступить.

— Вы чудовище, — заявила я ему в сердцах.

— Ну-ну, милая, все мы немного чудовища. Так и живем...

— Как вы это сделали?! — перебила его Яна, сжимая в кулаке свой лиловый, под цвет глаз, кулон. Она не выглядела злой или особо испуганной, просто очень напряженной, словно с трудом сдерживалась, чтобы не дать волю эмоциям. — Вы же не лгали... я чувствовала, что вы правда, жалели, хотели нам помочь... и даже сейчас... что это за магия?

— Знаете, Яна, — Корн так понимающе улыбнулся, что даже не верилось, что он собирается отправить нас на смерть. — Магия — это прекрасно, но нельзя, чтобы она затмевала по-настоящему важное. Истинные чувства. Вы ведь менталистка, да? И замечательная, раз заметили, что я не врал и не желал вам зла...

— Я не понимаю — закачала головой Яна. — Что вы...

— Искренность — обоюдоострое оружие. И менталисты лучше прочих видят, что я всегда честен. Я пытаюсь понять человека, помочь ему. Это вызывает доверие. Это приносит мне радость. Но ради своих эгоистичных целей я сумею переступить через любые эмоции.

— Полюби врага — чтобы победить, — странно пробормотала Яна.

— Пусть будет так. Хотя я предпочитаю, иметь друзей, а не врагов. И я правда надеялся, что мы с вами тоже станем друзьями... Я уже представлял, как помогу вам построить карьеру, раскрыть все таланты... но, увы, распрощаться раз и навсегда с Радой Тарвиус я хочу сильнее.

— И поэтому вы решили похоронить нас тут заживо? Сомневаюсь, что

поможет, — кажется, Яна пыталась выведать планы Хранителя на нас.

— Это лишь на время, пока я не перенастрою сердцевой Кристалл, чтобы взломать защиту Академии. Он как раз под нами, — любезно пояснил Ярэн. — Место, к слову, это замечательное — если закрыто изнутри, снаружи его не открыть. Так что посидите пока в спокойствии, отдохните, помиритесь окончательно. Если быстренько мне удастся связаться с Хранителями и вернуться на Пинион, то нас троих ожидают насыщенные дни... Последние для вас, к моему глубочайшему сожалению. А теперь прошу меня простить.

И он в прямом смысле слова начал проваливаться под пол. Довольно быстро он исчез, и мы с Яной остались вдвоем.

— Ублюдок, — как-то безэмоционально подытожила Яна. А потом с силой ударила ногой по невидимой стене: — Как же это все паршиво!

— Паршивее не придумаешь, — со вздохом уселась я на гроб-саркофаг с изображением витиеватого меча на крышке.

Глянув на меня, Яна поникла. Поняв, видно, что с дверью ничего не поделать, она опала на второй гроб и закрыла руками лицо.

— Господи... какая же я дура... ему же гребанная тыща лет! Конечно, его мозги будут по извращенному работать, конечно, он может управлять своими эмоциями, чтобы манипулировать такими умниками, как я... Я ведь просто расслабилась, доверилась... этой его лживой искренности, дурацким эмоциям...

— Эмоциям? — не поняла я. — Ты правда такой хороший эмпат?

— Нет, не в этом дело... Я же тебе не сказала... вот. На тебе он, кстати, почему-то не работает...

Она сняла со своей шеи кулон, покрутила в руках... а потом протянула мне.

— Держи, — вздохнула. — Надень... я... просто хочу тебе кое-что сказать, ладно?

Ну что ж... терять мне было нечего, и я надела камень на шею. Надела... и вдруг ощутила стыд, печаль и горечь. Сначала я подумала, что у меня с головой случилась какая-то беда от нервов — сложно было поверить в такую резкую смену эмоций. Но потом до меня вдруг дошло что это не мое. Все это чувствовала Яна. Она искренне раскаивалась и в нашем скандале, и в совершенной ей ошибке. Чувствовать это было для меня огромным облегчением.

— Так значит ты не врала, когда просила прощения? — спросила я у нее.

— Нет, — покачала она головой. — Я действительно хотела. Но, видимо, я столько глупостей натворила, что не заслуживаю больше доверия.

У меня не нашлось, что ей сказать. Глаза защипало от нахлынувшего, настигшего меня чувства обреченности. Я сползла с могилы человека, создавшего этот треклятый Альянс. Шаг... еще шаг... и сдерживать слезы стало совершенно невозможно. Я подошла к Яне, обняла ее, пытаясь вытереть мokrые глаза об ее плечо. Подруга обнал в ответ, и, чувствуя ее облегчение, я зарыдала в голос. Извинения посыпались из меня словно горох из прохудившейся миски — беспорядочные, полубессмысленные, но искренние.

— Прости меня... — бормотала я вперемешку со слезами. — прости... я такая дура... я такая и идиотка... прости что не доверяла тебе и ничего не рассказывала... прости что... переспала с Фрино и... за все-все... пожалуйста...

— И ты меня, — всхлипнула Янка, которую, видно, тоже проняло. — Прости... я должна была хотя бы попытаться тебя понять... а не пытаться заставить слушать только меня...

Каких-то пару минут мы откровенно говоря разводили сырость. Накопившиеся страх и напряжение вытекали из нас со слезами, и постепенно, становилось легче. В конце-концов мы расцепились, уселись рядом и какое-то время молчали. Не зная, что друг другу и сказать. Ну что ж... хотя бы если что мы умрем не в ссоре.

— Мы же все еще подруги? — с надеждой спросила Яна. — Нет, не так... Давай теперь по-настоящему станем подругами, потому, что сами этого хотим, а не потому что нас там высшие силы или Рада Тарвус свела?

— Ага, — заплакано кивнула на это я. — Я только за. Осталось сбежать от Хранителей и придумать, как выжить....

Мы обе криво улыбнулись, будто это была какая-то очень смешная шутка. Но на самом деле запоздалый страх за собственную жизнь уже начинал подкрадываться ко мне, да и к Янке тоже. Потому я уставилась в пол и вздохнула поглубже, пытаясь не выдавать своей нервозности.

— Ты... так изменилась, — потупилась Яна. — И когда ты успела стать такой...

— Ты тоже изменилась, — улыбнулась ей я. — Стала более мягкой. Эй... я знаю сейчас не самое подходящее время... но что у тебя с Эйнармом?

Яна ошарашенно на меня уставилась. Может думала, что я если и буду спрашивать то о Хоуке. А мне вот Хоук был вообще не интересен. Я и так знала, что она с ним спала, и что он ей нравится, и что она считает его хорошим. Что ж... ее право. Эйнар же обещал нам помочь примирить ее с Фрино, и... честно сказать вопрос этот был очень корыстным.

— Эээ... С Эйнармом у меня все... странно. Этот кулон, кстати, — она мягко забрала у меня из рук цепочку с камнем и надела себе на шею, — наше с ним совместное творчество.

— Ты вроде ему нравишься, — хмыкнула я. — А он действительно тебя... прогнал? Или врал?

— Вот он гад, — покачала головой Яна. — Ну и... вечно он со всеми делится подробностями моей личной жизни... точно! Браслеты!

Она вдруг схватилась за собственное запястье, и будто бы стала ощупывать что-то невидимое. Я уставилась на нее с надеждой — неужели подруга что-то придумала?

— Кажется, он работает... я чувствую отголоски чужих эмоций, магии... Черт, тут словно, что-то блокирует! Вот бы хоть кто-нибудь почувствовал, что мы в опасности. Сказал бы преподавателям, да пусть даже Раде... Пофиг. Главное — выбраться отсюда. А потом... на крайний случай Хоук предлагал мне спрятаться у своих друзей на Плутосе.

Я не очень поняла, как этот кто-нибудь узнать, что мы попались, но буквально взмолилась небесам, чтобы получилось. Взмолилась... а сама вспомнила о том, как мы в своей группе связывались на соревнованиях. О ментальной магии Текки. Мне последние минуты все казалось, будто кто-то словно скребется в мою голову... может и правда, защита этого склепа блокирует?

Однако, чувство было слишком неясным, чтобы на него надеяться...

Глава 52. Абигейл (2)

С тех пор, как Ярэн ушел к Кристаллу, время словно замедлило свой ход. То ли шло оно здесь, над самым Сердцем Междумирья, как-то иначе, то ли просто воспринималось из-за ожидания по-другому, но факт оставался фактом — мы с Янкой успели обшарить склеп от пола до потолка в поисках какого-нибудь потайного выхода, пока Хранителя не было.

Первые, наверное, полчаса я искренне надеялась, что за нами придут наши друзья, преподаватели, да хоть кто-нибудь. Но все, что я чувствовала — это навязчивое ощущение, что кто-то пытается со мной ментально связаться. А это могло быть и ложной надеждой, каким-нибудь побочным эффектом от антимагического браслета, например.

Так что постепенно ждать подмоги я перестала. Как и нервничать. Мысли мои потекли совсем в другом направлении. На грани сознания болталась какая-то идея, которой я никак не могла придать нужную форму. И я решила порассуждать вслух.

— Слушай, Яна... — позвала я.

— М?

Подруга подняла лицо от пола — последние несколько минут она отрешенно сидела на одном из каменных гробов и то ли тщетно пыталась магию применить, то ли что-то соображала.

— У меня тут мысль какая-то в голове вертится... непонятная.

— И? — заинтересовалась Яна. — Давай, не тяни...

— Ну... я не могу не тянуть, — смутилась я. — Я сама толком еще ничего не сформулировала. Но, может, ты мне поможешь?

— Помогу. Ты, главное, начни уже, а? Но, учти, если это размышления на тему почему у енотов не рождаются бегемоты, то сейчас не самое подходящее время.

Кто такие бегемоты я не знала, и попыталась на секундочку представить себе этого зверя, но не смогла. Подавив любопытство и желание расспросить, кто это такие, я начала вслух пересказывать свои мысли:

— Ну вот смотри. Вроде вот, когда ты мне все рассказывала о вытягивании магии и прочем, оно очень складно звучало... Но как начинаю думать — детали не сходятся. Это я к чему веду — сил у нас с тобой, конечно, очень много... но я не пойму, зачем Раде было так подставляться. Ведь ее же тоже по головке за то, что она сделала, не погладят.

— Может сил у нас еще больше, чем кажется? Мы же какие-то там особенные, носители уникальной, первозданной магии. Таких в книгах еще истинными магами называют... Ну и все такое... — поморщилась Яна и немного смущаясь призналась. — Я просто действительно в это верю. Хотя и звучит бредово.

— Хорошо, особенные, — согласилась я. — Однако я никак не пойму, в чем наша эта особенность заключается? Ну не может быть такого, что только из-за объема сил Рада пошла на такой отчаянный шаг, как обмен телами. Хотя... может мы такие не первые? Может, она постоянно создает таким образом сильных магов? Твой Хоук что-нибудь об этом говорил?

— Говорил, — припомнила Яна. — Говорил, что мы не первые. Но он еще упоминал и то, что во все прошлые разы ничего не получилось и искали нас очень долго... что мы — настоящее чудо. Уникум. Первая удачная попытка за много лет.

— Вот это-то меня и беспокоит, — кивнула я. — Долго искали. А тебе не кажется, что тратить столько времени на поиски и ставить на кон свое место ректора... это немного...

глупо? Просто, разве за это время нельзя было истощить сотню-другую каких-нибудь случайных, никому не нужных магов со слабым даром...

— Говоришь так, будто тебе кажется это нормальным. Тебя что, твой Фрино покусал?

— Ну, укусил пару раз, — смутилась я, потерев шею. — Но дело не в этом. Просто... я иногда пытаюсь думать, как он. По-плохому. Чтобы с другой стороны на вопрос посмотреть. И это не значит, что мне нравится то, что из магов вытягивают силы.

— Ладно, я поняла, что вы сладкая парочка. Не спорю, так спорить полезно... Но к чему ты ведешь?

— Да ни к чему конкретному, в том-то и проблема, — пожалала я плечами. — У меня есть только куча разрозненных фактов, а вывод из них я сделать никак не могу. Ну вот например мне не дают покоя слова о том, что мы, по словам Рады, должны принести изменения для всего Альянса.

— Ой, да плела она, — закатила глаза Яна. — Лапшу просто на уши вешала, чтобы польстить самолюбию и отвлечь от подозрений.

— А если нет? — предположила я. — Если мы действительно ценны только как... эм... дойные коровы... разве нас не лучше было казнить сразу же, тайком. Никто бы и не узнал. Или, например, притащить сюда, дать коснуться этого Кристалла и запереть в подвалах как Малума.?

— Ты же знаешь, чтобы между магом и Кристаллом образовалась связь, это еще нужно заслужить — учебой там или победой. Если бы Раде удалось обойти это правило, то, наверняка, не было бы таких сложностей. Но вот про казнь мыслишь верно. Тайком или не тайком, но от нашей смерти толку больше... если Раде, конечно, действительно просто нужна просто наша магическая энергия.

— А если нужна не энергия — то надо понять, что именно? — кивнула я, а потом смутилась. — Ты же знаешь... мы обе какие-то... даже слишком сильные. Сама мне про это говорила. И я вот подумала что, может, мы просто до конца не знаем как их применить? Может, с ними можно сделать что-то еще более потрясающее, чем мы делаем сейчас? К тому же на эту мысль меня еще и тот чудик сверху натолкнул. Я уже встречалась со Зрителем... и он нас с тобой постоянно наследницами называл. Уж не знаю, кто он такой... но он все и обо всех знает. И о нас мог знать больше, чем мы сами.

— Наследницами? И что бы это значило... — забормотала Яна. — Источник, конечно, сомнительный, этот твой Зритель... но, интересно, от кого нам это наследство досталось? Наследницы... изменения для всего Альянса... особые силы... чтобы все это могло значить?

И тут лицо у нее вытянулось. Она то ли с восторгом, то ли с ужасом уставилась на меня и ткнула пальцем в гроб, на котором я сидела.

— Эби, мы с тобой идиотки!

— Ну, это я знаю, — удивилась я такой радости. — Были бы умными — не сидели бы здесь.

— Да ты подумай сама! Перводанная магия, она у кого была? У создателей Альянса! Вот откуда все эти слова о переменах для всех семи миров... вот какие у нас силы! Как там было в этих красивых сказках... У тебя — меч стальной, что может разрезать все, что угодно, даже ткань миров. У меня — плащ шелковый, нитями из которого можно зашить разрезанное и восстановить сломанное.

Мне стало за себя очень стыдно. А ведь давно могли бы до этого дойти! Вокруг же было столько подсказок. То, что я облекала магию в форму меча а Яна воспринимала свою, как

нити. Спектакль, праздник объединения Альянса, все эти портреты создателей, сказки в старых книгах, да даже сидели мы на подсказке.

— Но зачем эти силы Раде? — задумалась Яна. — Может, хочет открыть какой-нибудь новый мир чтобы вытягивать из него магию? А лучше не один. Это ведь покруче, чем использовать учеников как дойных коров. Тут объемы магии совсем другие.

— Вполне возможно, — согласилась я. — Бедные новые миры...

Не успела я закончить фразу, как из под пола в другой части склепа появился Ярэн. Он был грязен, хмур и устал. По его внешнему виду я предположила, что ничего ровным счетом у него не вышло с Кристаллом. Яна тоже это поняла и не сдержала злорадства.

— Что, не вышло защиту снять? — сочувственно спросила она. — Силенок не хватило?

— Увы, задача оказалась мне не по зубам. Обычно та часть системы магических кристаллов, что отвечает за это, более нестабильна и податлива... напряжение скачет, как сказали бы у вас на Земле. Но после недавнего взрыва все до сих пор на удивление надежно работает. Словно магии вдоволь хватает. Может знаете что-то об этом?

— Может, чем нас расспрашивать, лучше, как порядочный злодей, сами скажете о своих дальнейших планах? — ехидно предложила Яна.

— Неудобно признаваться, но они ужасающе скучны, — развел руками Корн. — Будем ждать.

— Не хочу вас еще больше расстраивать, но это еще и очень ненадежный план, — съязвила Яна. — Есть большая вероятность помереть с голоду, пока что-то изменится.

— Ну почему же? Все решится быстрее, чем может показаться на первый взгляд. Видите ли, не все еще разошлись после бала. И то, что телепортация заблокирована заставляет нервничать и Хранителей, и простых гостей. Они будут трепать Раде нервы до тех пор, пока она не отменит чары... И тогда мы, наконец, отправимся на Пинион. Это в худшем случае. В лучшем — со мной кто-нибудь свяжется. Разумеется, отправляясь в Академию, я позаботился о связи со своими друзьями. Вытащат рано или поздно...

Договорить не дали теперь уже ему.

С жутким скрежетом пол между гробами вздыбился и, развалившись на отдельные плиты, ударился о невысокий потолок. Камни полетели в разные стороны — один из них болезненно врезался мне в плечо. Остатки пола начали проседать и обвалилась вниз вместе с нами. Одновременно с ужасом и радостью я увидела под нами длинную дыру шириной метра в два. За ней мелькнула в полумраке черная тень и сверкнуло несколько магических светлячков.

Друзья? Или преподаватели? Или Рада? Не важно, кто-то пришел нас спасти и это было важнее всего!

Дальше все происходило очень быстро. Настолько быстро, что я еле-еле успевала примечать, кто и что сделал. Событий, сжатых в эти проклятые небом пять минут, хватило бы с лихвой на год.

Реакция у Ярэна оказалась хорошая, и вывалиться на свободу мы не успели — он схватил нас магией и буквально вжал в потолок. Внизу загудело. Метнувшись в сторону пробоины, Хранитель еле-еле успел поставить щит. На этот самый щит обрушилась такая прорва огненных заклинаний, что нас с Яной обдало жаром. Большую их половину Хранитель просто напросто рассеял, остальные же заставили его защиту затрещать, а его самого — упасть на одно колено. Видимо, не готов он был к такому напору.

Какую-то секунду стояла оглушающая тишина, которая прерывалась только хриплым

дыханием Хранителя да гудением огня... а Яржн он закрыл на миг глаза и звонко хлопнул в ладоши. Волна его магии, словно одеяло, накрыла непрекращающиеся огненные чары, придавила к уцелевшим участка пол и развеяла прежде, чем камни начали плавиться. Еще один хлопок — и полуразрушенный склеп замерцал защитной сетью. Особенно плотно она покрыла образовавшуюся дыру.

Взмокший от напряжения Ярэн Корн перевел дух и с каким-то восторженным удивлением пробормотал.

— Поверить не могу, и это только первый курс...

Сердце у меня от этих слов сладко сжалось. Так значит все же друзья пришли на выручку. И они явно не собирались ослаблять напор.

Огоньки защитных чар задрожали... а потом заиграла музыка. До боли знакомая, до дрожи пугающая мелодия музыкальной шкатулки.

Не знаю, как Янку, но меня, откровенно говоря, пробил холодный пот. Я увидела, как волна за волной ментальная магия монстра — где только они второго взяли? — проникает внутрь гробницы. Голова взорвалась от боли, загнанный в угол страх зашипел и, показав клыки, набросился на меня. В глазах потемнело и я, кажется, все же выпала на какое-то мгновение из реальности.

Привело меня в чувство то, что мы рухнули с потолка на усыпанный камнями пол. Я, чувствуя себя кошкой, упала на ладони и колени, ободрал себе все на свете и вскрикнув от боли. Где-то рядом застонала Яна, и выругался себе под нос Ярэн. Внизу снова страшно загудело.

Вторая волна огненных заклинаний обрушилась на щиты Ярэна с такой силой, что они стали видимыми и вытянулись ощутимо вверх под напором. Не прошло и пары секунд, как разорвалась в клочья всю защитную сеть. На этот раз жар был еще сильнее, он почти обжег и, кажется, вместе с ним в маленькую комнатку проникло несколько языков пламени. Когда я решила открыть глаза, Ярэн сбивал огонь с седых волос, усы же и брови у него сгорели вовсе.

— Они что, угробить нас решили?! — поднимаясь с колен, в панике воскликнула Яна.

Поверить в то, что наши друзья вот так по нам палят, было сложно. С другой стороны я... пожалуй, верила в Рейнара как в тактика. Это ведь был его излюбленный метод ведения боя — смять противника одним мощным ударом, сделать то, чего он не ожидает, поступить нелогично. Может, он что-то придумал?

Хорошо, бы он что-то придумал, потому что потрепанный Ярэн Корн больше не выглядел добродушным дядюшкой. Он и сам швырнул в дыру атакующее заклинание — странное такое, будто обычные белые перышки вытряхнул. Но я услышала, как от них в облаках так и стало все взрываться и потоки пламени утихли.

Как же мне сейчас не хватало собственной магии! Да и Яне тоже. Она, ругнувшись, схватила обломок каменной плиты и попыталась дать им Корну по голове, но тот увернулся и отбросил нас обеих потоком воздуха к стене.

Радовало лишь то, что и сам Хранитель, словно держался из последних сил.

Шкатулка все еще играла, но теперь к спиральным волнам ментальной магии примешалось что-то еще. Какая-то странная инородная структура, чужая и еле-еле заметная. И Ярэн пусть и рвал эти похожие на дым волны, но они все равно срастались и срастались. А потом я поняла, что наши друзья делают и почему медлят.

Наши приятели каким-то немислимым образом вытягивали, отбирали магию. Она

вытекала из Ярэна, и сливалась вниз, как вода в трубу под раковиной. Осознав это Хранитель не сдержал ругательство и поспешил убраться подальше от дыры. Вместе с нами, разумеется. Он схватил и остатками магии швырнул нас в первую часть склепа, подбежал сам, накинул парализующее заклинание, схватил за руки и начал погружаться в пол. Видно, решил спрятаться рядом с Кристаллом в надежде, что там драку нашим друзьям придется вести более осторожно.

Но все пошло не так, и не у Ярэна, а у наших спасителей.

Склеп заполонил еще один пламенный залп — гораздо более слабый, какой-то ненаправленный, дикий, будто случайный. Ярэн спрятал нас за своей спиной, прикрылся щитом... но щит сгорел тут же. Это было все равно что защищаться от драконьего пламени при помощи листа писчей бумаги.

И тут меня осенило. Мрамор. Его огонь сжигает магию.

И я... я сначала сделала то, что было нужно, а потом уже подумала. На секунду Ярэн потерял концентрацию и парализующее заклинание отключилось. Я воспользовалась этим. Сунула руку прямо в язык пламени, до крови прикусив губу. Мой расчет оказался верным — браслет, блокирующий магию остался... а вот наложенные на него чары сгорели. И я, наконец, ощутила себя всесильной.

Мы грохнулись на пол в пещере с Кристаллом. Огненного залпа не хватило на то, чтобы убить Ярэна. Он все еще был жив, хотя одежда на нем горела а лицо почернело. Шкатулка замолчала, вытягивающее магию заклинание остановилось. Огромный фиалковый камень гудел, идущие от него тонкие ниточки, словно плесень, заполонившие все вокруг, чуть ли не искрились. Слева стена дрожала от заклинаний моих друзей, и, казалось, еще чуть-чуть и они пробьются сюда. Ярэн, явно потративший остатки магии на обезболивающее заклинание, попытался схватить нас голыми руками, чтобы мы не сбежали... но Янка оказалась быстрее.

Удар ногой в пах, еще один — уже кулаком — в челюсть, и Хранитель нас отпустил, повалившись со стоном на пол. Воспользовавшись моментом, я призвала меч и застыла на изготовке — но делать ничего не пришлось. Все-таки лишившись почти всей магии, Корн был всего лишь обычным пожилым мужчиной. Яна даже, словно пожалев его, проникновенно сказала:

— Извините, Ярэн... Это я искренне любя.

И финальным аккордом пнула, пытавшегося подняться Хранителя в живот, от чего тот скрутился на полу калачиком и застонал.

— Что теперь? — торопливо спросила я, озираясь по сторонам.

Тревожный гул кристалла все нарастал, потолок плавился от жара и грозился свалиться на наши головы. Видимо, драконье пламя совсем бесконтрольно заполонило весь склеп наверху. Надо было скорее выбираться... но куда бежать? Телепортация не работает, а за пределами этой пещеры — Рада, Хранители, взбесившийся, видно, Мрамор и черт знает еще кто. Стоит нам отсюда выйти — и нас тут же схватят.

Я повернулась к Яне не понимая, почему она не отвечает... но обнаружила, что подруга валяется на полу у стены. Зато Ярэн Корн стоял на ногах и выглядел очень, очень злым.

— Стар я уже для таких развлечений, милые мои, — глядя на меня воспаленными красными глазами, сказал он.

Выглядел хранитель как оживший ночной кошмар — обгоревшее лицо, истрепанная одежда, весь в крови и саже. На пол из его разжатого кулака упал прозрачный, словно

опустошенный, осколок кристалла, и я сообразила, что у Хранителя было что-то вроде накопителя энергии. Пусть не полностью, но он восстановил свои силы.

Однако я не собиралась так легко сдаваться.

Я была зла. Очень зла. Так зла, как не была зла со дня драки с Фрино. Да и тогда мной скорее владел страх. Этот урод посмел тронуть дорогих мне людей... и я собиралась отплатить ему за все.

Бурлившая как раскаленный металл магия вдруг успокоилась, сменившись холодным спокойствием и уверенностью в своих силах. Я точно знала, что могу и должна сделать.

Убить? Нет, это не про меня. Да и это было бы слишком мягко. Я просто махнула мечом, проведя его через Ярэна. Меч не задел ни внутренние органы, ни одежду, ни кожу, ни кости... он обрезал кое-что посложнее. Он разрубил самое важное, что есть у мага. Связь, единство души и тела. Я так хорошо почувствовала ее, будто она была чем-то физическим, я ощутила как мое оружие чуть затормозило, впившись саму магию, как рассекло и свободно полетело дальше.

Ярэн не сразу понял, что случилось. А когда понял, то просто рухнул на колени. Глаза его выражали только одно — ужас. Сверху что-то взорвалось и потолок осыпался нам на голову. Я отскочила к Янке, убитый горем Ярэн оказался ровно между нами и кристаллом.

— Надо бежать, — вцепилась в меня Янка. — Рада....

— Подожди, сейчас я вытащу нас отсюда, — крикнула я подруге.

Бежать в прямом смысле было бесполезно, телепортироваться я не умела... но в неожиданно холодной голове появилась весьма хорошая идея.

А ведь я наследница меча, способного прорубить дорогу в другой, новый мир. Не важно, что это будет за место... главное, что там мы сможем спрятаться.

Мой первый судорожный взмах мечом просто рассек воздух, но со вторым я уже осознала, что искать. Границу, которая существовала одновременно везде, но в то же время не было ее вовсе. Поверить было сложно, что такая невероятная вещь существует... но я не просто поверила, я ее ощутила. А как только ощутила, сразу же резанула снова. Меч, цепляясь за тонкую стенку между мирами, с треском ее разорвал.

Как в спектакле за моим невидимым оружием протянулась голубая, искрящаяся полоска света.

Кристалл судорожно заклокотал, завибрировал, замигал... и взорвался.

Взрывом нас троих, включая Ярэна, вынесло прямо в криво проделанную мной в пространстве брешь. На секунду я оглохла, ослепла и перестала понимать, где верх, а где низ. Потом в ушах страшно зазвенело. Открыв глаза и поморгав немного, я увидела ясное, голубое небо без единого облачка и поняла, что лежу в глубоком сугробе, и меня частично привалило снегом. Рядом живые, но такие же ошеломленные как и я лежали Яна и Хранитель. Испытывая непередаваемое наслаждение, я сунула в холод обожженную руку.

Пару минут ничего не происходило. Ничего — это совсем ничего. Я даже пошевелиться не могла толком, так меня пришибло взрывом. Мешкать было нельзя... Ярэн в любую секунду мог очнуться и нужно было что-то делать... но сил совсем не было.

Первой, кряхтя, поднялась Яна. Проковыляла ко мне, провалилась в сделанную мной в снеге дыру и сунула мне в лицо антимагическим браслетом.

— Разрежь, я заштопаю... — взмолилась она, тяжело дыша. — А то Корн опять очухается... или... даже не знаю, что хуже... Рада нас, наконец, найдет...

— Я уже вас нашла, юные леди, — раздался из-за спины голос Рады Тарвиус.

Я из последних сил снова придала форму своему мечу, но было поздно. Как два дротика в нас полетели два усыпляющих заклинания. И отбить их уже ни я, ни Яна уже не успели.

Глава 53 Яна (1)

Первым, что я осознала, очнувшись, была вернувшаяся магия. Первым, что увидела — встревоженное лицо Уильяма Хоука. И то и другое вызвало у меня невероятное чувство облегчения. По крайней мере, я была цела и свободна.

— Ох, Абигейл, — сказал Хоук, заставив меня недоуменно моргнуть. Опять чужим именем называет? Делает вид, что ничего не знает? Но Хоук быстро поправился. — Небо, точно... Яна.... Мне понадобится время, чтобы привыкнуть тебя так называть... Как ты?

— Жива, как ни странно, — с подозрением ответила я. У меня ничего не болело — то ли моя магия меня подлечила после бурной ночи, то ли кто-то другой постарался. И мыслила я на удивления ясно и спокойно, будто эмоции уже закончились.

От напряженного, многозначительно намекающего на что-то взгляда Хоука, правда, я несколько растерялась. А потом краем глаза увидела, где мы находимся.

Знакомый кабинет ректора. Я сидела на диванчике, Хоук привычно навис надо мной, а рядом Эби прикорнула, не проснулась еще после последнего подарочка Рады. Самой старухи видно не было, но судя по тому, как ведет себя Хоук — расслабляться нельзя. Как бы еще понять, в каком мы тут положении...

— Вы всех так перепугали. Как вам вообще пришло в голову идти к Хранителю?! Зачем? Или это алкоголь ударил тебе в голову? Тогда после свадьбы я не дам тебе больше пить!

Ах вот оно что! Уильям Хоук, разумеется, не хотел, чтобы Рада узнала, кто мне все разболтал — ради нас обоих. И кроме искреннего беспокойства и злости на мою неосторожность, намекал, что должна быть какая-то легенда. Ладно, сейчас согласуем.

— А где Корн? Его поймали? — решила для начала уточнить я. А то вдруг Ярэн что-то уже Раде наплел, и мы разойдемся в показаниях. Хотя... что там вообще произошло? Последние события были как в тумане. Эби, взмахивающая мечом из первозданной магии, взрыв, перемещение в другой мир... Рада.

— Увы, этот лживый ублюдок сбежал, — выплюнул Хоук, усаживаясь рядом со мной на диван. — Но радуется то, что он так и остался в том, новом мире, и сам оттуда никогда не выберется.

Вот как... Я даже почувствовала какое-то совершенно неправильное облегчение... и не потому, что Корн до нас не доберется, а потому что он остался жив.

— Так что случилось? Расскажи мне, — как всегда требовательно попросил Хоук.

— Ну... — я отвела взгляд в вполне искреннем смущении от своего поступка. Чтобы не дать Раде заподозрить Хоука в “измене”, надо подать правдоподобную историю, которая объяснила бы мою лишнюю осведомленность. — Я вернулась в академию, пошла мириться с Эби...

Я сбивчиво, постоянно прерываясь чтобы обругать Ярэна Корна, рассказала как Эби узнала о Малуме и его непричастности к нашему обмену телами, как мы перепугались, не зная, кому верить и отправились к такому доброму дяденьке Хранителю. А тот нам как наплел гадких историй про Раду, какая она суку-стерва, что мы, две дуры наивные, и спалились.

— Старый лис просто мастер убеждения, — покачал головой Хоук. — Но вы все не так поняли. Рада не желала вам зла. Прости, дорогая, но идти к Хранителю было просто верхом глупости!

Солгал почти в каждом слове — понимала я все замечательно правильно, и Рада ничего хорошего по его мнению нам не желала. Хотя нет... за поход к Корну, пожалуй, глупой Хоук меня все же считал.

— Я просто испугалась, — посмотрела я на него несчастными глазами. — И я уже не знаю, чему верить...

Надеюсь, мы не зря тут разыгрываем этот спектакль. Наверняка, же Рада специально Хоука подслала. Надеялась что я ему, жениху любимому, все честно расскажу — от ректорши же убегала, как от огня. И я рассказывала честно — ни слова прямой лжи. Все в лучших традициях Ярэна Корна.

— Рада все вам объяснит, — погладил меня по плечу Хоук. — Не волнуйся, никто больше не причинит вам вреда.

Я согласно кивнула, напряженно соображая, как себя вести, раз мы вновь оказались в руках Рады. Она нас вроде как спасла, вернула в академию и, кажется, все-таки не собирается делать что-то с нашей магией здесь и сейчас. Иначе ни к чему бы были эти разговоры с Хоуком. Раз Рада планирует дать нам объяснения, вновь переворачивая правду с ног на голову, то рассчитывает, что мы и дальше продолжим свою мирную жизнь в Академии. И значит нужно ее как-то провести. Показать, что все продолжает идти по ее плану.

Да, я уже пыталась задурить голову Корна. Вышло не очень — я недооценила его проницательность, слишком доверилась магии и эмоциям. Но учиться на своих ошибках не значит больше не пытаться. Это значит в следующий раз делать все правильно.

Пытаясь потянуть время, я прижалась к Хоуку. В принципе и без того хотелось — колотило меня от одних воспоминаний о том, что произошло.

— Я чертовски перепугалась, Билли... Думала что все... умрем... — пробормотала я. Свою часть истории я рассказала, теперь хотела слышать и половину Хоука. — Жаль, что ты меня не остановил... прав был — не стоило идти к Эби в таком состоянии.

Хоуку стало очень-очень стыдно. Так, что мне самой стало неловко. Как же иногда неудобно с этим амулетом — невозможно не сопереживать. И Корну я бы не попалась, если бы не он... хотя кого я обманываю — попалась бы.

Но как бы Хоук не раскаивался, от язвительности удержаться не смог — похожи мы с ним в этом.

— Жаль. Я бы, конечно, сразу бросился за тобой, удержал любимую невесту от ошибки... Да только ты не просто телепортировалась, а небо что знает сотворила напоследок с магией. Мне пришлось пройти половину города, прежде чем возможность перемещаться вернулась.

— Ой, — вырвалось у меня. Это так моя супермагия среагировала на нежелание видеть в тот момент Хоука? Это определенно нужно научиться контролировать — не всегда исполнение мимолетных желаний идет во благо.

— Но свою лепту я в ваше спасение все же внес, — улыбнулся он вымученно. — Когда все-таки оказался в Академии, то не смог сам тебя нигде найти... Зашел к Дженни за помощью, а с ней Вальдор был... Мы узнали, что в последний раз тебя видели в компании настоящей Абигейл и Хранителя. Пытались пробиться к нему — но он мастер ставить защиты от нежеланных гостей...

Я призадумалась, соображая есть ли в его рассказе какой-то подтекст. Например, то, что Вальдору с Дженни можно доверять.

— Нам оставалось только обратиться к ректору, — продолжил мужчина. — Прости, но я волновался за тебя, рассказал ей все... и о том, какая расстроенная ты пришла ко мне, и что ты раскрыла мне вашу с... настоящей Абигейл тайну.

Вот же хитрый паразит! Вечно свалит все на мои хрупкие плечи, а теперь трусит отчаянно, что я справедливо возмущусь и испорчу эту складную историю. Нет, мой милый Билли, не смей меня недооценивать...

— Ничего... спасибо, — я ласково погладила его по щеке, и Хоук зажмурился, словно довольный кот. Его восхищение моим пониманием как бальзам по сердцу. — Я все понимаю... Если бы не ты... и я бы, и Абигейл были бы уже мертвы... Так что было дальше?

— Рада сразу же заблокировала телепортацию в академии, сняла защиту Хранителя, но пока мы прорвались в его комнату — было уж поздно.

— Но все-таки Рада нас нашла.

— Всех преподавателей подключили прочесывать академию, но безрезультатно. Мы предполагали, что вас утащили в подземелья — но они же бесконечны... И только когда взорвался Кристалл стало понятно, где вас держат — такой всплеск энергии не заметить невозможно.

— А что наши друзья?

— Не беспокойтесь, Яна, они уже получили все, что заслуживали за свое безрассудство, — Рада Тарвиус вернулась в свои хоромы. Ее безупречная прическа чуть растрепалась, а на темно-лиловом платье можно было заметить пятна копоти, но в целом она выглядела такой же совершенной ледяной лживой стервой. — Теперь ваша с Абигейл очередь.

От ее слов у меня сердце екнуло — от страха за друзей, которые пострадали за наше спасение... Но ведь не станет она вредит такой толпе студентов, это точно не останется без последствий?...

Я непроизвольно прижалась сильнее к Хоуку. Только бы она купилась на то, что мы сейчас наплели. Только бы она не стала нам ничего делать сразу же... отложила бы свои коварные планы, рассказала бы нам очередную сказочку, а мы бы сделали вид, что поверили. Лишь бы время оттянуть.

Абигейл застонала и, зевнув во весь рот, открыла глаза. Непонимающе захлопала ресницами. Я торопливо оттолкнула Хоука, чтобы не возмущать зря подругу.

— Верно мыслите, Яна, сейчас не время для любовных утех, — улыбнулась Рада. — Уильям, будь любезен, оставь нас с девушками наедине.

Билл засомневался, посмотрел на меня тоскливо, но нужно было быть самоубийцей, чтобы спорить сейчас с Радой Тарвиус — злощей и опасной.

— Рада, позвольте мне остаться, — настойчиво обратился он к ректорше, цепляясь за мою руку. О, он все же самоубийца.

— Иди, Билл, — я мягко высвободила ладонь и, повернувшись к Раде, задрала подбородок, как гордая идиотка. — Я не боюсь вас.

— Как-то было не похоже, — чуть ехидно заметила она. — Мне, напротив, показалось, что от какого-то надуманного себе страха, вы растеряли последние мозги и отправились ябедничать на меня Корну. И это после всего, чтобы я делала ради вашей безопасности... Вы еще здесь, Уильям?

Меня обдало его злостью, буквально ненавистью к Раде — и Билл исчез, телепортировался прямо из комнаты, что намного грубее, чем громкий хлопок

дверью.

Ректорша вздернула бровь, и, неожиданно, со снисходительной усмешкой заметила:

— Ох, уж эти влюбленные мужчины... — но повернувшись к нам с Эби улыбаться Рада сразу же перестала. — Итак, мои дорогие, ничего не хотите мне сказать?..

О, я много чего хотела сказать Раде Тарвиус.

Но сначала нужно было придумать, как именно это сказать? Какая моя реакция будет самой безопасной для меня? Пожалуй, самая естественная. Та, что ожидается от категоричной и взбалмошной землянки Яны, которая имела дурость довериться врагу, узнав, что ее обманули.

Эби вот все ожидала криков и обвинений за свой обман, и даже в конце концов их получила. Это было бы таким простым решением — ведь кричать и обвинять Раду я искренне хотела. Но я ведь умела сдерживаться. И с Эби сначала сдерживалась, только ядом плевалась... а вот потом уже — взорвалась. С Радой, конечно, надо быть чуть повежливее... Раду я вообще должна бояться. И я ее боялась, чтобы там не говорила — это невозможно было не заметить.

Обида, злость, страх — эмоции, что затмевают мне разум, заставляют творить глупости, быть несдержанной... Делают такой удобной для манипуляций. Мне просто надо вести себя так, будто я не могу их перебороть.

— Вы нас обманули, — сказала я тихо и зло, смотря прямо Раде в глаза, сжимая в напряжении кулаки. — Свалили все на Малума, а сами... Вы только использовали нас!

Я повернулась к Эби в ожидании поддержки. Я очень надеялась, что она сможет довериться мне во второй раз, не станет из-за того, что я так ошиблась с Корном, рассказывать Раде всю правду. Я не имела права на это надеяться, и все же...

И Эби мне кивнула.

— Я тоже хотела бы узнать правду, — согласилась она. — Я, честно сказать, не понимаю, зачем вам было от нас это скрывать. Сказали бы сразу — не возникло бы столько... — Эби не сдержала широкого зевка, — проблем.

Ощувив к подруге волну благодарности за это непосредственность и невозмутимость, я выжидающе обернулась к Раде.

— Что ж... — ректорша медленно прошла к своему столу, медленно села, заставляя еще больше нервничать от ожидания, сложила ладони и наконец продолжила: — Давайте представим, что я переместилась в ваши миры и попыталась донести до ничего не понимающих девчонок все тонкости круговорота магической энергии. Сказала, бы что ради спасения Альянса семи миров я должна пробудить дремлющие в вас огромные силы. Но оговорилась, что сделать это можно только переместив душу в чужое тело — что, к слову, запретная магия, за нее казнят, так что вас придется всю жизнь скрываться... К тому же не факт, что эти силы вообще у вас есть. Ну что, заманчивое предложение?

Я отвела взгляд. Не знаю, как Эби, но фиг бы я согласилась на подобную муть. Отказаться от того, что никогда не пробовал куда легче. Но упрямо пробормотала:

— Могла бы и принять, если бы вы правильно прорекламировали. Но вы предпочли нас обмануть.

— Не буду лгать, я бы не стала рисковать — ведь вероятность получить отрицательный ответ была очень и очень высока. А теперь смотрите сами... Рассказала бы я вам это сразу, как только вы попали в Академию — и вы бы меня возненавидели, ведь я по вашему мнению сломала вам обменом жизнь. Рассказала бы сразу, как попался Малум — возненавидели бы опять, ведь я, такая нехорошая женщина, поступила с вами подло во имя великой цели, у вас

самих не спросив. Эффект был бы один, что бы я не сделала. Но был у меня маленький шанс получить ваше доверие — держать вас в неведении. Увы, этот шанс я упустила.

Дурить голову, чтобы заручиться доверием — неужели она правда думала, что это сработает? Ведь правда рано или поздно все равно открылась бы... Но, возможно, она рассчитывала, что мы к тому времени уже сами проникнемся важностью нашей миссии и будем только благодарны за предоставленный шанс.

— Да и смогли бы вы чего-то достичь, зная, что за вас уже все решено? — продолжала ректор. — Что всегда можно положиться на расчетливую ведьму Раду Тарвиус — ведь раз я обрекла вас на такую жизнь, то сама и должна справляться с вашими проблемами. Когда человек рассчитывает только на свои силы, сам учится, сам совершает ошибки и набирается опыта — это совсем другое дело. То, сможете ли вы сохранить тайну и самостоятельно развить свой потенциал — в каком-то смысле было проверкой, испытанием, которое вы до этой ночи проходили с блеском.

— Да какая разница... Что в нас такого, чтобы так заморачиваться?! — недоуменно возмутилась я, догадываясь, что сейчас нас примутся убеждать, что все не так просто, как кажется. И, понимая, что совсем дурочкой прикидываться, это перебор, добавила: — Корн говорил, что вы хотели высосать из нас силы через Кристалл, но... не все же так просто... То, что сделала Эби там, в склепе, это... это так...

Я бросила быстрый взгляд на Эби и запнулась, в расчете, что Рада сама продолжит. Интересно же было послушать ее версию.

— Восхитительно? — губы Рады дрогнули будто в улыбке, в глазах блеснул восторг... а в душе — острая зависть. — Несомненно. Ярэн Корн, как и всякий Хранитель, считал, что сильные маги нужны лишь для одного. Что они лишь источник энергии, чтобы хоть как-то поддерживать разваливающиеся магические миры. Но я... я рисковала всем, применяя запретную магию и меняя вас телами, не ради такой мелочи.

— Да зачем вообще было это делать? — вдруг спросила Эби. — Зачем было нас менять? Вы же вроде говорили... не мне правда... эм... что в нас должны были и так скоро силы проснуться. Не легче ли было просто дождаться этого момента? Ну пускай у Яны был бы меч, а у меня — ниточки... какая вообще разница?

— “Ниточки”, как вы их назвали, Абигейл, могли быть только у Яны, а у вас мог быть только “меч”. Магия лишь энергия, а ваш разум, ваша душа придает ей удобную для использования форму. Но как вы помните из правил магической генетики, пламя магии может вспыхнуть только если душа окажется в подходящем сосуде — и чем более сосуд подходящий, тем сильнее и пламя. Будучи в своем родном теле вы бы никогда не смогли использовать столько энергии. Только поменяв вас можно было пробудить первозданные силы.

— Как у основателей Альянса? — уточнила Эби.

— Да, — кивнула Рада. — Они были истинными магами, рожденными во времена, когда миры были еще закрыты друг для друга. Они изменили саму реальность, разрывая ткань миров, чтобы создать Альянс. Их способности были несоизмеримо выше самых могущественных магов настоящего... И их души после долгих тысяч лет скитаний, вновь нашли друг друга.

Я от таких поворотов даже почти забыла что должна быть осторожной и с недоверием относиться Раде Тарвиус. Почти.

— Ээ, мы что типа... их реинкарнация?

— Вроде того, — хмыкнула Рада. — И вы унаследовали их силы. Я сама сначала поверить не могла, увидев вас в Междумирье... я могла ошибиться, просто испортить жизнь двум юным девушкам. Но ради спасения магии я должна была попытаться.

— А Малум тут еще удачно подвернулся, чтобы можно было на него все свалить? — я решила, что должна вновь ядовито повозмущаться. — Ну, чтобы мы не чувствовали себя просто инструментами в ваших руках... Собирались использовать нас вслепую!

— Я дала вам возможность просто наслаждаться студенческой жизнью! — Рада внезапно разозлилась. Точнее она и так была все время зла, но сдерживалась, а тут, видимо, мои однотипные претензии стали последней каплей. — Учиться, дружить и влюбляться. Дала цель с желанием, все условия, чтобы вы скорее развивали свои силы, но были счастливы, а не страдали от груза ответственности.

Да она просто святая женщина, если с такой стороны посмотреть. Но как бы я скептически не относилась к этому праведному возмущению, от гнева Рады мы с Эби непроизвольно прижались друг к другу.

— Я как могла оттягивала момент, когда придется свалить на ваши плечи судьбу всего Альянса, но вы выбрали плести мелкие интрижки за моей спиной... — поджимая губы, ректор встала из-за стола и подошла к нам. — Что ж... разговор на пространные темы мы всегда можем продолжить. Отложим слова на время. Я вам кое-что покажу... и вы сами решите, стоит ли продолжать обвинять меня в том, что жизнь не так проста и приятна, как хотелось бы. Руки.

Протягивая ладонь для телепортации, я думала, что умру с истерическим смехом, если Рада все-таки собирается сейчас разобраться с нами раз и навсегда. Только нелогичность такого поступка и успокаивала.

Оказались мы за пределами академии, на вершине огромной облачной горы. Небо Междумирья я видела впервые — и с трудом смогла оторвать взгляд от странных завораживающих точек. Но... было здесь что-то еще. Что-то, не видное взгляду.

— Итак, позвольте освежить и дополнить ваши знания по циркуляции магической энергии — с ядом в голосе продолжила Рада. — Вы, наверняка, слышали много мудрых теорий, но такие старухи как я, сотни лет жизни, отдавшие работе с потоками магии, при необходимости могут изъясняться... подступней и понаглядней.

Это было бы любезно с ее стороны, да только скорее складывалось впечатление, будто Рада считала, что понять многомудрые теории мы просто не способны.

— Если пользоваться грубыми аналогиями — магия в чем-то напоминает круговорот воды. Импульс, создаваемый единением магической составляющей души и тела, концентрирует в теле мага энергию, наполняет ее словно жидкостью. Маг использует ее и она испаряется, будто пар проходит в пространство Междумирья и собирается в облака, чтобы, когда придет время, пролиться над мирами. Междумирье в равной степени связано со всеми семью — так было всегда. Но до того, как был создан Альянс, в каждом из миров существовало определенное постоянное количество энергии — как на Эквариусе или Плутосе она могла пропитывать каждую клетку, создавая невероятные формы жизни, или как на Земле с Кронусом могла просто порождать могущественнейших магов. А Междумирье было лишь временным пристанищем в этом круговороте.

Это все я, да и думаю Эби, примерно знали — не такие уж мы и не образованные. И Грега внимательно слушали, зная, что нам еще экзамены по теории магии сдавать. Но все равно ловили каждое слово Рады, замечая незнакомые нюансы.

— Но когда, истинные маги создавали Альянс, связывали семь миров в единое целое, им взамен приходилось нарушать целостность ткани миров. Это как... разрезы... — Рада на секунду задумалась и, взмахом руки создала перед собой клочок лилового тумана. В нем висели вразнобой семь похожих на мыльные пузыри шариков, заполненных мириадами крохотных капелек.

Более чем условный макет Альянса и Междумирья. Главное помнить, что миры — целая Вселенная, как у Земли, или небольшая плоскость, как Плутос — это не какие-то плавающие физические объекты, а существующие в отдельных пространственно-временных плоскостях реальности.

Рада выдвинула на первый план два прижатых друг к другу шарика, в которых явно выделялось по особо крупной капле. В одном из них эта капля превратилась в миниатюрное лезвие и за два взмаха буквально распорола ткань обоих “миров”. В получившуюся прореху тотчас сразу стали же выливаться в Междумирье капельки, которые испарялись в еще более густой лиловый туман. А потом и каждый из шариков оказался изрешечен протекающими дырами.

— Это то лишь теория... то, так я воспринимаю создание Альянса, — пояснила Рада.

— Как-то оно тревожно выглядит, — сказала я, но приглядевшись заметила, что магии-жидкости в мирах меньше не становится. Просто этот круговорот, с испарениями и проливанием магии сквозь поры в ткани мира стал проходить быстрее.

— Напротив, — сказала Рада с легкой улыбкой, но я чувствовала что ее злость так и не прошла. — После того, как миры стали открыты друг для друга, магическое искусство только расцвело. Истинные маги могли контролировать прорехи, и энергия... не вытекала в большем количестве, чем могла бы вернуться. И даже после их смерти долгое время в движении магических потоков царил гармония.

— Ну так... почему она сейчас угасает? Вы знаете это?

— Нет, — покачала головой Рада. — Как и остальные — я могу лишь предполагать. Случилось нечто, нарушившее размеренный круговорот магии... точнее — возникло что-то. И, чтобы не быть голословной... посмотрите наверх. Только магией, а не глазами. Почувствуйте. И сами все поймете.

Мы с Эби послушно задрали голову. Я сосредоточилась, погрузилась в свою силу... и обомлела.

— Это что еще за хрень? — вырвалось у меня.

Мерзко. Словно гниющая черная дыра, которая поглощает собой магию. Воспаленная, страшная, зияющая рана на теле Междумирья. Она втягивала в себя энергию, но часть словно выплевывала обратно — зараженную, искаженную, неконтролируемую магию, больше не способную быть частью единого круговорота. Именно отголоски этой дряни я чувствовала в Гоуд-Сва... и в подземельях Академии этой ночью.

— Я назвала ее язвой, — ответила Рада. — Ее способны видеть не многие маги... лишь очень опытные или такие талантливые как вы. Но воздействие этой дряни на магию сложно не заметить.

— Неужели нет возможности... избавиться от нее? — прошептала Эби.

— Хранители это и пытаются сделать, даже просто предполагая о существовании подобной... язвы... Они иногда напоминают мне первых врачей всех миров — просто нашли что-то, что якобы спасает от болезни и делают это не понимая, как оно работает. Огромная прорва энергии может ее на время закупорить и стабилизировать потоки... но это лишь

обезболивающее, а не настоящее лечение.

Если вспомнить слова Ярэна о том, что Рада не пускает Хранителей в Междумирье — все становится еще подозрительней. Но спрашивать о причинах я не рискнула. Вместо этого припомнила кое-что другое.

— А огромная прорва энергии появляется при смерти... казни мага, — закончила я.

— На самом деле — это лишь капля в море. Но кое-как помогает. Я же тоже вношу свою лепту. Пусть жестоко, но никого при этом не убивая.

— Просто забирая магию у студентов через обман с желаниями для лучших, — горько сказала я. А потом оживилась от внезапной идеи: — А если бы кто-то пожелал исчезновения этой чертовой язвы?

— Думаете я не просчитывала этот вариант? Сердце Междумирья накапливает в себе куда больше магии, чем может быть в обычном человеке... больше чем в сотнях, тысячах магов. Этого хватает и для постоянной подпитки сложных механизмов Академии, самого ее существования здесь. Хватает и на редкие исполнения любых желаний... Вы вообще задумывались, как я собиралась... красть вашу магию через Кристалл? — вдруг несколько издевательски полюбопытствовала Рада.

Я знала, как этот Кристалл действует — прикасаешься, и на миг, достаточный для высказывания желания, между ним и душой мага образуется связь — до тех пор, пока желание не исполнится. Тот же принцип, что и с душой и телом мага. Судя по тому, что говорил Хоук, Рада что-то с этим Кристаллом сделала, сотворила из него условный канал, через который протекает энергия бедного студента. А если энергия постоянно утекает, то не успевает восстанавливаться... а еще нельзя исключать фактор стресса от такого “сбоя в системе”. И душа просто-напросто может перестать воспринимать магию. Или не перестанет, но человек окажется иссушен до последней капли — а это исключает возможность восстановится. Такая вот муть. Но Хоук мне ее официально не рассказывал, а сама бы я не смогла сообразить никак. Как хорошо, что у нас есть Ярэн.

— Корн не уточнял, — буркнула я. — Говорил так, будто это обычная практика — спасения мира ради. Но казнь — оно эффективней.

— Несомненно, — хмыкнула Рада. — Да только и то, и другое — бессмысленно. Даже если Кристалл направит всю свою энергию ради закрытия язвы — это не спасет Альянс, а наоборот окончательно добьет нарушением баланса магии... Как и любые масштабные попытки заткнуть эту бездну.

— Ну а мы-то, что можем сделать? Если вы не собирались использовать нашу магию...

— Подумайте сами, — сложила на груди руки Рада. — Вы — наследницы сил создателей Альянса. Использовать вашу магии для очередной заплатки бессмысленно. Но тем не менее вы... точнее Абигейл, способны открывать проходы в иные миры. Мы просто можем поискать такой, в котором будет много энергии, но не будет разумных жителей, и выкачать оттуда все до капли чтобы разобраться с язвой. И главное — это никак не нарушит циркуляцию энергии в самом Альянсе. Просто все вернется на свои места.

— Неплохая мысль... — пробормотала Эби. — Но...

— Если мы ничего не сделаем — магия исчезнет совсем в течении пары сотен лет, — не дала договорить ей Рада. — Срок кажется немалым, но миры будут гибнуть постепенно. Агония, что растянется на века... Для начала погибнет Плутос. Демонам много магии нужно для жизни, они без нее не могут, даже своеобразный голод испытывают. Потом Эквариус — концентрация магии там всегда велика, больше чем в остальным мирах, и казалось бы —

они последние на очереди. Но само существование этого мира слишком завязано на магии, чтобы пережить ее существенное уменьшение...

Рада могла бы и не продолжать. Великая миссия, что возложена на наши плечи ясна... или это она только на Эбины плечи возложена? Так я и не поняла, чем помочь могу...

— Так что с нами будет? — спросила я. — Если мы нужны вам для спасения мира...

— Только не думайте, что теперь останетесь безнаказанными, — прищурилась Рада, и я в которой раз осознала, что мы наедине с чертовски опасной женщиной, не чувствующей к нам ничего положительного. — Что же... вы правы. Я слишком многого от вас ожидала. Все радовалась, наблюдая как растут ваши силы и позабыла, что вы всего лишь вчерашние дети. Хотя видеть, что вы доверились Хранителю, который и не скрывал, что прибыл в академию шпионить, а не мне... но ладно мне — преподавателям, своим куратором или Вальдору, что поддерживали вас все это время — было несколько горько.

В том-то и дело, что он — не скрывал. Но оправдывать сейчас перед Радой я не собиралась. Эби на это лишь задумчиво хмыкнула. Было не понятно, о чем она думает, но явно все увиденное заставило ее крепко уйти в свои мысли. Я же решила продолжить свой своеобразный “допрос”:

— И что теперь будет с Академией, раз Корн пропал? Другие Хранители этого ведь так не оставят.

— Я не буду закрывать перед ними двери Академии. Придут, проведут магическое сканирование, поймут что Корна тут — ни живого, ни мертвого — нет и уйдут восвояси, — пожала плечами Рада. — Разумеется, мне придется постараться, чтобы лишнего внимания никто не проявлял. Но мне не впервой подчищать за напортившимися студентами.

Как бы я к Раде не относилось, как бы не ненавидела, но несколько пристыдить ей меня удалось.

Она окинула меня задумчивым взглядом, и добавила:

— Не знаю, отнесетесь вы к этому как к награде, как к наказанию или просто как к тренировке, но, Яна, вам придется закрыть прореху в другой — новый — мир, что сделала Абигейл.

— Мне?! — опешила я.

— Не стройте из себя дурочку, Яна — когда я вас нашла на той стороне вы что-то не особенно сомневались, что можете это сделать, — разозлилась Рада. — Я уже вскользь посмотрела, что там, но, увы, для наших целей то мир не подходит. Магии там практически нет, а Альянс не готов сейчас принять такую ношу.

Как-то так незаметно “ее” цели, уже стали “нашими”, Ну и пусть, мне самой было страшно интересно попробовать, хотя я и не особо представляла, как это сделать, чтобы там Рада не думала. Из-за того, что я все время была в антимагическом браслете никакого магического истощения за время сражения с Корном не заполучила, и, несмотря на истощение моральное, жаждала теперь поколдовать.

Так что противится я не стала, и Рада перенесла нас прямо в подземелья. Уже прибранное подземелье, следует отметить — и не скажешь, что тут пару часов назад все было разрушено и пылало драконьим огнем.

А вот мерцающая голубым брешь в пространстве казалась зияющей раной. Это не было безобидным телепортационным каналом в другой мир, это была именно что дырка черт знаете куда, что баламутило всю магию в Междумирье. Пока незаметно, но я чуяла — еще немного и последствия могут быть плачевными.

— Даже как-то не верится, что это я сделала, — сказала Эби, поглядывая на брешь то ли с восторгом, то ли с ужасом. — А... хотя бы посмотреть можно? Ведь другой мир...

— Что ж... имеете полное право, — неожиданно смягчилась Рада. — Только не делайте глупостей.

— Пошли, — схватила меня за руку Эби. — Глянем, хотя бы одним глазком.

Я не стала сопротивляться и позволила подруге затащить себя в голубую, светящуюся щель.

В другом мире было тихо и холодно, стояла глубокая ночь. Сугробы вокруг портала были развороченные, кое-где на них еще сохранились грязь и кровь. Вперед от места битвы шла череда глубоких следов — видно, Ярэн, понимая, что не может воспользоваться порталом из-за клятвы Зрителю, уже ушел. Вдалеке виднелась темная расческа леса, на фоне которой блестело несколько желтых пятен света — видимо, там притаилась деревня. В остальном же, насколько хватало глаз, виднелись одни лишь бескрайние, заснеженные просторы.

— Закрывать не будешь? — спросила у меня осторожно Эби, кивнув на разрыв за нашей спиной.

Я покачала головой. Нет, не могу я теперь так просто сбежать и сбежать.

— Слушай... — пробормотала Эби, смотря вдаль. — В общем... я обещаю, что больше не буду от тебя ничего скрывать. Да и не только от тебя. И... сделаю все, чтобы вернуть тебе тело. А если не вернуть... то хотя бы разобраться со всеми проблемами, связанными с ним. Прости, это конечно меня не оправдывает... но я не думала, что для тебя твое тело так важно. Знала бы — давно бы приложила все усилия чтобы его тебе отдать.

— Да я уже сама не уверена, что оно для меня так важно, — тяжело вздохнула я. — Набросилась на тебя как не знаю кто... и ведь не из-за тела, и не из-за Фрино, на самом деле. А просто потому, что считала тебя этаким подружкой только для защиты, считала, что одна я знаю, как лучше для тебя и плевать на чужое мнение... Да уж... так и до Рады Тарвиус не далеко с ее использованием всех и вся под красивые речи. Не хочу я так. И... знаешь, пусть эта ночь прошла под гимном “все меня предают и обманывают”... не собираюсь я вновь ото всех запираюсь в кокон недоверия. Хочу быть сильнее этого. И от тебя больше ничего не собираюсь скрывать — с нашей общей проблемой мы и должны справляться вместе.

А общей проблемой у нас теперь были не только тела, а и вся Академия с Альянсом и утекающей магией. Веселая такая жизнь настал, ничего не скажешь.

— Ты ей веришь... Раде? — спросила я.

— Ее слова звучат логично, — хмыкнула Эби. — Но они требуют проверки. Вот проверим — тогда я и решу. А пока что я на твоей стороне.

Мы еще какое-то время постояли, а потом я наконец сдалась.

— Знаешь... другой мир — это конечно интересно... но я уже до костей промерзла!

— И то верно, — будто извиняясь улыбнулась мне Эби. — Жаль, мы это место больше никогда не увидим. Как бы было здорово здесь все вдоль и поперек излазать! Ладно... пошли уже. Только простуды нам еще не хватало....

Вернувшись в пещеру, я замерла в задумчивости перед прорехой. Эби, конечно, в миг опасности ловко ее сделала, взмах — и готово. Но как бы мне теперь, да еще под пронзительным взглядом Рады, сообразить, что делать.

Да к черту Раду, делать ведь действительно было что-то надо. Новый мир это конечно

интересно и прекрасно, но только от этой грубой брешы в пространстве, всем семи мирам плохо будет. Сама магия пострадает. И вот странность-то... не нравилось мне это. Неприятно, гадко. Но исправить могу. Я ощутила свои силы. Еще сильнее, чем обычно, визуализировала магическую энергию в виде нитей — здесь, в самом центре Междумирья, они замерцали ярко-синим не только в моем воображении. Кажется, в сказках эти прорехи сначала штопали... Но шить я не любила. Вот рисовать — другое дело. Словно тончайшей штриховкой, я проводила потоками первозданной силы от края до края брешы, и сила эта, словно живая растекалась, исцеляла, стягивала ткань миров в единое целое.

Это было на удивление легко.

Проход в другой мир исчез, оставив после себя лишь пару снежинок и магическое истощение.

Рада была довольна. Еще бы — приятно знать, что в твоих руках подобная сила. Пусть сейчас мы с Эби могли только подыграть ей, сделать вид, что смирились и даже воодушевились от своей великой миссии, но становятся безвольными инструментами для ее целей мы не собирались.

Слишком много лжи было в ее сегодняшнем спектакле о великих жертвах ради спасения Альянса.

Глава 54. Абигейл

За дверью кабинета Рады, куда она переместила нас сразу после закрытия портала, нас поджидал прикорнувший на подоконнике Фрино. Услышав, как хлопнула дверь, он дернулся, открыл глаза и несколько раз моргнул, видно, пытаясь проснуться. Я на это только улыбнулась. Бедолага, неужели он весь день меня караулил? От такой заботы на душе потеплело.

Бросив короткий, извиняющийся взгляд на Янку, я поспешила к нему. Фрино спрыгнул с подоконника, сжал меня в объятиях сильно-сильно, и какое-то время мы просто вот так стояли молча радуясь, что все закончилось хорошо.

— Больше не пугай меня так, — попросил он тихо. — Я чуть с ума не сошел... если бы Эйнар меня не остановил, я бы таких глупостей наделал...

— Постараюсь больше так не влипнуть, — пробормотала я, а потом, невесело улыбнувшись, чуть от него отстранилась. — Я честно говоря думала, что нам конец. Как вы нас вообще нашли?

— Эйнар всполошился, поставил всех на уши, — пояснил Фрино. — Пришел к нам искать Абигейл, думал она с тобой. Я видел, как вы телепортировались с Ярэном, припомнились все эти ваши странности. Все преподаватели куда-то исчезли, обратиться было не к кому. Этот птицеоборотень из желтого перепугано трещит, что с Хранителем связываться опасно. Пытались из твоего драконьего дружка вытрясти правду, но он только твердил, как заведенный, что все плохо и вас казнят. Потом наша фейка пробовала до вас достучаться телепатически, но у нее ничего не вышло. Эйнаровы одноклассники выведали, что в комнате Ярэна вы были, но теперь там погром и нет никого. В общем... мы пошли к Зрителю. Этот гад даже платы с нас не взял, не поверишь, сдал ваше местонахождение с потрохами, но о том, чтобы открыть нам путь даже слышать не хотел. Сказал, что это невозможно. Мол, если уж внутри заперлись то все, пока сами не выйдут — это бесполезно. Но как видишь мы доказали, что любая защита ломается, было бы желание.

— Спасибо, что спасти пришел.

— Ну, я там не один был, — потупился он. — Там и красное, и желтое общежития были почти в полном составе. Не пошли только те, кому было плохо от тумана... Хотя твоему драконьему дружку это не помешало выпендриться.

— Он был там? — удивилась я. — А как же дикие туманы?

— Заставил меня им управлять, — вздохнул Фрино. — Если что — все были против этой затеи. Но его пламя — это что-то с чем-то. Если бы не он, мы бы не прожгли в этих облаках такую крупную дыру. Они же — магический концентрат. Только вот мы с Кальцем его все же упустили, и он начал палить по своим. Если бы не это — мы бы вас вытащили.

— Вместе с Кальцем? — уточнила я. — Вот уж не знала, что он на такие штуки способен...

— Ну да. Он на эмоции влиять оказывается умеет. Вцепился в дракона, как клещ, успокаивал его. А под конец видимо чего-то испугался, Мрамор испугался вместе с ним и я, как назло еще отвлекся из-за этой сраной руки... в общем по полной программе мы облажались.

— Ты лучше объясни, какого черта вы по нам палили?! — встряла в наш разговор Яна, до этого стоявшая в сторонке. — А если бы Ярэн не успел поставить защиту? Мы бы тогда в

уголь превратились...

— Хорошего же ты обо мне мнения. Будто я бы дал по Яне палить заклинаниями, если бы не знал, что вы в безопасности, — огрызнулся Фрино. — Рейнар защиту поставил. Она у него странная какая-то... не знаю точно. Но если кратко — он раздул ее вокруг себя так, чтобы в нее попал Ярэн, но не попали вы, и сделал непроницаемой изнутри. Правда, надолго его не хватило — и так далеко тянуться пришлось, да еще и огненные заклинания ему доставались. После двух залпов он свалился. Мы надеялись, что за это время сможем вытянуть из этого гада магию, но немного не рассчитали. Видела бы, как там твоя соседка танцевала вокруг кресла. Вроде и смешно... а не до смеха было.

— А шкатулку вы вторую откуда взяли? — спросила я.

— Сперли и Нинель Тарман из лаборатории, — пояснил Фрино. — Этот ушастый ее там видел и предложил с ее помощью замаскировать волны, вытягивающие магию. Хреновая была на самом деле идея...

— Сильно досталось всем от Рады? — осторожно уточнила Яна. Я даже удивилась. Видимо, крепко ей удалось подружиться со своими соседями, раз она о них так беспокоилась.

— Ну... отлаяли, — пожал плечами Фрино. — Сняли половину баллов всем участникам. Потом тайком Якоб, Вальдор и Дженни похвалили, обещали что баллов накинута обратно. Так что как по мне — это было мало похоже на наказание. Тарман, правда, обиделась, но эльф перед ней извинился и она вроде как тоже оттаяла.

Яна вздохнула и отвернулась.

— Я вот только одного не пойму, что вы такого сделали? — с опаской посмотрел на меня Фрино. — Поддельные имена, поддельные биографии... Кто вы вообще такие, что этот Ярэн за вами охотился? Мы... краем глаза видели там что-то очень странное у этого Кристалла. Когда он рванул, мы все туда ринулись в надежде, что вы успели хоть как-нибудь защититься и мы успеем вас вытащить. Что там была за синяя штука? Портал? Но если он у вас был, то почему вы сразу не смылись, для его использования же магия не нужна. Я... ничего не понимаю вообще...

Вид у Фрино был совершенно растерянный. Я с надеждой посмотрела на Яну, прося у нее разрешения. Она закусила в сомнении губу, а потом решительно кивнула.

— Хватит уже тайн, Фрино, — она с торжественно-серьезным видом положила руку ему на плечо. Фрино удивленно на ее зыкнул и руку сразу же стряхнул. — Надеюсь, ты примешь это с достоинством, но... в каком-то смысле ты спал со мной. С моим телом, вернее. А этот чудный облик, что ты когда-то хотел испоганить, но так уж и быть, я забуду об этом раз и навсегда... в общем — это родное тело твоей возлюбленной. Ну и с именами также.

Пару секунд до Фрино доходило. А потом он вытаращился на нас как на умалишенных.

— Нет, это конечно все от и до объясняет... — сказал он почти возмущенно. — Но... нафига оно вам надо?!

— Так, ладно, — зевнула Яна. — Вы тут дальше сами разбирайтесь...

— Стой! — остановила ее я, подозревая, что уходит она не будет, а просто телепортируется. — Стой-стой-стой! Мне-то что теперь делать!?

— Эээ, — недоуменно взглянула на меня Яна. — Ну, рассказывай, все что считаешь нужным. Лучше, конечно, без компрометирующих подробностей моей личной жизни... но, в общем, я тебе доверяю. И твоему решению встречаться с этим... очаровательным героем.

— Насколько доверяешь? — уточнила я, краснея. — Чтобы потом не было никаких... недопониманий.

— О, господи, Эби, — закатила глаза Яна. — Тебе что надо официальное благословение на секс? Дарю. Откровенно говоря, это тело пережило и куда более неприятных мужчин, чем твоей Фрино.

Я окончательно залилась краской. Но с другой стороны теперь можно выдохнуть. Я, честно сказать, спрашивала это ожидая услышать четкий ответ вроде: “только платонические отношения пока не поменяемся”. Но Яне удалось меня удивить. Вот ведь... но с другой стороны... ура, вроде как.

— Что ж с таким отворачиванием-то? — фыркнул Фрино. — Неужели все настолько плохо?

Яна широко ему улыбнулась и совершенно нейтральным голосом сказала:

— Я еще бесконечно тактична. Уж как ты себя показал передо мной, так и сужу. И, Фрино... если причинишь Эби боль... — она вдруг призадумалась и уточнила, — ту боль, которая ей не понравится, то я оторву тебе все то, что можно оторвать.

— Ну знаешь, — сказал ей невесело Фрино. — Во-первых, я ей поклялся — это ты знаешь. Во-вторых, я слишком хорошо знаю, что такое боль... и я бы не хотел чтобы ей было больно. В-третьих, если я все же что-то сделаю — я тебе разрешаю оторвать мне голову или что тебе там так хочется мне оторвать. Идет?

— Договорились. И головы, ты, кстати, лишишься в последнюю очередь.

— Думаю Яна... точнее Абигейл... будет не слишком этому рада, — почти весело дернул бровями этот идиот. Я бы покраснела еще больше... но дальше кажется было уже некуда.

— Хватит... — простонала я. — О небо, Яна, надо было отвести тебя в сторонку... какие же вы извращенцы...

— Ты сама избрала этот путь, — хмыкнула Яна, а потом вдруг притянула меня к себе и громко зашептала на ухо, так что Фрино не мог не услышать. — Слушай-ка... Тебе хоть понравилось-то? А то этот аристократ-работорговец не похож на человека, который умеет делать девушкам приятное... Может он уже тебе больно сделал?

— Да ну тебя, — надулась я, даже как-то обидевшись за своего парня. — Не путай его с Хоуком. Фрино... в общем... ну... был очень нежен...

Фрино весело фыркнул и скрестил руки на груди.

— Видишь, — сказал он. — Клиентка довольна аристократом-работорговцем.

— Кстати о Хоуке, — решила я поддеть подругу в ответ. — Встречный вопрос. А он тебе больно не сделал случаем? А то у меня, знаешь ли, меч есть. Мне даже отрывать не придется — чик и отрежу...

— Ты про уточнение с болью, которая нравится, не забывай... Но вообще я и сама, если что справлюсь.

— Боль которая нравится? — переспросила я, заинтересованно глянув на Фрино. — Это вообще как? Такое бывает?

— Я тебе потом объясню, — было мне ответом.

Яна же посмотрела на Фрино почти благожелательно. Почти. А потом с серьезным тоном и лукавством в глазах обратилась ко мне:

— Тебе Эби, вообще повезло что я героически взяла на себя всю неприятную часть первого раза в невинном теле...

— Ну... — потупилась я. — Надеюсь, даже при том, что ты сделала это со зла и... было, наверное, больно... ты смогла получить от этого хотя бы немного удовольствия... если что — я на тебя не обижаюсь. Честно.

Яна улыбнулась и в который раз за это вечер обняла меня. Я обняла в ответ, после чего подруга наконец испарилась, оставив нас вдвоем.

Я обернулась. Фрино смотрел на меня, заинтересованно склонив голову немного набок.

— Ну что ж... — невесело улыбнулась ему я. — Кажется у нас сегодня будет долгий разговор, да?

— Моя комната в твоём полном распоряжении, — хитро улыбнулся он. — Но нам придется вспомнить о том, как прятаться. Иначе наши соседи не дадут нам поболтать. Уже готова от них отбиваться?

Хмыкнув, я предложила, прищурившись:

— Может тогда... ну ее твою комнату? Да здравствует любимый чулан?

— Эй, ты ведь вроде не ходишь на телепатию, — усмехнулся Фрино, подходя ближе и приобнимая меня за талию. — Где научилась мысли читать?

— Это называется взаимопонимание, — авторитетно заявила я. — А менталистка я ужасная.

— Знаю, — сказал он. — Ну и... ко псам всю эту магию, а? Сейчас все, чего я хочу — это удостовериться в том, что ты цела и невредима... и узнать все твои тайны.

— Ну, все не обещаю... но что смогу — расскажу, — пообещала я.

И этот потрясающей парень меня наконец поцеловал. Теперь уже не скрываясь, на законных основаниях. А потом был чулан, в котором я рассказала ему остатки нашей с Яной истории, общежитие, где Фрино еле-еле выцарапал меня у пытающегося задушить меня в объятиях Мрамора, и остаток ночи в обществе самого странного парня на свете.

Уснуть мне, правда, не удалось. Я все ворочалась, ворочалась и ворочалась, не понимая толком, что меня беспокоит. Вроде ведь все хорошо закончилось. Мы живы, помирились, даже секрет свой сохранили. И Яна вроде уже не так плохо относится к Фрино, что радовало меня безмерно. Но было у меня какое-то странное чувство, которое сложно передать словами.

И только отлежав все бока я поняла... что все еще чувствую ту дыру в пространстве высоко над нами. И с этим нужно было что-то делать...

Все-таки за эту чертову ночь героический подвиг я свершила. Моя мирная и в чем-то даже милая беседа с Фрино вполне на это тянула. Хотя... в начале я пусть и пересиливала себя, прикидываясь дружелюбной и на все готовой, но после всех этих взаимных подколов и смущения Эби сложно было по-настоящему не развеселиться.

Если так посмотреть со стороны, то не похоже, что Фрино прикидывается. Больше смахивает на взаимную, пожалуй, даже ванильную, влюбленность. Ну и пусть. То, что мне все не везло в любви, не значит, что с другими такого чуда не случится...

Должно же хоть что-то хорошее быть в нашей жизни.

— Может ты глаза все-таки откроешь? А то страшно мне, о прекраснейшая...

Глаза я открыла и удостоверилась, что телепортировалась куда нужно — в свою родную комнату. Кем-то прибранную, кстати, комнату, только валяется на моей кровати Эйнар в обнимку с Фраем. Вот интересно — куда подевались мои волосы, художественно разбросанные рядом со шкафом? Как-то я серьезно опасалась что этот фетешист их себе заграбастал на память. Но для собственного душевного спокойствия спрашивать я не стала. Только укорила Эйнара таким же ехидным тоном.

— А твой дружок, между прочим, терпеливо поджидал нас на холодном и жестком подоконнике.

— Куда мне до него, — зевнул Эйнар. — Предпочитаю терпеливо подждать на мягкой постели. Что уже беспокоится... не похоже было, что Рада собиралась вас исключить или даже просто отшлепать за такую выходку...

Он помолчал секунду, а потом вдруг вскочил, в возбуждении прошелся по комнате.

— Как тебе вообще это в голову могло прийти? Я и то держался от этого Хранителя подальше, не моего полета птица. Это же сам Ярэн Корн, в конце концов! Один из старейших магов и самых влиятельных Хранителей, несмотря на на скромную официальную должность. Его сеть “друзей” оплетает весь Альянс, даже на моей родине есть его люди.

— Это очень своевременная информация! — возмутилась я.

По крайней мере, какими бы талантами дурить голову Ярэн Корн не обладал, но в ситуациях, требующих быстрых и боевых решений, он был не силен — к нашему с Эби счастью.

— Ты же не спрашивала. А ведь даже подумать не мог, что ты свяжешься с человеком с такими гадкими усами... и плешью, — Эйнар поморщился с вполне искренним отвращением и, чуть помедлив, жадно спросил: — Это хотя бы было... познавательно?

Я прекрасно поняла, что этот интриган имел ввиду.

— Не то слово. Познавательно и безумно интересно. У Ярэна Корна есть чему поучиться.

Эйнар выглядел заинтересованным, но требовать подробностей он пока не стал. Вместо этого неожиданно спросил.

— Как твое имя?

Ну что же, раз я благородно позволила разболтать все Фрино, то и от его друга скрывать смысла нет.

— Яна, конечно. Все элементарно, Ватсон. Запретная магия перемещения душ, насильственно к нам примененная.

Мне показалось, что Эйнар такого ответа и ожидал. Но все равно расстроился. От того, что не догадался? Скорее от того, что не нравилась ему бедное мое настоящее тело — чисто эстетически. Ну и к лучшему — не стоило усложнять наши и без того странные отношения.

— Как бы грубо ты меня не обозвала сейчас — заслужил, — сокрушенно пробормотал он. — Даже то, что я и предположить не мог о существовании магии такого рода, не оправдывает мою неспособность соотнести столь очевидные факты... Вы ведь даже не притворялись толком. Но кто это сделал? Тот демон? Нет, вряд ли... стар и немощен он для таких фокусов. Только не говори, что наша глубокоуважаемая ректор постаралась? И для че...

— Тссс, — замотала я головой. — Послушай, я все тебе расскажу и даже проконсультируюсь кое в чем... Но сначала...

Я чувствовала, как ко мне собираются в гости... совсем уже рядом.

Я глубоко вздохнула и сказала всем сразу — от чистого сердца.

— Спасибо.

Эйнар искренне не понял. Уставился на меня с подозрением.

— Фрино болтал, что ты был инициатором нашего... спасения, — пояснила я..

— Ах это... — протянул он с едва заметным оттенком самодовольства. — Совместное творчество. Нельзя было ничего не предпринять, когда твои эмоции мешают заснуть.

— Я не нарочно. И разве мы не отключали наши браслеты? Зачем нам в повседневной жизни эмоции соседей? — многозначительно уставилась я на Эйнара...

— Так и было, пока я не решил узнать твой настрой во время откровений с подругой. А потом, как это всегда с тобой бывает... что-то пошло не так и отключить их не удалось.

— И тем самым праздник был для нас испорчен, — раздался из-за моей спины голос Юз.

Толпа за моей вечно незапертой дверью все-таки решила прекратить просто подслушивать, все в комнату зашли. Я обернулась.

Юз ведь говорила так надменно. Юз как никогда была рада меня видеть.

Как и остальные: Мэт и Кальц, Брусника и Альбо... последние отчего-то выглядели пристыженными.

Я не ожидала помощи там, в подземельях. Просто пыталась подбодрить Эби. Разве что на секунду вспыхнула надежда, когда только вспоминала про браслеты. А потом я вспомнила, что мы вовсе не друзья. Что мы просто работаем в команде ради общей цели... Даже не общей — я же хотела их просто использовать.

И я сама не заметила, как все изменилось.

— Не смотри на нас так растроганно, — с притворным ужасом воскликнул Мэт. — Это же для нас... как там Эйни говорит?

— Когнитивный диссонанс! — одновременно с Эйнаром ответил Кальц.

— Ну извините, — фыркнула я. — Могу посмотреть и как на команду идиотов, которые кинулись за своей идиоткой-командиршей в самое пекло. А могу еще рационально оценить ситуацию — неплохая ведь тренировка перед финальным туром вышла, скажите?

Вспомнив на ходу о соревновании, я внутренне застонала. Может, все-таки его отменят, раз мы от одного из судей избавились... или хотя бы перенесут. В ближайшие сутки я больше ни на какие свершения не способна. К Кристаллу прикасаться в любом случае я не собиралась... И никому из своей группы тоже не позволила бы это сделать — правду бы рассказала, пусть вряд ли это Рада одобрит, но не позволила бы. А вот сразиться с группой

Эби, узнать, кто лучше, Фрино там поколотить на законном основании, я бы хотела. Но как-нибудь... попозже.

— Так ты не знаешь? — удивленно вскинула бровь Юз. — Официального объявления еще не было, но Дженни только что сообщила...

— ... что веселье отменяется, — печально и обреченно вздохнул Мэт.

— Серьезно?! — не менее печально, но куда более возмущенно, воскликнул Эйнар. — А как же мои планы утереть Фрино нос? Это нам наказание, да? Не стоило громить подземелья замка...

— Вообще-то, брат мой, это награда, — весело сообщил Кальц. — Причем обеим группам, проявивший невиданный героизм и смекалку.

— Победила дружба, — несмело улыбнулась Брусника. — И всем нам накинут баллы... но только я их не заслужила... я же вообще все проспала!

Она бросила обиженный взгляд на Кальца. Понятно теперь, почему она такая смущенная — пока все воевали, отдыхала после приятной ночи.

— Тогда ты тут самый разумный человек и точно заслуживаешь награды, — подмигнула я Бруснике. — Но вообще — вот отстой, а?

Все со мной были относительно солидарны.

Но какой все-таки это риск для Рады. Как она собирается представить такой финал соревнований Хранителям? Мы решили наградить всех, кто приложил руку к победе над вашим коллегой... Ну-ну...

— Нам зато обещали какие-то подарки, — оживился тем временем Альбо. — Кристалл же — того. Так ректор сказала. Что мы, вандалы, его взорвали, покалечили, надо настраивать. Так что останемся без желания.

Вот и слава Богу. Не знаю, самовосстановился он от притока магии или и правда “настроили”, но Кристалл явно нормально себя чувствовал, когда я закрывала в подземелье вход в новый мир. Видимо, Раде Тарвиус просто больше не было резона приманивать нас с Эби исполнением желания... Хотя все с ним связанное было таким мутным, что требовало размышления на трезвую голову. А я уже еле-еле на ногах стояла. Словно — или буквально — почувствовав это, одноклассники стали тактично расходиться — кто с добродушными пожеланиями сладких снов, кто с дружескими язвительными подколками.

Эйнар было задержался — его явно тянуло на серьезный разговор. Но, оценив мое состояние, издеваться не стал, а просто сбегал в свою комнату и принес мне... обычный с виду ловец снов. А на деле артефакт, чтобы приятно, наконец, выспаться, без всяких кошмаров и лишних мыслей.

Что ж... очень кстати. Ведь перед тем как начать эту тайную битву за магию и возможность самой решать свою судьбу, нужно было хорошенько отдохнуть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net